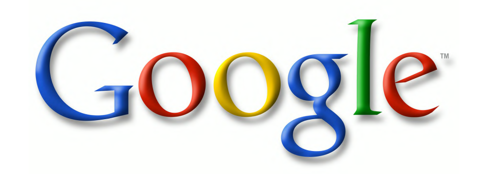

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Antonin, Archimandrite

ПОѢЗДКА ВЪ РУМЕЛІЮ.

Архимандрита **АНТОНИНА**.

Члена Сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1879.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

31-го Октября 1879 г. Секретарь *Н. Помяловскій.*

ПОѢЗДКА ВЪ РУМЕЛІЮ.

Константинополь. 1 Мая 1865 г. [1]) Суббота.

Что такое: Румелія? *Рум—илй* значитъ: *страна Римлянъ* или точнѣе *Ромеевъ*, т. е. Грековъ — по турецкому словоупотребленію, короче бы сказать: *Греція*, если бы около 40 лѣтъ уже подъ этимъ названіемъ не была извѣстна Европѣ одна только южная оконечность Румеліи. Не смотря на происшедшій въ 30-хъ годахъ сего столѣтія политическій переворотъ въ „Римской землѣ“, постоянно учащіеся и ничему не научающіеся владѣтели ея фатально продолжаютъ называть ее старымъ иминемъ, давая тѣмъ даровой поводъ всякому, кто заинтересованъ въ дѣлѣ, смотрѣть на Румелію со всякой другой, только не турецкой, точки зрѣнія; заинтересованы же тутъ, конечно, прежде всего Римляне, именемъ коихъ зовется страна. Гдѣ же эти преславные и презнаменитые собственники не принадлежащаго имъ владѣнія? Въ ... исторіи! такой отвѣтъ, кромѣ остроты, заключаетъ въ себѣ и положительный смыслъ — рѣзкаго политическаго оттѣнка, выгодный многимъ на Востокѣ, въ томъ числѣ и Турціи. Не знаемъ только, на-

[1]) Позднее появленіе въ печати настоящаго труда одного изъ русскихъ старожиловъ Востока зависѣло отъ цѣлаго ряда причинъ, не имѣющихъ интереса для читателя.

сколько онъ приходится соотвѣтствующимъ возлагаемымъ на него различнымъ надеждамъ... Духъ времени старается, на сколько можетъ, игнорировать этого троянскаго коня. Онъ выѣзжаетъ на политическую арену на другихъ любимыхъ своихъ конькахъ — фактѣ и силѣ. Гдѣ не возметъ однимъ, беретъ другимъ. Къ исторіи же прибѣгаетъ уже тогда, когда замѣтитъ, что коньки-то не вывозятъ его туда, куда нужно. Ибо — на бѣду или на счастье — и исторія есть тоже фактъ и тоже сила, и порознь и вмѣстѣ, смотря по тому, кто чего въ ней поищетъ. А искать въ ней того или другаго есть кому на Востокѣ. То, что для постороннихъ зрителей сего, таинственнаго своими судьбами (и именемъ), Востока можетъ казаться одною умственною забавою, невинною игрою въ давно отжившія понятія, преданія, имена и лица, для мѣстныхъ дѣятелей представляется дѣломъ первостепенной важности, чуть не вопросомъ жизни. Гдѣ не чаешь, встрѣтишься съ „патріотизмомъ“ такого склада, цвѣта и закала, о какомъ и понятія не имѣлъ дотолѣ. Туристу, разъѣзжающему по восточной окраинѣ Средиземнаго моря съ цѣлію, какъ говорится, „людей посмотрѣть и себя показать“, можно совѣтовать избѣгать бесѣдъ со „встрѣчнымъ и поперечнымъ“ объ отжившихъ, по общему убѣжденію, предметахъ древней исторіи и даже миѳологіи. Мы не можемъ забыть, какъ одна, самая невинная, шутка на счетъ доблемужества (ἀνδραγάθημα) пресловутаго Иракла (Геркулеса) при дворѣ царя Авгія вызвала однажды совсѣмъ нежданную вспышку въ одномъ „патріотѣ“, замѣтившемъ горячо: *наши* Ираклы по крайней мѣрѣ очищали, что́ могли, а *ваши* только гадили въ исторіи. Не даромъ такая запальчивость. Это говоритъ претендентъ на какое нибудь историческое или географическое наслѣдство „Восточное“. Есть немалочисленные наслѣдники и громкаго имени *Римскаго*. И, по странной случайности, именословныя права ихъ на наслѣдство находятся въ обратной пропорціи съ дѣйствительными. Имя *Римлянъ* — Romani — фактически досуществовало до нашего

времени только въ *Румынахъ*. Но, конечно, никому въ голову не придетъ считать Румелію практическимъ достояніемъ *Влаховъ*, пусть даже — *Даковъ* (а по нашимъ изслѣдованіямъ — *Печенѣговъ*), хотя подъ названіемъ *Куцо-влаховъ* и *Цинцаръ* ихъ можно встрѣтить, говорятъ, въ раздробь по всей Румеліи. Другими, прямыми — по метрическому, такъ сказать, свидѣтельству, наслѣдниками „Римской Земли" моглибъ быть народы присноnамятной *Римской Имперіи*, переходившей въ теченіи вѣковъ съ мѣста на мѣсто изъ Италіи во Францію, изъ Франціи въ Германію (заглянувшей даже въ Испанію), и досуществовавшей съ грѣхомъ по поламъ до текущаго столѣтія. Но и эта „калика перехожая" въ 1804 г. скончалась и торжественно погребена Европою, по приказу тогдашняго ея диктатора. Настоящихъ, документальныхъ „римлянъ" такимъ образомъ не стало. Но, упомянутые выше, ничему не научившіеся арендаторы Востока, кромѣ слова *Рум-или*, къ счастію имѣютъ еще другое, за которое крѣпко и ухватились-было въ достопамятный 1853 годъ, и продолжаютъ держаться доселѣ. Это ходячее и оффиціальное въ Турціи слово есть: *Рум-милети* т. е. *родъ* или *народъ: Румъ*, представляющій собою если на преимущественную, то во всякомъ случаѣ — существенную часть Турецкой державы. Въ немъ заключается неоспоримый документъ народа *Румъ* = Ῥωμαίων = Romanorum на право владѣнія Румеліей — по юрисдикціи буквы и фатальной Турецкой практики. Только опять бѣда. Въ настоящее время оказывается существующимъ не въ исторіи уже, а въ географіи, изучаемой всею Турціей, королевство *Румъ*, которому имя его служитъ отличною посылкою къ почетному безъ намека, политическому силлогизму. Не беремся судить, на сколько онъ пріятенъ и вожделѣненъ властителю Румеліи „Великому Турку", какъ его называли въ средніе вѣка. Можетъ быть онъ, въ своемъ величіи, совсѣмъ и неразсуждаетъ о такой мелочи. Нигдѣ на свѣтѣ такъ не чтится и не вѣруется любимое божество лѣности и неспособности — fatum, какъ въ Турціи.

Тамъ есть *Румъ*, а здѣсь есть *Рум-илй*, думаетъ фатопоклонникъ. Ну, чтожъ? Значитъ, такъ и быть должно. Остается быть покойнымъ... до радостнаго утра! А если бы онъ хотя мало сдвинулся съ своей точки зрѣнія, то въ fatum прочиталъ бы, можетъ быть, только factum его собственнаго произведенія, который можно толковать до того различно, что при небольшой изворотливости схоластики, Румеліи не останется и помину при этомъ, а изъ мрака, нагнаннаго ея именемъ, возникнутъ *Мисія*, да еще и не одна, *Иллирикъ* и *Норикъ*, *Ѳракія* и *Дакія*, *Мигдонія* и *Македонія*, *Пеонія*, *Пелагонія*, *Бизалтика*, *Халкидика* и несчетное множество другихъ именъ и прозваній, и вѣроятно даже простыхъ прозвищъ, хорошихъ уже тѣмъ, что ихъ много... Но — учить своего компатріота (по *Туркестану*) мы не будемъ. Тотъ, кто его послалъ и, такъ сказать, навалилъ на Востокъ, зналъ и знаетъ, что̀ дѣлать, и не безъ Его конечно намѣренія, по крайней мѣрѣ — соизволенія, существуетъ до нашихъ дней такъ называемая *Румелія*, столько вѣковъ привлекающая къ себѣ взоры востока и запада, сѣвера и юга. Кто тамъ не бывалъ изъ великихъ дѣятелей историческихъ? Ксерксъ, Александръ, Пирръ, Антіохъ, Миѳрадатъ, Цезарь, Константинъ, Аттила, Святославъ, Барбарусса, Баязидъ... и столько другихъ славныхъ воителей и завоевателей ходомъ ходили по перепутной Румеліи. Пытаюсь рисовать ее себѣ воображеніемъ по періодамъ, если уже не по вѣкамъ, держа передъ глазами историческія карты *Целлярія*, *Крузе*, *Шпрунера* и еще кое-кого. Что за хаосъ именъ и пограничныхъ дѣленій! И не перечтешь всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ и народцевъ, въ разныя времена пестрѣвшихъ на *балканскомъ*, какъ теперь его зоветъ географія, полуостровѣ — отъ всесвѣтной Македонской до микроскопической Черногорской державы. Сколько различныхъ языковъ въ разныя времена слышалось на пространствѣ нынѣшной Румеліи, и до селѣ еще слышится! Какихъ религій тамъ не перебывало! Какихъ орудій убивать ближняго ни за что ни прочто не перепробовано!

Какихъ кровопролитнѣйшихъ сраженій не видѣла и не вынесла на себѣ историческая почва!!

Всѣ эти восклицательные знаки имѣли для меня послѣдствіемъ своимъ одинъ вопросительный: не побывать ли въ такой, полной археологическаго интереса, странѣ? Отвѣтъ на это условливался двумя обстоятельствами: позволеніемъ и, такъ сказать, произволеніемъ. Первое естественно должно было предшествовать послѣднему, и, по особеннымъ соображеніямъ, не представляло въ себѣ ничего, надъ чѣмъ бы можно было задуматься. По второму предстояло пройти черезъ цѣлое горнило помысловъ.

Отличное дѣло — прокатиться по Румеліи отъ моря до моря, но для этого требуются: крѣпкое здоровье, туго набитый кошелекъ, значительная доля храбрости, терпѣнья и умѣнья и наконецъ — достаточная ученая подготовка, чтобы къ ожидаемому не почерпаемому dulce примѣшивалось хотя маленькое utile. Рискнуть на поѣздку, запасшись однимъ *Изамберомъ* [1]), можно было конечно, но за то слѣдовало проститься съ мыслію вынести изъ нея съ собою какія нибудь „замѣтки", „записки", „очерки" даже простыя „путевыя впечатлѣнія", достойныя печатнаго слова. Широкій *Ротъ* [2]), пожравшій столько моихъ денегъ за разныя, большею частію до сихъ поръ неразрѣзанныя, иностранныя книги, отрекомендовалъ, но отказался доставить, мнѣ подробный дорожникъ нѣкоего Ami Boué всей Европейской Турціи. За то попались недавно въ руки „Les Turcs" греческаго туриста — стратегика *В. Николаиди* [3]), проѣхавшаго всю Румелію вдоль древней Via Egnatia,

---

[1]) Itinéraire déscriptif, historique et archéologique de l'Orient par Adolphe Joanne et Emile Isambert. Paris. 1861.

[2]) Въ близкомъ кругу нашемъ такъ титуловался константинопольскій книгопродавецъ Roth, такъ часто докучавшій намъ своими долговыми счетами.

[3]) Les Turcs et la Turquie contemporaine... par B. Nicolaidy, capitaine de génie au service de la Grèce. Paris. 1859.

и съумѣвшаго обратить (цѣлыми селами) Болгаръ въ Грековъ на томъ законномъ основаніи, что Турки вообще всѣхъ православныхъ зовутъ Греками (Румъ). Если присовокупить къ этимъ пособіямъ *Целларія* съ *Певтингеровою картой*, да выдержки изъ Oriens christianus и двухъ-трехъ *Византійцевъ*, то вотъ и весь мой книжный запасъ, которымъ пришлось бы воспользоваться при возможной попыткѣ поставить на ноги исторію того или другаго прославленнаго мѣста. Двѣ карты Европейской Турціи — нѣмецкая *Киперта* [1]) и болгарская, очевидно передѣланная изъ кипертовой, дополняли мою дорожную библіотеку.

црь-градъ. 4 Мая 1865 г. Вторникъ.

Все вышеписанное надумано было мною вчера и третьяго дня, подъ вліяніемъ расказовъ о *Румеліи* одного „родолюбца" книгоноши, румелійскаго уроженца, въ тишинѣ уединенія у любимаго окна, изъ котораго открывается видъ прямо на *Св. Софію*, на Дворцовый мысъ, на портъ Византійскій и на гигантскій *Царь-городъ*, глубоко и широко разстилающійся внизу на югъ и на востокъ и представляющій восхитительную панораму зданій, зелени, воды, цѣлаго лѣса мачтъ, поминутно снующихъ лодокъ и цѣлыхъ пароходовъ, вѣнчаемую высокими горами на далекомъ горизонтѣ. Эти голубыя линіи, отдѣляющія долъ земной отъ выси небесной, принадлежатъ уже другой части свѣта, и другой половинѣ Турецкой Имперіи, которую въ соотвѣтствіе имени: *Рум-илй*, слѣдовало бы назвать *Тюрк-илй*, такъ какъ тамъ преобладающую стихію народонаселенія составляютъ Турки. А между тѣмъ зовется она оффиціально: *Анадолй*, т. е. Анатолй = востокъ. Словомъ этимъ открывается безконечная историческая перспектива,

---

[1]) Потомъ удалось достать большую карту Европейской Турціи, составленную австрійскими военными инженерами; несмотря на изящную отдѣлку, она далеко уступаетъ кипертовой въ точности.

отъ которой не отвелъ бы глазъ. Востокъ есть колыбель человѣчества. Довольно сказать это, что бы сдѣлать мысленный поклонъ въ ту сторону, „откуда свѣтъ истекъ“. Человѣку, любящему припоминать дни древніе и помышлять о лѣтахъ вѣчныхъ, нѣтъ пригоднѣе мѣста для этого, тоже въ своемъ родѣ умнаго, дѣланія, какъ *Византія,* отъ которой и безъ того на русскую душу вѣетъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ, но такимъ давнимъ, что теряются всѣ различительныя черты дорогаго образа, и остается въ душѣ одно общее представленіе чего-то неодолимо влекущаго, какъ память о матери у человѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ. Малѣйшую долю какъ бы лежащаго на мнѣ археологическаго долга передъ Востокомъ, я уже выполнилъ, посѣтивъ за три года передъ этимъ [1]) ближайшую къ мѣсту теперешняго наблюденія, окраину *Анатоліи,* и изблизи повидавъ тѣ, чарующія взоръ, очертанія снѣжныхъ горъ, которыми заканчивается юговосточный горизонтъ. Тѣмъ сильнѣе чувствовалась тяжесть другой половины (скромнѣе-доли) долга — посѣтить западную часть гостепріимной имперіи, вотъ уже пятый годъ дающей мнѣ затишный и, я справедливо бы могъ сказать, неоцѣненный пріютъ.

Пера. 7 Мая 1865 г. Пятница.

Изъ приведенныхъ выше соображеній наиболѣе внушительнымъ я считалъ параграфъ о храбрости, потребной несравненно въ большемъ, нежели сколько у меня есть, количествѣ для того, кто задумалъ бы странствовать по внутреннимъ, закрытымъ для воздѣйствія Европы, мѣстностямъ Турціи, а слѣдовательно и Румеліи. Вся гористая полоса ея за Адріанополь къ сѣверу и за Солунь къ западу мнѣ представляется однимъ сплошнымъ гнѣздомъ хищниковъ, которыхъ вся (и единственная) профессія состоитъ въ томъ, чтобы поджидать,

---

[1]) См. статьи мои: *Виөинія*, въ христіанскомъ чтеніи за 1863—5 годы.

ловить и обирать, а то и убивать, дорогихъ гостей, несущихъ имъ законную, и Богомъ внушенную — по ихъ понятіямъ, дань отъ своихъ избытковъ. Нужно нанимать себѣ конвой, придать лицу своему значеніе бо́льшее, чѣмъ есть и чѣмъ имѣть хочется, запасаться рекомендательными письмами, этикетировать съ разными властями, держать при себѣ переводчика, и пр., что все совершенно не по духу мнѣ, да и не по платью, если уже говорить всю правду. Какъ же быть? Оказалось — такъ, какъ бываетъ съ тѣмъ ловцомъ, на котораго звѣрь бѣжитъ, т. е. ухватиться обѣими руками за тотъ случай, который совсѣмъ неожиданно посылаетъ Богъ. Въ консульскомъ составѣ нашего посольства при Высокой Портѣ произошла перемѣна. Занимавшей до сихъ поръ консульскій постъ въ Битолѣ, г. X* получилъ переводъ въ Константинополь, а одинъ изъ чиновниковъ генеральнаго консульства здѣшняго, г. Я* опредѣленъ на его мѣсто. Оба чиновника собираются вмѣстѣ отправиться въ Битоль одинъ сдавать, другой принимать консульство. Можно ли было придумать что либо лучше сего для выполненія моихъ задушевныхъ желаній? На робкія освѣдомленія мои о пути въ самое, такъ сказать, сердце Румеліи, и главнымъ образомъ объ его безопасности, мнѣ коротко и ясно, и вполнѣ удовлетворительно было сказано, что такое оффиціальное лицо, какъ консулъ, можетъ въ сопровожденіи одного кабаса искрестить всю Европейскую Турцію благополучнѣйшимъ образомъ. Итакъ оставалось напроситься въ товарищи къ неустрашимымъ путешественникамъ и готовиться въ путь. Разумѣется, отказа не было. Даже и на счетъ того, какъ бы не оправдалось на насъ слово Премудраго: *кое причастіе горнцу съ котломъ? Сей приразится, и той сокрушится,* — на такомъ дальнемъ и длинномъ пути, послѣдовало успокоительное завѣреніе, что вся компанія — болѣе или менѣе — будетъ состоять изъ *горнцевъ,* да уже и подержанныхъ, такъ что рискнуть кому нибудь, въ видахъ удальства, сокрушить свои кости едва ли придетъ охота.

5 Мая въ Среду ударили по рукамъ, двое съ *ихъ* и двое съ *нашей* стороны. Ко мнѣ присталъ одной, какъ говорится, масти со мною человѣкъ, страстный неохотникъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, давно порывавшійся повидать какъ живутъ на своей праотеческой землѣ любезные ему, единоплеменные сиромахи *Бугаре*, которыхъ ищутъ умственно и гражданственно подавить, не менѣе любезные, единовѣрные ѳеомахи *Грецы* или точнѣе *Грци*. Для меня такой заинтересованный наблюдатель страны, въ которую мы собирались ѣхать, былъ дорогою находкою. А если еще прибавить къ тому, что онъ владѣетъ пятью языками — въ томъ числѣ и болгарскимъ, — то можно назвать себя просто счастливымъ, имѣя такого, и столько приспособленнаго къ дѣлу, спутника. На упомянутомъ рукобіеніи условились было завтра же отправиться въ путь, воспользовавшись отходомъ въ Солунь дешеваго французскаго парохода. Но одна „треба", имѣющая совершиться въ посольской церкви непремѣнно 9-го Мая, задержала насъ вотъ чуть не на цѣлую недѣлю. За это время мы планируемъ предстоящую поѣздку на всевозможные лады. Карта балканскаго полуострова, можно сказать, не выходитъ изъ рукъ. Сложившіяся обстоятельства указываютъ намъ прежде всего неотложный путь моремъ до Солуня, и оттуда сухопутьемъ до Битоля. А далѣе — что? Здѣсь-то и открывается поприще празднощатательству фантазіи. Рѣшено было, во что бы то ни стало, заглянуть въ такъ называемую *Старую Болгарію* и побывать въ *Охридѣ*, откуда выбраться на Адріатическое море или черезъ *Эль-Бассанъ* (Albanopolis) въ *Дураццо* (Диррахій), или черезъ *Бератъ* (Велеградъ) въ *Авлону*, гдѣ и ожидать срочнаго Ллойдова парохода, который возвратитъ насъ въ Константинополь. Такъ поступить казалось намъ и проще и вѣрнѣе и — главное — экономнѣе. Но сердце не лежало къ этому направленію — и не знакомому и не занимательному и весьма небезопасному по причинѣ разбойническаго духа мѣстныхъ жителей, столько извѣстныхъ Албанцевъ или Арбани-

товъ. Болѣе манитъ меня къ себѣ путь сѣверный, полный историческаго интереса, на городъ *Призренъ,* когда-то столичный кралевства Сербскаго, на славный монастырь *Дечанскій,* хранящій въ себѣ мощи Св. *Стефана,* седьмаго изъ кралей Неманевой династіи, славнаго своими несчастіями, — на бывшій патріаршій городъ *Пекъ* или *Ипекъ,* — на знаменитую *Студеническую Лавру,* — на *Крагуевацъ* съ его скупштиной, и наконецъ — на *Дунай,* который вынесъ бы насъ въ Чорное море и затѣмъ въ нашъ несравненный *Воспоръ.* Послѣ неоднократныхъ въ подобномъ родѣ, такъ сказать, репетицій предположенной поѣздки, мы остановились наконецъ на добромъ правилѣ доморощенной русской философіи: „утро вечера мудренѣе". Подъ первымъ разумѣлось одно изъ тѣхъ, въ которое мы, насмотрѣвшись въ сытость на *Первую Юстиніану* и на омывающее ее *Лихнидское* озеро, по указанію обстоятельствъ, не сообразимыхъ въ Константинополѣ, изберемъ либо сѣверъ либо западъ.

Бей-Оглу. 9 Мая. Κυριακή.

Какъ вчерашнее: *Пера,* такъ сегодништее: *Бей-Оглу* суть разноязычныя названія одного и того же предмета, т. е. мѣстности, которая простирается далѣе (πέραν) предмѣстія: *Галата,* смотря на послѣднее изъ Константинополя, и на которой въ какія нибудь, не очень памятныя и совсѣмъ нестоющія памяти, времена обиталъ вѣроятно нѣкій „сынъ (*оглу,* а по знакомому намъ татарскому произношенію — *угланъ*) Бея". Если представится другое, болѣе вѣрное, объясненіе турецкаго названія роднаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, угла, мы не имѣемъ ничего противъ этого. Чѣмъ ни замарано негодное къ употребленію платье, все равно... Менѣе равнодушнымъ можно оставаться къ названію времени, чѣмъ мѣста, въ заголовкѣ. Во всемъ христіанскомъ мірѣ одни мы — русскіе — называемъ *Господній день* (= Κυριακή ἡμέρα, Dominica dies, etc.) *Воскресеньемъ.* Какъ и когда осмѣлились

мы сдѣлать это, стóитъ изслѣдованія. Правда, и другіе славяне не отстали отъ насъ, характеристично придумавъ для перваго дня седмицы имя *недѣли,* которое мы безхарактерно распространили на всю седмицу. Въ маленькихъ вещахъ этихъ, право, есть своя философія. Съ незапамятныхъ временъ, какъ видно, мы начали смотрѣть на себя, какъ на полновластныхъ распорядителей въ своей „избѣ". Какъ далеко зашли мы съ этимъ деревенскимъ принципомъ въ глубь церковной жизни, полагаю, всякій видитъ. Недалеко ходитъ за примѣромъ. Мы установили у себя праздникъ *перенесенія св. мощей Святителя Николая.* Сносились ли при этомъ со всею полнотою православной Церкви? Неизвѣстно, но весьма сомнительно. Недавно мы внесли въ ликъ Святыхъ Божіихъ Святителя *Тихона.* А увѣдомили ли объ этомъ *всю* церковь (τὴν καθ' ὅλου ἐκκλησίαν), т. е. *каѳолическую* церковь, именемъ которой хвалимся? И чего,.. чего мы не вводили у себя, ни мало не помышляя о томъ, что мы составляемъ цѣльную часть всего общества вѣрующихъ! Что же дивиться тому, что изъ всего православнаго міра у насъ однихъ оказался, живетъ и здравствуетъ позорный расколъ? Но... что толочь воду? Единственная польза отъ такого занятія — моціонъ — не вознаграждаетъ понесеннаго труда. Возвратимся лучше къ празднику *Св. Николая* — храмовому въ той церкви, гдѣ мы сегодня служили. Живущему на Востокѣ и въ частности въ Константинополѣ многое изъ церковной практики нашей должно представляться въ бóльшей живости, ясности и какъ бы близости. Кто читалъ *Синаксарь* (Прологъ), тотъ не могъ не замѣтить, что почти въ каждомъ сказаніи о Святомъ въ концѣ прибавлено, что память его совершается тамъ-то, въ такой-то церкви, что̀ все относится прямо къ Константинополю. Не мало было въ немъ въ старое время и посвященныхъ славному Чудотворцу храмовъ. Упоминаются — наприм. церкви имени его *Дворцовая* и *Влахернская.* Можно бы думать, что всемірная слава его началась именно съ Константинополя, т. е. явле-

ніемъ его здѣсь (еще при жизни) во снѣ императору Константину. Бывалъ ли самъ лично великій Святитель въ новой столицѣ имперіи, не можемъ сказать. Годъ блаженной кончины его неизвѣстенъ. Константинополь оффиціально сталъ именоваться съ 330 года. Послѣ Никейскаго Собора, можетъ быть христіаннѣйшій государь и показалъ всесвѣтному собранію епископовъ свою намѣченную *христіанскую* столицу Имперіи, которой епископъ имѣлъ уже преимущественное значеніе на Соборѣ, въ 325 году. Тогда и празднуемый нынѣ Святитель могъ видѣть и благословить предопредѣленное для толикой славы мѣсто. Какой-то несвидѣтельствованный разсказъ о немъ не усумнился, однакоже, и прямо поставить его въ Константинополѣ въ достойной его чудодѣйственной славы обстановкѣ. Въ силу его, Св. Николай, прибывши въ столицу ходатайствовать за свой епархіальный городъ, явился будто бы въ императорскій дворецъ въ видѣ убогаго странника, и, послѣ неласковаго пріема отъ слугъ, снявши самъ съ плечъ своихъ дорожній плащъ, повѣсилъ его, за неимѣніемъ другаго чего, на солнечный лучъ, проходившій изъ окна по передней... Кончая же свои дѣла здѣсь, отправилъ полученный отъ Царя въ пользу города Мѵръ указъ прямо въ свою епархію по морю, въ тростниковой дудкѣ... Всѣхъ сказаній о вселенскомъ по истинѣ Святителѣ вѣроятно наберется не на одну книгу. Въ далекой дали и въ отдаленной перспективѣ дѣтства припоминается мнѣ расказъ „тётушки" о томъ, какъ ономе́дни (или: коѐва́дни) въ деревнѣ *Притыкъ* къ одной бабѣ, полѣнившейся пойти на „богомолье" по случаю безведрія, пришолъ въ избу одинъ незнакомый старичокъ, и сказалъ: „а ты пошто не въ церквѣ?" Баба грубо отвѣчала: „а тибѣ што за дѣлю?" Но чуть она произнесла это, какъ нижняя челюсть ея отвалилась. Несчастная поняла, что имѣетъ дѣло съ Николой батюшкомъ, стала молиться и каяться, и изцѣлѣла. Сколько такихъ сказаній ходитъ по свѣту, не занесенныхъ на бумагу! Хотѣлось бы по крайней мѣрѣ то, что занесено, собрать

въ одно мѣсто, и пересмотрѣть. П. П. И праздникъ отпраздновалъ, и треба исполнена. Прибавлю: и Ami Boué достался въ руки, хотя и не тотъ, т. е. то именно сочиненіе ученаго туриста, какое имѣлось въ виду [1]).

12 Мая 1865 г. Среда.

Проводили сегодня всерадостный праздникъ Пасхи, и завтра собираемся въ дорогу. „Дешовый" пароходъ давно ушолъ, куда ему путь лежалъ. Намъ рекомендуютъ плыть на греческомъ, отправляющемся завтра вечеромъ въ нашъ путь. Наплававшись вдоволь на австрійскихъ и французскихъ пароходахъ, не говоря уже о своихъ русскихъ, я съ удовольствіемъ согласился сѣсть на греческій пароходъ или *пароплоегъ,* переводя точнѣе греческое слово: ἀτμόπλειον. Съ высоты своего наблюдательнаго пункта я уже не разъ разсматривалъ его въ зрительную трубу, отыскавъ его (по флагу) между десяткомъ другихъ пароходовъ, загромождающихъ безсмѣнно древнюю пристань Византіи, и прочитавъ даже имя его. Оно было: *Семь-островъ* (Ἑπτάνησος), данное въ честь такъ называемыхъ Іоническихъ островонъ, недавно присоединенныхъ къ Греціи. Это изъ самыхъ большихъ пароходовъ греческаго Пароходнаго Общества и ктомуже изъ самыхъ новыхъ, имѣетъ довольно изящную структуру, и, какъ увѣряютъ, весьма ходокъ. Вечеръ текущаго дня посвященъ былъ службѣ Божіей и сборамъ. Одинъ бывалецъ совѣтуетъ не минуть въ Македоніи древняго городка *Серсіи* (въ первый разъ мною слышимаго), гдѣ есть много остатковъ христіанской древности и надписей. Поваръ, съ своей стороны, рекомендуетъ заѣхать на его родину, зовомую: *Палё-пагонья,* въ переводѣ: *Старая Погонія,* знаменитую только однимъ его рожденіемъ, какъ тутъ

---

[1]) Имѣлось въ виду достать его сочиненіе: La Turquie d'Europe, въ 4-хъ томахъ, а пріобрѣтенъ его же: Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe, въ 2-хъ томахъ.

же дополнилъ одинъ острословъ. Съ трудомъ отыскавъ на картѣ оба мѣста, лежащія подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ широты, но одно при подошвѣ *Олимпа,* а другое въ подгоріяхъ *Пинда,* на разстояніи 200 верстъ другъ отъ друга и въ сторонѣ отъ всякой, возможной для насъ, дороги, я на отрѣзъ отказался отъ удовольствія видѣть ихъ. Пагонійца огорчило подобное обстоятельство. На вопросъ, чтоже у него тамъ есть особенно замѣчательнаго, обиженный живо отвѣчалъ: какъ, что? *Все!*.. Такое ultra-патріотическое утвержденіе развеселило собесѣдниковъ, вообще нѣсколько мрачно настроенныхъ. Поѣздка предполагалась срокомъ на мѣсяцъ, а въ разговорахъ промежъ себя не затруднялись отодвинуть предѣлъ ея и на два мѣсяца. Нужно было, потому, не мало кое-чего привести въ порядокъ на мѣстѣ, и даже написать — на всякій случай — родъ завѣщанія, хотя, опричь нѣсколькихъ сотенъ книгъ, да съ полдесятка оптическихъ инструментовъ, и нечего было росписывать.

Эптанисъ. 13 Мая 1865 г. Четвертокъ.

Заботы разныя не давали заснуть до самаго почти утра. Онѣже, когда заснулъ, тревожили покой мой представленіемъ моря, бури, крушенія и избавленія отъ неминуемой смерти весьма простымъ, хотя и оригинальнымъ, способомъ — рѣшеніемъ проснуться. День былъ настоящій Майскій, — тихій, теплый, грозившій къ полудню, пожалуй, стать знойнымъ. Напутствовавъ себя молитвою въ посольской церкви по случаю праздника Вознесенія, мы съ спутникомъ дѣлали прощальные визиты. Изъ Греческаго Агенства принесены были пароходные билеты, взятые до Ѳессалоники. Что-то въ родѣ раскаянія или жалѣнія о принятомъ рѣшеніи странствовать вызвали въ душѣ эти невинныя бумажки. Въ своемъ мѣстѣ и въ собственной квартирѣ онѣ заставляли чувствовать себя чужимъ. Лѣнь, привычка и робость прямо протестовали противъ нихъ, внося въ сердце ни съ чѣмъ несообразное

уныніе. Живой и благодушный спутникъ, замѣтивъ мое раздумье, началъ перечислять точно по книгѣ: „Средиземное море... Олимпъ... боги... Александръ Македонскій... Болгаре... Юстиніанъ и Велисарій... древніе монастыри... надписи... мемвраны“... Онъ зналъ мою антикварную слабость, и ловко заманивалъ меня въ подкращенную ловушку. Расчетъ, конечно, былъ вѣренъ. „Мемврана“, т. е. книга, писанная на кожѣ или пергаментѣ, имѣетъ для меня неотразимую прелесть. Съ того времени, какъ я познакомился съ мемвранами, верхомъ благополучія мнѣ кажется открытіе въ какой нибудь безвѣстной кладовой какого нибудь разрушеннаго монастыря или замка цѣлой кучи мемвранъ, писанныхъ унціаломъ I—III христіанскаго вѣка, если это письмо греческое, и X—XII вѣка, если оно — славянское. А въ *Старой Болгаріи* такихъ монастырей, говорятъ, непочатый уголъ.

Было уже 2 часа по полудни. Въ 4 пароходъ отходитъ. Нечего, значитъ, медлить. Истертый чемоданъ, не такъ давно побывавшій подъ 60° сѣверной широты и 81° восточной долготы, уже отправился на спинѣ хамала [1]) погулять еще по бѣлу-свѣту подъ другими, менѣе пугающими, градусами. Вскорѣ и мы послѣдовали примѣру своего багажа. 100 разъ пересчитанныя, 105 ступенекъ крылечныхъ уже стали между мною и моимъ жилищемъ. „Поздравляю съ пріѣздомъ“, говоритъ мнѣ провожатый, ища развеселить меня. — Куда же? — Въ *Румелію*, конечно, — во Ѳракійскій городъ: *Перу*, не извѣстный ни *Страбону* ни *Птолемею*. — Острить человѣку было сподручно, потому что онъ укладывалъ незадолго передъ тѣмъ въ сакъ-вояжъ обоихъ писателей-географовъ. При выходѣ изъ „Москов-Серая“ встрѣчается намъ почтенный сосѣдъ, „по бородѣ — Патріархъ“ (года за два передъ этимъ

---

[1]) Турецкое названіе переносчика тяжолыхъ вещей, взятое вѣроятно изъ греческаго языка, гдѣ есть похожее слово: χαμηλὸς или χαμαλὸς. Впрочемъ, еще прямѣе слово объясняется изъ арабскаго языка, гдѣ *Гхямель* значитъ: несущій бремя.

объявившій мнѣ торжественно, что „25 лѣтъ — срокъ духовенству“) — Куда это васъ?.. — спрашиваетъ онъ, глотая конецъ фразы. — Что: васъ? Богъ несетъ? или: насетъ нелегкая? въ свою очередь спрашиваемъ мы. — Эхъ вы, неисправимые! — отвѣчаетъ русскій Мефистофель — все у васъ Богъ да Богъ! Не бось у Бога — то и кромѣ васъ не мало дѣла. — Такая отличная сентенція была послѣднимъ напутіемъ намъ на твердой землѣ. Со „скалы“ Русскаго Агентства мы сѣли въ лодку и направились къ „Эптанису“. Послѣобѣденный вѣтеръ взволновалъ зыбкую стихію, и мы не безъ труда взобрались на трапъ парохода. — Ну вотъ мы и въ Греціи! Какъ скоро! — восклицаетъ все тотъ же индюкоплевстъ, какъ окрестилъ его товарищъ и соперникъ его по краснорѣчію. — Греція не диво. А вотъ я вамъ докажу, что мы въѣзжаемъ уже въ сердце Франціи! — Географъ, произнесшій слова эти, вытащилъ изъ кармана бутылку шампанскаго. „Гарсонъ“ Іоніецъ подалъ бокалы, и мы чокнулись за благополучное возвращеніе къ мѣсту благополучнаго отправленія,... съ гостинцами, конечно, подъ которыми разумѣлись, какъ оказалось, доброе здоровье и, приписанное намъ въ видѣ прощальнаго комплимента, не возмутимое благодушіе. Спасибо на добромъ словѣ! Послѣ дружескихъ изліяній переполнявшаго душу чувства наступило грустное прощаніе. Съ нырявшей въ зеленовато-сѣрыхъ волнахъ лодки еще махали вдали платками, какъ подвернувшійся пароходикъ Босфорскій заслонилъ отъ насъ все, что было впереди.

Море опасный товарищъ. Побратавшись съ нимъ, неминуемо, думаю, держать при себѣ страхъ смерти. Правда, что реформаторъ міра, паръ, уменьшилъ значительно этотъ страхъ, и даже, какъ говорилъ мнѣ одинъ мореходъ, научилъ совсѣмъ не думать о смерти, для которой столько причинъ и поводовъ на безопасной сушѣ. Но, если не прямо страхомъ, то какимъ-то безотчетнымъ уныніемъ охватываетъ неотразимо душу зрѣлище безпредѣльнаго, однообразно волнующагося

моря. Какая-то оставленность, сиротство, чуть не обида со стороны прочаго міра, чувствуются въ сердцѣ у человѣка, ввѣрившагося безсердечной, неумолимой и своенравной стихіи. Страхъ-тò, или тоска западають въ душу, только первыя минуты пребыванія моего на пароловѣ эллинскомъ не веселы. Развлекаюсь движеніемъ подплывающихъ и отплывающихъ лодокъ, сдающихъ пассажировъ на палубу *Эптáниса*. Высокій „Серай Московскій", отчасти прятающійся за прибрежнымъ лѣсомъ мачтъ, тоже не сходитъ съ поля зрѣнія. Пять оконъ его третьяго этажа, обращенныя на югъ и завѣшенныя теперь, на время отсутствія хозяина, шторами, шлютъ душѣ не прошеную память тоже цѣлаго ряда оконъ завѣтнаго дома отчаго и оставляемой на пригоркѣ, за поилицей *Солодянкой*, родной семьи, пригорюнившейся и пристально смотрящей на увозимаго въ школу „бѣднаго парня". Бѣднымъ-то пожалуй и за правду можно было назвать его въ то, не веселое для него, время. Наука (Латинская и Греческая долбня) не давались „парню". Въ классѣ [1]) онъ си-

---

[1]) Дѣло идетъ о Д...мъ духовномъ училищѣ 1825—30-хъ годовъ. Начальникъ его былъ завзятый латинистъ. Школьные дни недѣли дѣлились на *Латинскіе* и *Греческіе*: Понедѣльникъ, Среда и Пятница — Латинскіе, остальные — Греческіе. Въ стѣнахъ класса ученики обязаны были въ Латинскіе дни говорить по латыни, и тому, кто проговаривался по русски, всучивался въ руки calculus. Всѣхъ, у кого онъ побываетъ за день, вносилъ «цензоръ» въ «записку», и ожидала неминуемая расправа *у порога*, характеризуемая именемъ «березовой каши» и пр. Передъ классомъ всѣхъ учениковъ выслушивали «авдитора», и отмѣчали въ «нотатѣ» знающихъ буквами: *s* (ciens) и γ (ινόσκων), ошибающихся: *er* (rans) и ἀμ (αρτάνων), худо знающихъ: *nb* (non bene) и οὐκ (οὐ καλῶς), со всѣмъ незнающихъ: *ns* (nesciens) и οὐχ (οὐχί). *Несцитовъ* всегда и *Энбеевъ* почти всегда «поролъ» учитель. *Еранцовъ* и *Амартáновъ* переслушивалъ, и ставилъ «на колѣни» или на мѣстѣ, или тоже «у порога». Случалось, что переспрашивалъ и *Сцитовъ* съ *Гиноскáми*, и горе авдитору, если они оказывались помѣченными выше своихъ дѣйствительныхъ успѣховъ. Авдиторы въ свою очередь тоже «слушались» у другихъ, подслушныхъ другимъ авдиторамъ. Не безъ того, что бывали и злоупотребленія властью со стороны этихъ тиранчиковъ, въ родѣ прижимокъ, потачекъ и негласныхъ поборовъ хлѣбомъ, бумагой, перьями, бабками. Между одноавдиторниками бывало такого рода соревнованіе, что невыучившіе «урока» мѣшали всячески выучившему отвѣтить передъ авдиторомъ хорошо. Пишущій сіи строки цѣлые

дѣлъ „низко“, къ злоименному „порогу“ ходилъ часто, „безъ обѣда“ оставался чуть не по седми разъ на недѣлѣ, въ „нотатѣ“ почти постоянно значился подъ іероглифами NB и δК, въ рѣдкость — ЄR и AM, и почти никогда — S и Г, — до того, что наиболѣе тужившій о немъ, имя рекъ помышлялъ уже взять „тупицу“ изъ школы, и будущаго археолога обратить въ борноволока.∴ Давно все это было, и очень далеко отъ Византіи, которую и тогда лѣнивый умъ, впрочемъ, уже ловилъ подъ всякимъ подходящимъ образомъ, а наука, вооруженная „лозой“ и „безобѣдомъ“, постоянно искала закрыть отъ воображенія, подставляя ему, вмѣсто свѣтлаго видѣнія, мрачный урокъ, урокъ, и больше ничего! Какое-то чудовище, стучащее и пыхтящее, какъ бы уразумѣвъ ходъ моихъ мыслей, ищетъ вотъ и въ настоящія минуты заслонить отъ меня, уже тѣлесно и самолично стоящую передо мною, Византію. Это былъ — Ллойдовъ *Плутонъ,* тоже собиравшійся выйти въ море, и поворачивавшійся не совсѣмъ вѣжливо передъ нашими *Седмью-островами.* Какъ будто даже что-то презрительное замѣтилъ я при этомъ въ немъ по отношенію къ своему сосѣду. Итало-нѣмецкое пароходное общество, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно нѣсколько свысока относится къ эллинскому, чуя въ немъ себѣ соперника не дюжиннаго разбора. Когда заводилось послѣднее общество, помнится мнѣ, была рѣчь въ Греціи о томъ, что Ллойду дадутъ, выражаясь по гречески „башмаки въ руки“, т. е. предложатъ убираться съ Богомъ изъ водъ Греческихъ. Это исконьвѣчное соперничество Адріатики съ Архипелагомъ, Зевса съ Юпитеромъ, алфавитарія съ абецедаріемъ, однимъ словомъ: латинства съ гречествомъ нигдѣ такъ не дало себя знать, какъ тутъ, въ Византіи, — этомъ не впопадъ придуманномъ, *Новомъ Римѣ.* Византія почти ровесница заморской *Ромѣ,* которую,

---

два года не выходилъ изъ *уковъ* и *энбеевъ* только потому, что попалъ въ среду такихъ, для которыхъ и *е* (произноси: *je*) *рансъ* былъ предметомъ зависти.

конечно, не церемонилась въ свое время обзывать „варварскою". И вдругъ ей приходится, въ видѣ не знать какой чести, присвоить себѣ ея, уже довольно изношенное и дискредитованное имя, да еще и съ прибавкой новизны, т. е. какъ бы начинанія быть тѣмъ, чѣмъ стала та. Какъ бы то ни было, Великій Константинъ свелъ давнихъ соперниковъ. Востокъ и Западъ, такъ сказать, повѣнчались 11 Мая 330 года. Римъ и Византія вышли изъ подъ вѣнца *Константинополемъ.* Конечно, ничего лучше этого не придумалъ бы христіанинъ Императоръ для разшатавшейся державы Цезарей, но мнѣ думается, что въ критической „нотатѣ" дѣлъ его неумолимый аудиторъ все же не поставитъ ему ни Ѕ ни Г подъ сказаннымъ числомъ мѣсяца и года, а скорѣе помѣтитъ степень государственной исправности его скромнымъ ЄR. Погрѣшилъ тутъ собственно не императоръ лично, а наслѣдованный имъ порядокъ вещей. Памятный совѣтъ лорда Редклифа грекамъ, устроившимъ ласкательно знаменитому дипломату въ недавнія времена прощальный обѣдъ, постараться размножиться, годится не для однихъ нынѣшнихъ Грековъ. Его всякій имѣлъ право дать въ старое время Римской Имперіи. Высока была она конечно по всѣмъ измѣреніямъ геометрическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣдка или жидка, — сквозила вся. Ея едва хватало на Западъ. Для Востока требовалась такимъ образомъ другая вспомогательная стихія. Не нужно было отыскивать ея. Она была у всѣхъ на виду. Все восточное побережье Великаго Моря высматривало гречески, и представляло изъ себя даровую, такъ сказать, силу, за которую и ухватилась ослабѣвшая Имперія Латинская. Тутъ-то и вышелъ оный erravit! Сила-то была только перспективная, или и просто фиктивная. Греческая стихія была еще рѣже и тоньше Латинской. Обѣ вмѣстѣ онѣ казались не густымъ и сплошнымъ покровомъ, а скорѣе какимъ-то прозрачнымъ флёромъ, наброшеннымъ на существовавшую еще, по физическому закону „инерціи", но уже треснувшую по всѣмъ направленіямъ Имперію, сквозь кото-

рый (флёръ) можно было видѣть всю ея сколоченность и сшивность на живую нитку. Когда дѣйствительная сила устремилась на нее съ сѣвера и юга, искуственно сплоченное цѣлое разсѣялось передъ нею, какъ легкое облачко въ небѣ, и, давно уже въ разводѣ проживавшіе подъ именемъ Константинополя, Римъ и Византія преобразились, въ посмѣяніе всякой исторіи и филологіи, въ *Истамбулъ* т. е. „Въ — городъ" (εἰς τὴν πόλιν)!.. Вышелъ полный: nescit. Но... довольно издѣваться надъ историческимъ явленіемъ, послѣдствія котораго во все не смѣшны, и отзываются даже въ настоящія минуты горемъ и бѣдою и глубокимъ религіознымъ и соціальнымъ разладомъ между милліонами преемниковъ стараго порядка вещей.

Въ 4 часа раздался на „Эптáнисѣ" первый свистокъ. Другимъ знаменовался уже отходъ его. Круто поворотилъ онъ на право къ памятному *Халкидону* и *Принцевымъ* островамъ, а затѣмъ направился прямо въ *Пропонтиду*, по русски: въ *Предчорноморье*, по Турецкой картѣ (есть таковая. Пусть не сомнѣвается читатель!) въ *Мермеръ-денисй* т. е. въ *Мраморное море*, и потомъ вдоль юговосточной стѣны Константинополя, подставляя взору попеременно *Великую Церковь*, дворецъ *Вуколеонъ*, храмъ *Сергія* и *Вакха*, портъ *Θеодосіевъ*, *Студійскій* монастырь и въ самой оконечности — древній *Кикловій* съ *Золотыми Воротами*... Все это она — Византія робко заявляетъ о себѣ рядомъ памятниковъ своего славнаго прошедшаго. Конечно, большею частію ихъ нужно отыскивать, и, исключая дѣйствительно „великой" Церкви, все прочее разрисовывать воображеніемъ, чтобы приблизить къ идеѣ величія. Но для меня все, носящее на себѣ печать угасшей столицы христіанства, имѣетъ въ себѣ нѣчто, чарующее взоръ и мысль, — замѣняющее и размѣры протяженія и красоты изящества. Прощай ненаглядный образъ! Изъ Босфора вѣетъ холодный вѣтеръ, очевидно — нашъ сѣверякъ, Понтіецъ. Солнце садится и посылаетъ багровые лучи свои по всему Никомидійскому

заливу, слабо отражаясь на кучѣ упомянутыхъ, тоже *Седми островов*, сливавшихся перспективно съ высокимъ конусомъ *Авксентіевой* горы, до которой я до сихъ поръ не удосужился добраться. Мало по малу все позади насъ слилось въ одну сплошную массу сѣро-фіолетоваго цвѣта. — А вѣдь есть надъ чѣмъ задуматься, не правда ли? — спросилъ меня по гречески одинъ пассажиръ, кивая головой къ сѣверу, и отвѣчая, такъ сказать, на мои мысли. Да! ужъ если, завидѣвъ нашъ Кіевъ, весь превращаешься въ думу, то конечно не пожалѣешь головы для поклоновъ Царю-граду. Много разъ, странствуя тамъ и сямъ по Востоку, я нудился ставить себя въ положеніе грека, чтобы живѣе и, такъ сказать, первобытнѣе были тѣ впечатлѣнія, кои неслись на сердце отъ той или другой исторической мѣстности, совсѣмъ иначе, конечно, говорящей въ *родной* слухъ греческій, чѣмъ въ слухъ туриста, даже изслѣдователя-историка, даже отъявленнаго византиста, но чужеплеменника. Въ виду ли такого чарующаго зрѣлища, какъ панорама Константинополя, не пожелать на минуту стать грекомъ? Какое жгучее, болѣзненное, раздражающее и вмѣстѣ подавляющее, чувство должно возбуждать это видѣніе въ душѣ патріота, еще носящаго греческое имя, еще говорящаго языкомъ двѣнадцати Константиновъ, еще принадлежащаго къ той самой *Великой Церкви* (учрежденія, а не зданія), которая смогла досуществовать до его времени во всемъ, если не величіи, то отличіи своихъ древнихъ почтенныхъ формъ вѣровыхъ и дѣловыхъ! И все мнѣ думается, что мысль современнаго византійца, носясь по широкому пространству 15 вѣковъ его исторіи, ни на чемъ столько не останавливается, какъ на грустномъ и достоплачевномъ періодѣ паденія Восточной Имперіи, — на царствованіяхъ *Комниныхъ* и *Палеологовъ*. Наше доброе выраженіе: „съ чужа жаль“ знакомо мнѣ не по слуху только. Царь *Олекса* и царь *Калуянъ* когда-то были на Руси такими же ходячими именами, какъ въ недавнее время *Наполеоны*. Того, кто волей-неволей

сидитъ цѣлодневно у окна и смотритъ на нѣмой, но вопіющій обликъ Св. Софіи, и теперь, пожалуй, занимаетъ не столько Наполеонъ, сколько Палеологъ. Первый, не смотря на то, что еще продолжаетъ благополучно жить и преуспѣвать во всемъ, чего ни пожелаетъ, представляетъ изъ себя нѣчто рѣшонное и сведенное къ итогу. А послѣдній при всемъ томъ, что пересталъ слышаться уже 400 лѣтъ, все еще, кажется мнѣ, носитъ въ себѣ не разрѣшимую загадку. Я вѣрю, что невѣдомые пра-предки мои, при вѣсти о полонѣ Царя-града невѣрнымъ Салтаномъ, плакали, и думали въ тугѣ и кручинѣ, что наступили уже послѣдніе дни. Добрыя слезы! Трогающее отчаяніе! Я желаю остаться вѣрнымъ вызывавшему ихъ праотеческому благосердію. Конечно, безбожнаго Махумета я не проклинаю въ безплодной ярости, ибо знаю, что изъ множества славныхъ въ исторіи завоевателей онъ далеко не былъ ни самымъ жестокимъ, ни самымъ безумнымъ, ибо знаю, что онъ, вопреки фальшивымъ іеремiадамъ, не въѣхалъ на лошади въ Церковь Св. Софіи по трупамъ христіанъ въ сажень вышиною, и что кровь христіанская не лилась рѣкою изъ храма Божія по площади, а напротивъ знаю, что въ горестный день 29 Мая преславный храмъ часамъ къ двумъ по полудни былъ совершенно пустъ и разграбленъ — это правда, но не залитъ кровью, и что султанъ-завоеватель и иновѣрецъ, подъѣзжая къ нему, слѣзъ съ лошади, и пѣшій вошелъ во святилище. Величіе его поразило азіата. Увидавъ, что одинъ изъ турковъ ломаетъ въ одномъ мѣстѣ мраморъ, онъ спокойно спрашиваетъ: „зачѣмъ ты портишь полъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „изъ-за вѣры“. Отвѣтъ долженъ былъ понравиться варвару изувѣру. Вмѣсто того, султанъ ударилъ мечемъ единовѣрца и сказалъ: „довольно вамъ сокровищъ и плѣна. Зданія городскія принадлежатъ мнѣ“. Полумертваго грабителя за ноги вытащили изъ церкви. Можетъ быть это была единственная, пролитая въ тотъ день въ храмѣ Св. Софіи, кровь. За

тѣмъ султанъ взобрался на престолъ и помолился оттуда Богу, по своему уставу. Назову и я его, вмѣстѣ съ огорченнымъ историкомъ, за это „сыномъ беззаконія“ и „предтечею антихриста“, но не стану возводить на него напраслины. Довольно и дѣйствительности. Она была вполнѣ ужасна. Городъ стоналъ и вопіялъ стами тысячъ беззащитныхъ жертвъ неумолимой судьбы. Съ мѣста, гдѣ я переживалъ воображеніемъ всеплачевный день Византіи, я конечно не могъ бы слышать раздирающихъ душу голосовъ. Но, кажется возлѣ самаго уха шипѣлъ противнымъ диссонансомъ, почему-то очень знакомый, одинъ голосъ, не то бранившій, не то поощрявшій сражавшихся за Византію. Онъ принадлежалъ „кардиналу Исидору Сарматскому“. Утромъ вертлявый человѣкъ терся около *Палеолога* на городской стѣнѣ, а вечеромъ уже благополучно себѣ плылъ по Мраморному морю отъ новаго Рима къ старому. Москва таки имѣла своего представителя при паденіи Царя-града. Не веселѣе стало отъ этого. Напротивъ, къ физической тошнотѣ, возбуждаемой начавшеюся качкой, присоединилась еще другая, душевная. Да! плылъ онъ тутъ гдѣ-то, *Русскій кардиналъ,* улепетывая отъ бѣды, тоже въ одну изъ Майскихъ ночей. „Безбожный“ Махуметъ разрушилъ всѣ его унистическіе планы. Было о чемъ пожалѣть и покрушиться человѣку..: Подалѣе отъ такого, даже мысленнаго, сосѣдства! Я спустился внизъ и улегся на диванѣ прямо надъ винтомъ, мѣрно и однообразно стучавшимъ въ безднѣ. Въ 9 часовъ намъ подали „чай“, а въ 10 я уже покоился въ своей каютѣ беззаботнымъ сномъ... Исидора.

Каллиполь. 14 Мая 1865.

На разсвѣтѣ что-то потревожило мой глубокій и отличный сонъ. Представлялось, что пѣлась какая-то однотонная нескончаемая пѣсня, и вдругъ перестала слышаться. Оказалось что пѣсню эту для соннаго

слуха и воображенія распѣвала паровая машина; она кончила ее, когда пароходъ остановился въ урочной станціи. За ночь онъ успѣлъ пройти весь *Мармарà* и вошелъ въ *Дарданеллы,* выражаясь же „эллиникурно“[1],—всю *Пропонтиду,* и вступилъ въ *Эллиспонтъ,* ключомъ къ которому служитъ рисующійся еще неотчетливо за раннимъ временемъ на берегу, *Доброградъ* Херсониса Ѳракійскаго, мой старый, но не коротко знакомый. Много разъ приходилось мнѣ останавливаться въ виду его, но ни разу ни времени, ни охоты не было побывать въ немъ. И теперь, конечно, таже выйдетъ исторія. А стóило бы взглянуть на него изъ него самаго. Есть нѣкоторыя селенія человѣческія, на долю которыхъ хотя — не хотя выпадало быть историческими. Таковыми ихъ дѣлало ихъ придорожное положеніе. Однимъ изъ таковыхъ былъ *Каллúполь,* городъ весьма древній, но, не въ примѣръ другимъ, не отмѣченный никакимъ преданіемъ или свидѣтельствомъ о своемъ *колоніальномъ* происхожденіи, безъ чего, какъ у насъ безъ метрическаго свидѣтельства, нѣтъ на Востокѣ хода и почета историческому имени. Но, что онъ былъ первоначально поселеніемъ какихъ нибудь Аргивянъ, Мегарянъ, Платейцевъ, Эриѳрейцевъ и т. п., въ этомъ увѣряетъ его Эллинское имя, чуждое Ѳракійской землѣ и рѣчи, чтò бы вопреки сему ни говорили ученые „патріоты Византіи“. Историки краснобаи, въ родѣ *Пахимера,* не пропускаютъ случая, конечно, окрестить его *городомъ Каллія* (Καλλίου-πόλις), но кто былъ сей подставной *Каллій,* разумѣется напрасно было бы спрашивать у нихъ. На равныхъ правахъ онъ могъ быть и городомъ *красоты* (Καλλίπολις) и городомъ *зова* (Κάλει-πόλις), такъ какъ Троянцы или Дарданцы Азійскаго берега пролива могли держать тутъ свою переправу на Евро-

[1]) Теперешній разговорный языкъ греческій много разнится отъ древняго эллинскаго, который обязательно изучается въ школахъ, ради сего оффиціально именуемыхъ *Эллинскими.* Попытки говорить по эллински у простаго народа зовутся *эллиникурами.*

пейскій берегъ, и, когда нужно было, *звали* оттуда кого слѣдовало. Полагаютъ, что въ незапамятныя времена тутъ была столица Ѳракійскаго царства, на что̀ будто бы указываютъ могильные курганы вблизи города, именуемые (кѣмъ и съ какого времени?) „царскими". Стараго времени цари были непосѣды, и можетъ быть даже при жизни одного и того же царя не разъ мѣнялась его резиденція, а слѣдовательно и столица государства. Такихъ выморочныхъ столицъ отыщется не одна сотня на пространствѣ нынѣшней Турціи. Любопытно было бы составить полный списокъ ихъ. Въ ожиданіи отъ „патріотовъ" подобнаго труда, мы освѣтимъ ту эпоху Каллиполя, когда онъ просіялъ на всю исторію паче десятка столицъ миніатюрнаго размѣра — эпоху *Комниныхъ* и *Палеологовъ,* имѣющую спеціальный для насъ интересъ. Итакъ, спустя много вѣковъ послѣ послѣдняго изъ царей Ѳракійскихъ, по выраженію одной справочной книги, вообще „весьма темныхъ", когда надъ Каллиполемъ царствовалъ не свѣтлый, хотя и *добрый Іоаннъ* (Καλο-Ἰωάννης = Калуянъ) [1]), а именно въ 1356 г. Турки переправились съ Азіатскаго берега на Европейскій у Каллиполя, которымъ первымъ и овладѣли въ Европѣ. Теперь, кто ни начинаетъ говорить о Каллиполѣ, это первое, чѣмъ онъ, такъ сказать, тычетъ въ глаза опозоренному мѣсту. „Добротному городу" слѣдовало отбиться отъ непрошенныхъ гостей, а онъ этого не сдѣлалъ. Вотъ потому-то и заслужилъ укоръ и даже какъ бы гнѣвъ Европы. Защищать злополучнаго Ѳракійца мы не будемъ. Панэллинизмъ считаетъ своимъ долгомъ (чуть не привиллегіей) вѣдать все, что относится къ Ѳракіи. Пусть онъ и пишетъ апологію Каллиполю. Справедливость заставляетъ насъ только замѣтить, что христоненавистное знамя аравійскаго реформатора развѣвалось уже за 646 лѣтъ до *Каллипольской переправы,*

---

[1]) Это былъ третій *Калуянъ*. Первый былъ *Іоаннъ Комнинъ*, вторый — *Іоаннъ Ватацы*, третій — *Іоаннъ Палеологъ*.

въ Испаніи, за 635 лѣтъ, во Франціи, за 529 лѣтъ, въ Италіи, за 118 лѣтъ, въ Россіи, и наконецъ въ самой Ѳракіи за долго до того были хорошо извѣстны самые *Турки* подъ ихъ собственнымъ именемъ. Въ видѣ наемныхъ войскъ императорскихъ, мусульмане за десятки и сотни лѣтъ передъ тѣмъ рыскали по Румеліи, и избивали христіанъ по призыву христіанъ... Въ 1308 г. они уже владѣли на европейской сторонѣ Эллиспонта городомъ *Эксамилемъ,* какъ ключемъ всего пролива. Въ 1309—15 годахъ, всю Ѳракію грабили и опустошали турецкіе вожди *Меликъ* и *Халилъ* съ 2,000 пѣшаго и 1,300 коннаго войска (Григорà). И не далѣе, какъ за 7 лѣтъ до фатальной переправы пришло ихъ во Ѳракію 20,000 на помощь императору противъ краля Сербскаго!

Исторія пресловутой переправы не будетъ полна, если мы не будемъ знать предшествовавшихъ ей многолѣтнихъ волненій и нестроеній края. Отсчитаемъ для примѣра хотя 50 лѣтъ до нея. Чтò мы видимъ тутъ? Все тоже несчастное безлюдье, а затѣмъ и бездушіе побережья, которыя сдѣлали возможною и самую переправу Орхановыхъ ордъ. Въ тѣ злополучныя времена (да и гораздо ранѣе ихъ, чуть ли не съ самаго начала „всемірной“ имперіи) войско имперское состояло изъ наемниковъ. Въ указанную эпоху служили имперіи на жалованьи 16,000 *Алановъ* и 10,000 *Каталонцевъ* или *Катлановъ* — по Византійцамъ, и много другихъ чужеземцевъ. Послѣдніе разыграли тутъ не бывалую, хотя и весьма естественную, роль. По недосмотру ли правительства, или по необходимости, наемники одного языка и племени составляли тогда одинъ цѣльный корпусъ, какъ бы своего рода status in statu. Послѣ разныхъ побѣдъ на дальнемъ востокѣ, Каталонское войско возвратилось, по замиреніи дѣлъ, на южный берегъ Пропонтиды, гдѣ ему указана была осѣдлость. Отъ скуки ли, отъ привычки ли двигаться и завоевывать, или отъ какаго нибудь неудовольствія на правительство, они переправились на сѣверный бе-

регъ и поселились въ окрестностяхъ Каллиполя, укрѣпившись (противъ кого?) въ одномъ нѣкоемъ пунктѣ. Это происходило въ 1306 году. Въ слѣдующемъ году измѣннически погибъ въ Адріанополѣ ихъ вождь *Рожеръ*. Исторія вышла темная и тутъ, какъ почти все, случившееся въ это темное время, Византійскіе историки приписываютъ это злодѣяніе Аланамъ, соперникамъ Испанцевъ по военному ремеслу, а Латинскіе — самимъ Грекамъ, которымъ надоѣли своими грабежами эти союзники и побѣдители Турокъ. Старое правило Византіи бросаться въ объятія врага начало примѣняться уже въ фатальныхъ размѣрахъ въ это время. Въ виду неотразимой бѣды съ востока и сомнительной помощи съ запада, казалось уже лучше сойтись съ открытыми врагами, чѣмъ ухаживать за лицемѣрными друзьями. Впрочемъ, прежде, чѣмъ планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, Турки и Испанцы соединились, чтобы за одно добивать имперію. Подъ предлогомъ мести за смерть своего военачальника, Каталонцы сдѣлали изъ крѣпости своей набѣгъ на Каллиполь, взяли его, и избили „все множество“ его населенія [1]), не щадя самыхъ младенцевъ. Выручать городъ пришелъ наслѣдникъ престола и со-императоръ *Михаилъ* съ 30,000 наемниковъ. Такой арміи давно уже не видала имперія. Мятежники укрѣпили Каллиполь, и засѣли въ немъ. Образовалось что-то въ родѣ малаго государства на Ѳракійскомъ полуостровѣ. Царскія войска ничего не могли подѣлать, и разошлись. Нѣкто *Мунтанеръ* сталъ настоящимъ царемъ въ Каллиполѣ, и даже ходилъ войною на городъ *Родосто*, и въ какой-то пристани *Стагнарахъ* истребилъ флотъ императорскій.

Во время этого похода Каллипольскихъ Каталанцевъ случился траги-комичный эпизодъ у Каллиполя. Какой-то Солунскій вельможа,

---

[1]) παμπληθεί — по Пахимеру. Риторическая «круглота», избавляющая читателя отъ труда счисленія. Одинъ писатель, на основаніи ея, утверждалъ, что жители Каллиполя при этомъ избиты были — *всѣ до одного!*

именемъ *Георгій*, отправлялся со свитою изъ 80 человѣкъ въ Константинополь съ подарками для царя. Минуя Каллиполь, онъ освѣдомился, что „Франки“, владѣющіе городомъ, ушли на войну, вспомнилъ, какъ славно, воспользовавшись подобнымъ случаемъ, еще может быть на его памяти, *Алексій Стратигопуло* отобралъ у Франковъ, такъ сказать, мимоходомъ Константинополь, и тѣмъ заслужилъ себѣ достоинство Кесаря, покусился и самъ отвоевать Каллиполь у иновѣрцевъ и чужеземцевъ. Походивъ около стѣнъ и напрасно постучавъ въ ворота, онъ забралъ нѣсколько муловъ и телѣгъ въ окрестностяхъ города, но тутъ же налетѣлъ на него возвращавшійся во свояси Мунтанеръ, отнялъ у него все, что тотъ имѣлъ своего и чужаго, и перебилъ всѣхъ его храбрыхъ воителей. Успѣлъ убѣжать только самъ завоеватель, добравшійся до царя чуть не въ одной исподницѣ.

Приключеніе это не осталось однакоже безъ послѣдствій. Императоръ (Андроникъ Старшій) былъ задѣтъ за живое дѣлами Каллипольскаго царька, и, не надѣясь болѣе на собственныя силы, задумалъ выбить клинъ клиномъ, по пословицѣ. Онъ послалъ на выручку Каллиполя *Генуезцевъ*, новыхъ союзниковъ Имперіи, славныхъ побѣдами на сушѣ и на морѣ. Флотъ изъ 25 галеръ съ Генуезскими и Греческими матросами подплылъ къ Каллиполю. Сколько могу, рисую его воображеніемъ, вмѣстѣ съ его адмираломъ *Спинолой*. Повторяется въ миніатюрѣ старая исторія. Европейцы истребляютъ другъ друга за тридевять земель отъ своей родины. Спинола еще прежде пріѣзжалъ въ Каллиполь (можетъ быть отъ своего собственнаго имени), думая переговорами убѣдить Мунтанера отдать ему городъ, въ которомъ оставалось тогда человѣкъ 50 гарнизона, такъ какъ прочіе всѣ ушли воевать съ Аланами, но желѣзный человѣкъ отвѣчалъ коротко и ясно: „приди, возми“. Спинола точно незамедлилъ придти и еще при весьма казистой обстановкѣ, но взять-то города все таки не могъ. Случай вышелъ прекурьезный, и не разсказать о немъ нельзя. Ге-

нуэзцы высадились на берегъ. Мунтанеръ хотѣлъ было помѣшать высадкѣ, но былъ раненъ и заперся въ городѣ. „Клинъ“ былъ выбитъ, такъ сказать, съ разу же. Назавтра высадившееся войско пошло на городъ въ полной увѣренности, что 50 человѣкъ гарнизона съ раненымъ комендантомъ поспѣшатъ открыть ему съ хлѣбомъ-солью ворота. Вмѣсто того, оно увидѣло на стѣнахъ сплошную массу воителей числомъ въ 2 или 3 тысячи. Это было все женское населеніе города, оставленное мужчинами на произволъ судьбы. Мунтанеръ раздѣлилъ его на десятки, приставивъ къ каждому десятку по одному мужчинѣ. Генуезцы, увидавъ, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло, пришли въ веселое расположеніе духа, и, подходя къ стѣнамъ, позволяли себѣ разныя выходки на счетъ новыхъ амазонокъ. Но чуть они покусились взобраться на стѣны, какъ встрѣчены были градомъ камней и всякаго оборонительнаго матеріала. Два раза они были отбиты повсемѣстно экспромптированнымъ гарнизономъ. Спинола (вмѣстѣ съ царскимъ сыномъ) потѣшался зрѣлищемъ съ адмиральскаго корабля. Но, послѣ двукратной неудачи осаждавшихъ, пришолъ въ бѣшенство, и съ моря — можетъ быть съ самаго *этого* мѣста — кричалъ на берегъ командѣ: „Негодные канальи! Трое паршивцевъ защищаются тамъ внутри противъ васъ столькихъ! Болваны вы! Трусы вы!“ Вмигъ онъ самъ былъ на берегу, и съ 400 всадниками, не бывшими еще въ дѣлѣ, устремился на приступъ. Но несчетное множество труповъ одноземцевъ, лежавшихъ подъ стѣнами города, привело его вмѣсто ярости въ ужасъ. Не до брани и не до насмѣшекъ уже было ему. И третій приступъ каталанки отразили съ равнымъ мужествомъ. Былъ тогда Іюль мѣсяцъ. Отъ нестерпимаго жара солдаты пришли въ изнеможеніе. Тогда-то Мунтанеръ сдѣлалъ отчаянную вылазку съ 106 оставшимися въ городѣ мужчинами, изъ коихъ только 6 имѣли лошадей, и напалъ на 400 человѣкъ кавалеріи. Почти вся она пала на мѣстѣ, неисключая и самого адмирала. Кое кому удалось добѣжать до берега

и спастись на судахъ. Мунтанеръ имѣлъ даже нѣсколько плѣнниковъ и съ ними учинилъ торжественный въѣздъ побѣдителя въ Каллиполь! Дѣло походило на сказку, если бы о немъ не свидѣтельствовали согласно и восточные и западные историки. Храбрые воители, отразивъ Генуезцевъ, вскорѣ сами оставили мѣсто, которое такъ упорно и славно защищали. Сила уступила слабости — искусительной мысли забрать Солунь, и (вѣроятно) возстановить тамъ уничтоженную франкскую имперію Монферратовъ. Солуня они не взяли, и должны были пройти въ Θессалію и еще далѣе, біясь и отбиваясь отъ своихъ и чужихъ. Каллиполь, оставленный иноземцами, самъ собою возвратился Палеологамъ.

Если была возможность горсти пришельцевъ истребить поголовно населеніе цѣлаго города, и если 50 иноземцевъ могли держать въ рукахъ своихъ тотъ же городъ и цѣлый край, такъ какъ бы туземцевъ тамъ вовсе не было, то что же дивиться, если дикія орды Турокъ безпрепятственно могли переправиться изъ Азіи въ Европу подъ Каллиполемъ? Прежде „Каталанъ“ владѣли мѣстомъ еще Венеціанцы. Въ теченіи ста лѣтъ край былъ систематически раззоряемъ и парализуемъ въ чувствѣ народности и всякой законности. Въ краткій періодъ 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ Каталанскаго до Турецкаго порабощенія, Каллиполь, однакоже, не сходитъ со страницъ исторіи, обязанный тѣмъ случайному обстоятельству, водворенію въ немъ замѣчательнаго государственнаго человѣка, изъ придворнаго чиновника возвысившагося до императорскаго вѣнца. Это былъ *Іоаннъ Кантакузинъ*, долгое время заправлявшій дѣлами имперіи въ званіи „Великаго Доместика“, а потомъ и со-императора. Желая по возможности возстановить единство имперіи по крайней мѣрѣ въ европейской ея половинѣ, такъ какъ азіатская безвозвратно уже была потеряна, зашивая, такъ сказать, прорѣхи, оставленныя на ней Франкскими, Болгарскими, Сербскими и всякими другими набѣгами, онъ все вниманіе свое обра-

тилъ на Ѳракію и Македонію, и средоточіемъ своей дѣятельности избралъ многострадальный Каллиполь. Здѣсь постоянно жило его семейство. Отсюда онъ разъѣзжалъ и моремъ и сушей всюду, гдѣ только требовалось его присутствіе. Здѣсь же онъ условился съ правителями Ѳракіи и Македоніи (Сирьяномъ и Синадиномъ) на счетъ государственнаго переворота, низвергшаго съ престола Андроника „Стараго" (дѣда) и возведшаго на оный Андроника „Юнаго" (внука), задушевнаго друга великаго Доместика (въ 1328 г.). По смерти послѣдняго, въ малолѣтство преемника его, Кантакузинъ полновластно управлялъ имперіей, и въ это-то время онъ сблизился съ смертельными врагами имперіи, отдавъ даже собственную дочь въ замужество за султана. Въ возникшее междоусобіе между нимъ и „законнымъ" императоромъ, онъ уже прямо призывалъ на помощь турецкія орды, окончательно пріучивъ ихъ такимъ образомъ къ мысли о завладѣніи Ѳракіею, а слѣдовательно и Константинополемъ. Человѣкъ съ государственнымъ умомъ, патріотизмомъ и гуманными стремленіями не могъ дѣйствовать на обумъ или по увлеченію. Даже простаго политическаго начала — бить врага врагомъ (клинъ-клиномъ) едвали можно искать у экс-доместика. Крайность заставляла его, повидимому, отбиваться отъ наступающаго врага (къ сожалѣнію — иногда и личнаго) всѣмъ, что есть подъ руками, а слѣдовательно и Турками. Все равно, своего *греческаго* войска не было. Разные Алане, Комане, Варяги и tutti quanti, къ коимъ привыкла прибѣгать имперія, ничѣмъ не представлялись лучше Турковъ. Полагаемъ, что если бы и не случилось печальной и совершенно безвременной борьбы двухъ Андрониковъ и двухъ Іоанновъ, кажется, исходъ дѣла все былъ бы тотъ же самый. Безъ помощи мусульманской не обошлись бы престолодержцы Византіи, коимъ, такъ сказать, перевести духъ не давали неугомонные „крали" *Трибалловъ* и *Мисовъ* (Сербскіе и Болгарскіе). Вѣдь оставалось только позвать ихъ прямо возложить на себя вѣнецъ Кесарей, что и сдѣлалъ

безцеремонный краль *Душанъ*, объявивъ себя „Самодержцемъ Греческимъ“, а убогій „царь“ *Кало-Петръ* не устыдился даже у забѣглаго чужеземца (Фредерика I) искать въ Адріанополѣ, „дабы *Греческую* діадиму на него возложилъ...“ [1]). Такъ и видны единокровные Славяне съ своими исконными стремленіями къ высокимъ титламъ, высокимъ шапкамъ, высокимъ хоромамъ и прочимъ высокимъ мелочамъ, мало стѣсняющіеся условіями и требованіями исторической правды, и перенявшіе отъ Грековъ только то, что тѣхъ довело до погибели. Какъ бы то ни было, Франки ли, Славяне ли, сами ли Греки виноваты, только фатальная переправа Турковъ въ Европу совершилась въ 1356—57 году [2]), уже послѣ отреченія Кантакузина отъ престола [3]). Произошло это повидимому исподоволь, въ тихомолку, незамѣтно. Составившій подробное описаніе своего царствованія Кантакузинъ, вскользь и какъ бы ненарокомъ упоминаетъ о немъ, сознается впрочемъ прямо, что у него не было никакихъ средствъ вступить въ борьбу съ Орханомъ, что онъ неоднократно протестовалъ сему послѣднему (своему зятю) противъ захвата греческихъ городовъ сыномъ *Сулейманомъ*, что отецъ говорилъ одно, а сынъ дѣлалъ другое, первый обѣщался возвратить забранныя земли (за 40,000 золотыхъ), а сынъ увѣрялъ, что онъ вовсе не забиралъ дружеской земли, а только за-

---

1) *Раичъ*. Кн. II. Гл. 9. § 2.

2) По Lebeau — въ 1354 г., по Раичу — въ 1358 г.

3) Въ обнародованной г. *Григоровичемъ* въ 1859 г. Волошской лѣтописи говорится, что императоръ *I Кантакузинъ*, узнавъ о намѣреніи Турковъ перебраться изъ Азіи въ Европу, просилъ для отраженія ихъ вспомогательнаго войска у кралей Сербскаго и Болгарскаго, но тѣ отвѣчали: «Обороняйся самъ, какъ умѣешь». Императоръ опечалился и послалъ сказать имъ: «Если теперь не хотите помочь мнѣ, то послѣ будете каяться». На какихъ основаніяхъ все это утверждается, не знаемъ. Намъ кажется, что Кантакузинъ въ своей исторіи не опустилъ бы случая похвалиться своею ревностію, встрѣченною съ такою холодностію со стороны славянскихъ «варваровъ». Но тамъ нѣтъ ни слова объ этомъ.

малъ и возстановилъ оставленныя прибережными жителями послѣ случившагося землетрясенія пустоши... Ясно было, что кошка играетъ съ мышкой, по пословицѣ. „Варвары явно нарушили свои условія", говоритъ онъ въ свое и наше утѣшеніе. Главная забота насельниковъ была занять Каллиполь и укрѣпить его, исправивши стѣны и башни. Начальство (δῆμος) города, при занятіи, успѣло однакоже бѣжать на суда. Видно какъ бы изъ этого, что Турки сдѣлали свою переправу не прямо передъ Каллиполемъ, и подошли къ нему уже сухимъ путемъ. Иначе перевозныя суда турецкія не позволили бы спастись горожанамъ моремъ. По одному турецкому историку [1]), переправа происходила на плотахъ отъ *Ференчука* къ *Зебеникъ-Хисару*, гдѣ завоеватели и высадились. Это значило бы, что ей послужила и безъ того историческая мѣстность древнихъ городовъ: *Систа* и *Авида* (Абидоса), не въ мѣру прославленная именами *Леандра* и *Геры* и воспѣтая Байрономъ. Другой турецкій историкъ (приводимый Раичемъ) напротивъ утверждаетъ, что побѣдоносные соотечественники его подплыли въ кожаныхъ лодкахъ къ самому Каллиполю, который взяли слѣдующимъ, достойнымъ азіатской фантазіи, образомъ. Часть ихъ, забравшись въ одинъ изъ загородныхъ садовъ, жарила тамъ на вертелахъ четырехъ пойманныхъ каллипольцевъ. На ужасное зрѣлище это высыпало изъ города все мужское населеніе. Турки воспользовались этимъ и овладѣли опустѣвшимъ городомъ. Жители, разумѣется, разбѣжались отъ страха. Турки выставили на стѣнахъ городскихъ всѣхъ обывательскихъ младенцевъ, грозя зарѣзать ихъ, если отцы ихъ не возвратятся каждый къ своему дому, и прочія басни.

Но — довольно о Каллиполѣ, какимъ онъ былъ и оглашалъ себя за 500 лѣтъ передъ симъ. Въ наше время уже конечно не случится съ нимъ того, чтобы не осталось въ немъ никого, кромѣ женщинъ или

---

[1]) *Муратъ Драгоманъ*, приводимый у *Раича*.

младенцевъ. Жарить людей съ цѣлію сдѣлать изъ этого пріятное зрѣлище для ихъ согражданъ въ наше время едва ли найдетъ достойнымъ своего пера, вымысломъ самый плохой писатель. Кожаныя лодки тоже врядъ ли увидитъ кто теперь на Эллиспонтѣ. Главнокомандующихъ, распоряжающихся съ моря сухопутною осадою, можетъ быть кто еще и встрѣтитъ на землѣ. А ругающихся коммандировъ въ очень недавнее еще время мы сами могли слышать, и именно тутъ же въ пристани Каллиполя, когда наша „Мегера" чуть не сѣла на мель, только въ выраженіяхъ, далеко превосходящихъ Спинолины своею славянскою типичностію... Отходимъ отъ города. Въ пристани его видятся въ утреннемъ сумракѣ два — три судна. Какъ будто для большаго числа ихъ не достало бы и мѣста въ ней. А между тѣмъ, стояло ихъ тутъ, какъ мы видѣли, однажды 25, а нѣсколько позже, подъ командою „Великаго Дуки" (адмирала) *Апокавха* даже — 80. Сколько же ихъ перебывало тутъ во время войнъ Лисандра, Александра, Миѳрадата, Септимія Севера, Константина? Самое большее, и не совсѣмъ вѣроятное число судовъ упоминается подъ 1190 годомъ, когда Византійскій самодержецъ для переправы изъ Европы въ Азію нѣмецкихъ крестовниковъ 3-го похода прислалъ въ Каллиполь 1500 разнаго рода и вида, размѣровъ и названій судовъ. Условлено было гораздо меньшее число ихъ, но желаніе Алексія поскорѣе освободиться отъ дорогихъ гостей прибавило пыла его усердію. Въ теченій 7 дней безпрерывно переправлялось христолюбивое воинство. Послѣднимъ переплылъ роковой рубежъ самъ *Фредерикъ* „рыжая борода". Переправка началась въ Великій пятокъ, и продолжалась слѣдовательно до Свѣтлаго Четверга. Такъ отпраздновали освободители св. мѣстъ страданія и Воскресенія Христова великіе дни всемірнаго чествованія ихъ! И еще хочетъ Европа, чтобы кто нибудь на Востокѣ сочувствовалъ ея, безпорно славному, но самолюбивому и лицемѣрному, минувшихъ дней предпріятію! Она поднимала насъ на смѣхъ за нашу „ради св. мѣстъ" Крымскую войну.

Право, ей есть надъ чѣмъ и безъ насъ посмѣяться, заглянувъ въ свое прошлое.

Трирема наша бѣжитъ безспорно шибче всѣхъ эллино-романо-византійскихъ и персо-сарацинскихъ. Вмѣсто трехъ ярусовъ изнуренныхъ и озабоченныхъ ея *весельниковъ* — κωπηλατῶν [1]), видятся на ней, играя словомъ, только ряды веселыхъ ἐπιβατῶν т. е. пассажировъ. Мы-верхній ярусъ-соотвѣтствуемъ древнимъ *скамеечникамъ* или стульникамъ — θρανίταις. Ибо дѣйствительно сидимъ кто на скамьяхъ, кто на стульяхъ. Ниже насъ ходятъ и сидятъ *попарно* — ζευγῖται, пассажиры 3-го класса, несомнѣнно болѣе насъ трудящіеся, кто руками, кто зубами, а больше всего языкомъ... Нижній ярусъ *каютниковъ* — θαλαμητῶν, т. е. матросы, кочегары и пр. очевидно несутъ самую тяжкую работу. Ими собственно движется вся тріэтажная (τριήρης) наша. Читатель благоволитъ простить намъ наши веселыя аллюзіи. Прощаясь съ Каллиполемъ, я заглянулъ въ одинъ французскій Voyage по Турціи 1726 г., и встрѣтилъ тамъ мнѣніе (а долго ли стать ему „преданіемъ“?), что Каллиполь выстроенъ Императоромъ *Калигулой*, или по крайней мѣрѣ ему обязанъ разными своими памятниками, всего же важнѣе — своимъ именемъ... Точно Каллиполь есть Калигулополь! И точно „Калигула“ было оффиціальное имя, а не народное прозвище Императора *Кая*.

Плывемъ скоро, держась все Европейскаго берега, пустыннаго и безплоднаго. Высматриваю на противоположной сторонѣ городъ *Лампсакъ*. Встающее солнце мѣшаетъ видѣть его. Французъ въ свой книжкѣ ведетъ длинную исторію города и его окрестностей. Упоминаются тутъ и *Бебриксъ* и *Фокейцы* и *Лакедемоняне*, и *Бахусъ* и *Харонъ*, *Мандронъ*,

[1]) «Les rameurs du rang superieur... les Grecs les appelaient θρανῖται. Ceux du rang inferieur... portaient le nom de θαλαμῖται. Ceux enfin, qui étaient attachés au rang du milieu, étaient nommés ζευγῖται». Dictionnaire der Antiquités Romaines et Grecques. pag. 672.

Эпидамъ, Аргонавты, Крестоносцы... Всего болѣе не понравилось мнѣ во всей этой вереницѣ собственныхъ именъ имя главнаго божества Лампсакцевъ — *Пріапа*, которому (какъ лицу, или культу?) книга придаетъ два періода, одинъ: невинности, когда онъ божествовалъ только надъ виноградниками, а другой... Но лучше упомянуть о третьемъ періодѣ, когда сынъ Вакха и Афродиты проживалъ уже въ отставкѣ, но память старыхъ вакханалій еще разъ откликнулась въ Лампсакѣ. Къ нежданному моему удовольствію, у одного византійца отыскалось цѣлое повѣствованіе о происходившемъ въ мѣстахъ этихъ царственномъ весельѣ или „весильѣ" въ малорусскомъ значеніи слова. Случилось это въ промежутокъ времени между излюбленными мною Комниными и Палеологами, именно же въ 1234 г. Царствовали тогда въ сопредѣльномъ мірѣ цари *Иваны*, — въ Константинополѣ *Жанъ Бріенній*, за предѣлами его *Іоаннъ Ватаци*, а за предѣлами владѣній сего послѣдняго, *Иванъ Асень*. Дѣло началось съ того, что доблестный Ватаци, не видя пока возможности выгнать чужеземца изъ Константинополя, захотѣлъ по крайней мѣрѣ положить начало дѣлу освобожденія родной земли отъ „Латинскаго ига" отнятіемъ у Венеціанъ Каллиполя, доставшагося имъ въ бѣдственный для имперіи 1204-й годъ. На этотъ конецъ изъ Лампсака (принадлежавшаго тогда Никейскому правительству) онъ переправился съ войскомъ черезъ проливъ, и осадилъ городъ. Дѣло пошло успѣшно, и крѣпость была взята у „Франковъ". Кратко объ этомъ упоминаетъ историкъ (Акрополитъ), и мы ничего къ тому прибавить не можемъ. Но дѣло это было какъ будто только предлогомъ къ другому, болѣе значительному замыслу Императора. Онъ задумалъ сблизиться съ Волгарами, увлечь ихъ въ свои виды, и вмѣстѣ съ ними выгнать „Ригу" изъ Константинополя. Путемъ къ сему сближенію послужило — столько обычное въ тѣ времена — брачное родство двухъ царственныхъ домовъ. У Ватаци былъ тогда сынъ, у Асеня-дочь. Составился планъ повѣнчать ихъ, не смотря на то, что

царевичу было только 11, а кралевнѣ 9 лѣтъ. Объ этомъ уже прежде сносились между собою государи. И такъ, чуть дошла вѣсть до Асеня, что царь *Калуянъ* (II-й) взялъ Каллиполь, какъ онъ, забравъ свое семейство, прибылъ туда. Монархи встрѣтились дружески, забывши вѣковую вражду управляемыхъ ими народовъ. Потомъ императоръ съ Кралицей (*Маріей*, дочерью Венгерскаго государя) и невѣстой переплыли на Азіатскій берегъ въ Лампсакъ, гдѣ уже ожидала ихъ императрица *Ирина* съ жинихомъ (Ѳеодоромъ). Нельзя понять, отчего самъ краль не отправился вмѣстѣ съ ними на свадьбу [1]. Историкъ прямо замѣчаетъ, что онъ остался въ Каллиполѣ или въ предѣлахъ его. Вѣроятно, онъ на досугѣ высматривалъ тѣмъ временемъ, какъ и что прибрать къ своимъ рукамъ, при удобномъ случаѣ, у Риги то или у царя — все равно, на столь значительномъ стратегическомъ пунктѣ, каковъ Эллиспонтъ. Повидимому, онъ не очень сочувствовалъ заключаемому брачному союзу [2]. На случай предположеннаго бракосочетанія,

---

[1]) Всего вѣроятнѣе по капризу. Былъ онъ человѣкъ — изъ ряда вонъ. Сынъ Асеня старшаго и слѣдовательно, наслѣдникъ престола, онъ выждалъ, пока державствовали двое дядей и послѣ нихъ двоюродный братъ. Боясь козней послѣдняго, онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ, собравши полкъ охотниковъ, съ ними возвратился въ отечество, побѣдилъ соперника, и 7 лѣтъ держалъ въ осадѣ столичный городъ *Търновъ*, гдѣ укрылся тотъ. Когда Венгерскій король *Андрей* возвращался домой черезъ Болгарію изъ Крестоваго похода, онъ захватилъ его и не выпускалъ дотолѣ, пока не вынудилъ его отдать за себя дочь (Марію). Когда временный императоръ Солунскій, нарушивъ миръ съ нимъ, объявилъ ему войну, онъ мирную грамату того прицѣпилъ къ своему знамени, и такъ сражался. Побѣдивъ врага, онъ выкололъ ему глаза, а потомъ держалъ въ чести при дворѣ своемъ и женился на его дочери... Ссорился и мирился съ кѣмъ и за что попало, выдавалъ себя и за паписта и за православнаго. Акрополитъ пишетъ, что для него ничего незначила никакая клятва, и въ виду малѣйшей выгоды онъ измѣнялъ своему слову, прикидывался другомъ, и поступалъ какъ врагъ.

[2]) Онъ вскорѣ и прямо раскаялся въ томъ, и лукавствомъ выманилъ у императора дочь свою, все еще остававшуюся въ дѣвствѣ, какъ несовершеннолѣтнюю. Посадивъ ее передъ собою верхомъ на сѣдло, онъ билъ ее рукою, чтобы та не плакала. Впрочемъ видя, что бѣдная крѣпко привязана къ мужу, отослалъ ее потомъ къ свекру.

находился съ Императоромъ въ Лампсакѣ и Вселенскій патріархъ *Германъ,* который и повѣнчалъ дѣтей, вопреки церковнымъ правиламъ. Полагать надобно, что и при Асенѣ находился его собственный архіерей. Послѣ празднествъ, какихъ затишный городъ не видалъ можетъ быть отъ дней „невиннаго" Пріапа, царственныя семьи готовы были разстаться. Но дѣло оказалось еще не конченнымъ. Отсутствующій Асень послѣ брака заговорилъ о разводѣ... своей іерархіи съ Константинопольскимъ престоломъ. По его желанію и императорскому настоянію, тутъ же составленъ былъ Сѵнодальный Актъ, предоставлявшій Терновскому архіерею независимость Церковную и Патріаршій титулъ. Лампсакъ такимъ образомъ тезоименно просіялъ этими двумя событіями на всю тогдашнюю исторію. Константинопольскій державецъ перепуганъ былъ этимъ родственнымъ союзомъ единовѣрныхъ государей. Папа увидѣлъ, что столькихъ лѣтъ дѣло уніи въ Болгаріи было простою комедіей, заключившейся автономіею церкви Болгарской. Продолжись только согласіе и единодушіе Ватаци и Асеня и ихъ преемниковъ, православіе восторжествовало бы на Востокѣ и надъ папствомъ и надъ исламомъ и надъ антиевангельскими идеями „народности" въ Христовой церкви. Но...

Давно не видать ни *Каллиполя,* ни *Лампсака.* Держимся ближе къ южному берегу пролива, радующему взоръ обильною зеленью и частію селитвою людскою. Сѣверный берегъ по прежнему сухъ и некрасивъ. Вотъ на немъ и памятный *Земеникъ,* къ которому пристали будто бы первые мусульманскіе соглядатаи Румеліи. Сказка говоритъ, что они захватили тамъ перваго, попавшагося имъ, жителя и отвезли его назадъ въ Азію. Здѣсь Сулейманъ накормилъ, напоилъ его, одѣлъ въ дорогое платье, и спросилъ, не знаетъ ли онъ кого, кто бы провелъ вѣрно и безопасно къ Каллиполю мусульманскую дружину. Европеецъ, какъ и слѣдовало ожидать, предложилъ ласковому и щедрому турку свои услуги. Съ такого рода предательствомъ не разъ

встрѣтимся на страницахъ дѣяній эпохи Комниныхъ — Палеологовъ. Печальный фактъ. Чѣмъ объяснить его? Иной „патріотъ“ пожалуй найдетъ ему въ словѣ *Земеникъ*, очивидно не греческомъ... а то съумѣетъ напомнить намъ, какъ въ другомъ Херсонесѣ тоже нѣкій *Анастасъ* предалъ врагу родной городъ и заслужилъ похвалу въ исторіи...

Стоимъ въ *Чана́-кале*, иначе: *Богазъ-Гиссаръ*, иначе: *Султанъ-калесси*, въ *Дарданеллахъ*. Пришли еще довольно рано. Городъ только что просыпался, и, видно, мало думалъ о нашемъ появленіи передъ нимъ. Если бы это былъ „вапуръ“ нѣмецкій или французскій, вѣрно насъ сейчасъ же аттаковала бы цѣлая флотилія лодокъ, а теперь едва насъ удостоилъ оффиціальнымъ посѣщеніемъ карантинный чиновникъ, да еще лѣниво двигались къ намъ съ плодами двѣ-три „калимерки“, ка́къ наши матросы на водахъ Греціи съ доморощенымъ остроуміемъ зовутъ туземныя лодки. Бодрствуя отъ самаго Каллиполя, я задремалъ теперь на затишьи, и отправился къ „зевгитамъ“ спать. Черезъ часъ или около того намъ предложенъ былъ чай. Долго простоимъ тутъ? спрашиваемъ мы своего хохлатаго камеротто. А вонъ уже показалась *Патрисъ* (Патрея = отечество). Она сдастъ намъ свой грузъ, и тотчасъ же мы отправимся. Пароходъ поспѣшно подходилъ къ намъ съ противоположной стороны, и казался солиднѣе нашего „Эптаниса“. Сколько вы настроили новыхъ вапоровъ, говорю я въ видѣ комплимента своему сосѣду и товарищу по званію. — Ну, ужъ этотъ то вовсе не новый, отвѣчаетъ онъ. Новаго въ немъ только надпись. Прежде онъ звался *Өеономъ*... Я въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же узналъ своего стараго знакомаго. А, не грѣшно вамъ перекрещивать своихъ дѣтей родныхъ? спросилъ я, — чѣмъ хуже „Өеонъ“ „Патриды“? — Өеонъ теперь... Заговорилъ собесѣдникъ на распѣвъ, и сдѣлалъ рукою жестъ, означавшій, что чей-то и слѣдъ простилъ.—Знаю, отвѣчалъ я, да вѣдь и „Патрисъ“ тоже пожалуй когда-нибудь... Товарищъ вопросительно посмотрѣлъ на меня при этомъ... Вонъ и вчерашняя Византія, продол-

жалъ я, тоже когда то была патрисъ, а теперь. — Патріотъ видимо не зналъ, какого румба держаться ему въ разговорѣ со мною, и благоразумно нашолъ предлогъ оставить меня, отправившись внизъ по дѣламъ службы. Не дожидаясь, пока „Отчизна" подойдетъ къ „Семи-островамъ" и станетъ на якорь, мы съѣхали на берегъ, гдѣ насъ долженъ былъ ожидать главный изъ спутниковъ нашихъ, упредившій насъ выѣздомъ изъ Константинополя. Справились о немъ у своего консула, еще почивавшаго. Насъ направили къ мѣстному доктору, у котораго и обрѣли искомаго. Квартира доктора за городомъ въ саду, на взморьѣ. По такому описанію можно рисовать себѣ ее раемъ. Между тѣмъ на насъ вѣяло отъ нея пустыней и подавляющимъ однообразіемъ. — А, вообще говоря, согласились ли бы вы прожить тутъ цѣлый вѣкъ? спросилъ я космополита спутника, когда мы возвращались по набережной къ пристани. — Вѣкъ? Въ Чана-кале? — возразилъ онъ. Да я уже и теперь дивлюсь, что не умеръ отъ тоски... Вотъ вамъ и аттестатъ мѣсту, которое у всякаго морехода на языкѣ и въ памяти!

Экс-*Оттонъ* сдалъ все, что нужно было (тоже черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ быть *Экс*) *Энтанису* нашему, и въ 11 часовъ мы отправились далѣе. Такъ какъ подулъ довольно сильный сѣверный вѣтеръ, то въ помощь парамъ поставлены были еще паруса на суднѣ нашемъ, и мы понеслись съ быстротою птички. Проливъ сталъ расширяться. Надъ южнымъ поморьемъ начали мелькать вдали пирамидальныя очертанія высокой горы. Карта сказала, что это препрославленная *Ида* (Ἴδη). „Видала виды" старушка, скажемъ мы, играя ея именемъ. Сколько разъ увлекалъ меня помыслъ повидать мѣста, „гдѣ въ древности цвѣла Троянская столица", но до сихъ поръ не удалось сдѣлать этого. Думаю, что и не удастся совсѣмъ. Соперницу ея Аргивскую столицу (*Микены*) я видѣлъ не одинъ разъ. Тамъ, дѣйствительно, „въ наши времена посѣяна пшеница". Но тамъ высятся еще городскія стѣны съ пресловутыми воротами, украшенными изображеніемъ львовъ. А въ

Троянскомъ *Иліи*, говорятъ, не осталось ничего отъ временъ царя Пріама. Да даже и самое мѣсто, пріурочиваемое къ знаменитому городу, не указывается съ желанною несомнѣнностію. На картѣ читаются: Ilium vetus и Ilium recens, изъ коихъ можетъ быть ни одинъ не занимаетъ мѣста *Пергама* (кремля) Троянскаго. У самой превоспѣтой столицы, судя по описанію поэта, рѣка *Скамандръ* вытекаетъ двумя источниками, — однимъ-горячей, другимъ-холодной воды. Теперь такого геологическаго курьоза не находятъ ни у того ни у другаго предположительно — *Илія*. Не поискать ли намъ-славянамъ, вмѣсто французовъ и нѣмцевъ, занесеннаго историческимъ иломъ мѣста? Говорилъ же мнѣ одинъ славянофилъ, что безъ участія нашего Европа половины своихъ старыхъ и новыхъ собственныхъ именъ не пойметъ. Не сомнѣваюсь, что для него въ Пріамѣ оказался бы *Прямъ*, въ Парисѣ — *Борисъ* и т. д. Царей *Труса* (Τρῶς) и *Ила* и подправлять ненужно. Самъ *Дарданъ* простѣйшимъ образомъ слагался бы изъ: *даръ данъ*. Верхушка Иды: *Гаргара* значила бы *гору горъ*. А рѣки: *Смой* (Σιμοῖς), *Слей* (Σιλεῖς—), *Граникъ?*.. А города *Перхота* (Περκώτη), *Ар-изба* (Ἀρίσβη), *Чебрена* (Κεβρήνη), *Питья, Зелья?*.. Но довольно дразнить патріотовъ, которые не знаютъ, куда дѣться и отъ дѣйствительно славянскихъ названій въ самомъ сердцѣ Греціи, въ Пелопоннисѣ.

Выходимъ въ открытое море. Такимъ оно рисуется на картѣ. Въ самомъ же дѣлѣ представляется инакимъ. Острова *Имеросъ* и *Тенедосъ* справа и слѣва служатъ какъ бы продолженіемъ береговъ Эллиспонта. Спереди же загораживаетъ горизонтъ третій островъ *Лимносъ*. Между нимъ и Тенедо выходитъ большая прогалина воды, ни чѣмъ не пересѣкаемая. Холодный сѣверякъ согналъ меня съ палубы внизъ, а значительное покачиваніе судна съ боку на бокъ уложило и въ койку. На помощь подоспѣлъ глубокій сонъ, вознаградившій меня за утреннее бодрствованіе и парализовавшій начинавшееся ощущеніе тошноты. Разбуженъ былъ въ 2½ часа приглашеніемъ обѣдать. — Гдѣ нахо-

димся? спросилъ я. — Да, все еще въ виду первой группы островов, отвѣчали мнѣ. А „первая группа“ эта когда-то была мѣстомъ подвиговъ нашего, въ свое время шумѣвшаго и гремѣвшаго въ Архипелагѣ, флота, о которыхъ рѣдко кто вспоминаетъ теперь. У меня же и до сихъ поръ какъ бы жужжитъ въ ушахъ, съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ произносимое несчетное число разъ: *Митри Николашь!* Слова эти выходили изъ подъ сѣдыхъ усовъ симпатично — вкрадчиваго лица, имѣвшаго въ домѣ нашемъ (въ 50-хъ годахъ) кличку: *капитанъ Фотья́.* Это былъ лѣкарь — практикъ, лѣчившій меня отъ долговременной болѣзни (ἐρυσίπελα — по гречески). Вовсе онъ не былъ „капитаномъ“ и ни почему не шло къ нему прозваніе: „фотья́“ (огонь), но то и другое такъ пристало къ нему, что собственное имя его *Георгій Мелидо́ни,* было какъ бы совсѣмъ неизвѣстно въ кругу нашемъ. Это былъ одинъ изъ „агонистовъ“ (подвижниковъ) греческаго возстанія 1821 г., родомъ крестьянинъ, старикъ одинокій, безпріютный и крѣпко бѣдный. Съ успѣхомъ помогши мнѣ встать на ноги, онъ сталъ какъ бы своимъ у насъ въ домѣ, и посѣщалъ насъ благовременнѣ и безвременнѣ. Любимою темою безконечныхъ бесѣдъ его была служба его (вольнонаемникомъ) на флотѣ нашемъ подъ командою Адмирала *Димитрія Николаевича Сенявина,* имя котораго почти не сходило съ языка у стараго воителя. *Тенедосъ* и *Лимносъ* также слышались сплошь да рядомъ. Человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ всего русскаго, и при разсказѣ о томъ, какъ мы разгромили около *Лимно* флотъ „Тиранна“, чуть не плакалъ отъ удовольствія. Въ то блаженное время еще не возникалъ жгучій племенной вопросъ греко-славянскій, а за 40—50 лѣтъ передъ тѣмъ наши единовѣрцы восточные сочли бы его безуміемъ или предательствомъ. И такъ, сижу я вотъ опять на палубѣ, смотрю на уходящіе вдаль острова и слушаю воображаемую рѣчь воображаемаго „капитана Фотья́“ о славныхъ дѣяніяхъ нашихъ моряковъ героевъ, на сихъ самыхъ мѣстахъ когда-то владѣвшихъ и сушей и моремъ. Было

это, должно быть, въ 1807 г. Въ концѣ зимы эскадра наша изъ 10 кораблей пришла къ устью Эллиспонта и блокировала его 9 Марта. Мы овладѣли островомъ *Тéнедо,* и держали его въ своей власти до 25 Августа, обративъ его какъ бы въ свою резиденцію. Весь Архипелагъ, отъ Малой Азіи до теперешней Греціи, былъ русскимъ тогда по праву завоеванія. Тильзитскій миръ положилъ конецъ нашему тутъ владычеству. Готовясь къ отплытію изъ „Бѣлаго моря", мы имѣли (ненужный) духъ взорвать порохомъ на воздухъ крѣпость острова Тенедо. Это единственное, кажется, что осталось въ Архипелагѣ памятникомъ нашего въ немъ господства. Особенно похвалиться, значитъ, намъ тутъ не чѣмъ. Страху нагнали, правда, на Турокъ, и подняли нѣсколько духъ Грековъ, но за то въ первыхъ поселили убѣжденіе въ нашей слабости передъ „франками", а въ послѣднихъ — разочарованіе въ самыхъ дорогихъ ихъ надеждахъ, не говоря уже о томъ, что, по уходѣ нашемъ, оставили послѣднихъ на жертву первымъ за ихъ сочувствіе къ намъ. Послѣднее обстоятельство повторялось уже не одинъ разъ. Но, такъ какъ у политики, по общему признанію, нѣтъ сердца, то и не кого винить въ томъ.

Минуемъ *Имвро,* и равняемся съ *Лимно.* Съ парохода нельзя составить надлежащаго понятія объ относительной величинѣ острововъ. По картѣ, первенство остается за Лимно. Исторія прибавляетъ, что въ 1455 г. иноплеменные Дуки острововъ платили завоевателю (Магомету II), за право владычества надъ ними, Имврскій 1200, а Лимнскій 2325 золотыхъ монетъ. Такова была разница тогда въ оцѣнкѣ острововъ... Не любя статистики, я оставляю вопросъ о нынѣшнемъ значеніи ихъ экономическомъ, и всякомъ другомъ, совершенно въ сторонѣ. Довольно для меня одного ихъ наружнаго вида да исторической славы. Не могу скрыть: нѣчто чарующее для меня имѣютъ всѣ острова вѣщаго Архипелага. Я ихъ любилъ, когда разсматривалъ еще съ ученической скамейки, любуясь ихъ своенравными очертаніями и

странными наименованіями. Когда же увидѣлъ на самомъ дѣлѣ, за 15 лѣтъ передъ этимъ, ихъ одиноко стоящими среди моря съ очертаніями горъ и полянъ, окруженными свѣтлымъ воздухомъ, окрашенными въ розово-фіолетовый цвѣтъ съ темно-голубыми тѣнями, то по истинѣ не могъ оторваться отъ восхитительнаго зрѣлища. Все думалось, что тамъ должны жить блаженные люди, не вѣдающіе ни нужды, ни заботъ, ни болѣзней, ни самой смерти. И какъ не быть имъ, представлялось, умными, дѣятельными, добрыми, прекрасными! Кругомъ — во всѣ стороны море съ его безпредѣльностію, вѣчнымъ движеніемъ и неисчерпаемыми богатствами, а внутри — около себя — чудное разнообразіе горъ, долинъ, потоковъ, заливовъ и пр., чего и во снѣ не увидишь на нашихъ поляхъ неисходимыхъ и необозримыхъ! Впечатлѣнія эти не потеряли своего характера и своей живости и доселѣ, хотя уже не разъ приходилось пожить на этихъ воображаемыхъ уголкахъ земнаго счастія и отъ всего сердца пожелать перебраться на твердую землю съ ея незамѣнимыми удобствами, немыслимыми на островахъ и еще менѣе на — островѣ. Всего болѣе тревожитъ—по крайней мѣрѣ тревожило въ весьма недавнія еще времена — островитянъ, открытое для злодѣйскихъ набѣговъ, беззащитное положеніе ихъ. Я помню, какой переполохъ произвелъ въ блаженныхъ (по истинѣ) временныхъ насельникахъ одного *Ксерониса* (Ξερονῆσι-сухой островъ) раздавшійся въ глухую и темную ночь съ моря выстрѣлъ. А чѣмъ глубже простираемся мыслію въ даль минувшаго, тѣмъ больше встрѣчаемъ охотниковъ нарушить нежданно нечаянно благополучіе островитянъ. Исторія византійская полна разсказовъ о набѣгахъ *Сарацинскихъ* на всякій открытый берегъ греческій, гдѣ только чуялась пожива голодранымъ степнякамъ. Къ немалому удивленію, она занесла на свои страницы и случай морскаго разбоя, произведеннаго *Склавинами*... Славяне и пираты! Возможно ли это? Однакоже дѣло такого рода вышло при Императорѣ Константинѣ IV Копронимѣ. Вѣроятно, это были отважные Далматинцы. Они

напали на эти самые острова „первой группы", и произвели не только грабежъ, но и плѣнъ людей. Чтобы выкупить забранныхъ ими мирныхъ островитянъ, императоръ уплатилъ пиратамъ 2500... шолковыхъ одеждъ! Такъ говорятъ лѣтописцы. Характеристично. Невольно припоминаешь при этомъ „паволочные" паруса, вытребованные, недолго спустя послѣ того, у другаго Константина русскими „гостями" въ Константинополѣ. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, взять было шолка Славянамъ на своихъ снѣгахъ и болотахъ? А у Грековъ его было вдоволь. Очевидно, что должна была произойти мѣна однихъ произведеній на другія, — людей на кафтаны, тѣмъ болѣе что первые то были чужіе.

По мѣрѣ того, какъ Лимно все болѣе и болѣе развертывается передъ нами, мы удаляемся отъ него, принимая направленіе къ сѣверу. Нельзя потому разглядѣть хорошо его такъ называемый *Райскій портъ* (Porto Paradiso). Любопытно бы узнать, съ какого времени и за что именно онъ получилъ такое ублажающее имя. Географическія очертанія острова даютъ разумѣть, что въ незапамятныя времена онъ былъ огнедышущимъ. Потомъ подземная лабораторія подвинулась къ западу подъ островъ *Ѳиру* (Санторинъ). Успокоенные Лимнійцы отъ радости не придумали ничего другаго сдѣлать, какъ переименовать мѣсто дѣйствія разрушительныхъ силъ *Аида* („ада" по теперешнему) въ мѣсто блаженнаго покоя вѣчнаго, въ *Рай*. Такъ могло быть. На выручку нашей мысли спѣшитъ и мѣстное баснословное сказаніе древнихъ временъ. По увѣренію миѳологіи, не только могло быть, но и положительно было на Лимнѣ нѣчто подходящее къ аду — въ его языческомъ смыслѣ. Разскажемъ случай какъ можно короче. Въ то время, когда нигдѣ ничего еще не было, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ теперь сіяетъ солнце и носятся легкія облачка, въ одну непроглядную ночь одна мать родила сына. Посмотрѣвъ на него съ естественнымъ въ ея положеніи любопытствомъ, она до того огорчилась его безобразіемъ, что швырнула его немилосердо отъ себя внизъ. Ребенокъ упалъ какъ разъ на подо-

спѣвшую къ нему землю (безъ чего ему пришлось бы утонуть въ морѣ), которая и была — островъ *Лимнъ*. Отъ огорченія, вѣроятно, на свою жестокую мать, сынъ не захотѣлъ ни эмпирея своихъ безсмертныхъ родителей, ни даже дальняго обиталища земнородныхъ, а остался въ глубинѣ земли, куда его вторгла рука матери. Онъ устроилъ тамъ гигантскихъ размѣровъ кузницу и занялся, въ укоръ богамъ, человѣческимъ ремесломъ. Отъ стука, огня и дыма его мастерской и пошли по свѣту землетрясенія и огненныя изверженія, по его имени зовомыя *Ифестовыми* или *Вулканическими*. Сверженный богъ былъ Вулканъ. Лимнійцы, терпѣвшіе больше всѣхъ отъ этихъ упражненій непрошеннаго сосѣда, воздвигли ему умилостивительныя чтилища, свыклись съ своимъ положеніемъ, и даже гордились небывалою честію компатріотства съ божествомъ. Вообще говоря, все на островѣ обстояло благополучно. Но черезъ множество лѣтъ — по эмпирейскому счисленію — послѣ сверженія Ифеста въ тартаръ, жестокость матери — богини отозвалась на Лимнѣ въ матеряхъ смертныхъ. Сказочный періодъ греческой исторіи сберегъ пословичное выраженіе: „Лимнійскія жены". Лимніотки разъ задумали и привели въ исполненіе неслыханную жестокость, перебили всѣхъ мужей, сколько ихъ было на островѣ, исключая царя, котораго спасла дочь его *Ипсипила* (въ переводѣ: „высокая порта"). Поводомъ къ такому отчаянному дѣлу послужило то, что мужья имѣли, поголовно всѣ, отвращеніе отъ своихъ женъ и чтобы сбыть ихъ, рѣшились затѣять войну съ заморскими Эранійцами. Мужья, въ оправданіе свое, приводили, что жены ихъ, говоря безъ прикрасъ... воняли. Сказка не отрицаетъ и сего печальнаго обстоятельства, но сваливаетъ вину, по сказочной логикѣ, на неподсудную личность *Афродиту* (Венеру), которой угодно было послать на Лимніотокъ противный запахъ, будто бы изъ ревности. Логическая прорѣха кое-какъ заштопывается подобнымъ объясненіемъ, но очевидно на живую нитку. У пресловутой супруги *Ифеста* всегда было

много дѣла и кромѣ домашнихъ дрязгъ острова Лимна. И изъ зачего бы она озлобилась на смертныхъ Лимніотокъ? Если она и могла предположить, что хромой и безобразный сожитель ея поддался обаянію своихъ усердныхъ чтительницъ, могло ли это огорчить ее? Не предположить ли, что пламенныя девотки страшнаго кузнеца — бога, въ избыткѣ благочестія, пустили какое нибудь словечко не въ похвалу невѣрной жены, хотя и богини?... Какъ бы то ни было, но чуть героини раздѣлались съ своими несчастными мужьями, какъ пристали къ острову ихъ, неизбѣжные при всякой древней исторіи, *Аргонавты* съ неугомоннымъ *Иракломъ*... Тутъ сказка двоится въ своихъ показаніяхъ, но въ обоихъ случаяхъ не обходится безъ.. зловонія. Я радъ былъ, когда по сказкѣ дошолъ до того пункта, гдѣ проказникъ Ираклъ поднялъ наконецъ паруса на своемъ *Арго*, и отплылъ „съ товарищи“ къ острову *Самоѳраки*, гдѣ посвятилъ ихъ въ таинства „Великихъ“ (боговъ). Кстати мы и сами направляемся по тому же пути.

Какъ на образчикъ педантическихъ попытокъ древняго міра внести исторію въ сказку, мы можемъ указать на разсказъ Греческихъ историковъ о заселеніи острова *Лимна*. Дѣло, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, начинается, разумѣется, въ Греціи, и притомъ въ любезныхъ мнѣ Аѳинахъ. Автохѳоны (коренные жители) тамошніе, какъ извѣстно, были *Пеласги*[1]). Когда Греки завладѣли ихъ мѣстомъ и выгнали ихъ вонъ изъ родины, они, воспользовавшись случаемъ, когда новые Аѳиняне были за чѣмъ-то въ отлучкѣ, похитили ихъ женъ, и съ ними отплыли на островъ Лимнъ. Здѣсь они прижили съ плѣнницами дѣтей. Матери постарались воспитать помѣсь въ чисто аттическомъ духѣ. Выросши, эти Пеласго-греки положили отмстить

[1]) Съ нѣкоторой натяжкой *Пеласговъ* можно считать за: οἱ πέλας ἐπὶ γῆς = туземцы. На ряду съ этимъ заслуживаетъ упоминовенія и угроза одного нашего ультра-монтана славянофила добраться, во всеоружіи исторіи, до этой загадочной *Бѣлой зги*...

безчестіе своихъ матерей, и востали на Лимнійцевъ Пеласговъ (т. е. своихъ отцовъ!), тѣ усмирили востаніе самою крайнею мѣрою, т. е. избили дѣтей своихъ вмѣстѣ съ матерями, всѣхъ до одного. За симъ послѣдовали на островѣ безначаліе, нищета, моровая язва и всякія другія бѣды. Лимнійцы послали спросить Дельфійскую Пиѳію, какимъ путемъ они могутъ поправить дѣла свои. Отвѣтъ послѣдовалъ: „удовлетвореніемъ Аѳинянъ“. Спросили Аѳинянъ: чѣмъ они могутъ быть довольны? Тѣ отвѣчали: „будемъ довольны, если вы уйдете изъ Лимна“. Такое требованіе показалось островитянамъ непомѣрнымъ но, памятуя заповѣдь оракула, они не посмѣли отказать прямо, и сказали: хорошо, уйдемъ, но подъ условіемъ, если Аѳиняне въ теченіи одного дня достигнутъ острова при сѣверномъ вѣтрѣ... На это, ни къ селу ни къ городу приплетенное, условіе Аѳиняне имѣли полное право сказать Лимніотамъ: убирайтесь вы къ своему Ифесту. Но вышло иначе. Они серьезно отнеслись къ требованію, которое мало назвать нелѣпымъ. Полководецъ Аѳинскій *Мильтіадъ* (отличный отъ извѣстнаго историческаго лица) изыскалъ способъ, какъ оставить въ дуракахъ Лимнійцевъ. Онъ основалъ Аѳинскую колонію въ приморской Ѳракіи, и изъ нея, какъ бы изъ Аѳинъ, дѣйствительно въ теченіи одного дня сѣвернымъ вѣтромъ переплылъ въ Лимнъ. Нечего было дѣлать. Пеласги удалились съ острова. Такое натянутое и дѣтски измышленное объясненіе заселенія острова Греками, къ удивленію, удовлетворяло не только поэтовъ *Еврипида* и *Овидія*, но и географовъ *Плинія* и *Стравона*, и самого историка *Иродота*. Кромѣ Пеласговъ и Эллиновъ, близорукая ученость древнихъ патріотовъ не знала никого. А нынѣшнимъ ultra — патріотамъ можно поучиться на островѣ Лимнѣ тому необходимому и весьма полезному, уроку, что даже въ самыя отдаленныя времена ихъ исторіи на нихъ смотрѣли не только въ Румеліи и Малой Азіи, но и въ самой Аттикѣ, въ самыхъ Аѳинахъ, какъ на чужихъ!

На прощанье съ исчезающимъ островомъ, мы дополнимъ истори-

ческую характеристику его еще двумя тремя штрихами. Кромѣ „Лимнійскихъ женъ", съ языка древнихъ не сходили еще: *Лимнійская земля, Лимнійская бѣда, Лимнійская рука*... первая славилась во врачебномъ мірѣ, какъ лѣкарство (болѣе амулеточнаго свойства) отъ укушенія змѣй и вообще отъ ранъ. Вторая означала самое крайнее зло. Третья намекала на дѣло безчестное и нечестивое. Извѣстенъ былъ еще „огонь Лимнійскій [1]", относящійся къ періоду волканическихъ изверженій на островѣ, затѣмъ славились кромѣ природнаго, такъ сказать Лимнійскаго божества Ифеста, Лимнійская Афродита и Лимнійская Аѳина (Минерва), т. е. конечно изображенія или изваянія богинь, или очень древнія или высокаго техническаго выполненія и т. под.

О христіанской эпохѣ острова намъ негдѣ выправиться. По близости къ материку, онъ вмѣстѣ съ Имвромъ, вѣроятно въ древнія времена принадлежалъ какой нибудь береговой епархіи или Ѳракійской или Мало-азійской, хотя въ извѣстныхъ намъ „нотиціяхъ" Епархій нигдѣ о нихъ не упоминается. Въ Oriens Christianus отысканы, однакоже, имена трехъ архіереевъ Имврскихъ: *Іоакима, Аѳанасія* и *Григорія* изъ XVII—XVIII столѣтія, и 12 архіереевъ Лимнійскихъ: *Стратигія* (325 г.), *Сильвана* (691), неизвѣстнаго (790), *Арсенія* (861), *Павла* (1054), неизвѣстнаго (1067), *Пентакла* (?) (1084 — 1111), *Михаила* (1156), *Василія* (1193 — 1199), *Неофита* (1564), *Игнатія* (1642) и *Іоанникія* (1721). Въ настоящее время каждый островъ составляетъ отдѣльную епархію, подлежащую вѣдомству Вселенскаго Патріарха, занимая въ ряду другихъ митрополій мѣста 54-е и 55-е. Оба сановника церковные носятъ пустоименный титулъ „Экзарха Эгейскаго моря". Изъ разныхъ хрисовуловъ монастырей Аѳонскихъ видно, что при

---

[1]) У поэтовъ упоминается Лимнійская огнедышущая гора *Мосихлъ* (Μοσυχλός), несуществующая теперь.

Комниныхъ — Палеологахъ было въ обычаѣ надѣлять тамошнія обители землями на близъ лежащихъ островахъ, въ томъ числѣ и Лимнѣ. Писатели древняго времени не пропускаютъ случая замѣтить, что во время солнцестоянія — лѣтняго конечно — тѣнь Аѳонскаго пика падаетъ, при солнечномъ закатѣ на Лимнійскій городъ *Мирину*, и закрываетъ его. Предоставляемъ географіи повѣрить сказаніе и сообщить къ свѣдѣнію астрономовъ, на сколько точка захожденія солнечнаго подвинулась въ ту или другую сторону со времени замѣченнаго факта. Но для этого прежде всего нужно отыскать мѣстоположеніе Мирины. По поводу такого курьеза природы, мы долго высматривали „Святоименную" гору на западномъ горизонтѣ, но въ лучахъ склонявшагося къ морю свѣтила не могли различить ничего. Однѣ колышущіяся волны рисовались на грани, отдѣляющей морскую поверхность отъ неба.

Равняемся съ островомъ *Самоѳраки*. Чудную, величественную, и какъ бы грозную фигуру имѣетъ этотъ угрюмый и наиболѣе удаленный семьянинъ „Кикладъ". Страшная громада скалъ выдвинулась изъ глубинъ морскихъ и сгруппировалась въ одинъ гигантскій шатеръ, поражающій своимъ строгимъ и стремнистымъ характеромъ. Кажется, тамъ негдѣ поставить и стопы человѣку. Отовсюду смотрятся въ лице наблюдателю неприступные утесы, одинъ другаго выше, суше и дичѣ. Itinéraire передаетъ (на основаніи: dit-on), что вершина пика Самоѳракскаго достигаетъ 2000 метровъ[1]), и слѣдовательно была бы выше даже Аѳонскаго. Повѣрить это утвержденіе можно съ острова Лимна, откуда на равныхъ почти разстояніяхъ должны видѣться обѣ горныя массы. Физическая исторія острова, вмѣстѣ съ прочими островами Архипелага, должна сводиться къ двумъ задавнимъ событіямъ до исторической эпохи, или погруженію подъ уровень моря большаго мате-

[1]) По Плинію, 10,000 шаговъ высоты.

рика, или возникновенію изъ нѣдръ морскихъ волканической массы. Политическая же исторія, какъ и вся греческая старина, темна и разнорѣчива. Заселили островъ будто бы выходцы съ острова: *Сама*, откуда и имя его: *Самоѳраки*, т. е. „Самъ Ѳракійскій", въ отличіи отъ Іонійскаго. Царь Троянскій *Дардамъ* не то родился тутъ, не то укрылся послѣ пожара своей столицы, захвативъ изъ нея съ собою Палладіумъ, т. е. статую Паллады или Минервы. Оттого будто бы и островъ звался нѣкогда *Дардамій*, а по Аристотелю еще и *Левкосій*. Болѣе измышленное преданіе привязываетъ къ исторіи острова нѣкоего *Сая* (Сама — по Діодору Сицилійскому), сына *Эрма* (Меркурія) и *Рины*, коего именемъ назывался встарину и никъ Самоѳракійскій *Саа*.

Островъ славенъ былъ въ древности паче другихъ. Знаменитость его составляли пресловутыя *Самоѳракійскія таинства*, не менѣе Элевсинскихъ занимавшія древній міръ, и тоже относившіяся къ *Персефонѣ* (Прозерпинѣ) и къ „Матери боговъ". Но островъ — вѣроятно въ болѣе отдаленныя времена — имѣлъ и свой отдѣльный культъ *Великихъ боговъ* или *Кабировъ* [1], подъ которыми что именно разумѣлось или должно быть разумѣемо, не вполнѣ дознано. Число ихъ опредѣляется семью. Включается въ рядъ ихъ и самъ *Зевсъ*. А за нимъ слѣдуютъ имена *Посидона, Вакха, Цереры* съ *Прозерпиной*. Должно быть, слѣдовали тогда нашей пословицѣ: чего хочешь, того просишь. Въ существѣ же дѣла и сами, завѣдывавшіе культомъ, вѣроятно не знали, кто такіе эти: великіе. Происхожденіе ихъ несомнѣнно восточное, — или финикійское или египетское. Въ Мемфисѣ тоже былъ храмъ *Кабаровъ*. Но тамъ чествовался болѣе *Вулканъ* (Фта?) или кто-то похожій на него, коего статую предалъ позору „безбожный" Камбизъ. Проносилось стороною, что *Кабиры* были дѣти *Сидика* [2]),

---

[1]) *Кьбиръ* или *Кэбиръ* по арабски значитъ: большой, великій.

[2]) По Санхоніатону, *Сидикъ* — это самъ Юпитеръ. Евсевій говоритъ: «Отъ Сидика (произошли) Діоскуры, Кабиры, Корибанты, Самоѳраки...». Если уже писатель съ такой

общепризнаваемаго родителя *„Діоскуровъ,* т. е. братьевъ близнецовъ *Кастора* и *Полидевка* (Поллукса). Очень могло быть, что семь „великихъ“ (боговъ) были на своей родинѣ въ Сиріи просто 7 планетъ, въ началѣ еще неизвѣстныхъ грекамъ и не переводимыхъ на греческія понятія, и планетъ конечно не въ астрономическомъ, а въ астрологическомъ ихъ значеніи. Падкіе на все чужое, невѣдомое и таинственное, греки чѣмъ менѣе понимали, въ чемъ дѣло, тѣмъ больше благоговѣли передъ нимъ. Все таже да таже компанія боговъ, такъ сказать насквозь уже для всѣхъ видимыхъ, надоѣдала подвижному уму эллинскому. Иное дѣло — новые, никому невѣдомые, и ни начто не похожіе, *Кабиры*. Чѣмъ менѣе характеризовалась ихъ личность, тѣмъ болѣе разглашалось ихъ достоинство. Назывались они и μεγάλοι (великіе), и χρηστοί (хорошіе), и δυνατοί (сильные), смотря, вѣрно, потому, кому съ какой стороны они въ данный моментъ были нужны. Усерднымъ чтителямъ усердно раздавались отъ святыни перстни железные съ золотымъ ободкомъ или и сплошь позолоченые на врачеваніе всякихъ недуговъ, и другіе дары. По осмысленному представленію древнихъ (Варронъ, Климентъ Александрійскій) подъ „великими богами“ разумѣть нужно небо и землю. Но въ такомъ случаѣ выходило уже не 7, а только 2 Кабира [1]. Да и такія „великія“ понятія о божествѣ у Самоѳракійцевъ (особенно, если, по Иродоту, это первоначально были все таки *Пеласги*) не могли зародиться, ни привиться, занесенныя съ созерцательнаго Востока. Да и что же въ представленіяхъ неба и земли есть такого, что́ вызывало бы таинства [2]?

исторической славой, какъ Евсевій, отдѣлывается подобнымъ сумбуромъ, то ясно, что не откуда ожидать свѣта для такого темнаго культа, каковъ культъ *Кабировъ*.

[1]) Въ древности, при входѣ въ пристань главнаго города острова, стояли двѣ мѣдныя мужскія статуи, которыя и слыли въ народѣ за великихъ боговъ, но ошибочно, какъ замѣчаетъ *Варронъ*.

[2]) Къ немалому сожалѣнію холоднаго изслѣдователя, гдѣ встрѣтится въ древней ми-

Дополнимъ сказанія о примѣчательномъ мѣстѣ древности извѣстіемъ, что островъ имѣлъ когда-то, въ уваженіе своей славы святаго мѣста, право „убѣжища“, которымъ разъ и воспользовался было Македонскій (послѣдній) царь *Персей,* побѣжденный Римлянами. Побѣдители, не смотря на свой положительный характеръ, уважали неприкосновенность священнаго обычая, при всемъ томъ, что островъ составлялъ тогда часть Македоніи, и слѣдовательно, собственность какъ бы Персея, а слѣдовательно, и ихъ, какъ побѣдителей. Другаго рода убѣжищемъ былъ тотъ же островъ (уже развѣнчанный и разоблаченный отъ всякой таинственности) въ другія времена. При византійцахъ онъ былъ ссылочнымъ мѣстамъ. Тоже ради спасенія — только въ иномъ смыслѣ — присланъ былъ на него въ 948 г. экс-императоръ *Константинъ,* одинъ изъ четырехъ со-царствователей *Константина Багрянороднаго,* носившій на себѣ тогда уже (невольный) иноческій образъ. Не понравилось

ѳологіи *таинство*, тамъ вѣрно предполагать нужно нѣкое явное безобразіе. Хотѣлось бы о Самоѳракійскихъ таинствахъ имѣть лучшее понятіе. Но Иродотово разсужденіе (кн. II, гл. 51) о томъ, какъ и почему у Самоѳракійцевъ изображался *Эрмесъ*, неблагопріятствуетъ тому. Чтобы это, если не прямо безстыдное, то не стыдящееся божество не имѣло отношенія къ таинствамъ, трудно повѣрить. Эрмесъ былъ въ числѣ 7 Кабировъ и носилъ особое имя *Казимила*, можетъ быть Ѳракійское, можетъ быть Финикійское (не Славянское ли: кажи милъ?). Хотя съ другой стороны историкъ *Діодоръ* разсказомъ своимъ о томъ, за что пораженъ былъ молніею (fulmine ictus periit, attentatâ Cereris pudicitiâ. Кн. I) на островѣ братъ Дардановъ *Ясъ*, какъ будто даетъ знать, что въ «оргіяхъ» Самоѳракійскихъ не могло быть ничего нехорошаго. Преступленіе Ясово относилось конечно не самой богинѣ, а къ посвященному ей лицу, тѣмъ не менѣе оно говоритъ о нравственной чистотѣ культа. Судя по Діодору, и пресловутый культъ Вести въ Римѣ былъ въ исторической связи съ Самоѳракійскимъ. Онъ полагаетъ несомнѣннымъ, что Весталки кромѣ огня смотрѣли еще за чѣмъ-то другимъ, ни кому кромѣ нихъ и приставниковъ неизвѣстнымъ, и гадаетъ, что это была святыня, вынесенная въ Римъ изъ Трои Энеемъ, а въ Трою занесенная *Дарданомъ* изъ *Самоѳраки*, или, какъ думаютъ другіе, то былъ самъ *Палладій*, т. е. подлинная статуя *Аѳины* (Паллады—Минервы) *Илійской*, о которой говорили, что она упала съ неба. Отъ миѳа Аѳины тоже вѣетъ чистотой. Дай Богъ по чаще встрѣчаться съ нею на классической землѣ обоженнаго разврата.

ему мѣсто знаменитыхъ таинствъ, и онъ всячески искалъ случая покинуть его. Но приставленные шуриномъ зоркіе корибанты не оставляли ему никакой надежды сдѣлать это. Въ отчаяніи онъ убилъ одного изъ стражей, другимъ самъ былъ убитъ. Ни грустная, ни веселая исторія. Было не карабкаться на престолъ, и безъ того уже занятый двумя вѣнценосцами, а, взобравшись на него, не сгонять стараго отца, который дѣйствительно оказалъ государству важныя услуги, а — главное — не слѣдовало, сидя на престолѣ, считать себя „великимъ богомъ“.

Уношу послѣднее впечатлѣніе „священнаго“ острова. Оно славно и торжественно. Склоняющееся къ землѣ солнце плететъ на него не изобразимую игру тѣней. Господствуютъ цвѣта розово-фіолетовый и голубой, что, вмѣстѣ съ синевою моря и неба, представляетъ взору нѣчто, по истинѣ чарующее. Такъ бы и летѣлъ туда, пріютился гдѣ нибудь подъ скалою или подъ деревомъ, и съ послѣднихъ высотъ *Саи* насмотрѣлся бы на всю необозримость пресловутаго *Козьяго* [1]) (Эгейскаго) *Моря*. Какая пригодная точка для наблюденія земли и неба, этихъ истинныхъ „великихъ“ (безличностей) нашего времени, къ которымъ, и послѣ іудейства и христіанства, все еще возвращаются (только не съ мольбами, а чуть уже не съ угрозами) корибанты современной науки, предпочитающіе ясному и свидѣтельствованному Евангелію своихъ темныхъ и безвѣстныхъ кабировъ.

---

[1]) Не красиво, но что дѣлать? Есть много словопроизводствъ собственнаго имени: Αἰγεῖον. Такъ 1) думаютъ, что оно вышло отъ множества острововъ, коими усѣянъ Архипелагъ, напоминающихъ собою стадо *козъ* (αἶγες), 2) производятъ отъ царя *Эгея*, ринувшагося въ него (?) при вѣсти о смерти сына *Өисея* (Тезея), 3) отъ Амазонской царицы *Эги*, утонувшей въ немъ, 4) отъ одной изъ опасныхъ отмелей на немъ, имѣвшей фигуру козы, 5) отъ Эвбейскаго города *Эги*, 6) отъ волнъ, весьма частыхъ на немъ, которыя у Дорянъ зовутся «козами», 7) (наше мнѣніе) отъ имени вообще моря на какомъ нибудь не—греческомъ языкѣ, остаткомъ или памятникомъ котораго можно считать теперешнее простонародное слово: *яло* т. е. αἰγιαλός—морской берегъ.

6-й часъ. Вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Погода великолѣпная. Держимся почти прямо на сѣверъ. Впереди открывается материкъ съ высокими горами, въ которыхъ карта указала гигантскій хребетъ древней *Родопы*, а по теперешнему: *Деспото* = Владыки. Позади, нѣсколько къ западу, хорошо очертывается коническій шатеръ Аѳона, зоркій товарищъ различаетъ на немъ даже снѣжныя полосы. А такъ какъ на Самоѳракскомъ никѣ таковыхъ не было видно, то естественное заключеніе, что сей ниже онаго. Впрочемъ, Аѳонъ примыкаетъ къ материку, и почти весь покрытъ лѣсомъ, не диво потому, что долѣе борется съ зимою, а о Саѣ голоскалистомъ и окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, нельзя сказать того же. Прямо къ западу отъ насъ также очертывается подъ лучами солнца ломанная линія горъ, сравнительно невысокихъ, принадлежащихъ одному изъ острововъ Эгейскихъ, — самому сѣверному, *Ѳасу*. Съ закатомъ солнца мы повернули къ востоку, и вскорѣ вошли въ обширную бухту съ низкими и невзрачными берегами. *Эмманисъ* пошолъ осторожнѣе, и какъ бы сталъ пробираться ощупью. На берегу показалась неясная кучка строеній. Мы взялись за бинокли, но не долго пользовались ихъ услугою. Смотрѣть было не на что. Наконецъ мы стали. Былъ брошенъ якорь, и сейчасъ же заревѣлъ, выпущеный на волю, паръ. Гдѣ мы находимся? На вопросъ этотъ отвѣчали намъ: въ *Порто-Лаго*, о которомъ я не имѣлъ дотолѣ никакого понятія, и даже не слыхалъ вовсе. Itinéraire совершенно молчитъ о немъ. Ищу мѣста его на старой картѣ Thraciae antiquae, и не нахожу ничего подобнаго на бухту по берегу между Samothrace и Thasus. Все Ѳракійское поморье изукрашено на ней кудрями, знаменующими воображаемые заливы моря и соотвѣтствующіе имъ мысы. Указанъ и родъ приморскихъ городовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго созвучія съ Lago. А слово это, очевидно, древнее, и хорошо комментировалось бы греческимъ: Λαγὸς — заяцъ. Это должна быть пристань, гдѣ неизвѣстный географъ или

мореплаватель увидѣлъ прежде всего на берегу зайца, именемъ котораго и назвалъ открытый имъ портъ. Но какъ рѣшиться повѣрить тому, что придумано самимъ? Не у всякаго хватитъ на то духа. Не говоря уже о Птолемеѣ или Стравонѣ, хотя бы какой Византіецъ упомянулъ о *Лименѣ Лаговомъ*, какъ упоминаютъ всѣ сплошь о *Птолемеѣ Лаговомъ* (сынѣ). Но нѣтъ и сего. А между тѣмъ такое обширное пристанищное мѣсто не могло не имѣть значенія и имени въ старыя времена. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ свести концы съ концами, я счелъ возможнымъ, что которое нибудь изъ упоминаемыхъ древними, двухъ озеръ или болотъ прибрежныхъ *Бистониды* и *Исмариды*, красующихся на Целляріевой картѣ и не означенныхъ болѣе Кипертомъ, слились съ моремъ, и образовали изъ себя бухту *Лаго*. Что же касается имени ея, то оно могло быть дано мѣсту Венеціанами или Генуезцами, распоряжавшимися въ свое время картографіей Средиземнаго моря безконтрольно, и слышавшими, что тутъ существовало нѣкогда озеро — lacus, а по теперешнему произношенію: lago. А такъ какъ при одномъ изъ упомянутыхъ озеръ, именно *Исмаридѣ*, стоялъ и городъ *Исмаронъ*, упоминаемый еще *Омиромъ*, и такъ какъ *Исмаронъ* тотъ вѣроятно есть *Маронія* византійцевъ и нашего времени, отстоящея отъ Порто-Лаго на цѣлый день пути (верстъ 50), то остается искать и видѣть въ теперешней озерной бухтѣ древнюю *Бистониду*, при которой, по Плинію [1]), былъ прежде городокъ *Тирида*, славный конюшнями царя *Діомида*, а въ его (Плиніево) время уже другой городъ: *Дикеи* или, по другимъ, *Дикеополь*. Когда я съ нѣкоторымъ самодовольствомъ сообщилъ къ свѣдѣнію спутниковъ, что тутъ существовалъ когда-то „городъ праведныхъ", то получилъ въ отвѣтъ: ну, такъ, значитъ, пора спать.

---

[1]) Онъ же передаетъ, что ни одинъ предметъ не всплывалъ на поверхность Бистониды... Хоть бы и не отъ него слышать такую сказку.

Заснуть, конечно, не мѣшаетъ, особенно послѣ цѣлодневнаго труда археологическихъ поисковъ, большею частію неблагодарныхъ. Но это не легко сдѣлать тому, кто съ высотъ Самоѳраки упалъ такъ сказать вдругъ въ Бистонское болото. Городъ *праведныхъ* возникъ на мѣстѣ ужасающей неправды. Не всѣмъ извѣстна историческая слава конюшенъ царя Діомида. Царь этотъ слыветъ за Ѳракійскаго, но царствовалъ онъ только надъ *Бистонами* — особымъ народцемъ Ѳракіи. Онъ былъ страстный охотникъ до лошадей и кормилъ своихъ критскихъ рысаковъ человѣческимъ мясомъ [1]... Фактъ неслыханный остался бы неизвѣстнымъ потомству, если бы на бѣду людорѣза не присталъ къ берегамъ Бистоніи всесвѣтный корабль *Арго* (по слѣдамъ котораго, какъ видно, идетъ нашъ Эптанисъ). Аргонавты познакомились съ Діомидомъ, и конечно узнали, отчего у него такіе славные кони. Не заѣзжай они на Самоѳраки и не посвятись въ тамошнія таинства, они можетъ быть погуляли бы съ галантомомъ царемъ и отправились бы далѣе съ чистою и спокойною совѣстію. Но, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей кроткаго культа „матери боговъ", или въ одушевленіи величіемъ „Великихъ", они возмутились слышаннымъ и можетъ быть видѣннымъ ими въ Тиридѣ. А тутъ еще случилось фатальное для Діомида обстоятельство: замѣтивъ между гостями одну личность, цвѣтущую юностію и красотою, онъ не устоялъ противъ искушенія, и рѣшился угостить имъ своихъ лошадей, что̀ и исполнилъ. Оказалось, что потравленный конямъ аргонавтъ былъ любимецъ Иракла, *Авдиръ* (Абдеръ). Ясно, что́ должно было послѣдовать за симъ. Полубогъ одинъ сразился со всѣми четыреногими людоѣдами, укротилъ ихъ своей дубиной пресловутой и схватился съ самимъ Діомидомъ, котораго, разумѣется одолѣлъ, и живаго отдалъ на съѣденіе его собственнымъ ло-

---

[1]) На Целляріевой картѣ Ѳракіи онъ даже изображенъ (въ порфирѣ и діадимѣ) рубящимъ кого-то у дверей своей конюшни.

шадямъ, а — что и того важнѣе — стеръ съ лица земли самое царство Бистонское, выстроивъ въ 15 миляхъ отъ мѣста своихъ подвиговъ городъ *Авдиры* (Abdera) въ память своего злополучнаго друга, котораго кости похоронилъ тамъ... Перебирая воображеніемъ все вышесказанное, можно ли было подумать о снѣ? А тутъ еще, рядомъ съ Эптанисомъ, рисуется покачивающійся съ боку на бокъ корабль *Арго*, въ 50 локтей длиною, съ 30-ю парами веселъ, весь сосновый, исключая кормы, сдѣланной изъ Додонскихъ дубовъ, и потому самому имѣвшей даръ провѣщанія... и пр. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я любовался имъ (тоже въ воображеніи) на рейдѣ *Пагасійскомъ* [1]), отправлявшимся въ Колхиду. Теперь онъ возвращается уже оттуда, везя съ собою пресловутую овчину съ золотою шерстью, да еще и царевну Колхидскую, неуступавшую въ мужествѣ самому Ираклу. Видно уже время тогда было такое жестокое, когда жили на свѣтѣ *Геркулесы*, *Діомиды*, *Медеи*... греки ли, ѳракійцы ли, колхидцы ли — все равно. У грузинки достало ума и сердца истребить двѣ царскія фамиліи, и зарубить своими руками своихъ собственныхъ троихъ сыновей!.. Вѣдь не все же вымыслъ. Есть что нибудь и дѣйствительно бывшее во всѣхъ этихъ ужасающихъ разсказахъ сѣдой древности. Но.. заснуть все таки слѣдуетъ.

Неаполь. 15 Мая 1865. Суббота.

Отвезшеся отъ Троады, пріидохомъ въ Самоѳракъ, во утріе же въ Неаполь. Дѣян. XVI. 11.

Въ 10 часовъ я послѣдовалъ примѣру своихъ спутниковъ, а въ полночь опять уже бодрствовалъ. Пароходъ снимался съ якоря и бѣготня по палубѣ разбудила меня. Нашумѣли парами своими на всю Бистонію, двинулись, повернулись и стали! Говорятъ, сѣли на мель.

---

[1]) См. *замѣтки поклонника Св. Горы.* Кіевъ 1864 г., стр. 391.

Бѣготня усилилась. Меня искушалъ помыслъ идти на верхъ и высматривать мѣстность имени той *Абдеры*, славной цѣлымъ рядомъ философовъ — скептиковъ, но расчитавъ, что въ темную ночь не много чего увидишь, а, притомъ же, разстояніе въ 15 римскихъ миль отъ *Дикеи* до *Абдеры* потребуетъ отъ нашего Арго двухчасоваго пути, и въ это время невозможно, чтобы я не задремалъ, я рѣшился оставаться въ своей каютѣ, довольствуясь мысленнымъ привѣтомъ и весельчаку *Димокриту* и мѣдному лбу *Протагору* и не знаю еще какому Авдириту eiusdem farinae. „Обо всемъ можно утверждать и да и нѣтъ“.. Вслушиваюсь я въ это отличное разсужденіе, какъ будто что-то хочу возразить, нужныя слова не подбираются, я сержусь или стыжусь, и вдругъ между мной и философомъ встаетъ лошадиный образъ царя Діомида въ діадимѣ съ топоромъ.. я уже спалъ! Проснулся въ 6 часовъ. По вчерашнему разбудило меня прекращеніе винтоваго стука. Мы стали на якорь передъ *Кавалою*. Зная изъ вчерашняго разговора, что здѣсь ожидаетъ Эптаниса нашего большой грузъ табаку, и что новое, совсѣмъ не археологическое [1]), имя мѣста не обѣщаетъ мнѣ никакой поживы, я отдался сладкому покою. Разбуженъ былъ неожиданнымъ открытіемъ, которое удалось сдѣлать на берегу моему спутнику. Онъ усмотрѣлъ тамъ съ парохода много развалинъ, и поспѣшилъ порадовать меня такою вѣстью. Городъ оказался выстроеннымъ при самомъ морѣ на плоскомъ берегу. Непосредственно за нимъ къ сѣверу начинаетъ возвышаться сухая каменистая гора, и по ней тянутся длинными зигзагами старыя стѣны съ башнями по мѣстамъ, принадлежавшія очевидно стоявшей на высотахъ крѣпости. А можетъ быть тамъ былъ и цѣлый городъ съ другимъ, болѣе античнымъ именемъ.

---

[1]) Cavallo — лошадь. И у грековъ тоже въ просторѣчіи ἡ καβάλα идетъ вмѣсто: ἵππος почти повсемѣстно.

Прибѣгаемъ за объясненіями къ „Французу“ [1]), и къ немалому удовольствію узнаемъ, что тутъ процвѣталъ когда-то городъ *Неаполь* (новый городъ), служившій морскою пристанью Апостольскому городу *Филиппамъ*, отстоящему отъ берега морскаго часа на 3 пути прямо къ сѣверу. Подивившись тому, какъ „Неаполь“ могъ переименоваться въ „Кавалу“, мы рѣшились немедленно отправиться на берегъ. Мысль, что за 1800 лѣтъ передъ симъ также, подобно намъ, плыли тутъ къ берегу съ корабля Апостолы *Павелъ, Сила* и *Лука,* вносила въ душу умиленіе. Это было вѣдь первое благовѣстіе Европѣ о Христѣ. Здѣсь она, вся христіанствующая теперь, отворила первую дверь Евангелію. Здѣсь бы ей и воздвигнуть всеплеменный памятникъ Апостолу языковъ за его слово и дѣло, и загладить тѣмъ тотъ жестокій и постыдный пріемъ, какой она оказала всемірному учителю и его сотруднику. Извѣстно, что Апостоловъ били палками въ *Филиппахъ* и засадили въ темницу безъ суда и допроса. На помощь узникамъ явился самъ Богъ — съ своею чудодѣйствующею силою. Но не страхъ передъ судомъ Божіимъ, а отвѣтственность передъ судомъ человѣческимъ заставила первыхъ представителей Европы возвратиться на путь умѣренности и справедливости относительно проповѣдниковъ новаго ученія. Пусть бы почаще и современная намъ Европа прочитывала 16-ю главу книги „дѣяній Апостольскихъ“. Она спасетъ ее и отъ самоуправства въ дѣлѣ вѣры, и отъ рабства передъ обычаемъ, и отъ недуга чудобоязни, и отъ духа пытливаго, и отъ... Ренана болтливаго.

Городъ состоитъ собственно изъ набережной улицы, длиною въ полверсты и шириною въ четверть версты. Его вѣнчаетъ цитадель плохой постройки, видимо ненужная торговому мѣсту. Мы прошлись по берегу, довольно шумному и оживленному. Рѣчь всюду турецкая и греческая. Зданія незавидныя. Съ моря они высматриваютъ краси-

---

[1]) «Французъ», ради краткости. Разумѣется: itinéraire de l'Orient etc.

вѣе. Мѣстная особенность: съ одной стороны улицы на другую перекинуты по жердямъ виноградныя лозы, бросающія въ лѣтніе жары прохладную тѣнь. Въ нѣсколько минутъ исходивши городъ, мы вышли за него черезъ ворота, не знаемъ для чего существующія, и сейчасъ же стали подниматься по косогору къ старому водопроводу, а отъ него еще выше къ старымъ стѣнамъ, манившимъ насъ къ себѣ еще на морѣ. Противъ чаянія, онѣ непредставили мнѣ ничего, стоившаго понесеннаго нами труда. Сперва встрѣтилась опустѣлая мельница, за тѣмъ случай неважнаго значенія, помѣченный въ записной тетрадкѣ словомъ: *олмазъ*. По самой стѣнѣ, обвалившейся на обѣ стороны, мы поднялись къ „первой“ башнѣ, полюбовались съ нея видомъ на городъ, и, чувствуя въ себѣ избытокъ утренней бодрости, подготовленный вчерашнимъ цѣлодневнымъ лежаніемъ и сидѣніемъ, рѣшились обойти весь кремль стараго Ѳракійскаго *Новгорода*. У „второй“ башни награждены были за то нежданнымъ зрѣлищемъ развалинъ церкви, до того малой, что нельзя было рѣшить, для кого и для чего она существовала въ древности. На мѣстѣ бывшаго престола поставленъ черепокъ, и въ немъ видишь нѣсколько крупинокъ недожженнаго ладана. Трогательное усердіе христіанское! Не менѣе трогаетъ и терпимость мусульманская. Освященное мѣсто совершенно чисто. Разохотившись, мы надѣялись что нибудь найти и у „третьей“ и у „четвертой“ башни, но кромѣ камней, поросшихъ быліемъ и разбросанныхъ немилосердо геркулесовскою рукою времени, ничего не увидѣли. Больше смотрѣть было нечего. Оставалась еще одна башня, одиноко и выше всѣхъ другихъ стоящая. Не взрачный видъ ея не обѣщалъ тоже археологической поживы, но манила къ ней дѣтская надежда видѣть отъ нея *ту сторону*. Ну, что, думалось, если съ высоты ея откроется взору памятная мѣстность города *Филиппъ*? Можно было вѣрить, что не откроется, а все таки мы направились къ ней, сообразивши, что все же лучше коротать время на незыблемой тверди земной, чѣмъ на

колыщущейся поверхности водъ. Не устрашилъ насъ даже крутой подъемъ къ этой главной стражницѣ порта „Придаточной Мекедоніи". Однакоже, по дорогѣ къ ней должны были сдѣлать привалъ, ибо солнце уже начинало грѣть насъ со всѣмъ жаромъ близящагося Іюня. За то, сидя на травѣ и смотря на далекое море, можно было вдоволь насладиться прохлаждающимъ вѣяніемъ древности. Чего только не пройдетъ по устремленному въ глубь ея воображенію! Все по той же синевѣ того же моря приходятъ и уходятъ флоты *Египтянъ, Финикіянъ, Аѳинянъ, Персовъ, Македонянъ, Римлянъ, Византійцевъ, Сарацинъ, Венеціянъ, Турокъ, Русскихъ* и недавнихъ „союзниковъ" *Англо-французовъ*, точно неясно очертывающіяся облачка по далекому небу! На комъ хочешь остановись и рисуй возможныя конечно, но въ сущности небывалыя, подробности морскихъ перипетій, пока не устанешь и не скажешь самъ себѣ: *и сіе суета!*

Побывали и у послѣдней башни. Никакой *той* стороны не нашли за нею. Гора и за нею поднималась уступами все выше и выше. Какая гора? У старыхъ географовъ тутъ помѣщается гора *Символъ*, составляющая одинъ изъ отроговъ горнаго кряжа *Родопы*, столь именитой въ древности, теперь же почему-то зовомой *Деспото-дагъ*, т. е. „горою Владыки". *Діонъ* прямо говоритъ, что гора этого имени (Символъ) стоитъ между *Новымъ-городомъ* и *Филиппами*. Мы находимся теперь на полосѣ земли между Ѳракіей и Македоніей, или точнѣе — все еще во Ѳракіи, только уже отчисленной во времена Македонскаго всевладычества къ монархіи Филиппа, который выстроилъ тутъ и пограничный городъ своего имени для сдержки и отраженія Ѳраковъ. Географы зовутъ эту полосу земли *Придаточной Македоніей*, и помѣщаютъ на ней нѣсколько отдѣльныхъ народцевъ, въ родѣ *Медовъ* (Μαιδῶν) *Идоновъ, Вессовъ, Дигировъ, Фрагандовъ, Одомантовъ, Даноп-*

---

[1]) Не прибавить ли ко всѣмъ имъ еще *Аѳонцевъ?* Недавній русскій «туристъ, ар-

литовъ [1])... Еще: Παῖτοι, Κίκονες, Σαπαῖοι, Δερσαῖοι, Σάτραι, Πίερες, Δόβηρες, Παίοπλες, (Ирод.) Παναῖοι, Δρῶοι, Ἔορδοι, Ἀλμῶπες... Чѣмъ больше ихъ насчитывается по именамъ, тѣмъ менѣе вѣрится въ ихъ дѣйствительное когда-то существованіе. Но, не съ вѣтра же взяты имена ихъ. Можетъ быть это были не болѣе какъ наши *Кобанцы, Макаровцы, Мингалевцы* и тому подобные „народы", составлявшіе когда-то одну, знакомую мнѣ (но не историческую) Б. волость, коея начальство если и не кормило лошадей своихъ людьми, все же, подъ веселую руку, доставляло послѣднимъ пріятное зрѣлище торжественнаго въѣзда на лошади въ ихъ избы, не боясь ни какихъ Аргонавтовъ, разъѣзжавшихъ тогда нерѣдко изъ города за золотымъ руномъ... При спускѣ съ горы, мы не держались никакой дороги, а шли напрямикъ къ морскому берегу, и оттого попадали на такія крутизны, какихъ и не воображали, стоя на верху. Кромѣ этой невзгоды, насъ еще не мало напугало обиліе змѣй по пути. Я встрѣтилъ двухъ живыхъ и одну мертвую, а четвертую тутъ же при насъ убили подошедшіе пастухи. Отъ такого зрѣлища пропали и поэзія и исторія. Поскорѣе добраться до Кавалы, было самымъ увлекательнымъ помысломъ на ту минуту. Въ городѣ уже было полдневое затишье. Прятаясь на улицѣ отъ палящихъ лучей солнца, я въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ „ложный шагъ" по скользкой мостовой и упалъ, но къ счастію отдѣлался однимъ легкимъ ушибомъ. Случай этотъ я счелъ знакомъ, что остаюсь въ чемъ нибудь повиненъ мѣсту, отчего и сдѣлалъ ему земной поклонъ. Виновность же, очевидно, состоитъ въ томъ, что я забылъ упомянуть о самомъ главномъ для Кавалы [1]) обстоятельствѣ, томъ, что здѣсь родился и воспитался преобразователь Египта, *Мегеметъ-Али.*

тистъ и аферистъ» и вдобавокъ, публицистъ, увѣрилъ свѣтъ, что у монаховъ Аѳонскихъ есть свой флотъ и свой флагъ.

[1]) Не удалось мнѣ нигдѣ вычитать этимологіи слова: *кавала.* Что оно не древнее,

12 часовъ. Отдыхаемъ отъ путеваго труда на пароходѣ, отчетливо пересматривая стѣны и башни вѣнчавшаго когда-то гору *Неаполя.* Нагрузка единственнаго почти мѣстнаго продукта, табака приходитъ къ концу. Не было охоты узнать, куда его везутъ, по чемъ продаютъ, что̀ стоитъ перевозъ, во что обходится тамъ и сямъ пошлина, и пр., что́ все доставляетъ предметъ для разговора пассажиру съ торговымъ оттѣнкомъ, какъ я убѣдился въ другое время, на цѣлые часы. Новые „эпиваты“ (пассажиры) не подъѣзжаютъ, что́ и на̀руку старымъ. Въ ожиданіи, пока наступитъ моментъ отправки, рисую въ записной книжкѣ видъ города, довольно приглядный отъ обилія зелени. Зданія видятся длинныя и высокія съ правильными архитектурными линіями. Два высокихъ и стройныхъ минарета и нѣсколько почти столько же высокихъ кипарисовъ, выникающіе изъ за крышъ домовъ, придаютъ немалую красоту цѣлому. Можно бы обѣщать хорошую будущность городку. Вмѣсто именитыхъ когда-то *Филиппъ,* онъ служитъ теперь портомъ другому тоже, не малозначительному, Θрако-Македонскому городу *Серрамъ* съ смѣшаннымъ греко-славянскимъ населеніемъ (въ 30,000 душъ) и именитымъ въ краю монастыремъ *Св. Іоанна Предтечи,* въ которомъ оканчивалъ дни своей многотревожной жизни ученый *Григорій Схоларій,* первый патріархъ Константинопольскій, по паденіи

это очевидно. Что при наименованіи имъ города какой нибудь мореплаватель итальянецъ не руководствовался памятью сосѣднихъ Діомидовыхъ «лошадей», это также вѣрно. Византійцамъ не зачѣмъ было давать мѣсту римскую кличку. Одинъ грекъ туристъ съ замашками учеными полагаетъ, что на мѣстѣ *Кавалы* былъ когда-то городъ *Халипсъ* (Χαλυψὸς). Но ни во Θракіи ни въ Македоніи такого имени у древнихъ не встрѣчается. Думаемъ, что его именно разумѣетъ одна карта Европейской Турціи, когда помѣщаетъ (на значительномъ отдаленіи отъ нынѣшней Кавалы) городъ «Старую Кавалу» и прибавляетъ въ скобкахъ: *Капсалъ.* Наконецъ одинъ французскій оріенталистъ (Белонъ), говоря о Кавалѣ, утверждаетъ, что мѣсто называлось въ старину: Βουκέφαλος (бычачья голова) что, какъ извѣстно, было кличкою пресловутой лошади Александра Великаго. И такъ, все таки мы не уходимъ отъ лошади, т. е. кавалы.

Имперіи, занимавшій Вселенскій престолъ всего 5 лѣтъ подъ именемъ *Геннадія*. Въ Серрахъ и каѳедра православнаго Митрополита, перешедшая туда можетъ быть изъ древняго и славнаго *Амфиполя* — Апостольской памяти. Но Кавала не принадлежитъ къ его епархіи. Она входитъ въ составъ Драмской епархіи. Городъ *Драма* всего часахъ въ 5—6-ти отъ Кавалы, лежитъ въ прекрасной долинѣ его имени, которую Турки зовутъ „золотою", и обязанъ своимъ происхожденіемъ Византійской эпохѣ. Онъ перенялъ значеніе и, такъ сказать, службу города Филиппъ, такъ что Митрополитъ Драмскій титулуется, кромѣ *Зихнійскаго* и *Неврекопскаго,* еще *Филиппійскимъ* [1]). Третія сосѣдняя епархія въ „Придаточной" бывшей Македоніи въ настоящее время есть *Мелѣникская*. Прежде она была епископіей Серрской Митрополіи. Когда и за что почтена высшимъ достоинствомъ, неизвѣстно. Уже изъ самаго приведеннаго перечня Филиппійскихъ епископій видно, что двѣ изъ нихъ носятъ славянскія имена. *Мелѣникъ* (по картѣ Киперта-Melnikj, т. е. *Мельникъ*) очевидно славянское слово. Рядомъ съ нимъ встрѣчаются имена городовъ и селеній: *Чернова, Правишта, Пресѣчени* и многія другія. Какого времени все это Ѳракійское славянство? Патріоты утверждаютъ, что у древнихъ писателей не встрѣчается во Ѳракіи ничего, звучащаго по славянски, и ссылаются при этомъ, между прочимъ, на самую книгу Дѣяній Апостольскихъ.

---

[1]) *Серрская* каѳедра занимаетъ въ ряду другихъ подчиненныхъ Константинопольскому престолу 27-е мѣсто, а *Драмская* 28-е. Въ «Нотиціи» Имп. *Льва мудраго* (по Лекеню), митрополіи Филиппійской подвѣдомы были 7 епископій: *Ѳеорійская*, *Полистильская* (городъ: Πολύστηλον занималъ въ византійскую эпоху, какъ вообще думаютъ, мѣсто Абдеры), *Вимкійская*, *Хрисопольская* (по инымъ спискамъ: Христопольская), *Смоленская* (Σμολαίνων). *Кесаропольская* и *Алектріопольская*. Ѳеорійской въ иныхъ спискахъ недостаетъ. Не читать ли вмѣсто Θεωρίου, Νεωρίου, т. е. *пристани*? Ибо трудно предположить, чтобы такое значительное мѣсто оставалось въ тѣ времена безъ епископа. Впрочемъ въ числѣ Архіепископій Константинопольскаго престола упоминается и прямо *Неапольская* (17-я въ ряду другихъ). Гдѣ ея искать должно, неизвѣстно.

Правда, такъ Апостолъ Павелъ проходитъ города: *Неаполь, Филиппы, Амфиполь, Аполлонію* — всѣ съ эллинскими именами, но доказывается ли этимъ тó, что хочется панэллинистамъ? Развѣ у насъ нѣтъ русскихъ городовъ *Петербурга, Екатеринбурга, Оренбурга* и даже Рязанскаго *Раненбурга?* Всѣ эти русскіе *бурги* и Ѳрако-Иллирійскіе *поли* суть проявленія или колоніальнаго педантства или мономаніи, не имѣющія отношенія къ этнографическимъ вопросамъ. Засвидѣтельствовано исторіей, что эллиноманъ *Филиппъ* II (отецъ Александра В.) назвалъ своимъ именемъ городъ Ѳракійскій, носившій до него туземное имя: *Датосъ* или *Кринидисъ*, и то — по огреченному, конечно, произношенію. А извѣстны весьма древніе города этой мѣстности, занесенные въ исторію и съ настоящими ихъ „варварскими" именами, каковы: *Топирисъ* (Плиній, Птолемей), а въ христіанскія времена: *Топиросъ* (епископальный городъ въ области Родопы), *Довиросъ* или *Доберосъ* (Птол. Ѳук.) приморскій городъ, — тоже потомъ епископальный, *Драбискосъ, Дорискосъ, Пистиросъ, Стагира*... Какое славянское ухо не почуетъ въ именахъ этихъ нѣчто *свое*, хотя и переиначенное [1]? Если еще рано и смѣло намъ видѣть въ нихъ наши *криницу* или *криницу*, нашъ *топоръ*, нашъ *пестеръ*, нашу *траву*, наше *добро*, и пр., то по крайней мѣрѣ нѣтъ въ нихъ, надѣемся, ничего, чтó бы счелъ роднымъ себѣ, единственно возможный конкуррентъ нашъ на этомъ поприщѣ, *Готхъ, Кельтъ, Дакъ* и не знаю кто еще. Самая рѣка *Нестъ*

---

[1]) При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ славянскихъ *б, ж, ч, ћ, щ* (полагая, что *ц* есть сложное *тс*), и что для *б* при передачѣ славянскихъ словъ греческими буквами должны были служить β и π, для *ж* конечно ближе всего ζ, для *ћ* всегда ς, для *ч* сложныя τσ или τζ. Присовокупимъ къ сему, что въ греческомъ υ весьма часто должно скрываться наше *у* или *ю* (Στρύμων — Струма), въ κ передъ ε, ι, υ звучать наше *ч* или *ц* (Κυριακόν—церковь, Κεράσια—черешня), въ γ часто предполагается наше *й*, или, незамѣчаемое нами, придыханіе язычное, если стоитъ передъ ε и ι, и особенно между двумя гласными (Διάγκος — Янко, т. е. Ваня, Τσετίνιγε — Цетинье).

(Νέστος), главная въ сихъ мѣстахъ (Ирод. Плин. Өукид. Страв. Скил. Мел.), до сихъ поръ зовомая: *Мѣста,* въ совокупности съ чисто славянскою *Струмою* (*Стримономъ* Στρύμων) текущею по сосѣдству, не даютъ ли повода заключать, что Славяне обитали въ мѣстахъ этихъ ранѣе не только Іустиніана, но и Өеодосія II, при которомъ будто бы впервые огласилось настоящее имя ихъ въ Имперіи?

Въ часъ по полудни „котва" корабля нашего была поднята, „вѣтрила"... Но вѣтрилъ больше нѣтъ. Вмѣсто нихъ есть „врàтило", которое тамъ въ глубинѣ водной и началò поворачиваться, глухо постукивая своимъ трезубцемъ, невиданнымъ со временъ отставленнаго отъ службы Посидона. Воображаю, какими куреніями и возліяніями почтили бы эгейскіе Неаполитанцы новое, и такое страшное, божество подводное, если бы встали изъ гробовъ своихъ на свистъ „Эптаниса". Прощаемся съ мѣстомъ, которому въ близкомъ будущемъ грозятъ немалыя треволненія. Оно лежитъ на рубежѣ Өракіи и Македоніи, и послужитъ, вмѣстѣ съ столькими другими, международнымъ яблокомъ раздора. Въ первую вцѣпились всѣми руками потомки *Эллина* (ни чуть не повиннаго въ бытіи ихъ), по праву завоеванія, а вторую они же требуютъ себѣ по наслѣдству. Эллинъ былъ сынъ *Девкаліона,* которому (видно) по правамъ возстановителя рода человѣческаго [1]), принадлежало на землѣ все, въ томъ числѣ и Өракія. Кромѣ Эллина, у Девка-

[1]) А самое имя Δευχαλίων какъ мало звучитъ по гречески! Одинъ византіецъ (Өеофанъ), признавая въ Девкаліонѣ библейскаго Ноя, выводитъ имя его изъ влагаемаго въ уста его покаяннаго обращенія къ грѣшникамъ его времени, въ переводѣ на греческій языкъ будто бы составляющаго фразу: Δεῦ (τε) Καλεῖ (ὑμᾶς ὁ θεὸς εἰς μετάνοι) αν. Такъ какъ отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, то мнѣ и припомнилось при этомъ, какъ одинъ изъ товарищей моихъ по Риторикѣ, отличавшійся быстроуміемъ, читалъ въ загадочномъ имени русскую фразу: *Дѣвка* (что) *ли онъ?* произнесенную возродителемъ людей, когда Өемида завѣряла его, что бросая за спину свою кости «матерой матери», онъ народитъ вновь людей.

ліона еще былъ другой сынъ *Амфиктіонъ*, наслѣдовавшій отцу. Но такъ какъ исторія его начинаетъ уже выходить на свѣтъ критики, и слѣдовательно не приноситъ всей ожидаемой пользы патріотамъ, то у Девкаліона явился третій сынъ *Македонъ*, отъ котораго Эллины и имѣютъ теперь право владѣть Македоніей... Вступая съ сей минуты въ предѣлы Македоніи, я нуженъ узнать что нибудь о ней, и потому не даромъ заговорилъ о Девкаліонѣ и Македонѣ. Надобно же, въ самомъ дѣлѣ, поискать объясненія термину, надѣлавшему столько историческаго шума, и теперь еще готовому залить Румелію отъ края до края междоусобіемъ. Конечно, увлечься нельзя блестящимъ предположеніемъ одного цареградскаго „родолюбца“, сочиненнымъ очевидно для насъ русскихъ, что въ Македоніи проще всего слышать *Макъ* и *Донъ*, ни злонамѣреннымъ сопоставленіемъ понятій мачихи и дочери, аллюзирующимъ на отношенія Греческой церкви въ Македоніи къ народу. Слава Богу, есть возможность произвесть Македонію отъ названія одного изъ племенъ, населявшихъ ее въ глубокой древности, именно *Мигдоновъ* (Μυγδῶνες), сходство бьющее въ глаза (или уши). Отчего мы сей часъ же даемъ преимущество этой этимологіи передъ Девкаліоновской. Все это я переводилъ въ мысли, сидя одиноко за картофельнымъ обѣдомъ съ Страбономъ и Изамберомъ. Спутникъ мой въ это время рисовалъ на палубѣ что-то. Возвратившись на верхъ, я нашолъ его въ схваткѣ съ однимъ патріотомъ, завѣрявшимъ нашего скиѳа, что ни одинъ грекъ не измѣнялъ и не измѣнитъ вѣрѣ отцевъ своихъ, тогда какъ Болгары напр. сегодня дѣлаются уніатами, завтра протестантами... Скиѳъ, вмѣсто отвѣта, только значительно и послѣдовательно кивнулъ головою на берегъ по направленію къ оставленной Ковалѣ. — А что *тамъ* такое? спросилъ состязатель. — А тамъ Драма... — Что же такое: Драма? Какъ, что? А „Святый Андрамасъ“? Спутникъ оторвалъ при этомъ глаза отъ рисунка, и вперилъ ихъ въ патріота. — Вотъ нашли кѣмъ укорить! Бездѣльникомъ, маскаради-

комъ, мошенникомъ. — Такъ. Но значитъ, *есть* такіе греки. Чего же вамъ еще нужно? заключилъ каракулистъ — художникъ, не удостоивая уже взоромъ своимъ противника. Полнѣйшая побѣда была на нашей сторонѣ. И подошло же такъ кстати вѣщее имя *Драмы!* Чтобы ощутить всю соль случая, надобно знать, что предмѣстникъ нынѣшняго Митрополита Драмскаго, позванный за какія-то злоупотребленія въ Константинополь на судъ Великой Церкви и долженствовавшій понести наказаніе, перешолъ въ Латинство, и не только остался въ своемъ санѣ въ глазахъ Римской Куріи, но и сталъ получать пенсію отъ Папскаго делегата въ Константинополѣ, посмѣваясь своимъ „гонителямъ“ — той же квашни тѣсту, по его мнѣнію. Къ прискорбному сему факту, на диво всѣмъ Скиѳамъ, греческое духовенство и вся православная интеллигенція Византіи отнеслись совершенно равнодушно, довольствуясь данною отщепенцу каламбурною кличкою: *Аподрамасъ* (ὁ ἀπὸ Δράμας, вмѣсто ὁ Δράμας или полнѣе ὁ ἅγιος Δράμας), въ чемъ, по мнѣнію ихъ, заключается весьма тонкій и колкій намекъ на отбѣгъ (ἀπό—δρόμος) митрополита отъ православія... Не дѣти ли это, закрывающіе себѣ глаза въ виду приближающейся бѣды? Но, нѣтъ, какъ будто не дѣти. Столько шума газетнаго, и всякаго другаго, надѣлали за четыре года передъ этимъ тѣже самые каламбуристы, когда нѣсколько болгаръ Константинопольскихъ, въ видѣ угрозы или принудительной мѣры Великой Церкви, приняли унію, кидаясь, какъ говорится, изъ огня въ полымя.

Плывемъ между островомъ *Ѳасомъ* и Македонскимъ материкомъ, держась ближе къ первому. Отъ нечего дѣлать рисую горы его, невысокія и неказистыя вообще. Извѣстный на Востокѣ своимъ строительнымъ матеріаломъ [1]) (nemorosa — по словамъ одного поэта), ост-

---

[1]) Еще опалами и аметистами. Еще — уксусомъ. Еще — эллеборомъ, изцѣлявшимъ глазную боль.

ровъ мало представляетъ взору лѣсистой поверхности, по крайней мѣрѣ на высотахъ своихъ. Въ древнѣйшія времена онъ именовался иначе, и даже, по видимому, не разъ мѣнялъ свое имя, означавшее то его благорастворенный воздухъ, то ведренную погоду, то плодоносіе, то минеральное богатство, — всѣ, конечно, греческія. Одно только, самое древнее, названіе его: *Едонисъ* или *Одонисъ* не выражаетъ прямо ничего, и вѣроятно дано ему *Идонами*, обитавшими насупротивъ его на материкѣ. Поэты звали его „золотымъ“, по обилію золотоносныхъ розсыпей на немъ. *Ѳасомъ* — словомъ очевидно чужеземнымъ — назвали его Финикіяне, и тоже будто бы за золото, а по инымъ — отъ имени вождя ихъ золотопромышленной компаніи [1]), открывшаго на островѣ золотые пріиски. Кромѣ лѣса и золота, островъ славился когда-то еще виномъ, имѣвшимъ свой, высоко цѣнившійся, вкусъ [2]), а также мраморомъ съ золотыми жилками. Золота, какъ утверждаетъ Иродотъ, добывалось тутъ когда-то около ста талантовъ, болѣе полутора милліоновъ рублей. Цѣлая гора золотоносная, обращенная къ острову Самоѳраки, была срыта. Мѣстность эту, по такимъ указаніямъ, легко отыскать, и вѣроятно какой нибудь предпріимчивый золотопромышленникъ нашего времени не остался бы въ накладѣ, если бы порылся на мѣстѣ старыхъ пріисковъ, такъ какъ древніе (по мнѣнію „новыхъ“ — по крайней мѣрѣ) не умѣли хорошо отдѣлять дорогой металлъ отъ земной персти.

Острову этому принадлежатъ два три славныхъ въ древности имени. Живописецъ *Полигнотъ*, урожденецъ Ѳасскій, жившій около

---

[1]) По Иродоту (кн. II. гл. 44) компанія имѣла въ виду другую цѣль, а именно — отыскать похищенную Европу.

[2]) Вино имѣло замѣчательное, если не прямо чудесное, свойство принимать вкусъ окружающихъ виноградныя лозы растеній (для чего и сѣяли около кустовъ *эллеборъ*), и было двухъ родовъ, одно — усыпляло, другое — производило безсонницу... «Не любо не слушай».

420 года до Р. Х., первый сталъ изображать лица людей съ открытымъ ртомъ и вообще съ выраженіемъ жизни. Онъ росписалъ храмъ въ Дельфахъ и одинъ портикъ въ Аѳинахъ, извѣстный подъ именемъ „пестраго“ или разноцвѣтнаго (Ποικίλη), вѣроятно названный такъ именно отъ пестроты красокъ, весьма любимой Полигнотомъ. Другая, преславная въ свое время, знаменитость острова былъ *Ѳеагенъ* Тимосѳеновъ сынъ, атлетъ (борецъ) 1400 разъ увѣнчанный на разныхъ всенародныхъ играхъ Греціи, и прозванный „сыномъ Иракла“. Его статуя стояла въ самой Олимпіи рядомъ съ статуями царей Македонскихъ. Прелюбопытенъ судебный процессъ, бывшій тутъ на островѣ, по поводу статуи сего самаго атлета. Какой-то соперникъ его, не терпѣвшій его славы, въ отместку ему приходилъ, и каждую ночь билъ его статую, вылитую изъ мѣди. Статуя наконецъ не выдержала ударовъ, и упала, но, падая, убила самаго оскорбителя. Сынъ убитаго завелъ процессъ съ убійцей. Отличные Ѳасіоты, держась Драконовыхъ законовъ, присудили утопить виновнаго въ морѣ. Но, вслѣдъ за этимъ прототипомъ нашего Шемякина Суда, островъ постигло большое несчастіе, а именно — голодъ. Обратились, по обычаю тѣхъ временъ, за объясненіемъ къ Дельфійскому прорицалищу. Богъ (sic) сказалъ: „Пусть возвратятъ изгнанниковъ“. Сказано — сдѣлано. Но голодъ не прекращался. Шлется другое посольство въ Дельфы. Пиѳія оставляетъ загадочный языкъ, и прямо стихословитъ: „Ѳеагена, не вспомнивши, оставили Великаго вашего“... Думается мнѣ, что вижу, какъ возвратившіеся съ богомолья островитяне собрались тутъ на берегу, и ломаютъ себѣ руки, не зная, какимъ способомъ вынесть изъ глубины морской такую массу металла. И — о, чудо! Рыбаки просто вытаскиваютъ статую неводомъ! Съ тѣхъ поръ Ѳеагенъ прославился на весь свѣтъ уже не одною физическою силою или ловкостію, а и святостію. Его обожили и стали чтить, какъ цѣлителя недуговъ человѣческихъ (голодный желудокъ развѣ не болѣзнь?). Обо всемъ этомъ подробно

говоритъ неложный писатель *Павсаній* (Кн. VI. Гл. II.). И не странно ли? этотъ самый ἅτε θεός (яко-Богъ), когда ему было еще только 9 лѣтъ, идя разъ по городскому базару изъ школы, приложился къ статуѣ Иракла, и затѣмъ, взваливъ ее себѣ на плечо, унесъ домой. За такое нечестивое дѣло присудили ребенка къ смерти. Но одинъ умный старикъ не позволилъ сего, а сказалъ Ѳеагену, чтобы онъ сейчасъ же отнесъ назадъ и поставилъ на свое мѣсто похищенное божество, чтò тотъ и не замедлилъ сдѣлать. Фактъ такимъ образомъ игнорированъ судомъ, тѣмъ не менѣе онъ огласился далеко за предѣлами острова. Мальчикъ прославился необыкновенною силою по всей Греціи. Составилась на родинѣ его баснь (повидимому ни чуть не обидная для его матери), что онъ сынъ не жреца Тимосѳена, а самаго божества, которому тотъ служилъ. Но не смотря на это родство его съ Олимпомъ, божественный законъ строгаго воздаянія возымѣлъ и надъ нимъ всю свою силу. Статуя отмстила статуѣ, божественное дало себя знать человѣческому. Позоръ за позоръ! Въ боголюбивое то время божество было такъ близко къ человѣку, что онъ могъ встрѣчаться съ нимъ чуть не на каждомъ шагу. Удивительно ли, что богочеловѣчество Христово такъ легко прививалось къ уму блуждавшихъ во мракѣ многобожія боголюбцевъ? Многократно приходится историку — богослову возвращаться, въ своихъ изслѣдованіяхъ древности, къ той мысли, что идолослуженіе египто-финикійско-эллинское было провиденціальнымъ явленіемъ въ человѣчествѣ, что оно имѣло своею задачею развивать и поддерживать въ человѣкѣ *живую* вѣру въ Бога, узнавшую потомъ дѣйствительно съ перваго, такъ сказать, раза въ Апостольской проповѣди свой завѣтный, давно чтимый и любимый, но неуловимый идеалъ. Культъ Ѳасскаго Иракла занесенъ былъ сюда изъ Сиріи, и былъ истиннымъ предтечею Евангелія, имѣвшаго смѣстить собою всѣ подставныя божества Греціи. — Какъ кстати! *Ѳасъ* скрывается изъ глазъ, и на его мѣсто выникаетъ изъ свѣтлаго моря вели-

чественный обликъ *Аѳона,* при имени котораго бѣжитъ отъ мысли далеко все смѣшное, жалкое и студное язычество Эллинское. Ласкающее душу (но конечно требующее подтвержденія изъ древнѣйшихъ временъ) преданіе святогорцевъ [1]), столько распространенное у насъ по Россіи, несетъ на встрѣчу намъ не Самоѳракійскую „матерь боговъ“, и не Ѳасскаго „царя городовъ“ (*Мелик-Картъ,* Финикійскій Геркулесъ), а присноблаженную и пренепорочную Матерь Бога нашего,— „царя міровъ“, яко агнца непорочна и пречиста. Сей-то непорочности и недоставало блестящей и влекущей и, какъ видно изъ примѣра Ѳеагена, блажащей вѣрѣ язычества. Но замѣчательно, что и то и другое, и всякое иное — повидимому, теченіе религіозное все шло съ юга, по слову пророческому: *отъ юга пріиде Богъ.*

Случается, что отходя или отъѣзжая куда нибудь, подавляешься какимъ-то чувствомъ нерѣшимости. Обыкновенно это считается знакомъ, что что-то остается позабытымъ въ домѣ. Такъ случилось и теперь со мною. Готовъ совсѣмъ отдаться влекущему, и какъ бы дружески уже помавающему, зрѣлищу *Святой Горы,* а между тѣмъ чув-

---

[1]) Въ недавней ученой «повѣсти объ Аѳонѣ» на мѣсто Божіей Матери заносится на Аѳонъ Апостолъ Павелъ. Извѣстно, что онъ на пути изъ Финикіи въ Солунь посѣтилъ *Амфиполь* и *Аполлонію.* Мѣстность перваго города вполнѣ извѣстна. На мѣстѣ его въ средніе вѣка былъ городъ *Христополь* (по инымъ *Хрисополь*), о чемъ прямо говорится у «Византійцевъ». Теперь же тамъ деревушка *Мармара* съ древними и большими развалинами. Нельзя того же сказать о городѣ *Аполлоніи.* По «Дорожнику Антонинову», она находилась почти на серединѣ пути отъ Амфиполя къ Ѳессалоникѣ, отстоя отъ перваго на 32, а отъ второй на 26 миль (по «Іерусалимскому Дорожнику» 31 и 38 миль). На «Ѳеодосіевой» (Певтингеровой) картѣ: 30 и 38, и совершенно въ сторонѣ отъ Аѳонскаго перешейка. На «картѣ Европейской Турціи» Австрійскаго Штаба прямо означено и мѣсто ея, гдѣ у Киперта видится слово: Polina, — на столько далеко отъ Аѳона, на сколько требуется, чтобы не зайти туда Апостолу. Правда, *Плиній* упоминаетъ объ Аѳонской Аполлоніи, которой жители слыли за долговѣчныхъ. Но *Мела* (кн. II. гл. 11) прямо ставитъ ее на мѣсто раззореннаго *Акроѳоя,* а Акроѳой, по Плинію, былъ oppidum in cacumine, а не у *Ериссо,* гдѣ воображаетъ ее упомянутая ученая сказка.

ствую, что что-то забылъ на островѣ Ѳасѣ, и нужусь вернуться къ нему. Проходящіе мимо меня патріоты, одинъ *ѳракієсъ*, а другой *алà-европéа*, навели память мою на то, чтó она потеряла. Дѣло идетъ объ *Европѣ*. Давнымъ давно я вычиталъ гдѣ-то, что на островѣ Ѳасѣ умерла и погребена... мать Европы! Это была жена Финикійскаго царя *Агинора*, по имени *Телефасса*, имѣвшая кромѣ Европы еще трехъ сыновей *Финика*, *Килика* и *Ѳаса*. Съ послѣднимъ она отправилась отыскивать похищенную такъ неожиданно и таинственно дочь свою, доплыла до самаго сѣвернаго изъ острововъ архипелага, и, вѣроятно, отчаявшись найти, осталась тутъ, утѣшаясь открытыми сыномъ золотыми пріисками. Тутъ она и почила въ мирѣ. А Европа? Она, такъ сказать, безъ вѣсти пропала. По всей вѣроятности ее завезли, въ избѣжаніе преслѣдованій мореходовъ Финикіянъ, на твердую землю, гдѣ и слѣдъ ея простылъ [1]). Не устойчивыя понятія древнихъ историковъ объ Европѣ, какъ части свѣта, не ведутъ къ какому нибудь опредѣленному заключенію о мѣстѣ, гдѣ жила похищенная царевна. Оффиціальная географія Византійская указываетъ уже ясно, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, очерченный предѣлъ области Европы, а именно сѣверный берегъ Пропонтиды и Эллиспонта. Въ извѣстномъ Росписаніи Епархій Имперіи, приписываемомъ св. Епифанію Кипрскому, каѳедрой „Епархіи Европы“ указана *Ираклія*, чтó на Мраморномъ морѣ, а каѳедрой „Епархіи Асіи“ — *Ефесъ*. Въ другой Нотиціи, вѣро-

---

[1]) По наиболѣе ходячему мнѣнію, Тирскую (по другимъ — Сидонскую) царевну подсмотрѣлъ и похитилъ критскій царь *Астерій*, отправившійся съ нею на караблѣ *Тавръ* (откуда баснь о «быкѣ» уплывшемъ съ нею по морю) на свой островъ, гдѣ и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Посему-то и *Иродотъ* дѣлаетъ намекъ, что Европа совсѣмъ не видала мѣстъ, нареченныхъ ея именемъ, и что изъ Крита могла побывать развѣ только въ Киликіи. Съ этимъ мнѣніемъ расходится занесенное *Павсаніемъ* въ его книгу преданіе, что Зевсъ (похититель) укрывалъ плѣнницу въ *Тельмиссѣ*, близъ города *Ѳивъ*. Туда же отправился за поисками сестры и (четвертый?) Царевичъ Тирскій *Кадмъ*, передавшій финикійскій алфавитъ Грекамъ, своимъ новымъ подданнымъ.

ятно позднѣйшей, уже двѣ Епархіи читаются съ именемъ „Европы“: *Ираклійская* и *Траянопольская*. Какая нибудь была—же историческая причина, почему, обобщенный еще до Р. Х., географическій терминъ: *Европа*, съ V вѣка по Р. Х. сталъ придаваться въ частности сѣверному берегу Пропонтиды. Если въ сказкѣ о Тирской царевнѣ есть хотя сколько нибудь правды, то вѣроятно горемычной плѣнницѣ суждено было влачить дни свои тамъ, куда материнское чувство влекло, но не донесло Гелефассу, т. е. во Ѳракіи, гдѣ нибудь на соименной ей рѣкѣ *Евръ*, по теперешнему: *Марица*.

Рисую, на сколько умѣю, видъ Св. Горы, все болѣе и болѣе надвигающейся на умаляющійся Эптанисъ. Ненаглядное зрѣлище! Особенно такимъ оно кажется тому, кто болѣе или менѣе уже знакомъ съ Св. Горою, и можетъ отыскать на ней глазомъ тотъ или другой памятный предметъ. Издалека представляется она громаднѣйшей пирамидой почти правильной геометрической формы и въ частности таковою зрится ея величавая, стройная, „славная“, какъ привыкли мы выражаться, вершина или тó, что собственно зовется *Аѳономъ*. Почти до половины высоты ея мы нашли ее еще испещренною снѣжными полосами. Онѣ-то собственно и помогаютъ взору сдѣлать подлежащее заключеніе о величинѣ всей массы, образующей Аѳонскій пикъ. Торчащій изъ нихъ мохомъ или пухомъ лѣсъ даетъ возможность судить, какія страшныя громады входятъ въ составъ его, и на какой высотѣ онѣ находятся. Понятно, отчего съ вершины горы пробѣгающіе по морю пароходы кажутся малыми щепками. Напрягаю зрѣніе и вооружаюсь трубкой, чтобы увидѣть при морѣ или на косогорѣ какой нибудь монастырь. Напрасный трудъ! „Великія и Царскія“ обители слишкомъ малы, чтобы дать себя замѣтить на такомъ разстояніи. Что-то въ мглистой дали бѣлѣющее принялъ было я за *Иверскій монастырь*, или просто „Иверъ“, какъ зовутъ его наши Аѳонцы, но ручаться не могу, онъ ли то былъ, или *Милопотамъ*, — родъ мы-

зы, принадлежащей Лаврѣ св. Аѳанасія. Самую Лавру удалось кое какъ различить на такой же какъ она, окружающей её красновато-сѣраго цвѣта горной покатости. Замѣтнѣе всего оказался Молдавскій Скитъ, ярко бѣлѣвшій новыми постройками на зеленой площадкѣ косогорья. Огибаемъ грозный для мореплавателей Capo Santo, т. е. мысъ Аѳонскій, который впрочемъ не выходитъ въ море одного косою, а имѣетъ видъ рыбьяго хвоста, выдающагося впередъ на двухъ оконечностяхъ. *Страбонъ* пишетъ потому о двухъ мысахъ Аѳонскихъ, южномъ *Нимфеѣ*, и сѣверномъ *Акраѳо*. Наиболѣе опаснымъ изъ нихъ считается конечно сѣверный, который собственно и носитъ имя *Аѳона* (Ἄκρος Ἄθως). У него несомнѣнно разбился Мардоніевъ флотъ изъ 300 кораблей съ 20,000 азіатскихъ воителей, въ первый Персидскій (Даріевъ) походъ на Грецію въ 492 г. до Р. Х. Имѣлъ право, потому, предпринявшій второй походъ Ксерксъ недовѣрять „невинному“ [1]) Аѳону въ его благосклонности къ азіатамъ, и позаботиться обойтись безъ его услугъ. Но, только совершенный недостатокъ географическихъ свѣдѣній внушилъ ему, еще у себя въ домѣ сидѣвшему, чудовищную мысль открыть безопасный путь своему флоту прорытіемъ по материку цѣлаго канала. Какъ будто онъ не могъ пройти въ досадную Грецію, оставивъ далеко въ сторонѣ не только Аѳонскій мысъ, но и весь сѣверный Архипелагъ. Съумѣлъ же онъ найти прямую дорогу сухопутному войску отъ Аѳонскаго перешейка прямо къ *Ѳермѣ* (позднѣе — *Ѳессалоникѣ*), которою и самъ прошолъ. Но что значило въ тѣ времена приказать и выполнить самыя невообразимыя вещи? Царь не прежде двинулся съ своего мѣста въ походъ, какъ получилъ депеши, что все сдѣлано и все готово! Флотъ его, потому, миновалъ благополучно

---

[1]) Невинная аллюзія нашего покойнаго «Святогорца» на слово Ἄθως, какъ бы: ἀθῷος. *Дарій* и *Ксерксъ*, если знали неболѣе святогорца по гречески, я думаю, скорѣе прочли бы въ Ἄθως прилагательное: ἄθεος—безбожный.

грозное и печальное по воспоминаніямъ мѣсто. Мы тоже прошли его благополучно. Вотъ и южный мысъ, посвященный когда-то „нимфамъ“, а теперь св. Георгію. Хорошо различаемъ на стремнинахъ горы иноческія поселенія то въ одиночку, то скученными хуторами. Вотъ это, вѣрно, пресловутая на Аѳонѣ, *Каруля*. А это несомнѣнно Скитъ св. Анны. Разсматриваемъ въ трубу подробности келлій. Ни одного движущагося существа не оказывается. Или ушли всѣ въ *Киріаконъ* (Церковь соборную, гдѣ совершается скитниками общая служба по воскресеньямъ — Κυριακὴ ἡμέρα... А по буднямъ каждый молится въ своей домашней церкви) на вечернюю молитву, или никого изъ нихъ не занимаетъ появленіе у береговъ парохода. „Непрестанное божественное желаніе бываетъ у пустынниковъ, міра суетнаго сущихъ кромѣ„... Такъ отозвался о подобныхъ себѣ отшельникахъ Іоаннъ злототочный, *Дамаскинъ*. Надобно думать, что это дѣйствительно такъ бываетъ. Поднесли разъ, помню расказывалъ кто-то, къ глазамъ умирающаго писателя только что отпечатанное, новое его сочиненіе, въ надеждѣ утѣшить его въ послѣдній разъ. Но взоръ его остановился не на книгѣ, а на рукѣ, державшей книгу, и застылъ на ней... Что, какъ не ежеминутно умирающій есть и отшельникъ Аѳонскій? Какое ему дѣло до того, кто и гдѣ идетъ или проходитъ въ то или другое время? А вопросъ: съ чѣмъ или зачѣмъ онъ проходитъ, конечно уже — *отъ напасти*. Можно не сомнѣваться, что въ видахъ строжайшаго самоисправленія онъ считаетъ искусительнымъ помысломъ взглянуть на то, чтó ни въ какомъ случаѣ къ нему не относится. — Блуждаю взоромъ по всему скату горы отъ моря до самого пика, увѣнчаннаго церковію. Къ удивленію, 6,000 футовая высота не поражаетъ собою глаза. Должно быть разстояніе между нею и мѣстомъ наблюденія еще очень велико, хотя и не кажется таковымъ. Гдѣ то та стремнистая высь съ малой площадкой, на которой за 6 лѣтъ передъ этимъ я былъ меньше чѣмъ на шагъ отъ смерти? Не вижу ея. Даже того лѣса гу-

стаго, который отдѣляетъ выспреннѣйшій изъ Скитовъ Аѳонскихъ, *Керасійскій*, отъ пика, и прилежитъ глубоко пустынной церкви „Богородицы“, не могу отыскать. Страшная каменная громада видится въ раккурсѣ. По мѣрѣ отдаленія отъ нея парохода, стали означаться на ней и междугорныя долины и цѣлыя площади, но въ тоже время онѣ стали уменьшаться въ размѣрахъ и какъ бы застилаться мглою. Быстро пересѣкаемъ мы заливъ: *Монте-Санто*. Юго западная сторона Аѳонскаго полуострова открылась по всей своей длинѣ. Различаю хорошо монастырь *св. Павла*, ближайшій къ мысу св. Георгія, и довольно отчетливо вижу, дивный своимъ положеніемъ, монастырь *Симо-Петръ*. Затѣмъ изъ морскихъ испареній выникаетъ вдали еще одна, ярко блестящая точка. Это нашъ *Русикъ*, т. е. Русскій монастырь св. Великомученика Пантелеимона, съ недавняго времени получившій громкую, всероссійскую извѣстность — путемъ многочисленныхъ сочиненій о немъ и широкой практики его по лицу земли Русской. Не мало издано статей и отдѣльныхъ брошуръ о немъ и pro и contra, и своими и чужими, и для препровожденія времени и для проведенія началъ новой аскетики „по духу плоти“. А онъ, какъ настоящій отшельникъ въ родѣ упомянутаго, и вниманія не обращаетъ на всю, вызванную имъ литературу Аѳонскую, дѣлая свое дѣло, и выполняя свою задачу. Богъ да поможетъ ему до конца довесть ее, и сдѣлать Русикъ русскимъ. Только надобно, чтобы онъ хорошо помнилъ двѣ полезныя вещи: 1) что свобода не пріобрѣтается рабствомъ, 2) что настоящій духъ, такъ сказать *духовный*, не есть духъ промышленный... Пожалуй пусть еще припоминаетъ иногда старое слово премудрости: *есть время всякой вещи подъ небесемъ* и что самое дорогое и любезное слово, слишкомъ часто повторяемое въ слухъ уха, можетъ надоѣсть слушающему.

Македонія распустила по „Бѣлому морю“ три ровной длины, но неровной ширины и совсѣмъ различной толщины, косы. За *Аѳонскою*

слѣдуетъ по Ксерксову и нашему маршруту, Сиѳонская, теперь зовомая: *Лунго* или *Лонго* (отъ: Longo?) А за сею — *Палленская* или *Кассандрская*, до сихъ поръ удержавшая свое послѣднее названіе. Мы подплыли къ *Лунго*. Полуостровъ этотъ ничѣмъ не похожъ на Аѳонскій [1]). Входитъ онъ въ море плоскимъ берегомъ, крѣпко иззубреннымъ и покрытымъ тщедушнымъ кустарникомъ. Не откуда взяться тутъ стремительному вѣтру. Оттого и флотъ Ксерксовъ, прошедши по проволоку, (теперь: *провлаку*) его имени, смѣло уже шолъ къ Сиѳонскому мысу *Амбелу* [2]) (виноградному), забирая по пути въ городахъ *Ассѣ*, *Пилорѣ*, *Сингѣ* и *Сартѣ* годныхъ для военнаго дѣла людей. Такой же, нежеланной конечно, чести удостоены были и 5 городовъ юго-западнаго поморья Сиѳонскаго. За позднимъ временемъ намъ нельзя уже было ничего разсмотрѣть на берегу этомъ. Самый заливъ между *Лонго* и *Кассандрой* уже почти не различался. Я дождался впрочемъ на палубѣ, пока мы подошли къ послѣднему, самому южному, изъ полуострововъ, и обогнули мысъ *Палюри*, а по древнему: *Канастръ*. Въ третій разъ мнѣ доводится плыть возлѣ *Паллены*, о которой не мало рѣчей у древнихъ писателей, и все — ночью. Никакого, самаго приблизительнаго, очертанія его не улеглось, потому, въ сокровищницѣ памяти. А вѣдь есть поводъ думать, что древнѣйшая сказка о сраженіи гигантовъ съ богами привязана къ этой невзрачной мѣстности. По Иродоту полуостровъ *Паллина* назывался прежде *Флегра*. А извѣстно, что на „поляхъ флегрскихъ" (жгучихъ или воспламеняющихся) произошла борьба смертныхъ съ

---

[1]) Въ самомъ наименованіи ихъ есть уже что-то намекающее на эту разность: Ἄ—θως и Ξί—θως. Первое какъ будто отрицаетъ, а второе (вѣроятно) утверждаетъ то, что долженъ означать собою слогъ θως. А что онъ означаетъ, не знаемъ.

[2]) Теперь: *Дрепано* (серпъ). Вмѣсто *Амбела*, Страбонъ указываетъ тутъ мысъ: Δέῤῥις, и при немъ «Глухую пристань» (Κωφὸς Λιμὴν).

безсмертными за владѣніе небомъ. Страбонъ поприщемъ этой схватки (не поддающейся никакому историческому соображенію) считаетъ именно Кассандрскій полуостровъ [1]). Довольно намъ сего.

Мы вышли въ широкое море *Θермійское*. Первое, что насъ тутъ встрѣтило, былъ — довольно сильный вѣтеръ. Насъ стало крѣпко покачивать. Нѣчто неловкое зашевелилось въ груди и подступало къ горлу. Мы поспѣшили сойти внизъ. За вечернимъ чаемъ бесѣда естественно вертѣлась около Аѳона, и остановилась на *Кассандрѣ*. Ощущеніе морской болѣзни производитъ и безъ качки одно имя нынѣшняго митрополита этого города или полуострова. При всякомъ, мало—мало значительномъ обстоятельствѣ въ дѣлахъ Великой Церкви, непремѣнно фигурируетъ личность „Святаго Кассандрія“ [2]), съ пѣною у рта отстаивающаго „божественные“ каноны, выгодные въ томъ или другомъ отношеніи эллиническимъ тенденціямъ, ожесточеннаго врага всего славянскаго, и за то самое чуть не боготворимаго патріотами, которые при послѣдней перемѣнѣ на патріаршемъ престолѣ выставляли его кандидатомъ на каѳедру Златоуста, какъ человѣка, единственно способнаго дать отпоръ болгарскому движенію. Зато „Сиромахи“ крѣпко не жалуютъ гиганта — владыку, возстающаго, по ихъ мнѣнію, прямо на бога, и находятъ даже въ чертахъ лица его нѣкое сходство съ гіеной... Значитъ: „не мытьемъ, такъ катаньемъ“!

Солунь. 16 Мая 1865 г. Воскресеніе.

Привѣтствую въ третій разъ, столько памятный, историческій го-

---

[1]) Онъ считаетъ эту гигантомахію чистою выдумкою, и полагаетъ, что на полуостровѣ просто жилъ одинъ нечестивый народъ, истребленный Иракломъ (поспѣвавшимъ всюду!), когда онъ, по взятіи Трои (!), возвращался во свояси... «А лгать не мѣшай».

[2]) Ὁ Ἅγιος Κασσανδρίας, съ выпускомъ существительнаго: μητροπολίτης. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ *Деркскимъ* (каѳедра на Босфорѣ), съ тѣмъ, чтобы Великая Церковь имѣла возможность постоянно озаряться лучами такого свѣтила.

родъ. Неугомонный воитель древности только потому не заслужившій имя „великаго", что предшествовалъ „величайшему", *Филиппъ* II, наполнивъ славою своего имени современный міръ, нашумѣвъ и въ Аѳинахъ и въ Византіи, отпраздновалъ разъ, гдѣ-то тутъ по близости, свою побѣду надъ *Ѳессалами*. Во время торжества по сему случаю, ему донесли, что у него родилась дочь. Самымъ подходящимъ именемъ для новорожденной и оказалась „побѣда Ѳессаловъ", т. е. *Ѳессалоника*. Царевна вышла потомъ замужъ за Кассандра, овладѣвшаго частію монархіи Александровой (послѣ смерти Великаго), именно въ самой Македоніи. Кассандръ, возобновляя древній городъ *Ѳерму*, назвалъ именемъ жены, *Ѳессалоникой*. Столько извѣстно о началѣ пресловутаго города, *втораго* по своему значенію въ Восточной Имперіи! Древнѣйшее имя его, однакоже, было: *Ѳерма*, по нашему — *теплица* или еще проще — *баня*. Таковою она была извѣстна Иродоту и Ѳукидиду. Подъ этимъ же именемъ она принимала у себя рѣдкаго гостя, вождя трех-милліонной (!) арміи, *Ксеркса*. Оно очевидно, греческое, но занесено ли было сюда, какъ и во многія другія мѣста Востока, колонистами изъ Греціи, неизвѣстно. Счастливое мѣстоположеніе Ѳермы — Ѳессалоники сдѣлало ее отъ временъ древнѣйшихъ торговымъ городомъ, затмившимъ потомъ славу всѣхъ городовъ Македоніи. Въ Римскій періодъ она считалась уже столицею всей области Македонской. Если бы не явился Константинополь, она несомнѣнно была бы главнымъ городомъ Европы на Востокѣ. Довольно этой чести для нея. Теперь и имя и значеніе ея поубавились. Зовется она уже *Салоникъ* или *Селаникъ* — по выговору турецкому, двумя слогами короче. А лѣнивые славяне и еще укоротили славное имя, сдѣлавъ изъ него *Солунь*, неизвѣстно чѣмъ болѣе руководясь при семъ, луною или солью... За издѣвку эту прошу прощенія у единокровныхъ. Они могутъ утѣшиться тѣмъ, что мы русскіе рѣшительно не уступимъ имъ въ искуствѣ передѣлывать чужое на свое. Наши

„Некрасовцы“ сдѣлали тутъ изъ турецкаго: *Сары-кьой* село: *Серяково*. Одна соотечественница, мечтающая устроить русскій женскій Аѳонъ въ Турціи, но близости мужескаго, увѣряла, что отыскано уже и пригодное для того мѣсто въ селеніи: *Регні-ко* (*Рагені-кьой*). Наконецъ наши поклонницы, миноѣздомъ въ Св. Землю, посѣщающія Цареградскія святыни, всѣ хорошо знаютъ, что „Валуклія“ находится за *Едрёнымъ воротами* (*Эдрене-капі* — Адріанопольскія ворота)... Какъ бы то нибыло, въ начествѣ славянъ, мы постоянно будемъ писать имя Ѳессалоники по славянскому его произношенію, и притомъ уже готовому, предоставляя болѣе игривой сообразительности отыскать въ Салоникѣ, на зло грекамъ, даже русскую „Солонку“, какъ съумѣли родолюбцы, въ отместку патріотамъ, историческому *Филиппополю* подставить *до* историческій (якобы) *Пловдивъ!*

„Эптанисъ“ нарочно замедлялъ свой ходъ ночью, чтобы прибыть въ Солунскую пристань какъ разъ къ восходу солнца. Ранѣе сего, все равно, ему не дали бы „практики“. Чуть онъ остановился, я вышелъ на палубу. Городъ былъ подернутъ легкимъ туманомъ, изъ котораго выникали только верхушки минаретовъ, да наиболѣе обращенные къ солнцу дома. За то, на западѣ вдалекѣ великолѣпное зрѣлище представлялъ изъ себя *Олимпъ*, болѣе, чѣмъ на треть высоты своей еще убѣленный сплошнымъ снѣгомъ. — Уже ли мы не побываемъ на немъ? спросилъ я спутника. — Всенепремѣнно, отвѣчалъ онъ, если только *будемъ*. — Такой пиэтическій отвѣтъ охладилъ начинавшійся въ душѣ моей историческій пылъ въ честь преименитой горы. Конечно, если *будемъ*, то *побываемъ*, повторялъ я про себя, дивясь умѣнью русскаго человѣка, тысячекратно свидѣтельствованному исторіей, утверждать нѣчто, отрицая все. „Практика“ получена. Пассажиры суетятся отправляясь на берегъ кто на побывку, а кто и безъ возврата на Эптанисъ. Мы — первые изъ послѣднихъ. Договорена лодка. Сносятся за бортъ наши вещи. Расплачиваемся съ „камерьери“, который,

не смотря на то, что слышалъ насъ столько разъ разговаривающими на его родномъ языкѣ, счелъ долгомъ проститься съ нами по французски, пожелавъ намъ: „бон-вояжъ"! А когда-то было время, что считалось моднымъ, конечно, въ мѣстахъ этихъ и поздороваться и проститься языкомъ Аристотеля! Sic transit... etc. Паликаръ лодочникъ быстро доставилъ насъ на берегъ. Чуть мы поставили ногу на твердую землю, какъ явился какой-то униформъ, увѣнчанный фесомъ, и потребовалъ наши паспорты. Мы поспѣшили объявить, что мы во 1-хъ старожилы турецкой земли, во 2-хъ, не какіе нибудь „такъ — себѣ", а люди царскіе и что даже между нами есть одинъ Консулъ. Но, ни что не помогло. Строгій чиновникъ непремѣнно добивался получить отъ насъ наши бумаги, при чемъ, обращаясь къ тому, кого мы назвали Консуломъ, употреблялъ выраженіе: „джаным эфенди" (душа моя, господинъ), на каковую сердечность нельзя было отвѣчать упорствомъ. Мы отдали свои паспорта для предъявленія куда слѣдуетъ, и довольствовались тѣмъ, что не попали еще въ другое мытарство, таможенное. Подлежащихъ оплатѣ вещей мы съ собою хотя и не имѣли, но все же могли быть въ опасности потерять свое терпѣніе, что дороже и денегъ и времени. При извѣстной эластичности турецкихъ (и иныхъ разныхъ) таможенныхъ постановленій и — прибавимъ — совѣстей, человѣку не смѣлому или неумѣлому, а всего чаще — неимѣлому, можно натолкнуться на большія непріятности [1]. Насъ спасло

---

[1] Мнѣ доселѣ памятно, какъ одна компанія, отправляясь въ томъ же самомъ Константинополѣ изъ *Галата* на *Сладкія воды* въ лодкѣ по Золотому Рогу, задержана была у моста таможеннымъ дозоромъ, и принуждена была заплатить пошлину за 22 чайныя ложки, лежавшія въ погребцѣ. Никакіе резоны не помогли. Для объясненія нужно было ѣхать за тридевять земель и ждать тамъ можетъ быть цѣлый день, пока удосужится начальство. Въ другой разъ послана была изъ *Перы* въ *Фанаръ* для одной церкви одна, пожертвованная въ Россіи, икона. Попала и она въ таможенное мытарство на томъ единственномъ основаніи, что для сбереженія вложена была въ тотъ самый ящикъ (разломанный и открытый), въ которомъ прислана была изъ Россіи. Sic volo... etc.

отъ таможенныхъ крючковъ благовременное появленіе консульскаго каваса, высланнаго мѣстнымъ консульствомъ нашимъ на встрѣчу намъ. Подъ его покровомъ и руководствомъ мы вскорѣ добрались до консульской квартиры, гдѣ и остановились на все время пребыванія нашего въ Солунѣ.

Такъ какъ день сегодня воскресный, и часъ водворенія нашего въ гостепріимномъ домѣ всего 8-й, то я, въ надеждѣ застать гдѣ нибудь еще Литургію, отправился въ сопровожденіи консульскаго каваса въ Солунскую „Митрополію", по нашему — Каѳедральный Соборъ. Невзрачный, и почти печальный, первопрестольный храмъ Солунскій стоитъ въ закоулкѣ, закрытый постройками со всѣхъ сторонъ. О церкви среди площади не надобно и мечтать на тѣсномъ, глухомъ, косомъ, кривомъ и разоренномъ Востокѣ нынѣшнемъ. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ таковъ же былъ и въ древности. Дворцы императоровъ Византійскихъ, какъ надобно думать, были цѣлыми дачами, сплошь застроенными безъ плана, безъ симметріи, безъ единства руководящей мысли, и не выдѣлялись ничѣмъ изъ общей массы городскихъ зданій кромѣ развѣ своихъ, болѣе значительныхъ, размѣровъ. Въ большинствѣ случаевъ, кажется, тоже слѣдуетъ сказать и о церквахъ. Сама Св. Софія Константинопольская — первѣйшій храмъ христіанства — по всей вѣроятности была загорожена со всѣхъ сторонъ постройками и даже пристройками къ ней самой. Нужда, прихоть и пресловутое δεν' πειράζει (произноси: *дембирази*, соотвѣтствующее нашему: *ничего!*), столько извѣстное теперь въ жизни и въ мысли греческой, рѣшали должно быть и въ старину наибольшую часть дѣлъ человѣческихъ. По Константинополю можно судить и о всѣхъ другихъ мѣстахъ угасшей Имперіи. Мы застали въ соборѣ службу на самомъ концѣ ея. На вопросъ объ архіереѣ, Аѳоно-Зографскіе Метохиты, случившіеся въ церкви, извѣстили, что онъ служитъ сегодня въ *Панагіи Декста*, ради поминокъ чьихъ-то. Мы отправились на поиски

его. Но, еще не доходя до сказанной церкви, узнали изъ распросовъ, что Владыка служитъ совсѣмъ въ другой церкви. По дорогѣ въ эту, мы осмотрѣли вновь строющійся храмъ *Св. Николая*. Будетъ свѣтлое и красивое зданіе, но съ деревянными сводами, что одно уже показываетъ скороспѣшность и непрочность постройки. Наконецъ мы попали на архіерейское служеніе. Божественная Литургія и тутъ близилась къ концу. Все, что попадало подъ взоръ и слухъ, было совершенно похоже на все, встрѣчаемое вообще въ Греческихъ церквахъ, до мелочей. По окончаніи службы, „Всесвятѣйшій" раздавалъ народу антидоръ. Убѣленный сѣдинами старецъ не производитъ видомъ своимъ „благостнаго" впечатлѣнія, хотя выраженіе пастырской власти и достаточно выработано въ его взорѣ. Солунская каѳедра одна изъ немногихъ, удержавшаяся на высотѣ древняго положенія митрополій или лучше „архіепископій" въ первоначальномъ смыслѣ слова, какими были и именовались каѳедры *Кесарійская, Ефесская, Мирская*..., коихъ предстоятели были дѣйствительными „Начальниками Епископовъ" извѣстной области. Ей подвѣдомы до сихъ поръ 8 Епископій, въ числѣ коихъ двѣ — *Дойранская* и *Поланская* — исключительно славянскія, хотя и въ другихъ епархіяхъ большинство населенія, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Константинополѣ, тоже составляютъ болгаре. Сколько грековъ и болгаръ въ самой Ѳессалоникѣ, узнать не легко въ настоящее время, и узнавать — особенно намъ русскимъ — совсѣмъ неблаговременно. Дѣло, впрочемъ, не замедлитъ выясниться. Къ этому приводитъ со дня на день возрастающій разладъ международный, охватившій уже всю Македонію, и только въ самой столицѣ области игнорируемый мѣстною церковною властію. Въ самомъ городѣ Славянскаго богослуженія нѣтъ еще. Говорятъ, что если бы хотя въ одной церкви открыть его, произошло бы въ городѣ общее возстаніе грековъ. Вотъ и жалуйтесь послѣ сего на притѣсненіе христіанъ турками! Нѣтъ, Восточный вопросъ держится не на поверхности матеріи,

какъ фабричная набивка цвѣтовъ, а состоитъ изъ узоровъ, насквозь проникающихъ ткань. Ни войнѣ не залить ихъ потоками крови, ни дипломатіи не изгладить ихъ всѣмъ запасомъ химическихъ реактивовъ глубокомыслія и широковѣщанія. Приходскихъ церквей въ городѣ 12 [1]), включая въ то число и *Митрополію* и монастырь *Чауш*. Кромѣ ихъ есть еще 5—6 церквей въ разныхъ (преимущественно — святогорскихъ) подворьяхъ. Самыя значительныя изъ нихъ по многолюдству приходянъ суть: *Св. Аѳанасія* и *Св. Николая*. Къ первой принадлежитъ около 400, ко второй около 300 домовъ. Приходъ митрополіи состоитъ всего изъ 20 домовъ. Всѣхъ православныхъ жителей въ городѣ полагаютъ круглымъ числомъ 10,000, — вдвое меньше противъ евреевъ и втрое — противъ турокъ. Преобладающая рѣчь турецкая и греческая. Евреи въ большинствѣ знаютъ и ту и другую.

Въ квартирѣ нашей, ради стольких гостей, вѣяло праздникомъ. Явились конечно и поздравители съ „благополучнымъ пріѣздомъ“, коими прежде всего угощаетъ обыкновенно провинція заѣзжихъ изъ столицы. Высокій и дюжій и сановитый святогорецъ — соотечественникъ, не разъ являвшійся, помню, и въ Константинополь „по дѣламъ своимъ“, уже дожидался меня, чтобы еще разъ пропѣть мнѣ туже пѣсню о жестокой обидѣ, причиненной ему однимъ изъ Аѳонскихъ монастырей, на землѣ котораго онъ нанялъ себѣ пожизненно келлію. Исторія вкратцѣ слѣдующая. Старецъ когда-то былъ уставщикомъ въ одной Лаврѣ русской. Затѣмъ внезапно очутился, и не мало времени прожилъ, въ Италіи, забрался даже въ Испанію, гдѣ попалъ въ руки бандитовъ и былъ изувѣченъ, оттуда переѣхалъ въ Грецію, и рѣшилъ

---

[1]) *Митрополія*, Шесть *Богородичныхъ* церквей (именуемыхъ: Παναγία Μεγάλη, Παναγία Δέξα, Παναγοῦλα, Ἡ ἐλεοῦσα. Ἡ λαγουδιανή, Ἡ τοῦ Τσαούση), Св. *Аѳанасій*. Св. *Николай*. Св. *Константинъ*. Св. *Мина*. Св. *Ѳеодóра*. Церкви на подворьяхъ: *Срѣтенская*, *Богородица*—Персіóтисса, Св. *Георгій*, Св. *Антоній*, Св. *Николай* (ὁ ὀρφανός — сирота) и св. *Харалампій*.

наконецъ провесть остатокъ дней своихъ на Аѳонѣ. Скопивши въ Европѣ съ десятокъ тысячъ франковъ, онъ, по существующему на Св. Горѣ обычаю, купилъ себѣ у одного монастыря въ пожизненное владѣніе келлію, т. е. цѣлую монашескую мызу. До сего пункта все шло хорошо. Но несокрушимый духъ его, о которомъ свидѣтельствуютъ уже одни приключенія его по Европѣ, не оставилъ его въ мирѣ доживать вѣкъ свой. Добрый инокъ захотѣлъ быть настоящимъ „Старцемъ“, и набралъ себѣ человѣкъ 6—7 послушниковъ (изъ отребій міра, разносящихся изъ Россіи во всѣ пути заграничные), завелъ у себя „монастырское правило“, досталъ отъ какого-то безмѣстнаго архіерея греческаго (за три рубля) священство преословутому экс-діакону Аѳинскому Герценисту, котораго и поставилъ въ своей обители намѣстникомъ, самъ же нарекъ себя Игуменомъ, и заложилъ зданіе при келліѣ громадныхъ размѣровъ. Монастырь, долго дивившійся предпріимчивости Московита, наконецъ спохватился, и, имѣя уже передъ глазами примѣры *Ильинскаго* и *Андреевскаго* Скитовъ — Монастырей, выросшихъ изъ простыхъ келлій, наложилъ свое veto на замыслы келліота, у котораго уже оказались въ церкви и „Мироточныя“ иконы, а въ разныхъ концахъ Россіи расхаживающіе сборщики... Вотъ это-то и есть „обида“, причиненная ему — русскому подданному — отъ турковъ! Консульство (Солунское) и Посольство обязаны конечно, въ этомъ случаѣ, защищать *своего* отъ притѣсненій *чужихъ*, въ интересахъ православія и просто — чести имени русскаго, но отъ недостатка патріотизма, что-ли, или другаго чего, оставляютъ его на жертву разбойникамъ! „о, Господи“! воскликнулъ разсказчикъ, въ десятый уже разъ повѣдавшій мнѣ свое горе. Совершенно тоже воззваніе сбѣгало съ языка моего неоднократно въ теченіе его разсказа, но конечно совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Нельзя не радоваться водворенію русскихъ на Св. Горѣ, но — водвореніе водворенію рознь, да и русскіе русскимъ тоже — рознь.

После обѣда мы съ спутникомъ и однимъ чиновникомъ консульства, старожиломъ Солунскимъ, отправились на археологическое обозрѣніе города. Начали оное со *Св. Софіи*, обращенной давнымъ давно въ мечеть. Прекрасный куполъ ея, украшенный мозаическими по золоту изображеніями Вознесенія Господня, на долго приковалъ къ себѣ вниманіе наше. Закрашенныя изувѣрствомъ надоконныя фигуры Апостоловъ все болѣе и болѣе выступаютъ наружу, и терпѣливо ждутъ окончательнаго освобожденія изъ подъ варварскаго гнета. Удостоятся ли тогда лучшей чести? Да не покажется кому либо страннымъ, мы сомнѣваемся въ томъ. Слишкомъ высоко стоятъ, а приземистый духъ вѣка нашего, и въ частности меркантильный духъ Солунскій, не подниметъ взора своего выше настоящихъ — золотыхъ — изображеній Наполеона, Викторіи и другихъ покланяемыхъ лицъ. Такъ думается. Я видѣлъ одну церковь — въ свободной Греціи — преукрашенную золотыми мозаиками, совершенно пренебреженную. Похвалилъ я ихъ разъ одному патріоту, и на яву и во снѣ бредящему Св. Софіею (Цареградскою). Что же услышалъ? — Бѣдняки! Любили потрудиться — холодно замѣтилъ онъ о своихъ боголюбивыхъ предкахъ, т. е. потрудиться даромъ, безъ выгоды, безъ процента! Вотъ вамъ и философія проживаемаго момента, отъ которой не жди себѣ ничего никакая отвлеченная идея, хотя бы она называлась Св. Софіей т. е. Премудростію. Не будемъ впрочемъ лгать на воспитавшій насъ вѣкъ. Онъ не прочь признавать, и даже при случаѣ проповѣдать, Мудрость Творческую, но воздвигать ей храмы, украшать и поддерживать ихъ не сочтетъ своимъ призваніемъ, еще менѣе — осмысленною цѣлію своихъ стремленій. Что я не притягиваю, такъ сказать, за волосы подобныхъ соображеній, за то ручается свѣжее еще впечатлѣніе, вынесенное мною сегодня изъ здѣшней Митрополіи, гдѣ нѣтъ ни мозаическихъ, ни масляныхъ, ни клеевыхъ, ни золотыхъ, ни позолоченныхъ, однимъ словомъ, никакихъ стѣнныхъ изображеній. Ибо на что они? Развѣ безъ

нихъ не идетъ служба Божія, а съ нею и кое-какой *парасъ* [1]), куда слѣдуетъ?

Отъ *Св. Софіи* мы перешли къ бывшей церкви *Св. Георгія*, называемой у писателей — туристовъ, *Ротондой*. Это, древнѣйшее изъ зданій Солунскихъ, одно можетъ дѣлать городъ славнымъ на весь христіанскій міръ. Несомнѣнно, оно видѣло всю исторію христіанской Θессалоники. Если вѣрно предположеніе itinérair'a, что Ротонда выстроена при Императорѣ *Траянѣ* въ честь „боговъ Великихъ", о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, значитъ все ея — трехъ періодовъ — служеніе какъ святилища язычеству, христіанству и магометанству было чужеземнаго происхожденія, и именно занесено изъ Сиріи, этого родника — чуть ли не всеобщаго — человѣческихъ вѣрованій. Жаль, что нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, когда это, замѣчательное по своей архитектурѣ, святилище языческое обращено въ христіанскую церковь. Рѣдчайшія, если не единственныя, по своей древности, мозаическія изображенія въ куполѣ Ротонды не проливаютъ желаннаго свѣта на предложенный нами вопросъ. Имена изображенныхъ тамъ святыхъ, исторически извѣстныя, принадлежатъ III вѣку христіанскому. Это суть наибольшею частію Мученики изъ воиновъ. Неизвѣстныхъ святыхъ имена суть: пресвитера *Романа*, пресвитера *Ананіи* и епископа *Филиппа*. Въ христіанскихъ святцахъ, насколько намъ извѣстно, ихъ нѣтъ. Можно бы гадать, что это мѣстные святые Θессалоники или по крайнѣ мѣрѣ вообще Македоніи, если бы только другихъ святыхъ имена, вполнѣ извѣстныя и не имѣющія никакаго отношенія къ мѣсту, не заставляли думать, что мозаичистъ, или тотъ, для кого онъ работалъ, вовсе не имѣли при томъ подобной тенденціозной мысли, а руководствовались чѣмъ нибудь случай-

---

[1]) То, что мы, по своему, зовемъ *парой* и *парочкой* (самая мелкая Турецкая монета), грекамъ извѣстно въ муж. родѣ: ὁ παράς.

нымъ и совершенно постороннимъ. Замѣчательно, что въ числѣ изображенныхъ мучениковъ нѣтъ св. *Димитрія*, ни св. *Георгія*, коего именемъ украшалось когда-то зданіе. Не были ли они изображены на той части купольнаго свода, которая повреждена (именно — восточной), сказать не можемъ. Воображаю, какъ хорошъ былъ этотъ чудный храмъ, когда весь внутри по стѣнамъ одѣтъ былъ золотою мозаикой или, по примѣру многихъ другихъ церквей, до извѣстной высоты мраморными плитами! Впрочемъ, на этотъ разъ онъ не показался мнѣ такимъ громаднымъ и столько высокимъ, какъ въ 1859 г. И естественно. Тогда я для масштаба имѣлъ въ памяти малыя церкви малой Греціи. Теперь же, при подобныхъ сличеніяхъ, у меня неотразимо стоитъ въ мысли Св. Софія Константинопольская, по истинѣ — „Великая церковь“, достойная великой, если уже не державы, то хотя идеи. Позволилъ бы себѣ думать, что древнѣйшее святилище Солуня живетъ именно надеждою сего величія, но только величія дѣйствительнаго, а не того, которое составили себѣ позднѣйшіе греки по жалкимъ образцамъ своей подневольной и угнетенной фантазіи. Для примѣра, положимъ, что Ротонда возвращена въ одинъ предуставленный часъ христіанскому богослуженію. Что сдѣлали бы изъ нея теперешніе великоидеисты? Прежде всего, загородили бы восточную прекрасную нишу ея тяжелымъ и безвкусно вычурнымъ съ драконами и птицами иконостасомъ изъ коричневаго дерева съ выступающими верхними частями и какъ бы падающимъ саженнымъ, поверхъ всего, крестомъ, а потомъ понавѣшивали бы сотни, ести не тысячи, стеклянныхъ лампадъ и цѣлыхъ люстръ, болтающихся на цѣпяхъ и цѣпочкахъ, прутикахъ и веревочкахъ, утвержденныхъ или въ самыхъ мозаикахъ купола, или въ брусьяхъ, торчащихъ изъ стѣнъ или пересѣкающихъ діаметрально и сегментально, и всячески иначе, пустое пространство храма по всѣмъ направленіямъ. Ибо нынѣшніе уставы церковнаго вкуса, выродившіеся изъ *малыхъ идей*, непремѣнно тре-

буютъ подобныхъ украшеній для храма Божія. Отгородить же алтарь отъ остальной части церкви балюстрадой съ тонкими колоннами и архитравомъ, какъ это дѣлалось въ древнія времена, и освѣтить внутренность ея вмѣсто несчетныхъ висячихъ лампадокъ стоящими въ приличныхъ мѣстахъ подсвѣчниками или пристѣнными канделябрами, если бы кто возымѣлъ теперь на Востокѣ мысль, тотъ рискнулъ бы попасть въ категорію вольнодумцевъ, а пожалуй и прямо — нечестивцевъ. Вотъ сего-то развитія „великой идеи" до истиннаго величія вѣроятно и ждутъ всѣ Ротонды омусульманеннаго Востока. До тѣхъ же поръ, пока православные храмы тутъ будутъ смахивать на торговую лавочку, вѣрю, что прежніе хозяева Ротонды, *Кабиры* (тоже: Великіе!) предпочтутъ оставаться въ союзѣ съ Магометомъ, который, не смотря на свой аравійскій вкусъ, любилъ величіе, и небесное величіе въ простотѣ. Не отрадно, а надобно говорить объ этомъ въ слухъ дорогаго всѣмъ намъ Востока, и доселѣ воображающаго (напр. въ Константинополѣ, а еще болѣе — въ Аѳинахъ), что онъ и призванъ и можетъ и долженъ вести за собою все христіанство, идя впереди всѣхъ съ своимъ византійскимъ знаменемъ.

Третіе Святилище, обращенное въ мечеть, зовомое теперь: *Эски-Джумія* (старая *Пятница* или *Параскева*) намъ не удалось видѣть. Оно было заперто, и некому было отворить его. Itinéraire увѣряетъ, что оно стоитъ на мѣстѣ языческаго храма *Венеры*. Ему вѣдать про то. Отъ прежняго знакомства моего съ нимъ осталось въ памяти, что тамъ нѣтъ ни какого явнаго слѣда существовавшей въ немъ церкви. Два ряда прекрасныхъ колоннъ его изъ зеленаго мрамора столько же могутъ принадлежать христіанской церкви, сколько и языческому храму. Весьма ощутительная сырость въ немъ могла бы наводить на мысль, что и тутъ, какъ въ Ротондѣ, могла быть когда-то общественная баня (ѳерма).

Мы подошли къ великой и преславной церкви — мечети *Св. Во-*

ликомученика Димитрія. Прекрасный и величественный алтарь ея, прежде всего открывающійся съ улицы, плѣняетъ взоръ своими высокими окнами, раздѣленными каждое по серединѣ колонною. Онъ принадлежитъ лучшей эпохѣ византійскаго искуства, и стóилъ бы того, чтобы стоять, не загораживаясь ничѣмъ, на открытой площади — обстоятельство, почти невѣдомое Востоку, гдѣ, какъ мы уже не разъ замѣчали, все скучено, исковеркано, и все мѣшаетъ одно другому. Внутренность бывшаго святилища христіанскаго на каждомъ шагу представляетъ смѣсь красоты съ безобразіемъ, красота — въ архитектурѣ и въ дорогомъ матеріалѣ, безобразіе — въ запущенности всего, чтó видитъ глазъ и въ неумѣніи поддержать его. О самой гробницѣ Великомученика уже не говоримъ. Кстати, ее можно рäзсматривать только при огнѣ. Да, ктомуже она и не составляетъ одного цѣлаго съ храмомъ. Какъ уже это вышло, не знаемъ. Можетъ быть въ тѣсномъ придѣлѣ, вмѣщающемъ ее, можно еще отыскивать слѣды первобытной малой молельни, воздвигнутой вскорѣ по кончинѣ Мученика потаенными чтителями его, и не тронутый боголюбивымъ проконсуломъ Иллирика *Леонтіемъ.* Какихъ издержекъ требовала такая громадная постройка? Древніе были, кажется, не только набожнѣе, но и богаче насъ. Такое множество колоннъ, привезенныхъ конечно издалека, должно было стоить огромныхъ суммъ, даже и предположивши, весьма возможное, участіе въ дѣлѣ принудительныхъ работъ. Жаль, что планъ зданія какъ бы необходимо требуетъ плоскаго и легкаго потолка, если архитекторъ не хочетъ совсѣмъ открыть неприглядный остовъ стропилъ кровли. Ряды драгоцѣнныхъ мраморныхъ колоннъ и поверхъ ихъ простой досчатый потолокъ, какъ хотите, ревутъ, находясь другъ возлѣ друга. А пособить дѣлу нельзя. Колонны не выдержатъ свода, утвержденнаго на нихъ. Римская „базилика“ Св. Петра, правда, представляетъ взору громадной широты сводъ надъ главнымъ продольникомъ (нефъ), но за то вмѣсто колоннъ тамъ выведены столбы такихъ объемовъ,

что, не измѣривши ихъ своими руками, не можемъ вѣрить тому, что о нихъ разсказывается. Видалъ я также и своды поверхъ тонкихъ колоннъ, но по распросамъ они оказывались деревянными. Независимо отъ сего, не годился бы, думаю, грузный сводъ, виcящій на тонкихъ подпоркахъ, каковыми должны представляться подъ нимъ колонны. Если колонна есть субститутъ или копія пальмы, какъ говорятъ и думаютъ изслѣдователи архитектуры, то на ней прилично возвышаться только одному своду небесному. Какъ ни мало похожъ на послѣдній, нашъ обыкновенный полуцилиндрическій, зовомый на Востокѣ *римскимъ*, все же онъ ближе къ идеѣ, чѣмъ накатной потолокъ. Одинъ Синаитъ разсказывалъ мнѣ, что въ Соборной церкви монастыря Св. Екатерины, тоже съ двумя рядами колоннъ, на потолкѣ подѣланы солнце и луна со звѣздами. Не надѣюсь, чтобы выполненіе было удачное, но мысль самая на столько блестяща, что не мѣшало бы какому нибудь архитектору осуществить ее. Въ турецкихъ баняхъ не рѣдкость встрѣтить небольшихъ размѣровъ куполъ, пробитый множествомъ малыхъ круглыхъ отверстій въ видѣ звѣздъ, сообщающихъ внутрь умывальни тихій полусвѣтъ, производящій необыкновенное впечатлѣніе, особенно когда умѣючи вставлены въ отверстія разноцвѣтныя стекла. Хоть бы уже въ этого рода постройкахъ сдѣлать попытку скопировать сводъ небесный.

Отъ пространственнаго перейдемъ ко временному. Не менѣе находишь чѣмъ занять мысль свою въ базиликѣ Св. Димитрія, и размышляя о томъ, что не подлежитъ наблюденію глаза, и что, однакоже стоитъ быть замѣченнымъ, — объ ея прошедшемъ. Во все продолженіе Византійской исторіи, Солунь не переставалъ играть роль второй столицы Имперіи, не смотря на историческую важность Антіохіи и Александріи, и полонъ событій первостепеннаго значенія. Жаль, что какой нибудь ученый и досужій солунецъ не возмется изложить исторію своего города по памятникамъ византійскимъ (и инымъ) изъ года

въ годъ, классифицируя событія, для удобства, хотя по царствованіямъ. Полагать же надобно, что первенствующій храмъ города никогда не стоялъ безучастнымъ зрителемъ совершавшагося кругомъ его въ томъ или другомъ смыслѣ народнаго движенія. Сколько императоровъ византійскихъ перебывали въ немъ отъ *Θеодосія* Великаго до послѣдняго изъ Константиновъ! Приводимъ первымъ имя *Θеодосія* потому, что ранѣе его едва ли существовалъ храмъ. Время построенія его въ точности неизвѣстно. Достовѣрный сказатель этого факта, патріархъ *Фотій*, говоритъ, что строившій Солунскій храмъ надъ гробомъ Великомученика, *Леонтій* былъ тотъ самый, который потомъ былъ правителемъ Иллирика. Правитель же Иллирика съ этимъ именемъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 412—413 годами, т. е. спустя 16 лѣтъ по смерти Θеодосія. Оттого и нельзя сказать положительно, что храмъ могъ видѣть въ себѣ сего импературатора, или по крайней мѣрѣ быть свидѣтелемъ достоплачевнаго избіенія 7,000 Солунцевъ, произведеннаго по его приказу. Нельзя даже утверждать и того, что мы видимъ теперь тотъ самый храмъ, который выстроенъ Леонтіемъ. Безыменный нѣкій повѣствователь чудесъ Великомученика вскользь упомянулъ о пожарѣ, истребившемъ храмъ святаго, послѣ чего жители города воздвигли новый храмъ, еще болѣе великолѣпный [1]). Когда это произошло, не сказано. И не откуда узнать что нибудь подробнѣе и точнѣе о случаѣ, а можно бы усомниться въ немъ. Случиться это могло не ранѣе конца VII столѣтія или и позже, потому что вполнѣ авторитетный и совершенно извѣстный, другой сказатель чудесъ святаго, епископъ Солунскій *Іоаннъ*, современникъ императоровъ Маврикія и Фоки, имѣлъ и какъ бы наталкивающій поводъ упомянуть объ этомъ, но не сдѣлалъ того, а ограничился сообщеніемъ извѣстія о пожарѣ, бывшемъ внутри храма повидимому надъ самымъ гробомъ Великомуче-

---

[1]) Acta Sanctorum, Mensis October, dies VIII, pag. 70 (edit. 1865).

ника, когда растопился серебряный *Киворій* (Κιβώριον), (родъ павильона или балдахина), накрывавшій собою многочтимую гробницу [1]). Не переиначилъ ли въ разсказѣ своемъ темный Anonymus это самое обстоятельство, принявъ часть за цѣлое, Киворій за церковь? Срокомъ возможному обстоятельству мы назначили VII столѣтіе. Потому что, предположивши, что оно дѣйствительно было, новый храмъ, воздвигнутый на мѣсто погорѣвшаго, носилъ бы въ архитектурѣ своей печать этого, или даже позднѣйшаго времени. А между тѣмъ, архитектурный планъ его ставитъ его *за* время Юстиніана Великаго, выстроившаго храмъ Св. Софіи, и ею, такъ сказать указавшаго всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ неминуемый образецъ церковныхъ построекъ, отъ котораго дѣйствительно уже не отступали архитекторы, на сколько мы видимъ и знаемъ дѣла рукъ ихъ. По крайней мѣрѣ такъ было на Востокѣ. Планъ такъ называемой „базилики" послѣ Св. Софіи уже вышелъ, какъ говорится, тутъ изъ моды. Между тѣмъ онъ весь виденъ въ храмѣ Св. Димитрія и притомъ въ самыхъ расширенныхъ размѣрахъ. Желательно и возможно думать, что этотъ лѣсъ мраморныхъ колоннъ выроцненъ еще самимъ Леонтіемъ въ царствованіе Θеодосія В., который, можетъ быть, за этотъ самый подвигъ боголюбія, прославившій его, и поста-

---

[1]) Случай передается такъ: Былъ обычай въ праздникъ Святаго, т. е. 26 Октября (а по Латинскому мѣсяцеслову 8 Октября) освѣщать гробницу его. Праздникъ продолжался нѣсколько дней. Въ одинъ изъ нихъ, именно ночью, произошелъ пожаръ. Пламень былъ такъ силенъ, что весь Киворій растопился. Тогдашній епископъ города *Евсевій*, желая сдѣлать новый Киворій (вѣроятно во всемъ похожій на прежній), нашелъ недостаточнымъ количество собраннаго послѣ пожара серебра, и рѣшился дополнить его, употребивъ на то серебряную же каѳедру. Но одному изъ пресвитеровъ церкви три раза приснился Великомученикъ, запрещая ломать каѳедру, и завѣряя, что серебра доставятъ сколько нужно. Когда все это пресвитеръ разсказывалъ епископу, послѣднему доложили, что его спрашиваетъ нѣкто г. *Мина*. Пришедшій вручилъ архіерею 75 фунтовъ серебра на новый Киворій. За нимъ другой житель мѣстный пожертвовалъ на тотъ же предметъ еще 40 фунтовъ дорогаго металла. Потомъ стали жертвовать и другіе, увлеченные слухомъ о видѣніи и примѣромъ. Киворій былъ сдѣланъ, и каѳедра осталась цѣла.

вилъ его правителемъ Иллирика. Если же и дѣйствительно, кромѣ „Киворія", горѣлъ самый храмъ, что̀ легко предположить, то можно думать, что горѣла только сопредѣльная тому часть всего зданія, возстановленная съ бо́льшимъ, противъ прежняго, великолѣпіемъ, которую зоркій и наблюдательный глазъ можетъ быть успѣлъ бы отличить еще и теперь. Но для этого нужно рѣшить: гдѣ стоялъ „Киворій"? Упомянутый нами писатель *Іоаннъ* разсказываетъ видѣнный имъ чудесный сонъ, относящійся къ судьбамъ роднаго города, и стоящій въ связи съ мѣстомъ покоя Мученика „Градодержца". Ему снилось, что онъ вошелъ въ церковь и направился по обычаю ко гробу Святаго на поклоненіе, и именно *на средину храма, къ лѣвой сторонѣ,* а по другому выраженію: *по длинѣ храма, въ срединѣ.* Что гробница должна была находиться „на лѣво" отъ входа, гдѣ и теперь показывается, это понятно. Но выраженіе: *средина храма* остается совершенно необъяснимо. Ни въ какомъ случаѣ нынѣшнее мѣсто покоя Мученика не могло быть *среди храма.* Хотя разсказчикъ имѣетъ въ виду сновидѣніе, но очевидно, что въ основѣ сновидѣнія должна лежать дѣйствительность. Съ такою подробностію переданное при этомъ описаніе Киворія не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что тутъ списывалась дѣйствительность. Изъ другаго разсказа тогоже *Іоанна* тоже о бывшемъ въ храмѣ пожарѣ (вѣроятно томъ самомъ, когда сгорѣлъ Киворій), видно, что Киворій стоялъ внутри самаго храма, отъ кровельныхъ стропилъ котораго на желѣзной цѣпи прямо надъ нимъ спускалось поликандило, тоже серебряное. Отъ раскалившейся цѣпи стала затлѣваться и крыша. Нашли какъ то способъ взобраться на верхъ подъ стропила и залить водою загорѣвшееся мѣсто. Конечно, и стропила съ тѣхъ поръ многократно уже перемѣнялись, и напрасно было бы искать на нихъ какого нибудь слѣда утверждавшейся въ нихъ цѣпи поликандила. Тѣмъ не менѣе, сто́я „по серединѣ храма", я высматривалъ „къ лѣвой сторонѣ" на полу какихъ нибудь слѣдовъ быв-

шаго тутъ Киворія, но, конечно, ничего не отыскалъ. Да и странно, какъ онъ могъ находиться тутъ, когда гробница Святаго стоитъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Писатель (Іоаннъ) прямо утверждаетъ, что „Киворій накрывалъ мѣсто, гдѣ, *какъ всѣ вѣрили,* погребено было тѣло Мученика", слѣдовательно его гробницу. Развѣ предположить, что теперешняя гробница его невѣрно указывается? Но, возможно ли фактически такое искаженіе преданія, столь для всѣхъ дорогаго? Со времени взятія турками [1]) Солуня, надобно вѣрить, церковная жизнь христіанскаго населенія его не прекращалась никогда, и текла, какъ текла прежде того, своимъ порядкомъ до нашихъ дней. Магометане, сами почитая великаго угодника Божія, никогда не возбраняли чтить его и другимъ. Какъ же между сими послѣдними могло пройти незамѣтнымъ такое измѣненіе преданія о мѣстѣ покоя того, кого градъ (Солунь) считалъ своимъ „утвержденіемъ", согласно пѣснѣ церковной (Кондакъ 25 Октября)? Съ другой стороны, впрочемъ, не трудно предположить, что турки, овладѣвши храмомъ, и не желая открыть въ него доступъ „гяурамъ", отвели для нихъ мѣсто поклоненія Святому совнѣ храма, перенесши изъ него туда, для отвода глазъ, напр. могильную плиту или другое какое украшеніе, находившееся въ Киворіѣ [2]). За неимѣніемъ болѣе положительныхъ свѣдѣній о предметѣ, довольствуемся этими соображеніями.

---

[1]) Чтобы это могло случиться въ краткій промежутокъ Франкскаго владычества въ Солунѣ, совсѣмъ невѣроятно. Франки не имѣли никакаго повода сдѣлать это.

[2]) А что сталось съ самымъ пресловутымъ *Киворіемъ?* Можно бы не сомнѣваться, что, если онъ досуществовалъ до 1430 года, то пошолъ, по практическому взгляду мусульманскому, на болѣе полезное употребленіе, на пополненіе тощей казны Амуратовой. Но былъ ли уже онъ въ это время? Послѣднія свѣдѣнія о немъ даетъ, совсѣмъ неожиданно, наша первопрестольная столица. Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора хранится, какъ извѣстно, миніатюрная модель его, называющая сама себя «яснымъ образомъ Киворія». Что думать о ней? По описанію архіепископа Іоанна, Киворій Солунскій имѣлъ фигуру шестиугольника, а Московская модель сдѣлана осьмиугольною. Что слѣдуетъ заклю-

Не менѣе (скажемъ прямо: гораздо болѣе) затруднено рѣшеніе вопроса о точеніи мира изъ гроба Великомученика, извѣстнаго въ православной церкви какъ бы подъ собственнымъ именемъ *мироточца* (Μυροβλύτου). Теперь, стоя передъ гробницею Святаго, не дашь себѣ отчета, какъ это могло происходить. Но очень могло быть, что за 600, и болѣе, лѣтъ передъ симъ въ томъ темномъ и крайне невзрачномъ чертогѣ, гдѣ почиваетъ теперь Св. Мученикъ, все имѣло другой видъ. Но странно, что въ повѣствованіи Іоанна, епископа Солунскаго о чудесахъ Святаго, изъ котораго заимствовано и сказаніе о пожарѣ, нѣтъ и намека на мироточеніе. Ни у двухъ анонимныхъ продолжателей Іоанна, ни у Фотія, ни у Анастасія библіотекаря нѣтъ и помина о немъ. Повидимому, извѣстія о мирѣ появились уже въ Х-мъ, много въ IX-мъ вѣкѣ. Правда, у писателя *Іоанна Ставракія* (XIII в.)

чать изъ сего? То, что и *вторый* Киворій, сдѣланный при епископѣ Евсевіѣ (конечно по образцу перваго), уже не существовалъ въ то время, какъ дѣлалась модель, т. е. въ XI вѣкѣ по Р. Х. Изображенный на модели императоръ *Константинъ Дука* не избѣжно наводитъ на мысль, что при немъ (и можетъ быть, имъ самимъ) сдѣланъ былъ новый (третій?) Киворій. Иначе нельзя объяснить появленіе его изображенія на Киворіѣ. Трудно предположить, что оно имѣетъ отношеніе только къ модели, и что «ясный образъ» есть только риторическій оборотъ. Какъ бы то ни было, видно, что въ Х вѣкѣ еще существовалъ въ храмѣ Великомученика Киворій. При семъ кстати замѣтить, что приданное Московскому Киворію въ статьѣ о немъ (Христіанскія Древности. Годъ 1-й. Книга 8) значеніе Дароносицы не имѣетъ твердаго основанія. Вѣроятно, это была просто модель или копія Солунскаго Киворія, сдѣланная по заказу для «тайнописца» *Іоанна Авторьяна*, жившаго или въ XII или въ XIII вѣкѣ (извѣстенъ патріархъ Вселенскій *Михаилъ Авторьянъ* — 1212 г.), занесенная въ Россію, и приложенная придѣльному при Успенскомъ соборѣ храму Св. Великомученика Димитрія. Еще замѣтимъ, что приведенное въ надписи на Московскомъ Киворіѣ, слово: τεῦξας не значитъ: *сдѣлалъ*, а — пріобрѣлъ, или по славянски: *улучилъ*, *возымѣлъ*. Неправильно прочтено слово въ другой надписи того же Киворія: ΠCΘTHC. Читать слѣдуетъ: ΠICTOC. Также и необъясненное въ статьѣ: M̃, должно быть почитаемо сокращеніемъ слова: μεγάλη. Что̀ стояло въ подлинномъ Киворіѣ на мѣстахъ, гдѣ въ копіи видятся объяснительныя надписи? Изображеніе самого Великомученика? Взамѣнъ того, ясное дѣло, что внутренняя коробочка представляетъ собою упоминаемую писателемъ Солунскимъ *скимпиду*, или гробничную доску мученика.

встрѣчается разсказъ о томъ, что еще императоръ Юстиніанъ Великій искалъ достать себѣ частицу св. мощей Великомученика, и что это оказалось невозможнымъ сдѣлать по причинѣ мира, наполнявшаго гробницу Святаго, и что, взамѣнъ того, императоръ удовольствовался принесеннымъ ему миромъ. Но переданный Ставракіемъ случай слишкомъ поздней даты. Въ виду молчанія о мирѣ *всѣхъ* древнѣйшихъ писателей, ему трудно дать полную вѣру. Достовѣрный сказатель чудесъ Святаго, Іоаннъ, вѣрно бы упомянулъ о немъ, разсказывая, какъ императоръ Маврикій добивался того же самаго, но безуспѣшно, потому что посягавшихъ на то людей грозилъ попалить огонь, вышедшій изъ гробницы. Императоръ остался доволенъ одною горстью земли, которая при обрѣтеніи мощей Великимученика была взята изъ ямы. Конечно, умолчаніе не есть еще прямо отрицаніе, но есть вся законная возможность думать, что христолюбивѣйшему царю, въ утѣшеніе, поднесли бы миро вмѣсто земли, какъ и Юстиніану, если бы подобное обстоятельство имѣло мѣсто при гробѣ Святаго. Да и по всему кажется, что Ставракій имѣлъ въ виду случай съ Юстиніаномъ, когда говорилъ о Маврикіѣ. Сколько извѣстно, первый заговорилъ о мирѣ *Іоаннъ Каменятъ* (славянинъ?), въ своемъ разсказѣ о набѣгѣ на Солунь Сарацинъ въ 904 г., при чемъ называетъ св. Димитрія „мироточцемъ". Онъ самъ принадлежитъ X вѣку. *Іоаннъ Скилица* — писатель XI вѣка — свидѣтельствуетъ прямо, что св. миро истекаетъ изъ гробницы Великомученика[1]. А *Никита Хоніатъ* (+ 1205), описывая занятіе Солуня Сицилійцами, не обинуясь разсказываетъ, что „франки черпали Св. миро кадями и котлами, и мазали имъ даже свою обувь. „Даже въ XV вѣкѣ еще продолжалось это чудо. *Іоаннъ чтецъ,* Солунскій

---

[1]) На точеніе чудотворнаго мира намекаютъ, думаемъ, и стоявшія, какъ видно изъ Московской модели Киворія, поверхъ его стѣнокъ въ полукруглыхъ окошкахъ, чаши, такъ какъ едва ли ихъ можно счесть лампадами.

житель, разсказывая какъ очевидецъ о взятіи города турками въ 1429 г., говоритъ, что" невѣрные въ теченіе многихъ дней черпали обѣими руками Св. миро. „Для удобства дѣла, предварительно сняты были ими при этомъ мраморныя плиты (откуда? съ пола?). Когда и какъ прекратилось чудесное явленіе, не извѣстно. Мы не нашли нигдѣ свѣдѣній объ этомъ. Положительно неизвѣстно даже и то, когда преславная церковь св. Димитрія обращена въ мусульманскую молельню. По Іоанну чтецу, турки, овладѣвши городомъ, забрали себѣ только двѣ церкви: *Богоматери* и *Предтечи*, а черезъ два три года отняли и другіе храмы, оставивши христіанамъ только четыре (какіе именно, не поименовано), въ томъ числѣ и храмъ св. Димитрія. Хотя завоеватель (Амуратъ) и былъ въ немъ, и даже принесъ жертву, т. е. самъ своими руками закололъ барана, но, по просьбѣ христіанъ, оставилъ церковь въ рукахъ ихъ. Всѣ же сокровища и все церковное украшеніе были заграблены. Тогда же, конечно, пропали и Киворій, и каѳедра, и поликандило, бывшіе, какъ извѣстно, изъ серебра.

Еще слово — и послѣднее — о великой церкви Солунской. Въ кратковременное владычество „франковъ" въ Солунѣ (1204—1222), церковь Великомученика отдана была Іерусалимскимъ каноникамъ Гроба Господня, какъ доходная статья, на содержаніе. Каноники Солунской митрополіи (св. Софіи), какъ видно, не добрымъ глазомъ смотрѣли на эту черезполосность владѣній, и черезъ своего архіепископа (Латинскаго, конечно) просили папу Иннокентія III позволить и имъ имѣть свою долю доходовъ отъ гроба Великомученика. Архіепископъ требовалъ при этомъ, чтобы святогробцы, сохраняя свое повиновеніе (oboedientiam) Іерусалимскому патріарху (тоже Латинскому, конечно), въ то же время зависѣли и отъ него. Изъ трехъ, приведенныхъ въ Oriens Christianus Латинскихъ архіепископовъ Солуня, *Нивела*, *Петра* и *Гварина*, на время послѣдняго должно падать упомянутое обстоятельство. Онъ былъ послѣдній и въ ряду представи-

телей вторгшагося въ православный Солунь схизматическаго папства. „Деспотъ" (титуломъ и поведеніемъ) *Θеодоръ Комнинъ,* отобравъ у Монферратскихъ князей эфемерное королевство Θессалоникское, положилъ конецъ и церковной „провинціи Солунской", вошедшей съ тѣхъ поръ, съ столькими другими вмѣстѣ, въ списокъ „мертвыхъ душъ" Куріи, значащійся подъ рубрикой: in partibus. При какихъ православныхъ митрополитахъ города процвѣтали въ Солунѣ эти intrus, и гдѣ въ то время жили настоящіе владыки Солунскіе, и въ какихъ отношеніяхъ были къ пришлецамъ, желалось бы, но не откуда, узнать. А что они были, это вѣрно. Солуняне не измѣняли отеческой вѣрѣ никогда, крѣпко держа въ памяти, что они — *образъ всѣмъ вѣрующимъ*[1]).

На прощаніе съ святилищемъ, такъ мало говорящимъ о своемъ прошедшемъ своими памятниками, мы списали уцѣлѣвшія на мраморныхъ плитахъ пола его, двѣ надписи. Одна, у самыхъ (бывшихъ) входныхъ дверей его, состоитъ изъ одного обозначенія года, по Константинопольскому счету отъ сотворенія міра, и именно 6783-го, соотвѣтствующаго 1475-му отъ Р. Х. [2]). Къ кому или къ чему относилась она, неизвѣстно. Очевидно, что это обломокъ большой плиты, имѣвшій на себѣ какую нибудь историческую замѣтку. Другая указываетъ годъ кончины нѣкоего раба Божія *Луки Спандони,* именно 6983-й или 1481-й отъ Р. Х. [3]). На основаніи ихъ можно бы строить предположеніе, что 30 лѣтъ спустя по завоеваніи города турками, церковь св. Димитрія еще продолжала быть домомъ христіанской молитвы. Проходя черезъ бывшій „придѣлъ" во имя св. мученика *Нестора,* мы наткнулись на полу на кучи птичьяго помета... Это даетъ понятіе о томъ,

---

[1]) 1 Сол. 1, 7.

[2]) ϛ ϡΠΓ. (1475).

[3]) ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Λουκᾶς ὁ Σπανδονῆς. ἐν ἔτει ϛ ϡΠΘ (1481). Фамилія: *Спандони* и теперь слышится кое-гдѣ на Востокѣ.

въ какомъ порядкѣ содержится мечеть новыми „канониками“, насылаемыми сюда изъ „новаго Рима“, и собирающими, какъ слышно, весьма хорошій доходъ во имя Великомученика съ вѣрующихъ. Разница между этими и тѣми блюстителями св. Мѣста можетъ быть только въ ихъ богословскихъ мнѣніяхъ... Тѣ, какъ мы уже видѣли, находили существовавшій тогда въ мірѣ порядокъ (пользоваться церковными доходами) несогласнымъ съ божественною правдою, а эти, ежедневно встрѣчаясь съ нечистотами въ дому Божіемъ, конечно думаютъ: „ну, значитъ, такъ Богу угодно“! И для тѣхъ и для другихъ *Богъ* есть, если не прямо — *чрево,* по Апостолу, то — нѣчто, весьма близкое къ нему, т. е. карманъ.

Уставшіе отъ впечатлѣній, мы возвращались извилистыми улицами на свою квартиру. По дорогѣ, на одной водотечи намъ бросилась въ глаза древняя греческая надпись на мраморной плитѣ, обсѣченной съ обѣихъ сторонъ, въ три строки, безъ начала и конца. Оставшееся гласитъ... *ундъ и Кассандра... да Левкіева, самимъ себѣ и... ду Левкіеву. какъ завѣщ...* [1]) т. е. *Секундъ и Кассандра (дѣти) Секунда Левкіева (приготовили это) для самихъ себя и для Секунда Левкіева, какъ завѣщано было имъ.* Имъ оставилъ деньги отецъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали для него и для самихъ себя гробъ, или точнѣе: костоёмъ (ossuaire). Исполнивъ волю отца, они вотъ и передаютъ памяти вѣковъ грядущихъ свое дѣло. Вѣка грядущіе съ другими уже понятіями и о памяти и о вѣчности выбрасываютъ ненужныя ни той ни другой кости, и обращаютъ гробъ въ общественный водоемъ. Нѣкто *Мануилъ... дуки кур...* хлопочетъ и о своей памяти въ потомствѣ, вырѣзывая въ той же водотечи свое темное имя, вѣроятно какъ совершитель или возобновитель общеполезнаго, хотя и неправеднаго, дѣла.

---

[1]) (Σεκ)οῦνδος καὶ Κασσάνδρα οἱ... (Σεκούν) δου τοῦ Λευκίου ἑαυτοῖς καὶ... Σεκούνδῳ τῷ Λευκίου. καθὼς διεθ... имя *Секунда* мы читаемъ гадательно.

Судя по характеру буквъ, этотъ Мануилъ долженъ принадлежать XIII—XIV вѣкамъ. Увидѣвъ, что меня заинтересовали старые *язы* (письмена, черты), сопровождавшій насъ кавасъ консульскій повелъ насъ еще въ другое мѣсто къ другому подобному же „плотоядцу“ (саркофагу) языческаго времени съ надписью, уцѣлѣвшею вполнѣ, но за то и несомнѣнно позднѣйшею прежней. Угловатый характеръ буквы о (*о* микронъ) сначала ввелъ было меня въ хронологическое заблужденіе. Надпись выносилась имъ въ вѣка христіанскіе, да еще и не ранніе. Но оказалось, что рядомъ съ угловатою и вытянутою фигурою этой буквы стояло и обыкновенное, круглое или овальное начертаніе ея. Значитъ, дѣло сводится, вмѣсто критерія эпохальнаго, на простую licentiam graphicam. Надпись гласитъ: *М*(аркъ) *Элій Парамонъ Эліи Фавстѣ женѣ и самому себѣ при жизни. Года 314-го*[1]. Лѣтосчисленіе употреблено тутъ несомнѣнно Македонское (оно же: *греческое*, оно же: эра *Селевкидовъ*), и соотвѣтствовать должно, потому, второму году по Рождествѣ Христовомъ. Если же наше общепринятое лѣтосчисленіе, какъ полагаютъ ученые хронологисты, заключаетъ въ себѣ ошибку на цѣлые 4 года, отставши, такъ сказать, отъ истиннаго дня Рождества Христова, то выйдетъ, что въ то время, какъ высѣкалась надпись, шолъ уже шестой годъ отъ всемірнаго событія въ Виѳлеемѣ. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ запутанныя хронологическія вычисленія, но будучи въ Македоніи, откуда пролился впервые ясный свѣтъ на хронологію исторіи Востока, можно позволить себѣ пожелать, чтобы, послѣ всѣхъ извѣстныхъ лѣтосчисленій древности, сличенныхъ между собою по памятникамъ, рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о начальномъ годѣ христіанской эры. Древніе историки христіанскіе такъ мало думали о немъ, что постоянно—по крайней мѣрѣ

---

[1]) Μ(άρκος) Αἴλιος Παραμόνος Αἰλίᾳ Φαύστᾳ-τῇ γυναικὶ καὶ ἑαυτῷ. Ζῶν. ἔτους ΔΙΤ (314).

на Востокѣ—вели счисленіе лѣтъ отъ сотворенія міра, что продолжалось педантски до самаго XV вѣка. Македонская письменность долго игнорировала и то и другое, держась своего стараго лѣточисленія, начинающагося годомъ смерти Александра Великаго. Тоже черезчурное „Гречество" замѣчается въ ней и теперь. Но.. объ этомъ вѣрно еще не одинъ разъ придется говорить.

Подходимъ къ мечети съ архитектурными очертаніями византійскаго стиля. Когда-то она была церковью *св. Апостоловъ*. Пока отыскивали сторожа ея, я списалъ однострочную надпись, крупно начертанную на каменной притолокѣ западныхъ дверей ея. Она состоитъ всего изъ двухъ словъ: *патріархъ* и *ктиторъ*. Надпись, повидимому, цѣла и потому странно, какъ могла обойтись она безъ собственнаго имени. Въ церкви нѣтъ никакихъ стѣнныхъ украшеній. Все замазано известкой съ желтыми пятнами и сѣрыми потѣками. Сыро, темно, душно, безвкусно. На что потребовалась исламу и эта еще убогая святыня христіанская? Дождемся ли мы примѣрнаго наказанія этой презрительной нетерпимости голодраныхъ аравитянъ, и всякихъ иныхъ степняковъ къ цивилизаціи Европы? Или уже не ждать его совсѣмъ, а слушать напротивъ похвалы исламу за то, что онъ завоеванные храмы христіанскіе не предавалъ позору, а обращалъ въ свои молитвенные дома?.. Утѣшиться развѣ въ этомъ фатальномъ явленіи историческаго единоборства религій на Востокѣ, видимо неблагопріятнаго намъ, тѣмъ, что не въ лучшемъ видѣ сохраняются и тѣ изъ святынь, которыхъ не коснулось магометанство. Таковою показалась намъ церковь св. Ѳеодоры, Богъ вѣсть, какъ избывшая чести попасть въ тріумфъ побѣдоноснаго Ислама. Когда-то при церкви былъ монастырь, въ которомъ и подвизалась святая, давшая ему свое имя. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ завѣдывающіе церковію. Извѣстны двѣ святыя сего имени, обѣ именуемыя Солунскими, и обѣ причисляемыя къ лику преподобныхъ. Первая, празднуемая 5 апрѣля, прославилась чудомъ, по-

творившимся потомъ въ нашихъ кіевскихъ пещерахъ. Когда, вдолгѣ по ея кончинѣ, умерла игуменья монастыря, въ которомъ она жила, и когда хотѣли положить тѣло ея въ могилу Θеодоры, она подвинулась и дала мѣсто игуменіѣ. Когда жила она, неизвѣстно, и гдѣ именно жила, опредѣленно не указывается. Могла быть изъ Солуня (ἀπὸ Θεσσαλονίκης), а жить и скончаться совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Вторая Θеодора, родомъ съ острова *Эгины*, подвизалась въ X вѣкѣ, и жила вмѣстѣ съ своей дочерью *Θеопистою* въ одномъ изъ Солунскихъ монастырей, При жизни извѣстна стала терпѣливымъ исполненіемъ въ теченіи 15 лѣтъ наложенной на нее игуменіею эпитиміи, не говорить съ дочерью, живя съ нею въ одной кельѣ, а по смерти—подобнымъ Великомученику Димитрію, мироточеніемъ. Этой самой *Θеодоры* святыя мощи, конечно, хранятся и показываются теперь въ церкви сего имени. Тутъ ли стоялъ монастырь, въ которомъ она подвизалась, ни утверждать ни отрицать сего нѣтъ прямаго основанія. На вопросъ мой, нѣтъ ли въ городѣ церкви св. *Матроны*, или не сохраняется ли хотя память ея, привязанная къ какому нибудь мѣсту, мнѣ отвѣчали молчаніемъ. Святая тоже называется *Солунскою*. Судя по древнему разсказу о чудѣ св. Димитрія спасшаго городъ отъ нападенія (котораго изъ многихъ?) *Склавиновъ*, церковь св. Матроны находилась за городомъ въ полѣ. Тамъ примѣчены были жителями на разсвѣтѣ дня съ городскихъ стѣнъ „варвары". Побиты же были у церкви св. мученицъ *Хіоніи*, *Ирины* и *Агапіи*, которая находилась по близости городскихъ стѣнъ. И сіи св. мученицы принадлежатъ также Солуню. По Римскому мартирологу (3 апрѣля) мѣсто страданія св. сестеръ извѣстно въ Θессаликѣ. Въ Минеяхъ же нашихъ говорится только, что по смерти св. *Хрисогона*, учителя св. мученицы *Анастасіи* ядорѣшительницы, онъ явился во снѣ *Зоилу* и сказалъ, что святая пострадаетъ вмѣстѣ съ тремя сестрами, находившимися при ономъ (ἐκείνης) озерѣ. Св. дѣвы замучены начальникомъ *Сисиніемъ*, двѣ сожжены на кострѣ,

а третія прострѣлена. О св. *Анастасіи* повидимому тоже солунянкѣ, особо (22 дек.) говорится, что она мучима была разными преторами, брошена въ море и наконецъ тоже сожжена на кострѣ. Латинскія преданія мѣстомъ кончины ея указываютъ островъ *Пальмарію* на западъ отъ Италіи, а мучителя называютъ префектомъ Иллирика, *Флоромъ*. Какъ сходятся тутъ западъ съ Иллирикомъ, объяснить трудно. Св. *Хрисогона* тѣже преданія заносятъ для мученической кончины въ городъ *Аквилею*. Изъ этой разноголосицы именъ, лицъ и обстоятельствъ можно вывесть одно заключеніе, что всѣ святые пострадали хотя въ разныхъ мѣстахъ и не въ одно и тоже время, но исторіею своею связаны другъ съ другомъ, а мѣстомъ привязаны къ Өессалоникѣ. Кромѣ упомянутой выше мученицы *Ирины*, пострадавшей вмѣстѣ съ двумя сестрами, Римскій Мартирологъ содержитъ въ себѣ (подъ 5 мая) имя еще другой мученицы Солунской, тоже *Ирины*, сожженной вмѣстѣ съ *Иринеемъ* и *Перегриномъ*. Такъ какъ и въ нашихъ святцахъ подъ тѣмъ же числомъ стоитъ Святая и „славная" мученица *Ирина*, которой страданіе тоже относится къ Иллирику, то конечно это должно быть одно и тоже лицо. Но греческія сказанія о сей святой такъ хронологически запутаны, что если повѣствуемое въ нихъ все вѣрно, то въ немъ надобно видѣть приключенія многихъ лицъ и разныхъ временъ.

Разъ вовлекшись въ „агіологическія" изслѣдованія съ оттѣнкомъ мѣстнымъ, предложимъ, въ поученіе Солуню, списокъ *Святыхъ*, принадлежащихъ ему, и составляющихъ его христіанскую славу, на сколько можно было намъ, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ для подобнаго труда, заготовить его еще дома.

Упомянуты уже нами святые мученики: *Димитрій* и *Несторъ*, двѣ *Өеодоры* и *Өеописта*, *Матрона*, *Анастасія*, *Хрисогонъ*, *Хіонія*, *Ирина* и *Агапія*—сестры, славная *Ирина* (съ *Иринеемъ* и *Перегриномъ*). Кромѣ нихъ принадлежатъ Солуню еще:

Св. мученики: *Агаѳоподъ*-діаконъ и *Ѳеодулъ*-чтецъ. Утоплены въ морѣ проконсуломъ *Фавстиномъ*, при Максиміанѣ. Пострадали вѣроятно одновременно съ св. Димитріемъ. Мартирологъ Римскій къ нимъ привязываетъ и еще 14 мучениковъ, коихъ имена суть: *Агапитъ*, *Валерій*, *Купріанъ*, *Юліанъ*, *Мастезъ* (Mastesus), *Прокулъ*, *Публій*, *Урбанъ*, *Зосимъ*, *Діонисій*, *Сагъ* (Sagus) и трое безыменныхъ. Память первыхъ двухъ по Мартирологу (и Греческой Минеѣ) 4-го, а по нашимъ святцамъ 5-го апрѣля. Память 14-ти Мартирологъ указываетъ подъ 2-мъ апрѣля.

Св. мученики: *Абунданцій* (иначе Абундій), *Александръ*, *Антигонъ*, *Гиланъ* (или Каланъ), *Макарій*, *Северіанъ*, *Тиціанъ*, *Фортунатъ*, (или Фортуніонъ), *Январій*. Пострадали при Діоклитіанѣ. Мѣсто подвиговъ ихъ почему-то перемѣшивается между Ѳессалоникой и Римомъ.

Св. мученики: *Александръ*, *Василій*, *Евфрасій*, *Фрунимъ*—14 марта.

Св. мученики *Домнинъ* (или Доминикъ), *Ахаикъ*, *Палатинъ*, *Филополъ* (иначе Филофилъ), 30 марта. О Домнинѣ и у насъ говорится нѣсколько словъ подъ 1-мъ октября.

Св. мученики: *Панѳеръ* (или Пантенъ), *Парѳеній*, *Сатурнинъ*, *Діонисій*, *Александръ* и св. мученица *Иніана* (по инымъ: Ingeniana), 1-го апрѣля.

Св. мученикъ *Серапіонъ*—27 апрѣля. Св. мученикъ *Флоренцій*—13 октября. Уроженецъ Солунскій. За проповѣдь Христову вѣшается, стружется и сожигается на кострѣ. Св. мученикъ *Александръ*—7 ноября. Опровергъ ногою требище, и обезглавленъ. Св. *Фантинъ* исповѣдникъ—30 августа; жилъ при гробѣ св. Димитрія неотлучно 8 лѣтъ. Св. мученица *Анисія*—30 декабря, урожденная Солунская. Зарублена солдатомъ, нудившимъ ее поклониться идоламъ.

Самое большое число мучениковъ Солунскихъ приводится въ Латинскихъ святцахъ подъ 1-мъ іюня. Насчитывается ихъ болѣе 400. По именамъ въ Acta Sanctorum перечисляются 137. Почти всѣ имена

римскія. Иноязычными намъ показались слѣдующія,—мужскія: *Іоаннъ, Тимоѳей, Баянъ, Баринъ, Верикъ, Митунъ, Сайль, Сепакъ, Флядъ, Арабъ*.. Женскія: *Марія, Нина, Карра, Ururія, Бублаза, Гозія* (или Гоговія).. Когда, гдѣ и въ одно ли время, отъ кого и какъ пострадали святые мученики эти, ничего неизвѣстно. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ мученица *Люція* (иначе: *Лука, Луцея, Луцела*... [1]) съ царемъ *Авціемъ*, (*Авцеемъ, Авцегой, Акціемъ, Акаціемъ, Евцеріемъ*...) Ничего общаго не имѣетъ Солунская (?) Люція съ извѣстной Сиракузской (по нашему—*Лукіей*, 6 іюля) столько чествуемой на западѣ. О царѣ же мученикѣ съ подобнымъ именемъ никакая исторія не упоминаетъ. Зовется онъ царемъ „варваровъ", и ничего болѣе. Болландисты дѣлаютъ догадку, что это былъ, можетъ быть, владѣтель какой нибудь сопредѣльной Римской имперіи страны, взятый въ плѣнъ побѣдоносными легіонами, и приведенный въ Солунь, а оттуда пересланный для тріумфа въ Римъ, гдѣ и пострадалъ со всѣми своими вмѣстѣ. Но имена спострадавшихъ ему, какъ мы уже замѣтили, почти всѣ римскія, что не можетъ относится къ варварскому народу. Въ имени царя съ натяжкою можно слышать *Овчея* или *Овчаря*, но дѣло отъ этого не уясняется. Въ нѣкоторыхъ Мартирологахъ память этого мученика-царя встрѣчается и отдѣльно подъ 25-мъ іюня [2]). Въ православныхъ святцахъ ни о царѣ семъ, ни о Люціи [3]), ни о всѣхъ 400 мученикахъ

---

[1]) Не осмѣливаемся въ *Луцеѣ* или *Луцелѣ* предполагать нашу: *Лучшую*, еще менѣе — *Лучину*.

[2]) Тогда же пересчитываются еще слѣдующія мученическія имена: *Бигатъ* (Багатъ, Бигиттъ) *Ламптанъ* (Лупитанъ) и *Салонита* (Солоника). *Солон*-ика очевидно есть переводъ *Salon*-ita. А Bagatus — что, какъ не: *Богатый?*

[3]) По другимъ сказаніямъ (см. у Болландистовъ), Люція является римлянкою, чѣмъ и объясняется ея латинское имя. Царю Авцею удалось гдѣ-то плѣнить ее. 20 лѣтъ прожила она потомъ при немъ, пользуясь великимъ уваженіемъ за свое христіанство, въ которое вѣроятно и обратила самого Царя. Потомъ ей было откровеніе, внушавшее ей отправиться въ Римъ и пострадать тамъ за Христа, что и случилось. Она была замучена въ

„отвѣтами" епископамъ по канонической казуистикѣ. *Нилъ* и *Николай* дядя и племянникъ изъ фамиліи *Кавасиловъ*. Первый извѣстенъ огромнымъ и жесткимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ Латинской церкви. Вторый былъ ярый обличитель мнѣній еретиковъ своего времени, Варлаама и Акиндина. *Исидоръ Глава* — изъ тойже эпохи, очевидно славянскаго происхожденія, но греческій полемистъ — писатель. Заговоривши о писателяхъ, принадлежащихъ Солуню, нельзя пропустить и упомянутыхъ уже нами двухъ историковъ *Іоаннов*, епископа, описавшаго чудеса св. Великомученика Димитрія, и Анагноста (чтеца), передавшаго памяти потомства любопытный моментъ занятія Солуня турками. Наконецъ, ярче всѣхъ другихъ именъ, знаменанныхъ печатію учености, сіяютъ славныя имена двухъ братьевъ просвѣтителей славянскаго міра, *Кирилла* и *Мееодія*. Ими и закончимъ мы на нынѣшней день свое слово о христіанскомъ Солунѣ. Еще такъ недавно мы отпраздновали тысячелѣтіе ихъ великаго дѣла — изобрѣтенія славянской азбуки. Въ Солунѣ никто, конечно, и не подумалъ откликнуться на нашъ актъ такой шумной манифестаціи. Да, сколько можно судить по газетнымъ описаніямъ русскаго празднованія, и особенно по разсказамъ очевидцевъ, кажется и у насъ въ Россіи оно отозвалось нѣсколько натянутымъ, какъ бы дѣланнымъ, характеромъ. Кто знаетъ? Не было ли у славянъ и прежде Кирилицы какой нибудь другой (по имени русской напр.) азбуки? Сказаніе объ ученикѣ Кирилла *Климентѣ*, находившемъ въ Корсунѣ хазарскомъ книги, не по гречески писанныя, и не проглядный мракъ, окружающій происхожденіе глаголицы, наводятъ мысль на разныя соображенія... А вѣрно ли мы праздновали тысячелѣтній юбилей славянской грамотности? Прочитанная мною въ 1859 году [1]) въ одной славян-

[1]) См. замѣтки поклонника Св. Горы. Кіевъ. 1864. стр. 255. «Сты Кvрилъ философъ учител словенскы. Иже приложи *рускую* (sic) грамату сгреческіе .... въ лѣто ЅѴАІ, въ царство Льва цара премудраго.

на Востокѣ—вели счисленіе лѣтъ отъ сотворенія міра, что продолжалось педантски до самаго XV вѣка. Македонская письменность долго игнорировала и то и другое, держась своего стараго лѣтосчисленія, начинающагося годомъ смерти Александра Великаго. Тоже черезчурное „Гречество“ замѣчается въ ней и теперь. Но.. объ этомъ вѣрно еще не одинъ разъ придется говорить.

Подходимъ къ мечети съ архитектурными очертаніями византійскаго стиля. Когда-то она была церковью *св. Апостоловъ.* Пока отыскивали сторожа ея, я списалъ однострочную надпись, крупно начертанную на каменной притолокѣ западныхъ дверей ея. Она состоитъ всего изъ двухъ словъ: *патріархъ* и *ктиторъ.* Надпись, повидимому, цѣла и потому странно, какъ могла обойтись она безъ собственнаго имени. Въ церкви нѣтъ никакихъ стѣнныхъ украшеній. Все замазано известкой съ желтыми пятнами и сѣрыми потёками. Сыро, темно, душно, безвкусно. На что потребовалась исламу и эта еще убогая святыня христіанская? Дождемся ли мы примѣрнаго наказанія этой презрительной нетерпимости голодраныхъ аравитянъ, и всякихъ иныхъ степняковъ къ цивилизаціи Европы? Или уже не ждать его совсѣмъ, а слушать напротивъ похвалы исламу за то, что онъ завоеванные храмы христіанскіе не предавалъ позору, а обращалъ въ свои молитвенные дома?.. Утѣшиться развѣ въ этомъ фатальномъ явленіи историческаго единоборства религій на Востокѣ, видимо неблагопріятнаго намъ, тѣмъ, что не въ лучшемъ видѣ сохраняются и тѣ изъ святынь, которыхъ не коснулось магометанство. Таковою показалась намъ церковь св. Θеодоры, Богъ вѣсть, какъ избывшая чести попасть въ тріумфъ побѣдоноснаго Ислама. Когда-то при церкви былъ монастырь, въ которомъ и подвизалась святая, давшая ему свое имя. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ завѣдывающіе церковію. Извѣстны двѣ святыя сего имени, обѣ именуемыя Солунскими, и обѣ причисляемыя къ лику преподобныхъ. Первая, празднуемая 5 апрѣля, прославилась чудомъ, по-

творившимся потомъ въ нашихъ кіевскихъ пещерахъ. Когда, вдолгѣ по ея кончинѣ, умерла игуменья монастыря, въ которомъ она жила, и когда хотѣли положить тѣло ея въ могилу Ѳеодоры, она подвинулась и дала мѣсто игуменіѣ. Когда жила она, неизвѣстно, и гдѣ именно жила, опредѣленно не указывается. Могла быть изъ Солуня (ἀπὸ Θεσσαλονίκης), а жить и скончаться совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Вторая Ѳеодора, родомъ съ острова *Эгины*, подвизалась въ X вѣкѣ, и жила вмѣстѣ съ своей дочерью *Ѳеопистою* въ одномъ изъ Солунскихъ монастырей, При жизни извѣстна стала терпѣливымъ исполненіемъ въ теченіи 15 лѣтъ наложенной на нее игуменіею эпитиміи, не говорить съ дочерью, живя съ нею въ одной кельѣ, а по смерти—подобнымъ Великомученику Димитрію, мироточеніемъ. Этой самой *Ѳеодоры* святыя мощи, конечно, хранятся и показываются теперь въ церкви сего имени. Тутъ ли стоялъ монастырь, въ которомъ она подвизалась, ни утверждать ни отрицать сего нѣтъ прямаго основанія. На вопросъ мой, нѣтъ ли въ городѣ церкви св. *Матроны*, или не сохраняется ли хотя память ея, привязанная къ какому нибудь мѣсту, мнѣ отвѣчали молчаніемъ. Святая тоже называется *Солунскою*. Судя по древнему разсказу о чудѣ св. Димитрія спасшаго городъ отъ нападенія (котораго изъ многихъ?) *Склавиновъ*, церковь св. Матроны находилась за городомъ въ полѣ. Тамъ примѣчены были жителями на разсвѣтѣ дня съ городскихъ стѣнъ „варвары". Побиты же были у церкви св. мученицъ *Хіоніи*, *Ирины* и *Агапіи*, которая находилась по близости городскихъ стѣнъ. И сіи св. мученицы принадлежатъ также Солуню. По Римскому мартирологу (3 апрѣля) мѣсто страданія св. сестеръ извѣстно въ Ѳессалоникѣ. Въ Минеяхъ же нашихъ говорится только, что по смерти св. *Хрисогона*, учителя св. мученицы *Анастасіи* узорѣшительницы, онъ явился во снѣ *Зоилу* и сказалъ, что святая пострадаетъ вмѣстѣ съ тремя сестрами, находившимися при ономъ (ἐκείνης) озерѣ. Св. дѣвы замучены начальникомъ *Сисиніемъ*, двѣ сожжены на кострѣ,

а третія прострѣлена. О св. *Анастасіи* повидимому тоже солунянкѣ, особо (22 дек.) говорится, что она мучима была разными преторами, брошена въ море и наконецъ тоже сожжена на кострѣ. Латинскія преданія мѣстомъ кончины ея указываютъ островъ *Пальмарію* на западъ отъ Италіи, а мучителя называютъ префектомъ Иллирика, *Флоромъ*. Какъ сходятся тутъ западъ съ Иллирикомъ, объяснить трудно. Св. *Хрисогона* тѣже преданія заносятъ для мученической кончины въ городъ *Аквилею*. Изъ этой разноголосицы именъ, лицъ и обстоятельствъ можно вывесть одно заключеніе, что всѣ святые пострадали хотя въ разныхъ мѣстахъ и не въ одно и тоже время, но исторіею своею связаны другъ съ другомъ, а мѣстомъ привязаны къ Θессалоникѣ. Кромѣ упомянутой выше мученицы *Ирины*, пострадавшей вмѣстѣ съ двумя сестрами, Римскій Мартирологъ содержитъ въ себѣ (подъ 5 мая) имя еще другой мученицы Солунской, тоже *Ирины*, сожженной вмѣстѣ съ *Иринеемъ* и *Перегриномъ*. Такъ какъ и въ нашихъ святцахъ подъ тѣмъ же числомъ стоитъ Святая и „славная" мученица *Ирина*, которой страданіе тоже относится къ Иллирику, то конечно это должно быть одно и тоже лицо. Но греческія сказанія о сей святой такъ хронологически запутаны, что если повѣствуемое въ нихъ все вѣрно, то въ немъ надобно видѣть приключенія многихъ лицъ и разныхъ временъ.

Разъ вовлекшись въ „агіологическія" изслѣдованія съ оттѣнкомъ мѣстнымъ, предложимъ, въ поученіе Солуню, списокъ *Святыхъ*, принадлежащихъ ему, и составляющихъ его христіанскую славу, на сколько можно было намъ, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ для подобнаго труда, заготовить его еще дома.

Упомянуты уже нами святые мученики: *Димитрій* и *Несторъ*, двѣ *Θеодоры* и *Θеописта*, *Матрона*, *Анастасія*, *Хрисогонъ*, *Хіонія*, *Ирина* и *Агапія*—сестры, славная *Ирина* (съ *Иринеемъ* и *Перегриномъ*). Кромѣ нихъ принадлежатъ Солуню еще:

Св. мученики: *Агаѳоподъ*-діаконъ и *Ѳеодулъ*-чтецъ. Утоплены въ морѣ проконсуломъ *Фаустиномъ*, при Максиміанѣ. Пострадали вѣроятно одновременно съ св. Димитріемъ. Мартирологъ Римскій къ нимъ привязываетъ и еще 14 мучениковъ, коихъ имена суть: *Агапитъ, Валерій, Киріанъ, Юліанъ, Мастезъ* (Mastesus), *Прокулъ, Публій, Урбанъ, Зосимъ, Діонисій, Сагъ* (Sagus) и трое безыменныхъ. Память первыхъ двухъ по Мартирологу (и Греческой Минеѣ) 4-го, а по нашимъ святцамъ 5-го апрѣля. Память 14-ти Мартирологъ указываетъ подъ 2-мъ апрѣля.

Св. мученики: *Абунданцій* (иначе Абундій), *Александръ, Антигонъ, Галанъ* (или Каланъ), *Макарій, Северіанъ, Тиціанъ, Фортунатъ*, (или Фортуніонъ), *Януарій*. Пострадали при Діоклитіанѣ. Мѣсто подвиговъ ихъ почему-то перемѣшивается между Ѳессалоникой и Римомъ.

Св. мученики: *Александръ, Василій, Евфрасій, Фруминъ*—14 марта.

Св. мученики *Домнинъ* (или Доминикъ), *Ахаикъ, Палатинъ, Филофилъ* (иначе Филофилъ), 30 марта. О Домнинѣ и у насъ говорится нѣсколько словъ подъ 1-мъ октября.

Св. мученики: *Паноеръ* (или Пантенъ), *Пароеній, Сатурнинъ, Діонисій, Александръ* и св. мученица *Иніана* (по инымъ: Ingeniana), 1-го апрѣля.

Св. мученикъ *Серапіонъ*—27 апрѣля. Св. мученикъ *Флоренцій*—13 октября. Уроженецъ Солунскій. За проповѣдь Христову вѣшается, стружется и сожигается на кострѣ. Св. мученикъ *Александръ*—7 ноября. Опровергъ ногою требище, и обезглавленъ. Св. *Фантинъ* исповѣдникъ—30 августа; жилъ при гробѣ св. Димитрія неотлучно 8 лѣтъ. Св. мученица *Анисія*—30 декабря, урожденная Солунская. Зарублена солдатомъ, нудившимъ ее поклониться идоламъ.

Самое большое число мучениковъ Солунскихъ приводится въ Латинскихъ святцахъ подъ 1-мъ іюня. Насчитывается ихъ болѣе 400. По именамъ въ Acta Sanctorum перечисляются 137. Почти всѣ имена

римскія. Иноязычными намѣ показались слѣдующія, — мужскія: *Іоаннъ, Тимоѳей, Баянъ, Барикъ, Верикъ, Митунъ, Сайль, Сепакъ, Фледе, Арабъ.*. Женскія: *Марія, Нина, Карра, Урурія, Бублаза, Гозія* (или Гоговія).. Когда, гдѣ и въ одно ли время, отъ кого и какъ пострадали святые мученики эти, ничего неизвѣстно. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ мученица *Люція* (иначе: *Лука, Луцея, Луцела*... [1]) съ царемъ *Авціемъ,* (*Авцеемъ, Авцеггой, Акціемъ, Акаціемъ, Евцеріемъ*...) Ничего общаго не имѣетъ Солунская (?) Люція съ извѣстной Сиракузской (по нашему — *Лукіей,* 6 іюля) столько чествуемой на западѣ. О царѣ же мученикѣ съ подобнымъ именемъ никакая исторія не упоминаетъ. Зовется онъ царемъ „варваровъ", и ничего болѣе. Болландисты дѣлаютъ догадку, что это былъ, можетъ быть, владѣтель какой нибудь сопредѣльной Римской имперіи страны, взятый въ плѣнъ побѣдоносными легіонами, и приведенный въ Солунь, а оттуда пересланный для тріумфа въ Римъ, гдѣ и пострадалъ со всѣми своими вмѣстѣ. Но имена спострадавшихъ ему, какъ мы уже замѣтили, почти всѣ римскія, что не можетъ относится къ варварскому народу. Въ имени царя съ натяжкою можно слышать *Овчея* или *Овчаря,* но дѣло отъ этого не уясняется. Въ нѣкоторыхъ Мартирологахъ память этого мученика-царя встрѣчается и отдѣльно подъ 25-мъ іюня [2]). Въ православныхъ святцахъ ни о царѣ семъ, ни о Люціи [3]), ни о всѣхъ 400 мученикахъ

---

[1]) Не осмѣливаемся въ *Луцеѣ* или *Луцелѣ* предполагать нашу: *Лучшую,* еще менѣе — *Лучину.*

[2]) Тогда же пересчитываются еще слѣдующія мученическія имена: *Багатъ* (Багатъ, Бигиттъ) *Ламптанъ* (Лупитанъ) и *Салонита* (Солоника). *Солон*-ика очевидно есть переводъ *Salon*-ita. А Bagatus — что, какъ не: *Богатый?*

[3]) По другимъ сказаніямъ (см. у Болландистовъ), Люція является римлянкою, чѣмъ и объясняется ея латинское имя. Царю Авцею удалось гдѣ-то плѣнить ее. 20 лѣтъ прожила она потомъ при немъ, пользуясь великимъ уваженіемъ за свое христіанство, въ которое вѣроятно и обратила самого Царя. Потомъ ей было откровеніе, внушавшее ей отправиться въ Римъ и пострадать тамъ за Христа, что и случилось. Она была замучена въ

Римско-Солунско-варварскихъ, нѣтъ ни слова. Солунь и вообще Иллирикъ, какъ видно дѣйствительно связаны были исторически болѣе съ Старымъ, чѣмъ съ „Новымъ“ Римомъ.

Остается дополнить Солунскіе святцы именемъ преподобнаго *Давида Солунскаго*, принадлежавшаго VI вѣку по Р. Х., обитавшаго по близости Θессалоники на деревѣ, въ кущѣ. Въ нашихъ сказаніяхъ пишется: „подъ деревомъ“, а вмѣсто *Θессалоники* читается *Θессалія*. И то и другое невѣрно.

Въ числѣ Святыхъ Солунскихъ есть также нѣсколько именъ мѣстныхъ Святителей. Таковы: первый Епископъ Θессалоникійскій, Апостолъ *Аристархъ* — 4-го Января и 15 Апрѣля. *Урбанъ* (Зимній мѣсяцъ Македонскій) — 29 Ноября по греческой Минеѣ. *Василій*, родомъ изъ Аѳинъ — 1 Февраля. *Іосифъ* пѣснописецъ — 4 Апрѣля. *Григорій* Палама — Нед. 2 Вел. Поста. *Симеонъ* извѣстный писатель археологъ. *Θома*... *Аѳанасій* Пателларій (что у насъ въ Лубнахъ).

Всѣхъ же архіереевъ Θессалоникскихъ отъ временъ Апостольскихъ до начала XVIII вѣка Lequien отыскалъ, вмѣстѣ съ безыменными, 74. Было же ихъ конечно вдвое и втрое больше. Въ числѣ ихъ есть и писатели. Таковъ знаменитый своею классическою ученостію *Евстаѳій* (XII вѣка), писавшій (вѣроятно, когда былъ еще учителемъ риторики) объясненіе на Омира. *Никита бумагохранитель* Великой церкви, извѣстный своими „разговорами“ съ Имп. *Мануиломъ Комнинымъ* и

Римѣ префектомъ *Эліемъ*. Съ нею или вслѣдъ за нею туда же отправился и царь Авцей со свитою изъ 21 человѣка. Всѣ они были тоже замучены. Происходило же все это никакъ не въ Солунѣ, а въ Римѣ. Въ Римскомъ Мартирологѣ помѣщается (подъ 6-мъ іюля) еще третія мученица *Люція*. Она схвачена была *Риксіемъ Варомъ* Викаріемъ, и мучена, а потомъ обратила его ко Христу. И онъ и она и еще 21 человѣкъ были потомъ замучены. Очевидное сходство обстоятельствъ заставляетъ предполагать въ обоихъ случаяхъ одну и туже исторію. Изъ Rixius вышелъ Rex, а изъ Varus, сперва Vicarius, а потомъ и Barbarus.

„отвѣтами“ епископамъ по канонической казуистикѣ. *Нилъ* и *Николай* дядя и племянникъ изъ фамиліи *Кавасиловъ*. Первый извѣстенъ огромнымъ и жесткимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ Латинской церкви. Вторый былъ ярый обличитель мнѣній еретиковъ своего времени, Варлаама и Акиндина. *Исидоръ Глава* — изъ тойже эпохи, очевидно славянскаго происхожденія, но греческій полемистъ — писатель. Заговоривши о писателяхъ, принадлежащихъ Солуню, нельзя пропустить и упомянутыхъ уже нами двухъ историковъ *Іоанновъ*, епископа, описавшаго чудеса св. Великомученика Димитрія, и Анагноста (чтеца), передавшаго памяти потомства любопытный моментъ занятія Солуня турками. Наконецъ, ярче всѣхъ другихъ именъ, знаменанныхъ печатію учености, сіяютъ славныя имена двухъ братьевъ просвѣтителей славянскаго міра, *Кирилла* и *Меѳодія*. Ими и закончимъ мы на нынѣшней день свое слово о христіанскомъ Солунѣ. Еще такъ недавно мы отпраздновали тысячелѣтіе ихъ великаго дѣла — изобрѣтенія славянской азбуки. Въ Солунѣ никто, конечно, и не подумалъ откликнуться на нашъ актъ такой шумной манифестаціи. Да, сколько можно судить по газетнымъ описаніямъ русскаго празднованія, и особенно по разсказамъ очевидцевъ, кажется и у насъ въ Россіи оно отозвалось нѣсколько натянутымъ, какъ бы дѣланнымъ, характеромъ. Кто знаетъ? Не было ли у славянъ и прежде Кирилицы какой нибудь другой (по имени русской напр.) азбуки? Сказаніе объ ученикѣ Кирилла *Климентѣ*, находившемъ въ Корсунѣ хазарскомъ книги, не по гречески писанныя, и не проглядный мракъ, окружающій происхожденіе глаголицы, наводятъ мысль на разныя соображенія... А вѣрно ли мы праздновали тысячелѣтній юбилей славянской грамотности? Прочитанная мною въ 1859 году [1]) въ одной славян-

[1]) См. замѣтки поклонника Св. Горы. Кіевъ. 1864. стр. 255. «Сты Кγрилъ философъ учител словенскы. Иже приложи *рускую* (sic) грамату сгреческіе .... въ лѣто ЅУАІ, въ царство Льва цара премудраго.

ской рукописной книгѣ на Аѳонѣ замѣтка года изобрѣтенія славянскихъ буквъ прямо называетъ 6414-мъ отъ сотворенія міра, и слѣдовательно 906-мъ отъ Р. Х., откладывая такимъ образомъ юбилей еще на цѣлое полстолѣтіе... Къ тому времени проснулись бы можетъ быть славянскія народности южнаго отдѣла, и сочувственнѣе нашего отпраздновали бы гдѣ нибудь въ Македоніи (и, конечно всего приличнѣе — въ Солунѣ) свое за тысячу лѣтъ вступленіе въ рядъ народовъ, имѣющихъ свою письменность. Но для этого надобно, чтобы замѣтка та подтвердилась чѣмъ нибудь болѣе авторитетнымъ. Почему знать? Потомкамъ нашимъ можетъ быть предстоитъ удовольствіе, ходя по улицамъ солунскимъ, любоваться вывѣсками съ славянскими надписями, которыхъ теперь нѣтъ ни слуху ни духу, какъ говорится, въ отчизнѣ Кирилла и Меѳодія, и можетъ быть гдѣ нибудь на центральной площади города наткнуться на памятникъ нашей 1000 лѣтней письменности, не такой приземистый, какъ нашъ... Гостомысловъ.

Подкрѣпивши силы свои хлѣбомъ — солью и отдыхомъ, общество наше устроило загородную прогулку въ такъ наз. *Бештена*, — мѣсто, ничѣмъ незамѣчательное. Мнѣ эта экскурсія давала случай отнестись къ городу, какъ цѣльному, внѣ поставленному историческому образу, полному своеличныхъ очертаній, красокъ, явленій, движеній и всякихъ перемѣнъ безъ конца и краю. Тысячи лѣтъ пережившее мѣсто можетъ задать воображенію работы на десятки лѣтъ. Солунь могъ бы имѣть свою многотомную, и весьма поучительную исторію. Болѣе насъ досужее, и всѣмъ необходимымъ снабженное потомство можетъ быть и дождется ея. Я ограничусь тѣмъ, что сдѣлаю сколокъ съ той эпохи Ѳессалоники, когда она величалась столицею соименной себѣ державы и даже... *Имперіи!* Въ такомъ необычномъ положеніи городъ былъ двукратно, или лучше — за одинъ и тотъже разъ, но въ два пріема, которые мы означимъ словами: *Латинскій* и *Греческій*. Но предпошлемъ изложенію дѣла нѣсколько поясняющихъ его замѣчаній. Цѣль-

нымъ и нераздѣльнымъ членомъ государственнаго тѣла Ѳессалоника, а съ нею и вся Македонія, была, можно сказать, только до Македонской династіи престолодержцевъ Византійскихъ, т. е. до усиленія Славянскихъ и иныхъ народностей, занимающихъ сѣверную границу имперіи. Послѣдній изъ самодержцевъ этой династіи, носившій имя перваго, т. е. *Василій* и *Болгаробойца*, при всѣхъ успѣхахъ своего оружія, столько же, можно сказать, владѣлъ краемъ, сколько и неугомонный соперникъ его Краль Болгарскій. Для стѣсненной со всѣхъ сторонъ и разрѣженной внутри имперіи со дня на день все труднѣе и труднѣе было удерживать за собою отдаленный край этотъ. Своихъ *греческихъ* войскъ у Императоровъ не было, и неоткуда было взять ихъ. Грековъ, какъ и всегда, не доставало, что̀ никогда не было такъ чувствительно, какъ въ это фатальное время. Наемники конечно не сочувствовали ни въ чемъ правительству, и при первомъ случаѣ возмущались, и кромѣ того одни съ другими никогда не жили въ ладу. Правители областей волей — неволей дѣйствовали съ возможною независимостію на постахъ своихъ, и самодержцы часто рады были имѣть хотя одну, чисто номинальную, власть въ мѣстахъ этихъ. Полнѣйшій хаосъ царствовалъ въ XI и XII вѣкахъ въ отношеніяхъ Солуня къ Царюграду, и ни въ какую готовую историческую рамку, мнѣ кажется, не уложить того, что̀ тутъ творилось въ тѣ смутныя времена. Къ довершенію неустройства, „освободители св. Земли" подали всѣмъ, кому это приходилось по сердцу, примѣръ устроиться въ вассальныя, въ существѣ совершенно самостоятельныя, владѣнія, которымъ никакого дѣла не было до того, существуетъ ли на свѣтѣ ихъ сюзеренъ, кто онъ, и что онъ о нихъ думаетъ. Сюзеренная власть, съ своей стороны, „изъ нужды дѣлая любочестіе", по любимой поговоркѣ греческой, довольствовалась оставшеюся тѣнію самодержавія, и тоже мало думала о дѣйствительномъ подчиненіи областей. Изъ этой блаженной летаргіи она выходила только тогда, когда яв-

лядся какой нибудь претендентъ на изношенный и крѣпко полинявшій пурпуръ царства, выбравъ мѣстомъ своихъ преступныхъ дѣйствій тотъ или другой уголъ имперіи...

При такомъ порядкѣ дѣлъ, не диво, потому, прочесть у Византійскихъ историковъ, что въ 1179 императоръ *Мануилъ I Комнинъ* самъ отчислилъ городъ Солунь, вмѣстѣ конечно и со всею Македоніею, имѣвшею тогда (какъ и *всегда*, я думаю) весьма эластичные предѣлы, отъ своей державы въ приданое зятю своему иноземцу, сыну Маркиза Монферратскаго, *Реньеру*, 17 лѣтнему юношѣ, первому красавцу своего времени, въ котораго влюбилась 30 лѣтняя дочь самодержца, *Марія*. Думалъ ли Мануилъ при этомъ о чемъ нибудь, кромѣ приличной, какъ говорится, партіи для засидѣвшейся въ дѣвицахъ царевны? Если и думалъ, то именно въ смыслѣ загребанія жара чужими руками, т. е. управленія Македоніей черезъ зятя, которому отецъ или другой кто въ Европѣ, конечно пришлетъ достаточно войска, чтобы держаться въ краѣ... Но „хитраго грека“ перехитрила „яже вещей истина“. Его патріотическая мысль о Македонскомъ престолѣ, достойномъ высокаго положенія его дочери, нашла себѣ дѣйствительное приложеніе, спустя нѣсколько времени, но въ смыслѣ, нечаяномъ дворомъ Византійскимъ. Мануилъ, вскорѣ за бракосочетаніемъ и коронованіемъ (какъ можно гадать изъ неяснаго свидѣтельства историковъ) молодыхъ, умеръ. Наслѣдовать ему остался 13 лѣтній сынъ *Алексій II Комнинъ*. Реньеръ — переименованный *Іоанномъ* — жалѣя о юношѣ, подпавшемъ чужому вліянію, составилъ заговоръ противъ правителей, вмѣстѣ съ другими членами царственнаго дома, очень уже размножившагося къ тому времени. Послѣдствіями сего заговора воспользовался впрочемъ самый худшій изъ Комниныхъ (долго жившій передъ тѣмъ у насъ въ Россіи) *Андроникъ* I, прозванный „тиранномъ“. Этотъ „новый Неронъ“ отравилъ и Марію и ея мужа (около 1183 г.), недопустивъ ихъ даже увидать Солунь, которымъ управлялъ отъ имени самого Андро-

ника нѣкто *Давидъ*, тоже изъ фамиліи Комниныхъ. Но былъ и еще одинъ Комнинъ съ вѣщимъ именемъ *Алексія*, тоже находившійся не малое время въ Россіи и научившійся (не у насъ, конечно) умозаключать: если Андроникъ согналъ съ престола Алексія, то, значитъ, Алексій долженъ согнать Андроника... Что проще этого? Но не такъ легко было привести въ исполненіе наскоро составленный силлогизмъ. Если у Андроника было мало войска, то у новаго „Олексы" — ровно никакого. Патріотизмъ внушилъ ему мысль обратиться за помощію къ сильному тогда королю Сицилійскому, польстивъ его надеждою взять Константинополь и овладѣть имперіей. Задняя мысль при этомъ у проходимца была все таже смышленая политика Комниныхъ — загребать жаръ чужими руками, не думая о томъ, кому и на что послужитъ загребаемое. *Гильомъ* II не замедлилъ откликнуться на призывъ, высадилъ войска свои въ Албаніи, овладѣлъ Диррахіемъ, побѣдоносно прошелъ еще разъ съ римскими легіонами по исторической via Egnatia, и подступилъ къ Ѳессаловикѣ. Алексій — предатель, разумѣется, былъ при немъ и руководилъ его, чтобы какъ можно болѣе напакостить Андронику. Объ отечествѣ въ то время никто не думалъ. Городъ былъ въ осадѣ со дня Преображенія по день Успенія, въ Августѣ 1185 г. Достойный представитель Андроника, bon-vivant Давидъ посмѣивался надъ „Франками", сидя за крѣпкими стѣнами городскими, пока тѣ не овладѣли мѣстомъ, какъ говорится, съ меча, и не произвели въ городѣ ужасающее истребленіе [1]). Завоевать имперію, однакоже, не удалось на этотъ разъ. „Скверный" Андроникъ былъ хорошій солдатъ. Онъ послалъ сильное войско на выручку края. 7 Ноября произошло большое сраженіе между императорскими войсками и Сицилійцами.

---

[1]) Пощаженъ былъ при этомъ домъ правителя *Давида*, который сперва заперся было въ крѣпости, а потомъ бѣжалъ, и наконецъ, кажется, поладилъ съ побѣдителями. Впрочемъ, личность эта вскорѣ затерялась у историковъ.

Побѣда осталась на сторонѣ первыхъ. Аланы, составлявшіе почти всю армію византійскую, произвели въ злополучномъ городѣ надъ франками такія неистовства, которыя заставили забыть бывшія передъ тѣмъ за три мѣсяца отъ франковъ. Весь этотъ расказъ историка (Никиты Хоніата) предполагаетъ какъ будто, что городъ составлялъ тогда цѣлокупную часть имперіи. Въ тоже время, на основаніи западныхъ извѣстій, мы нудимся признать, что и городомъ и всей областію владѣлъ въ этотъ промежутокъ времени, по праву наслѣдства, маркизъ Монферратскій *Бонифацій*, братъ и преемникъ *Реньера*, — владѣлъ, конечно, номинально, и можетъ быть даже невѣдомо для Византійскаго двора [1]) и для самаго владѣемаго края. Западъ, значитъ, не шутилъ титлами, достававшимися, такъ сказать, съ вѣтра его ратаямъ на Востокѣ. Какъ бы то ни было, Солунь если не на самомъ дѣлѣ, то на бумагѣ, съ 1179 года былъ столицею особаго государства, и имѣлъ своихъ Государей *Реньера* и *Бонифація* изъ дома Маркизовъ de Monte Ferrato. Но это была только прелюдія.

ЦАРСТВО СОЛУНСКОЕ. *Періодъ первый.* Извѣстно, что четвертый крестовый походъ, бывшій съ небольшимъ черезъ 100 лѣтъ послѣ перваго, направленъ былъ уже не для освобожденія св. мѣстъ отъ невѣрныхъ, а по болѣе широкой программѣ—для освобожденія Востока отъ „Фотіевой схизмы" т. е. для истребленія православія, и благополучно кончился взятіемъ Константинополя и возстановленіемъ „настоящей имперіи" Константина Великаго, столько почитавшаго

---

[1]) Фамилія эта впрочемъ была какъ бы *своя* при дворѣ Константинопольскомъ. Кромѣ *Реньера*, извѣстенъ еще другой братъ Бонифація, *Конрадъ*, повѣнчавшійся въ 1186 г. въ Константинополѣ съ сестрою императора *Исаака II Ангела*, по имени *Θеодорою.* Самъ Бонифацій взялъ за себя вдову того же *Исаака* Маргариту или *Марію.* Ставши во главѣ ополченій, составлявшихъ 4-й крестовый походъ, онъ вторично отправился на знакомый ему Востокъ, и своимъ личнымъ вѣсомъ и вліяніемъ довелъ дѣло до взятія Константинополя, чему рукоплескалъ весь католическій западъ.

„Намѣстника Божія на землѣ“ и подарившаго ему самый Римъ со всею Италіею. Душою этого похода были венеціанскій дожъ и маркизъ Монферратскій. Послѣдній есть тотъ самый *Бонифацій*, о которомъ мы упомянули выше. Когда водворилась въ Константинополѣ Латинская имперія, покончившая съ выдохшимися *Комниными* и задохнувшимися *Ангелами*, новый преемникъ Цезарей, *Балдуинъ*, вѣрный феодальной системѣ современной ему Европы, отблагодарилъ своихъ лучшихъ помощниковъ въ захватѣ престола Константинова землями своей новой державы, которыми кстати не могъ управлять самъ. Дожу съ его республикой достались острова, а маркизъ предъявилъ только свои документы на наслѣдственное право владѣнія Солунемъ и всей Македоніей. Онъ былъ первымъ кандидатомъ на императорскую корону, и для утѣшенія его требовалось потому также какое нибудь вѣнчаніе его на царство, что̀ и было сдѣлано въ самомъ Константинополѣ. Онъ получилъ при этомъ титулъ „Короля Ѳессалоникскаго“[1]). Все это происходило въ самый годъ завоеванія франками Царя-града,—1204-й отъ Р. Х. Новый Государь уже совсѣмъ готовъ былъ отправиться въ свои владѣнія, чтобы начать царствовать, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ вышла исторія, послужившая какъ бы программою всего дальнѣйшаго хода Латинства на Востокѣ,—зданія основаннаго на пескѣ, по слову Господнему. Императоръ поревновалъ королю, и прежде самъ захотѣлъ показать себя Солуню, введши торжественно во владѣніе имъ своего товарища. Вышелъ дѣлежъ шкуры неубитаго еще медвѣдя. Не мало горькихъ словъ перепало между вѣнценосцами. Король находилъ не нужною такую честь своимъ владѣніямъ. Императоръ настаивалъ, и настоялъ. Кончилось тѣмъ, что доблестные рыцари разъѣхались въ разныя стороны. Балдуинъ съ войскомъ своимъ отпра-

---

[1]) Титулуется впрочемъ у западныхъ писателей и *Ѳассалійскимъ*, вмѣсто *Ѳессалоникскаго*.

вился дѣйствительно въ Солунь, а Бонифацій, тоже съ своимъ войскомъ, въ.. Адріанополь! Византія ждала, что завоеватели подерутся, перебьютъ другъ друга и избавятъ отъ себя Востокъ. Но до этого не дошло. Третій ли союзникъ дожъ помѣшалъ, или печальные уроки предшествовавшихъ походовъ слишкомъ живо еще были памятны, только вассалъ уступилъ сюзерену. Солуняне, пресыщенные Комниными, безъ непріязни отнеслись къ франку—монарху и встрѣтили Балдуина за городомъ съ хлѣбомъ-солью, прося его объ одномъ — не вводить солдатъ въ городъ, что конечно и было исполнено. Недавніе Сицилійцы и Аланы не могли еще выйти у нихъ изъ памяти. Съ такимъ же радушіемъ, или по крайней мѣрѣ—равнодушіемъ, они приняли потомъ и поставленнаго имъ короля. Ибо, что другое оставалось дѣлать? Притомъ же Бонифацій, насмотрѣвшись на порядки Византійскаго двора, несомнѣнно, на сколько могъ, показывалъ себя въ своемъ государствѣ въ такой обстановкѣ, въ какой попривыкъ и желалъ видѣть своего Государя. Притомъ же смышленный человѣкъ конечно не пропускалъ случая выдвигать, гдѣ нужно, жену свою бывшую императрицу и ея сына (Мануила) отъ прежняго мужа, котораго онъ, при бывшей размолвкѣ съ Балдуиномъ, провозгласилъ разъ даже *законнымъ* наслѣдникомъ Императорскаго вѣнца.

Не имѣемъ мы свѣдѣній о томъ, какъ образовался и существовалъ тутъ королевскій дворъ. Воображеніе описываетъ широкое поле дѣятельности. Впрочемъ, повидимому, Бонифацій считалъ себя болѣе воителемъ, нежели правителемъ. Очень скоро исторія находитъ его далеко отъ Ѳессалоники завоевывающимъ Ѳессалію и нынѣшнюю Грецію до самаго *Пелопонниса*, на которомъ онъ долго держалъ въ осадѣ города *Коринѳъ* и *Аргосъ*. Изъ твердой Греціи онъ образовалъ особое, подчиненное себѣ княжество *Аѳинское*. За него тутъ распоряжалась если не царствомъ, то царедворцами жена его, славившаяся мужествомъ и красотою, которую хотя западные историки

и представляютъ возвратившеюся изъ схизмы (православія) въ лоно церкви (папства), но вся вѣроятность заставляетъ предполагать вѣрною обычаямъ Восточной церкви, въ которыхъ воспиталась, прибывши въ Константинополь 10-ти лѣтъ [1]). Въ это время новорожденное царство Солунское чуть не получило неожиданный конецъ себѣ. По сѣвернымъ предѣламъ имперіи скитался тогда бывшій императоръ *Алексій III Ангелъ*, какимъ-то необъяснимымъ и необычнымъ въ Византійской исторіи случаемъ оставшійся въ живыхъ. Послѣ разныхъ приключеній онъ добрался до Солуня вмѣстѣ съ женою своею *Ефросиніею* [2]) и дочерью *Евдокіею*. Скитальцы благосклонно приняты были королевою, хотя та имѣла полное право на всякую жестокость съ Алексѣемъ, низложившимъ и ослѣпившимъ ея перваго мужа, а своего роднаго брата. Три экс-императрицы очевидно не могли ужиться вмѣстѣ. Скоро была открыта интрига гостей противъ хозяевъ. Алексѣй собиралъ себѣ въ городѣ партію для изгнанія чужеземцевъ и для... но, очевидно для чего. Великодушная невѣстка ограничилась тѣмъ, что прогнала отъ себя своихъ бывшихъ родственниковъ. Испытавъ неудачу, тѣ отправились съ бо̀льшими надеждами на успѣхъ далѣе къ югу, и попались въ руки возвращавшагося оттуда въ свои владѣнія Бонифація. Онъ вѣроятно еще долго бы оставался въ классической землѣ, закрѣпляя ее за своею бумажною короною, но ему до-

[1]) Одна изъ лучшихъ личностей своего времени. Она была дочь Венгерскаго короля *Белы III* († 1196) и сестра короля *Андрея II*, прозваннаго *Іерусалимскимъ*, — стоявшаго во главѣ пятаго крестоваго похода. Въ Константинополѣ воспитывалась при дворѣ, и приняла православіе. Была замужемъ сперва за *Исаакомъ II Ангеломъ*, убитымъ въ 1204 г., отъ котораго имѣла и сына *Мануила*, пропавшаго потомъ безслѣдно въ исторіи.

[2]) *Ефросинію* очень хвалятъ историки. *Евдокія* сперва выдана была отцомъ за Сербскаго краля (какога?), который вскорѣ возвратилъ ее къ тестю за какой-то физическій недостатокъ. Во второй разъ вышла за *Алексія Дуку Мурцуфла*, умертвившаго Маргаритина мужа Исаака. Въ третій разъ вышла за *Льва Сгура*, памятнаго своими военными похожденіями въ Греціи и своимъ какъ бы тоже царствованіемъ въ Коринѳѣ.

несли, что на сѣверѣ явились охотники до его собственной коронной земли. Ему предстояла неменѣе трудная и продолжительная война оборонительная, наслѣдованная имъ вмѣстѣ съ краемъ отъ византійцевъ. Сѣверные „варвары“ сложились въ это время въ два, довольно сильныя, государства: *Болгарское* и *Сербское*, не считая другихъ меньшихъ народцевъ, то защищавшихъ, то разрушавшихъ Имперію, въ родѣ *Алановъ, Аваровъ, Комановъ, Печенеговъ, Росовъ*... Для расправы со всей этой „саранчей“ у Имперіи давно уже не было собственныхъ силъ. Королевство конечно обходилось пока своими силами. Но завоевательный походъ Бонифація на Грецію долженъ былъ уже значительно уменьшить ихъ. Вообще говоря, „франки“ въ своихъ крестовыхъ походахъ, и особенно въ четвертомъ, допустили туже фатальную ошибку, которой слѣдовала Византія, и еще прежде нея вся колонизаціонная система старыхъ Грековъ, а именно, увлекшись духомъ предпріимчивости, вторглись въ ничтожномъ сравнительно количествѣ въ сплошныя инородныя населенія. Оба монарха иноземца—*Балдуинъ* и *Бонифацій* скоро увидѣли себя въ необходимости защищаться отъ такаго врага, какаго и не воображали встрѣтить, забираясь на Востокъ. Надъ Болгарами властвовалъ тогда нѣкто *Іоаннъ*, или уменьшительно *Ивáница* (какъ бы: *Иванушка*, по нашему), изъ чего западные писатели сдѣлали Ioannicius — личность роковая для франкскаго владычества на Востокѣ, сдѣлавшая то, что первый блинъ этого печенья вышелъ комомъ, по нашей пословицѣ. Съ помощію 14,000 Комановъ, онъ разбилъ наголову Балдуина подъ Адріанополемъ, куда тотъ явился съ войскомъ для подавленія мятежа. Несчастный погибъ въ неслыханныхъ мукахъ [1]) отъ жестокаго побѣдителя,

---

[1]) Краль держалъ сперва плѣнника въ чести. Но вышло подозрѣніе, что кралевна не равнодушна къ прекрасному франку, да еще и императору. Чтобы показать ей наглядно, какая разница между тѣмъ и другимъ вѣнценосцемъ, ярый человѣкъ приказалъ отрубить

не успѣвъ износить и одной пары красныхъ сапоговъ съ золотыми орлами, т. е. процарствовавъ всего 9 мѣсяцевъ. Эта первая схватка славянъ съ именитыми „франками“ возбудила духъ отваги въ первыхъ. Будь въ нихъ хотя малое сочувствіе съ греками, всей франкской затѣѣ тутъ же былъ бы положенъ конецъ. Между тѣмъ та и другая сторона дѣйствовали безъ малѣйшей мысли о соглашеніи, каждая на свой счетъ, на свой рискъ и на свой, такъ сказать, капризъ. Таковы именно были дѣйствія Иваницы. Этотъ filius carissimus Папы [1]), поставилъ какъ бы задачею своей жизни истреблять легіоны папства на Востокѣ. Покончивъ съ Императоромъ, онъ задумалъ добраться и до короля. Бонифацій объѣзжалъ тогда западныя области своего государства, возстановляя города, разрушенные въ предшествовавшіе набѣги Болгаръ на Македонію, когда ему донесли, что въ столицѣ его произошло возстаніе, что граждане положили выгнать иноземное правительство, и что королева, спасая себя, укрылась въ крѣпости. Насколько въ этомъ случаѣ можно искать интриги Болгарскаго краля, неизвѣстно. Когда Бонифацій прибылъ въ Солунь, онъ нашелъ возстаніе уже подавленнымъ. Но зато, по слѣдамъ его двигался къ Солуню съ большимъ войскамъ самъ краль. Произошла, не знаемъ которая изъ несчетныхъ, осада Солуня. Король, запершись въ городѣ, отчаянно отбивался отъ краля. Послѣдній, отъ природы крайне нетерпѣливый, не вынесъ нежданнаго отпора, и стремительно возвратился въ свои горы, ни во что ставя позоръ отступленія. Въ Солунѣ насталъ минутный золотой вѣкъ. Убѣдившись, что спасеніе всего франкскаго дѣла на Востокѣ состоитъ въ нерушимомъ союзѣ вождей его, Бони-

---

Балдуину и руки и ноги, и отнести туловище на скалу, гдѣ его клевали хищныя птицы въ теченіе троихъ сутокъ!

[1]) Иванъ, между прочимъ, искалъ себѣ царскаго вѣнца у Папы, соглашаясь на Унію. Ласкательныя выраженія «св. отца» относятся къ этому періоду Иваницына хамелеонства. Онъ прикидывался врагомъ грековъ и называлъ себя: Ῥωμαιοφθόνος — *грекобойцемъ*.

фацій задумалъ скрѣпить свои вассальныя (на бумагѣ) отношенія къ престолодержцу Византіи родственными узами. Императорствовалъ тогда на мѣсто Балдуина братъ его *Генрихъ*. Бонифацій составилъ планъ женить его на своей дочери, *Агнесъ*, которую и вызвалъ для сего изъ своего родоваго Ломбардскаго владѣнія въ Солунь въ 1206 году. Въ концѣ того же года она отправлена была въ Константинополь, гдѣ и повѣнчана 4 Февраля 1207 года въ храмѣ Св. Софіи съ Императоромъ. Праздникамъ конца не было, по сему случаю, въ обѣихъ столицахъ. Не дремалъ при этомъ и Иванъ Асеневичъ. Онъ не даромъ столько лѣтъ прожилъ заложникомъ при (бывшемъ) дворѣ Византійскомъ. Въ отвѣтъ на тѣсный союзъ заморскихъ „ригъ", онъ заключилъ союзъ съ *Ѳеодоромъ Ласкаремъ*, считавшимся законнымъ преемникомъ имераторовъ Константинопольскихъ, условившись недавать покоя иноземному державцу Константинополя ни на одинъ день. И точно Франкскому владычеству на Востокѣ опять угрожалъ конецъ, но и опять фатальный недостатокъ единомыслія въ дѣятеляхъ противной стороны оставилъ его жить и даже процвѣтать. Ласкарь поладилъ съ Генрихомъ [1]). Заручившись миромъ съ этимъ ближайшимъ конкуррентомъ вѣнца Императорскаго, Генрихъ устроилъ свиданіе съ тестемъ, на которомъ и рѣшено было общими силами уничтожить Ивана. Но Богъ судилъ иначе. Славный воитель двухъ крестовыхъ походовъ и владѣтель двухъ Государствъ Бонифацій погибъ безславно, и даже какъ бы безвѣстно, гоняясь на высотахъ Родопы за Болгарскими наѣздниками. Смерть его пріурочивается къ тому же, радостному для него, 1207 году. Голова его, въ видѣ трофея, достав-

---

[1]) Къ удивленію, столько естественнаго ожесточенія противъ «Франковъ» мы не находимъ ни у грековъ ни у славянъ того времени. Внукъ Ласкаря потомъ женатъ былъ на племянницѣ Балдуина и Генриха. А дочь Иваницы была женой Генриха!

лена была Кралю, который по дикому обычаю „варваровъ" приказалъ сдѣлать изъ черепа заздравную чашу [1]).

У Бонифація было два сына: отъ первой жены *Гильомъ*, и отъ Маргариты Маріи *Димитрій*, родившійся очевидно въ Солунѣ. Первому покойный оставилъ въ наслѣдство свое владѣніе Monte-Ferrato въ Италіи, второму — Солунское королевство. Такъ какъ послѣдній былъ еще младенецъ, то вельможа *Бландра* замыслилъ возложить корону на старшаго брата, и сдѣлать престолъ Солунскій совершенно независимымъ отъ Константинополя. Генрихъ пронюхалъ это и нарочно пріѣхалъ въ Солунь, чтобы внушить народу, что настоящій монархъ у него есть Императоръ. При этомъ, онъ своеручно короновалъ Димитрія 6 Января 1209 г., поручивъ управленіе дѣлами матери, а къ ней приставивъ своего чиновника. Но, кажется, прежде, чѣмъ все это произошло, подъ стѣнами Солуня случилось еще разъ, столько привычное городу обстоятельство, непріятельская осада. По смерти Бонифація, Иванъ незамедлилъ со всею массою войскъ своихъ двинуться къ Солуню, очевидно имѣя намѣреніе воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и положить конецъ непрошеному королевству. Дѣйствительно все шло, какъ нельзя лучше, для плановъ краля, но въ одну ночь нашли его мертвымъ въ его палаткѣ [2]). Лѣтописцы

---

[1]) Историкъ (Акрополитъ), умалчивая о смерти Бонифація, утверждаетъ, что «Псо-Іоаннъ» поступилъ такъ съ черепомъ Балдуина. Но очень могло статься, что ему мало было одной чаши, и что обѣ вѣнценосныя главы угодили въ буфетъ болгарина.

[2]) Воспаленіемъ въ легкихъ — πλευρίτιδι νόσῳ, по Акрополиту. «А нѣкоторые говорили, прибавляетъ писатель, что Божіимъ дѣйствіемъ». Внезапную смерть его приписали современники заступничеству св. Великомученика Димитрія. Краль успѣлъ вскричать, умирая: *Манастра!* Именемъ этимъ назывался его полководецъ, котораго палатка ближе всѣхъ стояла къ государевой. Звалъ ли умиравшій на помощь къ себѣ генерала, или обвинялъ его въ убійствѣ, осталось неизвѣстнымъ. Жестокаго человѣка не любили, и разслѣдовать дѣла не хотѣли. Въ своемъ письмѣ къ Папѣ *Иннокентію III* онъ называлъ себя: Ego Calojohannes imperator Bulgarorum seu Blancorum (?).

и это обстоятельство относятъ къ томуже 1207 году. Но, кажется, слишкомъ тѣсная хронологическая рамка (1204—1207) назначается для событій, съ коими связаны имена Бонифація и Иваницы. Какъ бы то ни было, съ смертію краля и осада Солуня была снята, и на цѣлые 10 лѣтъ водворилось спокойствіе въ краѣ. *Димитрій* подросталъ. Мать правила государствомъ. Тѣмъ временемъ умеръ въ 1216 г. и второй Императоръ Латинскій Генрихъ, не оставивъ, какъ и Балдуинъ, послѣ себя прямаго наслѣдника. Преемникомъ ему выбранъ зять обоихъ бывшихъ Императоровъ, *Петръ*, жившій на западѣ, которому не удалось даже увидѣть своей столицы. Для него нашелся тоже въ своемъ родѣ Иваница, только грекъ, а не славянинъ. Петръ коронованъ былъ торжественно въ Римѣ вседержавнымъ Папою [1]) на Византійское царство, столь близкое сердцу Святаго Отца, съ заповѣдію покончить съ ненавистною схизмою Восточною. Свидѣтелемъ торжества былъ и старшій сынъ покойнаго Короля Ѳессалоникскаго, *Гильомъ*, Маркизъ Монферратскій. Новый Императоръ, въ порывѣ удовольствія, не справившись ни съ исторіей ни съ географіей, произвелъ Маркиза въ Короли Солунскіе, поручивъ ему имѣть опеку надъ Димитріемъ вмѣстѣ и съ его матерью. Папа, не менѣе радостный, далъ послѣдней право „не подлежать епископскому запрещенію, безъ вѣдома Св. Престола“. Повода къ такой странной милости мы угадать не можемъ. Вѣроятно подъ видомъ привиллегіи скрывалась утонченная притѣснительная мѣра. Полагать бы можно, что строгому католичеству Королевы не вѣрили въ Римѣ. Вѣроятно и сынъ ея Димитрій воспитывался умною и заботливою матерію тоже въ схизмѣ. Оттого и поспѣшили въ Римѣ произвести въ Короли Солуню настоящаго вѣрнаго сына церкви, поручивъ ему опеку (очевидно, въ какомъ смыслѣ) надъ вдовою и сы-

---

[1]) Кажется все тѣмъ же знаменитымъ *Иннокентіемъ III*, умершимъ въ этомъ самомъ году.

номъ Бонифація. Но, вся эта римская затѣя сѣла на мель у одного, не означеннаго въ мореходныхъ картахъ куріи, мыса.

На семъ пунктѣ исторіи мы вынуждаемся остановиться. Насъ давно уже ждетъ одна пресловутая личность того времени, — Деспотъ [1]) Эпирскій. Когда-то тоже славное имя Эпира къ XIII вѣку по Р. Х. почти уже было забыто. Даже въ школахъ того времени, даже въ самомъ Эпирѣ, едвали произносились славныя имена царей Эпирскихъ *Александра, Пирра* и др. И вдругъ одинъ человѣкъ темнаго происхожденія и не очень свѣтлыхъ качествъ заставилъ просіять Эпиръ не на одну сотню лѣтъ, и спутать собою окончательно и безъ того запутанный ходъ доживавшей свои дни Имперіи. Исторія — въ двухъ трехъ словахъ — слѣдующая. Когда новый Императоръ Константинопольскій Балдуинъ отправился въ первый разъ по своей Имперіи, и именно въ Солунь, о чемъ мы уже упоминали, ему сопутствовалъ въ числѣ переметчиковъ и нѣкто *Михаилъ Ангелъ-Комнинъ* (по мужской линіи — *Ангелъ,* по женской *Комнинъ*), не имѣвшій, строго судя, права носить ни ту ни другую фамилію, потому что былъ незаконнаго происхожденія. Оставивъ императора подъ Солунемъ, онъ пошелъ добывать себѣ счастія далѣе на западъ, и при общей ломкѣ изветшавшаго зданія имперіи, успѣлъ какъ-то сколотить изъ кусковъ

[1]) Δεσπότης (владыка) съ IX вѣка имѣло смыслъ латинскаго: Dominus IV—VIII вѣковъ, прилагаясь собственно къ лицу самодержца. Со времени Комниныхъ, оно стало означать: лицо царствующаго дома. Императоръ могъ возводить въ это достоинство и отдаленныхъ родственниковъ, каковыми были и *Ангелы-Комнины*, происходившіе отъ дочери Алексія I Комнина *Θеодоры* и *Константина*, за красоту прозваннагѽ *Ангеломъ*, служившаго во флотѣ. Отъ нихъ родились 4 сына: *Михаилъ*, *Андроникъ*, *Іоаннъ*, *Константинъ* и двѣ дочери. Отъ Андроника вышла императорская линія Ангеловъ: *Исаакъ*, *Алексій* съ ихъ потомствомъ. Отъ *Іоанна*, носившаго почетный титулъ *Севастократора*, произошли: *Михаилъ* (побочный) и *Θеодоръ*, *Константинъ*, *Мануилъ* (законные). Они то и были родоначальниками Эпирскихъ «Деспотовъ» и на нѣкоторое время Императоровъ (Солунскихъ).

ея новую державу безъ рѣзко очертанныхъ границъ и даже безъ какой нибудь одной общей клички, то *Эпирскую,* то *Этоло-Акарнанійскую,* то еще иначе какъ нибудь. Подобно тому, какъ Бонифацій изъ Солуня распространялъ свои владѣнія мало по малу на далекій югъ, Михаилъ, утвердившись главнымъ образомъ въ древнемъ Эпирѣ, съ тѣмиже расширительными помыслами направлялся къ сѣверу, и, сравнительно говоря, былъ сильнѣйшимъ изъ 5 или 6 государей, порожденныхъ переворотомъ 1204 года. Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ кромѣ сына (тоже Михаила и тоже — незаконнаго, какъ и онъ самъ), онъ вызвалъ къ себѣ въ „свободный" Эпиръ одного изъ трехъ братьевъ своихъ (законныхъ), именемъ *Өеодора,* который и наслѣдовалъ ему въ его владѣніяхъ послѣ его смерти, приключившейся въ 1216 г. Новый „Деспотъ" затмилъ славу прежняго. Первымъ его дѣяніемъ было захватить въ свои руки новопоставленнаго императора Константинопольскаго *Петра,* которому дорога къ престолу лежала черезъ его владѣнія. На бѣдняка напали въ горахъ Эпира будтобы разбойники, которыхъ Деспотъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ ни словить ни отыскать, несмотря на просительное и отечески — увѣщательное письмо Папы. Два года просидѣлъ, размышляя о превратностяхъ міра, плѣнникъ въ какой-то крѣпости, и наконецъ исчезъ безслѣдно. Для нашей Солунской исторіи собственно дорогъ не онъ лично, а поставленный имъ король Солунскій. Участь Петра отбила охоту у Гильома (или Вильгельма) ѣхать добывать себѣ за моремъ царства, когда свой Монферратъ былъ подъ бокомъ. Доказательствомъ того, какъ все обездушѣло въ бывшей грозной Имперіи, можетъ служить обстоятельство, что и въ Константинополѣ и въ Солунѣ занимали теперь престолъ слабыя женщины (тамъ *Іоланда,* сестра Балдуина и Генриха и вдова Петра, здѣсь *Маргарита*), окруженныя конечно густымъ населеніемъ греческимъ, и ни у кого недоставало духа выгнать иностранокъ и

возстановить природное правительство. Однакоже былъ человѣкъ, который не усумнился въ возможности сдѣлать это. То былъ *Деспотъ Ѳеодоръ*. Посмѣявшись надъ „франками“ въ лицѣ Петра, отважный человѣкъ сообразилъ, что желѣзо надобно ковать, пока оно горячо, и не замедляя двинулъ свои дружины въ беззащитную Македонію. Грозное имя предшествовало человѣку и углаждало, такъ сказать, дорогу. Города передавались ему, какъ своему природному государю съ радостію и надеждою, что онъ положитъ конецъ вѣковымъ нестроеніямъ въ краѣ, измученномъ безпрестанными завоевательными движеніями то съ юга, то съ сѣвера, съ нѣкотораго времени уже и съ запада. Ѳеодоръ шолъ какъ тріумфаторъ, и скоро былъ уже подъ Солунемъ. Не дожидаясь, пока долженъ будетъ живымъ отдаться въ руки завоевателя, Димитрій бѣжалъ изъ своего царства въ Италію къ роднымъ отца своего за помощію. Этого только и ждалъ Ѳеодоръ. Онъ незамедлилъ овладѣть столицей своей будущей Имперіи. Къ сожалѣнію, подробности этого событія неизвѣстны. Даже года, когда это произошло, намъ не удалось отыскать у историковъ. Вѣроятно это было въ 1221 году. Въ слѣдующемъ году Солунскій владѣтель уже замыслилъ провозгласить себя Императоромъ, не Солунскимъ конечно, какъ привыкли думать, а *Римскимъ*, — на тѣхъ же положеніяхъ, на какихъ и Никейскіе владѣтели присвояли себѣ самодержавіе. Но Никейскимъ сподручно было сдѣлать это. Какіе были имперскіе чины, не хотѣвшіе оставаться въ Константинополѣ при иноземномъ *ригѣ* (rex) въ 1004 году, всѣ ушли за Ласкаремъ въ Никею, и удержали тамъ старый государственный порядокъ. А, что всего важнѣе, послѣдовало и высшее церковное управленіе бывшей Имперіи, т. е. Патріархъ съ своимъ Синодомъ. Ѳеодоръ не былъ въ подобномъ положеніи, и когда обратился къ мѣстному митрополиту, требуя отъ него вѣнчанія себя на царство по уставу, то архіерей Солунскій на отрѣзъ отказался отъ того, ссылаясь конечно на букву устава, гдѣ указывается вѣнчанію быть

руками патріарха [1]). Впрочемъ, мы говоримъ это гадательно. Какъ бы то ни было, встрѣтилось маленькое препятствіе къ Θеодорову самодержавству. Но такъ какъ, говоря по гречески, „всякое препятствіе къ добру", то и упорство одного архіерея дало другому высказать свои автокефальныя права съ тѣмъ, чтобы въ отдаленной будущности дать возможность людямъ, имѣющимъ въ томъ нужду, сослаться на нихъ, какъ на историческій прецедентъ. Этотъ *другой* архіерей былъ Охридскій Архіепископъ, на котораго были перенесены преимущества первой Юстиніаны, дававшія ему не подсудность равную съ патріархами [2]). Человѣкъ не затруднился возложить на голову „Деспота" Императорскую корону, мало думая о томъ, что скажетъ о его дѣйствіи τὸ πανελλήνιον (все эллинство), не сходящее съ языка у нынѣшнихъ патріотовъ. Охридскій архіерей зналъ, что иное дѣло церковные каноны, и иное τὸ γένος καὶ τὸ ἔθνος (родъ и народъ), и дѣйствуя въ области первыхъ, не совѣтовался съ послѣдними. Обстоятельствъ вѣнчанія на царство *Θеодора I* мы къ сожалѣнію опять не могли узнать ни откуда.

---

[1]) Это былъ нѣкто *Константинъ*, по прозванію: *Месопотамскій*, котораго историки описываютъ царедворцемъ и даже другомъ фамиліи *Ангеловъ*, и ставятъ въ примѣръ ненасытнаго властолюбія и самонадѣянія и, неразлучнаго съ ними, быстраго паденія. Писатель называетъ его «Протеемъ разнообразнѣйшимъ и пестрѣйшимъ». Еще до франкократіи онъ былъ соборно низложенъ за свою, мало духовную, жизнь. Какимъ образомъ потомъ опять оказался архіереемъ, да еще и Солунскимъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, послѣдній поступокъ его показываетъ, что онъ подъ старость изъ Протея сдѣлался Прометеемъ. Юпитеръ, котораго онъ ослушался, подвергъ его также «не малымъ злостраданіямъ и заточеніямъ», по *Никифору Григорѣ*.

[2]) *Димитрій Хоматинъ* — по *Акрополиту*. Привиллегію Патріаршаго Престола онъ взялъ на себя потому, что считалъ себя «самоправнымъ (ἀυτόνομος) и необязаннымъ никому отчетомъ». Это былъ большой юристъ своего времени. Какъ таковый, онъ извѣстенъ своими отвѣтами Сербскому кралю Стефану по вопросамъ о степеняхъ родства. Тѣже или другіе его отвѣты о томъ же предметѣ извѣстны и Константину Кавасилѣ, Диррахійскому Митрополиту. Фамилія: Χωματηνὸς показываетъ, что этотъ «Архіепископъ всей Болгаріи», былъ родомъ грекъ.

Періодъ Второй. Такъ рушилось царство Солунское — Regnum Thessalonicense — созданное, не скажемъ на пескѣ, а какъ бы прямо на воздухѣ! Едва ли кто пожалѣлъ о немъ, исключая можетъ быть Св. Отца въ Римѣ, котораго сердце, какъ извѣстно, болитъ обо всемъ мірѣ. Впрочемъ и о новомъ императорѣ у Папы должны были сохраниться хорошія воспоминанія изъ періода, предшествовавшаго печальному случаю съ Петромъ. И даже послѣ случая отличный человѣкъ умѣлъ заявить себя передъ Верховнымъ Первосвященникомъ вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ... Но если сынъ оставался „вѣрнымъ", то отецъ не сохранилъ болѣе никакой вѣры въ него, и наконецъ проклялъ его торжественно. Поводомъ къ такому акту духовнаго наказанія послужили происки при папскомъ дворѣ экс-короля Димитрія, или больше, отъ его имени, его брата Маркиза Монферратскаго, который, впрочемъ, какъ будто непрочь былъ и самъ покоролевствовать на заманчивомъ Востокѣ. Братья предприняли было нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Өеодора, стараясь поднять главнымъ образомъ мелкихъ владѣтелей Элладскихъ, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Солунской коронѣ. Папа, разумѣется, сыпалъ обѣими руками индульгенціи новымъ крестоносцамъ. Но пока тѣ собрались съ мыслями, маркизъ король заболѣлъ и умеръ. Лѣтъ 5 послѣ него еще прозябалъ гдѣ-то въ Италіи братъ его Димитрій, и тоже безвременно умеръ въ 1230 году, не оставивъ по себѣ потомства. Жаль, что исторія не занесла на свои страницы дальнѣйшей судьбы его матери, замѣчательной женщины, этой дѣйствительной королевы или государыни Солунской, наполнившей своимъ именемъ весь 18-лѣтній [1]) періодъ Латинскаго владычества въ краѣ.

---

[1]) Историкъ Эпира *П. Аравандиносъ* увѣряетъ, что Солунь взятъ Өеодоромъ въ 1218 г. Это было бы еще при жизни Имп. *Өеодора Ласкаря.* Но по «Византійцамъ» имя Өеодора Деспота Эпирскаго огласилось уже при Имп. Іоаннѣ Ватаци, слѣд. послѣ 1222 г.

Новый самодержецъ не шутилъ своимъ званіемъ преемника кесарей. Онъ завелъ въ Солунѣ настоящій Императорскій дворъ, сталъ раздавать, какъ было въ Византіи, титла *Деспота, Севастократора* и другія самыя высшія достоинства Имперіи, облекся въ багряницу и въ красную обувь... Только все это дѣлалъ нѣсколько „по болгарски" или же лучше „поварварски", замѣчаетъ обиженный этою профанаціею византійскихъ придворныхъ обычаевъ писатель. Не понравился новый Августъ ни чужимъ ни своимъ. За моремъ считали его, конечно, сыномъ геенны. Въ Константинополѣ при одномъ имени его скрежетали зубами. Никейскій самодержецъ считалъ его бѣльмомъ на глазу. Наконецъ, не менѣе другихъ злился на него Болгарскій краль *Асень II* (по Раичу, 35-й Болгарскій царь), у котораго онъ не церемонясь отбиралъ заграбленныя тѣмъ, укрѣпленныя мѣста и земли. Задавшись мыслію о своемъ достоинствѣ императорскомъ, Ѳеодоръ незамедлилъ отправиться съ своими вольными дружинами на Востокъ во Ѳракію добывать отеческое достояніе. Несомнѣнно, что главнымъ помысломъ его былъ Константинополь. Побѣдоносно шолъ онъ впередъ, и безъ пролитія крови овладѣлъ Адріанополемъ, отнявъ его у *своего* же, да притомъ еще и законнаго [1]) государя! Оттуда онъ простиралъ набѣги до самаго Царя-града, но, видно, добыть столицу было не подъ силу ему. По всей вѣроятности надутый и вѣроломный человѣкъ не пользовался сочувствіемъ ни въ войскѣ (которое всетаки отдало въ его руки Адріанополь!), ни въ мѣстномъ населеніи, которое такъ любило своего *Ивана Милостиваго* (*Ватаци,* Императора Никейскаго). Конечно, не дремалъ при этомъ и сей послѣдній, употребляя всѣ усилія осадить выскочку. Впрочемъ, кажется, и не по зубамъ была нашему счастливому завоевателю какая бы то нибыло крѣпостная стѣна, а у

[1]) Ѳеодоръ жилъ при Никейскомъ дворѣ, пока братъ не позвалъ его деспотствовать въ Эпирѣ.

Константинополя ихъ было довольно. Но есть и другой способъ объяснить его неуспѣхи подъ столицей. Не дремалъ и другой природный соперникъ Солунскаго властителя, Краль, имѣвшій съ нимъ свои международные счеты. Надобно думать, что чуть Θеодоръ оставилъ Солунь, какъ Асеню пришла охота заглянуть въ него, и что въ слѣдствіе сего начались въ сѣверозападныхъ частяхъ Θеодоровой монархіи явленія неспокойнаго свойства, что и принудило монарха возвратиться во свояси. А можетъ быть все движеніе Краля имѣло одну простую цѣль познакомиться съ пресловутымъ сосѣдомъ. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ то, что немедленно затѣмъ послѣдовало. Вмѣсто ожидаемыхъ непріятностей, состоялась дружба между двумя государями, закрѣпленная еще и родственнымъ союзомъ. Болгаринъ выдалъ дочь свою (побочную) *Марію* за брата Θеодорова *Мануила*. Гдѣ, когда и какъ это происходило, не знаемъ. Повидимому — не въ Солунѣ, и вѣроятно не въ первые годы Θеодорова здѣсь царствованія. По поводу сего союза, мы не можемъ удержаться, чтобъ не повторить греческой поговорки: оказались „похожими, оттого и породнились", ἑτεριάσαμεν, διὰτοῦτο καὶ συμπεθεριάσαμεν. И Асень и Θеодоръ стóили другъ друга, — и какъ правители и какъ люди вообще, и хорошо понимали другъ друга. Но такъ какъ это были два схожихъ самодура, то очевидно не могли жить въ мирѣ одинъ съ другимъ. Судя по историкамъ, ничто иное, какъ одинъ безпокойный духъ, заставило Θеодора въ 1230 г. нарушить добрыя отношенія къ свату. Въ Апрѣлѣ 1230 года онъ отправился съ войскомъ изъ итальянцевъ и грековъ въ Адріанополь, и оттуда вдругъ певернулъ по рѣкѣ *Марицѣ* (древнему *Эвру*) во владѣнія Краля... Асень наскоро вооружился, договоривъ себѣ на помощь дружину Комановъ изъ 1,000 человѣкъ, и двинулся на встрѣчу вѣроломному родственнику, котораго мирную грамату пришилъ къ своему знамени, въ обличеніе его вѣроломства. Сраженіе произошло при мѣстечкѣ *Клокотиницѣ*. Самонадѣянный

Эпиротъ былъ разбитъ наголову. Побѣдитель удивилъ міръ своимъ великодушіемъ, не убивъ ни одного плѣнника, и самого Θеодора принялъ ласково и съ подобающею честію, только удержалъ его при себѣ въ плѣну. Слава Асенева великодушія быстро облетѣла предѣлы Θеодоровой державы. Города, отнятые у Болгаръ Θеодоромъ, стали сами отходить опять къ Асеню, а царство Солунское быстро начало распадаться. Впрочемъ, столица оставалась на прежнихъ положеніяхъ... Братъ Θеодора *Мануилъ* заступилъ его мѣсто, и хотя прямо не набивался ни къ кому съ именемъ самодержца, но, подписываясь киноварью, явно давалъ разумѣть, что преемствуетъ во всемъ брату. Асень, въ уваженіе родства съ нимъ, оставлялъ его въ покоѣ. И въ Константинополѣ и въ Никеѣ конечно радовались такому обороту дѣлъ на сосѣднемъ западѣ. Впрочемъ и Мануилъ, хотя и уступалъ много брату въ предпріимчивомъ духѣ, не сидѣлъ даромъ и прибиралъ къ рукамъ сосѣднюю Θессалію, которая, полагать надобно, считалась тогда владѣніемъ какого нибудь франка крестовника. Но родовое наслѣдіе Θеодора, Эпиръ, отошло уже отъ его царства съ его паденіемъ. По инициативѣ ли его самаго, или вопреки его желанію, Эпиромъ завладѣлъ племянникъ его *Михаилъ*, сынъ (незаконный) перваго деспота Эпирскаго Михаила, основателя династіи *Комниныхъ-Ангеловъ*, человѣкъ съ предпріимчивымъ и тоже безпокойнымъ духомъ, имѣвшій виды и на Θессалію и даже на Грецію. На западѣ возникъ новый, не менѣе враждебно настроенный ко всему, что носитъ имя имперіи, властитель Трибалловъ, т. е. Сербовъ, открывшій свои поземельные счеты съ обоими сосѣдями — Солунскимъ и Эпирскимъ. Такъ образомъ эфемерная „Имперія“ Θеодорова вдругъ вошла въ предѣлы до того тѣсные, что только прецедентъ Константинополя могъ представлять еще не совсѣмъ смѣшнымъ положеніе дѣлъ въ Солунѣ. Дворъ Солунскій средоточился теперь около другой [1]) царицы *Маріи*. По странности

[1]) Собственно уже третьей. У Θеодора тоже была жена, но имя ея не занесено на

судьбы, обѣ Солунскія государыни были иноземки. Та венгерка, а эта болгарка. Но роковая чаша уже готова была излиться на непрошеное государство безъ имени, безъ патента и даже безъ мѣста. Плѣнный Θеодоръ не съумѣлъ сидѣть спокойно гостемъ у Асеня, затѣялъ интригу противъ хозяина, и по приказу сего былъ ослѣпленъ. Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ какъ бы упрощалось запутанное положеніе Солунскаго престолонаслѣдія. Мануилъ дѣлался настоящимъ государемъ. Но тутъ вышла неожиданность, которой не повѣрилъ бы, если бы не зналъ, что имѣешь дѣло со временами темными. При слѣпомъ Θеодорѣ проживало и его семейство. Дочь его *Ирина* сколько красотою, столько же и ростомъ плѣнила сердце болгарскаго монарха. Краль женился на ней къ общему удовольствію ея самой и отца ея. Новая привязанность — мужа положила конецъ старой — отца. Асень вдругъ принялъ рѣшеніе отправить слѣпаго тестя на прежнее царство, согнавъ съ престола своего зятя и собственную дочь! Сказано — сдѣлано. Слѣпой Императоръ возвратился въ Солунь, схватилъ Мануила, посадилъ на судно и отправилъ въ ссылку въ Атталію [1]), а жену его возвратилъ къ ея отцу Асеню. Все такимъ образомъ какъ будто возвратилось къ прежнему порядку. Недоставало только глазъ для правленія государствомъ. Обойденъ былъ и этотъ пунктъ. Θеодоръ провозгласилъ Императоромъ сына своего *Іоанна*. Но уже былъ самодержецъ этого имени. Сему послѣднему не было по сердцу такое провозглашеніе.

скрижали исторія. Извѣстно только, что она была изъ фамиліи *Петралифовъ*, французскаго дворянскаго происхожденія, сестра Великаго Хартуларія при Никейскомъ дворѣ, *Іоанна*.

[1]) *Мануилъ* успѣлъ впрочемъ бѣжать съ дороги къ Имп. Іоанну Ватаци, которому и пожаловался на обиду, давая ему клятву за одно ратовать противъ «Франковъ». Ватаци далъ ему средства собрать войско и овладѣть южной Θессаліей. Въ тоже время братъ Мануила *Константинъ* овладѣлъ частію Эпира, надъ которымъ властвовалъ племянникъ Михаилъ. Θеодоръ, узнавъ обо всемъ этомъ, заблагоразсудилъ помириться съ братьями и съ племянникомъ. Водворился такимъ образомъ полный династическій миръ. Мануилъ мирно скончался въ своихъ владѣніяхъ въ 1241 г.

Өеодору онъ, такъ сказать, прощалъ его императорскій титулъ — по необходимости, и отчасти по обаянію его имени. А кто такой былъ безвѣстный юноша Іоаннъ? Отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ (Ватаци) рѣшился покончить миромъ съ самозванною Имперіею Македонскою. Онъ пригласилъ къ себѣ въ гости (по старому знакомству) Өеодора, какъ человѣка великой опытности, для дружескихъ совѣщаній объ общихъ дѣлахъ Имперіи. Өеодоръ охотно отправился въ Азію (вѣроятно въ Нимфей, гдѣ большею частію проживали Никейскіе самодержцы). Іоаннъ, продержавъ его при себѣ довольно времени, собралъ войско, и отправился вмѣстѣ съ нимъ на непріятеля... какого? Есть полная вѣроятность думать, что Өеодоръ всѣхъ менѣе зналъ объ этомъ. Войско прошло всю Өракію, подчиняя города скипетру Іоанна... Котораго? Объ этомъ конечно всего менѣе разсуждали. Наконецъ оно дошло и до Солуня, гдѣ и остановилось въ „саду овчаря". Городъ еще разъ попалъ въ осаду. Іоаннъ Солунскій приготовился было отбиваться отъ нападающихъ, но тутъ явился слѣпой Императоръ отецъ и уговорилъ сына удержаться отъ безполезнаго кровопролитія. Заключенъ былъ подъ стѣнами города миръ на условіяхъ, чтобы Солунскій государь отложилъ титулъ Императорскій, и звался только Деспотомъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительному Императору (Ватаци). Любопытенъ разсказъ очевидца *Г. Акрополита* объ этой осадѣ города своими противъ своихъ. „Царь (Іоаннъ Дука Ватаци), собравъ всю армію, водружаетъ палатку по близости Өессалоники стадіяхъ въ 88-ми. Стѣнобитныя орудія и машины несподручно было ему поставить противъ такого города, что бы затѣмъ и овладѣть имъ, сражаясь. И такъ, онъ дѣлалъ только набѣги своими войсками, и грабилъ всѣ окрестныя мѣста, главнымъ образомъ руками *Скиөовъ*, которые все обращали въ добычу [1]). При немъ были

---

[1]) *Скиөы* — бродячій въ устахъ Византійцевъ терминъ этнографическій, столько

и суда (тріиры), которыми начальствовалъ *Кондофре Мануилъ*. Свиту Государя составляли отборные мужи: *Торникій Димитрій* [1]), завѣдывавшій общими дѣлами и хлопотавшій по разнымъ сношеніямъ, *Андроникъ Палеологъ* [2]), который облеченъ былъ въ силу Великаго Доместика, и смотрѣлъ за всѣми войсковыми дѣлами, и другіе многіе, поставленные вождями, какъ-то: протовестіарій *Рауль Алексій* [3]), стольникъ *Никифоръ Траханіотъ, Кондо-Стефанъ* [4]), имѣвшій достоинство протосеваста, *Петралифъ* [5]), названный Великій Хартуларій, и другихъ не мало изъ знаменитостей. И такъ, царь Іоаннъ, расположившись передъ городомъ, дѣлалъ, что могъ, противъ него. Но и бывшіе внутри города не лѣнились дѣйствовать. Выходя изъ городскихъ воротъ, и они дѣлали набѣги на царя". — Осада протянулась

любимый эллинскимъ педантствомъ. Вышеупомянутые 1,000 человѣкъ Комановъ тоже у одного писателя названы Скиѳами. Кто они были на этотъ разъ?

[1]) *Торникій* этотъ вѣроятно отецъ *Константина* Севастократора, тестя *Іоанна Деспота*, брата Михаила Палеолога. Фамилія эта — Ивирійскаго т. е. Грузинскаго происхожденія и извѣстна въ Византійской исторіи еще съ X вѣка. Къ какимъ нынѣшнимъ должностямъ государственнымъ примѣнить службу Димитрія?

[2]) *Андроникъ Палеологъ*, отецъ знаменитаго Михаила, родоначальника царственнаго дома Палеологовъ. Domesticus, по нашему какъ бы *домочадецъ*, призванное означать одну изъ самыхъ высшихъ должностей имперіи, не говоритъ ли о злой ироніи оффиціальнаго языка византійцевъ? Или это только непереваренный греческимъ смысломъ латинскій терминъ, въ родѣ Магистра, Ректора, Кандидата?

[3]) *Рауль Алексій*, полнымъ именемъ: *Радульфъ*, занесенный на Востокъ Крестовыми походами. Былъ женатъ (въ послѣдствіи, конечно) на *Евлогіи*, дочери сестры Михаила Палеолога — *Ѳеодоры*.

[4]) *Кондостефанъ*, вѣроятно сынъ Андроника Кондостефана, за которымъ была дочь Имп. Алексія III Ангела и сестра жены Имп. Ѳеодора I Ласкаря, слѣд. тетка царствующей императрицы. Оттого онъ и носитъ титулъ «перво-августѣйшаго». Первый изъ Кондостефановъ упоминается подъ 981 г.

[5]) *Петрамифъ* — тоже отпрыскъ крестоносныхъ ратаевъ за св. мѣста. Фамилія эта была въ двухстороннемъ родствѣ съ Эпирскими Комнинными — Ангелами. Великій Хартуларій доводился шуриномъ Ѳеодору Солунскому.

бы Богъ вѣсть докуда, но сынъ царя (Өеодоръ II Ласкарь) прислалъ къ отцу гонца съ южной стороны Эллиспонта съ извѣстіемъ, что народъ *Тохары* [1]) напали на *Мусульманъ,* сразились съ ними и побѣдили ихъ. Вѣсть эта встревожила царя, но онъ скрылъ ее отъ всѣхъ, и поспѣшилъ вступить въ сношенія съ Солунскимъ державцемъ, пославъ къ нему для переговоровъ слѣпаго отца. Такимъ образомъ послѣ 40 дней осады заключенъ былъ между воюющими сторонами клятвенный миръ. Іоаннъ (Солунскій) отказался отъ „красной обуви" и отъ „пирамиды, украшенной жемчугомъ съ краснымъ камнемъ наверху", т. е. отъ Императорской короны, а остался при одномъ достоинствѣ „Деспота".

По окончаніи переговоровъ, счастливый своимъ успѣхомъ Ватаци спѣшно отправился во свояси, а отецъ съ сыномъ остались мирно жить въ Солунѣ, оба сложивъ съ себя императорство. И у насъ были *Иванъ* и *Өеодоръ,* — грозный и тишайшій. Но тутъ именамъ выпала противоположная роль. *Өеодоръ Ангелъ,* если не былъ прямо тиранъ, то былъ самодуръ. А сына его *Іоанна Ангела* историкъ представляетъ такимъ, какихъ и теплая вѣрою Византійская жизнь имѣла не много. Іоаннъ былъ „благоговѣйнѣйшій христіанинъ, кроткій и цѣломудренный человѣкъ. Онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобъ не быть у обѣдни, ходилъ и на всенощныя бдѣнія, и даже вычитывалъ дома обыкновенно дневные часы, подолгу бесѣдовалъ съ назореями (монахами), и все желалъ и самъ повесть отшельническую жизнь"... Невдолгѣ послѣ изложенныхъ событій, не пригодный для міра юноша скончался. На укороченный и приниженный престолъ его взошелъ младшій братъ

---

[1]) *Тохары* отожествляются историками съ Татарами. А *Мусульмане* конечно суть Иконійское царство, насчитывавшее ко времени имп. Ватаци уже 13 «султановъ», и бывшее весьма часто въ ссорѣ съ имперіей. Защищать или добивать ихъ пошолъ императоръ, пусть рѣшаетъ исторія.

его *Димитрій*, котораго историкъ изображаетъ во всемъ противоположнымъ брату, и чуть не прямымъ повѣсой. На вѣщемъ имени его суждено было окончиться и *второму* царству Солунскому. Новый государь, веселый, живой и разгульный [1]) юноша, не внушалъ никому ни довѣрія ни уваженія. Городъ искалъ только случая избавиться отъ него. Случай, конечно, не замедлилъ представиться. Императоръ Ватаци, убѣдившись въ слабости Болгарской державы, управляемой 12 лѣтнимъ отрокомъ, вознамѣрился выгнать болгаръ изъ Ѳракіи, и дѣйствительно забралъ успѣшно много городовъ. Такъ какъ война занесла его въ сторону къ Солуню, то вельможи Солунскіе и вошли съ нимъ въ переговоры о передачѣ ему города и всего бывшаго царства, насколько его еще осталось отъ прежнихъ размѣровъ. Димитрія самымъ глупымъ образомъ водили при этомъ зàносъ [2]), пока не подошолъ къ городу со всѣмъ войскомъ императоръ. Ему, конечно, сейчасъ же отворили ворота. Димитрій укрылся въ крѣпости. Ходатаицей за него явилась къ Ватаци сестра его *Ирина,* бывшая кралена Болгарская. Димитрій остался цѣлъ и невредимъ, но отданъ подъ стражу. Императоръ съ торжествомъ вступилъ въ городъ, и провелъ тутъ нѣсколько дней въ Декабрѣ 1246 года. Возвращаясь въ Малую Азію, онъ оставилъ правителемъ Солуня и всей Македоніи Великаго Доместика *Андроника Палеолога,* подъ начальство котораго поставилъ и сына его Михаила, уже начавшаго занимать видное мѣсто въ кругу царедворцевъ. Такъ кончилось блеснувшее мыльнымъ пузыремъ царство Ѳессалоникское, начавшееся въ 1204 г. и просуществовавшее 42 года, подъ

---

[1]) Такъ напр. передаютъ, что онъ разъ проводилъ ночь у жены одного вельможи. Замѣтивъ опасность быть открытымъ, онъ выскочилъ изъ окна, и вывихнулъ себѣ ногу.

[2]) Заговорщики. чтобы отчасти приготовить его къ предстоявшему перевороту, отчасти отвести подозрѣніе отъ себя, выдали передъ нимъ кого-то изъ своихъ за измѣнника, и когда Димитрій приказалъ пытать его, то они били палками по мѣшкамъ и заставляли кричать кого-то, какъ бы біемаго.

управленіемъ (Рейнера), *Бонифація*, *Димитрія*, *Θеодора*, *Мануила*, *Іоанна* и *Димитрія*. Θеодоръ пережилъ его. Вѣроятно, еще въ первый пріѣздъ Ватаци въ Солунь, онъ выговорилъ себѣ независимое владѣніе по близости къ сыну, въ которое входили города: *Водена*, *Старидолы*, *Островъ* и др. Такъ какъ при окончательной передачѣ Солуня Имперіи въ 1246 г. не упоминается болѣе имя Θеодора, то это могло значить, что экс-императоръ жилъ тогда уже въ своихъ владѣніяхъ. О судьбѣ сына его экс-деспота, на которомъ порушилось царство Солунское, мы не могли вычитать ни откуда ничего.

Періодъ третій. Озаглавливая такъ отдѣлъ этотъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду дѣлать натяжку и считать существующимъ то, чего не было. Царство Солунское съ 1246 г. стало существовать только уже на страницахъ исторіи, но память его продолжала еще долго носиться надъ развѣнчанною столицею Македоніи. Городъ продолжалъ имѣть все тоже преобладающее значеніе въ Имперіи, какое имѣлъ и прежде. Поставленный правителемъ области, Великій Доместикъ былъ человѣкъ, умѣвшій держать высоко свой умаленный постъ, и вѣроятно въ глазахъ народа значилъ больше, чѣмъ Димитрій. Долго ли онъ управлялъ страною, неизвѣстно. Онъ и скончался въ Солунѣ. Преемникомъ ему былъ назначенъ нѣкто *Филисъ* — изъ того же дома Палеологовъ, и слѣдующій за нимъ *Синодинósъ* тоже называется „принадлежащимъ къ роду царя“ (тогда — Андроника Палеолога). Полный хорошихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Солуня, и конечно и историческихъ воспоминаній, сынъ Великаго Доместика, сдѣлавшись Императоромъ, чуть не сдѣлался виновникомъ возникновенія вновь Солунскаго царства. Изъ двухъ сыновей своихъ *Андроника* и *Константина* Михаилъ предпочтительно жаловалъ послѣдняго, какъ порфиророднаго. Не считая возможнымъ обойти престолонаслѣдіемъ старшаго сына, отецъ задумалъ было сдѣлать младшаго владѣтелемъ Солуня неизвѣстно съ какимъ именно титуломъ. Но къ счастію Имперіи,

не успѣлъ или не посмѣлъ сдѣлать это. Однакоже, впослѣдствіи, сынъ любимаго Константина *Іоаннъ*, титулованный „Всепреавгустнымъ" (πανυπερσέβαστος), вспомнилъ про доставашійся отцу престолъ, и съ помощію Краля Сербскаго (Стефана Дечанскаго) своего зятя, сталъ добиваться его — въ 1325 г. Императоръ Андроникъ II, упреждая новое раздѣленіе и безъ того слабый державы, поспѣшилъ возвесть претендента въ достоинство *Кесаря*[1]) и сдѣлать его правителемъ Солуня. „Кесарь" на пути къ своему посту, изъ котораго вѣроятно не замедлилъ бы создать себѣ дворъ и престолъ, заболѣлъ и умеръ. Эту неудачную попытку возвратить Солуню утраченный блескъ „державный" можно считать финаломъ исторіи Солунскаго царства.

Не смотря на свой, уже чисто провинціальный характеръ, именитый городъ до самаго почти отчисленія его къ Венеціанамъ, а отъ нихъ къ Туркамъ, нерѣдко блестѣлъ обстановкою царской жизни. Императоры волей — неволей навѣщали его часто, и иногда жили въ немъ по долгу. Такъ *Андроникъ* Старшій въ 1299 г. жилъ тутъ съ Великаго Поста до самой осени. Поводомъ къ этой продолжительной гостьбѣ служилъ еще новый родственный союзъ Византійскаго двора съ сѣверными варварами. Тогда усилилось и начало славиться Сербское Кралевство[2]), у котораго сейчасъ же появились пограничные вопросы съ имперіей. Чтобы отвѣтить на нихъ съ честію, надобно было имперіи имѣть цѣлую линію крѣпостей, большое и крѣпкое войско, и хотя небольшую, но крѣпкую привязанность къ ней населенія. Ничѣмъ подобнымъ Палеологи похвалиться не могли. Зато, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады были — по нашей пословицѣ. Богатство

---

[1]) *Кесари* носили уже привиллегированную обувь и украшались вѣнцомъ, на подобіе царскаго.

[2]) Сначала земля распадалась на жупанства. Но фамилія Неманей закрѣпила за собой титло *Великаго Жупана*, а потомъ и *Краля*.

же Андроника на сей разъ заключалось въ 8-лѣтней дочери *Симонидѣ*[1]), пожертвованіемъ которой отецъ думалъ отстранить, или и прямо порѣшить упомянутые вопросы. Вѣроятно заботливый царь — отецъ освѣдомлялся, нѣтъ ли у Трибалловъ молодаго Кралевича, который могъ бы составить приличную партію царевнѣ. Но такаго не оказалось. Женихомъ могъ быть только самъ 45-лѣтній Краль[2]) вдовецъ (Стефанъ VI Милутинъ). Нечего было дѣлать. Посланы брачныя предложенія варвару. Тотъ не отказался отъ предложенной чести. Условлено было съѣхаться въ Солунѣ. Дѣйствительно, по зимней распутицѣ нетерпѣливый императоръ явился сюда вмѣстѣ и съ невѣстой, захвативъ съ собою и брата *Константина* (о которомъ см. выше), котораго изъ страха совмѣстничества держалъ при себѣ узникомъ. Положено было взять въ Солунь, для совершенія предположеннаго вѣнчанія, и патріарха Вселенскаго. Но тотъ, узнавъ о разительномъ несходствѣ лѣтъ жениха и невѣсты, или другимъ чѣмъ водясь, хотя выѣхалъ вслѣдъ за царемъ, но, добравшись до Силивріи, остановился тамъ и не поѣхалъ далѣе. Императоръ, напрасно прождавъ его цѣлый постъ, послалъ ему къ пасхѣ богатый подарокъ изъ 1000 золотыхъ монетъ и убѣждалъ его прибыть въ Солунь. Но тотъ царское даяніе принялъ охотно, а отъ поѣздки въ Солунь отказался, и подъ предлогомъ боли глазъ возвратился лѣчиться въ Константинополь[3]). Этотъ, не мало о себѣ говорящій случай не остановилъ Андроника отъ

---

[1]) Въ ночь, когда мучилась родами мать Симониды, въ почивальнѣ ея передъ 12-ю иконами 12-ти Апостоловъ горѣли свѣчи. Императоръ сдѣлалъ завѣтъ: передъ которымъ изъ Апостоловъ долѣе всѣхъ другихъ будетъ горѣть свѣча, того именемъ и назвать имѣющее родиться чадо. Позже всѣхъ погасла лампада передъ иконою св. Симона Зилота, оттого и вышло необычное имя: *Симонида* (Σιμωνίς).

[2]) Историкъ замѣчаетъ, что тестю было тогда только 40 лѣтъ, а зятю 45.

[3]) Патріархомъ былъ тогда *Іоаннъ*, изъ игуменовъ монастыря *Паммакаристы* (Всеблаженной, т. е. Богородицы).

принятаго имъ рѣшенія. Благо, былъ уже въ этомъ же самомъ городѣ не такъ давно примѣръ, указывавшій, какъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ безъ Патріарха. „Архіепископъ Первой Юстиніани" и теперь былъ подъ рукою. Чуть Императоръ, такъ сказать, заикнулся о свадьбѣ, какъ тотъ былъ уже готовъ повѣнчать юную чету, въ которой недостатокъ возраста одной стороны восполнялся избыткомъ другой [1]). Краль женихъ не заставилъ ждать себя, и съ возможнымъ блескомъ явился въ Солунѣ. Архіепископъ *Макарій* совершилъ бракосочетаніе. Все кончилось къ общему удовольствію. Одна Симонида могла чувствовать себя не вполнѣ веселою на безконечныхъ празднествахъ, послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ, но она была слишкомъ молода, чтобы понимать что-нибудь, а достоинство Кралены несомнѣнно занимало ребенка. Мужъ далъ слово ждать совершеннолѣтія жены [2]). Новобрачные отправились въ свои владѣнія, а Императорскій дворъ возвратился въ Константинополь.

Не знаемъ опредѣленно, когда вышелъ семейный разладъ между Андроникомъ и женой его *Ириной*, матерью *Симониды* и трехъ сыновей *Іоанна*, *Ѳеодора* и *Димитрія*. Честолюбивая итальянка требовала отъ мужа невозможныхъ достоинствъ для сыновей своихъ въ ущербъ старшему его сыну (ея пасынку), носившему уже титулъ Императора. Не получивши чего хотѣла, она покинула мужа, самовольно оставила Константинополь (1307 г.), и водворилась въ Солунѣ, вѣроятно вмѣстѣ и съ дѣтьми своими. Она была родственница (внука=ἔγγονος) Бонифація, бывшаго Короля Ѳессалоникскаго. Оттого какъ бы и кстати ей было жить здѣсь. При царицѣ былъ и свой, пышный

---

[1]) Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что Андроникъ имѣлъ сначала въ виду выдать за Краля сестру свою *Евдокію*, вдову Трапезунтскаго императора, но та предпочла вторичной коронѣ монашескій кукуль.

[2]) Не сдержалъ. Оттого у Симониды и не было дѣтей, замѣчаютъ лѣтописцы.

и многолюдный дворъ. Слабый мужъ, боясь злаго языка ея[1]), не отказывалъ ей ни въ чемъ. Сколько лѣтъ она провела здѣсь, въ точности неизвѣстно[2]), но къ мужу уже не возвратилась. По заведенному обычаю, она однажды отправилась провести нѣсколько мѣсяцевъ въ сосѣднемъ городкѣ *Драмѣ*, славившемся своимъ климатомъ, но тамъ заболѣла горячкою и умерла. На похороны ея пріѣзжала и дочь Кралена. О другихъ дѣтяхъ ея извѣстно то, что старшій *Іоаннъ* тутъ же въ Солунѣ скончался, не оставивъ по себѣ потомства послѣ четырехлѣтняго супружества, второй сынъ *Θеодоръ* отосланъ ею на родину въ Лангобардію владѣть оставшимся ей послѣ отца княжествомъ Монферратскимъ. Третьяго — *Димитрія* — имѣла было мысль сдѣлать наслѣдникомъ своего бездѣтнаго зятя Сербскаго Краля, при дворѣ котораго и жилъ уже Димитрій, но не успѣла въ томъ. Историки поносятъ ея расточительность въ пользу дѣтей ея и преимущественно— дочери съ ея зятемъ, увѣряя, что переданными ею сему послѣднему сокровищами можно бы нагрузить 100 тріиръ. Оставшуюся послѣ нея въ наличности денежную казну рѣшено было употребить на поправку Св. Софіи Константинопольской.

Привыкшій къ дворцовому шуму и блеску городъ скоро утѣшенъ былъ присутствіемъ новаго Двора. Сынъ Императора *Михаилъ*, самъ уже носившій титулъ Самодержца, рѣдко когда находился при отцѣ, а болѣе проживалъ во Θракіи при войскѣ. Нелюбовь къ нему мачихи вѣроятно была причиной, что онъ избѣгалъ Солуня, но управленіе краемъ лежало на немъ. Кончина ли Ирины или неспокойствіе въ Θессаліи были причиной, что и онъ съ своей женой *Маріей*

---

[1]) Она не стыдилась разсказывать про мужа такія вещи, которыя не выносятся за порогъ спальни.

[2]) Въ 1299 г. дочери ея Симонидѣ было 8 лѣтъ. По смерти матери, сей послѣдней было 22 года. Слѣдовательно, между двумя событіями протекло 14 лѣтъ. Вѣроятно, 10 изъ нихъ Ирина провела въ Солунѣ.

(армянкой) и всѣмъ дворомъ переѣхалъ на житье въ Солунь. Находясь здѣсь, онъ получилъ горестную вѣсть, что въ Константинополѣ убитъ былъ по фатальной ошибкѣ меньшій сынъ его *Мануилъ* служителями дѣда, изъ за исторіи весьма соблазнительнаго свойства. Извѣстіе до такой степени поразило бѣднаго отца, что онъ заболѣлъ и умеръ тутъ 12 октября 1320 г. Такъ какъ все его долговременное царствованіе (1295—1320) было при жизни отца его Андроника (старшаго), то имя его и не вносится обыкновенно въ списокъ Византійскихъ Императоровъ. Историки не отзываются о немъ ни съ особенною похвалою, ни съ порицаніемъ. Жена его, почему-то извѣстная болѣе подъ именемъ *Ксеніи*, продолжала и послѣ него жить въ Солунѣ, по примѣру Ирины, до 1321 года.

Послѣ смерти Михаила возникло долговременное неустроеніе на престолѣ Византійскомъ. Кромѣ покойнаго Императора—сына, соцарствовалъ Андронику еще и Императоръ—внукъ, именемъ тоже Андроникъ. Но титулъ „Самодержца" обращался какъ видно въ предметъ игры въ эти времена. Существеннѣе его было званіе или положеніе наслѣдника престола. Дѣду не нравился внучекъ, и онъ задумалъ приготовить себѣ другаго преемника. Но внучекъ заставилъ его короновать себя, а, короновавшись, сталъ считать себя настоящимъ Государемъ. Явились во дворцѣ, конечно, партизаны того и другаго вѣнценосца. Междоусобіе стало расти и расходиться по государству, къ удовольствію несчетныхъ враговъ Имперіи. Въ числѣ приверженцевъ юнаго монарха первымъ лицомъ конечно была мать его *Ксенія*[1]), проживавшая въ Солунѣ. Дѣдъ немедленно приказалъ правителю области (не знаемъ, тогда ли только назначенному, или уже прежде занимавшему свой постъ),

---

[1]) По гречески: Ξένη можетъ значить и собственное имя *Ксенія*, и прилагательное: *чужая*. Маріи, какъ армянкѣ, приходилось и послѣднее. Но вѣроятнѣе, что это было монашеское имя Маріи. Уваженіе къ царицѣ не позволило бы такую игру словами.

своему сыну *Константину*, отправиться съ войскомъ въ Солунь, захватить тамъ вдовствующую императрицу и отправить въ Константинополь, а затѣмъ привести въ надлежащее повиновеніе мятежнаго внука. Кому, какъ не дядѣ и умѣстнѣе и успѣшнѣе было сдѣлать это? Правитель съ успѣхомъ выполнилъ первую половину порученія. Ксенію вытащили изъ церкви, гдѣ она молилась передъ образомъ Богоматери, поклявшись не выйти оттуда живою, посадили на судно и отправили къ свекру. Но на второй половинѣ порученія правитель споткнулся. Съ набранною имъ сволочью онъ выступилъ противъ „мятежника", но при первой встрѣчѣ съ хорошо организованной арміей молодаго императора, бѣжалъ и укрылся въ Солунѣ. Кстати наступили зимнія непогоды, а византійскій галантомъ[1]) любилъ комфортъ. Весною старый императоръ прислалъ ему приказъ всѣ власти Солунскія (въ числѣ 25 человѣкъ) выслать къ нему моремъ въ кандалахъ, какъ партизановъ мятежника. Нелегко было выполнить Деспоту и это третіе порученіе. Про царскій указъ пронюхали Солуняне, и ударили въ набатъ. Городъ весь всполошился и кинулся ко дворцу правителя — Царевича. Тотъ, разумѣется.. былъ таковъ! Разграбивши дворецъ, народъ устремился въ крѣпость, куда укрылся Константинъ. Видя бѣду неминучую, Палеологъ досталъ гдѣ-то лошадь, сѣлъ на нее, какъ и въ чемъ былъ, и помчался, куда глаза глядятъ. Борзый конь занесъ всадника въ одну придорожную обитель *Хортайта*[2]). Онъ въ

[1]) Историкъ (*Н. Григора́*. VIII. 3) разсказываетъ двѣ исторіи о его любовныхъ похожденіяхъ въ Константинополѣ и въ Солунѣ. Тоже подтверждаютъ и обстоятельства его перваго брака съ дочерью *Георгія Музалона*. Хотя осталось невыясненнымъ, отъ кого она осталась беременною ко дню обрученія своего, но уже одно рѣшеніе императора выдать ее за Константина, даетъ разумѣть, что «нѣкто изъ царскаго родства» (предполагаемый виновникъ беременности) былъ именно самъ Константинъ.

[1]) Зовется и *Хортіатой*. Со времени завоеванія города Амуратомъ, стала извѣстна подъ именемъ *Чауши*.

нее. Народъ за нимъ. Принявъ во вниманіе, что въ монастырѣ кому быть, какъ не монаху, солунцы, не долго думая, тутъ же и постригли своего правителя въ монахи! Бѣдный человѣкъ долго и жестоко бѣдствовалъ въ плѣну у племянника. Получилъ свободу уже при дѣйствительномъ воцареніи сего послѣдняго, по предстательству и съ прямымъ содѣйствіемъ къ бѣгству Великаго Доместика (будущаго императора) Іоанна Кантакузина. Личностію этою мы болѣе надлежащаго занимаемся потому, что надѣемся отыскать въ ней прочитанное нами въ мозаической монограммѣ на алтарной стѣнѣ Солунской Св. Софіи, имя *Константина Деспота* и *Ирины Деспины*. Имена эти конечно самыя общія [1]) и частыя въ Византійской исторіи, и отлично приходятся къ знаменитой *Иринѣ*, возстановительницѣ иконопочитанія и ея сыну *Константину* V (780—802), но приставной титулъ: δεσπότης выноситъ какъ бы монограмму въ позднѣйшіе вѣка. Жаль, что у историковъ не встрѣчается имя первой жены солунскаго правителя, дочери Музалона. Можетъ быть она звалась Ириною. Монограммы тѣ не говорятъ, конечно, о времени постройки Софійской Церкви, но онѣ могутъ указывать на украшеніе алтарной стѣны мозаикою или на возобновленіе сей послѣдней, сдѣланныя усердіемъ *Деспота Константина*. Другое подходящее имя мы едва-ли отыщемъ, хотя и сознаемся, что кратковременное пребываніе нашего Константина въ Солунѣ и образъ жизни его вообще мало говорятъ въ пользу нашего предположенія. Развѣ остановиться на упомянутомъ выше *Константинѣ* „порфирородномъ“ и женѣ его *Иринѣ*, изъ дома *Раулей*?

---

[1]) Когда плѣннаго Деспота — дядю представили племяннику Императору, то съ нимъ оказалось еще два *Константина Палеолога*, одинъ въ званіи стратопедарха, а другой — Папія (Παπίας). Четвертый *Константинъ Палеологъ* былъ мужъ той прекрасной неокесарьянки, за которою ухаживалъ въ Солунѣ Деспотъ, и которую взялъ наконецъ за себя, по смерти (по примѣру *Уріи*, книги царствъ?) мужа.

Къ періоду послѣ Константина надобно относить тотъ случай съ *Іоанномъ* „Всепреавгустнымъ“, о которомъ мы говорили выше. Весьма можетъ быть, что Іоаннъ былъ преемникомъ Константина въ управленіи Солунемъ[1]. Послѣ Іоанна встрѣчаемъ у историковъ (Григорá 1,394) правителемъ Солуня третьяго сына Андроникова, *Димитрія*, тоже конечно партизана стараго царя. Но, чѣмъ болѣе этотъ, четвертый уже изъ царствующаго дома, правитель бывшаго царства радѣлъ о возстановленіи единства имперіи, тѣмъ болѣе солуняне расположены были къ мятежнымъ дѣйствіямъ — по первому, какой встрѣтится, поводу. Достаточно имъ было напр., чтобы противъ Императора поднялъ знамя возмущенія внукъ его, чтобы они взяли сторону послѣдняго. Впрочемъ легко предположить, что они и любили молодаго царя, въ которомъ несомнѣнно были симпатичныя черты характера, а еще болѣе — вѣроятно — внѣшняго обличія. Оттого, когда правитель Димитрій отправился разъ изъ города съ войскомъ по дѣламъ службы въ городъ Серры, жители Солуня (въ томъ числѣ и мѣстный архіерей) немедленно дали знать Андронику, чтобы онъ спѣшилъ къ нимъ, ибо они стоятъ за него. Тотъ, разумѣется, не заставилъ ждать себя. Прикрывшись одеждой частнаго человѣка, онъ благополучно вошелъ въ городъ не узнанный, или вѣрнѣе вовсе незнаемый стражею. Чуть онъ очутился внутри города, какъ сбросилъ съ себя простонародную одежду, и явился во всемъ блескѣ царскаго облаченія. Этого было довольно, чтобы народъ устремился къ нему со всѣхъ концовъ города и сдѣлалъ ему восторженный пріемъ. Ошеломленные и расте-

[1]) По историку *Григорá*, онъ былъ «дважды и трижды» (δὶς καὶ τρὶς) правителемъ Солуня. Упомянутый случай относится къ 1325 или 1326 году. Однакоже у историка есть мѣсто, гдѣ говорится, что въ январѣ 1327 года правитель Солуня Димитрій находился при арміи Андроника старшаго. А городомъ управлялъ вмѣсто него Великій Стратопедархъ *Хумнъ*. А въ 1330 г. правителемъ былъ нѣкто *Сиріанъ*. Значитъ, въ третій разъ рядъ властелей Солунскихъ оканчивается на фатальномъ имени *Димитрія*.

рявшіеся, не многіе легитимисты кинулись спасать себя въ крѣпости и заперлись тамъ. Разумѣется, послѣдовала погоня за ними. Крѣпость попала въ осаду.. Полетѣли снизу стрѣлы, а сверху камни. Наконецъ зажгли ворота, и крѣпость сдалась. Димитрій, конечно, уже не думалъ возвращаться въ Солунь, а направилъ стопы свои въ Сербію къ Кралю, у котораго и прежде, еще при жизни матери, проживалъ часто.

Надобно думать, что около этого времени возвратилась въ Солунь на жительство императрица *Ксенія*. Она получила позволеніе отъ свекра поселиться въ какомъ хочетѣ монастырѣ. Могло быть это въ 1327 г. По старой памяти она избрала Солунь. Отправляясь сюда изъ Константинополя, она по дорогѣ имѣла свиданіе съ сыномъ, открыто вступившимъ въ войну съ своимъ дѣдомъ, въ *Граціанополѣ*. Все заставляетъ предполагать, что большихъ ладовъ у нея съ сыномъ не было. Здѣсь же въ Солунѣ ей пришлось пережить и нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ. Сынъ ея Императоръ въ 1330 г. былъ застигнутъ тяжелымъ недугомъ и, лежа на смертномъ одрѣ, поручалъ и наслѣдника престола — своего сына, еще ребенка, и все царство своему другу *Іоанну Кантакузину*, и не вспомнилъ при этомъ ни однимъ словомъ о своей матери. Бѣдная женщина глубоко была обижена этимъ. Считая же смерть сына вѣрною, и боясь за существованіе внука *Іоанна* и свое собственное, закляла солунянъ черезъ правителя *Сиргіана* считать ее своею государыней, и стоять за нее до смерти[1]). Но сынъ ея чудеснымъ образомъ возвратился къ жизни, и царствовалъ потомъ (уже одинъ) еще 11 лѣтъ. На положеніе Ксеніи это однакоже не имѣло вліянія. Она продолжала мирно жить въ Солунѣ, и мирно скончалась въ 1333 году.

---

[1]) По всей вѣроятности ей хотѣлось быть регентшей государства отъ имени внука. Но какъ это мирится съ ея монашествомъ?

Эпилогъ. Этимъ можно бы было намъ и закончить свою, уже не въ мѣру затянувшуюся Солуніаду. На сколько продолжалась еще потомъ имперія Палеологовъ, самодержцы волей—неволей не переставали посѣщать знаменитый городъ. Чуть утвердился на престолѣ любимецъ города *Андроникъ III Младшій*, какъ онъ уже долженъ былъ ѣхать въ Солунь усмирять мятежъ. Взбунтовался самъ правитель города *Сиргіанъ*, привлекшій подъ стѣны города, въ качествѣ союзника, и Болгарскаго Краля (Михаила). Императоръ попалъ въ осаду. На этотъ разъ жители города, незнаю почему, не были за одно съ императоромъ, и готовы были отворить ворота города мятежнику и чужеземцу.

Полна печальнаго драматизма для Солуня была возникшая вслѣдъ за смертію Андроника († 1341 г.) 15 лѣтняя междоусобица между опекуномъ (и тестемъ) юноши Императора (Іоанна) *Кантакузинымъ* и матерью его *Анною*, а потомъ и самимъ *Іоанномъ V Палеологомъ*. Городу нѣсколько разъ приходилось пострадать жестоко за свое сторонничество. Безсильные соперники ратовали одинъ противъ другаго наемными войсками, и кромѣ того вводили въ свою домашнюю распрю или славянъ съ сѣвера или турокъ съ юга или франковъ съ запада. Иноплеменники не разъ въ этотъ періодъ и показывались подъ Солунемъ, осаждая по обычаю городъ. А какая безурядица происходила въ такое время внутри города, и представить трудно.

Вотъ нѣсколько выдержекъ, въ точномъ переводѣ, изъ того, что сообщаютъ историки о происходившихъ въ этотъ, краткій сравнительно, періодъ неистовствахъ въ Солунѣ, виновниками коихъ были такъ называемые *Зилоты* [1]), такъ живо напоминающіе партизановъ того же имени, неистовствовавшихъ въ Іерусалимѣ въ Іудейскую войну.

---

[1]) «Θессалоника не изволяла (?) пристать ни къ кому, ни къ Константину ни къ князю Трибаллóвъ (Сербовъ). Ею давно владѣлъ мятежъ. Скопище *Зилотовъ* — такъ называемыхъ, первенствовало надъ другими. Ни на какое гражданство она не походила.

1342-й годъ. „Въ Солунѣ же Протостраторъ (первопостельничій), находясь, какъ мы сказали, въ нерѣшимости и явно недоумѣвая, къ которому изъ царей пристать, слегка относился къ дѣлу, и на такъ называемъ *Зилотовъ* (ревнителей), которые готовы были воевать съ царемъ Кантакузинымъ изъ за сына царя Палеолога, мало по малу умножавшихся, смотрѣлъ сквозь пальцы, частію боясь, чтобы не показаться прямо сторонникомъ царя Кантакузина, а частію видя, что въ Солунѣ не только войско, котораго было не мало, но и сильные изъ граждань, державшіеся царя Кантакузина, смотрѣли на дѣло съ небреженіемъ, и надѣясь, что, когда захочетъ, можетъ одолѣть черезъ нихъ Зилотовъ. Поелику же эти, по его нерадѣнію, сдѣлались немало значительными и возмутили народъ противъ сильныхъ, навѣрно зная, что Протостраторъ держитъ сторону царя Кантакузина, то народъ, напавши на тѣхъ (сильныхъ) всѣмъ множествомъ, выгналъ ихъ изъ города, человѣкъ съ тысячу, причемъ произошла схватка, въ которой были ранены и нѣкоторые изъ дома Протостратора. Нѣсколько человѣкъ были схвачены изъ сильныхъ, тѣ, которые не успѣли бѣжать вмѣстѣ съ другими при первомъ натискѣ. Забравъ же въ свои руки городъ, Зилоты устремились въ домà бѣжавшихъ, ломали ихъ, грабили имущество и прочее производили, что свойственно людямъ, преслѣдуемымъ нищетою и натолкнутымъ на обиды, въ чаяніи быстраго обогащенія. До такаго же дошли безумія и нахальства, что похитивши-

---

Не была она ни аристократическою ни димократическою, ни смѣсью того и другаго на подобіе Кипра или Рима, но какою то странною охлократіей, порожденной случаемъ. Ибо наиболѣе дерзкіе (люди), совокупившись въ самопоставленное сборище начальниковъ, преслѣдуютъ тамъ всякій возрастъ, направляя чернь городскую туда, куда имъ нужно, и отнимая имущество богатыхъ. Сами наслаждаются, и другихъ заставляютъ не подчиняться никакому государю отвнѣ, но считать закономъ то, чтó они придумаютъ». *Никифоръ Григорà.* т. II. стр, 795—96. Такъ охарактеризовалъ вѣчно мятежный Солунь современный историкъ, не отличавшійся сочувствіемъ къ Кантакузину!

крестъ изъ святилища, употребляли его вмѣсто знамени и говорили, что подъ нимъ они пойдутъ воевать, тогда какъ скорѣе водились тѣмъ, что воюетъ противъ креста. Если у кого изъ нихъ была насердка на кого нибудь, по поводу своихъ же преступленій, тотъ хваталъ крестъ и шолъ съ нимъ къ дому того, такъ какъ бы самъ крестъ того требовалъ! И сейчасъ же оказывалась надобность разрушить домъ до основанія при помощи народа, слѣдовавшаго за нимъ съ безумнымъ увлеченіемъ, въ видахъ добычи. Дня два или три Өессалоника была опустошаема точно непріятелями, и не было недостатка ни въ чемъ, что обыкновенно бываетъ въ завоеванныхъ городахъ. И днемъ и ночью побѣдители расхаживали толпами, крича и вопя, уводя и унося, что попало, у побѣжденныхъ. А эти со стонами прятались въ недоступныхъ мѣстахъ, довольные уже и тѣмъ, что не сейчасъ же умрутъ“... (Кантакузинъ II стр. 233—235. Изд. Бон.).

1343 годъ. „*Амуръ* отправилъ посольство къ Солунцамъ, увѣщевая ихъ по доброй волѣ покориться царю (Кантакузину) и передать ему городъ, обѣщая имъ, если послушаются, возвратить и плѣнниковъ. *Зилоты*, убоявшись, какъ бы державшіе сторону царя внутри города, воспользовавшись удобнымъ случаемъ и склонивши (къ себѣ) и народъ, переполошенный варварами и расчитывающій на возвратъ плѣнниковъ, не напали на нихъ и не переловили ихъ, предпочли пуститься на жестокость и убійства, чтобы застращать ими другихъ. И такъ, нѣкоего *Палеолога*, одного изъ наилучшихъ гражданъ, находившагося у себя дома (такъ какъ считался уже у нихъ на подозрѣніи), и неподавшаго ни малѣйшаго повода къ тому, чтобъ быть замученнымъ до смерти, вытащили изъ дома и закололи на народной площади. Ему отрубили голову, и разсѣкши трупъ на 4 части, развѣсили по одной части на четырехъ воротахъ городскихъ. Голову же, воткнувъ на копье, носили по городу, немилосердо влача (по улицамъ) внутренности убитаго. Нѣкоему же *Гавалѣ* изъ средняго класса отрубили сперва уши,

потомъ носъ, затѣмъ и другіе члены, послѣ чего и самого умертвили. Не мало и другихъ съ отрубленными ушами и носами присуждали къ вѣчной ссылкѣ и, отворивъ ворота, выгоняли за городъ". (Тамъ же стр. 393—394).

134⁵/₆. „Сейчасъ же (по умерщвленіи правителемъ города *Апокавкомъ* нѣкоего *Михаила* — тоже изъ фамиліи *Палеологовъ* — коновода Зилотовъ), Зилоты разбѣжались и попрятались въ норахъ. Народъ ни мало не огорчился участію павшаго, ибо не былъ и прежде того хорошо расположенъ къ Зилотамъ, такъ какъ они ругались надъ предметами божескими и человѣческими, ибо не только безстрашно обижали и грабили страну, но еще на улицахъ, наполнивъ водою нѣкоторыя цистерны, съ возженными свѣчами перекрещивали въ нихъ, кого успѣвали схватить изъ народа, воображая тѣхъ приверженцами царя Кантакузина, и какъ бы уже однимъ общеніемъ съ нимъ утратившими крещеніе. Отъ присутствовавшихъ же требовали денегъ „на праздникъ". Затѣмъ, напившись въ кабакахъ, пересмѣивали и другія христіанскія таинства. Судъ же (Божій) терпѣлъ, и громы медлили. Народъ, возненавидѣвъ такія ихъ неистовства, и разъ, воспользовавшись случаемъ, въ самомъ храмѣ „Нерукотворенной Богородицы" закололъ немилосердо нѣсколькихъ изъ нихъ, а одного волочилъ по площади и билъ то каменьями то попадавшимися полѣньями, пока тотъ и издохъ, волочимый" (тамъ же стр. 570—571).

1346 г. „Такимъ образомъ партія царя Кантакузина, преданная войскомъ, окончательно побѣждалась. *Кокала* же и *Палеологъ* (Андрей) выгоняли изъ Акры народъ, начинавшій уже грабить обитателей мѣста. Сами же, оставшись до ночи, разослали и солдатъ по домамъ, удержавъ при себѣ нѣкоторыхъ изъ друзей. *Апокавка* же (правителя города) съ гражданами числомъ не менѣе 100 человѣкъ — заключили въ тюрьму, что у крѣпости, и приставили къ нимъ стражу. На завтра же, чѣмъ свѣтъ, пришло войско изъ *Верріи*. Около полудня разнеслась молва,

что заключенные опять забрали *Акру* и соединяются съ Веррійскимъ войскомъ. Говорили, что слухъ этотъ пустили Зилоты нарочно, чтобы убить узниковъ. Народъ, снова взявшись за оружіе, пошолъ на Акру, предводимый яростію и виномъ. Тѣже, которые жили въ Акрѣ, убоявшись народнаго натиска, заперли ворота. Взошедши же на стѣны, молили (народъ), чтобы ихъ не губили, и обѣщались сдѣлать все, что имъ прикажутъ. Народъ приказалъ привести узниковъ, и сбросить къ нимъ со стѣны. Немедленно заключенные были приведены (всѣ) обнаженные [1]). Первый былъ сброшенъ Апокавкъ. Случилось же такъ, что онъ сталъ на ноги, и долго оставался такъ, ибо никто не смѣлъ коснуться къ нему. Потомъ одинъ изъ Зилотовъ подошелъ, и укоривъ другихъ въ мягкосердечіи, отрѣзалъ ему голову ножомъ, затѣмъ и другіе, стоявшіе около, начали рубить все тѣло. Потомъ сбросили и другихъ со стѣнъ по именному требованію Зилотовъ, и не все на одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ. Народъ же, стоявшій кругомъ, звѣрски и безчеловѣчно рубилъ ихъ, а инымъ и головы отсѣкали. Такимъ образомъ всѣхъ жестоко умертвили, исключая весьма немногихъ, укрытыхъ обывателями Акры. Присутствовали при рѣзнѣ этой и *Кокала* съ *Палеологомъ*, показывая видъ, что тяготятся происходящимъ, но не могутъ остановить изступленія народнаго. Затѣмъ народъ обратился оттуда къ домамъ, и еще умертвилъ нѣкоторыхъ гражданъ. Пришли и къ дому Кокалы, и, по наущенію Зилотовъ, потребовали *Фармака*, котораго тотъ укрывалъ, и который былъ ему шуриномъ, много значилъ у Апокавка, и озлоблялъ крѣпко Зилотовъ. Убоявшись тотъ, какъ бы народъ не покончилъ и съ нимъ, выдалъ родственника, который тутъ же и былъ убитъ народомъ. Говорили, что нѣкоторые изъ народа отвѣдали тогда и жира человѣческаго. Ибо, когда разру-

---

[1]) γυμνοί. Вѣроятно, одновначительно съ «обезоруженными». Ибо странно представить, зачѣмъ бы ихъ выводили голыми.

бали убитыхъ, внутренности ихъ вытекали, тогда одинъ кто-то въ крайней безчувственности набравши жира, отнесъ его домой. Жена же, не зная, откуда онъ взятъ, и полагая, что изъ какаго нибудь животнаго, вложила его въ горшокъ приправы ради. Узнала же обо всемъ, когда уже наѣлась"... (Тамъ же стр. 579—581).

Не довольно ли? Что тревожить кости покойниковъ? Видно, чѣмъ былъ когда-то Солунь. Дѣло не шло ни изъ за народности, ни изъ за вѣры, ни изъ за началъ политическихъ, а поражающія своею изступленною жестокостію дѣйствія совершались чуть не ежегодно въ несчастной странѣ, потерявшей голову! Все это передано намъ современникомъ и первымъ дѣйствующимъ въ тогдашней исторіи лицемъ, самимъ императоромъ *Іоанномъ VI Кантакузинымъ*. Конечно, объ всемъ, совершавшемся изъ за него въ Солунѣ (и во всей странѣ) онъ узнавалъ уже впослѣдствіи времени. Иначе, представить нельзя, какъ его несомнѣнно добрая и мягкая душа могла переносить разсказанные нами ужасы, и не отречься не только отъ своихъ притязаній на престолъ, но и отъ намѣренія поддержать распадающееся государство силою своего политическаго ума, въ которомъ оно дѣйствительно имѣло нужду.

Но былъ и миръ между вѣнценоснымъ тестемъ и зятемъ на короткое время. Іоанны V и VI-й сошлись между собою на условіяхъ, опредѣлявшихъ кругъ дѣятельности того и другаго, а вѣрнѣе сказать — подчинявшихъ одного другому. Въ предотвращеніе возможныхъ въ будущемъ столкновеній рѣшено было, чтобы старшій (Кантакузинъ) жилъ въ Константинополѣ, а младшій (Палеологъ) — въ Солунѣ, куда сей послѣдній и переселился въ 1350 г. вмѣстѣ съ женою, матерью (*Іоанною* или *Анною* Савойскою) [1]) и дѣтьми *Андроникомъ, Мануиломъ*

---

[1]) *Анна* кажется и прежде жила въ Солунѣ при свекрови, во время походовъ ея мужа противъ дѣда. Итакъ съ 1204 г. по 1355, въ теченіе полутораста лѣтъ въ Солунѣ

и *Ириной*. Солуню еще выпала доля утѣшаться зрѣлищемъ Императорскаго двора на цѣлые пять лѣтъ.

Въ концѣ исторіи Византійской Имперіи мы и еще разъ встрѣчаемся съ царскимъ сыномъ правителемъ, и даже какъ бы государемъ Солуня. Это былъ печальной памяти *Андроникъ*, братъ двухъ послѣднихъ самодержцевъ Византійскихъ *Іоанна* и *Константина*. Въ удѣлъ отъ отца (Мануила) онъ получилъ себѣ Македонію, и долженъ былъ имѣть своей резиденціей Θессалонику (θὲς ἄλλῳ νίκην!). Но, не надѣясь удержать въ своихъ слабыхъ рукахъ такой бойкій и такой политически испорченный, но стратегически важный пунктъ, этотъ послѣдній Палеологъ продалъ въ 1429 г. и городъ и все свое владѣніе Венеціанамъ за 50,000 золотыхъ монетъ (конечно, дукатовъ [1]). Черезъ годъ у новыхъ владѣтелей даромъ взяли все турки. Вышло странное совпаденіе при этомъ именъ. Первый Палеологъ — правитель возвращеннаго Имперіи Солунскаго царства, былъ *Андроникъ*. И послѣднимъ оказался тоже *Андроникъ*, прямой потомокъ перваго въ сед-

жили преемственно слѣдующія разноплеменныя царицы: Венгерка *Маргарита* (въ православіи *Марія*), жена Бонифація, безымянная *Француженка*, жена Θеодора Ангела—Комнина, Болгарка *Марія*, жена Мануила, брата Θеодорова, Испанка *Ирина*, жена Андроника старшаго, Армянка *Марія* (въ мон. *Ксенія*), жена со-императора Михаила, Итальянка *Іоанна* (въ православіи *Анна*), жена Андроника Младшаго, и наконецъ гречанка *Елена*, жена Іоанна V, Палеолога.

[1]) Судя по стихотворному разсказу *Іерака*, Императоръ Константинопольскій *Іоаннъ* ничего не зналъ о совершившейся продажѣ. У него былъ заключенъ мирный договоръ съ султаномъ (Амуратомъ), по которому этотъ не долженъ былъ трогать греческихъ (τῶν Ῥωμαίων) владѣній. Между тѣмъ онъ узналъ, что Азіатъ двинулся съ войсками забирать Македонію. Онъ пишетъ послѣднему укорительное письмо, обличая его въ нарушеніи договора. Султанъ отвѣчаетъ, что онъ челобитіямъ мирнымъ остался вѣренъ, греческой земли не трогаетъ, но хочетъ отнять Солунь у Венеціанъ, противъ чего императоръ не имѣетъ сказать ничего.. Такъ ли было, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, афера Андроникова можетъ быть названа, съ извѣстной точки зрѣнія, блестящею. «Тонкій» грекъ провелъ «тупаго» франка. По *Гаммеру*, однакоже выходитъ, что Солунцы сами продали себя Венеціанамъ, а Андроника, какъ неспособнаго, отправили къ братьямъ въ Пелопоннисъ.

момъ [1]) колѣнѣ. Городъ взятъ *Амуратомъ II* въ ночь подъ 1-е Марта 1430 г.

Ѳессалоника. 17 Мая 1865. Понедѣльникъ.

Заснуть удалось уже на свѣту. Голова трещала отъ напора стольких образовъ изъ давноминувшей жизни горда, преимущественно же изъ эпохи пресловутыхъ „Ветхословцевъ“, какъ наши мудрующіе праотцы переводили „Палеологовъ“. Наше ветхое или ветошное (т. е. съ столькими историческими дирами и нашивками) слово о нихъ стоило ихъ. Седмь поколѣній ихъ аллюзировались въ воображеніи моемъ „седмью тощими кравами“ египетскими, пожравшими столько тучныхъ династій Византійскихъ вѣнценосцевъ! И точно, это не были хищные звѣри въ родѣ римскихъ Кесарей и разныхъ Хановъ, Кагановъ, Султановъ.. для которыхъ жить значило не давать жить другому, а именно травоядныя кравы, истреблявшія передъ собою весь подножный кормъ до того, что не осталось чѣмъ жить самимъ... Миръ ихъ незавидной памяти! Отъ нихъ, главнымъ образомъ, и мы переняли свою вѣковую *жвачку*, которою пробавлялись, лежа на своихъ безграничныхъ лугахъ привольныхъ, столько времени, въ укоръ славному и грозному когда-то имени: *Русь* (Ρῶς).

Рѣшившись завтра отправиться въ дальнѣйшій путь, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще цѣлый день досуга. Пойти бы повѣрить хотя сколько нибудь мѣстность столькихъ археологическихъ извѣстій Солуня, обойти его стѣны, сосчитать ворота, высмотрѣть съ подходящаго пункта всю его упитанную кровью окрестность, отыскать его „Акру“, опредѣлить мѣстность цѣлаго десятка историческихъ пунктовъ, и пр. Но, не замѣтивъ ни въ комъ изъ компаніи особеннаго сочувствія къ подоб-

---

[1]) *Андроникъ. Михаилъ. Андроникъ. Михаилъ. Андроникъ. Іоаннъ. Мануилъ. Андроникъ.* Средніе шесть были императорами. Періодъ ихъ тянулся 183 года.

ной утомительной и безплодной экскурсіи, я отослалъ ее ad Calendas Graecas, какъ говорили средневѣковые ученые, но „тупые“ франки, надѣясь на возвратномъ пути остаться нарочно здѣсь дня на три для подобной работы. Однакоже, освѣжившись чаемъ и подкрѣпившись завтракомъ, мы нашли не только возможнымъ, но и необходимымъ (якобы для здоровья) пройтись куда нибудь. Чтобы проходка не была совсѣмъ безполезною, я направилъ компанію за городъ на гору къ монастырю *Чаушскому*, гдѣ есть цѣлый (памятный мнѣ по 1859 году) шкафъ древнихъ греческихъ рукописей. По дорогѣ заходили въ церковь Св. *Николая* начальническаго или княжескаго (Ἀρχοντικὸν). Отчего она такъ зовется? Не стояли ли встарину гдѣ нибудь по близости ея княжескія палаты? Гдѣ нибудь жили же столько Царицъ и Деспинъ со всѣмъ ихъ, конечно не малочисленнымъ дворомъ. Топографія многострадальнаго Солуня при всей своей отчаявающей путаницѣ указаній легче, чѣмъ во многихъ другихъ историческихъ мѣстахъ Востока, разъясняется существующими до сихъ поръ недвижимыми памятниками, въ родѣ бывшихъ церквей Св. Димитрія, Св. Софіи и пр. Если бы не существовало даже стѣнъ городскихъ, такъ ясно обозначающихъ древнее протяженіе города, уже самое море съ одной и гора съ другой стороны города служатъ ему неизмѣнной рамой и упрощаютъ задачу изслѣдованія. Вотъ мы и за городомъ. Поднимаемся на гору *Хортіата*, пріобрѣтшую не добрую славу предательства. Дѣло въ томъ, что когда Амуратъ держалъ въ осадѣ городъ, проживавшіе въ немъ монахи обители *Влатейской* послали письмо Султану, въ которомъ указали ему способъ овладѣть городомъ, давъ знать, что если онъ пересѣчетъ водопроводъ, снабжающій городъ водою изъ источниковъ Хортіатскихъ, то жители сдадутся, чтобы не умереть отъ жажды. Султанъ поступилъ, какъ ему было указано, и взялъ городъ. Въ благодарность за оказанную услугу, онъ взялъ подъ свою защиту и предателей и ихъ обитель, къ которой приставилъ и

своего чиновника (чауши), освободивъ ее отъ всякой подати въ казну. Съ тѣхъ поръ монастырь *Влатейскій* сталъ называться *Чаушскимъ*. Несомнѣнно онъ же назывался прежде и *Хортаитскимъ* отъ горы, на которой былъ выстроенъ, по близости источниковъ, доставляющихъ воду въ городъ. Мѣсто до сихъ поръ зовется „Монастыремъ“, но монастырскаго въ немъ одинъ только Игуменъ, котораго не грѣшно назвать и арендаторомъ. Братства при немъ никакого нѣтъ. Да и слѣдовъ того, что оно когда нибудь было и процвѣтало, тоже не видно. Монастырь безъ стѣнъ не мыслимъ, а накакихъ признаковъ, что онѣ когда-то тутъ стояли и возвышались, не замѣтно. Всѣ теперешнія постройки совершенно новыя. Церковь, правда, имѣетъ древній византійскій обликъ, но она очень мала для хорошаго монастыря, какимъ только и могъ быть пригородный Солунскій. Осмотрѣвъ церковь, мнѣ уже и безъ того хорошо извѣстную, мы отправились къ Игумену „взять кофе“, при чемъ естественно заговорили и о старыхъ книгахъ, прося почтеннаго отца дать намъ позволеніе взглянуть на нихъ. Въ видѣ аргументаціи ad hominem, я прибавилъ къ этому что, два русскихъ духовныхъ путешественника въ такихъ-то недавнихъ годахъ, пользуясь благосклонностію монастырскаго начальства, видѣли мемврамы обители, и путемъ печати сдѣлали ихъ потомъ извѣстными всему свѣту, отчего и намъ теперь желается взглянуть на то, чѣмъ любовались другіе. Старцу понравилось то, что о ихъ мѣстѣ знаетъ весь свѣтъ, но онъ съ достоинствомъ присовокупилъ, что мѣсто ихъ и безъ того славно своею единственною святынею, — *святою Купою* [1]). Я, конечно,

---

[1]) Съ какого времени стали показывать въ Чауши *Св. Купу*? По видимому очень недавно. По крайней мѣрѣ нашъ любознательный, и именно ad hoc настроенный паломникъ— изслѣдователь Барскій не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ. Предполагается, что при Тайной Вечери Господь употребилъ для чаши отрѣзокъ восточной тыквы, имѣющей видъ кувшина. Монастырь владѣетъ только малѣйшею частію ея. Вложенная въ серебряный ковшъ, наполняемый для каждаго посѣтителя мѣста вновь водою, часть эта можетъ скоро

согласился съ этимъ, только замѣтилъ, что святыня-то скрыта отъ пытливыхъ глазъ, а книги, благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло достойчтимой обители, открыты для всякаго... Мы нашли старыя рукописи уложенными въ томъ же самомъ шкафу, но съ бо́льшимъ порядкомъ. О. Игуменъ похвалился намъ и каталогомъ ихъ. Пересматривая книги и сличая съ каталогомъ, мы имѣли случай поправить и значительно пополнить сей послѣдній. Особенно замѣчательнаго чего нибудь несказалось для меня и на сей разъ въ довольно извѣстной на Востокѣ чаушской рукописницѣ. Тутъ же среди занятій мы устроили себѣ и незатѣйливый полдникъ (точнѣе бы: паужинъ) изъ яурти (нѣчто переходное между сметаной и кислымъ молокомъ) и плодовъ. Кромѣ мѣстныхъ иноковъ, раздѣлялъ съ нами трапезу и отдыхъ еще бывшій святогорецъ (съ Аѳона изъ монастыря Кутлумуша), теперь же эфимерій (приходской священникъ) Солунской церкви „Св. Николая Сироты". По случаю этого сиротства святителева выслушанъ былъ нами разсказъ, имѣющій къ нему отношеніе (сомнительное) изъ временъ Императора Ѳеодосія Великаго (истребившаго 7,000 Солунцевъ, и пр.). Естественно рѣчь перешла на бывалые мятежи Солунскіе. Я, насколько могъ припомнить, передалъ разсказы историковъ о многихъ битвахъ, бояхъ и побоищахъ Солунскихъ, и кстати спросилъ, не тутъ ли была, занесенная въ исторію, мѣстность: *Акра?* отвѣтомъ служили выразительно поднятыя брови, и ничего болѣе. Финаломъ нашей ученой экспедиціи было сидѣніе на балконѣ съ трубою въ лице городу и далекому Олимпу бѣлоснѣжному. Несравненно величественнѣе Македонскій Олимпъ соплеменника своего Мисійскаго, моего какъ бы сосѣда по Царю-

---

истлѣть отъ сырости. Не знаю, какимъ образомъ обстоятельство это укрывается отъ вниманія завѣдывающихъ дѣломъ. Легко предположить, что люди водятся при этомъ вѣрою въ неруши̇мость святыни. Но скептицизмъ не затруднится найти и *другой способъ* объяснить беззаботность или непредусмотрительность распорядителей такой драгоцѣнной вещи.

граду и, какъ по всему слѣдуетъ заключить, узурпатора славнаго имени. Кстати объ именахъ. Малоазійскій теперь называется „горою Монаха" (*Кешишъ-дагъ*), вѣроятно Преп. *Іоанникія,* спасавшагося тамъ. Македоно-Ѳессалійскій, судя по имѣющейся у меня картѣ, зовется: *Элимбо.* Вершина же его у турокъ носитъ имя *Челѐ,* въ чемъ очевидно слышится славянское *чело́.* Какъ не припомнить при этомъ этимологированія одного завзятаго славяномана, читавшаго въ имени *Парнасса* периФразъ „парня нашего", т. е. Аполлона. Съ меньшимъ смѣхуподобствомъ можно бы отыскивать что нибудь славянское въ имени *Олимпа* (Ὄλυμπος). Во первыхъ, звукъ: μπ совсѣмъ не эллинскій. Онъ придуманъ грамматистами для выраженія Латинскаго и варварскаго: b (б). Во вторыхъ, эллинское: υ встарину произносилось какъ наше: ю, или французское: u. Затѣмъ въ *Олимпѣ* мы открываемъ самымъ простымъ образомъ *Олюба.* Не находка ли это, достойная и мѣста, гдѣ мы сидимъ, и предмета, на который смотримъ.

Возвращаемся подъ гостепріимный кровъ нашего консульства. Стараемся идти мѣстами, гдѣ еще не были. Вечерній часъ прохлады вызываетъ жителей и тѣхъ, у кого нѣтъ дѣла, на улицу. Естественное многолюдство отъ того по пути нашему. Вдали видимъ весь тѣсный переулокъ загроможденнымъ людьми, движущимися и шумящими. Что это? Ужъ не повтореніе ли одного изъ стародавнихъ несочтенныхъ мятежей? Кажется вонъ я различаю въ толпѣ народной перехваченнаго сторонниками Палеолога, посла императора Кантакузина ко двору Сербскому, доставленнаго въ Солунь и переданнаго *Великимъ Дукомъ* (Адмираломъ) *Апокавкомъ* [1]) Солунской черни на посмѣяніе. То былъ нѣкто *Цамблаконъ,* очевидно чужеземнаго происхожденія, носившій, вѣроятно по тайному обѣту, монашеское одѣяніе. Матросы напялили

[1]) Отецъ упомянутаго выше Солунскаго Правителя, — заклятый врагъ императора Кантакузина.

ему на голову персидскій тарбуть, дали въ руки зажженыя свѣчи, и толкая его сзади въ... забѣгали впередъ, кланялись и кричали: „на! Кантакузинскій Патріархъ"! Историкъ замѣчаетъ, что на позоръ этотъ собрался почти весь Солунскій народъ. Это одна изъ самыхъ невинныхъ продѣлокъ неугомоннаго города. Теперь онъ очевидно кого-то хоронитъ, и конечно далекъ отъ всякаго неистовства и даже простаго скоморошества. Поколесивши болѣе, чѣмъ я ожидалъ, мы вышли къ дому своему ранѣе, чѣмъ я думалъ. Хозяевъ мы не застали дома. Дѣлали прощальные визиты „коллегамъ". Ибо рѣшено было, что насъ провожаетъ до Битоля самъ консулъ здѣшній. Отличное время выпало для отдыха. За позднимъ обѣдомъ шли разсказы о Персіи, извѣстной по личнымъ наблюденіямъ одному изъ сотрапезниковъ. Я вмѣшалъ въ нихъ и свой разсказъ о персидскомъ патріархѣ, когда-то съ торжествомъ ходившемъ по улицамъ Солуня и благословлявшемъ народъ зажженными свѣчами. Читатель легко догадается, что именно всего болѣе заняло слушателей въ" непотребной „исторіи. Вечеръ проведенъ былъ въ одномъ „русскомъ" домѣ, по усильной просьбѣ хозяевъ. Вмѣсто удовольствія, грусть навѣяло на сердце мое это посѣщеніе. Возможны разныя случайныя неудачи въ жизни. Утѣшеніемъ въ нихъ служатъ обыкновенно столько извѣстныя: „пройдетъ"? „До женидьбы заживетъ"! „Авось" да „не-бось"! Въ крайнемъ случаѣ повторишь стоически: „Что же дѣлать? Самъ виноватъ!" Но гдѣ найти утѣшеніе въ неудачѣ рожденія, — невольной, непоправимой, достойной жалости, но все таки, на судъ неумолимаго вкуса, неизвинимой.

Ночь глубокая. Въ домѣ тишина ненарушимая. Сна по вчерашнему нѣтъ. Послѣ напрасной борьбы съ безвременною бодростію, я не безъ досаднаго чувства всталъ и искалъ, чѣмъ бы скоротать оставшіеся до разсвѣта часы. Память, чуть не въ укоръ кому-то, иронически напѣвала выраженіе св. писанія: *спящіи въ нощи спятъ*. Было время, когда я по указанію нужды профессурной, долженъ былъ про-

ходить вниманіемъ это выраженіе Апостола, казавшееся мнѣ лишеннымъ особеннаго значенія. Съ тѣхъ поръ я зналъ, что слова эти находятся въ Апостольскомъ посланіи къ *Солунянамъ*. Благая мысль пришла теперь прочесть въ самой Ѳессаловикѣ съ лучшимъ вниманіемъ все, что писалъ Апостолъ языковъ въ Ѳессалоникскій домъ. Нашедши въ домѣ Новый Завѣтъ на Греческомъ языкѣ, я присѣлъ къ дѣлу. И самъ бы не повѣрилъ, сколько въ посланіи томъ оказалось для меня какъ бы совершенно новаго или по крайней мѣрѣ забытаго. Оставляю всеизвѣстныя капитальныя въ догматикѣ христіанской мѣста о *всеобщемъ воскресеніи*, о *второмъ пришествіи Христовомъ*, объ *Антихристѣ*, о *храненіи „преданія“*, объ *отлученіи безчинно ходящихъ* и пр., которыя всѣ сколько отъ самой мѣстности, гдѣ я, отъ времени, въ которое занятъ былъ чтеніемъ, столько же и отъ прочитыванія ихъ въ подлинникѣ, получали особую какую-то ясность или скорѣе близость къ понятію. Много вписалось отселѣ въ память мою мелкихъ изреченій духоноснаго учителя, которыя у питомца богословской науки должны имѣть значеніе азбуки. Таковы: *не всѣхъ есть вѣра. Не стужайте, добро творяще* [1]. *Мирствуйте въ себѣ. Да ходите благообразно къ внѣшнимъ*, и цѣлый рядъ другихъ краткихъ и глубокомысленныхъ внушеній, въ родѣ: *Всегда радуйтеся. О всемъ благодарите. Пророчества не уничтожайте. Духа не угашайте.* Особенно по сердцу мнѣ послѣднее. Слышалъ я его разъ, обращенное ко мнѣ лично отъ человѣка „съ большимъ духомъ“. А не такъ давно услышалъ и обратное признаніе изъ признательныхъ устъ: „а помните, какъ вы мнѣ сказали: духа не угашайте!“. Гдѣ все помнить? Особенно помнить то,

---

[1]) Въ подлинникѣ острота: μὴ ἐκκακήσητε καλοποιοῦντες, дающая не простой смыслъ: не утомляйтесь, дѣлая добро, а другой: не злитесь, когда взялись быть добрыми. Такая же острота чувствуется и въ выраженіи; *но благоволившіе въ неправдѣ*. По гречески: εὐδοκήσαντες ἐν τῇ ἀδικίᾳ.

что говорится не отъ своего измышленія? За то, къ сожалѣнію, иногда ни какъ не можешь забыть, когда назовутъ тебя „человѣкомъ съ душкомъ“ люди, у которыхъ не отыщешь ни духа ни душка, а одинъ запахъ...

Ѳерма. 18 Мая 1865. Вторникъ.

На прощанье назовемъ городъ его древнѣйшимъ именемъ, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ *Иродоту* и *Ѳукидиду*. А чтобы приманчивыя имена этихъ писателей не повлекли насъ за собою въ неисходимую глушь историческую, возвратимся къ тому, на чемъ остановились вчера. Послѣднія слова вчерашнихъ замѣтокъ нашихъ написаны очевидно подъ впечатлѣніями не Апостольскаго урока *не стужить*, а озлобленнаго тѣлеснаго сознанія, что не удалось, не смотря ни на что, подкрѣпить себя сномъ, что такъ нужно въ предстоящемъ путешествіи. „Тѣлеснымъ“ я назвалъ сознаніе только временно, въ ожиданіи, что подберется лучше опредѣляющее выраженіе. Къ счастію всемірный учитель человѣчества и тутъ готовъ помочь дѣлу. Онъ преподалъ Ѳолунянамъ урокъ не одной догматики и христіанской нравственности, а и психологіи. Первые они узнали отъ новаго учителя, что человѣкъ состоитъ не просто изъ „души и тѣла“, а изъ *тѣла, души* и *духа*. Такимъ образомъ, если не прямо тѣло могло имѣть упомянутое выше непріятное сознаніе, то и не духъ же, которому, какъ-видно, свойственно *непрестанно молиться, всегда радоваться* и т. под., т. е. быть далѣе или, какъ привыкли говорить, выше всего житейскаго и обыденнаго. Остается душѣ или, по выраженію нѣмецкой философіи, *Психѣ* [1]) приписать неумѣстную озлоблен-

[1]) Этою *Психою* надѣляютъ «мудріе земли» все животное царство отъ слона до инфузоріи, щадя старыя понятія о *душѣ* человѣческой. Идутъ ли они вмѣстѣ съ Апостоломъ въ этомъ случаѣ? Дѣло не казалось такимъ одному моему давнему знакомому и наставнику

ность ночную на то, что вышла неудача. Впрочемъ, *есть время всякой вещи подъ небесемъ.* Пришло оно наконецъ и для сна. Солнце застало насъ всѣхъ спавшими, и долго дожидалось, пока мы, подобно ему, вышли на дѣло свое и на дѣланіе свое. Въ половинѣ 9-го часа, однакоже, всѣ уже были на ногахъ. Начались сборы и приготовленія. Привели для показа лошадей, которыя понесутъ насъ дальше предѣловъ Македоніи, до славнаго града *Монастыря.* Предложено для покупки „мягкое" сѣдло туземное, оцѣненное въ полторы турецкія лиры. Не безъ смущенія отнесся я къ нему. Можетъ быть на цѣлый мѣсяцъ оно должно будетъ замѣнить мнѣ мое спокойное и безопасное кабинетное кресло. Всегда мнѣ казалось, что тотъ, кто первый ввѣрилъ свою жизнь коню, былъ истинный герой. При такомъ взглядѣ на верховую ѣзду, понятно мое смущеніе. Находить же удовольствіе въ ней и еще болѣе — пристраститься къ ней по-киргизски или по-бедуински, никакъ не укладывается въ мою мыслительную рамку. Судя же по всему, компанія, къ которой я долженъ примкнуть сегодня, состоитъ почти вся изъ лихихъ наѣздниковъ. Мнѣ просто страшно ѣхать съ вами, сказалъ я спутнику, полный заботы о томъ, какъ и что будетъ. — А безъ насъ еще страшнѣе, — спокойно отвѣтилъ онъ... Утѣшилъ!

На общество наше напала патріотическая охота учинить Консульскій съѣздъ въ *Битолѣ,* чтобы „задать страху", кому слѣдуетъ. Задумали, потому, пригласить по телеграфу тудаже и нашего консула въ *Янинѣ.* Отправились въ телеграфню. Грозно-таинственная сила природы была немедленно къ услугамъ нашимъ. Опережая мысль, она понеслась съ нашимъ запросомъ за горы и долы, поля и лѣса въ необъятность пространства къ славной *Додонѣ* въ ея новое прорица-

---

(уже покойному) Богослову—философу. Припоминаю, съ какою тончайшею ироніею произносилъ онъ это, взятое на прокатъ наукою, слово. На губахъ его фальшиво подсвистывали оба слога: *иси* и *хе*!

лище. Какъ не подумаешь въ самомъ дѣлѣ, что стоустый боръ Додонскій, весь звучавшій и звенѣвшій когда-то по манію невидимаго дѣятеля, былъ въ свое время тоже электризуемъ какимъ нибудь Промиѳеемъ, укравшимъ у будущаго божества его запрятанный и еще не выявленный огонекъ.. Прежде чѣмъ я могъ бы написать это, изъ прорицалища пришелъ отвѣтъ: „г. Консула нѣтъ. Онъ отправился въ Охриду". Нѣчто въ родѣ дрожи пробѣжало по членамъ моимъ отъ этого, не подходящаго ни подъ какое соображеніе, переговора. *Кто-то* успѣлъ въ три-четыре минуты побывать существенно, дѣйствительно, какъ бы-*лично* въ далекомъ Эпирѣ и прибѣжать оттуда обратно съ донесеніемъ, даже не запыхавшись. Да покажись же, кто ты такой, ужъ если не глазамъ, то разсудку! Напрасное усиліе заглядывать въ непостижимое! Я присѣлъ на скамейку, и какъ бы потерялъ способность слова. Да! Иное дѣло знать что нибудь, и даже разсуждать и писать о немъ, и иное — видѣть его. Понятно, отчего наука перестала заниматься и духомъ и душею и самымъ тѣломъ — слишкомъ старыми и какъ бы уже выдохшимися предметами, и стоитъ восторженная съ разинутымъ ртомъ, подобно Пиѳіи, передъ безыменною новинкою, окрещенною ею старою кличкою *силы!* Не духъ она, это доказывается вещественнымъ снарядомъ. Не тѣло; это ясно изъ ея бѣготни сумасводной. И не души конечно; ибо вотъ теперь она мертва. Древніе не усумнились бы отыскать въ ней прямо божество, и были бы въ бо́льшемъ правѣ, чѣмъ нынѣшніе, изгоняющіе ею Бога. Къ чести послѣднихъ развѣ сказать, что они послѣдовательны. Ибо — *духъ есть Богъ,* по писанію. А если нѣтъ духа, то нѣтъ и Бога. Но пусть бы и они, вмѣстѣ съ Солунянами, вняли слову Апостола: *духа не угашайте.*

За множествомъ хлопотъ, предположенный рано утромъ завтракъ едва состоялся въ полдень. Въ 2 часа съ небольшимъ мы простились съ гостепріимнымъ домомъ. Черезъ два-три переулка мы очутились передъ городскими воротами, именуемыми *Вардарскими* отъ сосѣдства рѣки этого имени. Еще мало, и мы за городомъ. Солунь не надоѣлъ, но и не привязалъ къ себѣ. Оттого прощаніе съ нимъ было „безъ многихъ слезъ“, говоря языкомъ панегириковъ. Впрочемъ, не всѣ мы вдругъ покинули городъ. Двое изъ компаніи остались доканчивать визиты [1]. Насъ осталось собственно трое, но къ намъ присталъ одинъ Болгаринъ, житель лежащаго на пути нашемъ города, русскій подданный. Пятый былъ почтарь Консульства, старый *Търпко*, тоже болгаринъ, взявшійся быть проводникомъ нашимъ, на попеченіи и отвѣтственности котораго были наши подводы со всѣмъ багажомъ. Оба эти спутника были христіане, и притомъ православные. Шестой всадникъ былъ кавасъ Консульскій, магометанинъ. Почти за самыми стѣнами городскими открылось впереди къ западу и сѣверу ровное поле съ мягкою землею, на ту пору года сплошь покрытою зеленью. Первыя впечатлѣнія дорожныя были оттого весьма пріятныя [2]. Склонявшееся къ западу солнце не палило насъ, хотя ослѣпительными лучами и мѣшало намъ любоваться панорамою моря и стоявшей за нимъ громады свѣтлосіяннаго Олимпа, принимавшей естественно съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ новыя и новыя очертанія. Черезъ часъ съ

---

[1]) Одинъ Александръ, другой Александровичъ — они шутя говорили намъ, что не только догонятъ насъ, пустившись въ путь часа два послѣ насъ, но и перескочатъ черезъ насъ, съ тѣмъ, чтобы въ Пеллѣ вмѣстѣ съ Александромъ В. поздравить насъ съ пріѣздомъ.

[2]) Приморская эта область у древнихъ географовъ зовется *Амф-акситида*, что въ переводѣ будетъ значить: по обѣ стороны *Аксія* (рѣки), или короче: *Приаксье*. Въ ней они ставятъ и самую *Ѳерму* или *Ѳессалонику*.

небольшимъ пути, мы достигли перваго „хана“, т. е. по нашему корчмы. Такъ какъ ѣхали мы вообще быстро, то и оказалась надобность сдѣлать минутный отдыхъ у хана. Крѣпость Солунская еще была видна вдалекѣ, но море уже — прощай! Привыкнувъ смотрѣть на него ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ-то страннымъ находишь не видѣть его, и испытываешь чувство лишенія, даже какъ будто стѣсненія или и прямо неволи. — Вы не скучаете за моремъ, спросилъ я спутника, ходившаго около лошади и расточавшаго ей незаслуженныя похвалы. Я-то? Да я только теперь выплываю въ море, отвѣчалъ онъ, — въ море... славянства, добавилъ завзятый славянофилъ. — Ну, смотрите, какъ бы не случилась съ вами морская болѣзнь, замѣтилъ на это другой спутникъ. — Мнѣ въ первый еще разъ доводилось увидѣть за предѣлами отечества осѣдлое славянство, и я совсѣмъ не зналъ, какъ отнесусь къ этому невиданному явленію. А оно было уже, такъ сказать, подъ носомъ у насъ. Въ ханѣ хозяйствовалъ Болгаринъ. Садимся на лошадей, и опять съ тою же быстротой, по мнѣнію моему совсѣмъ напрасной, несемся впередъ. Я все поджидалъ впереди какой нибудь рощи, если уже не дремучаго лѣса, которому такъ умѣстно бы вырости на такой обширной и тучной равнинѣ, орошаемой, судя по картѣ, тремя или четырьмя рѣками. Но дорога все шла пустынею, по крайней мѣрѣ по близости ея не видѣлось мнѣ нигдѣ селитвы человѣческой. Еще ханъ, похожій на прежній. Тамъ мы нашли упредившаго насъ г. *Сидо*, о которомъ говорено выше. Человѣкъ хотя не старый, но „обстоятельный“, какъ его назвали бы у насъ, предпочелъ ѣхать тихонько, щадя свои трудныя кости, и зная, что чѣмъ тише ѣдешь, тѣмъ дальше будешь. Оттого онъ выѣхалъ съ мѣста за часъ до насъ и пріѣдетъ черезъ часъ послѣ насъ, куда слѣдуетъ, но будетъ тамъ спокойно расхаживать, когда мы будемъ лежать, какъ убитые. Онъ не замедлилъ вознесть намъ хвалу за нашу быструю ѣзду. Но спросилъ бы чего стоила намъ похвала его. Я, по крайней

мѣрѣ, чувствовалъ себя крайне истомленнымъ. Македонецъ остался на мѣстѣ дожидаться консуловъ, а мы понеслись далѣе. Вскорѣ дорога наша уперлась въ рѣку съ быстрымъ теченіемъ и мутною водою. — Это и есть Вардаръ? — спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, это притокъ или рукавъ его. Дѣйствительно, онъ не на столько широкъ, чтобъ быть ему *великою рѣкою,* которую въ Солунѣ мнѣ отрекомендовали, какъ достойную соперничать съ нашимъ Днѣпромъ. Притокъ этотъ не широкъ и не глубокъ, и къ концу лѣта бываетъ, какъ говорятъ, до того маловоденъ, что переѣзжается въ бродъ. Теперь же воды въ немъ было столько, что для переправы на тотъ берегъ служитъ паромъ. И насъ и лошадей нашихъ уставили на него безъ малѣйшаго промедленія и благополучно перевезли на онъ полъ. Карта однакоже не указываетъ на мѣстахъ этихъ ни какого притока ни рукава Вардара, а взамѣнъ того ставитъ тутъ совсѣмъ отдѣльную рѣку Gallicó. Названіе до того ясно [1]) выдаетъ свое происхожденіе, что остается, кажется, только подыскать подходящій историческій фактъ пребыванія когда-то тутъ *Галловъ,* которые и дали рѣкѣ свое имя. Но подыскать-то такой фактъ и не представляется дѣломъ легкимъ. Что онъ не можетъ относиться къ эпохѣ нашествія Галловъ на Востокъ во время крестовыхъ походовъ, это ясно уже изъ того, что въ тѣ поры Галлы уже назывались франками или французами. Можетъ ли быть отнесенъ къ эпохѣ Римской, не знаемъ. Думаемъ, что въ такомъ случаѣ географы I—II столѣтій по Р. Х. упомянули бы о немъ. Въ глубокой древности рѣка называлась *Эхѣдоръ* (по Иродоту: *Эхйдоръ*), что значитъ: „имѣй (или имѣеть) даръ". Имя на столько греческое, что мы не смѣемъ даже приблизить къ нему что нибудь варваро языческое. Не смотря, однакоже, на приписываемый

---

[1]) Еще яснѣе оно становится по греческому произношенію: Γαλλικό (ποτάμι), съ удареніемъ на концѣ.

Галликò[1]) *даръ,* онъ въ то самое время, какъ въ первый разъ попалъ въ исторію, ославилъ себя именно бездарностію. Это было въ *Ксерксово* знаменитое нашествіе на Грецію. Несчетная армія азіатская имѣла днëвку въ мѣстахъ этихъ, подвигаясь отъ Ѳракіи къ Ѳессаліи. Истомленная долгимъ переходомъ по Ѳермейской равнинѣ подъ палящими лучами солнца, она съ жаждою Израильтянъ въ пустынѣ *Сина,* стремилась къ обѣщанной вожатыми рѣкѣ, но Эхидоръ показалъ ей свое сухое дно... Гдѣ Персы достали себѣ воды, историкъ (Иродотъ VII, 127) не говоритъ. На память случая, мы зачерпнули съ парома рукою воды и умыли припеченныя солнцемъ лица. Пить ея не хотѣлось ради отталкивающаго ея цвѣта. За рѣчкою продолжалась все таже необозримая равнина то глинистая, то песчаная, но дорога чуть замѣтно стала подниматься „по вершку на версту", какъ острятъ у насъ на счетъ крутыхъ подъемовъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Еще ханъ, и еще минутъ на 10—15 отдыхъ. Утомленіе переходитъ въ изнеможеніе. Усердный и сердобольный ханьджи нашелъ, что единственное средство намъ возстановить свои силы (и его торговый балансъ) есть — выпить. Намъ поднесли по стакану крѣпкаго краснаго вина. Напитокъ оказалъ двойную услугу, и ободрилъ насъ и утолилъ жажду, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ покоя для желудка, по меньшей мѣрѣ — тихой ѣзды. Не смотря на то, кто-то другой незримый, скрывавшійся въ немъ, погналъ насъ, на перекоръ благоразумію, еще шибче прежняго по широкой степи. На всякое возраженіе одинъ былъ отвѣтъ, казавшійся на тотъ разъ

[1]) У *Іоанна Кантакузина* (XIV в.) имя рѣки читается: Γαλυκὸς — Галикъ (т. I, стр. 456. Бон.), необъяснимое изъ греческаго языка, и слѣдовательно, инородное. Какъ не придти на мысль, при этомъ, нашему русскому *голику?* Только не знаемъ, извѣстенъ ли онъ подъ этимъ же именемъ южнымъ славянамъ. Въ подспорье ему годилась бы еще наша *галька,* усѣевающая собою именно такія рѣки, отъ которыхъ Ксерксы уходятъ съ удвоенной жаждой.

весьма убѣдительнымъ и основательнымъ: скоро начнутся горы, и тамъ уже по неволѣ поѣдешь тихо. Такъ мы неслись, защищаясь зонтикомъ отъ впивавшагося въ глаза солнца, болѣе часа. Къ утѣшенію моему, встрѣтилась давно ожидаемая задержка. Дорога уперлась въ великую рѣку *Вардаръ*, дѣйствительно стоющую своей славы. Черезъ нее построенъ деревянный мостъ въ недавнее время, длиною въ 600, шириною въ 6 метровъ, весьма жиденькій и конечно недолговѣчный [1]. Одинъ острякъ — туристъ находитъ въ немъ сходство съ тѣмъ мостомъ изъ натянутаго волоска, по которому души мослемовъ будутъ переходить, по смерти ихъ, въ рай. Такое сближеніе предметовъ, относящихся къ мірамъ, ни въ чемъ другъ съ другомъ несходнымъ, отразилось какъ будто на нашемъ обществѣ. Одному оно внушило мысль идти пѣшкомъ по мосту, другаго подбило пронестись по нему рысью, на память какого-то, рыскавшаго тутъ, доблестнаго царя Болгарскаго. Было довольно времени, чтобы разсмотрѣть рѣку и сравнить ее съ „пѣнистымъ Днѣпромъ — рѣкой“. Далеко имъ — южнымъ, хотя бы и длиннымъ и широкимъ, потокамъ до нашихъ тихихъ, чистыхъ и величественныхъ рѣкъ! До Вардара отъ Солуня считается 4 часа пути, т. е. верстъ 20. Съ разными остановками и у насъ ихъ вышло равно столько же. По обѣ стороны моста есть домики для отдохновенія. Одного котораго нибудь изъ нихъ мы никакъ не могли миновать. Въ нашемъ „сакъ-виважѣ“ отъ стакана вина и быстрой ѣзды дотого все переболталось, что малѣйшее сотрясеніе на лошади упиралось коломъ въ грудь. Разумѣю собственно себя. И такъ пришлось посидѣть на златыхъ берегахъ *Аксія* въ ожиданіи, пока „животъ заживётъ“. Именемъ „Аксія“ рѣка называлась еще въ то время, когда

---

[1]) Книга: Les Turques etc. сообщаетъ, что мостъ выстроенъ христіанами, по принудительной работѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, и что строившей его Паша Солунскій нажилъ при этомъ милліонъ (чего́, неизвѣстно).

ее стократно переѣзжалъ, безъ сомнѣнія, Александръ Македонскій. Можетъ быть она имѣла и другое туземное названіе, но эллиноманія царствующей династіи выгнала варварское слово и почтила главную рѣку Македоніи именемъ *Достойной* (ἄξιος[1]), конечно — ποταμὸς). Когда это имя исчезло изъ исторіи, не можемъ сказать. Вѣроятно позже владычества Римскаго. Римляне во 1-хъ не насиловали вообще туземныхъ именъ, а передъ греческими даже благоговѣли, а во 2-хъ, если бы захотѣли отнять у „Достойной“ не соотвѣтствующее можетъ быть по ихъ понятіямъ имя, то уже конечно нашли бы въ своемъ языкѣ имя не хуже, чѣмъ: *Вардаръ*. Что теперешнее имя звучитъ по турецки, объ этомъ, кажется, и говорить излишне. А между тѣмъ оно встрѣчается уже, безъ всякаго измѣненія, у *Анны Комниной* (XII в.), и съ измѣненнымъ окончаніемъ (Βαρδάριος — Вардарій) у *Кодина*, когда никакихъ турковъ еще не было въ мѣстахъ этихъ. Комуже, потому, быть творцомъ его, какъ не Болгарамъ, заселившимъ край въ Византійскую его эпоху? Если же *Вардаръ* мало звучитъ по славянски, то вѣдь и *Бо́лгаръ* или *Бугаръ* (ка̀къ самъ себя зоветъ сельскій болгаринъ) тоже смахиваетъ, пожалуй, на туречину или татарщину. Да и цѣлая половина слова развѣ не есть славянское: *даръ*[2])? Но, довольно филологіи.

---

[1]) Правда, что удареніе въ названіи рѣки стоитъ на послѣднемъ, а не на первомъ слогѣ, но это мало измѣняетъ сущность дѣла. У насъ есть фамиліи *Мертва́го*, *Хитров́ъ*, очевидно вышедшія изъ: Мёртваго, Хи́траго (род. падежа).

[2]) Зато другая половина могла бъ быть чисто турецкою. *Варъ* значитъ: есть, имѣется по гречески ее перевести нельзя, какъ только словомъ: ἔχει. Припомнимъ же, при этомъ сосѣднiй Эхи-доръ. Конечно, это игра случая. Не прямѣе ли искать корня Вардаръ въ Армянскомъ языкѣ, подарившемъ Византійской исторіи имена Варды, Вардана, Вардабурія, и пр.? Армяне не малое время занимали престолъ Константина. Самый Василій (Македонянинъ) происходилъ, по изслѣдованіямъ современныхъ ему историковъ, отъ царскаго (еще бы!) рода Арсакидовъ. А *Левъ* V Армянинъ, послѣ войны съ болгарами, занимался возстановленіемъ городовъ Македоніи. Что мудренаго, если при этомъ *обновилъ* (въ Церковномъ смыслѣ, т. е. освятилъ, окрестилъ) и самую рѣку какимъ нибудь, роднымъ ему именемъ?

Громче ея раздается на берегахъ Вардара исторія. Можно бы утвердительно говорить, что ничьей столько крови не унесла въ великое море широкая рѣка, какъ славянской. Довольно сказать, что истоки сего славено—греческаго Рубикона находятся на *Коссовомъ полѣ*. На Вардарѣ, грозный для Византіи Болгарскій властель *Самуилъ* покрылъ себя безсмертнымъ позоромъ бѣгства отъ лица императора Василія II (въ 1002 г.), оставивъ ему въ добычу весь свой станъ. Черезъ 340 лѣтъ послѣ того, другой славянскій царь изъ самыхъ видныхъ въ своей исторіи — *Стефанъ Душанъ* также неудачно столкнулся на Вардарѣ съ силами угасавшей имперіи, если не на этомъ самомъ мѣстѣ, то по близости его. Позавидовавъ императору (Кантакузину, съ коимъ былъ въ полномъ мирѣ), забиравшему у соперника своего Палеолога Македоно-Θессалійскіе города, надъ которыми уже неоднократно властвовали Сербскіе крали, самозванный „самодержецъ" славянскій подкараулилъ грека на Вардарѣ, и, снесшись съ врагами его въ Солунѣ, положилъ истребить его со всѣмъ его войскомъ. Палеолога не боялся Душанъ, а другъ — Кантакузинъ сидѣлъ у него бѣльмомъ на глазу. Планъ засады былъ такой: Императоръ шелъ отъ Солуня (остававшагося на сторонѣ Палеолога) въ города Македоніи, объявившіе себя на сторонѣ его, и долженъ былъ, потому, переправляться черезъ Вардаръ. Такъ какъ для сего требовались лодки, а ихъ не могло быть много, то императорское войско по необходимости должно было учинить переправу въ нѣсколько пріемовъ. Сербская дружина укрывалась на противоположномъ берегу. Первую партію солдатъ, въ которой по расчету долженъ былъ находиться и самъ императоръ, она такимъ образомъ безъ шума истребляла всю, задержавъ и доставившія ея лодки. Въ тоже время Солунцы нападали въ тылъ оставшемуся за рѣкой войску, и дѣло все порѣшалось разомъ — Душанъ овладѣвалъ завардарьемъ, а союзники избавлялись отъ императора — intrus. А о томъ, что въ случаѣ торжества Кантакузина, занятыя чужеземцами

части имперіи возвращались къ нему, а съ пораженіемъ его терялись совсѣмъ для имперіи, ни отличные „зилоты", намъ уже столько извѣстные, ни самъ хитрый вождь ихъ, и на тотъ разъ администраторъ всей державы Палеолога, не подумали! Лишь бы малые подручные интересы близорукости были удовлетворены, а затѣмъ — „хоть трава не рости", по славянской пословицѣ! И теперь не рѣдкость услышать отъ эллинскихъ патріотовъ внушительно повторяемое выраженіе пѣсни церковной: „зависть не вѣсть предпочитати полезное", а при первомъ же случаѣ, у нихъ же самихъ, пресловутая „ідіотéлія" (своецѣліе) и предпочтетъ полезное Богъ знаетъ какому! Расчетъ союзниковъ Вардарскихъ не оправдался. Какой-то габровецъ (очевидно славянинъ) изъ за рѣки сообщилъ о засадѣ Кантакузину и указалъ мѣсто, гдѣ можно перейти рѣку въ бродъ. Все войско устремилось вдругъ за рѣку. Освѣдомившись объ этомъ, Трибаллы (Сербы) побѣжали къ мѣсту переправы и пустили тучи стрѣлъ въ густую массу, но уже было поздно. Войско дружно выходило на берегъ. Оставалось засадникамъ послѣдовать другой славянской поговоркѣ: „подай Богъ ноги"! Душанъ, конечно, не замедлилъ извиниться передъ „другомъ" въ случившемся недоразумѣніи, и даже выслалъ къ нему на расправу виновныхъ яко бы полководцевъ... Довольно для „Достойной" рѣки этихъ двухъ недостойныхъ случаевъ со знаменитѣйшими именами старо-славянской исторіи. Несмотря ни на силу, ни на хитрость, ни на что, не удалось Душанамъ овладѣть настоящимъ образомъ ни Ѳракіей ни Македоніей. Что бы это могло значить? Полагаемъ, что и младенецъ угадаетъ, что́ именно. Съ незапамятныхъ временъ мы (по крайней мѣрѣ, мы — русскіе) приказываемъ „всякому сверчку знать свой шестокъ". А историческій fatum, кажется, не менѣе ясно и гласно и всякому славянину указываетъ знать свой уголокъ. Урокъ ему въ этомъ часто упоминаемые нами „патріоты", которые съ доисторическихъ временъ вездѣ суются по чужимъ угламъ, и которыхъ отвсюду по-

томъ, рано или поздно, выталкиваютъ обратно въ ихъ классическій шестокъ.

Никакихъ знаковъ оставленной рѣки уже нѣтъ. Продолжается все таже равнина, все еще подзадоривающая спутниковъ „прибавить шагу", вопреки заключенному на Вардарѣ условію жертвовать прихотью нехотѣнію, несмотря на то, гдѣ какое окажется большинство голосовъ. Кромѣ общей всетѣлесной усталости, я чувствовалъ еще жгучую мѣстную боль въ лѣвой ногѣ, объясненіемъ которой некогда было заниматься. Всѣ мысли сосредоточивались на одномъ — добраться какъ нибудь заживо до хана, гдѣ условлено было остановиться. Солнце уже давно зашло. Къ сѣверу не подалеку обозначились темныя массы горъ или холмовъ. Мелькнулъ тамъ же и огонекъ. Кто нибудь развелъ его и сидитъ около него, подумалъ я и позавидовалъ воображаемому счастливцу. А нашей дорогѣ конца нѣтъ! Но чуть я произнесъ мысленно эту жалобу, впереди насъ забѣлѣла какая-то скромная постройка, похожая не то на мельницу, не то на раззоренную часовню. А все же не онъ, не ханъ столько желанный! Однако, подъѣхавъ ближе, мы увидѣли въ сторонѣ отъ постройки за холмомъ нѣсколько къ югу и жилой домъ съ огороженнымъ дворомъ при немъ. То былъ дѣйствительно ханъ. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что мы доѣхали до именитой *Пеллы*. Нехотя отдалъ я поклонъ славному мѣсту, потому что, сползши съ коня, не могъ держаться на ногахъ и упалъ на землю.

Съ полчаса мы лежали, какъ убитые, безъ движенія на какомъ-то высокомъ крыльцѣ, въ родѣ нашихъ сѣнныхъ повѣтей, на которое взобрались по лѣстницѣ, достойной упомянутаго выше магометанскаго волоска. Блаженства отдыха передать нельзя словами. Недоставало только какого нибудь плѣнительнаго вида для глазъ. Впрочемъ, зрѣніе съ удовольствіемъ впивалось въ купу сосѣднихъ деревьевъ огромной высоты къ югу отъ хана, далѣе коихъ разстилалось широкое поле,

съ котораго уже расходилась вечерняя сырость. Пахло даже просто болотомъ, близость котораго знаменовали и распѣвавшіе въ воздухѣ свою вечернюю зорю миріады комаровъ. Мѣсто пригодное для любой русской деревни по своей плоскости и невзрачности. А между тѣмъ когда-то тутъ была столица большаго царства, препрославленная на весь свѣтъ и на всѣ времена рожденіемъ великаго человѣка. Въ день рожденія славнаго царевича на кровлѣ царскихъ палатъ сидѣли съ утра до вечера два орла. Теперь же, на диво и на утѣшеніе намъ, изъ густыхъ вѣтвей древесныхъ вылетали и носились надъ нами вереницы галокъ, давно уже невиданныхъ мною. Орламъ тутъ нечего больше дѣлать. Самое имя *Пеллы* давнымъ давно исчезло. Ханъ носитъ имя: *Баня* (Bania), заимствованное вѣроятно отъ упомянутой развалины. Впрочемъ, резиденція царя Филиппа была въ верстѣ, или около того, сѣвернѣе мѣста, гдѣ мы остановились, въ теперешней деревушкѣ: *Аллах-клисѧ* (Божія церковь), а по болгарски: *Палáтица*, на высшемъ сравнительно мѣстоположеніи [1]). Еслибъ не было такъ

---

[1]) По крайней мѣрѣ, другихъ значительныхъ развалинъ въ этой части Македоніи не находятъ. Но судя потому, что древніе писатели — Греческіе и Латинскіе — сообщаютъ о *Пеллѣ*, и это мѣстоуказаніе ея можно бы считать сомнительнымъ. По Страбону (Ż) «отъ (устья) рѣки *Лудія* до Пеллы надобно плыть вверхъ 120 стадій». Изъ этого видно, что Пелла стояла при рѣкѣ или точнѣе при озерѣ *Лудіѣ*, изъ котораго вытекала рѣка тогоже имени. Озеро же наполнялось водою изъ какого-то притока Аксія (Вардара). Еще обстоятельнѣе говоритъ о мѣстоположеніи Пеллы *Титъ Ливій* (кн. 44. гл. 46). По нему, Пеллá «лежитъ на холмѣ, по скату его къ зимнему западу. Окружаютъ ее болота съ водою, стоящею и зимой и лѣтомъ на одной высотѣ. При разливѣ, изъ нихъ образуется озеро. На ближайшемъ къ городу болотѣ возникаетъ, на подобіе острова, зáмокъ, выстроенный на отличной работы плотинѣ, которая держитъ на себѣ стѣны и нимало не терпитъ отъ окружающей влаги. Издали кажется, что городъ соединенъ съ стѣнами (замка). А(между тѣмъ) онъ отдѣленъ отъ нихъ рѣкою и соединяется только мостомъ, такъ что если бы кто напалъ (на замокъ) совнѣ, не имѣетъ доступа ни съ какой стороны, ни тотъ, кого бы царь заключилъ въ него, не можетъ убѣжать иначе, какъ по мосту, который легко устрожить». Все это, столь подробное описаніе Филипповой и Александровой резиденціи, какою она была

поздно, и еслибъ не полное обезсиленіе тѣлесное, рѣшился бы взглянуть на знаменитое мѣсто. Теперь же остается, по обычаю, отложить это удовольствіе до „возвратнаго пути", и ограничиться посѣщеніемъ сосѣдней развалины. Почти совсѣмъ уже стемнѣло, когда я доплелся до нея, и потому разсматривалъ ее сколько глазами, столько же и руками. Это есть квадратный, шаговъ въ 8, довольно высокій водоемъ со сводомъ, весьма обыкновенной каменной кладки. Съ сѣвера къ нему (предположительно отъ бывшаго города) направляется низкій водопроводъ. Больше ничего нельзя было выслѣдить. Сомнительно, что бы это когда-то былъ храмъ, какъ полагаетъ г. *Вуе*. Шумъ листьевъ сосѣднихъ платановъ и крикъ далекой совы съ глухою кругомъ пустынею и вечернимъ сумракомъ навѣвали тоску на сердце. Возвращаясь къ мирному пріюту своему, я утѣшенъ былъ зрѣлищемъ шумящаго и выбрасывающаго искры самовара, что вѣрно не видалъ въ свое время исходившій землю *Александръ*. Если бы и онъ, подобно намъ, пилъ въ перемежку то прохлаждающее вино, то согрѣвающій чай, вѣрно не умеръ бы такъ неожиданно рано.

Чуть мы принялись за чай, послышался къ востоку за холмомъ конскій топотъ. То были оставшіеся въ Солунѣ два спутника. Съ прибытіемъ ихъ все приняло у насъ оживленный видъ. Рѣчь, вмѣстѣ съ кипящей водой самовара, полилась черезъ край. „Однако вы скоро должно быть ѣхали", замѣчено было намъ отсталою компаніей. — За то не скоро опять поѣдемъ — осмѣлился замѣтить я, или точнѣе — неспросившійся хозяина языкъ мой. — Ну, объ этомъ „будемъ подумать", отвѣчали мнѣ вновь прибывшіе, повидимому не разумѣющіе ни

во время завоеванія Македоніи Римлянами, повидимому совсѣмъ не соотвѣтствуетъ мѣстоположенію, пріурочиваемому теперь для Пеллы. Главное возраженіе — тò, что ни у *Алахклисья*, ни у нашей *Бани* нѣтъ теперь никакой рѣки. Возможно, что она измѣнила свое теченіе, что совсѣмъ высохла наконецъ, но мало вѣроятно.

что такое усталось, ни въ чемъ состоитъ скорость... Невдолгѣ однакоже выяснилось, что по „маршруту“ ночлегъ положенъ не въ гостинницѣ: zu Alexander der Grosse, а въ городѣ: *Енидже*. Въ ободреніе намъ тутъ-же прибавлено было, что до города всего полтора часа пути, что дорога хорошая, и что если мы не замедляя отправимся въ путь, то мѣсяца хватитъ на столько, чтобы при свѣтѣ его добраться до ночлега. Доводы были сильные и заглушили собою слабый протестъ натужнаго тѣла. Часовъ около 9-ти у насъ все было готово. Мы простились съ воображаемой Пеллой и, по заранѣе выговоренному условію, потащились шагомъ прямо въ лицо „жиденькому“ мѣсяцу. Было время подумать о томъ о семъ. Исходя изъ круга понятій Пелліицевъ Александрова времени, мы можемъ похвалиться, что успѣли уже завечеръ изъ *Амфакситиды* переѣхать въ *Воттіею*, или короче *Воттію*. По Иродоту [1]), въ этой области Македоніи процвѣтали два города: *Ихны* (Ἴχναι) и *Пелла*. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться. Отецъ исторіи не зналъ Амфакситиды, и увѣряетъ, что рѣка *Аксіосъ* дѣлитъ собою области *Мигдонію* и *Воттіею*... Во всякомъ случаѣ мы теперь въ *Воттіеи*. Городъ „Ихны“ ни какихъ слѣдовъ (ἴχνη) по себѣ не оставилъ. О „Пеллѣ“ послѣднія свидѣтельства имѣемъ изъ 2-го вѣка по Р. Х. На именитомъ мѣстѣ жило тогда еще „нѣсколько бѣдняковъ“ [2]). Теперь въ *Аллахъ-Клисья* есть около 60 мазанокъ. Христіане зовутъ мѣсто: „Св. Апостолы“, вѣроятно по церкви этого имени. Въ глубокой же древности тамъ (если *тамъ* была Пелла) существовало общее судилище (χρηματιστήριον) Македоніи или точнѣе мѣсто, гдѣ обдѣлывались всякія дѣла — судебныя, торговыя, гражданскія... Это обстоятельство вѣроятно и было причиной особеннаго благоволенія къ мѣсту царя *Филиппа*, о которомъ извѣстно, что онъ даже воспи-

---

[1]) Ирод. VII. 123.
[2]) Лукіанъ: ψευδομάτις.

тался въ Пеллѣ. Можетъ быть тамъ же было и эллинское училище, устроенное греческими торговцами, въ которомъ царевичъ получилъ свое образованіе... Не хочется мнѣ разстаться съ Пеллой. Благосклонный читатель проститъ, если я — случаемъ — и еще возвращусь къ ней. Дорога наша въ самомъ дѣлѣ не худа. По сѣверную сторону ея тянутся не вдалекѣ возвышенности, вызывавшія кое-кого изъ компаніи на разные разсказы миѳологическаго свойства и достоинства, въ родѣ того напр. что то тамъ, то самъ видятся на нихъ по ночамъ таинственные огоньки, и что въ залѣ (!) одного изъ кургановъ разъ слышалась въ какой-то праздникъ музыка и происходила пляска... А по другую сторону дороги напротивъ разстилается, сколько можно видѣть глазомъ при лунномъ мерцаніи, однообразная равнина, замѣщаемая на картѣ Ениджесскимъ болотомъ, весьма обширнымъ, и едвали не составлявшимъ когда-то западный рогъ Солунскаго залива, пересохшій быть можетъ еще въ до историческія времена. Можетъ быть оно есть остатокъ тѣхъ болотъ, подходившихъ къ самой Пеллѣ, о которыхъ говоритъ *Титъ Ливій*. Изъ нихъ тоже при случаѣ дѣлалось одно озеро. Сѣверныя, болѣе возвышенныя части его могли высохнуть, и пр. Многое *могло* быть, но было ли? Чтобы отыскать дѣйствительное мѣсто Пеллы, надобно сперва найти рѣку *Лудій*. За тѣмъ уже остается проплыть по ней 120 стадій. Задача для ученаго и досужаго человѣка вовсе не трудная. Въ лицѣ Александра Пелла хотѣла владѣть цѣлымъ міромъ. Стоило бы за то міру наконецъ овладѣть ею. Vnus Pellaeo iuveni non sufficit orbis [1]... Стишокъ этотъ, выученный мною еще въ юношествѣ, когда двадцатилѣтній царь-герой, по наивности фантазіи, съ учебника прямо переходилъ въ сердце и становился дружкомъ любимымъ, теперь естественно припоминался мнѣ во всей свѣжести цвѣтущаго возраста и разблажалъ

---

[1]) Ювеналъ. Сат. X.

душу. Можно ли сомнѣваться, что множество разъ по этой самой дорогѣ въ подобную же тихую ночь онъ самый, „юный Пеллеецъ“ или несся съ шумной ватагой веселыхъ сверстниковъ куда нибудь туда, гдѣ небо сходится съ землей, или тихо ѣхалъ съ своимъ молчаливымъ, не менѣе его знаменитымъ учителемъ, огреченнымъ, какъ и онъ, Македонцемъ. Послушалъ бы ихъ бесѣды и эллинской и варварской. Нѣтъ сомнѣнія, что и первая звучала значительно не такъ, какъ слышится въ устахъ теперешняго грека, и ужъ конечно далеко не такъ, какъ возсозидаетъ ее нѣмецкая упрямая идеологія. А вторая (предполагаемъ, что могла быть) [1], совсѣмъ неизвѣстная намъ, раскрыла бы передъ нами такія этнографическія тайны древности, какихъ не зналъ, или не счелъ нужнымъ сообщить намъ и самъ Иродотъ. Изъ сороковыхъ годовъ мнѣ памятны усилія славянофиловъ нашихъ все Македонское воображать и объявлять славянскимъ, не исключая и самаго Александра. Предметъ на столько занимателенъ, что всякій разъ потомъ, какъ я наталкивался исторіею на какое нибудь Македонское имя, я допрашивалъ его съ помощію всѣхъ, доступныхъ мнѣ, пріемовъ филологіи, не окажется ли въ немъ что̀ нибудь родное моему слуху. Такъ и въ сегодняшней *Пеллѣ* покушеніе было отыскать славянскую *Бѣлу,* но я стыдился остановиться долго на томъ, чутьемъ разумѣя тутъ натяжку. Ближе подходила бы къ ней латинская Bella, но... и сіе суета! Собственныя имена лицъ и мѣстъ въ Македоніи и во всей Румеліи суть теперь единственные памятники тамошнихъ варваровъ самоземцевъ (автохтоновъ). Конечно, они могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на глубокій этнографическій мракъ Балканскаго полуострова, но къ сожалѣнію мы ихъ получили изъ вторыхъ

---

[1]) Что у Македонянъ былъ свой языкъ, этого, надѣемся, никто (кромѣ Аѳинскихъ и Константинопольскихъ патріотовъ) не будетъ отрицать. Имена первыхъ царей Македонскихъ подтверждаютъ то̀ неоспоримо.

рукъ, и притомъ такихъ, которыя отличались во всѣ времена страстію класть на все свою эллинскую печать.

Отдавшись на волю древлесовныхъ размышленій, я забылъ, что древнее есть вмѣстѣ и заднее, и практически убѣдился въ томъ, увидавъ себя далеко отставшимъ отъ своего общества. Нашъ Александръ Македонскій (Консулъ) съ своею свитою едва различался вдали подъ скуднымъ сіяніемъ западавшей луны. Въ нѣсколько, не легко обошедшихся рысцовыхъ пріемовъ я кое-какъ соединился съ своими [1]. Компанія коротала время бесѣдою о дѣлахъ служебныхъ, и между прочимъ о томъ, какъ одинъ автохтонъ Балканскій успѣлъ у насъ въ Россіи войти въ фаворъ къ нѣкоему сильному міра сего, и перебилъ „хорошее" мѣсто у многихъ соотечественниковъ нашихъ, и что, по всему видно, „пойдетъ далеко". Разговоръ — въ македонскомъ духѣ. Припомнимъ, что „юный Пеллеецъ" завидовалъ не какому нибудь брату по чернильному ремеслу, а кровному отцу. Полагая, что и другихъ, какъ меня, всего занимаетъ физическая усталость, я обратился къ ближайшему сосѣду по коню съ вопросомъ, какъ онъ себя чувствуетъ? — Что тутъ: какъ? Вотъ завтра намъ придется перенести настоящія страданія въ Енидже, отвѣчалъ онъ сурово. Священникъ тамошній одинъ изъ первыхъ въ Болгаріи принялъ *унію* въ отместку своему архіерею, и увлекъ за собою приходъ. Очень можетъ быть, что завтра уніаты захотятъ сдѣлать намъ визитъ, и, какъ здѣсь водится, цѣлою толпою. Вотъ и отдувайся тутъ! — Но зачѣмъ же преждевременно

[1]) Да вы не отставайте, пришпоривайте немножко вашего буцефала! — слышалось мнѣ, при этомъ, спереди. Вообразивъ себя отъ такой почести моему коню и въ самомъ дѣлѣ Александромъ, я хотѣлъ, но посовѣстился отвѣтить на это словами знаменитаго наѣздника — царя, которому льстецы, зная его легкость и быстроту въ ходьбѣ, предложили разъ отправиться на Олимпійскія игры, чтобы одержать тамъ верхъ надъ бѣгунами всей Греціи. Извѣстенъ отвѣтъ его: «Да! если тамъ бѣгъ держать будутъ цари». Пошелъ бы и я за вами, думалъ я, если бы вы были мои однолѣтки.

надуваться? Подумалъ я. Ну, придетъ злой моментъ, тогда и можно будетъ или надуть или отдуть кого нибудь, по усмотрѣнію. — Такъ что жъ? И отлично! Отвѣтилъ я. Мы ихъ возвратимъ своимъ убѣжденіемъ въ лоно церкви. — Въ лоно? — Протащилъ спутникъ сквозь зубы. А гдѣ оно? И есть еще тутъ какая нибудь церковь? Развѣ *тѣ* не говорятъ *имъ*, что у нихъ, и нигдѣ больше, — церковь? Церковь!.. Церковь — это, когда священникъ считаетъ архіерея своимъ неумолимымъ врагомъ, а архіерей увѣренъ, что онъ живетъ in partibus infidelium?.. — Зная всю озлобленность товарища на пресловутую „сердобольную матерь", преслѣдуемую въ ея собственномъ домѣ „неблагодарною дочерью", я повернулъ разговоръ на тѣхъ, которые тоже отъ сердобольства проповѣдуютъ, что церковь — это они и никто болѣе... Предметъ стоилъ того, чтобы распѣвать его на разные лады не менѣе, чѣмъ стихъ Ювенала. И тамъ на первомъ планѣ orbis, и здѣсь изъ за смиреннаго: urbi, выступаетъ на ходуляхъ: orbi! Тамъ была прихоть или похоть одного человѣка, и здѣсь традиціонная претензія одного города! Чего хотѣлъ „Пелльскій юноша"? Вѣроятно, по его мнѣнію, хорошихъ вещей. А между тѣмъ только ломалъ существовавшій до него порядокъ, и разрушалъ одно за другимъ человѣческія общества и цѣлыя царства! Чего домогается пережившій самаго себя, „Римскій старецъ"? Тоже, по его мнѣнію, прекрасныхъ вещей — подчиненія всего христіанскаго міра единому пастырю. Что же дѣлаетъ для сего? Разрушаетъ все, что встрѣчаетъ на пути семъ христіанскаго, и подрываетъ самыя основы вѣры! Что пріобрѣлъ Македонскій монархъ, раззоривъ тотъ или другой Малоазійскій, Сирійскій и всякій иной городъ? Ничего! Что выграетъ и папство, совративъ въ латинство убогаго священника Ениджейскаго съ десяткомъ разсерженныхъ на свое начальство невѣгласей? Едва ли что нибудь, кромѣ неизбѣжнаго въ будущемъ собственнаго позора! А христіанство несомнѣнно потеряетъ отъ сего. Ибо всѣ безсмысленныя продѣлки слѣпаго фана-

тизма, совершаемыя во имя Христово, творятся предъ лицомъ всего невѣрія... Тема для мысли представлялась нескончаемая, но ее заслонила собою внезапно показавшаяся селитва человѣческая. Темнота, смѣнившая мерцаніе луны, помѣшала разглядѣть городъ издали. Вблизи же онъ, конечно, не поразилъ насъ своимъ величіемъ. Мы остановились на одной площадкѣ. Начались стучанье въ дверь, выкликаніе какого-то знакомаго, кончившееся перебранкой, нетерпѣніе сѣдоковъ, ржаніе лошадей, лай собакъ, бѣганье отъ дома къ дому... Все это было слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія, или не выполненнаго во время приказанія, или — нарушеннаго условія, незнаю — чего именно. Поиски знакомаго ночлега кончились рѣшеніемъ отправиться въ ханъ, что всѣмъ, не исключая перваго меня, было по сердцу. Ханъ наименовали „Пашинымъ", какъ и почему — я не допрашивался, довольный тѣмъ, что могу принять другое положеніе и дать покой ногамъ, занятымъ во время дороги почти безперерывно хлопаньемъ по бокамъ своего лѣниваго „вологлава" (βουκέφαλος). Весь верхній этажъ хана отданъ былъ въ наше распоряженіе. Но европейское слово: этажъ также шло къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Довольно сказать, что никто изъ нашего общества не помѣстился въ жилыхъ комнатахъ. Выпросивъ у хозяина рогожъ, мы розостлали ихъ въ сѣняхъ, имѣвшихъ скорѣе видъ сѣнника съ выхваченнымъ бокомъ на городскую улицу, и расположились на нихъ повалкой, уложивъ себѣ въ головы, вмѣсто подушки, сѣдла, сакъ-вояжи, и что у кого было кромѣ того. Весна, деревня, луга, земля, кипящая млекомъ и медомъ... подумали мы съ сосѣдомъ, и спросили себѣ у соннаго ханьджи молока. Пришлось пожалѣть, что обратились съ такимъ наивнымъ вопросомъ къ человѣку. — Да у насъ и дѣти не видятъ молока, отвѣчалъ онъ, ставя кальянъ передъ высокими Кунсулъ-эфенди, шлющими намъ ироническую улыбку... Такъ, конечно! Дѣтямъ нужнѣе молоко, чѣмъ намъ, переросшимъ. Но, у дѣтей нѣтъ, во 1-хъ, ни среды ни пятницы. А

во 2-хъ, они и не ѣздятъ цѣлый день по такимъ мѣстамъ, гдѣ единственный способъ утолить голодъ — не имѣть желудка. Время, правда, было уже позднее, и на какое нибудь подкрѣпленіе въ ханѣ расчитывать было нельзя. Пришлось повторить пелльскую исторію съ самоваромъ, да тѣмъ и удовлетвориться на сей день, утѣшаясь припоминаніемъ того, при какомъ обиліи даровъ природы, прошедшихъ черезъ горнило повареннаго искуства, онъ начался.

Яница. 19 Мая 1865 г. Среда.

Имя мѣста показываетъ, что мы уже въ Славянской землѣ. Оффиціальное названіе городка однакоже звучитъ по турецки. Оно есть—*Ениджe*. Такъ какъ имена оба очень сходны, то надобно заключить, что одно изъ нихъ выродилось изъ другаго. Къ сожалѣнію, негдѣ и не отъ кого узнать, когда появились и то и другое. По видимому, скорѣе изъ Яницы могло выйти Ениджe, чѣмъ наоборотъ. *Ени* значитъ: новый. *Дже* не имѣетъ значенія, и очевидно есть туркизмъ, замѣняющій [1]) *ца*. Городокъ, въ соотвѣтствіе имени, представляется дѣйствительно новымъ, не заключая въ себѣ никакой дряхлости. Книга Les Turques... полагаетъ, что на мѣстѣ его былъ когда-то городъ *Тавріани*[2]), но основанія къ такому мнѣнію не приводитъ. По ней, въ 1859 г. въ Ениджe было 750 домовъ, въ коихъ жило 150 семействъ *греческихъ*, а остальные всѣ были магометане. Подъ греческими надобно разумѣть православныхъ, т. е. Болгаръ. Грековъ въ Яницѣ совсѣмъ нѣтъ. Авторъ грекъ умѣетъ, гдѣ

[1]) Извѣстны немалочисленные Ени-шееръ (новый городъ), Ени-квой (новая деревня), Ени-Базаръ, и пр. Въ настоящемъ случаѣ за *ени* не слѣдуетъ никакого существительнаго, чѣмъ и выдается его неоригинальность. Съ другой стороны, странно, что тутъ вышла *Яни*ца, а не *Іован*ица или въ родѣ того. Яни есть греческая, а не славянская уменьшительная форма имени Іоанна.

[2]) Въ «Певтингеровой Табулѣ» между *Пеллой* и *Эдессой* нѣтъ никакого промежуточнаго города. А *Тавріани* поставленъ сѣвернѣе отъ via Egnatia, за городомъ (а не за рѣкой?) Pallicum, и очевидно есть нынѣшній *Дойранъ*.

нужно, говорить языкомъ турковъ. Простить ему эту маленькую уловку или нѣтъ, не знаю. Ениджане не простили подобнаго игнорированія своей народности единоплеменнику его своему владыкѣ, и въ отвѣтъ на его эллиническія тенденціи, какъ мы уже видѣли, перешли въ унію. Средство крайнее, конечно, но иногда человѣку не остается ничего дѣлать, какъ отвѣчать безумному по безумію его. Впрочемъ, было намъ надъ чѣмъ извести сердце свое въ „доброе утро" Яницкое и поближе, чѣмъ церковныя дѣла мѣстныя. Упомянутый туристъ — авторъ вынесъ изъ Енидже воспоминанія peu agréables, по причинѣ нападенія на него ночью въ ханѣ (вѣроятно, томъ же самомъ) des insectes de toute nature. Мнѣ, въ свою очередь, достаточно сказать, что я ни на одну минуту не могъ забыться во всю ночь отъ миріадъ, въ переводѣ же на мѣстный языкъ, отъ *темъ* тмущихъ, блохъ. Къ обстоятельству этому присовокупилось еще, на бѣду нашу, гдѣ-то по близости свадебное торжество съ музыкой, барабаномъ, шумомъ и гамомъ, какихъ только можно ожидать отъ магометанскаго празднества. А лай собакъ? А ревъ ословъ? Пѣтухи, комары — наконецъ, неумолимо напѣвающіе подъ самымъ ухомъ!.. Вся компанія наша встала, потому, весьма рано, и вся въ одинаковомъ озлобленіи. Пусть бы застала насъ въ такомъ „не духѣ" ожиданная депутація болгаро-католическая! Досталось бы ей отъ нашего умиротворительнаго настроенія. Къ счастію, ей не было времени сдѣлать это. Напившись на скорую руку чаю, мы поспѣшили оставить Яницу, унося съ собою впечатлѣнія, мало сказать: peu agréables. На выѣздѣ намъ указали мѣсто, гдѣ бываетъ извѣстная въ краѣ ярмарка въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Запахло дѣйствительно славянствомъ. Греческій міръ, весь помѣшанный на наживѣ, не знаетъ, или едва знаетъ, что̀ такое ярмарка. О кочевникахъ туркахъ и говорить нечего. Сколько у первыхъ въ виду расчетъ, столько у вторыхъ — захватъ, а добросовѣстный обмѣнъ излишняго на недостающее остался на долю славянъ.

объ именитой Пеллѣ. На столько же нѣмъ онъ и сегодня, когда мы лицомъ къ лицу стоимъ съ другой столицей Македонской, процвѣтавшей до возвеличенія Пеллы около 500 лѣтъ. Старѣйшій послѣ Изамбера, Ami Boué Водену называетъ усыпальницей древнихъ царей Македоніи, но прибавляетъ, что онъ не могъ узнать, есть ли еще теперь слѣды гробницъ царскихъ. Nicolaidy идетъ далѣе, и ведетъ дѣло ученѣе. По нему, Водена (онъ пишетъ Vodina) занимаетъ мѣсто древней *Едессы*[1]) Македонской, столько извѣстной римлянамъ. А Едесса одно и тоже, по свидѣтельству историковъ, съ еще древнѣйшимъ городомъ: *Эги*, Αἶγαι, мн. число[2]). Относительно же гробницъ царскихъ „хитрый грекъ" осторожно замѣчаетъ, что между развалинами (древняго города) открываютъ слѣды погребалищъ царскихъ. Кто открываетъ, и что именно открылъ, объ этомъ конечно не спрашивай. За то книжка не скупится сообщить читателю, что одинъ древній оракулъ предсказывалъ конецъ Македонскому царству, чуть только какой нибудь изъ царей страны будетъ похороненъ внѣ Едессы. Что и случилось будто бы по смерти Александра Великаго, погребеннаго въ Египтѣ. По правдѣ же сказать, сего вовсе не случилось. Послѣ Александра, царство его только вошло опять въ свои тѣсные предѣлы, и существовало еще 175 лѣтъ. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ дѣло съ Едессой, она же — Эги. Которое имя котораго древнѣе и такъ сказать природнѣе, а слѣдовательно и народнѣе? Дѣло идетъ объ одной изъ древнѣйшихъ столицъ нашей Европы, и потому не надобно удивляться, что мы обращаемъ его въ вопросъ для себя. По справкѣ, оказывается слѣдующее: первый царь Македонскій *Каранъ*[3])

---

[1]) Ἔδεσσα. Пишется и Αἴδεσσα — конечно съ тѣмъ, чтобы слово вышло еще болѣе по гречески, отъ Αἰδὸς — стыдъ.

[2]) Αἴξ, αἰγὸς = коза. Множественное число выйдетъ впрочемъ: αἶγες, а не αἶγαι.

[3]) Имя не греческое, а слѣд. варварское. Не отъ *карать* ли, равнозначительно *ка-*

дѣлись тамъ и сямъ вдали селенія. Не у кого было освѣдомиться, какъ они зовутся и кѣмъ обитаются... Я почти постоянно былъ отставши отъ каравана, догоняя его черезъ каждыя 10 минутъ, а когда равнялся съ другими, то не имѣлъ уже охоты пускаться въ разговоръ. Малый осадокъ досады не оставлялъ меня во всю дорогу. Пусть вмѣсто меня авторъ „Турковъ“ увѣдомитъ, кого слѣдуетъ, что онъ съ дороги упримѣтилъ 4 деревни: Lozani, Ispirlik, Kestillan и Sutlû. Послѣднія двѣ очевидно турецкія, первая конечно болгарская, а вторая... остается сказать: смѣшаннаго характера. Наконецъ показался и желанный ханъ, именуемый по указанію тойже книги: Propino. Когда я дотащился до него, спутники уже предавались блаженному покою, и я думалъ, что чуть сойду съ лошади, тутъ же и засну. Вышло именно то, чего не думалъ. У тѣла, видно, не меньше капризовъ, чѣмъ у души. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ перемѣнить положеніе и мѣсто, на которыя слагалась вина неудачи, я вышелъ въ чистое поле и направился къ ручью, чтобъ умыть лицо. Славная, хотя и грустная, вещь — одиночество! Гдѣ оно, тамъ цѣлый міръ незримыхъ образовъ, манящихъ душу въ свой чарующій кругъ. А этотъ кругъ есть — прошедшее. Достаточно журчащей воды и хоть клочка зелени, съ котораго можно устремить взоръ въ далекое и глубокое небо съ бѣгучимъ облачкомъ, чтобы возсоздать на мѣстѣ ихъ живую панораму другаго Майскаго дня — и свѣтлаго и чистаго и благоуханнаго, — подъ другою географическою широтою, изъ другаго періода жизни. Найдетъ оно бывало, легкое, плавающее по лазури небесной, надъ самую голову, и начнетъ утончаться, мѣняться, умаляться пока и совсѣмъ исчезнетъ. Теперь сказалъ бы ему только: прощай! До свиданія въ области общаго „послѣ — бытія“ [1]). А тогда недоставало духа раз-

---

[1]) Составлено по примѣру и подъ вліяніемъ Аристотелева: μετὰ φυσικά = Метафизика.

статься съ нимъ. За тѣмъ оно исчезло, и что съ нимъ сталось? И отчего поглотившее его небо осталось голубымъ, какъ было, а оно сіяло такою бѣлизною? Сердцу до всего была нужда. Не уму ли? Нѣтъ, слава Богу, не ему. У ума была тогда другая, такъ сказать оффиціальная, забота, настолько механическая и настолько отвлеченная, что и занимая его, ни чуть, кажется, не тревожила. Оттого онъ и остался въ сторонѣ отъ приманокъ и увлеченій, и, по милости Божіей, до сихъ поръ не разубѣдился ни въ чемъ. Сердце же пусть пристаетъ и отстаетъ, пока совсѣмъ не устанетъ. Бѣды тутъ нѣтъ никакой... Все это мнѣ нашептывалъ мой невидимый собесѣдникъ Аристотель, съ которымъ я не разстаюсь съ минувшей ночи. Конечно, пріятно было бы, среди привходящаго, такъ сказать, занятія „облаками въ небѣ", если бы еще разъ изъ густаго ельника, коимъ поросъ высокій берегъ громадной рѣки, куда съ такою тоскою и надеждою смотрѣло сердце иными глазами, отдѣлилась, выступила и заботливо посмотрѣла туда-сюда, кого-то ища, дорогая тѣнь милаго друга, съ которымъ условлена была загородная прогулка. Но... вѣдь есть уже два года, какъ эта самая тѣнь разбила въ прахъ все минувшее очарованіе, явившись мнѣ въ образѣ огромной тучной массы чиновника съ казенными манерами и помыслами, заваленнаго служебными дѣлами, обзаведшагося „ребятишками", вѣрующаго въ „адмиральскій часъ", и пр. и пр.!.. Sic transit!.. Адмиральскій часъ не даромъ тутъ подвернулся. Меня выкликали изъ хана закусить или „подкрѣпиться" на предстоящій, трех-часовый — по меньшей мѣрѣ, трудъ. — Заснули? — Спрашивали меня съ участіемъ. — Да, вздремнулъ лѣтъ на 30. — Какъ? Что? На 30!.. Но некогда было объяснять. И самъ Аристотель зналъ въ свое время хорошо, что первая задача языка ѣсть и развѣ уже десятая — говорить.

Садимся на лошадей, и ѣдемъ впередъ. Чуть замѣтно поднимаемся. Волнистость почвы продолжается. Рѣчка *Кулудé* съ селеніемъ

того же имени. Впереди выступаетъ синяя громада горъ, составляющая хребтовину Балканскаго полуострова. Прятающіяся другъ за друга, верхушки ея различными цвѣтовыми оттѣнками даютъ знать, что тамъ, на общемъ возвышенномъ уровнѣ, поднятомъ тысячи на двѣ футовъ надъ поверхностію морскою, громоздятся цѣлые ряды хребтовъ и отдѣльныхъ кучевидныхъ массъ, которымъ „числа и мѣры нѣтъ“, и по которымъ намъ предстоитъ нагуляться вдоволь. Черезъ часъ пути, съ одной возвышенности намъ открылась вся передняя цѣпь горъ [1]), раздѣляемая отъ насъ широкою, верстъ на 10, долиною, пріятно зеленѣвшею подъ густымъ рѣющимъ слоемъ воздуха. Сквозь него ясно обрисовывалась на фіолетовомъ фонѣ уходящихъ вдаль горъ прямо къ западу какая то какъ бы выемка, напоминающая выпавшій зубъ.— Тамъ въ полугорѣ на уступѣ и выстроена *Водена*, древняя *Едесса Македонская!* — сказали намъ. Пока видѣлась одна только темная горизонтальная полоска, не предвѣщавшая ничего особеннаго, кромѣ труда подъема къ ней. Около двухъ часовъ пришлось, отъ нечего дѣлать, любоваться ею. Мало помалу все, что казалось темнымъ, стало окрашиваться въ зеленый цвѣтъ, верхушки горъ начали понижаться и скрываться, а полоска обращалась сама въ отвѣсную гору съ горизонтально обсѣченнымъ верхомъ и странными бѣлесоватыми вертикальными полосами. Ихъ намъ назвали водопадами; цѣлая рѣка течетъ тамъ наверху, и, разбившись на спускѣ въ нѣсколько потоковъ, внизу опять собирается въ рѣчку, несущую свою избитую и истертую воду въ

[1]) Первая отъ Солуня высота зовется, судя по картамъ, *Кара*дагъ, *Кара*ташъ, и *Кара*джова, однимъ словомъ: *Ка́ра́*, что́ значитъ: черный. Непріятное предисловіе къ дальнѣйшему пути. Авторъ «Турковъ» и пр., интенціозно населяя Македонскія села греками, дѣлаетъ исключеніе для этой горы, заселенной по его увѣренію ренегатами изъ Болгаръ и Влаховъ, принявшими исламъ лѣтъ за 200 передъ этимъ.. Оттого, видно, она и почернѣла! Болгары—да еще ренегаты! Черное къ черному. Смыслъ басни тотъ, что греки бы этого не сдѣлали. Но греки могли сдѣлать другое: натолкнуть тѣхъ на исламъ.

большую рѣку *Быстрицу*, называемую въ низовьяхъ *Карасмакъ* и пріурочиваемую къ древнему *Лудію*. Мѣстныя имена: *Водена* и *Быстрица* говорятъ уже велегласно, что мы достигли настоящей земли Славянской. Вся область Воденская у мѣстныхъ жителей носитъ имя *Мóглена* [1]), отъ слова *Мáгла* или мгла, обозначающаго физическій характеръ мѣстности, переполненной водяными испареніями. Этому обстоятельству обязана и вся пересѣкаемая нами долина своимъ зеленѣющимъ цвѣтущимъ видомъ. Она была бы раемъ Божіимъ, если бы отъ избытка воды, не успѣвающей стекать въ далекій заливъ Солунскій, не представляла въ низовьяхъ своихъ, сплошнаго, какъ говорятъ, болота, близость котораго и составляетъ главную причину „маглы". Мы значительно уже поднялись на подгорье Кара-дага. Въ зрительную трубу различаютъ хорошо 4 полосы водопада, движущіяся и сверкающія подъ лучами солнца. Бурливая рѣчка, подхватившая ихъ, не разъ подбѣгаетъ къ самой дорогѣ нашей. Наконецъ различаемъ ухомъ и шумъ падающей воды. Длиннымъ зигзагомъ взбираемся на послѣднюю высоту, образующую неоглядную площадь, и въѣзжаемъ почти сейчасъ же въ городъ, привѣтствуя его отъ всего сердца и какъ своего временнаго хозяина и какъ знаменоносца южнаго славянства и какъ привратника, въ нѣкоторомъ родѣ, и сторожа исторической горной дороги — Viae Egnatiae. Минувши нѣсколько тѣсныхъ улицъ, изрытыхъ потоками обильной, какъ видно, воды, мы выѣхали на главную улицу, во всю ширину которой стремилась какъ бы цѣлая рѣка, напомнившая мнѣ въ миніатюрѣ и – скажемъ — каррикатурѣ, славную

---

[1]) Удивительная путаница на картахъ Румеліи! Большею частію сѣвернѣе *Водены* печатается *Моглена* городъ. На картѣ Австрійскихъ инженеровъ Moglena стоитъ при рѣчкѣ Караджовѣ. По *Киперту* Караджова есть гора, а Моглена — мѣстность къ сѣверу отъ Водены. На Болгарской картѣ (составленной по Киперту) нѣтъ ни города ни мѣстности Моглены.

своимъ земноводнымъ характеромъ Венецію. И тамъ, я помню, съ умиленіемъ слушалъ я живую Славянскую рѣчь, бродя (въ 1852 г.) на площади Св. Марка въ густой толпѣ итальянцевъ и нѣмцевъ, и совсѣмъ не чая услышать родное слово. И здѣсь вотъ въ какія нибудь 5 минутъ проѣзда городомъ успѣлъ уже уловить слухомъ не одно слово изъ живой разговорной рѣчи, взятое какъ бы прямо изъ Евангелія. Мы остановились у высокаго и красиваго дома. Хозяиномъ его оказался нашъ спутникъ болгаринъ, провожавшій насъ отъ самаго Солуня, и упредившій насъ тутъ нѣсколькими часами. Насъ ожидали уже, такимъ образомъ. Семейство почтеннаго негоціанта встрѣтило насъ со всѣми знаками преданности, радушно и даже радостно, засыпавъ насъ привѣтствіями въ родѣ: Добре дошли! Како сте? и пр., на которыя намъ, по крайней мѣрѣ — мнѣ, неумѣющему говорить по болгарски, приходилось отвѣчать только киваніемъ головы и движеніями рукъ, замѣнявшими языкъ.

Первымъ дѣломъ нашимъ, по водвореніи въ домѣ, было заснуть, а со стороны хозяевъ угостить насъ богатымъ столомъ. Обѣдали мы одни. Мѣстный обычай требовалъ, чтобы домашніе не мѣшали гостямъ. Кушанья пригождались, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ. Нечего говорить, что недостатка не было ни въ чемъ, всего менѣе въ аппетитѣ и въ веселомъ расположеніи духа. Не смотря ни на какія выходки надъ воденскимъ виномъ, водянистость его съ каждымъ новымъ пріемомъ подвергалась все большему сомнѣнію, и наконецъ признано было, что оно уступаетъ развѣ только сосѣднему Пиндскому „вяленому“ вину. Трапеза завершилась по обычаю чашкою кофе. Взглянувъ на небо, мы нашли, что еще осталось настолько вечера, чтобы успѣть сходить къ большому каскаду. Группа изъ пяти чиновныхъ лицъ русскихъ, въ Турціи, среди славянскаго населенія... можно представить, какую пищу давала глазамъ и языку горожанъ. Къ счастію, уличные потоки направили путь нашъ почти сейчасъ же за городъ.

Зрѣлище огромной массы воды, стремглавъ летящей сперва отвѣсно по скалѣ саженей на 12, а потомъ по волнистой покатности съ уступа на уступъ, коихъ насчитываютъ до 75, и величественно, и страшно, и въ высшей степени занимательно. Слабонервные изъ насъ боялись подойти къ краю пропасти. Охватывалъ вертижъ, не разъ уже и бывшій тутъ причиной гибели не осторожныхъ пытливцевъ. Мы стояли на мысу, выдающемся съ боку отъ каскада, къ югу. Я держался за дерево, и при всемъ томъ часто смыкалъ вѣжды, чтобы парализовать впечатлѣніе несущейся громады водной, разсыпающейся внизу неописаннымъ хаосомъ пѣны, брызгъ и нѣкоей непроглядной тонкой пыли или мглы. За то, съ несказаннымъ наслажденіемъ останавливался взоръ на игривыхъ кувыркахъ воды внизу по бугорчатой подошвѣ горы, то бѣлосверкающей, какъ серебро, то пестрѣющей густою зеленью всѣхъ оттѣнковъ отъ желтаго до багроваго цвѣта. Всѣхъ каскадовъ считается 7. Ихъ образуетъ неровная поверхность стремнины. 4 изъ нихъ большихъ, и 3 — малыхъ. Мы любовались невиданнымъ зрѣлищемъ у самаго большаго изъ нихъ. Для меня, собственно говоря, оно — не первина. Я видѣлъ нашъ миніатюрный каскадъ Уманскій и, кромѣ того, пресловутые Cascatelli—Тивольскіе, по близости Рима. Но даже послѣдніе должны уступить Воденскимъ въ величіи и, такъ сказать, въ грозѣ впечатлѣнія. Соединенія всѣхъ каскадовъ въ одну рѣку нельзя было сверху замѣтить за дальностію мѣста и неровностію почвы. Наглядѣвшись до сыта на поразительную картину безъ труда устроеннаго природою, этого perpetuum mobile, мы повернули назадъ, обошли полями городъ, и посидѣли при тихомъ сіяніи луны надъ естественнымъ бассейномъ тихой воды, тойже самой, которую только что видѣли ревущею и клокочущею такъ недалеко отсюда! Тутъ подъ высокими платанами устроена бесѣдка. Мѣсто вышло какъ бы луговое, со всею радующею обстановкой сельской природы, дышущее смысломъ и вызывающее на помыслъ. Смотрю въ темное зер-

кало неколышущейся воды, и думаю: на что она похожа? Отвѣтъ какъ тутъ и былъ: На славянскую исторію! Не такъ ли, въ самомъ дѣлѣ? Никто и не знаетъ, что дремлетъ напр. гдѣ-то на свѣтѣ, какъ стоячая вода, приземное племя *Антовъ, Вендовъ, Ретовъ, Гетовъ, Вандаловъ* [1]), *Триваллювъ* и tutti quanti... И вдругъ каскадомъ пронесется передъ глазами исторіи и изчезнетъ Богъ знаетъ гдѣ какой нибудь *Одоакръ* или *Крумъ, Самуилъ, Душанъ*... А за тѣмъ сказочная Яга-баба возметъ да и замететъ помеломъ самомалѣйшій слѣдъ ихъ! Но — довольно! Нѣтъ ничего безплоднѣе, какъ врываться набѣгомъ фантазіи въ неисходимую область исторіи, гдѣ всего много и всего не достаетъ. Уже ночью возвратились мы въ Македонскую Венецію. Изъ воображаемыхъ зеркальныхъ оконъ того или другаго „палаццо" улицы нашей чуть доносился красноватый свѣтъ ночника. По „каналу" кое гдѣ чернѣли, вмѣсто гондолъ, переброди́вшія улицу коровы... Но преимущество Водены передъ „Царицею морей" въ томъ, что тамъ вода соленая и стоячая, а здѣсь сладкая и текучая, уносящая съ собою все, что попадётъ въ нее изъ сосѣднихъ дверей и оконъ. А что попадаетъ много, въ томъ нельзя сомнѣваться. Другое преимущество — большой русскій самоваръ, такъ привѣтливо напѣвавшій намъ, при входѣ, свою монотонную знакомую пѣсенку.

Ночь. Еще на вопросъ: чего прикажете подать къ чаю? я отвѣчалъ (конечно, мысленно): всего лучше, книги. Теперь, когда всему другому данъ покой, естественно имъ придти въ движеніе. Прежде всего, разумѣется — Isambert. Но этотъ Vade-mecum всякаго, путешествующаго по Востоку, далѣе Ѳессалоники не простерся въ глубь Македоніи. Уже вчера онъ отказался сообщить мнѣ хоть что нибудь

---

[1]) Европа отчуралась отъ славныхъ *Вандаловъ*, и навязала ихъ Славянской крови. Чтожъ! Спасибо и зато. Чѣмъ болѣе исторической извѣстности въ минувшемъ, тѣмъ славнѣе. Ихъ выводятъ de Vistula.. Оно и кстати.

объ именитой Пеллѣ. На столько же нѣмъ онъ и сегодня, когда мы лицомъ къ лицу стоимъ съ другой столицей Македонской, процвѣтавшей до возвеличенія Пеллы около 500 лѣтъ. Старѣйшій послѣ Изамбера, Ami Boué Водену называетъ усыпальницей древнихъ царей Македоніи, но прибавляетъ, что онъ не могъ узнать, есть ли еще теперь слѣды гробницъ царскихъ. Nicolaidy идетъ далѣе, и ведетъ дѣло ученѣе. По нему, Водена (онъ пишетъ Vodina) занимаетъ мѣсто древней *Едессы*[1]) Македонской, столько извѣстной римлянамъ. А Едесса одно и тоже, по свидѣтельству историковъ, съ еще древнѣйшимъ городомъ: *Эги*, Αἶγαι, мн. число [2]). Относительно же гробницъ царскихъ „хитрый грекъ" осторожно замѣчаетъ, что между развалинами (древняго города) открываютъ слѣды погребалищъ царскихъ. Кто открываетъ, и что именно открылъ, объ этомъ конечно не спрашивай. За то книжка не скупится сообщить читателю, что одинъ древній оракулъ предсказывалъ конецъ Македонскому царству, чуть только какой нибудь изъ царей страны будетъ похороненъ внѣ Едессы. Что и случилось будто бы по смерти Александра Великаго, погребеннаго въ Египтѣ. По правдѣ же сказать, сего вовсе не случилось. Послѣ Александра, царство его только вошло опять въ свои тѣсные предѣлы, и существовало еще 175 лѣтъ. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ дѣло съ Едессой, она же — Эги. Которое имя котораго древнѣе и такъ сказать природнѣе, а слѣдовательно и народнѣе? Дѣло идетъ объ одной изъ древнѣйшихъ столицъ нашей Европы, и потому не надобно удивляться, что мы обращаемъ его въ вопросъ для себя. По справкѣ, оказывается слѣдующее: первый царь Македонскій *Каранъ*[3])

---

[1]) Ἔδεσσα. Пишется и Αἴδεσσα — конечно съ тѣмъ, чтобы слово вышло еще болѣе по гречески, отъ Αἰδὸς — стыдъ.

[2]) Αἴξ, αἰγὸς = коза. Множественное число выйдетъ впрочемъ: αἶγες, а не αἶγαι.

[3]) Имя не греческое, а слѣд. варварское. Не отъ *карать* ли, равнозначительно *ка-*

(за 800 л. до Р. Х.), сколачивая свое царство изъ всего, что попадалось подъ руку, намѣтилъ при этомъ и Едессу. Но, или не зная къ ней дороги, или сбившись съ пути за непогодьемъ, не могъ отыскать ея, хотя ходилъ около нея. Вышло такъ, что когда онъ стоялъ въ недоумѣніи, и не зналъ, на что рѣшиться, увидѣлъ не подалеку стадо козъ, бѣжавшихъ по извѣстному направленію. Царь сообразилъ, что куда имъ бѣжать (безъ пастуха!), какъ не въ загонъ, и гдѣ быть загону, какъ не въ селитвѣ людской? Затѣмъ ему оставалось уже идти слѣдомъ за козами, придти прямо къ городу, и взять его если не „съ меча“, то хотя „съ плеча“, т. е. по капризу перваго, сообщившаго о случаѣ, историка [1]). Въ благодарность нежданнымъ гидамъ, Каранъ назвалъ ихъ именемъ городъ, и увлекшись великолѣпною мѣстностію, сдѣлалъ его своею резиденціей. Обо всемъ этомъ повѣствуетъ достовѣрный, хотя и не очень древній (II вѣка по Р. Х.) историкъ. Значитъ, имя: *Эги* не первоначальное, а навязанное городу, уже именовавшемуся Эдессой. Чтобы выйти изъ этой маглы или моглины извѣстій, остается развѣ предположить, что царская кличка мѣста была такъ сказать ученая, извѣстная только педантамъ

рателю, каковымъ и слѣдовало быть царю такого отдаленнаго времени? къ сожалѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, Каранъ считается грекомъ.

[1]) Justinus, lib. VII. c. 1. Точно ли она называлась тогда этимъ именемъ, или только расказчикъ, зная уже ее подъ такимъ именемъ, выражался такъ, вмѣсто того, чтобы просто звать ее «городомъ»? Urbem Edessam — *Aegeas*, populum — *Aegeadas* vocavit. Больше похоже на то, что городъ уже до случая былъ извѣстенъ подъ именемъ Едессы По *Юстину*, не выходитъ страннымъ, что тутъ играютъ роль греческія имена и козъ и города и горожанъ. *Каранъ*, по нему, былъ грекъ (по Плутарху — даже изъ рода Иракла), пришелъ сюда съ греками, и основалъ греческое царство. Прежде его страна звалась *Эмаѳіей*, а эта часть ея называлась *Боттіей*. Природные же жители были *Пеласги*, — имя, не поддающееся доселѣ никакому серьезному изслѣдованію. Въ другой области Эмаѳійской *Пэоніи* царствовалъ (современный Троянской войнѣ) *Пелегонъ*, по тому же автору. А съ другаго боку, прибавляетъ онъ, въ Европѣ держалъ царство нѣкто *Европъ* по имени. Нé любо, не слушай.

риторическаго и піитическаго закала. Народъ же зналъ его подъ другимъ именемъ. Вліяніе практическаго Рима, по паденіи монархіи Карловой, возвратило вѣроятно мѣсту его старое имя, получившее съ тѣхъ поръ оффиціальность. Но и еще разъ ему не посчастливилось. На закатѣ Византійскаго періода, городъ вдругъ огласилъ себя подъ именемъ *Во́дены*, или *Водéнъ* (мн. число)[1]. Съ какого времени стало извѣстно это новое имя, можетъ сказать намъ, еще ненаписанная исторія Македоніи. Какое-то преданіе гласитъ, что при славянскомъ императорѣ Юстиніанѣ, обитатели Едессы, тоже славяне, жаловались царю, что городъ ихъ, лежавшій внизу на полянѣ за каскадами, терпѣлъ отъ сырости и отъ зловредныхъ испареній заточной воды, и просили позволенія переселиться на верхъ по сю сторону водопада. Императоръ будто бы имѣлъ какія-то причины несоглашаться на это. Наконецъ, сдавшись на ихъ неотступныя просьбы, издалъ вожделѣнное: быть по сему. Получивъ такое позволеніе, всѣ будто бы въ восторгѣ устремились на верхъ, на теперешнее мѣсто города, крича: *на́ воде! на́ воде!*. Если прокричать безостановочно слова эти разъ пять-шесть, то сама собою выйдетъ: *Водена́*. Если это не могло случиться при самодержцѣ Византійскомъ *Управдѣ* (Юстиніанѣ), не запечатлѣвшемъ своего 38 лѣтняго царствованія ни единымъ славянскимъ словомъ, пусть отведется для него позднѣйшее время какого нибудь Василія Македонянина или Константина Багрянороднаго, разумѣвшаго, какъ видно изъ сочиненій его, не мало словъ варварскихъ и неоскорблявшагося ими. Для насъ это все равно: и Юстиніанъ и Константинъ слишкомъ глубоко ушли въ историческую даль, чтобы дѣлать между ними выборъ. Патріотамъ конечно пріятнѣе, чтобы это случилось еще ниже-при Комниныхъ или Палеологахъ, а и

---

[1] Τὰ Βοδενά — по гречески, какъ бы: водина или водяныя мѣста. Мѣстные Болгаре знаютъ имя своего города въ единственномъ числѣ, женскаго рода.

того лучше, чтобы вовсе не случилось, а просто новое имя города произошло отъ новогреческаго слова: βῶδι, βοΐδιον (по древнему βοῦς) = быкъ. Къ какой метаморфозѣ подавало бы поводъ и прежнее его переименованіе въ *Эги*. Если Едессѣ не стыдно (αἰδώς) было носить имя „козы", то и прямо честно было украситься именемъ „быка". При такомъ толкованіи слова, эллинское преданіе благополучно остается нерушимымъ, и теперешніе жители города и всей *Мглены* представляются естественно обулгарившимися греками. О „водѣ" нѣтъ больше помину. Все становится на свое мѣсто.. Склоняясь, по принципу, на сторону одной исторіи, не зависимо отъ эллинства и славянства, мы нудимся замѣтить, что къ сожалѣнію фактъ переселенія Едессянъ съ водъ *наводы* имѣетъ не болѣе основанія, чѣмъ и покореніе Едессы козами при царѣ Каранѣ. Какъ тотъ могъ назвать городъ по имени козъ греческимъ словомъ Эги только въ головѣ грека-патріота-педанта, такъ императоръ Юстиніанъ могъ дать позволеніе селиться Едесситамъ *на водѣ*, только въ пламенномъ воображеніи болгарина-родолюбца-поэта.

Чѣмъ же сдѣлала себя извѣстною въ исторіи *Эга-Едесса-Водена*? Древнѣйшіе историки *Иродотъ* и *Өукидидъ* или не знали ея вовсе, или не имѣли случая заговорить о ней. Всесвѣтный Ираклъ не добрался до нея. Аргонавты еще менѣе могли доплыть до нея. Троянскую войну она уже не застала въ живыхъ, ни самаго воспѣвателя ея. Не было такимъ образомъ ей случая прославиться въ древнѣйшій періодъ Греческой исторіи. Остается голословно утверждать, что, какъ столица довольно обширнаго, по тогдашнимъ понятіямъ, царства, она конечно сіяла своими дѣлами изъ окружавшаго ее мрака на столько, что какой-то оракулъ счелъ умѣстнымъ пророчествовать о ней. Печальный для нея фактъ — развѣнчанія изъ столицы въ простой городъ — мы можемъ объяснить только начавшимся (въ періодъ греческихъ междоусобныхъ войнъ, въ которыя вмѣшались и Македон-

скіе монархи) усиленіемъ Эллинизма, которому она, надобно думать, не сочувствовала. Съ окончательнымъ паденіемъ Македонскаго царства (за 140 лѣтъ до Р. Х.), обратившагося въ Римскую провинцію, и она и Пелла уступили свое мѣсто Ѳессалоникѣ и погрузились въ неизвѣстность. Переходъ ея изъ язычества въ христіанство остался такимъ образомъ незамѣченнымъ. Находясь, впрочемъ, на большой дорогѣ римлянъ [1]), отъ Адріатики къ Эгейскому морю и далѣе на Востокъ, она не могла быть въ сторонѣ отъ общаго движенія политической жизни великой республики и величайшей имперіи, и видѣла не мало, конечно, иноземныхъ воителей, двигавшихся съ запада на востокъ, и обратно, по пробитой стежкѣ. Но некому было разсказать о томъ. Только въ періодъ Готескихъ набѣговъ на край, всплыло, какъ бы мимоходомъ, изъ глубинъ мрака на свѣтъ божій имя Эдессы Македонской. Это было въ концѣ V столѣтія по Р. Х. Имперія отбивалась тогда отъ двухъ разомъ *Ѳеодориковъ*, одного *Валамирова*, а другаго *Тріаріева* сына, — обоихъ, состоявшихъ на службѣ у нея, и разорявшихъ ее со всею жестокостію пришлой стихіи, которой нечего жалѣть, ибо нечего терять. Едесса была тогда, какъ надобно думать, нѣчто въ родѣ нынѣшней корпусной квартиры императорской арміи. Упоминаются у историковъ притомъ имена генераловъ *Сабиніана*, *Филоксена* и *Онульфа* (очевидно готеа) и еще одного высшаго сановника *Адамантія*, какъ бы императорскаго намѣстника, завѣдывавшаго всѣмъ Иллирикомъ и временно тутъ жившаго. Видно такимъ образомъ, что Едесса была тогда значительнымъ, и вѣроятно укрѣпленнымъ мѣстомъ. Такою мы дѣйствительно и находимъ ее въ позднѣйшій сравнительно періодъ времени Болгарскихъ и Сербскихъ набѣговъ на край съ X по XV вѣкъ. Городъ былъ обнесенъ стѣнами и

---

[1]) Столько извѣстная Via Egnatia, еще Страбону извѣстная подъ этимъ именемъ: Ἐγνατία ὁδός.

особенно сильно укрѣпленъ ими *Василіемъ II Болгаробойцемъ*, во время войнъ его съ *Самуиломъ*. Имѣя въ Солунѣ точку опоры своихъ военныхъ дѣйствій, императоръ то и дѣло выгонялъ изъ ближайшихъ предѣловъ своего царства вторгавшихся въ него славянъ, пользовавшихся конечно тѣмъ обстоятельствомъ, что почти подъ самымъ уже Солунемъ были славянскія поселенія. Гдѣ именно и какія они были, конечно нѣтъ никакой возможности опредѣлить теперь [1]). Представлять совершенно славянскою тогдашнюю Водену нѣтъ достаточнаго основанія; греческимъ еще менѣе могъ быть городъ уже по одному недостатку этой стихіи для внутреннихъ мѣстъ Македоніи. Какъ бы то ни было, въ началѣ текущаго тысячелѣтія Едесса — Водена, принадлежавшая державѣ Самуила, простиравшейся отъ Балканъ до самаго (по мѣстамъ конечно) „Бѣлаго моря“, или Архипелага, разъ была отнята у него, и снова перешла къ нему. По смерти грознаго „бича имперіи“ (въ 1014 г.), императоръ посиѣшилъ завладѣть ею, вмѣстѣ съ другими городами, въ 1015 г. Но не прошло нѣсколько мѣсяцовъ, какъ городъ взбунтовался. Императоръ (все еще Василій II) снова явился подъ стѣнами его, и вторично взялъ его, выселивъ бунтовщиковъ (вѣроятно, въ своемъ родѣ „зилоторъ“) въ тотъ же округъ *Волеръ*, куда и въ 1001 г. ссылалъ Воденцевъ. Конецъ 1017 года неутомимый царь — воитель провелъ здѣсь, отдыхая отъ многолѣтнихъ безпрерывныхъ войнъ. Еще мы встрѣтимся съ нимъ на пути своемъ вѣроятно не одинъ разъ.

---

[1]) Пройдетъ, вѣроятно, еще не одинъ десятокъ лѣтъ, пока счастливые потомки наши будутъ ясно представлять себѣ исторію и географію Иллирика среднихъ вѣковъ за каждое напримѣръ столѣтіе или хотя по извѣстнымъ періодамъ. Теперь куда ни посмотришь, всюду не проглядный мракъ или дикая до невозможности историческая перспектива. Хорошо бы представлять, что разные крали освобождали только отъ грековъ свои древнеславянскія земли, возстановляя свои нарушаемыя границы, проходившія тамъ-то и тамъ-то.. Но — такъ ли было?

Лѣтъ на 200 затѣмъ исторія теряетъ изъ вида древнюю столицу царей Македонскихъ. По разрушеніи эфемерной имперіи Солунской, экс-императоръ *Өеодоръ* (Комнинъ-Ангелъ), получилъ какъ мы уже упомянули, отъ императора *Іоанна II Ватаци* въ удѣлъ себѣ на прокормленіе городъ Водену съ ближайшими окрестностями. Чего бы лучше слѣпому старику доживать свой вѣкъ тутъ на положеніи, все еще какъ бы независимаго, государя. Но безпокойный духъ человѣка не далъ ему сидѣть спокойно и другихъ оставить въ покоѣ. Онъ поднялъ племянника своего, Деспота Эпирскаго *Михаила* противъ великодушнаго императора. Іоаннъ не замедлилъ прибыть съ войскомъ въ Солунь, и оттуда двинулся сперва на дядю, чтобы добраться потомъ и до племянника. Өеодоръ, чуть почуялъ невзгоду, бѣжалъ въ Эпиръ. Императоръ осадилъ Водену, и принудилъ сдаться. Намъ кажется страннымъ, зачѣмъ тутъ было произойти осадѣ. Ужели городъ могъ быть привер-женъ къ своему слѣпому, старому, и силою навязанному, властителю? Не знаемъ, не было ли это дѣломъ какой нибудь факціи „родолюбцевъ" въ городѣ, для которой и самая тѣнь самостоятельности политической была дорога, въ виду всепоглощающаго византизма, котораго естественнымъ представителемъ былъ императоръ. Иванъ Милостивый конечно не сдѣлалъ ничего худаго городу, и полюбовавшись на его рѣдкія красоты природныя, отправился далѣе въ путь свой, куда и мы, Богъ дастъ, поѣдемъ завтра, — возвративъ Едессу вновь сколачиваемой его крѣпкою рукою имперіи Комниныхъ. Палеологи застали положеніе дѣлъ въ мѣстахъ этихъ лучшимъ, чѣмъ можно было ожидать. Ни Болгаръ ни франковъ ни разныхъ собственныхъ мятежниковъ имъ не нужно было, такъ сказать ежедневно, выгонять изъ имперіи. Если не самымъ дѣломъ, то именемъ они владѣли сплошь Иллирикомъ, или, говоря по теперешнему, Балканскимъ полуостровомъ, отъ моря до моря. Но за то имъ

предстояла борьба отвнѣ съ сербами и турками, а извнутрь съ наемными войсками. На бѣду еще приключилось совсѣмъ нежданное междоусобіе между императорами дѣдомъ и внукомъ, а потомъ-тестемъ и зятемъ. Затишная Водена билась также судорожно въ это предсмертное время, какъ и вся издыхавшая держава Константиновъ и Августовъ, не зная, гдѣ ея друзья, и гдѣ враги, — что ей должно, и чего не слѣдуетъ, дѣлать, — въ чемъ ея польза и въ чемъ погибель, и т. д. Въ 1328 году напр. она знала и признавала, что законный государь у нея есть *Андроникъ*, сынъ Михаила, Палеологъ, лѣтъ 50 уже носящій императорскій вѣнецъ. А между тѣмъ подъ стѣнами ея является съ войскомъ императоръ совсѣмъ юный, хотя тоже Палеологъ и тоже Андроникъ Михайловичъ, но горожанамъ говорятъ, что это мятежникъ. Что было дѣлать? Городъ не замедлилъ сдаться тому, кто стоялъ у дверей. Примѣръ этотъ соблазнилъ другаго юнаго вѣнценосца. Съ тѣми же завоевательными мыслями, невдолгѣ послѣ того, подступилъ къ городу краль Трибалловъ. Но онъ не былъ изъ рода Ираклидовъ, и никакая Пиѳія не сказала ему, что „козы доставятъ ему царство". Оттого ему пришлось осаждать древнія *Эги* 16 лѣтъ [1])! За мѣсто козъ ввели его наконецъ въ городъ деньги. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ современный историкъ-императоръ Іоаннъ Кантакузинъ. Этотъ самый историкъ, чуть забралъ въ руки свои бразды правленія, поспѣшилъ на выручку осажденнаго города. Но, прибывъ сюда въ 1342 г., нашелъ, что городъ уже сдался кралю (Душану). Прошло 8 лѣтъ сербскаго владычества въ краѣ, тотъ же императоръ снова явился у Водены съ цѣлію отнять ее у краля. Жи-

---

[1]) Такъ хвалились потомъ сами Воденцы. Но дѣло представляется сомнительнымъ, — тѣмъ болѣе, что и времени не хватаетъ для сего. Взятіе города кралемъ могло послѣдовать только ранѣе 1342 года. А отъ 1328 г. — времени Андрониковой осады до 1342 года не прошло 16 лѣтъ.

тели заперлись въ своихъ крѣпкихъ стѣнахъ. Началась еще разъ осада. Эгеяне со стѣнъ городскихъ смѣялись въ глаза выскочкѣ, котораго въ 1328 г. знали простымъ придворнымъ чиновникомъ и считали вовсе неспособнымъ къ военному дѣлу. Однакоже ошиблись жестоко. Кантакузинъ взялъ городъ приступомъ, прибѣгнувъ къ очень простой стратагемѣ, а именно сдѣлавъ фальшивую аттаку на городъ со стороны озера (?), куда естественно устремились защитники города, и въ тоже время наперши на него всѣми остальными силами съ другой стороны [1]). Успѣхъ былъ полный. Оставивъ 200 человѣкъ гарнизона въ Воденской крѣпости, бывшій Великій Доместикъ простилъ жителямъ ихъ насмѣшки надъ нимъ, и пошелъ отвоевывать у Трибалловъ другіе греческіе города. Но чуть онъ кончилъ походъ и возвратился въ Константинополь тріумфаторомъ, краль какъ тутъ и былъ, — опять явился подъ стѣнами Водены. Городъ взятъ былъ предательствомъ. Жители дали знать „варварамъ", что есть мѣсто, откуда они могутъ лѣзть прямо на стѣны, не встрѣтивши сопротивленія. Осаждающіе приставили лѣстницы, взобрались на верхъ, и сейчасъ же стали сбрасывать камни, дѣлая такимъ образомъ мостъ для всего войска и даже для конницы. Душа́ — человѣкъ, въ упоеніи дешевою побѣдою, отдалъ городъ на разграбленіе солдатамъ, которые ломали и жгли дома, забирая и унося съ собою все, что можно, жителей же пустили голыхъ [2]) искать спасенія въ сосѣднихъ городахъ, какъ-то

---

[1]) Изъ описанія дѣла (Кант. III. 129) оказывается, что городъ на половину окруженъ былъ озеромъ, и на половину обнесенъ крѣпчайшими стѣнами, на которыя осаждавшіе взбирались по лѣстницамъ. Императоръ обѣщалъ первому, кто взойдетъ на стѣну, дать въ награду 4 мины (фунта?) золота, второму — 3, третьему — 2. Понять нельзя, какое и гдѣ тутъ могло быть озеро. - Развѣ предположить, что водопадъ былъ когда нибудь запруживаемъ.

[2]) γυμνοὺς.. невѣроятно, чтобы употреблено было въ смыслѣ: обнаженныхъ. Вѣроятнѣе подъ нагими разумѣлись только: лишенные имущества, ограбленные.

Веррія и др. А дѣло было въ началѣ января, и стояла жестокая зима. Краль удалился въ свою резиденцію *Скопію или Скопле*, оставивъ здѣсь въ крѣпости свой гарнизонъ. Но это былъ уже послѣдній самодуръ — завоеватель славянскій. Вскорѣ и крали пали и императоры исчезли. Обоихъ соперниковъ — единовѣрцевъ стеръ съ лица земли невѣрный далекій пришлецъ, не малое время игравшій роль союзника то той то другой притѣсненной стороны. Прямыхъ извѣстій о покореніи города турками мы не имѣемъ. Но несомнѣнно это послѣдовало при *Амуратѣ* II, въ горестномъ 1430 году. Кто были его предпослѣдними владѣтелями, тоже не можемъ сказать по недостатку подъ рукою необходимыхъ свѣдѣній. Вѣрно, что не славяне, а или греки или Венеціане, которымъ онъ проданъ былъ вмѣстѣ со всею Македоніею... О, Александръ! Гдѣ ты, чтобы видѣть такой позоръ, нанесенный рукою грека мѣсту покоя столькихъ твоихъ предковъ!

Новые завоеватели конечно постарались прежде всего лишить городъ значенія крѣпости, и срыли его стѣны. Теперь большею частію надобно искать ихъ, роясь въ землѣ. Въ теченіе 400 лѣтняго забытаго существованія его подъ игомъ турецкимъ успѣло истребиться и тоже забыться все, что могло напоминать и царей и кралей. Какъ просуществовали во все это время 20—25 поколѣній Едесситовъ или Воденистовъ? Много ли было и осталось древнихъ родовъ? Какая кровь текла въ нихъ? Сколько огречилось славянскихъ и ославянилось греческихъ, потурчилось тѣхъ и другихъ? Все это — въ полномъ смыслѣ истертой фразы — покрыто мракомъ неизвѣстности. За обѣдомъ мы было отнеслись съ какимъ-то въ подобномъ родѣ вопросомъ къ своему Науму Евангелиновичу. Въ отвѣтъ, онъ только рукой махнулъ, что значило: ищи вѣтра въ полѣ! Теперь въ городѣ, по Булье — 12.000 жителей, по Николаиди — 10.000, изъ коихъ половина — греки, по Буé —

7—8000 жителей, наибольшею частію — Болгаре, Греки и Цинцары (а турки?), по сегодняшнему сказанію одного „родолюбца“ — ни одного *настоящаго* грека, одни Бѫлгаре да турди. А владыка? Спросили мы у послѣдняго сего источника статистики. — Кой-то владыка? Отвѣчалъ онъ. То есть турокъ, а не грекъ.

Эдесса Македонская. 20 Мая 1865.

Если къ 1865 присовокупить 796 лѣтъ отъ начала Греческой династіи царей Македонскихъ, и нѣсколькими годами менѣе — отъ исторіи съ козами, то Водена можетъ насчитывать около 2650 лѣтъ своего непрерывнаго существованія. Чего нужно еще, чтобы мѣсту считать себя именитымъ? А такъ какъ годомъ появленія въ исторіи царства Македонскаго вообще признаютъ 1392-й до Р. Х., и такъ какъ по смыслу словъ Пиѳіи, козы имѣли доставить *царство* Карану, а тѣ ничего другаго не сдѣлали, какъ довели Ираклида до Едессы, то и слѣдуетъ заключить, что городъ и до нашествія греческаго былъ уже царственнымъ. Такимъ образомъ мы, безъ большаго историческаго грѣха, можемъ насчитать *три тысячи* лѣтъ бытія его. Гдѣ еще найти въ предѣлахъ Европы такую древность? Съ нетерпѣніемъ, потому, ожидалъ я часа назначеннаго еще вчера вечеромъ, для обозрѣнія достопримѣчательностей города. Положено было встать пораньше, чтобы еще холодкомъ обойти двѣ-три церкви, двѣ-три школы, и — ничего больше! Въ переводѣ на практическій языкъ наше: „пораньше“ означало 9 часовъ. Прежде всего мы направились въ Митрополію, по нашему: Каѳедральный Соборъ. Нашли ее и недавнею и некрасивою и неубранною. Все въ ней такъ сказать въ казенномъ стилѣ, да еще и въ практическомъ греческомъ смыслѣ, т. е. удовлетворяетъ нуждѣ... что же еще болѣе? За недостаткомъ другаго чего, мы обратили вниманіе на школы, имѣвшія довольно старинный видъ. Подъ иконою

всѣхъ Святыхъ я прочелъ слѣдующую замѣтку по гречески: *посп-шествомъ Блаженнѣйшаго Архіепископа Ахрадскаго, прежде бывшаго господина предсѣдателя Водена, господина Германа и издержками боголюбивѣйшаго...* [1]) и пр. Я поздравилъ себя, встрѣтившись такъ скоро съ увѣковѣченнымъ надписью славянскимъ „Блаженствомъ", о которомъ уже давно помышляютъ и вздыхаютъ „родолюбцы", какъ насильно отнятомъ у нихъ. Слова: великій, высокій, свѣтлый, ясный, сіяющій и пр. сами бросаются въ глаза и такъ сказать напрашиваются на то, чтобы войти въ титулъ выдающагося изъ ряда человѣка. Но греческое *блаженство* и турецкое *благополучіе* какимъ глазомъ усмотрѣть и какимъ мѣриломъ измѣрить? Апостолъ назвалъ *блаженнымъ* Бога, и — справедливо. Господь Іисусъ Христосъ ублажилъ Петра, а потомъ всѣхъ, видѣвшихъ Его на землѣ, а потомъ и всѣхъ, не видѣвшихъ, и вѣровавшихъ въ него, но очевидно не въ смыслѣ отличительной чести или славы. Какъ вышли въ церкви нашей „блаженнѣйшіе" патріархи, доискаться трудно, но несомнѣнно, что ихъ блаженство — не отъ міра сего, выражаетъ собою не мірское счастіе какое бы то нибыло, а скорѣе ту степень богоугожденія, которая доставитъ человѣку вѣчное блаженство. Въ этомъ смыслѣ титульное „блаженство" равнозначительно „святости", которая по духу церкви можетъ и даже непремѣнно должна быть отличіемъ духовнаго лица, а тѣмъ паче — сановника. Въ соотвѣтствіе этимъ понятіямъ о святости всего, посвятившаго себя Богу, искони вошло въ обычай достопочтимой древности оставлять за іереями Бога Вышняго титло *святыхъ*, и поелику архіереевъ приходилось уже тогда чтить именемъ *Святѣйшихъ*, то что оставалось придать владыкѣ владыкъ, т. е. патріарху

[1]) Διὰ συνδρομῆς τοῦ Μακαριωτάτου Ἀρχιεπισκόπου Ἀχριδῶν, πρώην κ. προέδρου Βοδενῶν Κυρ. Γερμανοῦ.. и пр. «Предсѣдатель» равносильно Архіерею. Митрополитъ острова *Карпаѳо* и теперь оффиціально зовется предсѣдателемъ.

или какъ бы архіерарху? Придумали титулъ *Всесвятѣйшаго!* Не много ли? Но по крайней мѣрѣ тутъ дѣло идетъ послѣдовательно. А какъ выйдти „блаженнѣйшіе“, когда нѣтъ просто „блаженныхъ“?.. При всемъ томъ, неосмысленное слово стало знаменіемъ идеи, да еще какой! Готовой возмутить покой всей церкви. Но... довольно о немъ. Итакъ Его Ахридское (отчего не Болгарское?) Блаженство поусердствовалъ въ свой прежній епархіальный городъ пожертвовать св. икону, и закрѣпилъ свой даръ подписью. Хорошее дѣло. Но, отчего бы замѣткѣ не выйти по славянски? Съ вопросомъ этимъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, обращаются въ настоящее время къ Константинополю милліоны Славянъ, въ числѣ ихъ конечно и Воденская епархія. Отвѣтъ ищется то въ соборныхъ правилахъ, то въ Императорскихъ декретахъ, и тѣхъ и другихъ — не имѣвшихъ въ виду настоящаго положенія вещей, въ исторіи, въ археологіи, даже въ этимологіи, во всемъ, кромѣ логики и статистики, наконецъ, за неимѣніемъ другаго чего, въ папскомъ: non possumus. Другая подобная замѣтка, списанная мною въ Соборѣ, тоже греческая, гласитъ: *Моленіе раба Божія Ангелы, господина Велеположника 1-й Юстиніаны и всей Булгаріи. Года 7127 (1619), Индиктіона 2-го.* [1]). Это значитъ, что *Ан-*

---

[1]) Δέησις τοῦ δούλου τοῦ Θῦ Ἀγγελὰ κὴρ. μεγαλοθέτα τῆς. ἁγ. Ἰουστινιανῆς Κ-πάσης Βουλγαρίας. ἔτους ζρκζ. ἰνδ. Β΄. + διμος. Малограмотность надписи обличаетъ, по нашему мнѣнію, въ писцѣ славянина. Слово: Μεγαλοθέτης намъ не встрѣчалось прежде этого нигдѣ. Вмѣсто ἁγ. Ἰουστινιανῆς очевидно должно стоять: ἁ—ς Ἰουστινιανῆς. ибо: αγ. могло быть только сокращеніемъ слова: ἁγίας, т. е. *святой*, чтó къ собственному имени города Юстиніаны нейдетъ никоимъ образомъ. Значокъ же ἁ—ς замѣняетъ слово: πρώτης= *первой*, каковою и слыла Иллирійская Юстиніана въ отличіе отъ Кипрской, называвшейся второю. — Слово κὴρ., очевидно усѣченное, если считать искаженіемъ весьма употребительнаго: κύρ. (вмѣсто: κύριος), и переводить словомъ: господинъ, то ему не мѣсто стоять послѣ собственнаго имени Ангелы! Совсѣмъ не слыханное имя: Ἀγγελὰς наводитъ насъ на мысль, не нужно ли читать вмѣсто: κὴρ, κης, чтó, въ соединеніи съ предыдущимъ словомъ, составитъ имя: Ἀγγελάκης, уменьшительно отъ: Ἄγγελος. Послѣднее слово надписи;

гелá пожертвовалъ въ церковь, или точнѣе — самъ заказалъ сдѣлать для церкви вещь, носящую на себѣ замѣтку. Что за чинъ или должность: *Мегалоѳетъ*, объ этомъ можно догадываться, сравнивши его съ званіемъ *Великаго Логоѳета,* существующимъ до нашего времени при Вселенскомъ Патріархѣ. Вѣроятно автокефальная церковь Болгарская старалась копировать, насколько могла, Великую церковь, и завела у себя тоже Великаго Логоѳета, но или не смѣла или не съумѣла назвать его этимъ самымъ именемъ. Оттого и вышелъ тутъ Мегалоѳетъ, если только это не есть описка дѣлавшаго замѣтку. Есть еще большая икона Богоматери зовомая: „Милующая" (ἐλεοῦσα), прибывшая, какъ утверждаетъ мѣстное преданіе, изъ монастыря Панагіи. Есть и совсѣмъ новая икона Св. Георгія Янинскаго, замученнаго уже въ наши времена. Наконецъ Архимедово: „Эврика" повторилось и у насъ. Спутникъ мой откопалъ гдѣ то славянское письмо въ стѣнной иконописи. Въ алтарѣ надъ жертвенникомъ есть фресковыя изображенія Святыхъ первомученика Стефана и Романа Сладкопѣвца. Оба изображены діаконами. На орарѣ перваго написано отвѣсно нѣсколько разъ: стъ. За то на Романовомъ орарѣ читается тоже слово, но по гречески: АГІОС. Къ сожалѣнію, изображенія эти не представляются достаточно древними, чтобы бѣжать съ ними и кричать о славянствѣ древней Едессы. Вышедъ изъ храма, мы еще полюбовались въ притворѣ стѣннымъ изображеніемъ „лѣствицы, ведущей на небо" и „Лика Святыхъ". По сосѣдству мы посѣтили палаты Владычни. Впрочемъ, такъ какъ самъ хозяинъ былъ въ отлучкѣ по епархіи, то компанія наша ограничила визитъ свой побывкою въ саду его на мѣстѣ, откуда видится во всемъ величіи сосѣдній водопадъ. Я же предпочелъ этому пріятному зрѣлищу копированіе одной древней греческой надписи или

если не есть искаженное: δῆμος (которому впрочемъ нѣтъ никакой стати быть тутъ), то мы не знаемъ, что такое.

точнѣе записи на мраморной плитѣ (90 + 70 фр. метра), вставленной въ стѣну надъ самымъ входомъ въ архіерейскій домъ. Она содержала слѣдующее: *Благополучіе! Года 328. Списокъ эфивовъ, эфивствовавшихъ при Лисимахѣ Савидіановѣ (сынѣ), эфивархѣ. По опредѣленію Совѣта. Клавдій Серинъ До... ковъ. Квинтъ Александръ и Юлій Маркіины. Ульпій, Домицій, Элпидифоръ, Эвтихіонъ Македониховъ. Аникитъ, Александръ Папа... дровцевъ. Зопиръ Валеріевъ. Эсперъ Семеліинъ. Судисъ (?) Каллиситинъ и Филоменъ. Саторнилъ Идеинъ. Филитъ Фаріоновъ. Феликсъ Никомидовъ. Парамонъ и Юлій и Акила Юліевы. Гай и Парамонъ Гаіевы. Юліанъ Асклипинъ* [1]). Дѣло идетъ о кон-

---

[1]) Надпись состоитъ изъ 17 строкъ хорошаго древняго письма. Первыя 5 строкъ начертаны болѣе крупными и рѣже разставленными буквами. Въ нихъ σ имѣетъ начертаніе Ɛ и разъ даже Σ, тогда какъ въ остальномъ мелкомъ письмѣ, вездѣ пишется позднѣйшимъ C. Вся надпись читается такъ: Ἀγαθῇ τύχῃ. Ἔτους ΗΚΤ. Ἀπογραφὴ Ἐφήβων, τῶν ἐφηβευσάντων ὑπὸ Λυσίμαχον Ἐφήβαρχον. κατὰ τὸ δόγμα τῆς Βουλῆς. Κλαύδιος Σερῆνος. Δο. κου· Κοΐντος Ἀλέξανδρος καὶ ι (?) Μαρκίας Οὔλπιος Δομίτιος Ἐλπιδηφόρος Εὐτυχίων Μακεδονίχου. Ἀνίκιτος Ἀλέξανδρος Παπα.. δρωβυος Ζώπυρος Οὐαλερίου Ἕσπερος Σοῦδις Καλλίσιπης κα(ὶ) Φιλόμενος Σατορνῖλος Ἡδέας Φίλητος Φαρίωνος Φῆλιξ Νικομήδου Παραμόνος καὶ Ἰούλιο(ς) καὶ Ἀκῦλας οἱ Ἰουλίου Γάϊος και Παραμόνος οἱ Γαΐου Ἰουλιανὸς Ἀσκληπᾶ. Привѣтствіе, если и ближе перевести къ подлиннику дательнымъ или творительнымъ падежемъ, все не передаетъ вполнѣ заключающейся въ немъ мысли. Это похоже на наше: «добро пожаловать». Нескладно и невыразительно, а понимается хорошо. Ἔφηβος придается возрасту, когда у человѣка начинаетъ пробиваться усъ. Вѣроятно, періодъ этотъ полагался предѣломъ школьнаго обученія, и οἱ Ἐφηβεύσαντες были по нашему: «кончившіе курсъ». Перечень ихъ какому порядку слѣдуетъ, угадать трудно. Видно впрочемъ, что неразрядному, т. е. не по степени успѣховъ. Ибо дѣти одного отца ставятся всѣ вмѣстѣ, какъ будто бы они оказали всѣ одинаковые успѣхи. При собственныхъ именахъ эфивовъ стоятъ въ переписи и имена отца (или матери) каждаго изъ нихъ. Такихъ пояснительныхъ именъ мужскихъ 9 и женскихъ 4. Имя отца первыхъ двухъ *Клавдія* и *Серина* не читается ясно. Слово: δο. κου. не представляется испорченнымъ, а между тѣмъ не даетъ угадать, какое бы это было имя. Особенность, что слово это пунктировано по слогамъ, какъ бы наводитъ на мысль, не надобно ли тутъ видѣть столько обычной въ римскихъ надписяхъ аббревіаціи собственныхъ именъ, и не есть ли слогъ κου· начало имени KOVPTIOC — Curtius? Историческая наука знаетъ имя одного историка *Квинта Курція*, писавшаго жизнь Алек-

чившихъ гимназическій курсъ. Столько ли ихъ было, и такъ ли нами прочитаны и разставлены имена ихъ—судить не беремся. Это одинъ изъ несчетныхъ примѣровъ, засвидѣтельствованныхъ дошедшими до насъ памятниками, что выпускъ эфивовъ считался на столько важнымъ обстоятельствомъ, что по опредѣленію совѣта (парламента?) заносился на мраморъ для памяти потомства. Годъ 328-й конечно долженъ быть считаемъ по эрѣ Александровой, называемой еще иначе — Селевкидовъ, Македонскою и — просто Греческою. Онъ будетъ соотвѣтствовать 16-му году по Р. Х.

Отъ митрополіи мы направились къ другой церкви *Св. Іоанна Богослова*, влекомые туда слухомъ о находящейся въ ней надписи временъ тоже языческихъ. Церковь очень небольшая и совсѣмъ невзрачная, построена въ 7147 (1639) году, а возобновлена въ 1863-мъ. Надъ входными дверями ея вставлена со внѣ древняя мраморная плита съ рельефнымъ изображеніемъ креста и по сторонамъ его буквъ: α и ω, которую можно относить къ V—X вѣкамъ. Въ самой церкви въ стѣнѣ на лѣво есть маленькая ниша съ мраморною плитою въ глубинѣ

сандра Великаго, но кромѣ имени ничего болѣе не извѣстно о немъ. Полагаютъ знатоки дѣла, что онъ жилъ въ 1-мъ христіанскомъ столѣтіи. Вотъ и все, чѣмъ ограничивается кругъ свѣдѣній о немъ. Не онъ ли самый эфивствовалъ въ Македоніи въ началѣ 1-го столѣтія, и внесенъ въ нашу надпись третьимъ, съ собственнымъ именемъ *Ку(рція) Квинта*. Другое темное, и явно попорченное мѣсто въ надписи при словахъ: πατα... δρωβυος. Въ промежуткѣ между α и δ могутъ помѣститься три буквы и никакъ не менѣе двухъ. Какія онѣ именно, рѣшить не легко. Похоже какъ бы на то, что πάπα есть родительный падежъ извѣстнаго и изъ нашихъ Святцевъ (16 Марта), подобнаго имени, а слѣдующее за нимъ имя начиналось или съ ἀν или съ φαι или еще иначе какъ. Вмѣсто винительнаго падежа Ἕσπερον, конечно слѣдовало стоять именительному: Ἕσπερος. Σουδις—ни греческое ни латинское имя. Другаго чтенія нѣтъ основанія допустить, потому что и предыдущее Σεμέλης и послѣдующее Καλλίσης отлично стоятъ каждое на своемъ мѣстѣ. Дважды употребленный (во мн. числѣ) опредѣлительный членъ οἱ заставляетъ и въ ι (передъ Μαρκίας) предполагать его же. А это будетъ вести къ заключенію, что уже въ I вѣкѣ по Р. Х. οι произносилось за ι, а равно и ει (Εἰνύλιος), тоже за ι.

ея и надписью въ четыре строки, гласящею: *Менандръ Парменоновъ. Аннива... Меѳонадовъ. Меѳонадъ Менандровъ. Ироямъ* [1]), т. е. „возложили“ или по нашему посвятили. Года нѣтъ, но характеръ буквъ заставляетъ считать надпись древнѣйшею предыдущей, укороченная форма буквы π (Г) отдвигаетъ ее въ 3-й а даже 4-й вѣкъ до Р. Х., если не послужитъ возраженіемъ противъ сего собственное имя *Аннивы*, т. е. Аннибала, знаменитое имя котораго вошло въ извѣстность на Востокѣ только въ началѣ 2-го столѣтія до Р. Х. Больше нечего было видѣть въ церкви *Богослова*. Какъ бы въ соотвѣтствіе этимъ, единственнымъ въ Воденскихъ храмахъ, письменнымъ памятникамъ древности, говорящимъ о греческомъ прошедшемъ города, другой языкъ и не слышится въ нихъ до настоящаго времени кромѣ греческаго, не смотря на то, что почти всѣ, собирающіеся на молитву, суть болгаре, въ большинствѣ не понимающіе по гречески. Спрашивать: зачѣмъ и отчего это такъ дѣлается, значитъ — толочь воду. Отъ церквей мы перешли въ школу, тутъ же не подалеку находящуюся. Ради незнаю какого случая ученія не было. Тотъ же духъ исключительности вѣетъ и въ школахъ Водены, какой господствуетъ въ церквахъ Едессы. Все преподаваніе въ нихъ идетъ по гречески. Алфавитарій у всѣхъ на языкѣ, объ азбукѣ помину нѣтъ. Кто бы осмѣлился подумать, а особенно заговорить о ней, тотъ рискнулъ бы попасть на замѣчаніе сперва у владыки, а потомъ и у мудира, а затѣмъ и у паши областнаго и далѣе, гдѣ слѣдуетъ... Извѣстный Болгарскій патріотъ и школьный учитель *Іорданъ* за подобные беззаконные и

---

[1]) Μένανδρος Παρμενῶνος. Ἀννίβα(ς) Μεθωνάδου. Μεθωνάδης Μενάνδρου. Ἥρωσι. Посвятители повидимому были родственники. Всѣмъ ли героямъ древности посвящался камень или только мѣстнымъ какимъ нибудь, неизвѣстно. Обѣ надписи могли быть доставлены въ Водену и извнѣ, но вѣроятнѣе, что суть памятники древней жизни самой Эдессы.

мятежническіе помыслы не такъ давно попалъ въ тюрьму, и хорошо, что отдѣлался одною ссылкою въ Діарбекиръ, гдѣ и до сихъ поръ бѣдственно проводитъ дни свои, тужа, какъ слышно, всего болѣе о томъ, что сидитъ праздно безъ дѣла, тогда какъ могъ бы десятки и сотни своихъ единородцевъ научить читать и писать. И это дѣлаютъ люди, которые осмѣливаются весьма нерѣдко называть русскихъ свѣтогасителями!

По скалѣ между Митрополіей и училищемъ мы спустились не безъ труда и страха въ такъ называемые „сады", гдѣ предположительно былъ старый городъ Эдесса. Сколько на верху все говоритъ о высотѣ, величіи и силѣ, столько здѣсь все дышетъ тишиной, лаской и красотой. Такъ какъ я уже зарекомендовалъ себя на дворѣ Владычнемъ любителемъ древностей, то меня сейчасъ-же повели къ одной развалинѣ, т. е. кучѣ мусора, заросшей лѣсомъ, съ остаткомъ стоящей небольшой колонны темносиневатаго цвѣта, упавшею капителью и другими нѣсколькими обломками выдѣланнаго мрамора, которую назвали намъ бывшею церковію Св. Мученика *Өалалея* — „его же и память совершаемъ", прибавилъ при этомъ расказчикъ, улыбаясь. Въ самомъ дѣлѣ оказалось, что сегодня 20-го мая — въ Святцахъ стоитъ: Св. Муч. Өалалея. Пріятное совпаденіе. Но какой же поводъ былъ древнимъ Эдесситамъ— христіанамъ строить храмъ во имя Святаго такой малой извѣстности въ христіанскомъ мірѣ? спросилъ я. На это мнѣ отвѣчали, что Св. Муч. Өалалей былъ уроженецъ здѣшній и здѣсь пострадалъ. Новая пріятная неожиданность! Я могъ ожидать еще и четвертаго сюрприза, какъ бы финала къ тремъ первымъ, — столь естественной въ подобныхъ обстоятельствахъ просьбы подвигнуть русское боголюбіе къ возстановленію древняго святилища въ честь Мученика, егоже память совершаетъ, наравнѣ съ другими, и вся Россія. Но такой просьбы не было, потому ли, что мой путеводи-

тель былъ славянинъ, а не грекъ, и скорѣе посочувствовалъ бы какому нибудь своему *Стояну* или *Вуку* (волку), чѣмъ *Θалалею*, хотя бы и святому, или — потому, что просто не находилъ нужнымъ оживлять отжившее.

Нежданная задача для меня. Приготовляясь къ поѣздкѣ по Европейской Турціи, я запасался свѣдѣніями изъ разныхъ святцевъ и житейниковъ о святыхъ, которыхъ въ какомъ нибудь отношеніи можно считать принадлежащими мѣстамъ, находящимся на пути нашемъ. Ни одного имени, коими обставлена Via Egnatia, избранная нами за направительную линію дороги нашей, нѣтъ въ святцахъ нашихъ, кромѣ Θессалоники, агіологіей который мы уже занимались выше. Эдесса попадалась намъ на глаза, при перенесеніи Убруса съ нерукотвореннымъ Образомъ изъ Едессы въ Царь-градъ, но очевидно совсѣмъ другая. Что же касается Св. Муч. Θалалея, то мы его знали всегда за мученика Киликійскаго изъ подъ города Тарса. Тамъ онъ жилъ, тамъ и пострадалъ. Припоминается, что онъ брошенъ былъ, ктому же, въ море, что вовсе не приложимо къ мѣстамъ этимъ [1]). Но чичероне мой увѣрялъ меня, что въ житіи Свята-

[1]) Что говоритъ о Св. Θалалеѣ церковное преданіе? То, что онъ родомъ былъ отъ *Ливана*, сынъ воеводы *Верукія* и *Ромилы*, что за христіанство свое былъ схваченъ и судимъ Едесскимъ Игемономъ *Тиверіемъ*, бѣжалъ изъ Едессы, и снова былъ схваченъ по близости города *Аназара* (читай: Аназарва) и представленъ игемону Θеодору въ *Егинейстѣмъ* (читай: Егейстѣмъ) градѣ, разнообразно мученъ и посѣченъ мечемъ на мѣстѣ нѣкоемъ нарочитомъ, именуемомъ *Едесса*. Все это произошло при царѣ Нумеріанѣ, и именно въ 285 году. Вотъ что въ сущности передаютъ церковные памятники о Св. Θалалеѣ. Въ извѣстіяхъ этихъ встрѣчаются дѣйствительно имена городовъ *Едессы* и *Егеи*, уже намъ извѣстныя. Выходитъ такимъ образомъ какъ будто, что Св. Θалалей (по гречески: *Θаллелей*— зеленѣющій, цвѣтущій) и иже съ нимъ, если не были родомъ изъ Македоніи, то пострадали здѣсь, и именно въ Едессѣ, такъ какъ въ житіи прямо утверждается, что Св. Θалалей задержанъ былъ у города *Аназарва*, который принадлежалъ къ области Киликіи, и не имѣлъ нигдѣ на свѣтѣ ни какого соименнаго себѣ мѣста, чтобы могъ ввести въ заблужденіе изслѣдователя—историка. Нѣтъ ничего невозможнаго, что за весь періодъ мученичества свя-

го прямо приводится Едесса, какъ мѣсто страданія, — упоминается даже притомъ древнѣйшее названіе ея: *Эгея*. Мало того. Для бывшей столицы Македонской недостаточно одного *своего* святаго. Провожатый нашъ, замѣтивъ мое недовѣріе къ его утвержденію о Св. Θала-

---

тые побывали въ разныхъ мѣстахъ земли римской. Есть много примѣровъ (Св. Климентъ и Агаθангелъ, Св. Анастасій и пр.) такого странствованія мучениковъ слѣдомъ за своими мучителями. Но есть ли необходимость или крайность предполагать это. Кромѣ города Аназарва помѣхою къ такому заключенію служитъ еще и море, въ которое былъ брошенъ мученикъ, съ намѣреніемъ утопить его, находившееся, судя по тому, при самомъ городѣ Эгеѣ. Не предполагать же, что для этого нарочно водили или возили его на морской берегъ, напр. къ Солуню. Но, если совсѣмъ перенести мѣсто страданій Св. Θалалея въ Киликію, найдемъ ли мы тамъ что нибудь похожее на Эдессу и Эгею? Начнемъ съ послѣдней. Древніе географы знали нѣсколько городовъ этого имени. Знатнѣйшій изъ нихъ находился на Коринθскомъ заливѣ. Второй по немъ-именно въ Киликіи. О немъ упоминаютъ Птолемей, Плиній, Стефанъ и Константинъ Багрянородный. Онъ стоялъ, ктомуже, при самомъ морѣ и былъ въ недалекомъ разстояніи отъ Аназарва. На «табулѣ (Певтингеровой)» онъ наименованъ: Aregea (вѣроятно, читать надобно: Arx Egea). Разстояніе между нимъ и Аназарбомъ (Anazarbus) указано въ 24 мили. А въ «Синекдимѣ Іерокловомъ», въ области 2-й Киликіи указывается главный городъ (μητρόπολις) Аназарвъ. Въ числѣ же 8-ми подчиненныхъ городовъ, вторымъ читается: Αἰγαῖ. Такимъ образомъ не остается сомнѣнія, что все дѣло могло свершиться не выходя изъ предѣловъ (Второй) Киликіи. Теперь перейдемъ къ Едессѣ. Правда, что мѣста съ такимъ именемъ по близости Эгеи или Аназарва географы не знаютъ. Но, мало ли о чемъ не говорятъ они? Дѣло идетъ не объ отдѣльномъ городѣ, а о мѣстѣ нарочитомъ въ самой Эгеѣ. Можно бы думать даже, что тутъ вышла описка. По близости Эгейской пристани былъ островъ: *Элеуса* (Ἐλεοῦσα — милующая). Можетъ быть Элеусцы имѣли на твердой землѣ свой поселокъ, который также называли: Элеуса. А прочесть въ Элеусѣ Θдессу весьма легко. Впрочемъ, выдавать предположеніе за положеніе мы вовсе не хотимъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ въ томъ никакой крайности. Болландисты съумѣли объяснить дѣло другимъ образомъ. По ихъ мнѣнію слово: αἶγες (козы), несомнѣнно родоначальное имени города: *Эгея* или собственно: *Эгеи* (мн. ч.), могло произноситься и αἶδες. Отчего важнѣйшее («нарочитое») мѣсто города, напр. крѣпость или акрополь, могло удерживать за собою тоже имя, но по другому (напр. древнѣйшему) произношенію. И выйдетъ такимъ образомъ въ городѣ *Эгеяхъ* вышгородъ *Эдесса*. Предоставляемъ читателю судить, чье предположеніе правдоподобнѣе. Не скроемъ, что въ просторѣчіи нынѣшнихъ грековъ не рѣдкость услышать γιά вмѣсто предлога διά. А изъ старыхъ временъ сошлемся на примѣръ *Димитры* (Цереры), слова составленнаго изъ γῆ—μήτηρ—мать земля. При такомъ

леѣ, поспѣшилъ сообщить мнѣ, что къ Македонской, а не Асійской Едессѣ относится и преславное чудо, совершенное святыми мучениками *Гуріемъ, Самона* и *Авивомъ* [1]). Обѣ эти мѣстныя утвержденія — что-

---

предположеніи вышло бы, что и Царь Каранъ, переименовывая Македонскую Эдессу въ Эги, острилъ въ свое время. Можно, не доискиваясь причины: какъ и почему? вѣрить, что въ Киликійской Эгеѣ извѣстное мѣсто называлось Эдесса. Но дѣлу суждено затемниться еще отъ третьей Эдессы. Въ житіи св. Ѳалалея первымъ мучителемъ его указывается нѣкто Тиверій, Игемонъ *Эдесскій*. Не могъ же онъ называться такъ по имени одного изъ кварталовъ Эгеи. Игемономъ могъ быть только областный начальникъ. Надобно потому думать, что здѣсь дѣло идетъ о настоящей, и такъ сказать первоименной, Едессѣ Месопотамской. Мы видѣли, что Св. Ѳалалей былъ «родомъ отъ Ливана» (по Никодимову Синаксаристу: изъ мѣста въ Финикіи, зовомаго *Ливанъ*), извѣстной горы Сиро-Палестинской. Вѣроятно родное мѣсто его административно зависѣло отъ Едесскаго правителя, или онъ по какимъ нибудь дѣламъ своимъ былъ въ сосѣдней Осроенѣ, гдѣ и былъ выданъ Игемону Тиверію въ качествѣ христіанина. Дѣло такимъ образомъ улаживается. Мученикъ бѣжалъ отъ Игемона (гдѣ этотъ находился въ то время, неизвѣстно. Нѣтъ нужды представлять, что случай произошелъ въ самой столицѣ областной Эдессѣ, въ Киликіи), и въ другой разъ пойманъ былъ у Аназарва. А такъ какъ игемонъ этой области въ то время находился въ Эгеяхъ, то и мученикъ доставленъ былъ туда же. Тамъ онъ и страдалъ и былъ замученъ. Мѣсто же кончины его, если дѣйствительно звалось Едессой, то тутъ одно случайное тожество именъ городской мѣстности и славной столицы славнаго Авгаря. Остается еще рѣшить: откуда же взялась церковь Св. Мученика Ѳалалея въ Эдессѣ Македонской. 1) Отъ какого нибудь строителя ея, звавшагося Ѳалалеемъ. 2) Отъ такого-же строителя, или родившагося 20 Мая, или почему нибудь считавшаго для себя это число важнымъ. 3) Отъ строителя, имѣвшаго особенное благоговѣніе къ Св. Ѳалалею. 4) Отъ историческаго педантства какого нибудь ученаго, вычитавшаго въ Синаксаряхъ своего времени, что Св. Мученикъ Ѳалалей мученъ былъ «Едесскимъ Игемономъ» и посѣченъ во главу на мѣстѣ, зовомомъ: «Едесса», и поспѣшившаго заключеніемъ, что, значитъ, мѣстомъ подвиговъ Страстотерпца былъ его родной городъ, называвшійся этимъ именемъ еще до нашествія на Македонію Ираклидовъ, и пр. Отъ подобнаго заключенія до переименованія какой нибудь языческой развалины въ церковь Св. мученика Ѳалалея одинъ шагъ! Особенно же, если это случилось во время борьбы за существованіе Едессы и Водены.

[1]) Не менѣе бездоказательнымъ представляется и мнѣніе, что святые мученики *Гурій, Самона* и *Авивъ* принадлежатъ Македонской, а не Месопотамской Едессѣ. Географическій скачокъ тутъ еще менѣе простителенъ, чѣмъ въ попыткѣ пріурочить Св. Мученика Ѳалалея къ Македоніи. Тамъ блазнила судительную мысль кромѣ Едессы еще Эгея. А здѣсь просто одно имя Едессы, да и то завѣдомо, какъ говорится, передернутое. Все жи-

бы не сказать преданія — напали на мою критическую способность такъ сказать врасплохъ, нашли меня безоружнымъ въ виду такихъ положительныхъ, неотразимыхъ завѣреній. Надобно было согласиться съ тѣмъ, что выдавалось за историческій фактъ, подтверждаемый къ тому же памятникомъ.

Направляясь все далѣе къ востоку по садовой равнинѣ, мы вышли на площадь, занятую только что отстроенной церковію Св. Троицы, довольно красивой архитектуры съ тремя верхами, возведенной на древнихъ основаніяхъ. Еще въ Воденѣ мнѣ сказали, что при расчисткѣ мѣста кругомъ развалинъ древняго храма открыто много древнихъ могилъ христіанскаго времени, и въ нихъ найдено не мало древнихъ вещей. Оттого я съ понятнымъ нетерпѣніемъ стремился къ завѣтному мѣсту. Но то, что я нашелъ тамъ, далеко превзошло мои ожиданія. 28 большихъ и малыхъ, цѣлыхъ и въ осколкахъ, мраморныхъ плитъ съ древними, большею частью христіанскими, надписями встрѣ-

---

тіе Святыхъ, такъ сказать, дышетъ Азіей. Самыя имена ихъ не греческія и не латинскія, а видимо Сирскія или Арабскія. Не отрицаемъ того, что въ извѣстномъ житіи ихъ ни однимъ словомъ не заявлено, въ какой именно Едессѣ происходило дѣло, но близость мѣста подвиговъ ихъ къ Персамъ не оставляетъ сомнѣнія, что разумѣть нужно Едессу Месопотамскую. Тоже подтверждаетъ, по нашему мнѣнію неоспоримо, и имя горы, на которой они были умерщвлены. Она читается: *Веѳилавикля*. Какъ ни читать его, *Веѳиль-аб-икль* или *бет-иль-авихле*, или еще иначе какъ, все оно несомнѣнно взято изъ Еврейскаго или Арабскаго языка, и никоимъ образомъ не приходится ни къ огреченной ни къ латинствующей Македоніи. Поразительный случай съ клятвопреступникомъ солдатомъ-готѳомъ, хотя и ставитъ Едессу Мучениковъ въ сосѣдство какъ бы съ страною готѳовъ, и тѣмъ, повидимому, помогаетъ разсудку при сужденіи о чудѣ мгновеннаго перенесенія Эдессянки Евфиміи изъ Готѳіи къ гробамъ Мучениковъ, но также не въ состояніи объяснить его, какъ еслибы послѣдніе находились въ 10 разъ или далѣе или ближе и той и другой Едессы отъ родины вѣроломнаго Готѳа. Вообще, мы возвращаемся къ своему убѣжденію, что въ святцахъ нашихъ не извѣстенъ ни одинъ святый, котораго какъ нибудь можно было бы считать своимъ Едессѣ-Воденѣ, хотя близость ея къ Солуню, славному столькими мучениками, могла бы дать ей неоднократный поводъ раздѣлить эту печальную почесть съ апостольскимъ городомъ.

тили меня при входѣ въ открытый притворъ храма; нѣкоторыя изъ нихъ вдѣланы въ стѣны зданія, другія же стоятъ прислоненныя къ стѣнамъ со внѣ его. Почти всѣ надписи надгробнаго значенія и довольно отдаленной христіанской эпохи, что въ глазахъ моихъ имѣло двойную цѣну. Я просилъ позволенія у компаніи остаться на мѣстѣ и заняться списываніемъ нежданно объявившагося археологическаго сокровища. Для компаніи кстати нуженъ былъ отдыхъ гдѣ нибудь въ затишьи и прохладѣ, такъ какъ полдневое солнышко дѣлало невозможнымъ немедленное возвращеніе въ городъ съ подъемомъ на значительную высоту. Вотъ что мною было списано съ скрижалей небогатой содержаніемъ мѣстной исторіи, укрывавшихся въ землѣ несомнѣнно болѣе тысячи лѣтъ.

1. *Памятникъ Мартирія Пресвитера и Димитрія чтеца.*[1]). Начертано на мраморной плитѣ сѣроватаго цвѣта, каковы почти всѣ прочія плиты. Оба опредѣлительныя имени надписи представляются въ усѣченномъ видѣ. „Памятникомъ“ мы переводимъ греческое слово: Μημόριον, принадлежащее испорченной эпохѣ языка начала такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Оно есть передѣлка латинскаго слова: Memoria — память, и переносно памятная замѣтка, запись. Въ этомъ видно вліяніе оффиціальнаго языка эпохи, какимъ былъ, со времени обращенія Македоніи въ Римскую Провинцію, въ мѣстахъ этихъ латинскій, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Востокѣ, проникавшій тутъ въ частную жизнь населенія, по особеннымъ географическимъ условіямъ края, прорѣзаннаго главною военною дорогою имперіи.

2.... *на... Иконома Пресвитера*[2]). Конечно, тоже въ началѣ над-

[1]) Μημόριον Μαρτυρίου πρεσβ(υτέρου) καὶ Δημητρίῳ Ἀναγνώ(στου). Надпись въ 5 строкъ. Верхняя строка отбита почти вся вмѣстѣ съ мраморомъ, но слѣды буквъ явственны. Въ словѣ Δημητρίῳ описка. Слѣдовало быть: Δημητρίου.

[2]) ... νου .... οἰκον(όμου)... πρεσβ(υτέρου). Плита отличнаго бѣлаго мрамора, представляется теперь обломкомъ.

писи стояло: памятникъ. Собственное имя можетъ быть: *Іоанна, Гормена* и пр., или любимое Македонское: *Парамона*.

3. *Памятникъ Александра, Дросеріи, Зосиміана (?), Анастасіи (?)*[1]. Поверхъ надписи находится, вглубь вырѣзанное, изображеніе креста и двухъ по сторонамъ его птичекъ, обращенныхъ головами другъ къ другу и къ раздѣляющему ихъ кресту. Очевидно, памятная плита лежала на входѣ въ фамильный склепъ. Ибо не всѣ же вмѣстѣ за одинъ разъ умерли и погребены 4 человѣка.

4. *Памятникъ Діогена и сестры его Прокопіи*[2]. Поверхъ надписи тоже изображеніе креста и птичекъ. Кромѣ того, внизу подъ надписью повторительно стоитъ крестное знаменіе подъ искривленною линіею, оканчивающеюся двумя листочками плюща, столь общимъ и любимымъ древностію символомъ покоя вѣчнаго, перешедшимъ изъ понятій и обычаевъ язычества и въ христіанскій міръ.

5, *Памятникъ Дросеріи и Евдокіи и Анѳемія врача и сожительницы его Софіи*[3]. Поверхъ надписи изображеніе креста, утверждающагося на волнистой линіи, оканчивающейся листочками плюща. Въ концѣ надписи тоже одинокій удлиненный крестъ.

6. *Іисусъ Христосъ, Божій Сынъ, Спаситель. 643. Памятника два. Одинъ Дулкитія пѣвца, и одинъ Мавра строителя и сожительницы его. Домнины. Эммануилъ помилуй насъ.*[4]. Надпись

---

[1]) Μημόριόν Ἀλεξάνδρου, Δροσερίας, Ζωσιμιανο(ῦ), Ἀνασ(τασίας). Послѣднее имя можно подвергать сомнѣнію.

[2]) Μημόριον Διογένους καὶ τῆς τούτου ἀδελφῆς Προκοπίας.

[3]) Μημόριον Δροσερίας καὶ Εὐδοξίας καὶ Ἀνθεμίου εἰ(sic)ατροῦ καὶ τῆς συμβίας αὐτοῦ Σοφίας.

[4]) ΙΧ. ΘΥΣ. ΧΜΓ. Α. Ω. Μημόρια δύο ἕνα Δουλκιτίου ψάλτ(ου), καὶ τὸ ἕνα Μαύρου οἰκοδόμου καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δομνίνας. Ἐμμανουὴλ ἐλέησον ἡμᾶς. Званіе ψάλτης, конечно, одно и тоже съ нынѣшнимъ (псалтомъ) греческихъ церквей, замѣнившимъ теперь всѣ древнія низшія церковныя степени. О званіи Икодома (домостроителя) надобно выправиться въ церковной Археологіи. Несовсѣмъ грамотное выраженіе: ἕνα.. καὶ τὸ ἕνα

въ высшей степени замѣчательная, хорошо, и такъ сказать — наглядно характеризующая свою эпоху. Поверхъ ея изображены три креста удлиненной формы съ расширенными концами. Средній изъ нихъ, кромѣ того, имѣетъ съ правой стороны приставку въ видѣ кружка, съ которымъ онъ образуетъ такъ называемый у археологовъ *Лабаронъ* (Labarum) Константиновъ, въ которомъ можно усматривать и крестъ и монограмму имени Христова, — по греческому, впрочемъ, а не по латинскому письму. По сторонамъ сего креста начертаны апокалипсическія буквы A и Ω. Выше этой, какъ бы вводной, строки, начертанной буквами большаго размѣра, видится еще рядъ буквъ криптографическаго значенія, составляющій самую важную для насъ часть надписи. Всѣхъ буквъ числомъ 8. Разставлены онѣ въ 4 отдѣла IXΘΥΣΧΜΓ. Изъ первыхъ двухъ составляется слово ἰχθὺς, что значитъ *рыба*. Это есть та самая, столько извѣстная въ первыхъ вѣкахъ христіанства, криптограмма имени Христова, о которой упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ Климентъ Александрійскій. Въ Римскихъ катакомбахъ нерѣдкость увидѣть и самое изображеніе рыбки, необъяснимое повидимому ни чѣмъ. Для язычниковъ того времени, склонныхъ къ обоготворенію всего на свѣтѣ, почтеніе, воздаваемое христіанами рыбѣ, могло показаться страннымъ, а для вѣрующихъ оно служило символомъ всей ихъ вѣры и какъ бы девизомъ ихъ потаеннаго общества, ихъ знаменемъ въ войнѣ съ невѣріемъ. Слово ἰχθὺς составлялось изъ начальныхъ буквъ именъ Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ, и содержало въ себѣ такимъ образомъ, какъ бы въ зародышѣ, все христіанское богословіе, закрывая его отъ непосвященныхъ въ тоже время самымъ простымъ представленіемъ изъ круга обиденныхъ вещей. Появленіе

выдаетъ вполнѣ безграмотную руку писца, незнавшаго, что слово: μνημόριον средняго рода, и что слѣдовало ему писать, вмѣсто ἥνα, ἣν

этого мистическаго слова на могильной надписи нашей уже одно, само по себѣ, говоритъ о ея глубокой древности. Но, къ довершенію удовольствія нашего, рядомъ съ нимъ стоитъ и лѣтоисчислительная помѣтка надписи. Считать слѣдующія за словомъ ἰχθὺς три буквы χμγ продолженіемъ заключающагося въ немъ тайнаго смысла, мы не находимъ возможнымъ, потому что, если еще съ натяжкой можно въ μγ предполагать сокращенное: μέγας, то въ χ положительно нельзя угадать никакого таящагося подходящаго смысла, а главное — потому, что самымъ естественнымъ образомъ усматривается въ нихъ хронологическая цифра, дающая 643-й годъ Александровой или Македонской эры, соотвѣтствующій 331-му христіанскаго лѣтосчисленія.. Надпись ставитъ такимъ образомъ насъ лицемъ къ лицу со временемъ Константина Великаго, и сама составляетъ не малую рѣдкость въ памятникахъ христіанства. Собственно она заканчивается словомъ: *Домнины,* состоя изъ 10 строкъ, въ срединѣ которыхъ трижды встрѣчается и изображеніе листка плющеваго, — явный признакъ близости эпохи языческой. Въ концѣ надписи стоитъ опять крестное знаменіе, и съ нимъ листокъ плюща и птичка, обращенная головой къ тому и другому. Прибавленіе къ надписи, состоящее изъ трехъ строкъ, отдѣлено отъ нея нѣкоторымъ промежуткомъ, по которому случайно произошолъ и разломъ плиты, состоящей теперь изъ двухъ кусковъ и какъ бы изъ двухъ номеровъ. Требуется нѣкое вниманіе, чтобы досмотрѣться ихъ однородства или бывшей цѣлокупности. Подъ припискою также сдѣлано игривою рукою рѣзчика изображеніе какого-то животнаго (вѣроятно, собаки), устремившагося съ открытымъ ртомъ къ стоящему впереди его сосуду, — изображеніе, по нашему мнѣнію мало согласное съ содержаніемъ надписи и съ духомъ приписки, хотя съ натяжкой и въ немъ можно найти глубокое значеніе.

7. *Памятникъ Θеодосіи діакониссы и Астиліи и Агаθокліи дво-*

ственницъ [1]). Надпись состоитъ изъ 5 строкъ. Высшую, шестую строчку занимаютъ изображенія двухъ крестовъ. Третій крестъ меньшаго размѣра - стоитъ въ началѣ надписи, передъ словомъ: μημόριον.

8. *Памятникъ Агаѳокліи дѣвственницы и діакониссы* [2]). 5 строкъ. Выше ихъ, въ кругу - большое изображеніе креста и по сторонамъ его двухъ птичекъ, обращенныхъ къ нему головами.

9. *Памятникъ Святыхъ Петра и Павла* [3]). Узкая и невзрачная плитка. На 6 строчекъ растянутая, краткая запись эта, сравнительно съ другими весьма неважная и какъ бы даже небрежная, удивляетъ своимъ содержаніемъ. Имена *Петра* и *Павла,* вмѣстѣ встрѣченныя и относящіяся къ двумъ, вмѣстѣ погребеннымъ, лицамъ, уже одни останавливаютъ на себѣ вниманіе, а съ приставкою слова: *святыхъ* могутъ казаться прямо загадкою. Конечно, это не святые Апостолы Петръ и Павелъ, а какіе нибудь братья или друзья, по крещеніи нарекшіе себѣ Апостольскія имена. Но, въ какомъ смыслѣ они названы „Святыми"? Въ общеупотребительномъ церковномъ смыслѣ прославленія и вѣчнаго блаженства въ небесахъ? Но въ такомъ случаѣ ужели бы никто не поусердствовалъ положить на гробъ угодниковъ Божіихъ, если нелучшую, то ужъ никакъ не худшую другихъ, плиту съ преукрашенною, или хоть чѣмъ нибудь отмѣченною над-

---

[1]) Μημόριον Θεοδοσίας διακόνου καὶ Ἀσπη(sic)λίας. καὶ Ἀγαθοχλή (sic)ας παρθένο (sic)ν,—вмѣсто: παρθένων.

[2]) Μημόριον Ἀγαθωκλίας παρθένου καὶ διακώνου. Въ обѣихъ надписяхъ слово: διάκονος мы переводимъ Діаконисса, потому что именно это оно означаетъ. Равно и παρθένος не есть просто дѣва, но дѣвственница, — слово и понятіе, предварившія собою позднѣйшее: μονάχή и совсѣмъ позднее; καλογραῖα.

[3]) Μημόριον τῶν ἁγίων Πέτρου καὶ Παύλου. Написано безъ ошибокъ. Никакого украшенія, ни даже обычнаго креста, нѣтъ ни въ началѣ ни въ концѣ ея. Плита имѣетъ видъ узенькой дощечки изъ сѣроватаго мрамора и сохранилась вполнѣ.

писью? Допустить же, что „святые" значить просто: „освященные", каковы напр. священники, діаконы и т. п. опять нѣтъ основанія. Мы видѣли уже, что пресвитеръ Мартирій (№ 1) не названъ святымъ. Остается предположить, что чертившій надгробную надпись водился личнымъ чувствомъ благоговѣнія къ усопшимъ, и, величая ихъ святыми, имѣлъ въ виду неболѣе сказать того, что мы соединяемъ съ выраженіемъ: рабъ Христовъ, праведная душа, святая душа.

10. *Памятникъ св. Евдоксія пресвитера и грѣшнаго Іоанна діакона* [1]). Высказанное нами выше предположеніе о значеніи слова: *святый* подтверждается, какъ нельзя болѣе, этою надписью. Писалъ ее очевидно *Іоаннъ Діаконъ,* преисполненный уваженія къ почившему своему сослужителю, приготовляя въ одной могилѣ съ нимъ и себѣ мѣсто покоя вѣчнаго. Такъ какъ слово: *грѣшный* тутъ нельзя принимать въ смыслѣ грѣшника, осужденнаго на вѣчное мученіе или погибшаго, а только какъ выраженіе самоукоренія въ духѣ Евангелія, то и противопоставленное ему включеніе со святыми въ Бозѣ почившаго должно имѣть смыслъ простаго ублаженія или похваленія, согласно заповѣди премудраго: память праведнаго съ похвалами.

11. *Памятникъ Софіи и Калликрата воина* [2]). Трехстрочная надпись, поверхъ которой въ видѣ особой строки видится обычное изображеніе креста съ обращенными къ нему по обѣимъ сторонамъ двумя птичками.

---

[1]) Μνημόριον τοῦ ἁγ(ίου) Εὐδοξίου πρεσβυ(τέρου) καὶ τοῦ ἁμαρτουλο (Ι)'ωάννου διακόνο(υ). Плита обита со всѣхъ сторонъ. Слово: ἁγίου не читается вполнѣ, но иное толкованіе его невозможно. Въ словѣ: ἁμαρτουλο очевидная описка. Надобно читать: ἁμαρτωλοῦ.

[2]) Μνημόριον Σω(sic)φίας καὶ Καλλικράτου στατιουτου. Въ послѣднемъ словѣ несомнѣнно ошибка. Надобно было написать στρατιώτου. Замѣчательно впрочемъ, что и въ этой и въ предыдущей надписи представляется писцу возможность ошибиться въ произношеніи ου вмѣсто ω.

12. *Памя(тникъ)... и... анат...* [1]). Небольшой обломокъ плиты съ лѣвою, начальною половиною надписи, въ теперешнемъ видѣ совершенно не вразумительной. Видно, что могила скрывала въ себѣ, какъ и другія, нѣсколькихъ усопшихъ.

13. *(Памят)никъ (Геор)гія Гу... и со(жительницы) его К...м* [2]). Уцѣлѣла правая половина надписи, и то не вся. Похоронены были, видимо, мужъ и жена.

14. *Памятникъ Іордана, коноврача и сожительницы его Димитріи* [3]). Четырехстрочная, совершенно цѣлая, надпись.

15. *Памятникъ Главка Парамоніунова (и сожи)тельницы...* [4]). Нижняя часть плиты отбита, и отъ надписи осталось три неполныхъ строки. *Парамоніунъ* неслыханное и трудно вѣримое имя. Но никакому другому чтенію, повидимому, нѣтъ мѣста.

16. *Памятникъ содержащій (останки) Іоанна Оѳоніака и сожительницы его Димитріи...* [5]). Изъ 6 строкъ надписи послѣдняя почти вся отбита. Верхъ плиты закругленъ, предисловіемъ къ надписи слу-

---

[1]) Μημό(ριον)... καὶ τῆς... ανατ... την του... σιν... Нельзя додуматься ни до чего.

[2]) (Μημόρ)ιον.... γιόυ γ (или π)ου.. καὶ τῆς σ(υμβίου αὐ)τοῦ κ.....ης.

[3]) Μημόριον Ἰορδάνου ἱπποιατροῦ καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δημητρίας. Имя Іордана, встрѣчающееся въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Македоніи, замѣчательно.

[4]) Μημόριον Γλαύκου Παραμονιοῦνος (καὶ τῆς συ)μβίου.. Слѣдовало написать: Παραμονιῶνος.

[5]) Μημόριον, δη(sic)αφέρον τὰ Ἰωάννου Ὀϑωνιακοῦ καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ Δαμη.... Выраженіе: «διαφέρον» въ смыслѣ содержанія или заключенія (именно костей въ гробницѣ) извѣстно въ христіанской древности самаго отдаленнаго періода. Вошло оно въ употребленіе вѣроятно подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій о безсмертіи. Коренное значеніе глагола: διαφέρω — разношу, различаю, и тому подобное уступило здѣсь мѣсто другому: переношу, уношу, переселяю. Ὀϑωνιακός — есть ли имя фамиліи, мѣста рожденія или проживанія, занятія... неизвѣстно. Имя сожительницы не угадывается. Вмѣсто Δ можно читать и Λ. Чтеніе: τὰ ὀστᾶ, λείψανα (Ἰωάννου), хотя необычно, но несомнѣнно.

житъ изображеніе креста, утверждающагося на изогнутой линіи, кончающейся съ обѣихъ сторонъ листочками плюща.

17. *Памятникъ Өеодосіи и Аспиліи дѣвственницъ* [1]). Красивая четырехстрочная надпись съ изображеніями вверху и внизу. Верхнее представляетъ крестъ, утвержденный на подножкѣ, къ которой наклонились головками стоящія по сторонамъ птички. Нижнее состоитъ изъ креста въ кружкѣ, къ которому также устремляются двѣ птички, но такъ, что одна изъ нихъ (чтó на лѣво) смотритъ на крестъ обернувшись.

18. а) *Раба Прокопі(я)*. б) *Господи помоги рабу твоему Георгію. Аминь.* в) *Господи помоги рабу твоему попу Іоанну. Аминь.* г) *Подобно и... Өеодору.* д) *Помоги рабу твоему попу Антоні(ю) и...* [2]) Всѣ эти скорописныя замѣтки начертаны на небольшой мраморной плиткѣ. Двѣ изъ нихъ (бив) обведены кругомъ чертою въ видѣ рамки. Ни по содержанію ни по внѣшнему виду никакого отношенія онѣ не имѣютъ къ предыдущимъ, и говорятъ о полномъ упадкѣ ученаго образованія въ писавшихъ.

19. *Память Марцилла Не...* [3]). Латинская надпись трехстрочная. Сверху ея изображенъ крестъ и по сторонамъ его по плющевому листку. Видимо и она принадлежитъ тому же времени, какому греческія 17. Начертаніе ея разнится отъ греческихъ тѣмъ, что между строками проведены горизонтальныя линіи, да еще двойныя, подобно тому, какъ

---

[1]) Μημόριον Θεοδοτίας κ(αὶ) Ἀσπιλίας παρθένων. Конечно, это не тѣже лица, что упоминаются въ надписи № 7. Любимыя, какъ видно, христіанскою древностію имена *Аспиліи* и *Дросеріи* (не запятнанной и прохладительной) не вошли въ наши Святцы. *Прокопія* и *Димитрія* могутъ быть рекомендованы нашимъ женскимъ монастырямъ.

[2]) а. Δουλο(υ) Προκοπη(ου). б. Κυ(ριε) βοηθι του δουλου σου Γεοργη(ο)υ αμην. в. $\overline{κε}$ βοηθι του δουλου σου παπα Ιοαννου αμην г. Ομηος (ομοιωϛ) του κουναου βερναρου αστου Θεοδορου. д. Βοηθη του δουλου σου λπαντονηκλτε.

[3]) Memoria Marcilli ne... Можно читать вмѣстѣ: Marcilline (вм: ae).

это дѣлается въ прописяхъ. Появленіе латинской надгробной записи между столькими греческими, свидѣтельствующее о присутствіи инородной стихіи въ древней Едесской церкви, не представляя въ себѣ чего нибудь особенно рѣзкаго, веселитъ однакоже историчествующую мысль. Занесенный вдаль на Востокъ, римлянинъ не охватывается духомъ чужбины, помнитъ свою племенную особность, съ достоинствомъ отстаиваетъ ее, и даже по смерти хочетъ оставаться римляниномъ. Отчего же наши славяне, прозябая столько столѣтій въ мѣстахъ этихъ, не оставили послѣ себя никакого слѣда своей племенной розни, и даже теперь не смѣютъ сказать ни греку ни турку, что у нихъ есть свой родной языкъ, въ которомъ не будетъ недостатка въ словахъ для болѣе удачнаго напр. перевода латинскаго: memoria, чѣмъ греческое: μνημόριον?.. Впрочемъ, подождемъ бранить давно отжившихъ родичей Македонскихъ. Можетъ быть далѣе, по дорогѣ въ старую Болгарію, мы и наткнемся на цѣлый рядъ, подобныхъ Едесскимъ, надгробныхъ *памятокъ* какой нибудь забытой древне-славянской мѣстности.

Насытившись отъ крупицъ этой неожиданной археологической трапезы духовной, предложенной намъ стародавнею столицею Македоніи, какую не доставили намъ въ свое время даже преславныя Аѳины, богатыя на все, чего только поищетъ человѣкъ, любящій *помыслить дни первые* и *помянуть лѣта вѣчныя*, мы, безъ малаго уже часа два трудившіеся и физически и умственно, дали себѣ отдыхъ, и вспомнили о крупицахъ другой, менѣе „изысканной“ по выраженію одного не — археолога, трапезы, сказать проще: закусили, усѣвшись въ притворѣ церкви, заваленномъ всякаго рода и вида матеріаломъ. Вѣщія плиты съ тремя десятками освѣщенныхъ ими, и такъ сказать вызванныхъ изъ глубокой древности, христіанъ и христіанокъ, тутъ жившихъ, ходившихъ, сидѣвшихъ.., мирно смотрѣли на насъ и какъ бы жаловались намъ на то, что ихъ потревожили съ мѣста, и вмѣсто про-

хлады въ нѣдрахъ земли, выставили подъ жгучій лучъ солнца. Хорошо, но на то вы и вѣщія, чтобы вѣщать о себѣ отдаленному потомству. Если бы чертившій васъ не имѣлъ сего въ виду, онъ обошелся бы безъ васъ. Коротко и ясно! Въ самомъ дѣлѣ, не странная ли это аномалія: прятать усопшаго на вѣки въ землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ класть туда же памятную о немъ замѣтку? Для кого?.. Инстинктъ безсмертія выдаетъ себя въ насъ на каждомъ шагу. Онъ же конечно подшепнулъ на ухо и „грѣшному" діакону Іоанну игривую мысль засвидѣтельствовать передъ кѣмъ-то (вѣдь не передъ мракомъ же могилы!) о лежащемъ съ нимъ рядомъ „святомъ" священникѣ Евдокіѣ. Какая-то надежда оставалась у человѣка, что онъ еще разъ предстанетъ передъ взоры людей, для которыхъ такимъ образомъ онъ и счелъ нужнымъ сдѣлать извѣстнымъ, кто онъ такой. Предчувствіе не обмануло его. Черезъ полторы тысячи лѣтъ заступъ работника открылъ вотъ цѣлый мертвый городъ съ именами, возстановляющими древнюю христіанскую жизнь. Встрѣчаемся мы тутъ съ пресвитерами, діакониссами, дѣвственницами, пѣвцами, чтецами, икономомъ, икодомомъ (строителемъ), воиномъ, ветеринарнымъ врачемъ... Воскресаетъ если не то или другое лицо, то цѣлое общество — въ утѣшеніе и поученіе родамъ грядущимъ и въ молитвенную память родовъ отшедшихъ. Конечно, *и сіе суета!* Но ужъ если есть что нибудь въ суетномъ мірѣ, достойное нашего сочувствія, то это заявленія духа, отрицающія суету. Эти листочки, зеленѣвшіе подъ сѣнію креста, эти птички, желательно и уповательно смотрящія на него, что какъ не глубочайшее признаніе души, что не все кончается съ кончиною человѣка? Вѣдь и на крестѣ умеръ тоже земнородный, доказавшій всему человѣчеству, что смерть есть переходъ къ жизни. Какъ же удержаться послѣ сего, чтобы не заговорить о себѣ и изъ могилы? Все равно, есть кому слушать меня, или совершенно не кому. *Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ.*

Кромѣ пересмотрѣнныхъ нами христіанскихъ надписей, тутъ же (или по близости гдѣ) собрано и частію употреблено въ дѣло при возведеніи храма, какъ строительный матеріалъ, нѣсколько древнихъ камней съ надписями языческой эпохи. Оставалось пересмотрѣть и списать и ихъ, чтобы не унести на совѣсти археологическаго грѣха противъ именитой мѣстности. Вотъ онѣ:

20. *Эпиктету Нутрицію. Мульвія К(аіева) д(очь) Плацида, Патрона Тада (?), внука Льва, пропретора провинціи Македоніи* [1]). Латинская семистрочная надпись, вполнѣ сохранившаяся. Поверхъ ея особо стоятъ двѣ буквы D и M, означающія безъ сомнѣнія: Diis Manibus — Богамъ подземнымъ, обычное посвященіе подобнаго рода записей у римлянъ. Nutricius есть ли собственное имя, или значитъ: *воспитатель*, рѣшить не можемъ. *Плацида* — наиболѣе вѣроятное чтеніе, хотя на камнѣ совершенно ясно видится I, а не L, и есть возможность раздѣлять имя на два отдѣльныхъ слова: pia и cida. О словѣ: Tadi ничего даже гадательно сказать не можемъ. Nepotis есть ли родительной падежъ слова nepos, и относится ли къ *Таду*, внуку (Львову?), или употреблено вмѣсто neptis, и относится къ самой *Мульвіи*, тоже для насъ представляется неяснымъ. Наконецъ и въ собственномъ имени: *Левъ* (Leo) можно еще предполагать слово Legio = Легіонъ, а въ pro. pr. угадывать: propriae т. е. Macedoniae. Вообще, по малому знакомству моему съ Латинскими древними надписями, я затрудняюсь представить точный переводъ этого памятника Римской Македоніи, утѣшая себя тѣмъ, что, повидимому, онъ не имѣетъ большой исторической важности.

---

[1]) D. M. Epicteto Nutricio Mulvia. C. F. Piacida. patrona Tadi. nepotis. Leo(g) pro. pr. pro. vinc. Macedoniae. Надъ конечною буквою слова: Leo, припавшею на самый край (съ правой руки) строки, видится, менѣе отчетливо начертанная буква G или C. Камень вдѣланъ въ стѣну церковнаго притвора съ лѣвой руки.

21. Еще менѣе въ состояніи я прибрать какой нибудь смыслъ къ Латинскимъ буквамъ LDLL(N)I(E), читаемымъ на обломкѣ колонны изъ темноцвѣтнаго камня, разбитой турками, по достойному временъ до — карановыхъ предположенію, что не даромъ же кто-то высѣкалъ тутъ „язи“, и что, значитъ, внутри камня спрятаны добрыя денежки... Ставъ на точку зрѣнія этихъ новыхъ археологовъ, мы со спутникомъ безъ труда прочли въ таинственной надписи начальныя буквы словъ: Лиры (турецкія), Дукаты, Лиры (Атл.), Лиры (французскія)... въ чемъ и просимъ прощенія у людей серьезныхъ.

22. *Л. Юлій Эпафродитъ Юлію Никифору и Юліи Ромѣ отпущенникамъ. На память. Года 316* [1]). Отлично начертанная и отлично сохранившаяся шестистрочная греческая надпись. Не угадаешь причины такого рѣдкаго вниманія бывшаго господина къ бывшимъ рабамъ. Не кроется ли причина его въ какихъ нибудь неявныхъ родственныхъ отношеніяхъ перваго къ послѣднимъ? И онъ Юлій, и тѣ зовутся Юліемъ и Юліей. Какъ будто не даромъ такая щедрость на знаменитое имя. Притомъ же Юлій junior прозванъ еще *побѣдоносцемъ*, а Юлія (сестра его?) и прямо возвеличена прозваніемъ *Рима...* Что-то довольно замысловато. Приведено въ исполненіе это желаніе предать памяти потомства великодушный поступокъ барина, въ 4-й годъ христіанской эры.

23. *Клавдіанъ Парамонъ Куріацію Трофиму другу* [2]). Пятистроч-

---

[1]) Λ. Ἰούλιος Ἐπαφρόδειτος Ἰουλίῳ Νει(sic)κηφόρῳ καὶ Ἰουλίᾳ Ῥώμῃ τοῖς ἀπελευθέροις. Μνήμης χάριν. Ἔτους ςιτ. Съ обѣихъ сторонъ лѣтосчислительной помѣтки изображенъ по плющевому листку. Такой же листокъ видится и послѣ слова χάριν. Видно изъ сего, что символическаго значенія — такого или инаго — онъ прямо не имѣетъ, а служитъ просто или грамматическою точкой или даже однимъ украшеніемъ.

[2]) Κλαυδιανὸς Παράμονος Κουριατίῳ Τροφίμῳ ἰῷ φίλῳ. Латинскія имена выносятъ надпись въ римскій періодъ Македоніи. Видно, что друзья были огречившіеся римляне. Трижды поставленное Ω не то мѣшало рѣзчику тамъ, гдѣ недоставало мѣста для Ω, на-

ная надпись широкаго аккуратнаго письма, безъ всякихъ прибавленій и украшеній. Просто и кратко и по своей сердечности умилительно. Вмѣсто собственнаго имени: *Трофимъ* можно предполагать и нарицательное: питомецъ.

24. *Года 276-го. 22-хъ лѣтъ С. Педисъ Лика братанича... какъ сына. На память* [1]). Большаго размѣра семистрочная надпись съ страннымъ начертаніемъ нѣкоторыхъ буквъ, затрудняющимъ чтеніе. Не менѣе трудна и разстановка словъ, писанныхъ слитно. *Педисъ* — совсѣмъ незнакомое имя, скорѣе бы латинское, чѣмъ греческое, а можетъ быть и прямо старо-македонское. Имя *Ликъ* (Λύκος) мы оставляемъ безъ перевода, хотя имѣли бы право вмѣсто него поставить соотвѣтствующее слово: *Волкъ,* столько любимое, какъ имя, и теперь мѣстнымъ населеніемъ (припомнимъ имена: Вукъ, Вукашинъ, Вукаловичъ..). Отчего, противъ обычая, имя Лика стоитъ въ винительномъ, а не въ дательномъ падежѣ, и какой надобно подразумѣвать при томъ глаголъ (безъ котораго, не затемняя смысла, обходятся подобныя надписи при дательной формѣ сказуемаго), это рѣшило бы стоящее за словомъ: ἀδελφιδι-братанича, реченіе, но прочесть для меня не представляется возможности. Можно возражать и противъ слѣдующаго за

чертать малое ω. Урокъ изслѣдователямъ древней графики греческой не спѣшить хронологическими заключеніями, на основаніи преобладающаго въ надписи характера тѣхъ или другихъ буквъ. Любовь къ старинѣ, подражательность и педантство надѣлали много неузнаваемыхъ вещей, и не мало затруднили историческую науку.

[1]) Ἔτους ςος. Ἐτῶν κβ. Σ. Πέδις Λύκον τὸν ἀδελφιδι.. ξεν ὡς τὸν ὑόν. Μνήμης χάριν. Вмѣсто Λύκον, можно читать, какъ одно имя, Λυκόντον. Стоящій въ надписи за этимъ словомъ листокъ плюща кажется не могъ бы имѣть мѣста между членомъ и именемъ, если тутъ допустить чтеніе: τὸν ἀδελφιδ(οῦν). Такъ какъ чтеніе: ξενως не даетъ тутъ никакаго смысла, то мы и отдѣлили отъ него осмысленное ὡς. Затѣмъ остается подыскать глаголъ, который имѣлъ бы окончаніе ξεν (аористное). Кстати, какой нибудь глаголъ непремѣнно тутъ нуженъ. Но найти подходящій весьма не легко. Впереди слога ξεν, онъ можетъ имѣть только одну и много — двѣ буквы. Вмѣсто ὑόν, читай: υἱόν.

тѣмъ чтенія: *какъ сына*. Между строками 4 раза встрѣчается и плющевый листокъ. Годъ надписи выходитъ 37-й до Р. Х.

25. *Г. Педу и Острія, Кадіонъ и Атія, Парамона и Сабина чаду при жизни самимъ себѣ сдѣлали* [1]). Четырехстрочная надпись эта сдѣлана на лицевой сторонѣ саркофага, вдѣланнаго теперь въ сѣверозападный уголъ церкви. Подобнаго значенія и содержанія надписей есть множество на Востокѣ. Люди заживо приготовляли себѣ „плотоядницы“, и означая письмомъ на нихъ принадлежность ихъ себѣ, крѣпко заботились о томъ, что бы никто, кромѣ ихъ самихъ, не былъ положенъ въ нихъ, и заклинали начальства мѣстныя и всѣхъ гражданъ исполнить свято волю ихъ. Выраженіе: Ζῶντες ἑαυτοῖς ἐποίησαν было типическимъ въ подобныхъ надписяхъ. Если имѣли въ виду и еще кому нибудь дать мѣсто въ своей гробницѣ, то вписывали и его имя. Такъ и въ настоящемъ случаѣ родители, лишившись безвременно своего чада, устроили *для него* саркофагъ, предназначая его въ тоже время и *для самихъ себя*, только не съумѣли складно заявить о томъ. Но это — наименьшая изъ несообразностей разсматриваемой надписи. Если слѣдовать предложенному нами чтенію, то выйдетъ, что у шести родителей было одно чадо, и то осталось не поименованнымъ! Другаго же чтенія мы пока не придумаемъ. А допускать неполноту или поврежденіе текста нѣтъ никакого основанія. Есть при надписи и изображеніе молодаго человѣка, несущагося на лошади, подъ которою видится собака, устремившаяся за кабаномъ. А сзади всадника извивается змѣя. Смыслъ изображенія понятенъ. Послѣдняя

[1]) Г. Πέδου καὶ Ὀστρία Καδίων καὶ Ἀτεῖα Παραμόνα καὶ Σαβεῖνα τῷ τέκνῳ ζῶντες ἑαυτοῖς ἐποίησαν. Повторяется имя *Педа* или *Спеда* но еще въ болѣе странной формѣ, съ окончаніемъ на ου. Другія, слѣдующія за нимъ, три имени, по своей необычности напрашиваются на иное чтеніе текста. Но какъ ни разбивать его, все окажется больше лицъ, чѣмъ сколько нужно для одного τέκνῳ. Съ именемъ Pedo упоминается впрочемъ одинъ преторъ у Тацита, а *Атіей* (Atia) называлась мать Августа.

укороченная строчка украшена въ началѣ и въ концѣ изображеніемъ плющеваго листка. Года при себѣ надпись не имѣетъ, но отсутствіе Ω, Ε и Σ, замѣненныхъ вездѣ ω, Є и С, выноситъ ее уже какъ бы въ христіанскія времена.

26. *Совѣтъ и димъ... если же гражданамъ... ибо таковыя...* [1]). Обломокъ, какъ видно, большой плиты бѣлаго мрамора, содержавшей народное опредѣленіе. Сохранились остатки трехъ строчекъ, вырванные изъ средины.

27... *богатыхъ..* [2]). Еще меньшій обломокъ повидимому той же самой плиты.

28... *приверженныхъ Секундановъ..* [1]). Не съумѣемъ ничего прибавить въ объясненіе. Надписи сохранилось только весьма малая часть, а именно — 2 строки полныя и третьей строки 5 буквъ.

Работа наша была кончена. Съ удовольствіемъ, какого давно уже не приходилось испытывать, пересматривалъ и повѣрялъ я свои сокровища археологическія. Всѣ надписи христіанскія (исключая № 18) по характеру письма представляются принадлежащими одной и той же эпохѣ, и такъ какъ по счастію на одной изъ нихъ оказалась хронологическая дата, слѣдующая общепринятой въ Македоніи эрѣ, не оставляющая сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ IV вѣкомъ христіанскимъ, то сегодняшнюю находку нашу не обинуясь можно

---

[1]) Βουλὴ καὶ δῆμος... νε η δε πολιταισμο... επιν γὰρ τοιαῦτα... Видно изъ надписи одно, что въ Едессѣ, какъ и въ другихъ большихъ «самозаконныхъ» городахъ эллинскихъ, были въ древности и *Дума* и *Палата* народныхъ представителей или *Совѣтъ* (βουλή). Мы уже выше, въ спискѣ кончившихъ курсъ Эфивовъ, встрѣтились съ этимъ учрежденіемъ, но тогда умолчали о немъ изъ опасенія, какъ бы не сказалъ кто, что камень съ надписью могъ быть доставленъ совнѣ въ Водену. Теперешній, вторично заявляющій о мѣстномъ «парламентѣ» камень, найденъ *тутъ* въ окрестности.

[2]) ... πλουσίους τοὺς δν...

[3]) ... ροτιν... μερου τῶν καθοσιωμένων σεκουνδάνων... Тщательно двойными чертами высѣченная надпись.

назвать „сокровищемъ“. Сличая христіанскія надписи съ языческими, дѣйствительно убѣждаешься, что ихъ раздѣляетъ не большой (сравнительно) промежутокъ времени. Начертаніе буквъ въ первыхъ почти не разнится отъ послѣднихъ. Не достаетъ въ нихъ только Ω, Σ и Ε, замѣняемыхъ ω, C и e, [1]) которыхъ употребленіе встрѣчается впрочемъ и въ языческихъ, особенно же въ № 25. Исключительная особенность христіанскихъ есть слитное начертаніе двоегласнаго ου въ видѣ ȣ, хотя наравнѣ съ нимъ (и даже въ одномъ и томъ же словѣ, напр. ΔΟΥΛΚΙΤΙȣ) встрѣчается и раздѣльная форма письма [2]). Матеріалъ, употребленный для тѣхъ и другихъ памятныхъ записей древними Эдесситами, хотя тотъ же самый, т. е. мраморъ, но видно, что язычники болѣе радѣли о внѣшней показности своихъ памятниковъ, чѣмъ христіане, что и естественно. Ихъ заботы о томъ не охлаждало и не останавливало припоминаніе „гробовъ повапленныхъ“, и „красить гробы пророческіе“, а за неимѣніемъ пророковъ и всяческіе, для нихъ, какъ и для Іудеевъ, было дѣломъ похвальнымъ.

Естественно мы пожелали собрать свѣдѣнія, гдѣ какая надпись отыскана. Оказалось, что языческія найдены въ разныхъ мѣстахъ по окрестности, а христіанскія всѣ возлѣ самой церкви, при которой въ стародавнее время было и кладбище, по тогдашнему обычаю. Вся теперешняя площадь при церкви вскопана. На глубинѣ одного метра, или около того, оказалась она вся усѣяна склепами одиночными, кладенными изъ тесанаго песчаника съ полуцилиндрическимъ сводомъ, имѣвшимъ къ одному краю четыреугольное отверстіе, за-

---

[1]) Также и A языческихъ надписей замѣняется въ христіанскихъ постоянно ⋏, хотя это послѣднее начертаніе встрѣчается наравнѣ съ A во множествѣ надписей языческой эпохи. Тоже надобно сказать и о начертаніи σ въ видѣ ⊏ или ⊏, весьма рѣдко, впрочемъ, встрѣчающагося въ письмѣ христіанскаго времени.

[2]) Всѣ 28 надписей мы представляемъ для любопытства читателей въ довольно точныхъ отподобленіяхъ. См. таблицы.

ставляемое камнемъ или плитою. Стѣнки и сводъ этихъ склеповъ доставляли собою отличный матеріалъ строителямъ церкви. Оттого, вынувши остатки искрошившихся костей усопшихъ, они обыкновенно разбирали камни и затѣмъ засыпали яму. И теперь можно различать мѣста бывшихъ склеповъ. До сихъ поръ открыто и уничтожено уже 50 древнихъ могилъ. Я пожалѣлъ, что никто не подумалъ оставить на показъ хотя одинъ склепъ неприкосновеннымъ. Мнѣ сказали на это, что всѣ склепы совершенно похожи были одинъ на другой, и что образчикъ ихъ я могу видѣть сейчасъ. Сказано — сдѣлано. Тутъ же не подалеку зіяло небольшое отверстіе въ землю, которымъ я и спустился по древнимъ каменнымъ ступенькамъ внутрь склепа. Размѣры его оказались слѣдующіе: длина — 2,12 фр. метра, ширина — 1,40, вышина до ключа свода — 1,63. Около 40 сантиметровъ занимаетъ система узенькихъ ступенекъ. Противоположная входной стѣнка покрыта штукатуркой, по которой сдѣланъ рисунокъ фресковый, представляющій три горизонтальныя полосы, красную, бѣлую и красную. Поверхъ послѣдней нарисованъ черный, удлиненной формы, крестъ [1]), а по сторонамъ его — выникающая изъ земли высокая трава. Краски еще довольно сохранились. Полъ склепа былъ когда-то цементованъ. Внутри такихъ склеповъ находимы были, въ разныхъ положеніяхъ, и плиты съ надгробными надписями. Большая часть склеповъ, однакоже, не имѣли подобныхъ записей; кромѣ ихъ и истлѣвшихъ костей найдено и нѣсколько мелкихъ металлическихъ вещей (не объяснено — какихъ), хранящихся въ домѣ митрополита. Прощаясь со склепомъ, я спросилъ завѣдывающаго работами въ церкви,

---

[1]) Разъ и на всегда мы оговоримся, что, когда упоминаемъ «крестъ», то надобно разумѣть крестъ *четырековечный*. Ни шестиконечнаго выходнаго креста позднѣйшихъ императоровъ византійскихъ, ни осмиконечнаго *нашего* глубокая древность христіанская не знала. Для ознакомленія, болѣе нагляднаго, съ Эдесскими могилами см. рисунокъ сего склепа на таблицѣ.

какая участь ожидаетъ этотъ послѣдній, сохранившійся въ цѣлости, памятникъ достоточтимой древности. Тоже разломаютъ и его? — Теперь пока нѣтъ нужды въ камнахъ, отвѣчали мнѣ. Работы камнездательныя въ церкви покончены, а современемъ... Ясно, что должно послѣдовать „современемъ“. — Вѣдь тутъ когда-то былъ монастырь св. Николая, добавилъ расказчикъ, — можетъ быть, и опять будетъ. Тогда понадобится камень... Я указалъ, конечно, на окрестныя каменныя горы, но не все можно достать, на что можно указать. Этотъ неговоримый отвѣтъ я какъ бы читалъ въ отведенныхъ въ сторону глазахъ собесѣдника. Между тѣмъ, замѣчаніе о бывшемъ тутъ монастырѣ св. Николая хотѣлось бы мнѣ чѣмъ нибудь провѣрить. Проще думать, что тутъ находился въ старобытныя времена самъ городъ Эдесса. Если же и существовалъ (не даромъ же вышло преданіе) монастырь, то развѣ позднѣйшаго времени, когда жили *Папа* Іоаннъ и *Папа* Антоній съ рабами Божіими Прокопіемъ, Георгіемъ и др. *Пресвитеры* Мартирій и Евдокій съ причтомъ жили ранѣе, чѣмъ могъ быть выстроенъ монастырь во имя св. Николая. Впрочемъ, пусть будетъ такъ, какъ было!

Часы напомнили намъ, что пора идти домой, гдѣ несомнѣнно насъ уже давно поджидаютъ. Ибо условлено было утромъ, сегодня же засвѣтло отправиться въ дальнѣйшій путь. Свѣтская компанія давнымъ давно оставила насъ и возвратилась въ городъ. Узнавъ, что такіе *дорогіе* гости, какъ мы, вчера пріѣхали, а сегодня и уѣзжаемъ, намъ нѣкоторымъ образомъ поставили на видъ, что такъ нельзя дѣлать, что слѣдуетъ остаться до воскресенья, — храмоваго праздника церкви, когда — къ тому же — предположено и освященіе ея. Доводы конечно сильные, но провесть три лишнихъ дня на одномъ мѣстѣ, это было черезъ чуръ для всѣхъ насъ. Возвращаясь во свояси тѣми же садами, я высматривалъ еще гдѣ нибудь развалинъ и спрашивалъ, не слыхать ли чего о гробницахъ древнихъ царей, упоминаемыхъ вотъ въ этой книгѣ, указалъ я. Мнѣ сказали, что книга-то вѣроятно слышала

о тѣхъ самыхъ могилахъ, которыя мы видѣли у церкви, и по пословицѣ „незная, гдѣ звонятъ", окрестила ихъ именемъ „царскихъ". Могло быть и такъ. А все же разбирала смертная охота порыться (конечно не своими пустыми и неумѣлыми руками) въ районѣ двухъ-трехъ верстъ отъ „Св. Троицы", и напасть на цѣлый рядъ какихъ нибудь новыхъ Ѳивскихъ ипогеевъ, хранящихъ въ себѣ останки предковъ Александра Великаго. Не нашлось ли бы въ нихъ какого нибудь вѣщаго памятника, изъ котораго можно бы было вывесть подходящее заключеніе о томъ, кто такіе были первоначальные Македонцы, и какимъ языкомъ они говорили. Вербовать ихъ въ *Славянъ* нѣтъ прямаго основанія, — особенно послѣ того, какъ они столько разъ нападали на своихъ мирныхъ сосѣдей Трибалловъ, оказавшихся впослѣдствіи Славянами, и частнѣе — Сербами. *Нѣмцами* они тоже врядъ ли могли быть, ибо на какихъ-то *Гетовъ* придунайскихъ тоже ходилъ воевать Александръ, а такъ какъ есть вѣроятность, что Геты суть позднѣйшіе *Готы* или *Готѳы,* то и вышло бы, что нѣмцы ходили на нѣмцевъ! Изъ самаго же пресловутаго имени *Македо*, или, по вѣроятнѣйшему выговору древнихъ, *Мачедо* ничего не извлечешь въ пользу какого бы то нибыло предположенія. Себялюбивые составители древней исторіи и географіи Эллины не пропустили случая записать, что родоначальникомъ Македонцевъ былъ внучекъ древняго Девкаліона, по имени *Македонъ* (Μακεδών), и слѣд. Грекъ, если только самъ Девкаліонъ, этотъ Ной греческихъ преданій (и въ тоже время — сынъ Япета или Іафета Библіи!) почему нибудь можетъ быть причисленъ къ грекамъ.

Опять мы идемъ мимо „Эллинскаго училища" Водены. Мнѣ предлагаютъ посмотрѣть школу взаимнаго обученія, или на оффиціальномъ языкѣ Ἀλληλοδιδακτικόν (подразумѣвается: Σχολεῖον) и Παρθεναγωγεῖον, т. е. дѣвичье училище, въ которомъ обучаются 200 (!) дѣвочекъ. А сколько же учениковъ въ Аллилодидактиконѣ? Полюбопытствовалъ я узнать. Мнѣ не запинаясь отвѣтили: *всѣ!* Понимай, какъ хочешь!

Въ обѣихъ этихъ школахъ (не говоря уже объ *Эллинской*[1]), преподаванiе идетъ на греческомъ языкѣ. Ни о Болгарскомъ ни о Славянскомъ и помину нѣтъ. Если прибавить къ этому, что и во всѣхъ вообще училищахъ Воденскаго округа (если таковыя есть) ученiе тоже идетъ по гречески, да и богослуженiе въ 100 приходскихъ церквахъ Воденской епархiи совершается греческое, то нечего дивиться тенденцiямъ девкалiоновцевъ видѣть и выдавать Македонiю греческою. Достаточно какому нибудь автору: Les Turques напечатать, да еще по французски, что всѣ христiане Водены суть греки, а мнѣ засвидѣтельствовать передъ исторiею, что въ Воденской епархiи вездѣ и богослуженiе и обученiе идетъ греческое, чтобы потомки наши и въ теперешней Едессѣ Македонской видѣли однихъ грековъ. Вѣдь для нихъ черезъ полторы или двѣ тысячи лѣтъ мы тоже будемъ имѣть значенiе Θукидидовъ и Птолемеевъ. Патрiотъ тогдашняго времени, очевидно, не задумается назвать Болгарскую Водену, по любимому выраженiю Θукидида, Ἑλληνὶς πόλις, какъ бы: *грекъ-городъ*[2]). И будетъ считаться догматомъ въ исторической наукѣ временъ тѣхъ и преподаваться съ каθедры Едесскаго Университета, при рукоплесканiяхъ всей столицы возстановленнаго царства Александрова, что въ XIX столѣтiи по Р. Х. эллинизмъ процвѣталъ въ варвароименной области Воденской. А между тѣмъ, когда мы подошли къ своей квартирѣ, то стоявшая въ дверяхъ *дивойка*, привѣтствуя насъ, сказала совершенно не понятнымъ для эллина языкомъ: „добаръ вечоръ"! И прибавила, что насъ давно уже чакаютъ

[1]) Ἑλληνικὸν Σχολεῖον не значитъ только Греческая школа. Это есть высшая инстанцiя элементарнаго образованiя у грековъ, гдѣ дѣти учатся древнему *эллинскому* языку, которымъ, не смотря на все ученiе Аθинскихъ и Константинопольскихъ ученыхъ, народъ еще не говоритъ. Въ Воденскомъ «Эллинскомъ» училищѣ преподается и французскiй языкъ; съ не малымъ удивленiемъ узнали мы, что учитъ ему одинъ турокъ. Вотъ и составляйте вѣрныя заключенiя о томъ, что такое Македонiя.

[2]) До слова: *гречанка-городъ*, такъ какъ слово: πόλις—городъ есть женскаго рода.

„да ядемы“. Въ самомъ дѣлѣ, было уже къ вечеру и приклонившись былъ день. За авраамовской трапезой мы похвалились передъ компаніей плодами трудовъ своихъ археологическихъ, но большаго впечатлѣнія на „людей дѣла“ тѣмъ не произвели. Даже и маневръ мой завлечь ихъ вниманіе къ записной книжкѣ моей сообщеніемъ хозяину извѣстія, что я прочелъ его фамильное имя въ одной (№ 20) [1]) изъ древнихъ надписей, остался безъ послѣдствій. Бесѣда вертѣлась все на какомъ-то процессѣ, крѣпко занимавшемъ хозяина, изрѣдка принимая характеръ индустріальный по поводу занятія его же шелководствомъ. Тутъ же передъ глазами нашими на широкихъ полкахъ копошились въ листьяхъ тутовника шелковичные черви, кому придававшіе, а у кого совсѣмъ отбивавшіе своимъ занятіемъ аппетитъ.

Въ 5 часовъ мы простились съ гостепріимнымъ кровомъ. Долго провожавшая насъ глазами и поклонами у дверей дома, славянская семья возбуждала во мнѣ глубокое участіе. Припоминались мнѣ давнія и далекія сцены изъ другаго славянства, подобныя этой. „Ребятки, выходите провожать гостей“ раздавался бывало приснопамятный голосъ, и мы выходили къ воротамъ, стояли и кланялись отъѣзжавшей кибиткѣ. Какъ все это и сердечно и просто и вмѣстѣ торжественно — важно! Въ глазахъ туманилось. Вмѣсто Водены выдвигалось воображеніемъ на первый планъ, со всею своею дѣтскою обстановкою, родное село, и заслоняло собою дѣйствительность. Такъ часто доводилось мнѣ вѣрить и другихъ завѣрять, что свойство крови есть нѣчто напускное, искуственное. Ужели отказаться отъ сего подъ наитіемъ охватившей душу грусти? Не столько крови, сколько родной рѣчи воздѣйствіемъ, можетъ быть, должно считать не подлежащій сомнѣнію фактъ племеннаго сочувствія, предназначеннаго играть такую важную рѣшающую роль въ жизни человѣчества. Думалъ и раздумывалъ я объ

[1]) ... Ρία *Cida*... Фамилія хозяина: *Сидо*.

этомъ, когда уже ничто передъ глазами не напоминало ни племенства ни самаго человѣчества. Сейчасъ же за городомъ потянулась безлюдная пустыня. „Раздумывать“ приходилось отъ того, что подмѣченные богомудрымъ Апостоломъ въ душѣ нашей судительные помыслы: *осуждающій* и *отвѣщавающій*, только не знаю который именно изъ нихъ, а можетъ быть и совершенно отдѣльный отъ нихъ, третій — отъ неприязни — помыслъ, уже начали во мнѣ свою привычную ироническую логомахію. Чуть я умилился сердцемъ при мысли о „родной рѣчи“, какъ воображенію моему предсталъ одинъ, знакомый мнѣ въ Константинополѣ еврей, въ совершенствѣ говорящій роднымъ словомъ нашимъ, но не возбудившій во мнѣ ни разу племеннаго сочувствія... Такъ, такъ! Но и то, сплошь пьяное село Покровское, которое я не такъ давно видѣлъ въ день храмоваго праздника, затопившее слухъ мой родною рѣчью, неизвѣстною ни одному лексикону, стóитъ цѣлаго кагала жидовъ, фальшивыхъ, паршивыхъ, но — трезвыхъ! Этимъ недавнимъ подогрѣтымъ знакомствомъ моимъ съ единокровнымъ и единоязычнымъ мнѣ племенемъ я, можно сказать, окончательно разувѣрился въ какомъ бы то ни было ex principio сочувствіи къ кому бы то ни было на свѣтѣ, безъ вѣдома ума или хотя одного зрѣнія. До космополитства, конечно, еще далеко отсюда, но — смѣю думать — близко до Евангелія.

Послѣ цѣлосуточнаго отдыха ѣдемъ бодро и весело. По „Табулѣ“ впереди ожидаетъ насъ станція *Целлисъ* (Cellis), отстоящая отъ *Едессы* на 45 миль. Она же указывается и въ „Дорожникѣ Антониновомъ“, только здѣсь въ одномъ мѣстѣ взаимное разстояніе ихъ опредѣляется въ 33, а въ другомъ — въ 34 мили. Теперь не отыскивается, да, думаемъ, никѣмъ и не разыскивается мѣстность эта. Чего нибудь подобнаго этому имени не слышится между названіями промежуточныхъ селеній. Досужій антикварій могъ бы прослѣдиться ея, держась остатковъ древней дороги Римской, по всей вѣроятности еще немалочис-

ленныхъ. Очень можетъ быть, что эти *целлы* или *кельи* стояли тамъ, гдѣ теперь городокъ *Флорина* или *Филурина*, очевидно римскаго происхожденія, на который и теперь направляется естественный, условливаемый топографическими особенностями, путь во внутренность горъ *Старой Болгаріи*, а по древнѣйшей кличкѣ *Иллириды* [1]. Мы, впрочемъ, избираемъ другой, прямѣйшій путь, оставляя влѣвѣ viam Egnatiam вмѣстѣ и съ Флориною, но сдѣлаемъ это уже за озеромъ, не тѣмъ, которое начинаетъ открываться намъ вправо отъ дороги, и зовется *Техово* [2], изъ котораго многими, разбитыми на ручьи путями вытекаетъ и Воденская рѣчка, образующая водопадъ, а другимъ, въ 10 разъ большимъ его, и уступающимъ по обширности только Охридскому „морю“. Воденскій амфитріонъ нашъ, указывая въ сторону озера, разсказываетъ что-то остановившейся компаніи, я могу только видѣть, а не слышать разсказчика, потому что уже успѣлъ отстать отъ общества. Господинъ Наумъ тутъ распростился съ нами. Сколько я могъ понять, онъ имѣетъ права собственности на озеро, кѣмъ-то оспариваемыя. Впереди насъ высится гора, еще разъ зовомая именемъ, начинающимся съ любезнаго мѣстамъ этимъ: *кара* (черный). Виды открываются дикіе, но прекрасные. Къ сожалѣнію я мало становлюсь способнымъ цѣнить, да даже просто — замѣчать ихъ. Забота вся сосредоточивается на томъ, чтобы не отстать отъ другихъ и сохранить животъ свой. Деревня *Владова* — потому видно, что владѣетъ „ключемъ позиціи“, какъ выражаются странники, на часъ пути отъ Водены. Солнце уже крѣпко склоняется къ горизонту и мѣшаетъ видѣть предметы впереди. Выпадаетъ значительный участокъ ровной и мягкой дороги. Общество пользуется случаемъ и галопируетъ, нако-

---

[1]) Illyris. Иное дѣло: *Иллирисъ* — область, и иное: *Иллирикъ* — страна. Первая, въ отличіе, зовется еще *Греческой*.

[2]) На картахъ пишется *Телево*. Скорѣе—блато, чѣмъ озеро, хотя величается послѣднимъ именемъ. Пуквиль окрестилъ его именемъ *Лодово*. Буе, вопреки Киппертовой картѣ, находитъ его круглымъ и кратеровиднымъ.

нецъ совсѣмъ скрывается изъ глазъ. Опять я напѣваю мысленно изреченіе премудраго: кое общеніе котлу съ горнцемъ... и пр., но волей — не волей, вопреки не только мудрости, но и простому толку, несусь туда же во весь махъ, ухватившись руками и за сѣдло и за гриву животнаго, чуть не за шею, и рискуя разбить голову о первое придорожное дерево, такъ какъ впивавшійся въ глаза почти уже горизонтальный лучъ солнца не позволялъ различать впереди ничего. Когда я догналъ компанію, то мнѣ сказали, что я опоздалъ и прозѣвалъ „торжественный моментъ". Происходила передача консульскаго вѣдомства старою властію (?) новой. Мы были на рубежѣ Пашалыковъ Солунскаго и Битольскаго, и въѣзжали въ послѣдній, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и въ районъ нашего Битольскаго консульства. Церемонія состояла въ томъ, что старый консулъ, умчавшись впередъ, сталъ съ боку дороги, и когда поравнялся съ нимъ новый, сдѣлалъ ему на караулъ саблей. Я засталъ только уже остатокъ того впечатлѣнія, которое произвела „штука" на публику. Всѣ находились подъ вліяніемъ гомерической веселости. Опять поднимаемся на высоту, прощаемся съ солнышкомъ, и минуемъ не одно не веселое мѣсто. Деревня *Кускова*. А эта отчего такъ названа? Спрашиваю я. Отвѣчаютъ, не задумавшись: оттого, что какіе нибудь „черные" тутъ изрубили на куски какихъ нибудь бѣлыхъ. Зигзаги безконечные. Ѣдемъ уже два часа. Обѣщается сей часъ спускъ съ угрюмой высоты и великолѣпный видъ, котораго впрочемъ не придется увидѣть по причинѣ наступающей ночи. И дѣйствительно, когда открылась передъ нами глубокая котловина, полная воды, мы болѣе мыслію, чѣмъ глазомъ признали въ ней давно ожидаемое озеро. Долго и опасливо спускались мы къ нему, и уже въ полныхъ потемкахъ достигли расположенной на берегу его деревни, именуемой *Острово* [1]). Это же имя придается и

---

[1]) Такое имя, конечно, напрасно было бы искать на «Табулѣ» (Певтингеровой). Не

озеру, и выходитъ такимъ образомъ странное противорѣчіе имени съ именуемымъ, — озеро стало островомъ! По барометрическимъ измѣреніямъ поверхность его находится на уровнѣ 1245 футовъ надъ поверхностію моря, — выше, значитъ, не малаго числа извѣстныхъ мнѣ горъ. На столько мы поднялись въ теченіе минувшихъ дней, не принимая въ расчетъ притомъ не однократно уже пересѣченныхъ нами настоящихъ горныхъ высотъ! Въ честь мѣста мы сдѣлали кратчайшій привалъ у Островскаго хана. Ханджи поднесъ компаніи по „мастихѣ“ въ подкрѣпленіе физическихъ и моральныхъ силъ, столько нужныхъ въ виду ночной сырости, темноты и нѣкоторой тѣсноты духа. Прямо въ глаза намъ смотрѣлась черная громада горъ, которую, видимо, предстояло преодолѣть. Разстояніе, которое мы проѣхали, оказалось только игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, какое оставалось проѣхать до ночлега, напередъ, конечно, намѣченнаго, т. е. намъ сулили еще часовъ 5 безотдышной ѣзды. Половинный мѣсяцъ стоялъ надъ головой и обѣщалъ именно настолько времени посвѣтить намъ. И такъ снова садимся на конь и ѣдемъ вдоль сѣвернаго берега „озера“. Мѣстность болотистая. Воздухъ сырой и тяжѣлый. Тишина и думы. Я радъ, что ночь мѣшаетъ наѣздникамъ нашимъ показывать свою удаль, и позволяетъ мнѣ припомнить, что когда-то у озера этого зимовалъ съ своей арміей царь Греко-Никейской имперіи *Іоаннъ Ватаци*. Пользуясь временнымъ затишьемъ дѣлъ съ Латинами Константиполя и Болгарами, онъ вознамѣрился покрѣпче взяться за возстановленіе изветшавшей державы Константина. Добившись конца Солунскаго царства, онъ задался мыслію покончить и съ Деспотомъ Эпирскимъ. Выгнавъ дядю его изъ Водены, какъ мы уже замѣтили вчера, или точнѣе давъ ему случай бѣжать и избѣгнуть заслуженной кары, онъ

изображено тамъ и самое озеро. Пуквиль полагаетъ, что оно самое извѣстно было въ древности подъ именемъ lacus Begoritis.

двинулся нашею конечно дорогою впередъ и дошедши до озера, расположился на широкой долинѣ его лагеремъ. Отсюда онъ командировалъ донимать неспокойнаго *Комнина - Ангела* [1]), владѣвшаго тогда кромѣ своего Эпира кажется и всей Өессаліей, своихъ полководцевъ *Алексія Стратигопула,* славнаго потомъ отнятіемъ у франковъ Константинополя, и еще болѣе славнаго *Михаила Палеолога,* будущаго Императора, самъ же занялся присоединеніемъ подъ свой скипетръ путемъ засылокъ и переговоровъ прилежащихъ мѣсту областей, въ чемъ и успѣлъ. Одинъ за другимъ явились къ сильному и доброму монарху правители важнѣйшихъ сосѣднихъ городовъ и били челомъ, по выраженію нашихъ лѣтописей. Въ числѣ ихъ были и Касторійскій *Гла́ва* (очевидно болгаринъ) и Албанскій *Гуламъ* (вѣроятно скипетаръ или по теперешнему — арванитъ). Въ этихъ дѣлахъ прошла зима. Къ веснѣ Императоръ возвратился въ Водену и тамъ праздновалъ пасху. Тогда же привели къ нему связаннымъ и пойманнаго бѣглеца Өеодора... Можно забыться, читая все это у самовидца писателя *Георгія Акрополита,* состоявшаго при Ватаци въ званіи главнаго дѣлопроизводителя, какъ бы нынѣшняго канцлера. Такъ живо и наглядно умѣлъ излагать замѣчательный государственный мужъ — историкъ! Между тѣмъ все это происходило слишкомъ за 600 до насъ лѣтъ. Безспорно, мѣста подобныя Воденѣ, Острову и другимъ тойже центральной полосы нынѣшней Румеліи были свидѣтелями множества важныхъ для своего времени событій изъ греко-македонской, греко-римской, греко-славянской, греко-латинской и греко-турецкой исторіи. Но молчитъ о нихъ гречанка *Кліо* — молчимъ и мы. Да всего и

---

[1]) *Михаила* II, сына *Михаила* I, основателя Эпирскаго владѣнія. И сынъ и отецъ были не законно прижитые дѣти, и потому не имѣли права считать себя ни *Комнинами* ни *Ангелами*, но на зло Никейскимъ parvenus упорно называли себя такъ.

не перескажешь. Если мы не разъ уже вызываемъ изъ историческаго мрака свѣтлое лицо царя Ивана Милостиваго, то только по особенному сочувствію къ нему. Не былъ онъ, видите, ни Комнинъ ни Ангелъ, ни даже Ласкарь, перенявшій имя той и другой владѣтельной фамиліи, и на престолъ Константиновъ попалъ какъ бы случайно, а между тѣмъ нашелся поддержать его съ рѣдкимъ достоинствомъ, въ виду четырехъ совмѣстниковъ, не считая Иконійскаго Султана и Болгарскаго Краля, и подъ гнетомъ всевозможныхъ затрудненій. Не онъ одинъ конечно разъѣзжалъ дорогою нашею, а съ десятокъ и другихъ самодержцевъ Византіи носились взадъ и впередъ, съ войсками и безъ оныхъ, побѣдителями и побѣжденными, больше же всѣхъ конечно воинственный шуринъ нашего краснаго солнышка *Владиміра*, именитый *Василій Болгаробоецъ*, не помышлявшій, какъ видно, о томъ, какое горькое чувство должны были возбуждать его трофеи въ сердцѣ его дальняго родственника. Впрочемъ и то возможно, что наше „солнышко“ можетъ быть даже радовалось истребленію тамъ далеко гдѣто появившагося нѣкоего какъ бы тоже Владиміра (трехъименнаго по византійцамъ). Вѣдь отецъ его ходилъ за моря раззорять и разрушать ни за что ни про что единоплеменное царство! Я даже не сомнѣваюсь, что въ войскахъ греческихъ были и дружины русскія. Пусть, въ угоду воображенію, одни воители стоятъ по одну сторону, а другіе по другую *Островскаго озера*, перекликаются трубными звуками въ тишинѣ подобной же ночи, и ждутъ съ нетерпѣніемъ минуты истребить другъ друга. Идти ли мыслію дальше? Миръ имъ и вѣчный покой во мракѣ минувшаго безвѣстнаго!

Давно уже поднимаемся по стропотной стезѣ на подступы громадной горы *Нидже*, вершина которой, скрывавшаяся вчера въ облакахъ, достигаетъ по всей вѣроятности 6000 футовъ. Мы пересѣкаемъ ее на незначительной сравнительно высотѣ. За ней должна открыться великая равнина древней *Пелагоніи*, зовомая теперь Битольскою, —

ближайшая пока цѣль нашего путешествія. Дорога извивается горизонтально и вертикально, слѣдуя волнообразнымъ скатамъ горы. Разговоровъ не слышно. Старый Търпко покашливаетъ подъ вліяніемъ ночной прохлады или пожалуй проморози. Встрѣтившійся человѣкъ съ ружьемъ принимается за пастуха на томъ основаціи, что онъ одинъ. Но онъ могъ быть соглядатаемъ цѣлой шайки пастуховъ, стерегущихъ и стригущихъ проѣзжаго, у которыхъ франкскій костюмъ нашъ и довольно грозный видъ, а главное численность наша, могли выбить изъ головы мысль о беззащитномъ стадѣ. Образовавшаяся отъ быстрой ѣзды и болтавшейся въ карманѣ зрительной трубки на ногѣ моей рана не давала мнѣ покоя. Я вынужденъ былъ остановиться и туго перевязать больное мѣсто платкомъ, зная напередъ, что завтра не будетъ возможности отодрать его отъ тѣла. Но, что дѣлать? Завтрашнее будетъ еще завтра, а нужно было немедленно изыскать какой нибудь modus vivendi на цѣлую ночь. Съ физическою соединялась для меня и „моральная“ невзгода. Неоднократныя замѣчанія спутниковъ, что я все позади да позади, тоже вызывали нѣкоторую боль въ другомъ органѣ, котораго нельзя, и нечемъ было перевязать. Слагая, по пословицѣ, вину съ больной головы на здоровую, я предложилъ помѣняться кому нибудь со мною конемъ. За охотникомъ дѣло не стало. Мой лѣнивый *доринцо* (карько) пошелъ подъ другимъ сѣдокомъ буйфаловымъ шагомъ. Но и я не остался въ накладѣ, по крайней мѣрѣ— на первый разъ. Муштровка прежняго сѣдока была еще въ памяти у доставшагося мнѣ животнаго, и оно прибавляло ходу при всякомъ моемъ, самомъ случайномъ, движеніи на сѣдлѣ, понимая его въ своемъ извѣстномъ смыслѣ. Бравый (и очень не симпатичный) кавасъ консульскій *Хассанъ*, чистокровный албанецъ, то пѣлъ, то громко зѣвалъ, а наконецъ началъ что-то разсказывать впереди про „довгихъ человѣковъ“, коихъ могилы онъ видѣлъ на вершинѣ горы, а тонкій Търпко, тоже когда-то бывшій бравымъ, да чуть ли еще не клефтомъ, сом-

мнительно покрякиваетъ при наиболѣе выдающихся эффектныхъ выходкахъ разсказчика. Большаго довѣрія, какъ видно, нѣтъ между людьми, служащими одной и тойже идеѣ, которую было бы обидою для нихъ назвать идеей жалованья. Думаю, справедливѣе руководящее начало ихъ дѣятельности искать на сторонѣ „славнаго“, чѣмъ „полезнаго“. Христіанинъ (Търпко) считаетъ имя русское лозунгомъ спасенія для себя и для своей страны. Магометанинъ (Хассанъ) въ Московѣ видитъ дорогой ему идеалъ великаго, широкаго, многочисленнаго, страшнаго и въ концѣ концовъ... богатаго, конечно. Изучая же пріемы рукъ и челюстей его, я готовъ даже подумать, что дикаго молодца всего болѣе плѣняетъ воплощаемая имъ въ насъ русскихъ идея захвата, какъ высшаго свидѣтельства преобладающей силы ума или мышцъ... Если ошибаюсь, то вѣрю, что онъ не обидится на меня за это.

Уже 10 часовъ. Чувствуется большое утомленіе. Обѣщается въ скорости нѣкій *Дервенъ-ханъ*, т. е. „корчма на перевалѣ“. Жду его, имѣя въ виду не одно только отдохновеніе, а и нѣкое утѣшеніе, выражаясь монастырскимъ языкомъ. Потомившися еще съ четверть часа, показался и ханъ. Предводители каравана, вижу, спѣшились у него. По простотѣ готовъ былъ уже послать имъ радостное: съ пріѣздомъ! Но не твердая позитура ихъ на землѣ показалась мнѣ что-то подозрительною. Вскорѣ стало извѣстно, что идутъ совѣщанія о томъ, тутъ ли остановиться ночлегомъ, или ужь кстати доѣхать до *Тюльбюли*. Если „кстати“ ѣхать, то очевидно некстати оставаться, подумалъ я, и ничего тутъ не подѣлаешь, ибо все, вопреки сему придуманное, выйдетъ не къ стати т. е. къ неустояти. Съ другой стороны, благозвучное и благознаменательное Тюль-бюль-и... само собою брало верхъ надъ дерущимъ уши Дервенъ-ханомъ. Въ пользу Блюхера (генералъ Vorwärts) приводился и тотъ аргументъ, что мы ѣхали сегодня всего 5 часовъ, слѣдовательно не достигли еще законной полдюжины.—Ну, а если въ Тюльбюли мы его перестигнемъ? — спросилъ я. — Такъ намъ

же лучше, отвѣчали мнѣ, — останется меньше до Битоля. — Что сказать было противъ такого оригинальнаго довода? Вѣдь возможно, что мы сегодня проѣдемъ столько, что до Битоля и ничего не останется для завтра, но какъ доѣдемъ?.. Слова словами, а дѣло дѣломъ. Поговорили, и потянулись впередъ къ прекрасному и многонадежному *Тюльбюрю*, котораго имя къ завтрашнему дню вѣроятно еще какъ нибудь видоизмѣнится. Тѣже малые спуски и длинные подъѣмы, тудысюдныя виляньа, камни и каменья, свѣтлыя полосы лучшаго сіянья и темныя пятна тѣней, отбрасываемыхъ кустами и расчепами скалы, рисующія намъ фигуры прилегшихъ къ землѣ овецъ, а еще чаще зловѣщія очертанія прицѣливающихся овчарей, о которыхъ говорено выше... Послышится гдѣ нибудь глухой и жалобный крикъ горной совы, и еще какой-то не то голосъ не то бормотъ, можетъ быть посмертный разговоръ довгыхъ человѣковъ, и все опять кругомъ безмолвно, какъ въ могилѣ! У кого-то на часахъ оказалась полночь. Открытіе сообщается къ общему свѣдѣнію. — Смотрите, не хватитъ намъ мѣсяца до *Тютю-бери*, слышится въ арріергардѣ, съ надавленнымъ удареніемъ на тютю. — Какъ не хватитъ? Пересѣкаетъ остроту чей-то сонный голосъ, сегодня только еще 20-е число. — Да, ну васъ! Заключаетъ властно хозяинъ „района". Такъ и видно, что ѣдете изъ Остраго! — Раздаются рукоплесканія, проходитъ дремота, начинаются понукиванья, переходящія неожиданно въ: Messieux! Sauve qui peut! И слѣдъ простылъ моей компаніи! Тянемся мы одни съ сивымъ Търкомъ на сивой лошади. Прошло съ добрую четверть часа, пока мы опять обмѣнялись съ товарищами привѣтомъ: „какъ поживаете"? Оказалось, что поживаютъ какъ нельзя лучше, ибо стоятъ на спускѣ съ горы, и уже можно различить именитый ханъ... Все, что происходило по водвореніи въ *Тутъ-были*, не подлежитъ описанію. Охарактеризовать его можно двумя словами: смертная истома.

Турабалы. 21 Мая 1865. Пятокъ.

Хотѣлось бы почтить мѣсто ночлега нашего какимъ нибудь классическимъ именемъ, но гдѣ его взять? Классическій міръ свысока относился ко всему захолустному, и многаго изъ того, что составляетъ теперь славу и похвальбу земли, совсѣмъ не зналъ. Ни одною проселочною дорогою онъ не ходилъ и не ѣздилъ, ни въ одинъ ханъ придорожный не заглядывалъ. У него ли спрашивать, что тутъ было въ его время? Только вѣрно, что не было: *тюль-бюли*, потому что еще вчера вечеромъ ошибочное чтеніе было исправлено и возстановлено истинное: *тура́-балы* [1]). Мало того, сегодня — не свѣтъ, не заря — славянофилѣйшій изъ общества нашего освѣдомился, что славянское имя мѣста есть: *Вошпора́ны*. Шипящій звукъ въ имени не могъ понравиться, и чтобы недать мѣста напрашивающемуся на языкъ каламбуру, мы условились, пока не выѣдемъ съ мѣста, произносить: *Воспораны*, при чемъ долженъ рисоваться въ воображеніи нашемъ кстати и нашъ дорогой Воспоръ цареградскій. Ночь провели всѣ мы гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Перваго, кто заговорилъ на тему: вставать, заставили еще спать, прибавивши, что торопиться некуда. Перваго добраго утра въ „своемъ“ районѣ мы такимъ образомъ и не видали. Когда компанія проснулась, уже во всемъ блескѣ сіяли за окномъ солнце, а на столѣ самоваръ, оба жгучіе и распространяющіе кругомъ себя паръ, тоже каждый дѣятель въ своемъ „районѣ“. Поздравили другъ друга съ славянскимъ (!) праздникомъ Святыхъ Константина и Елены... Намъ ли, заѣхавшимъ въ такую славянщину забыть, что великій Императоръ родился въ *Наиссѣ*, теперешнемъ *Нишѣ*, до котораго отсюда, какъ говорится, рукой подать, и жители котораго съ незапамятныхъ временъ — славяне? Жаль, конечно, что

[1]) На Австрійской — Генеральнаго Штаба — картѣ оно переиначено въ Tarboli.

не чѣмъ больше доказать единоплеменства его съ нами. Не прибѣгнуть ли къ новому историческому пріему? Діоклетіанъ былъ далматинецъ. Вытащенный имъ за собою на престолъ Максиміанъ — землякъ его. Усыновленный первымъ Галерій былъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Усыновленный вторымъ Констанцій раждаетъ сына все тамъ же по близости... Видно, что все это были *свои* люди, единоплеменники, новые въ исторіи, одѣвшіеся въ римскія имена какъ въ павлиньи перья, на землѣ же отцовъ своихъ — простые пастухи и огородники... Кѣмъ имъ быть, какъ не *славянами?*.. Конкуррировать съ послѣдними въ этомъ отношеніи могутъ только *Влахи,* т. е. *Даки* стараго времени. Но кто собственно были сами эти конкурренты, еще остается вопросомъ въ исторіи. Пусть будетъ, какъ было! Повторимъ мы свое прежнее заключеніе, и перейдемъ изъ района самовара въ районъ солнца. Всѣмъ намъ понравилось уединенное положеніе хана. На задахъ его протекаетъ рѣчка. Есть и деревья тутъ же по близости съ густою тѣнью. Не мыслимо было не воспользоваться такою благодатью. Явился на утѣшеніе намъ и гость, игуменъ сосѣдняго *Крушеватскаго* монастыря, Богъ вѣсть какъ провѣдавшій о пріѣздѣ такихъ именитыхъ путешественниковъ. Онъ взялъ на себя заботу угостить насъ обѣдомъ. Въ ожиданіи сего, мы разостлали коврикъ въ наиболѣе привольномъ мѣстѣ, и предались пресловутому dolce far niente. Занимаемая нами мѣстность находилась на склонѣ горы, которой верха нельзя было видѣть и которая, судя по картѣ Киперта, должна быть все таже *Нидже.* Выдающіеся справа и слѣва скаты ея заслоняли отъ насъ двѣ трети горизонта. Открытый видъ мы имѣли только къ юго западу, куда спускалась, тоже скрывающаяся для глазъ, долина, замыкаемая высокимъ и длиннымъ горнымъ хребтомъ, унизаннымъ почти на всемъ протяженіи своемъ съ юга на сѣверъ массами снѣга, еще неуспѣвшаго стаять, и поднимающимся въ небо шестью пирамидальными пиками. Третій изъ нихъ — отъ юга къ сѣверу — представляется самымъ вы-

ссвиихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе отдаленнымъ отъ глаза. Весь этотъ хребетъ Буé зоветъ, со словъ мѣстныхъ жителей, *Соагора* (Soagora), каковое чтеніе у Киперта исправнѣе переходитъ въ Suha gora, т. е. *Суха гора*, какъ намъ дѣйствительно и назвалъ панораму горную Игуменъ [1]). Но очень можетъ быть, что кромѣ собственно „Сухой“ горы мы видѣли еще нѣсколько другихъ вмѣстѣ, сливающихся оптически. На картѣ такихъ поименовано три: *Анаргири* (Безсребренники), *Чечево* и *Озрина*. А Австрійская карта прибавляетъ еще четвертую: Sarkina. Гдѣ же надобно искать Витоля? Спросилъ я. — Бывалецъ мнѣ указалъ на самый край хребта къ сѣверу, гдѣ тоже выглядывала надъ поверхностію земли плоская сѣдловидная верхушка горы. — Гора та зовется: *Перестери* (голубь), и есть самая высокая изъ окрестныхъ горъ. Кажется она приниженною оттого, что стоитъ дальше всѣхъ этихъ. При подошвѣ ея и лежитъ столица этого края *Витолія*, или, если вамъ угодно, *Витоль*, а если еще иначе угодно, то и *Монастырь*. — Поблагодаривъ отличнаго географа за такія обстоятельныя свѣдѣнія, я, коротая время, занялся рисованіемъ представлявшагося глазамъ вида, который весьма справедливо можно было назвать тоже „сухимъ“ съ прибавкою еще „мерзлаго“.

---

[1]) Еще называется (у Киперта) весь хребетъ: *Перечка Планина*, да тутъ же въ скобкахъ приводится и древнее имя: Bora, т. е. *бора*. И Буэ указали тамъ же гору: *Вишъ*, а по албански *Боръ*, что значитъ: снѣгъ. Это названіе горнаго хребта *Бора* даетъ поводъ ученому Пуквилю сюда пріурочивать пресловутыхъ *Гипербореевъ*, т. е. *за — борянъ*, переводя слово по русски. Не малою неожиданностію было бы встрѣтиться такъ недалеко отъ Греціи съ обитателями, заносимыми не ученымъ воображеніемъ на глубокій сѣверъ. Большое вліяніе на образованіе географическихъ (и всякихъ иныхъ) понятій древнихъ грековъ имѣлъ *Эпиръ*, для котораго хребетъ *Сухой Горы* точно могъ имѣть значеніе предѣла, за которымъ шла terra incognita, и обитали люди, для коихъ самое выразительное имя было ὑπερ—βόρεοι, безъ всякой дальнѣйшей характеристики, какими когда-то были для нашихъ предковъ нѣмцы, чудь, жмудь, воть, весь... Впрочемъ словопроизводство Инербореевъ можетъ обойтись и безъ всякой горы съ именемъ Бора. Достаточно для этого *Борея* или *Борра*, т. е. сѣверозападнаго вѣтра.

Въ самый полдень предложена была пустынная трапеза съ виномъ и елеемъ по заповѣди о праздникѣ и со многими другими „утѣшеніями" по заповѣди конечно о дорожномъ положеніи нашемъ, пользующемся, какъ извѣстно изъ соборныхъ правилъ, значительными льготами. Подкрѣпившись, мы немедленно собрались въ дальнѣйшій путь. По Итинерару горный переѣздъ отъ Водены до Битоля требуетъ 15-ти часовъ времени. Мы ѣхали вчера въ теченіе 7-ми часовъ. Слѣдовательно, оставалось намъ сдѣлать еще 8 часовъ. Но по увѣренію компаніи достаточно было для переѣзда туда 5-ти часовъ. Я очень хорошо понималъ, въ чемъ заключается секретъ этой разницы, и мало склоненъ былъ радоваться такому нежданному сокращенію пути. Но ему и безъ меня суждено было растянуться чуть не на полчаса лишніе. Случай, для читателя нисколько не интересный, но для меня не безъ поучительнаго смысла, нѣсколько отуманилъ ясный фонъ нашего пребыванія въ Вошпоранахъ. Это былъ уже третій въ дорогѣ пріемъ извѣстной на Святой Руси и превоспѣтой *блажи*. Во времена Гостомысловъ, и притомъ въ какой нибудь сѣродеревянной деревушкѣ, откуда не увидишь никакихъ ни горъ ни городовъ съ классическими и еллинизирующими именами, не услышишь ни консульскихъ *районовъ* ни дипломатическихъ оборотовъ ни округленныхъ французскихъ фразъ, могло бы еще быть мѣсто проявленію русскаго „ураса", какъ называютъ въ Сибири дѣтскій капризъ. Но здѣсь, въ исторической землѣ Филиппа и Александра, по которой столько ходило и ѣздило настоящихъ консуловъ Римскихъ міродержавныхъ, и столько потомъ императоровъ, кралей, герцоговъ, маркизовъ... людей все положительныхъ, сдержанныхъ, дозволить себѣ раскапризиться и заставлять другихъ ухаживать за собою, какъ за младенцемъ, по поводу ничтожнѣйшаго: „не такъ", — это въ пору хоть бы и Иродоту занести на страницы своихъ музъ, какъ рѣдкостный курьезъ. Но, кое какъ дѣло уладилось. Садимся на своихъ „червеныхъ" лошадей и ѣдемъ. Кавалькада имѣетъ

хотя и бодрый, но нѣсколько сконфуженный видъ. Это впрочемъ не мѣшаетъ ни послужившему камнемъ соблазна иноходцу выступать настоящимъ буцефаломъ, ни вѣтрамъ нестись по прежнему, наравнѣ съ преслѣдующими насъ мухами, неугомоннымъ роемъ. И тѣ и другія отстали отъ насъ, когда началось по прежнему галопированіе компаньоновъ по развертывавшейся передъ нами все болѣе и болѣе необгладной равнинѣ древней Пелагоніи, образующей центральную котловину или нагорную площадь всей европейской Турціи. Солнце печетъ и выдавливаетъ изъ тѣла всю, внесенную въ него реагентами утра, влагу. Открылась жажда, передъ которой все другое отступило на задній планъ. Показавшееся вдали селеніе привѣтствовано было отъ того, какъ набившій литтературную оскому „оазисъ въ пустынѣ". Но добрые полчаса прошли, пока мы добрались до зеленѣющей площадки и спѣшились, по осторонь отъ деревни, у одного колодца, надъ которымъ возвышался искривленный столбъ съ типическимъ журавлемъ. Первобытный этотъ способъ пользоваться существеннѣйшимъ даромъ матери — земли, памятный мнѣ чуть не со дня рожденія, я вынужденъ окончательно признать произведеніемъ *не* славянской мысли. Образчики его встрѣчаются и въ Египтѣ и въ Китаѣ и въ западной Европѣ, слѣдовательно на пространствѣ всего стараго свѣта. Не смотря на то, я встрѣтилъ его, какъ стараго товарища своего, чуть не говорившаго мнѣ: завтра пойдемъ по ягоды! Не много со страхомъ, немного по секрету произносится восторгающее приглашеніе... Иду, иду, готовъ былъ я отвѣчать на искусительный призывъ, но ужъ не то впереди меня лежитъ родное поле, да и пріятель, какъ видно, пошутилъ, сказалъ да и исчезъ! Журавль уже другимъ жаждущимъ киваетъ своею послушною головою, а мы дѣйствительно выѣзжаемъ въ широкое поле, на которомъ придется, вѣроятно, не мало пособирать ягодокъ... археологическихъ. Величолѣпно встала на западномъ горизонтѣ темная масса горы „Голубки". Можно засмотрѣться, глядя на

нее, дѣйствительно напоминающую своею вершиною птицу съ спущенными внизъ крыльями. Дымная полосочка у подножія ея указываетъ мѣсто города, къ которому мы направляемся. Повѣяло чѣмъ-то роднымъ и какъ бы нѣсколько жалостнымъ. Это уже вполнѣ *славянская* земля. Тутъ я увижу нашихъ прапра... дѣдовъ со всѣми ихъ племенными особенностями, не стѣсняемыми ни греческою цивилизаціею ни турецкою цивилизаціею, ни европеизмомъ, ни руссизмомъ, — чистыхъ славянъ славянской Грамматики и Св. Писанія, доселѣ болѣе или менѣе казавшихся мнѣ чѣмъ-то книжнымъ и искуственнымъ, чуть не отвлеченіемъ. Такія скученныя славянскія селитвы, какъ *Битуль, Прилѣпъ, Штипъ, Скопъ* и пр. могутъ представить наблюдателю самые чистые образчики Балканскаго славянства, и дать вѣрное понятіе о томъ, что у насъ — русскихъ — есть общеславянскаго, что своего мѣстнаго, что финно-татарскаго, польско-нѣмецкаго и т. д. *Жатва многа*, но не та, которая характеризуется у насъ именемъ *страды*. Отъ нея вѣетъ не страданіемъ, а удовольствіемъ. Если, увидавъ послѣ 20 лѣтней примѣрно разлуки родныя мѣста, не знаешь предѣла расточаемымъ каждому знакомому предмету ласкамъ, не насмотришься и не нарадуешься на нихъ, то что сказать о впечатлѣніяхъ, которыя должны вызывать въ душѣ эти, тоже какъ бы родныя намъ, мѣста, оставленныя исторіею нашею за 500 и 1000 лѣтъ? Впрочемъ, и для страданія вѣроятно останется мѣсто при томъ.

Спустились мы совсѣмъ съ горы, и простились на время съ наскучившимъ камнемъ. Отселѣ впереди насъ до самыхъ противостоящихъ горъ лежалъ одинъ непрерывный зеленый лугъ. Если до сихъ мѣстъ еще что нибудь сдерживало наѣздническій пылъ моихъ спутниковъ, то теперь, когда они увидѣли себя на полной ширя и глади, уже ничто не могло остановить ихъ стремленія. Замѣтивъ, что все было готово en avant, я заявилъ протестъ во имя своей раны противъ такого „весьма не нужнаго“ удальства почтенной компаніи. Но ока-

залось, что не простительно трусить по такой отличной дорогѣ, — тѣмъ болѣе, что это былъ уже послѣдній переѣздъ нашъ... По краткомъ совѣщаніи, рѣшено было предоставить мнѣ съ Суруджи и Търпкомъ ѣхать, какъ намъ заблагоразсудится, и дать свободу остальнымъ распорядиться своею особою по усмотрѣнію каждаго. Сказано — сдѣлано. Прощаемся. — Доброй ночи! Слышится издали доносящійся, иронирующій голосъ. — Ладно! За то бока́ будутъ цѣлы, говорилъ я себѣ въ утѣшеніи. И надобно признаться, я былъ весьма радъ, что остался одинъ — самъ себѣ хозяинъ. Конь мой, можно было ожидать, подъ стать сѣдоку, со всѣмъ отдастся покою. Между тѣмъ вышло напротивъ. Оставшись одинъ безъ привычныхъ товарищей, онъ сталъ неспокоенъ и прибавилъ шагу самъ отъ себя, какъ бы догоняя другихъ. Черная земля и зеленѣвшіе по обѣимъ сторонамъ дороги посѣвы привлекали и ласкали взоръ, не говоря уже о множествѣ цвѣтовъ, составлявшихъ какъ бы разукрашенную рамку дороги. Не вдалекѣ видится деревня. — Търпче! Како се вове тое-то се́ло-то? Спрашиваю я стараго гонца, стараясь говорить сколько можно не по русски, и думая, что тѣмъ самымъ ближе подхожу къ Болгарскому нарѣчію. Почтарь, весь занятый береженіемъ наложенныхъ подъ него въ видѣ копны нашихъ сакъ-вояжей и другихъ путевыхъ принадлежностей, или не слышитъ меня или непонимаетъ, только не удостоиваетъ отвѣтомъ. Черезъ минуту я обращаюсь къ нему съ тѣмъ же вопросомъ по гречески. Сѣдая голова поворотила ко мнѣ свое ухо, обмотанное длинною прядью волосъ, и что-то булькнула про себя, похожее на: *христіанъ,* т. е. (гадательно) хотѣла сказать, что село то христіанское, а не магометанское. А можетъ быть то̀ было и собственное имя въ родѣ: *Клешатина,* поставленное у Киперта на срединѣ между Филуриной и Битолемъ. Отпала охота у меня распрашивать. Да и что толку въ именахъ и прозваніяхъ, произносимыхъ на 5 на 6 ладовъ? Это не то, что наши: Иваново, Иванково, Ивановское.., которыя сразу поймешь и

съумѣешь записать вѣрно. А то, не могло ли быть, что вмѣсто Клептина сказано было придорожнымъ чабаномъ записывавшему туристу: Крещена, Лещина, Трещина и т. д.? Еще поселокъ при самой дорогѣ съ очепнымъ колодцемъ, изъ котораго мы напились воды, не слѣзая съ коня, прямо изъ бадьи. Было уже 4 часа. Передъ глазами безсмѣнно торчала гора Перистери, по мѣрѣ приближенія нашего къ ней все возраставшая въ своихъ громадныхъ размѣрахъ. Въ дымной лентѣ у подошвы ея различались уже зелень деревьевъ и бѣлизна домовъ. Еще одинъ придорожный ханъ или конакъ (по нашему: *теремъ*, что-ли). Чуть мы съ Търпкомъ поровнялись съ нимъ, раздалось: „стой! Кошелекъ или жизнь"!.. Дорогу загородила воинственная фигура съ стаканомъ добраго вина въ рукѣ, а изъ за хана раздавались веселыя рукоплесканія. — Однако, вы ползете, нечего сказать! Мы уже цѣлый часъ (!) ждемъ тутъ васъ! Послышалось оттудаже. — Да вѣдь сказано, что торопиться некуда, замѣтилъ я. — Вотъ нашли! То́ сказано для утра, а теперь вечеръ?.. — Резонно. Однако же компанія не праздно провела время, дожидаясь меня. По возможности она принарядилась и почистилась, чтобы съ надлежащимъ „шикомъ" явиться передъ взоры провинціаловъ. Примѣру другихъ послѣдовалъ и я, хотя и не представлялось въ томъ никакой надобности. Освѣдомившись на часахъ, что моментъ для торжественнаго въѣзда въ Битоль былъ какъ разъ подходящій, кавалькада наша двинулась впередъ, занявши всю ширину дороги. Отдохнувшіе кони выступали бодро и крѣпко. Бѣлые и зеленые вуали на шляпахъ граціозно играли съ вѣтромъ, и курбаши похлопывали чуть не гармонически. Не прошло и четверти часа, какъ на встрѣчу намъ со стороны примчался на лихомъ конѣ, какъ роза свѣжій и цвѣтущій, юноша съ двумя ассистентами. Это былъ секретарь нашего консульства въ Битолѣ. Ассистенты — консульскіе кавасы. Послѣдовали привѣтствія и ознакомленія. Затѣмъ и еще нѣсколько всадниковъ подлетѣло

изъ города и пристало къ нашему кортежу. Еще далѣе, у малой и невзрачной церкви (Св. Христофора) поджидала насъ уже цѣлая кучка народа. Это были русскіе подданные, русскіе protegés, приверженцы, торговцы и простые зѣваки. Привѣтствовавъ всѣхъ ихъ, компанія наша еще разъ вспомнила, что благо ноги у нея не свои, и пустилась по ровной и укатанной дорогѣ такою рысью, отъ которой зарябѣло въ глазахъ, и безъ того ослѣпляемыхъ низкими и прямыми лучами солнца. Не умѣрили мы своего пыла и въѣхавши въ городъ. Стукъ и гулъ отъ копытъ 25—30 лошадей, несшихся по мостовой, бѣготня кидавшихся туда — сюда въ виду опасности пѣшеходовъ, и крикъ ребятишекъ, бѣжавшихъ по сторонамъ въ перегонку, придали столько эффекта нашему въѣзду въ городъ, что, я думаю, разсказовъ о немъ станетъ добрымъ провинціаламъ на цѣлую недѣлю. Послѣ десятка поворотовъ направо и налѣво, мы уперлись въ ворота довольно большаго двухъ-этажнаго дома съ длиннымъ рядомъ оконъ, балконами, трубами и высокою мачтою, поставленною на самомъ видномъ мѣстѣ, на коей развѣвался русскій трехполосный флагъ съ Андреевскимъ крестомъ въ углу. Оставалось перекреститься, глядя на спасительное знаменіе и благодаря Бога за то, что всѣ кости дошли до предѣльнаго пункта поѣздки нашей цѣлы. Чего жъ еще? И слава Богу! Было около 6 часовъ вечера, когда мы водворились подъ русскимъ кровомъ двухъ хозяевъ, бывшаго и будущаго.

Битоль. 22 Мая. Суббота.

Въ странѣ, гдѣ все было множество разъ наслоено, взрыто и перерыто, и все перековеркано справа налѣво, спереду на задъ, и сверху внизъ, не диво, если встрѣтишь городъ съ именемъ, котораго не съумѣешь передать письмомъ. Но, и передавши, назвавши его напр. *Битоли*, не знаешь, въ какомъ родѣ и числѣ употреблять это

слово и какъ склонять его. Есть основаніе писать и Битоль и Битоли и Битолія (Bitolia, Bitoglia, Betolia...), послѣднее съ женскимъ повидимому окончаніемъ, но по исправленному греческому чтенію дающее видѣть въ себѣ средній родъ множ. числа: τὰ Μπιτώλια. Не смотря однакоже на таковую опредѣленность рода и числа, слово это, очевидно, не греческаго происхожденія и случайно приняло грамматическія формы греческаго языка. Нынѣшніе хозяева мѣстности съ успѣхомъ объясняютъ названіе своей столицы изъ собственнаго языка. Въ старину незапамятную было тутъ, говорятъ, до 70 обителей. И такъ множ. число: *обители* и есть собственное имя Битоля. Потеря начальной гласной *о* не должна служить возраженіемъ. Что дѣло тутъ идетъ объ обители, свидѣтельствомъ сему служитъ теперешнее турецкое имя города: *Толи-Манастиръ,* или просто: *Манастиръ,* т. е. монастырь, говоря по нашему. Но есть и еще предположеніе, устраняющее филологію „обители". Битольская гора, какъ мы уже упоминали, зовется *Перистери,* т. е. голубь. А голубь по албански: *битойя,* слово до того созвучное имени города, что невольно наводитъ на мысль о филологическомъ родствѣ съ нимъ. Славяне наши, перенявши имя отъ албанцевъ, сдѣлали изъ него по своему Битолію. Но, на сколько славяне сами высказались въ этомъ дѣлѣ, видно, что они и не слыхали объ албанскомъ голубѣ. По Гильфердингу, Болгарское имя города: *Бутель* [1]), подтверждаемое древнимъ актомъ, упоминающимъ о *Бу* (ж?) *тельскомъ пути*... Какъ бы недостаточно всей этой разноголосицы, на Болгарской картѣ Балканскаго полуострова городъ названъ еще: *Бытула*... 70 обителей — конечно, сказка. Но если ихъ

---

[1]) При этомъ славянистъ нашъ ссылается на греческое имя (у Византійцевъ) Βυτέλιον. Правда, что греческая гласная υ въ древнемъ языкѣ, смотря по діалектамъ, произносилась не одинаково, и могла точно имѣть звукъ нашего у (μῦς—mus—мышь ὗς—sus, λύκος—lupus и пр.). Но желательно бы узнать, у какаго именно писателя отыскалось имя: Βυτέλιον.

было и 7 только поблизости одна къ другой, то все же это обстоятельство могло имѣть значеніе при нареченіи имени города, по всему видно — не очень древняго. Во всякомъ случаѣ, мы возвращаемся къ оффиціальному теперь имени мѣста (Монастиръ), какъ рѣшительному свидѣтельству въ пользу славянскаго, а не албанскаго толкованія слова: *Битоль*. Что же касается самихъ славянскихъ варіацій *бу* и *бы*, *ту* и *те*, то нечего смущаться этимъ, имѣя въ виду, что даже такія имена, всему свѣту извѣстныя, какъ напр. *Болгаре* произносится самими болгарами то такъ, то иначе — слышится и *Българе* и *Бугари*. (Только ужъ не *Болгары*, — равносильное по неправильности таковому же: цыган*ы*, татар*ы* и проч.). Признавъ такимъ образомъ за городомъ славянское происхожденіе, мы уже знали, куда намъ оріентироваться при нашихъ — тѣхъ или другихъ — изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ окружающаго насъ міра. При нашемъ пробужденіи насъ привѣтствовало прекрасное майское утро, майское — по календарю, а іюльское по зною. Нельзя передать словами того чувства довольства, которое переполняло душу. Уже одна мысль, что сегодня не нужно ѣхать и можно цѣлый день сидѣть на одномъ мѣстѣ, не заботясь ни о чемъ и занимаясь чѣмъ угодно, заставляла восторгаться, а тутъ еще новость предметовъ, разнѣживающій комфортъ, дружеское веселое общество, главнѣе же всего — „причина всѣхъ причинъ“ — доброе здоровье, сказывали себя всѣ вмѣстѣ именно тѣмъ, что признано выражать собою слово: благодать. Одинъ изъ балконовъ большой и свѣтлой залы дома выходитъ въ садикъ на югъ лицомъ. Давно уже я сижу на немъ, впившись взоромъ въ далекіе верхи заоблачной Перистери, весь охваченный наплывомъ думъ. Опять и весело и грустно, — чего то все какъ будто жаль. Не дашь себѣ отчета, *чего* именно, жаль прошедшаго, конечно. За извѣстнымъ рубежемъ лѣтъ, мнѣ кажется, ко всему у человѣка начинаетъ примѣшиваться тайная скорбь о томъ, чего ужъ нѣтъ, и что было и радовало, если не насъ, то

другихъ, когда-то. Но тутъ малая, такъ сказать — личная, туга души разводится уже въ большой исторической жалобѣ, какъ капля укоуса въ чашѣ воды. Тужишь не о томъ или другомъ, а вообще о прошедшемъ. Сидѣлъ же тутъ гдѣ нибудь, подобно мнѣ, за 800 лѣтъ передъ этимъ, неугомонный воитель Краль Самуилъ въ своемъ дворцѣ, и такъ же смотрѣлъ на выспреннюю голубицу, закрывавшую отъ него широкій горизонтъ. „Моя она, говоритъ онъ себѣ, и чтó за нею, тоже мое. И оттуда и отсюда—все мое!“ Да! Только вонъ то, что *за*сюда и *за*туда, не твое, удалый (но не добрый) молодецъ! Ты убилъ отца, убилъ братьевъ, чтобы владѣть горами и долами, но не подумалъ, что самъ ты чуть держишься на чемъ-то призрачномъ, и что достаточно слабаго дуновенія *оттуда*, что бы ты полетѣлъ со всѣмъ твоимъ царствомъ *отсюда!* А за 800 лѣтъ до Самуила, также можетъ быть проѣздомъ въ Дакію, сидѣлъ тутъ на своемъ походномъ креслѣ и разсуждалъ такимъ же образомъ, міродержавный *Троянъ* императоръ. А до него за 800 лѣтъ напѣвалъ себѣ туже пѣсню какой нибудь *Аминта* царь... и т. д. Вотъ этого-то фатальнаго чередованія великихъ замысловъ малыхъ мыслителей и жаль! Битоль хотя не изъ бойкихъ историческихъ мѣстъ, но это естественнѣйшій перекрестокъ всѣхъ завоевательныхъ движеній во всѣхъ направленіяхъ изъ греко-римской эпохи. И тому, кто ищетъ въ живомъ отжившаго, прежде всего, конечно, приходятъ на мысль шумѣвшіе когда-то своими именами и дѣлами, крали, imperatores и βασιλεῖς.

Когда я спросилъ перваго проснувшагося (часовъ около 9-ти) изъ нашихъ, съ чего мнѣ начать свое обозрѣніе города, мнѣ внушительно отвѣчали: съ отдыха. Хорошій совѣтъ. Кстати сегодня суббота. А завтра — праздниковъ прадникъ, Троица, послѣ завтра же Духовъ день — земля имянинница, по святцамъ народной фантазіи! Перспектива лѣни блестящая. Придется за дни эти не только перечитать отъ доски до доски, но и выучить наизусть все, что хранится въ чемо-

данахъ нашихъ написаннаго о Битолѣ. Написано же тамъ, что это городъ большой, новый, хорошо выстроенный, торговый, разноплеменный, разновѣрный... Сравнительно и относительно говоря, все это— правда. Во многомъ можно убѣдиться, просто сидя подъ окномъ и выглядывая на улицу. Остальному можно повѣрить на слово, напр. — тому, что лѣтъ за 30 передъ симъ на мѣстѣ города было только сельцо (bourgade). Но, если такъ, то значитъ нечего надѣяться тутъ на какую нибудь археологическую поживу. Статистика мало занимаетъ меня и если бы „La Turqui contemporaine" не завралась по обычаю самымъ грубымъ патріотскимъ (не: патріотическимъ) образомъ, я бы и совсѣмъ не коснулся ея. Но когда бравая книжка вздумала увѣрять, что въ Битолѣ 45,000 жителей, изъ коихъ 25,000 магометанъ, 17,000 грековъ, $2\frac{1}{2}$ тысячи жидовъ и пр., то и мнѣ какъ будто кстати, для провѣрки этихъ круглыхъ чиселъ, сопоставить съ ними болѣе подробныя данныя, добытыя (правда, давно уже) докторомъ Миллеромъ. По нему, въ городѣ было тогда (лѣтъ за 25 передъ нами) 17,000 магометанъ (изъ нихъ 8,000 албанцевъ, около 6,000 славянъ и 2,400 турковъ — въ большинствѣ солдатъ) и 12,500 христіанъ православныхъ, въ числѣ ихъ 9,000 болгаръ и 3,500 грековъ. А когда я сегодня же порадовался — на греческомъ языкѣ — передъ однимъ посѣтителемъ, считая его за грека, что въ такой албанщинѣ (манёвръ...), все же, по свидѣтельству вотъ этой книги, насчитывается 3,500 православныхъ грековъ, то онъ сказалъ, къ немалому смущенію моему, что и та сотня *ихъ*, т. е. настоящихъ райя, а не подданныхъ греческаго королевства, суть огреченные болгаре!... Sic transit gloria mundi, подумалъ я, и пожалѣлъ отъ сердца безъ вѣсти пропавшихъ 16,900, насчитанныхъ патріотомъ, „грековъ". Думаю, что племенная вражда подсказываетъ и тѣ и другія крайнія цифры. Когда нибудь настанетъ же время, что темное дѣло будетъ приведено въ ясность. Въ видѣ предисловія къ

этому дѣлу замѣтимъ, что между греками и болгарами тутъ существуетъ еще промежуточное звено — Валахи или опредѣленнѣе — *Куцо-влахи,* не принадлежащіе ни той ни другой сторонѣ, но пристающіе (можетъ быть временно) къ той, гдѣ больше интеллигенціи и силы, т. е. греческой. Съ ними-то вѣроятно наберется не одна тысяча грековъ въ Битолѣ. Съ паденіемъ жара дневнаго, мы съ сонумерантомъ прошлись по западной части города, по *Драгорскому* „проспекту", какъ выразился мой спутникъ, знакомый съ проспектами гораздо большей славы и извѣстности... *Драгоръ* — Битольская рѣчка, тутъ же по близости въ горахъ имѣющая свои истоки, и еще ближе, по другую сторону города, впадающая въ другую, болѣе значительную, рѣчку *Кара-су,* иначи *Црна-рѣка,* которую мы уже переѣзжали вчера, не нашедши въ ней ничего, похожаго на излюбленную мѣстнымъ населеніемъ краску. Полагаютъ, что въ древности она именовалась *Эригонъ.* Впечатлѣніе, вынесенное изъ прогулки, было довольно дюжинное. Имѣли въ виду зайти въ церковь на вечерню, но не отыскали ея.

Βυτέλιον. 23 Мая. Воскресеніе.

Назовемъ мѣсто пребыванія нашего иноязычнымъ именемъ въ память преславнаго, неимовѣрнаго и навѣки необъяснимаго событія — глаголанія *иными языки* людей, никуда не выѣзжавшихъ изъ своего роднаго мѣста и не учившихся ничему чужому. Первенствовалъ, конечно, между столькими языками Востока, въ пречудный моментъ духовѣщанія, наиболѣе пригодный для Евангельскаго дѣла, языкъ греческій. Отдадимъ и мы ему первое мѣсто. Затѣмъ, въ заголовкѣ слѣдуетъ число: *23-е Мая,* горестно-памятное мнѣ по тяжкому и жестокому лишенію. Такое же было и тогда, какъ сегодня, радостное утро, а между тѣмъ истинная-то радость роковымъ шагомъ шла на встрѣчу ангелу смерти! И ушла, не успѣвъ даже сказать дружеское: прости!

Недугующему сердцу казалось тогда, что уже всему конецъ. А между тѣмъ, вотъ уже 20 и болѣе разъ возвращается горестный день, все менѣе и менѣе тревожа духъ. Годъ отъ года сглаживается съ него, какъ съ фотограммы, и яркость краски и отчетливость изображенія. Отчего это? Оттого, что химическій составъ, отпечатлѣвшій ихъ на себѣ, цѣлодневно стоитъ на солнцѣ... Хоть бы такой напр. яркій лучъ, какъ встрѣча памятнаго дня въ глубинѣ Македоніи, о которой и помыслить не являлось случая въ то давнее время, развѣ не въ состояніи сгладить какую бы то ни было борозду на нивѣ жизни? И благо, что есть еще реактивы такіе, разъѣдающіе тугу сердечную! По мысли св. церкви, праздникъ Пятьдесятницы есть нетолько день радости о Дусѣ Святѣ, но и день вселенской молитвы о усопшихъ. Кстати, значитъ, совпаденіе памяти единичнаго упокоенія съ мольбою о всеобщемъ покоѣ. Въ 6 часовъ мы отправились, въ сопровожденіи консульскаго каваса, въ соборную церковь на Божественную службу. Еще застали бо́льшую часть утрени. Служеніе правилось хорошо знакомымъ мнѣ порядкомъ. Священнодѣйствовалъ одинъ изъ чередныхъ священниковъ. Архіерея нѣтъ въ городѣ. Онъ засѣдаетъ на этотъ годъ въ Константинопольскомъ Синодѣ. Вся обстановка службы почему-то казалась мнѣ совсѣмъ не праздничною. Слишкомъ все просто, не прикрашено, не прилажено, не приглажено... Нѣчто странное и какъ бы нескладное видѣлось мнѣ кромѣ того во всѣхъ почти дѣйствіяхъ и даже въ головѣ служащаго. За утренней непосредственно слѣдовала литургія, а за литургіей вечерня, на которую облачились всѣ мѣстные священники, числомъ 10. И при такомъ количествѣ іереевъ не было ни одного діакона. Діаконъ вообще рѣдкость на Востокѣ. Большею частію, этихъ низшихъ сановниковъ церковныхъ можно видѣть только при архіерейскихъ каѳедрахъ, обыкновенно весьма молодыхъ, безбрачныхъ, съ бо́льшимъ противъ другихъ образованіемъ, кандидатовъ не на священство, а на архіерейство. Они составляютъ неотлучную свиту вла-

дахъ восточныхъ, и здѣшніе естественно потому находятся теперь при своемъ митрополитѣ въ столицѣ. Предводительствовалъ на вечерни соборомъ священниковъ Протосинкеллъ Владычній, котораго намъ назвали славянскимъ именемъ: о. *Стойчо*. Разумѣется, все богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ. Огромная пятипрестольная церковь была переполнена народомъ. По окончаніи службы, мы всю ее обошли. Несмотря на свою обширность, она темна, низка и очень не взрачна. Построена въ недавнее время бывшимъ митрополитомъ Пелагонійскимъ Григоріемъ, а потомъ патріархомъ Вселенскимъ (проживающимъ теперь въ Константинополѣ на покоѣ), и посвящена имени Св. Великомученика Димитрія. Рѣдкость, не встрѣчаемая на Востокѣ, въ ней есть два престола (Преображенія и Св. Григорія Богослова), устроенные на хорахъ, въ отдѣленіи, исключительно предоставленномъ женщинамъ, по обычаю Востока. Съ обязательнымъ вниманіемъ показывалъ намъ все самъ о. Протосинкеллъ, т. е. тотъ же „папа Стойчо" — по народной мовѣ, а на дѣловомъ языкѣ — архимандритъ *Синесій*. „Славное лицо у него" — замѣтилъ мой компаньонъ. А я еще за обѣдней любовался имъ, особенно когда приходилось видѣть его въ профиль. Что-то томящее чувствовалось при этомъ въ груди моей. Припоминалось не́ясно что-то очень далекое и очень близкое душѣ... Да, это *его* обликъ, сказалъ наконецъ я самъ себѣ, — его, кого незнать какія сокровища отдалъ бы, чтобы еще разъ увидѣть... Только выраженіе глазъ портило чарующее впечатлѣніе. Нѣчто не прямое и бѣгучее замѣчалось въ глубинѣ ихъ. Я пояснялъ его себѣ тѣмъ, что почтенный человѣкъ, какъ видно чистый славянинъ, по служебному положенію своему поставленъ въ необходимость дѣйствовать между своими въ пользу чужихъ, и долговременною угодливостію предержащей власти исказилъ прирожденную прямоту и тезоименную ему стойкость души. Изъ его же разсказовъ мы узнали, что хотя въ городѣ 11 приходовъ, но церковь *одна* — эта самая. На наше дивленіе подоб-

ному обстоятельству и желаніе узнать причину его, разсказчикъ только, тоже какъ бы вопросительно, посмотрѣлъ на насъ и пожалъ плечами, что не посвященный въ тайны мѣстной администраціи могъ переводить очень просто: что тутъ спрашивать? Развѣ вы не знаете, что надъ нами турокъ? Между тѣмъ смыслъ умолчаннаго отвѣта былъ другой. Намъ объяснили его уже дома. Митрополитъ противится всякой мысли о постройкѣ новой церкви, боясь, чтобы строители не подняли при этомъ вопроса о славянскомъ богослуженіи въ новой церкви, по примѣру Филиппополя, Адріанополя и др. мѣстъ. Да вѣдь мы слышали, что преосвященный-то здѣшній изъ Болгаръ, замѣтили мы комментатору. Какъ-же — *Поповичъ* — по фамиліи, чего вамъ еще больше сего? И не только такъ зовется, а еще при всякомъ удобномъ случаѣ старается напоминать всѣмъ о томъ. А все таки — грекоманъ отъ подошвы до кончика волосъ! — Такъ намъ описали преосвященнѣйшаго *Венедикта* Пелагонійскаго. И такъ 9 тысячъ, пусть — половина этого, вѣрующихъ и празднующихъ слушали сегодня божественную службу на невѣдомомъ имъ языкѣ! Не посмѣяніе ли это воспоминаемому сегодня церковію, духодвижимому вѣщанію Апостоловъ на разныхъ языкахъ? *Добро соль*, сказалъ Господь, *аще же соль обуяетъ, чимъ осолится?* Гдѣ же, не скажу — совѣсть, гдѣ умъ у людей заправляющихъ дѣломъ вѣры на Востокѣ? Ужели въ самомъ дѣлѣ надобно согласиться съ отзывомъ памятнаго мнѣ, весьма почтеннаго, Восточнаго архимандрита (изъ славянъ): не ищите въ нихъ (грекахъ) ума. Они хитры, но не умны!.. Печальное положеніе филеллина, поставленнаго въ необходимость осуждать то, что уважаешь! А тутъ имѣешь дѣло еще не съ однимъ эллинствомъ. Тутъ орудуетъ съ эллинской мономаніей нѣкто — Пòповичъ! Праздничное настроеніе духа немного испортилось отъ этихъ соображеній, отъ этого невольнаго зазора чужихъ дѣлъ. Ради разсѣянія, двукратно въ теченіе дня дѣлали прогулку по городу. Праздникъ мало замѣтенъ, ибо преобладающее населеніе всетаки магометанское. Высоко-

трѣли восточную часть города и южную окраину, причемъ побывали и подъ дождемъ. Набѣжавшую тучу разорвала и разсѣяла масса горы Перистери. Въ знакъ признательности я срисовалъ ее съ садоваго балкона. Снѣга на ней, говорятъ, еще очень много, хотя снизу почти совсѣмъ не видно. Чуть ли доселѣ еще не покрыто льдомъ цѣлое озеро (правдоподобнѣе — лужа), лежащее тамъ на самой вершинѣ въ междураміяхъ нашей голубицы.

Βιτώλια. 24 Мая. Понедѣльникъ.

Спѣшу оговориться. Ревностный владыка Битолійскій (ἁ. Βιτωλίων) не совсѣмъ неправъ въ своихъ ультрамонтанскихъ стремленіяхъ. Сейчасъ мы возвратились изъ церкви *Св. Недѣли*... Довольно услышать подобное названіе храма Божія въ Битолѣ, чтобы оправдать опасенія гг. *Пападаки, Пападопуло*... и пр., въ переводѣ *Поповичей*, за могущія выйти отъ размноженія церквей въ ихъ резиденціи послѣдствія. Вчера мы уже упомянули, что въ Битолѣ одна всего навсе православная церковь. Гуляя же вчера же по городу, узнали, что есть еще другая *новая* церковь за городомъ на кладбищѣ. Изъ распросовъ оказалось слѣдующее: случилось, что нѣсколько прихожанъ городскихъ, по усердію ли къ мѣсту, отмѣченному какимъ нибудь священнымъ преданіемъ, или просто изъ желанія придать болѣе святости мѣсту общаго покоя вѣрующихъ, выпросили у владыки, и черезъ него у правительства, позволеніе построить на народномъ кладбищѣ небольшую церковь во имя *Св. Киріакіи*. Позволеніе было дано безъ всякихъ оговорокъ. Церковь выстроена и освящена и поставлена въ каноническую зависимость отъ городской церкви. Но чуть все это было сдѣлано, какъ новый храмъ огласили въ народѣ именемъ не *Киріакіи*, а *Недѣли* (Κυριακή = воскресный день, по славянски: недѣля)! Мало того. Патріоты соглядатаи не замедлили донести владыкѣ, что слу-

жившій въ „Св. Недѣлѣ“, священникъ имѣлъ при себѣ *русскій* служебникъ и осмѣлился дѣлать славянскія возглашенія... Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ случая, мѣстный паша увѣдомленъ былъ о какомъ-то заговорѣ между жителями въ городѣ и о покушеніи такого-то священника на жизнь митрополита... Злоумышленникъ немедленно былъ схваченъ и засаженъ въ тюрьму. Возглашать по славянски въ св. Киріакіи было больше некому, и русская интрига пресѣчена была въ самомъ корнѣ. Вотъ такъ Пόповичъ! Къ счастію, у паши того времени были и десница и шуйца, изъ коихъ ни та ни другая не вѣдала, что творила (т. е. брала) въ извѣстное время товарка ея... Оттого вскорѣ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что ни заговора никакого не было въ городѣ, ни драгоцѣннымъ днямъ владычнимъ ничто не угрожало. Такимъ образомъ черезъ полтора мѣсяца тюремнаго заключенія, неосторожный о. Константинъ выпущенъ былъ на свободу, съ строжайшимъ запрещеніемъ служить по русскимъ книгамъ... Оттого мы и слушали сегодня въ Св. Недѣлѣ совершенно греческое богослуженіе. Несмотря на праздничный день, молящихся въ церкви было весьма мало. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ слушать за городъ тό, что ему и въ городѣ надоѣло?

Возвращаясь домой, мы напали на *панаиръ* [1]) или *тържище*. Ряды возовъ со всякимъ продуктомъ деревенскимъ напомнили мнѣ нашу Русь съ ея мелкими „ярмонками“ сельскихъ храмовыхъ праздниковъ, или скорѣе повседневными базарами большихъ городовъ. Преимущественно же припоминалось Малороссія. Рѣчь слышалась, конечно большею частью славянская, но невразумительная для меня. Ей вторило албанское слово. Греческій же языкъ слышался только по мѣстнымъ лавкамъ. Затѣмъ должны были слышаться еще турки, валахи, жиды, цыгане—

---

[1]) Πανήγυρις — общая сходка, праздникъ, базаръ... Славяне выдѣлали изъ него: *панаиръ*, *панагуръ*, *панадюръ*.

каждый съ своимъ говоромъ... Настоящій Вавилонъ! Долго бы мы бродили между своими „купно родными“, наблюдая ихъ рѣчь, обликъ, статуру, фигуру, нарядъ, обрядъ, сужденіе и міровоззрѣніе, если бы сами не сдѣлались въ свою очередь предметомъ наблюденія. Мнѣ пришла на мысль неудачная попытка съ *русскимъ* служебникомъ. Чего добраго? Какой нибудь патріотъ-искаріотъ можетъ быть ужъ давно, смотря на насъ изъ темной лавчонки, строчитъ доносъ пашѣ о новой русской интригѣ, въ которую вмѣшаетъ и *Іована* и *Стояна*, разсказывающихъ намъ у своей колы (телеги) про свои торговые обороты со всѣмъ простосердечіемъ, безъ малѣйшей задней или передней мысли... О простота, для которой текущее дѣло обращается въ дѣло жизни, замыкающее собою весь его мыслительный горизонтъ! Торговать-то мы, пожалуй, и умѣемъ, „добрые люди“ единоплеменники, истинные ludi въ глазахъ латинствующей расы, т. е. всей Европы. *Играетъ* она съ нами, *играемъ* мы передъ нею свою вѣчную потѣшающую роль, и — больше ничего! Чтобы изъ насъ — добрыхъ людей — сдѣлать „хорошій народъ“, потребовались на Дунаѣ Татаре, на Волховѣ Скандинавы, еще гдѣ-то Гунны, гдѣ нибудь конечно еще Нѣмцы, пожалуй — Армяне[1]), и даже жиды[2])! Сами-то мы не догадались бы, по крайней мѣрѣ не съумѣли бы, сплотиться въ одно цѣлое и крѣпкое государственное тѣло! Ярмарками-то своими мы прославились на весь свѣтъ (хотя и не съумѣли до сихъ поръ подыскать для нихъ своего славянскаго имени!), но ужели только одна эта мизерная слава и предоставлена судьбою Славянамъ? Ужели честнѣе, цѣннѣе, славнѣе торга ничего и нѣтъ для великаго славянскаго племени? Мнѣ кажется, что, но

1) Имѣемъ въ виду Болгарскаго *Самуила*, по изслѣдованіямъ будто бы армянина родомъ.

2) Напр. у *Козаръ*, которыхъ, кажется, нѣтъ крѣпкой причины выдѣлять изъ великой семьи Славянской.

мимо вѣдома нашего, языкъ нашъ выработалъ и отпечатлѣлъ въ себѣ общеславянскій взглядъ на торгъ, какъ на нѣчто nec plus ultra человѣческаго достоинства. Достаточно припомнить образованіе словъ нашихъ: *торжество, торжественный,* чтобы убѣдиться въ томъ. Словоупотребленіе предательски, такъ сказать, обнаруживаетъ солидарность всякаго у насъ торжества, всего торжественнаго въ нашей жизни, службѣ и даже богослуженіи [1]) съ... торгомъ! Не замѣчательно ли это? Не смѣю отрицать, что торгъ — хорошая вещь. Нó сами же мы резонируемъ: хорошаго по немногу! Изъ страсти къ торгу выходитъ тароватость (торговатость?), а за тароватостію тутъ и есть вороватость, слава которой, я думаю, уже давно, и довольно крѣпко, пристала нѣкоторымъ Славянамъ.

Продолжая путь, мы посѣтили почтеннѣйшаго о. Протосинкелла, отдавая ему вчерашній визитъ его намъ. Тоже впечатлѣніе, что и вчера, мы вынесли отъ свиданія съ нимъ и на этотъ разъ. „Крѣпко закупоренъ", сказалъ мнѣ спутникъ сквозь зубы. Человѣкъ не для *торга,* подумалъ я самъ съ собою, хотя и славянинъ, скорѣе онъ для *панаира,* т. е. для чего-то съ неуловимымъ понятіемъ, не опредѣленнаго и неяснаго, не то церковно-священнаго, не то житейски-разгульнаго. Сдержанность его могла бы вывесть изъ терпѣнія собесѣдниковъ, но люди — мы, ко всему присмотрѣвшіеся. — Итакъ, ужели въ отсутствіе владыки управляетъ, какъ говорятъ, епархіею его родственникъ, человѣкъ свѣтскій, и къ томуже коммерсантъ? Спросили мы о. Стойчо такимъ тономъ, который вызывалъ его на всю откровенность накипѣвшаго озлобленія. — Нѣтъ, сказалъ онъ съ невозмутимымъ криводушіемъ, управляетъ дѣлами епархіальными коммиссія изъ трехъ членовъ, а г. Димитрій болѣе смотритъ за экономіей владычнаго дома. — А обращенія *Св. Кирiакiи въ Св. Недѣлю* онъ же досмотрѣлся? —

---

[1]) Выраженія: торжественный моментъ, торжественный актъ, торжественная служба.

спросилъ нашъ неумолимый инквизиторъ. Хозяинъ тонко улыбнулся на этотъ новый вопросъ и повторилъ какъ бы про себя: *Жестоко ти есть противу рожну прати*... На какой сторонѣ усматривалъ при семъ почтенный греко-славянинъ неодолимые „рожны“, осталось ему одному вѣдомо. Всю дорогу потомъ раздавалась въ уши мои самая искренняя брань русскаго ревнителя русскихъ порядковъ таковымъ же порядкамъ Битольской каѳедры. „Слыханное ли дѣло: какой нибудь шалопай *вракáсъ* [1]) и *бакáлисъ* управляетъ церковію! Я бы его... онъ бы у меня!.. Подобный потокъ укоровъ и угрозъ лился до самой квартиры нашей. Вышло же такъ, что чуть мы пришли домой и расположились около самовара, доложено было, что новому г. консулу желаетъ предостáвиться г. *Димитраки*, родственникъ преосвященнѣйшаго митрополита... тотъ самый, который не сходилъ съ языка у насъ. И вмѣсто ожидаемаго „вракáса“, явился молодой, по европейски одѣтый, съ приличными манерами человѣкъ, не много заискивающій — правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и видимо сознающій свое влаственное положеніе въ свѣтѣ. По его словамъ, онъ завѣдываетъ исключительно хозяйствомъ отсутствующаго митрополита, и по дѣламъ церковнымъ, соприкасающимся съ симъ хозяйствомъ, находится въ полномъ распоряженіи о. Протосинкелла, управляющаго каѳедрою совмѣстно съ Архидіакономъ престола... Все какъ есть въ порядкѣ и согласно съ церковными правилами. Нѣтъ повода негодовать тутъ на что бы то ни было никакому консулу, всего менѣе — Русскому. Будь на мѣстѣ Димитраки какой нибудь Дмитр*овичъ*, Димитрі*евскій*, Димитрі*енко*, все равно, онъ шолъ бы тою же дорогою. Дѣло тутъ въ *попахъ-Стойчахъ* и *Поповичахъ*, у первыхъ нѣтъ духа, у вторыхъ — души.

Памятно мнѣ одно весьма практическое правило домашней адми-

---

[1]) Βραχᾶς — носящій широкое нижнее платье (βρακί), простонародный костюмъ. Μπακάλης — мелочной продавецъ.

нистраціи одного отца семейства, когда кто нибудь изъ домочадцевъ бывалъ у него не въ духѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: поди, голубчикъ, поѣшь чего нибудь. Напившись чаю и вообще „подкрѣпившись", мы нашли себя въ лучшемъ расположеніи духа. Торжественный поѣздъ *Н. Ѳ. Якубовскаго* — нашего новаго Битольскаго Консула — къ Генералъ-губернатору (Вали) области съ первымъ визитомъ, отвлекавшій мысль въ высшую сферу наблюденій, — Европейско — Азіатскую, христіано-магометанскую, окончательно парализировалъ воздѣйствіе на сердце эллино-славянскихъ дрязгъ. А маленькое привходящее обстоятельство даже наклонило сердечные вѣсы на ту сторону, гдѣ за минуту передъ тѣмъ рисовались одни несимпатичные образы фанатиковъ племенства, торгашничества, педантства и антихристіанскаго чванства. Мнѣ сказали, что какой-то мальчикъ желаетъ представиться намъ. За пособіемъ, конечно, мелькнуло у меня въ головѣ. Эта старая пѣсня поется вездѣ, куда-только приходилось мнѣ пріѣзжать съ русскимъ именемъ на Востокѣ. Мальчикъ рекомендуется сыномъ одного изъ обывателей города, грековъ, хорошо извѣстнаго консульству. Можно было дать ему на видъ лѣтъ 12. Пріятное умное лицо, незастѣнчивыя, но скромныя манеры, ситцевый халатикъ и красный фесъ на головѣ, вотъ все, что съ перваго раза бросилось въ глаза. Безъ малѣйшаго смущенія, съ довѣрчивостію и какъ бы близостію давнишняго знакомаго, онъ началъ разсказывать, что имѣлъ случай видѣть нѣсколько иконъ русскаго письма, которыя ему очень понравились, что желалъ бы и самъ научиться писать иконы и именно, какъ пишутъ ихъ русскіе, что можетъ быть мы знаемъ, какъ это сдѣлать, и возмемся помочь ему. Въ доказательство своей охоты къ занятію живописью, онъ досталъ изъ за пазухи нѣсколько образчиковъ своего рисованія, и именно копію какихъ-то гравюръ русскихъ въ родѣ трофеевъ, когда-то изображавшихся у насъ подъ портретами полководцевъ, которую онъ самъ навелъ красками по своему соображенію, какъ

трѣли восточную часть города и южную окраину, причемъ побывали и подъ дождемъ. Набѣжавшую тучу разорвала и разсѣяла масса горы Перистери. Въ знакъ признательности я срисовалъ ее съ садоваго балкона. Снѣга на ней, говорятъ, еще очень много, хотя снизу почти совсѣмъ не видно. Чуть ли доселѣ еще не покрыто льдомъ цѣлое озеро (правдоподобнѣе — лужа), лежащее тамъ на самой вершинѣ въ междураміяхъ нашей голубицы.

Βιτώλια. 24 Мая. Понедѣльникъ.

Спѣшу оговориться. Ревностный владыка Витолійскій (ἁ. Βιτωλίων) не совсѣмъ неправъ въ своихъ ультрамонтанскихъ стремленіяхъ. Сейчасъ мы возвратились изъ церкви *Св. Недѣли*... Довольно услышать подобное названіе храма Божія въ Битолѣ, чтобы оправдать опасенія гг. *Пападаки*, *Пападопуло*... и пр., въ переводѣ *Поповичей*, за могущія выйти отъ размноженія церквей въ ихъ резиденціи послѣдствія. Вчера мы уже упомянули, что въ Битолѣ одна всего на́все православная церковь. Гуляя же вчера же по городу, узнали, что есть еще другая *новая* церковь за городомъ на кладбищѣ. Изъ распросовъ оказалось слѣдующее: случилось, что нѣсколько прихожанъ городскихъ, по усердію ли къ мѣсту, отмѣченному какимъ нибудь священнымъ преданіемъ, или просто изъ желанія придать болѣе святости мѣсту общаго покоя вѣрующихъ, выпросили у владыки, и черезъ него у правительства, позволеніе построить на народномъ кладбищѣ небольшую церковь во имя *Св. Киріакіи*. Позволеніе было дано безъ всякихъ оговорокъ. Церковь выстроена и освящена и поставлена въ каноническую зависимость отъ городской церкви. Но чуть все это было сдѣлано, какъ новый храмъ огласили въ народѣ именемъ не *Киріакіи*, а *Недѣли* (Κυριακή = воскресный день, по славянски: недѣля)! Мало того. Патріоты соглядатаи не замедлили донести владыкѣ, что слу-

жившій въ „Св. Недѣлѣ", священникъ имѣлъ при себѣ *русскій* служебникъ и осмѣлился дѣлать славянскія возглашенія... Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ случая, мѣстный паша увѣдомленъ былъ о какомъ-то заговорѣ между жителями въ городѣ и о покушеніи такого-то священника на жизнь митрополита... Злоумышленникъ немедленно былъ схваченъ и засаженъ въ тюрьму. Возглашать по славянски въ св. Киріакіи было больше некому, и русская интрига пресѣчена была въ самомъ корнѣ. Вотъ такъ Пóповичъ! Къ счастію, у паши того времени были и десница и шуйца, изъ коихъ ни та ни другая не вѣдала, что творила (т. е. брáла) въ извѣстное время товарка ея... Оттого вскорѣ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что ни заговора никакого не было въ городѣ, ни драгоцѣннымъ днямъ владычнимъ ничто не угрожало. Такимъ образомъ черезъ полтора мѣсяца тюремнаго заключенія, неосторожный о. Константинъ выпущенъ былъ на свободу, съ строжайшимъ запрещеніемъ служить по русскимъ книгамъ... Оттого мы и слушали сегодня въ Св. Недѣлѣ совершенно греческое богослуженіе. Несмотря на праздничный день, молящихся въ церкви было весьма мало. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ слушать за городъ тó, что ему и въ городѣ надоѣло?

Возвращаясь домой, мы напали на *панаиръ* [1]) или *тържище*. Ряды возовъ со всякимъ продуктомъ деревенскимъ напомнили мнѣ нашу Русь съ ея мелкими „ярмонками" сельскихъ храмовыхъ праздниковъ, или скорѣе повседневными базарами большихъ городовъ. Преимущественно же припоминалось Малороссія. Рѣчь слышалась, конечно большею частью славянская, но невразумительная для меня. Ей вторило албанское слово. Греческій же языкъ слышался только по мѣстнымъ лавкамъ. Затѣмъ должны были слышаться еще турки, валахи, жиды, цыгане—

---

[1]) Πανήγυρις — общая сходка, праздникъ, базаръ... Славяне выдѣлали изъ него: *панаиръ*, *панагуръ*, *панадюръ*.

каждый съ своимъ говоромъ... Настоящій Вавилонъ! Долго бы мы бродили между своими „купно родными", наблюдая ихъ рѣчь, обликъ, статуру, фигуру, нарядъ, обрядъ, сужденіе и міровоззрѣніе, если бы сами не сдѣлались въ свою очередь предметомъ наблюденія. Мнѣ пришла на мысль неудачная попытка съ *русскимъ* служебникомъ. Чего добраго? Какой нибудь патріотъ-искаріотъ можетъ быть ужъ давно, смотря на насъ изъ темной лавчонки, строчитъ доносъ пашѣ о новой русской интригѣ, въ которую вмѣшаетъ и *Іована* и *Стояна*, разсказывающихъ намъ у своей колы (телеги) про свои торговые обороты со всѣмъ простосердечіемъ, безъ малѣйшей задней или передней мысли... О простота, для которой текущее дѣло обращается въ дѣло жизни, замыкающее собою весь его мыслительный горизонтъ! Торговать-то мы, пожалуй, и умѣемъ, „добрые люди" единоплеменники, истинные ludi въ глазахъ латинствующей расы, т. е. всей Европы. *Играетъ* она съ нами, *играемъ* мы передъ нею свою вѣчную потѣшающую роль, и — больше ничего! Чтобы изъ насъ — добрыхъ людей — сдѣлать „хорошій народъ", потребовались на Дунаѣ Татаре, на Волховѣ Скандинавы, еще гдѣ-то Гунны, гдѣ нибудь конечно еще Нѣмцы, пожалуй — Армяне[1]), и даже жиды[2])! Сами-то мы не догадались бы, по крайней мѣрѣ не съумѣли бы, сплотиться въ одно цѣлое и крѣпкое государственное тѣло! Ярмарками-то своими мы прославились на весь свѣтъ (хотя и не съумѣли до сихъ поръ подыскать для нихъ своего славянскаго имени!), но ужели только одна эта мизерная слава и предоставлена судьбою Славянамъ? Ужели честнѣе, цѣннѣе, славнѣе торга ничего и нѣтъ для великаго славянскаго племени? Мнѣ кажется, что, по

---

[1]) Имѣемъ въ виду Болгарскаго *Самуила*, по изслѣдованіямъ будто бы армянина родомъ.

[2]) Напр. у *Козаръ*, которыхъ, кажется, нѣтъ крѣпкой причины выдѣлять изъ великой семьи Славянской.

мимо вѣдома нашего, языкъ нашъ выработалъ и отпечатлѣлъ въ себѣ общеславянскій взглядъ на торгъ, какъ на нѣчто nec plus ultra человѣческаго достоинства. Достаточно припомнить образованіе словъ нашихъ: *торжество, торжественный,* чтобы убѣдиться въ томъ. Словоупотребленіе предательски, такъ сказать, обнаруживаетъ солидарность всякаго у насъ торжества, всего торжественнаго въ нашей жизни, службѣ и даже богослуженіи [1]) съ... торгомъ! Не замѣчательно ли это? Не смѣю отрицать, что торгъ — хорошая вещь. Но сами же мы резонируемъ: хорошаго по немногу! Изъ страсти къ торгу выходитъ тароватость (торговатость?), а за тароватостію тутъ и есть вороватость, слава которой, я думаю, уже давно, и довольно крѣпко, пристала нѣкоторымъ Славянамъ.

Продолжая путь, мы посѣтили почтеннѣйшаго о. Протосинкелла, отдавая ему вчерашній визитъ его намъ. Тоже впечатлѣніе, что и вчера, мы вынесли отъ свиданія съ нимъ и на этотъ разъ. „Крѣпко закупоренъ", сказалъ мнѣ спутникъ сквозв зубы. Человѣкъ не для *торга,* подумалъ я самъ съ собою, хотя и славянинъ, скорѣе онъ для *панаира,* т. е. для чего-то съ неуловимымъ понятіемъ, не опредѣленнаго и неяснаго, не то церковно-священнаго, не то житейски-разгульнаго. Сдержанность его могла бы вывесть изъ терпѣнія собесѣдниковъ, но люди — мы, ко всему присмотрѣвшіеся. — Итакъ, ужели въ отсутствіе владыки управляетъ, какъ говорятъ, епархіею его родственникъ, человѣкъ свѣтскій, и къ томуже коммерсантъ? Спросили мы о. Стойчо такимъ тономъ, который вызывалъ его на всю откровенность накипѣвшаго озлобленія. — Нѣтъ, сказалъ онъ съ невозмутимымъ криводушіемъ, управляетъ дѣлами епархіальными коммиссія изъ трехъ членовъ, а г. Димитрій болѣе смотритъ за экономіей владычнаго дома. — А обращенія *Св. Киріакіи въ Св. Недѣлю* онъ же досмотрѣлся? —

---

[1]) Выраженія: торжественный моментъ, торжественный актъ, торжественная служба.

спросилъ нашъ неумолимый инквизиторъ. Хозяинъ тонко улыбнулся на этотъ новый вопросъ и повторилъ какъ бы про себя: *Жестоко ти есть противу рожну прати*... На какой сторонѣ усматривалъ при семъ почтенный греко-славянинъ неодолимые „рожны", осталось ему одному вѣдомо. Всю дорогу потомъ раздавалась въ уши мои самая искренняя брань русскаго ревнителя русскихъ порядковъ таковымъ же порядкамъ Битольской каѳедры. „Слыханное ли дѣло: какой нибудь шалопай *вракасъ*[1]) и *бакалисъ* управляетъ церковію! Я бы его... онъ бы у меня!.. Подобный потокъ укоровъ и угрозъ лился до самой квартиры нашей. Вышло же такъ, что чуть мы пришли домой и расположились около самовара, доложено было, что новому г. консулу желаетъ предоставиться г. *Димитраки*, родственникъ преосвященнѣйшаго митрополита... тотъ самый, который не сходилъ съ языка у насъ. И вмѣсто ожидаемаго „вракаса", явился молодой, по европейски одѣтый, съ приличными манерами человѣкъ, не много заискивающій — правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и видимо сознающій свое влаственное положеніе въ свѣтѣ. По его словамъ, онъ завѣдываетъ исключительно хозяйствомъ отсутствующаго митрополита, и по дѣламъ церковнымъ, соприкасающимся съ симъ хозяйствомъ, находится въ полномъ распоряженіи о. Протосинкелла, управляющаго каѳедрою совмѣстно съ Архидіакономъ престола... Все какъ есть въ порядкѣ и согласно съ церковными правилами. Нѣтъ повода негодовать тутъ на что бы то ни было никакому консулу, всего менѣе — Русскому. Будь на мѣстѣ Димитраки какой нибудь Дмитр*овичъ*, Димитрі*евскій*, Димитрі*енко*, все равно, онъ шолъ бы тою же дорогою. Дѣло тутъ въ *попахъ-Стойчахъ* и *Поповичахъ*, у первыхъ нѣтъ духа, у вторыхъ — души.

Памятно мнѣ одно весьма практическое правило домашней адми-

---

[1]) Βραχᾶς — носящій широкое нижнее платье (βρακί), простонародный костюмъ. Μπακάλης — мелочной продавецъ.

нистраціи одного отпа семейства, когда кто нибудь изъ домочадцевъ бывалъ у него не въ духѣ, онъ обыкновенно говаривалъ: поди, голубчикъ, поѣшь чего нибудь. Напившись чаю и вообще „подкрѣпившись“, мы нашли себя въ лучшемъ расположеніи духа. Торжественный поѣздъ *Н. Ѳ. Якубовскаго* — нашего новаго Битольскаго Консула — къ Генералъ-губернатору (Вали) области съ первымъ визитомъ, отвлекавшій мысль въ высшую сферу наблюденій, — Европейско — Азіатскую, христіано-магометанскую, окончательно парализировалъ воздѣйствіе на сердце эллино-славянскихъ дрязгъ. А маленькое привходящее обстоятельство даже наклонило сердечные вѣсы на ту сторону, гдѣ за минуту передъ тѣмъ рисовались одни несимпатичные образы фанатиковъ племенства, торгашничества, педантства и антихристіанскаго чванства. Мнѣ сказали, что какой-то мальчикъ желаетъ представиться намъ. За пособіемъ, конечно, мелькнуло у меня въ головѣ. Эта старая пѣсня поется вездѣ, куда-только приходилось мнѣ пріѣзжать съ русскимъ именемъ на Востокѣ. Мальчикъ рекомендуется сыномъ одного изъ обывателей города, грековъ, хорошо извѣстнаго консульству. Можно было дать ему на видъ лѣтъ 12. Пріятное умное лицо, незастѣнчивыя, но скромныя манеры, ситцевый халатикъ и красный фесъ на головѣ, вотъ все, что съ перваго раза бросилось въ глаза. Безъ малѣйшаго смущенія, съ довѣрчивостію и какъ бы близостію давнишняго знакомаго, онъ началъ разсказывать, что имѣлъ случай видѣть нѣсколько иконъ русскаго письма, которыя ему очень понравились, что желалъ бы и самъ научиться писать иконы и именно, какъ пишутъ ихъ русскіе, что можетъ быть мы знаемъ, какъ это сдѣлать, и возмемся помочь ему. Въ доказательство своей охоты къ занятію живописью, онъ досталъ изъ за пазухи нѣсколько образчиковъ своего рисованія, и именно копію какихъ-то гравюръ русскихъ въ родѣ трофеевъ, когда-то изображавшихся у насъ подъ портретами полководцевъ, которую онъ самъ навелъ красками по своему соображенію, какъ

оказалось, довольно вѣрному. Все это онъ говорилъ и дѣлалъ такъ просто и сердечно и съ такимъ оттѣнкомъ свойства, чуть не родства, что просто плѣнилъ насъ. Я повелъ его на балконъ и показалъ вчерашній свой „набросокъ“ горы Перистери. Сличая рисунокъ съ самымъ предметомъ, ребенокъ трепеталъ отъ удовольствія, и на глазахъ его чуть не блестѣли слезы. Видно, что въ душѣ есть глубокая артистическая бороздка. Я посадилъ его тутъ же съ бумагой и карандашомъ, и сказалъ, чтобы онъ изображалъ все, что видитъ передъ собою отъ прямыхъ линій дымовой трубы до безформенныхъ очертаній дерева, поощряя его при всякой удачной чертѣ рисунка. Восторгамъ бѣдняка конца не было. Мнѣ же доставило это нѣсколько минутъ настоящаго, не выдавленнаго изъ души, умиленія. Славная нація! Повторялъ я мысленно давно и стократно уже произнесенный отзывъ. Сиди ты на своемъ мѣстѣ, будь ты справедлива и къ другимъ также какъ къ себѣ, и сознай ты свое прямое назначеніе въ исторіи, тебѣ всѣ помогутъ, и скорѣе всѣхъ мы, обзываемые тобою эллиноненавистниками. Къ сожалѣнію, я не могъ ничего обѣщать юному искателю художественнаго образованія. Куда, какъ, чѣмъ и съ чѣмъ отправить его? Я ограничилъ свое заявленіе участія въ немъ совѣтомъ отправиться ему въ Аѳины въ тамошнюю Политехническую школу, гдѣ и преподаваніе даровое и содержаніе дешевое и климатъ посноспобнѣе и языкъ тотъ же самый и люди — одного поля ягода, по нашей пословицѣ. Долго мнѣ потомъ еще видѣлось одушевленное и опечаленное неудачей лицо юнаго дилеттанта, когда я, бродя по садику, укрывался въ тѣни деревьевъ отъ 28 градуснаго зноя.

Томящее впечатлѣніе выбилъ изъ души совсѣмъ другаго очертанія образъ. Пришелъ навѣстить русскихъ пріѣзжихъ нѣкто г. М... изъ „родолюбцевъ“, молодой человѣкъ съ большою головою, длинною исторіей и широкою рѣчью о притѣсненіяхъ турковъ, о зложелательствѣ грековъ, о безхарактерности Болгаръ, объ интригахъ консуловъ,

о равнодушіи Европы, о могуществѣ Россіи, словомъ обо всемъ, исключая самого такъ сказать пикантнаго обстоятельства, — недавняго перехода его изъ православія въ латинство вмѣстѣ съ негодной памяти *Цанковымъ* и другими коноводами Болгарскаго дѣла, выцарапывающими у себя глаза, чтобъ не видѣть непріятнаго предмета... Олатинился онъ ни болѣе ни менѣе, какъ изъ за жалованья, получаемаго имъ теперь въ Витольской школѣ Римской Пропаганды, изнывающей отъ болѣзнованія о схизматическомъ Востокѣ. Но не изъ простофилей былъ мой компаньонъ, знакомый давно и коротко съ „родолюбіемъ" во всѣхъ его видахъ и фазахъ, и даже фразахъ. Онъ не замедлилъ вывести гостя на чистую воду. Только не долго держался тотъ на ней, сейчасъ же юркнулъ въ омутъ, пустивъ намъ въ глаза ослѣпляющую апологію себѣ, исходящую изъ того, что теперь единственный способъ сдѣлать что нибудь для „бѣднаго народа", это прикинуться католикомъ, чтобы избыть инфернальнаго преслѣдованія *Караказана* [1]) (т. е. Великой церкви). А вотъ если мы — русскіе — вмѣсто напрасныхъ попрековъ, заведемъ въ славянскихъ земляхъ свои народныя школы, какъ это дѣлаетъ Пропаганда, независимыя отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей, то способные люди найдутъ достойное себя поприще, и печальное явленіе перехода Болгаръ въ латинство не будетъ имѣть мѣста... Что сказать на это? О мудрый Папа Стойчо! *Жестоко ти* (славянство) *противу рожну прати.* А рожновъ то сколько! Магометъ, Оттоманская Имперія, Великая Идея, Эллинизмъ, Европа передъ пугаломъ панславизма, пропаганда, дипломація, Русская лѣнь и близорукость, а въ добавокъ еще и скупость, Болгарская трусость,

---

[1]) Такъ зовутъ укорительно и послѣдовательно въ Константинополѣ и *свои* и *чужіе* «Великую церковь» или Константинопольскую Патріархію. Въ переводѣ прозвище это значитъ: *чорный котелъ.* Какой существенный оттѣнокъ мысли заключается въ словахъ этихъ, скорѣе можно почувствовать, чѣмъ опредѣлить.

неснособность и испорченность наконецъ общая... Но, къ чему все высказывать? Рискуешь остаться потомъ съ пустотой въ душѣ. Отъ затруднительнаго отвѣта „прикинувшемуся“ родолюбцу (паче же родогубцу) избавилъ насъ дорогой хозяинъ, объявивъ намъ, что готово обѣдать и прибавивъ, что у насъ еще будетъ довольно времени для веденія этой „безконечной матеріи“ и здѣсь и повсюду въ Турціи. Ѣмъ, по пословицѣ, пирогъ съ грибами, а языкъ держу за зубами, но не языкъ — Zunge, а языкъ—Sprache. Прерванная, столько поучительная, бесѣда съ антагонистомъ пресловутаго „Караказана“ снова заставила мысль мою бѣгать по колесу упомянутаго выше *торга*. Какъ хотите, а вѣдь все таже исторія, только подъ другими именами. Тамъ въ возахъ было продажное зерно для посѣва, а здѣсь вмѣсто зерна продается языкъ для посѣва... не знаю чегó. О родолюбіи же помышляетъ тамъ, можетъ быть, одна телѣга, вѣрная до мелочей праотеческому образцу, а здѣсь развѣ необрѣзанные ногти пальцевъ родолюбца.

Ираклія. 25 Мая. Вторникъ.

Приснилось родное село со всею его приснопамятною обстановкою. Явный знакъ, что предлежитъ мнѣ на нынѣшній день археологическая работа. И пора, въ самомъ дѣлѣ, сказать что нибудь о давноминувшей жизни пріютившаго насъ мѣста. Мы уже упомянули вскользь, что по Антонинову Дорожнику, вторая станція отъ Едессы къ западу по большой дорогѣ Римской читается Heraclea, т. е. *Ираклія*. За напрасными попытками отыскать на болѣе выслѣженной *дорогѣ Эгнаціевой* мѣсто, подходящее къ Ираклiи, согласились пріурочивать его къ нынѣшней столицѣ области Пелагонійской, не даромъ же возникшей въ мѣстахъ этихъ. Древніе крѣпко были привязаны къ историческимъ мѣстамъ, и безъ крайней необходимости не оставляли ихъ. Легче они разставались съ именемъ мѣста, чѣмъ самымъ съ мѣстомъ.

Имя Ираклiи могло забыться въ теченiе одного столѣтiя, а селитва самая много-много только могла податься въ какую нибудь сторону, ибо имущественныя отношенiя жителей къ окрестнымъ полямъ не позволяли имъ совсѣмъ оставить мѣсто. Такъ или иначе, Македонская Ираклiя, въ отличiе стольких другихъ городовъ этого имени, называлась Ираклiей *Линка* (Λύγκου) или *Линкистовъ*. Послѣднiе очевидно должны быть жители Линка, но Линкъ-то самый что такое [1])? Былъ ли это древнѣйшiй городъ, предварившiй собою Ираклiю? Была ли мѣстность, прославленная звѣремъ этого имени [2])? Были ли это — рѣка, гора, равнина, озеро, дремучiй лѣсъ, по какому нибудь случайному сходству, или чему другому, носившiе это имя?.. Кто теперь можетъ разъяснить? Да и греческое ли имя *Линкосъ,* точнѣе бы — *Люнгосъ?* Не передѣлано ли, вмѣстѣ съ столькими другими, греческою licentia grammatica изъ нашего *Луга,* изъ латинскаго *lingua,* изъ гето-готескаго lange, и т. п?.. Отъ огреченнаго царства Македонскаго легко ожидать такой передѣлки. Коренные жители этихъ мѣстъ, по древнѣйшимъ показаiямъ географическимъ, звались *Пелагонами,* отчего и вся область эта — самая крайняя часть Македонiи къ западу — писалась *Пелагонiей.* По Плинiю, Пелагонiя входила, какъ часть въ цѣлое, въ *Пеонiю* [3]). Послѣдняя же отдѣлала собою Македонiю отъ земли *Три-*

---

[1]) Θукидидъ упоминаетъ о Линкѣ, но такъ, что тоже не вдругъ угадаешь, что́ именно онъ имѣетъ въ виду. Ἡ Λύγκος ставится у него уже въ женскомъ родѣ, слѣд. какъ будто не значитъ рѣки, которую генiй (капризъ) греческаго языка обыкновенно надѣляетъ мужескимъ родомъ, имѣя въ виду конечно подразумѣваемое слово: ποταμός — рѣка. Но выраженiе его: ἐπὶ τῇ εἰσβολῇ τῆς Λύγκου — при впаденiи Линка, ничему такъ не прилично, какъ рѣкѣ.

[2]) Λύγξ — рысь.

[3]) Въ Илiадѣ завоевателямъ Трои помогаютъ и вожди *Пеонiйскiе*, въ числѣ которыхъ упоминается *Астеропей*, сынъ *Пилегона*. По имени этого Пилегона вѣроятно и звались нѣкоторые Пеонцы Пелагонами. По Страбону, они же назывались *Титанами*, а Пелагонiя звалась когда-то *Орестiей* (См. Кн. VII).

балловъ... Кто такіе были *Пелагоны,* не у кого спросить намъ. Имя ихъ, вмѣстѣ съ подобными же *Пелага* (море), *Пеласговъ* [1]), *Пелона* и пр. подлежитъ еще долгому обслѣдованію исторіи и филологіи. Римляне, завоевывая классическія земли, рубили, по пословицѣ, съ плеча ихъ географію, и узнавъ, что передняя (отъ нихъ) часть Македоніи зовется Пелагоніей, не долго думая, назвали самый городъ Ираклію Пелагоніей. По крайней мѣрѣ такъ надобно думать, на основаніи свидѣтельствъ самихъ римлянъ [2]). Византійцы, вѣрные своему призванію забирать и укладывать въ магазинъ своей сшитой и сколоченной государственной жизни все, что попадется подъ руку унаслѣдованнаго отъ предковъ, занесли въ свою роспись поземельнаго имущества и Пелагонію и Ираклію, не забывъ даже самаго Линка. Оттого на Соборныхъ Актахъ V и VI вѣка по Р. Х. встрѣчаются подписи епископовъ то *Иракліи Пелагонійской,* то *Иракліи Линкистидской.* А какъ именно называлась въ ихъ время ихъ резиденція, остается неизвѣстнымъ. Наконецъ неотразимый фактъ, заклятый врагъ архивныхъ преданій, патріотическихъ фантазій, невѣжества и педантства, заставилъ признать за городомъ имя *Битоля,* неизвѣстно когда именно при-

---

[1]) «Патріоты» въ *Пеласгахъ* древности видятъ нынѣшнихъ *Албанцевъ,* словопроизводство которыхъ несомнѣнно упирается въ корень: albus. Славяне греческій (архи)*пелагъ* зовутъ *бѣлымъ* моремъ... Итакъ ПЕЛ... не есть ли простая, безпереводная, передача славянскаго БѢЛ?.. Извѣстно, что въ Кадмовомъ алфавитѣ нѣтъ буквы для звука *б.* Арабы и теперь постоянно чужеязычное П выговариваютъ какъ *б,* и передаютъ буквою ب.

[2]) ... primae regionis *Amphipolim,* secundae *Thessalonicen,* tertiae Pellam quartae *Pelagoniam* fecit (Paulus Aemilius). Такъ пишетъ Титъ Ливій (кн. 45. гл. 29), разсказывая о сдѣланномъ Римлянами административномъ раздѣленіи Македонской провинціи. Историкъ Киннамъ (кн. III. гл. 17) прямо говоритъ: Ἡρακλεία τῶν Μυσῶν, ἣν νῦν Πελαγονίαν τινὶ γλώσσῃ κατακολουθοῦντες ὀνομάζουσι. т. е. Ираклія Мисовъ, которую теперь, слѣдуя одному языку, именуютъ Пелагоніей. Выраженіе *одному* (или нѣкоему) замѣчательно въ устахъ грека. Значитъ, слово: *Пелагоны* не греческое, а мѣстное. Далеки мы отъ мысли дѣлать при этомъ аллюзію на наши *балахоны,* но все же устраняется такимъ образомъ производство Пелагоновъ отъ πέλαγος—море, до котораго далеко имъ во всѣ стороны.

ставшее къ нему, и архіереи области стали титуловаться *Битольскими* — ὁ Βιτωλίων, съ прибавленіемъ все таки, любезной эллинскому слуху, *Пелагоніи*, — καὶ Πελαγονίας.

Каѳедра Ираклійская есть одна изъ древнѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ, хотя о началѣ ея и нѣтъ положительныхъ извѣстій. Между подписями отцевъ Сардикійскаго Собора (347) уже читается: *Евагрій изъ Македоніи, Ираклія Линка*. На Ефесскомъ (разбойничьемъ) соборѣ (449) засѣдалъ *Квинтиллъ Ираклійскій* съ голосомъ епископа Ѳессалоникскаго[1]). Но какой именно Иракліи онъ былъ епископомъ, прямо не говорится. Кромѣ извѣстной Иракліи *Ѳракійской*, которую по примѣру Александріи Египетской, можно именовать „Великою", извѣстной также подъ именемъ *Перинѳа* (на Мраморномъ морѣ), была еще въ самой Македоніи Heraclea Sintica, въ странѣ Визальтовъ около р. Стримона, по теперешнему — Струмы. Впрочемъ, подобный же случай изъ VI вѣка, о которомъ сейчасъ скажемъ, говоритъ тутъ въ пользу нашей Ираклiи — Битольской. Затѣмъ, въ набѣгъ Готѳовъ на Македонію при Императорѣ Зинонѣ (около 475—80 г.) упоминается (только безыменно) *Епископъ Иракліи Македонской*, большими дарами умилостивившій *Валамарія* вождя Готѳовъ, и тѣмъ спасшій свою каѳедру и область отъ разграбленія. На пятомъ Вселенскомъ Соборѣ (553 г.) засѣдалъ *Бенигнъ, Иракліи Пелагонской* съ голосомъ Ѳессалоникскаго епископа. Видно, что въ это время каѳедра Пелагоніи еще не принадлежала вновь образовавшейся Архіепископіи Юстиніанской. Но вслѣдъ за тѣмъ, она вмѣстѣ съ другими седмью сосѣдними

---

[1]) Но, съ другой стороны, черезъ два года послѣ Эфесскаго лже собора, именно на Халкидонскомъ соборѣ (451 г.) засѣдалъ уже другой архіерей *Иракліи Линкистидской*, *Діонисій* (См. Vetera Itineraria, 735 г. стр. 319), котораго Lequien пропустилъ въ своемъ перечнѣ битольскихъ епископовъ. Конечно, *Квинтиллъ* могъ умереть за два года, а еще вѣроятнѣе, что былъ повѣшенъ за свое участіе въ разбойничьемъ соборѣ, но все же остается мѣсто предположенію, что каѳедрой его могла быть *Ираклія Синтская*.

митрополіями отошла въ вѣдѣніе Архіепископа Первой Юстиніаны, и въ ряду ихъ заняла второе мѣсто. Изъ этого періода ея приводятся въ Oriens Christianus три архіерея: одинъ безъименный, современникъ Архіепископа Болгарскаго Θеофилакта (XI в.), другой — *Θеодосій* — XIV в., третій *Іоанникій* — XVII в. Объ именахъ позднѣйшихъ предстоятелей церкви Битоло-Пелагонской намъ негдѣ справиться. Предмѣстникъ нынѣшняго митрополита звался *Герасимъ*. Нынѣшній эллиноманъ, по странной случайности, долженъ войти въ исторію подъ чужезванными именами: *Benedictus Поповичъ*. Титулъ прежде Витольскаго архіерея (подъ Архіепископомъ?) былъ, по свидѣтельству патріарха Іерусалимскаго Хрисанθа историка, *Пелагонійскій и Прилѣпскій*. Теперь же пишется: *Битолійскій и Пелагонійскій, и Экзархъ Верхней Македоніи*. Разумѣется, на равнѣ со всѣми другими митрополитами Константинопольскаго патріархата, при церковныхъ имяглашеніяхъ (εὐφημία или и просто: φήμη), онъ величается *пречестнымъ* и *богопоставленнымъ*. Каθедра Битольская въ ряду другихъ занимаетъ почетное 15-е мѣсто. Всегда ли такъ было, или лучше, когда такъ началось, не знаемъ. Для Витоля довольно и этихъ свѣдѣній. У кого живое воображеніе, тому открывается широкое и неисходимое поприще для возсозданія историческихъ картинъ мѣстнаго давноминувшаго. Съ 347 года по Р. Х. до настоящаго протекло 1518 лѣтъ. Вставляйте въ эту рамку, сколько угодно, лицъ, событій, перемѣнъ въ природѣ и жизни, шума, движенія, разрушенія и пр., пережитыхъ христіанствомъ здѣшнимъ, и ищите слѣдовъ его въ безмолвномъ и какъ бы заживо погребенномъ мѣстѣ. Если теперешняя единственная церковь города насчитываетъ только два-три десятка лѣтъ своего существованія, то гдѣ же стояли Ираклійскіе храмы Божіи, въ теченіе 15 столѣтій собиравшіе въ себѣ вѣрующихъ на молитву? А вѣрно они были и служили, какъ и всегда, лучевыми фокусами духовныхъ стремленій несчетныхъ поколѣній безслѣдно исчезнувшаго человѣче-

ства. Работа для мысли нескончаемая, хотя, по всей видимости, самая неблагодарная. Это не то, что наши прошлогодніе города съ окончаніемъ на *инскъ* и *анскъ*, которыхъ исторіи можно прослѣдить и разсказать въ теченіе одного часа времени. Не перестаю ублажать я обитателей историческихъ мѣстъ, всегда готовыхъ предложить задачу любознательному духу. Пусть даже плодомъ ея будетъ одно утомленіе и нѣкая доля апатіи, какъ напр. у меня сегодня. Все же лучше, чѣмъ совершенно безплодная мечта о чистомъ полѣ, шумномъ вѣтрѣ и ясномъ небѣ.

Послѣдняго (яснаго неба) недоставало на нынѣшній день городу, что и было главнымъ образомъ причиною моихъ археологическихъ странствованій по минувшему. Не мало и смутило насъ начавшееся непогодье. Еще вчера вечеромъ мы исходили взоромъ, пальцемъ и отчасти линейкой по Киппертовой картѣ не одинъ географическій градусъ по всѣмъ направленіямъ отъ Toli Manastir, ища наиболѣе подходящаго къ археологическому вкусу нашему въ ближайшей окрестности мѣста для экскурсіи двухъ-трехъ дней. Разсказы о богатой старыми иконами и рукописями *Каратовской* обители *Св. Отцевъ* крѣпко занимали меня. Но до *Каратовой* было, судя по линейкѣ, такое же разстояніе, какъ и до Солуня. Правда, что въ этой поѣздкѣ представлялся случай высмотрѣть три-четыре албано-болгарскихъ города, въ числѣ ихъ и древній *Скопль* — бывшую резиденцію Кралей Сърбскихъ — довольно хорошо описанный византійцемъ Григорою, если не ошибаюсь. Но боязнь какихъ нибудь пакостей отъ албанцевъ въ мѣстахъ, не часто посѣщаемыхъ русскими, взяла верхъ надъ искусительнымъ помысломъ. Кромѣ Каратовскаго, намъ рекомендованы были знатокомъ сихъ мѣстъ еще два монастыря на гораздо ближайшемъ разстояніи отъ Битоля, *Слѣпченскій* и *Слимницкій*, оба обилующіе старыми славянскими рукописями. О первомъ было сказано, что тамъ цѣлый анбаръ или погребъ заваленъ книжнымъ гнильемъ,

до котораго никому нѣтъ никакого дѣла. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что село *Слѣпче* съ монастыремъ находится къ сѣверу отъ города часахъ въ пяти-шести, а Слимница лежитъ къ западу, немного въ сторону отъ Охридской дороги. На картѣ, разумѣется, не означены ни та, ни другая мѣстность. Отложивъ посѣщеніе послѣдней до поѣздки (уже рѣшенной) въ Старую Болгарію, мы собрались ѣхать въ первую, и притомъ не теряя времени. Усердный Тѫрпко сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ поѣдетъ съ нами куда угодно, и что, затѣмъ, мы можемъ обойтись безъ всякаго конвоя. Тѣмъ лучше, заключили мы, и послали его доставать лошадей. Узнавъ о нашемъ намѣреніи, хозяева хотя одобрили принятое нами рѣшеніе, но замѣтили, что сегодня уже поздно пускаться въ дорогу, да и погода совсѣмъ ненастная. Лучше завтра раненько встать, и съ бодрымъ духомъ отправиться въ путь, по хорошей погодѣ, которую поднимающійся барометръ обѣщалъ послать намъ за̀ ночь. Мы оказали должное послушаніе и остались. Вечеромъ принимали нѣкотораго рода участіе въ продажѣ вещей одного консула другому. Съ оттѣнкомъ общей грусти происходило это занятіе. Походная жизнь этихъ чиновниковъ правительства какъ нельзя болѣе способствуетъ образованію въ нихъ международнаго характера, столько нужнаго въ ихъ службѣ. „Вѣдь и мы тоже *не имамы пребывающаго града*", говорилъ мнѣ, помню, одинъ дипломатъ второй руки. Такъ, конечно, отвѣчалъ я мысленно. Хорошо, если притомъ же, вмѣстѣ съ Апостоломъ и *грядущаго взыскуете*.

Слѣпче. 26 Мая. Среда.

Въ напутственное знаменіе приснился мнѣ мертвый, и въ гробу лежащій, младенецъ. Жаль мнѣ стало неразцвѣтшей и увядшей жизни. На зовъ сердца, младенецъ ожилъ и поступилъ въ мое вѣдѣніе. По-

забывъ одно практическое наставленіе относительно сновъ[1]), я немедленно истолковалъ видѣнный мною въ самомъ конкретномъ смыслѣ, отожествляя младенца съ какимъ нибудь, укрывающимся въ обѣщанномъ „книжномъ погребѣ", пергаментомъ неизвѣстнаго еще ученому міру содержанія, который отдается мнѣ въ полное распоряженіе, и такъ далѣе... Забота о предстоящемъ пути не дала намъ спать долго. Но раннее пробужденіе не повело ни къ чему. Прежде всего насъ встрѣтило сѣрое небо, сразу охладившее нашъ путешественный пылъ. Потомъ, закутанная въ облака зловѣщаго цвѣта, голубка наша навела на сердце просто уныніе. А когда изъ за привѣтливаго шумка самовара вдругъ послышался на дворѣ шумъ дождя, то озлобленный компаньонъ сдѣлалъ жестъ отчаянія рукой по направленію къ сѣверу, говорившій: addio, пергаменты! Не смотря однакоже на такія предвѣстія, когда часамъ къ 8 показался на улицѣ Търпко съ лошадьми, рѣшеніе ѣхать взяло верхъ. Даже позванъ былъ къ допросу старый почтарь, отчего онъ заставилъ насъ такъ долго ждать себя. Виноватый ласкательно заговорилъ, что онъ все дожидался, что вотъ, вотъ выглянетъ солнышко, „ибо не подъ дождемъ же, прибавилъ онъ, ѣхать вамъ такимъ"... какимъ — именно, онъ не досказалъ. Только мнѣ невольно припомнилось при этомъ бывшее признаніе компаньона, что его въ школѣ товарищи звали „просвиркой"... На счетъ же солнышка, приходилось понимать его въ переносномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ самаго баюна, сіявшаго удовольствіемъ отъ предстоявшей поѣздки. Ибо настоящее солнце все еще не показывалось. Такъ мы и выѣхали, не дождавшись его; было 9 часовъ утра. Городомъ мы колесили по извѣстнымъ уже намъ улицамъ и закоулкамъ, пока не выбрались къ Св. Недѣлѣ. Тутъ къ тремъ всадникамъ присталъ моло-

---

[1]) Когда снятся мертвые, то значитъ у тебя ноги холодны. — Когда видишь, что летаешь, то значитъ имѣешь вѣтры въ желудкѣ... и пр. Какое разочарованіе для идеалиста!

дой пѣшеходъ, выданный намъ за суруджи, т. е. за хозяина нашихъ лошадей. Посмотрѣли мы изъ подъ зонтиковъ на сѣрый городъ и на туманную гору, пославъ имъ невеселое: до свиданія!, и направились прямо къ сѣверу, но не большою Прилѣпскою дорогою, пересѣкающею діагонально Пелагонскую равнину, а другою, какъ бы параллельною той, западнѣе ея, по не широкой долинѣ, отдѣленной отъ большой равнины невысокимъ горнымъ хребтомъ. Дождь накрапывалъ и обѣщалъ превратиться въ нашъ, столько памятный, осенній „бусенецъ". Опытный провожатый однакоже обѣщалъ намъ къ полудню непремѣнное солнышко. Барометромъ ему служила все таже Перистера его, съ одной стороны начавшая просинѣвать, чтобы потомъ окончательно стать „сизою голубкой". У перваго придорожнаго хана сдѣланъ былъ привалъ. Часы указывали половину 12-го. Взявшій на себя полную отвѣтственность за насъ „передъ Богомъ и консуломъ", Търпко, не дожидаясь приказа или спроса нашего, сдѣлалъ освѣдомленіе у ханьджи о томъ, есть ли что закусить намъ въ его хозяйствѣ. Нашелся творогъ, но, по предъявленіи намъ, онъ оказался кислымъ молокомъ, да притомъ — настолько дѣйствительно кислымъ, что нельзя было и думать полакомиться имъ. Ѣдемъ далѣе. Панорама передъ глазами довольно однообразная. Справа и слѣва широкіе горные скаты съ весьма скудною растительностію, впереди нескончаемая прямая долина. На подгорьяхъ то тамъ то сямъ малыя села все съ болгарскими именами. — А чтожъ невидно церквей? спрашиваемъ мы провожатаго, коротая время. Имя церкве, а много маліи, отвѣчаетъ онъ. - То-то и есть, что малыя, продолжаемъ мы, на большія-то вы скупитесь. Хотите даромъ спасти душу. — Даромъ?! возражаетъ сквозь зубы старикъ, а откуда владыка нашъ нажилъ себѣ милліоны [1]? Все отъ на-

---

[1]) Милліоны піастровъ, конечно. Преосвященный, говорятъ, дѣйствительно очень богатъ. Кромѣ своихъ прямыхъ и косвенныхъ доходовъ съ епархіи, ведетъ финансовые обо-

шихъ душъ... Послѣ подобнаго отвѣта умножается молчаніе между нами и уменьшается охота освѣдомляться о чемъ бы то нибыло придорожномъ. Наскучило ждать неизвѣстно чего, и не знаешь, къ чему привязать нить своихъ помышленій. Раздающійся то спереди то сзади громъ, хотя развлекаетъ отъ времени до времени, но скорѣе вяжетъ, чѣмъ разрѣшаетъ языкъ, внушая страхъ нежданнаго купанья на сушѣ.— Търпче! спрашиваемъ мы, а гдѣ же солнышко-то, которое ты намъ обѣщалъ въ Битолѣ? — Да развѣ здѣсь Битоль? отвѣчаетъ онъ, хоть бы малѣйшимъ образомъ выдавши, что онъ остритъ, и по прежнему опять погружается въ старческую апатію. Все его вниманіе обращено на цѣлость вещей нашихъ, уложенныхъ подъ нимъ и съ боковъ его, изъ подъ которыхъ не видно и самой лошади, и вся эта сложная фигура коня и всадника представляетъ издали громадной величины страуса. Кромѣ багажа нашего старикъ еще то и дѣло посматриваетъ на сухопараго суруджи, съ которымъ у него замѣчаются не рѣдкія перемигиванія, довольно таинственныя. Если бы онъ не состоялъ на русской службѣ, и вообще не былъ извѣстенъ за честнѣйшаго человѣка, можно бъ было подумать, что у него съ молодымъ товарищемъ есть какіе нибудь не добрые виды на нашъ счетъ. Наконецъ проглянуло желанное солнышко, и вдругъ все кругомъ приняло другой свѣтлый колоритъ, на душѣ повеселѣло, и не нужно стало искать чѣмъ занять себя. Кстати показался впереди и ханъ. — Има млеко? — вопрошаемъ мы, поровнявшись съ нимъ. Отвѣтомъ служитъ кивокъ головы коренастаго ханьджи снизу вверхъ, что, въ соединеніи со сжатыми губами, означаетъ полное отрицаніе. Знакъ утвержденія дѣлается движеніемъ головы въ обратномъ порядкѣ, т. е. сверху внизъ. Третіе

роты (черезъ родственниковъ) на Константинопольской и даже на Вѣнской биржѣ, куда нерѣдко и ѣздитъ подъ предлогомъ пользованія минеральными водами... Повторяемъ: «говорятъ».

горизонтальное движеніе изъ стороны въ сторону означаетъ средину между отрицаніемъ и утвержденіемъ, т. е. сомнѣніе. Отурившись — какъ говорилось когда-то въ школѣ, — ѣдемъ далѣе. Другой ханъ. Тотъ же вопросъ и совершенно такой же отвѣтъ. Еще селеніе впереди на возвышенности, съ ханомъ при дорогѣ. Обжегшись (именно) на молокѣ, по пословицѣ, мы уже не трудимъ себя вопросомъ и минуемъ ханъ, скрѣпивши сердце и языкъ. Нѣтъ, это не Россія, гдѣ безъ коровы не мыслимо хозяйство. Еще деревня — магометанская, во всемъ похожая на христіанскую, только съ меньшимъ, игривымъ и шумливымъ, уличнымъ населеніемъ, ибо строгій *Хóджа* (учитель) не шутитъ своею профессіей и держитъ въ заперти питомцевъ науки, вопреки образовательной системѣ христіанскаго *дâскала*, перваго высовывающаго свою ученую голову изъ дверей, чтобы посмотрѣть на проѣзжающихъ. На то любознательность! Начинаетъ чувствоваться утомленіе, да и еще что-то... Высматриваемъ впереди гдѣ нибудь „рукописнаго“ монастыря, которому пора бы уже по расчету времени и показаться. Безконечная долина, послѣ несчетныхъ зигзаговъ, загораживается впереди поперечною горою, что принимается нами за хорошій знакъ, ибо ожидается поворотъ дороги либо вправо либо влѣво, а съ нимъ и перемѣна видовъ, наконецъ отчего же и не бѣлѣющій гдѣ нибудь на косогорѣ среди густой зелени, самый монастырь. — Держу пари, что мы повернемъ на западъ, слышится одинъ голосъ. — И я-тоже, отвѣчаетъ другой. — Пари, такимъ образомъ, не было суждено состояться. Изъ одной долины мы въѣхали въ другую, идущую съ запада на востокъ подъ прямымъ угломъ къ первой. Она глубже той, шире, мягче и богаче растительностію. Точно мы направились къ западу къ темнымъ горамъ, за которыми должна лежать памятная мнѣ по нѣкоторымъ дѣламъ, *Дибра,* мѣстность, получившая свое имя конечно отъ дебрей, коими славится даже въ такихъ горныхъ полосахъ, какова Верхняя Македонія. Дорога наша обратилась въ тро-

пинку, и ту грязную отъ утренняго дождя. Солнце начало заглядывать намъ прямо въ лицо, но эта ласка его мало была цѣнима нами. Мысль была занята другимъ. Куда оно дѣвалось наше... — *Слѣпишите!* договорилъ мою мысленную фразу Търпко, указывая рукою на выступавшую изъ за холма кучку мазанокъ. Вышелъ нѣкотораго рода сюрпризъ, хотя и нельзя сказать, неожиданный. Во 1-хъ, глаза смотрѣли вдаль, а село оказалось, какъ говорится, подъ носомъ. Во 2-хъ, вмѣсто настоящаго села въ общепонятномъ смыслѣ,тутъ представилось взору нѣчто въ родѣ нашихъ полевыхъ землянокъ безпорядочно разбросанныхъ на пригоркѣ, видимо служащихъ только убѣжищемъ людямъ „отъ всякаго зла противна“, а вовсе не мѣстомъ покоя, уединенія и мирныхъ домашнихъ удовольствій. Въ 3-хъ, доколѣ чаемое село укрывалось подъ именемъ Слѣпча, оно не возбуждало въ насъ интереса къ себѣ съ исторической точки зрѣнія. Мысль толкалась около *лѣп*аго и *лѣпл*енаго, и далѣе не шла. Совсѣмъ инымъ повѣяло отъ имени: *Слѣпишите,* т. е. по нашему *слѣпище.* Тутъ хочешь-не-хочешь, дѣлаешь прыжокъ въ исторію. — Търпче! спрашиваю я, не слыхалъ ли ты, чтобы тутъ кто нибудь когда нибудь *ослѣпилъ* кого нибудь? — Давно? спросилъ онъ въ свою очередь. — Давненько. Лѣтъ за 500 слишкомъ до насъ. — Не слыхалъ, отвѣчалъ онъ просто и безучастно. — Тутъ, по близости *Прилѣпа*, Краль *Стефанъ Милутинъ* приказалъ выколоть глаза своему сыну Кралевичу. — Старика передернуло при этомъ. Тревожно, какъ мнѣ показалось, посмотрѣлъ онъ на суруджи, покачалъ головой, и сказалъ: Да развѣ можно это? — Ну? Неможно! отвѣчалъ я. Когда же было, когда пишутъ объ этомъ въ старыхъ книгахъ! Въ старыя времена чего не бывало. Вѣрно и ты что нибудь еще припомнишь такое, что теперь уже не водится... Старикъ только прищурилъ глаза на это, и не отвѣчалъ ничего болѣе. Селеніе уже все передъ глазамъ. — А гдѣ же монастырь-то? спрашиваетъ компаньонъ. — Еще съ полчаса туда дальше, отвѣчаетъ суруджи. Тяжело про-

звучало въ уши мои это: полчаса. Полчаса значитъ еще вереты три дороги, а это для истомленнаго тѣла не малое разстояніе. Отъ суходной рѣчки мы поднялись на пригорокъ и очутились лицемъ къ лицу съ церковію. Это такая же мазанка, какъ и всѣ дома, строенная какъ попало изъ плитняка и булыжника, крытая аспидными плитками, съ низкими стѣнами, узкими оконцами и т. д.; кругомъ церкви кладбище. Мы сошли съ лошадей и стали высматривать, у кого бы спросить ключа отъ церкви. Търпко уже велъ въ сторонѣ переговоры, вслѣдствіе которыхъ вскорѣ изъ за ближайшаго угла показалась фигура духовнаго лица, одѣтаго, какъ и всѣ поселяне, только съ чорною камилавкою на головѣ. Это былъ священникъ села, папа́ *Стойчо* или *Стоянчо* [1]). Молодой человѣкъ, чуть не юноша, худенькій, маленькій, смиренненькій. Поздоровавшись съ нами, онъ сейчасъ же отворилъ намъ церковь и пригласилъ войти. Храмъ Божій поразилъ насъ своимъ убожествомъ, несмотря на то, что для насъ уже дѣло привычное видѣть нищету церквей на Востокѣ. Чтобы сразу дать о немъ понятіе, довольно сказать, что размѣры его — четыре шага въ квадратѣ! Судите по сему о всемъ прочемъ. Церковь носитъ имя Св. Николая. Въ алтарѣ на престолѣ мы приложились къ деревянному кресту топорной работы и къ Евангелію въ черномъ кожаномъ переплетѣ безъ малѣйшаго украшенія. Послѣднее оказалось рукописнымъ, писаннымъ на хлопчаткѣ (бомбицинѣ) въ 8-ю долю листа, въ одинъ столбецъ неравнымъ почеркомъ, порыжѣвшими отъ давности чернилами. Книга крѣпко истерта и залита воскомъ. Въ концѣ ея читается приписка: *Пріими моленіе* Гн *рабу свою Вышу. Коа приложи сію кныгу стомꙋ Николѣ и*

---

[1]) Послѣ мы освѣдомились, что *Стоянъ* и *Иванъ*—одно и тоже, что *Янъ* и *Іоаннъ*—разныя формы одного и тогоже имени, что легко допустить и объяснить; но откуда взялась приставка: *сто*? Не есть ли это сокращеніе слова: *свято*, въ той формѣ, какъ оно пишется «подъ титлой»? *Стоянъ* въ такомъ случаѣ значило бы: *Святой Іоаннъ.*

с̃тому Өеѡдру и с̃той Пеˇкы. Будиеи въ душевное спасеніе и въ вѣчную памˇ. Аминь. Въ лѣто, ⷽⷩ҃ⷥ (1549). *Мѣсяца април.* ѕ҃і *днъ.* Итакъ, если не самая церковь, то приходъ села Слѣпченскаго насчитываетъ уже по меньшей мѣрѣ 316 лѣтъ. Прозябаніе въ полнѣйшемъ смыслѣ! Кто такая была блаженной памяти *Выша,* она не позаботилась объяснить намъ. Но и за то спасибо, что съумѣла дать знать о себѣ потомству, да еще и съ указаніемъ года. Теперешняя какая нибудь Стана не догадалась бы сдѣлать этого. По этому самому Евангелію вы доселѣ читаете при богослуженіи, спросили мы о. Стояна? Да, отвѣчалъ онъ въ блаженномъ невѣдѣніи существеннаго оттѣнка мысли при вопросѣ. Мы обѣщались прислать ему для церкви большое печатное Евангеліе въ бархатѣ и серебрѣ.

Кромѣ Евангелія, мы досмотрѣлись въ церкви и другихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, а также рѣдкихъ старопечатныхъ. Рукописи оказались слѣдующія: *Пентикостаріонъ,* въ листъ, на бумагѣ. Начальные листы весьма попорчены. На послѣднемъ есть замѣтка: *Помени* Гй *въ грѣсѣхъ богатаго и хѫдоѹмнаго та* [1]) *діака Дмитра списавшаго сию книгѹ. Вѣчная паметь и попѹ кѵр Николѣ и родителемъ його иже и потрудисе въ книзѣ сей. А писасе сиа бж̃ственная книга трїѡ въ лѣˇ* ,ꙁц̃ѧ (*1393*). [2]) *въ дни въ неже попѹщениемъ Б̃жіимъ прѣдани быхомъ грѣхъ ради нашихъ въ рѹцѣ врагъ беззаконныхъ и мрьскыхъ и царѣ неправедн и лѹкавѣйшѹ паче всех земл. и тогда бысть запѹстѣние и скорьбь велиа ѿ безбожн измаилитъ иже не быстъ ни бѹдетъ.* Исторія Слѣпченской церкви такимъ образомъ отодвигается еще на 107 лѣтъ глубже въ печальное минувшее. — *Трипѣснецъ* (трїпѣ̃нцъ), —. въ листъ на бумагѣ, въ 2 столбца. Начало: „Трипѣснецъ съ Богомъ починаемъ: ѡ мимарѣ“. Конца нѣтъ, а потому нѣтъ и никакой замѣтки

[1]) Оставленное безъ перевода, греческое: τάχα - какъ бы, какъ будто бы.

[2]) Три года спустя послѣ Коссовской битвы.

писавшаго книгу. Всего 30 тетрадей. — *Апостолъ*, — въ листъ на бумагѣ, въ одинъ столбецъ, 27 тетрадей. Повидимому — не ранѣе XVII вѣка. Въ началѣ книги есть неискусное изображеніе Св. Апостола Луки съ разноцвѣтною по золоту виньеткою. Никакой замѣтки въ книгѣ не отыскалось. Изъ печатныхъ книгъ мы осмотрѣли два экземпляра 2-й части *Октоиха* южной печати, 7002 и 7047 года отъ сотворенія міра, *Анѳологіонъ* московской печати 1763 г. и *Псалтирь* — 1769 г. Кончивъ это книжное занятіе, я присматривался, нѣтъ ли еще чего нибудь въ церкви замѣчательнаго своею древностію, но не оказалось ничего такого. Выходя изъ церкви, мы перекомендовали о. Стояну беречь Евангеліе и Пентикостарь паче злата и топазія, объявивъ ему, что одной книгѣ 900 а другой 400 лѣтъ. Цифры эти однакоже, какъ мнѣ показалось, ни чуть не удивили, по крайней мѣрѣ видимо не занимали Слѣпштенскаго батюшку. За то онъ съ авраамовскимъ радушіемъ пригласилъ насъ посѣтить его убогую „кучу".

Жилище священника, какъ и слѣдовало ожидать, ближе другихъ къ церкви и сравнительно богаче. Идемъ къ нему, окружаемые забѣгающими впередъ и засматривающимися на невиданныхъ гостей, дѣтьми. Я могъ поздравить себя съ давножеланнымъ зрѣлищемъ южной безпримѣсной [1]) славянской жизни, и еще какимъ зрѣлищемъ! — Уносящимъ насъ въ Великокняжескій періодъ нашей собственной исто-

---

[1]) Безпримѣсной — относительно грековъ. А Турки? спроситъ кто нибудь. У насъ привыкли вездѣ въ Турціи видѣть турковъ. Для лѣнивой мысли и узкаго взгляда это конечно такъ, — гдѣ Турція, тамъ и турокъ. Но какое отношеніе имѣютъ напр. къ Слѣпченскимъ христіанамъ турки? Не много ошибемся, если скажемъ: никакого. Вѣроятно, даже подать государственную собираетъ какой нибудь откупщикъ битольскій изъ болгаръ или грековъ. Во всемъ прочемъ они вѣдаются и обходятся безъ турокъ. Просуществовавшая открыто въ церкви 400 лѣтъ книга съ самою неметною бранью предержащей власти говоритъ ясно, что «турокъ» не мѣшаетъ славянскому селу вести дѣла свои, какъ оно хочетъ.

рія! Вотъ онъ идетъ впереди насъ торопливо, и какъ бы боязливо, *попъ Стоянчо* со всѣми свидѣтельствами того, что онъ плоть отъ плоти и кость отъ костей своего роднаго села, какими были и наши пра-прадѣды въ давно забытое время, — попы Лукаши, Илюши, Митяи, Михалки... Разница только та, что у насъ трескучіе морозы выдумали батюшкамъ высокія шапки, заросшія камышемъ болота — высокія трости, дремучіе лѣса — высокія хоромы, безмѣрныя разстоянія — высокія о себѣ мысли, а частые князья съ ихъ дворами и рѣдкіе владыки съ ихъ помпою — высокія титла... все — *высокое*, а оттого какъ будто и не очень прочное, неустойчивое, хотя пожалуй и казистое, (а на новой взглядъ такъ даже и невысокое, а значительно приниженное... Но объ этомъ рѣчь, какъ говорится „въ скобкахъ"). Можно бы не обинуясь утверждать, что между нынѣшнимъ пастыремъ Слѣпченскимъ и упомянутымъ *попомъ кур Николой* 1393 года нѣтъ никакого различія, кромѣ племеннаго, такъ какъ теперешній — *болгаринъ*, а тотъ безъ сомнѣнія былъ *сербинъ*. Мало отъ обоихъ конечно разнился и старыхъ временъ *русинъ*. Развѣ только былъ тароватѣе ихъ, и объективнѣе относился къ своему дѣлу и званію. Нанимаясь напр. служить обѣдню на базарѣ, онъ держалъ за пазухой просфору, и грозилъ нанимателю, что сейчасъ закуситъ, и тогда конецъ торгамъ. Я увѣренъ, что если бы разсказать про случай о. Стояну, онъ не удивился бы ему, не разсмѣялся бы и всего менѣе осудилъ бы его, а только подумалъ бы про себя: тамъ у нихъ это можно, а у насъ тутъ кто подумаетъ нанимать? Конечно, прихожане, встрѣчая его, не снимаютъ тутъ шапокъ и не подходятъ подъ благословеніе, но за то и не отплачиваютъ за вынуждаемую обычаемъ почесть ни кукишемъ въ рукавицѣ, ни цѣлымъ лексикономъ позаочной брани, извѣстной у насъ даже малымъ дѣтямъ. Нѣтъ тутъ вообще на Востокѣ ни нашего высокопочитанія къ духовенству, ни нашей низкой озлобленности противъ него, Чему приписать это, пусть рѣшаютъ спеціалисты. Входимъ въ домъ

Попа Николы. Такъ зовется жилище о. Стояна, который собственно есть только помощникъ, какъ бы викарій, настоящаго приходскаго священника, своего родителя о. Николая. Послѣдній, посадивъ на свое мѣсто сына, самъ занялся дѣлами сосѣдняго монастыря, и живетъ болѣе тамъ, а не въ селѣ. Домашнимъ о. Стояна уже дано было знать о предстоящемъ посѣщеніи нашемъ. Оттого, при входѣ въ домъ, насъ встрѣтила съ большими привѣтами старая матушка. Но, Господи, что это за домъ! Ничего, что хотя сколько нибудь соотвѣтствовало бы нашимъ понятіямъ о „поповомъ" домѣ. Я рѣшительно отказываюсь отъ описанія его. Чтобы дать гостямъ чистаго воздуха, насъ усадили въ прилаженный къ обиталищу птичникъ или иное что изъ жидкой и сквозящей загороди съ землянымъ поломъ. Послѣдній былъ накрытъ рогожей и устланъ самодѣльными ковриками, на которыхъ при стѣнкахъ лежали узкія и длинныя подушки. Нечего говорить, что мы рады были несказанно такому уютному помѣщенію. Старая матушка не замедлила представить намъ своихъ двухъ снохъ — тоже матушекъ. У о. Стоянчо есть еще братъ *Попъ Коста,* который на тотъ разъ былъ тоже въ монастырѣ, помогая отцу въ разныхъ тамошнихъ работахъ. Въ домѣ не мало дѣтей перваго возраста. Хотѣли послать за старымъ хозяиномъ, но мы объявили, что сейчасъ сами туда ѣдемъ. Поспѣшили потому угостить насъ сперва „водовареньемъ" по восточному обычаю, а потомъ и хлѣбомъ-солью, т. е. яицами и молокомъ, которое, въ память единоплеменнаго сѣвера, подавалось „съ крошками". Знаютъ ли южные славяне такое приготовленіе? пожелалъ я освѣдомиться. Отвѣтомъ служила безмолвная улыбка, гласившая: ужъ на чтоже проще такого кушанья? Спутникъ, владѣя болгарскимъ языкомъ, разговаривалъ со старушкой о вещахъ обыденныхъ, я же чувствовалъ себя не способнымъ къ бесѣдѣ отъ набѣжавшаго на душу умиленія. Точно съ такимъ же чувствомъ, помню, лѣтъ за 30 передъ этимъ разсматривалъ я купленный по случаю въ одномъ изъ русскихъ губернскихъ горо-

довъ, *Греческій Часословъ,* весь истрепанный и засаленный, видимо бывшій въ постоянномъ, и еще недавнемъ, употребленіи. Ужели есть еще люди, которые читаютъ и молятся по этой книгѣ своимъ ихъ языкомъ? спрашивалъ я самаго себя. Вѣдь языкъ этотъ и люди, имъ говорившіе, принадлежатъ давнымъ давно къ области исторіи, и существуютъ только въ классическомъ учебникѣ. Тоже самое, только гораздо живѣе, происходило въ душѣ моей и теперь. Переговоръ матушекъ и о. Стояна между собою и съ прислугой и съ нашимъ Търпкомъ отзывался для меня чѣмъ-то, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Въ немъ столько было книжнаго славянскаго, что думалось иногда, ужъ не ослышался ли я? Особенно плѣнительно было услышать въ живой рѣчи слово: *Како.* Грамматика такъ сказать похоронила его, назвавши имъ одну изъ буквъ азбуки. А вотъ оно живетъ и движется, переходя изъ устъ въ уста цѣлой семьи. — Вѣдь даже младенцы, замѣтилъ я, и тѣ ревутъ пославянски! — А я, отвѣтилъ на это шутливо компаньонъ, слушаю и нахожу, что даже пѣтухъ поетъ совершенно понашему... Завзятый славянофилъ подтрунивалъ надъ моимъ разблаженіемъ.

День уже вечерѣлъ. Послышались опять далекіе раскаты грома. Мы простились съ гостепріимнымъ кровомъ и отправились еще далѣе на западъ. Дорога шла, поднимаясь по склону горы. Появилась и довольно густая растительность. Какъ и слѣдовало ожидать, монастырь занимаетъ возвышенное и прекрасное мѣсто. Темныя стѣны его сразу высказали его значительную древность. Прежде, чѣмъ мы добрались до него, насъ еще разъ смочило дождемъ. Къ 5 часамъ мы были передъ воротами обители. Послѣ небольшаго приключенія съ сѣдломъ, мнѣ пришлось явиться въ нее пѣшеходомъ, что было и приличнѣе. Радушно, хотя нѣсколько какъ бы растерянно, встрѣтилъ насъ игуменствующій о. *Николай*, видимо отозванный нами отъ работы. Сынъ его о. Константинъ, во всемъ похожій на брата,

старался доставить намъ весь возможный комфортъ. Единственныя, только что возобновленныя, комнаты обители отведены были для насъ. Отдохнувши и обсохши немного, мы просили позволенія видѣть церковь. Она стоитъ среди двора отдѣльно отъ другихъ зданій, имѣетъ красивый видъ небольшихъ византійскихъ храмовъ съ высокимъ куполомъ, но представляется совершенно новою. Возобновлена всего за три года передъ этимъ уже въ управленіе о. Николая. Справедливѣе сказать, не возобновлена, а вновь выстроена на мѣстѣ старой церкви, такъ что о прежней церкви теперь и сказать ничего нельзя, такъ какъ объяснить ея плана мнѣ не могъ почтенный возобновитель. Судя по отзывамъ его, вообще о началѣ монастыря и его долговременномъ существованіи ни въ памяти народной ни въ какихъ нибудь записяхъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Чествуется онъ во имя Св. Іоанна Предтечи. Въ алтарѣ церкви мы видѣли большой деревяный крестъ, на подножіи котораго вырѣзана замѣтка: сіа чт (честный) и ст҃ (святый) крастъ ѿ ст҃ іѡ сѫчи (слѣпче?) оставлено ѿ рѹфаила наичко дартоіи чѿкр... Не умѣя дать полнаго объясненія написанному, мы ограничимся замѣчаніемъ, что надпись не должна быть очень древнею, судя по скорописному характеру буквъ. Другая замѣчательная вещь въ церкви есть большая деревянная икона Св. Архангела Михаила, рѣзная рельефомъ. На оборотѣ ея замѣчено тоже рѣзью: *Попъ Никола Поповичъ*. 1703 г. Сличая этотъ храмъ съ сельскимъ, я воздалъ должную хвалу почтенному ктитору его, хотя не пропустилъ безъ замѣчанія, что если бы такая благолѣпная церковь была въ селѣ, а не въ пустынѣ, отъ нея больше было бы пользы для мѣста. Монастырь и при старой церкви имѣлъ бы тоже значеніе... Справедливое это замѣчаніе мое оказалось однакоже неумѣстнымъ. Монастырская церковь выстроена на пожертвованія, собиравшіяся прямо и исключительно на нее. При иномъ назначеніи пожертвованій, самый сборъ оказался бы невозможнымъ... Итакъ не только у насъ, но и въ остальномъ православномъ

мірѣ идея монастыря беретъ верхъ надъ идеей приходской церкви. Не замѣчательно ли это.

Пожалѣвъ о убожествѣ сельской церкви, мы однакоже поспѣшили воздать ей честь, заявивши передъ ея настоятелемъ о томъ утѣшеніи, которое вынесли изъ нея, отыскавъ тамъ нѣсколько цѣнныхъ древнихъ книгъ съ историческими замѣтками. Естественно было прибавить вслѣдъ за этимъ о той увѣренности, съ которою мы думаемъ найти еще несравненно больше подобныхъ сокровищъ въ древней обители, чѣмъ въ простой церкви. А чтобы старецъ какъ нибудь не увернулся отъ насъ, и прямо было присовокуплено, что извѣстный въ мѣстахъ этихъ, Цареградскій А. Н... насъ положительно завѣрилъ о цѣлой комнатѣ, заваленной старыми рукописями, видѣнной имъ въ монастырѣ Св. Предтечи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ много должно скрываться извѣстій и о началѣ монастыря и о всемъ его прошедшемъ, о правахъ его, объ угодьяхъ... Длинный этотъ приступъ или подступъ оказался впрочемъ излишнимъ. О. Игуменъ объявилъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, что есть въ разныхъ мѣстахъ по кельямъ нѣсколько старыхъ церковныхъ книгъ, которыя онъ пожалуй пойдетъ соберетъ и принесетъ намъ на поглядѣнье. Пока готовился самоваръ, внучекъ игумена одну за другою вносилъ къ намъ старыя рукописи, которыя дѣйствительно оказывались все церковными, и хотя не весьма древними, но очень ветхими отъ небрежнаго употребленія и небрежнѣйшаго храненія. Были и славянскія и греческія. Мы угостили за это чаемъ представителей трехъ поколѣній прошедшаго, настоящаго и будущаго, и даже съ удовольствіемъ согласились, по приглашенію О. Николая, отправить въ церкви русскую вечерню. Старецъ хотѣлъ послушать нашихъ *гласовъ,* не похожихъ, какъ ему говорили, на греческіе и на ихъ болгарскіе. О. *Константинъ* набросилъ на себя эпитрахиль по верхъ своей рабочей одежды, и благословилъ службу, а мы читали и пѣли. Въ церкви оказался Октоихъ русской печати. Ни Минеи

ни Тріоди не было. Мы отыскали Четверговую службу перваго, попавшагося подъ руку, гласа, и чтобы показать разнообразіе напѣвовъ нашихъ, пѣли каждую стихиру на особый гласъ. Мы бы такъ не съумѣли пропѣть, замѣтилъ по окончаніи службы представитель текущаго поколѣнія, провожая насъ изъ церкви. — Да вамъ и не позволятъ пѣть по нашему, сказали мы. — Кто не позволитъ? Быстро подхватилъ будущій дѣятель, и показалъ видъ, что ему не даромъ Богъ далъ руки… Отжившій дѣятель улыбнулся въ отвѣтъ на мужественное заявленіе внука. Были потемки, когда мы возвратились въ свой „архондарикъ“.

Уединившись, съ аппетитомъ голоднаго человѣка, накинулся я на книжный ворохъ. Всѣхъ книгъ видѣлось на широкой лавкѣ (диванѣ) десятка два съ лишкомъ. Ихъ достало мнѣ для усидчиваго занятія далеко за полночь. Вотъ краткій перечень ихъ.

1. Тетроєѵ̃лъ — на пергаментѣ, 4°, въ одинъ столбецъ уставнаго неровнаго письма, по 22 строки на страницѣ. Всего — 38 тетрадей, помѣченныхъ вверху числовыми буквами. Книга полная, безъ малѣйшаго ущерба. Главъ въ Евангеліи отъ Матѳея указано 38, а стиховъ 355. У Марка главъ 48, стиховъ 233. У Луки главъ 83, стиховъ 349. У Іоанна главъ 18, стиховъ 235. Ни предисловія ни послѣсловія при Евангеліяхъ нѣтъ. Буква ж въ книгѣ не встрѣчается, а є въ обиліи. Удареній нѣтъ. Надъ и, є, ѧ, о, ѡ, оу, ю въ началѣ реченія и вслѣдъ за другой гласной стоитъ точка. Напр. ѻ̇ч҄е, ѥ̇диница… Но есть примѣръ, что видится и въ срединѣ реченія и не послѣ гласной, напр. Троу̇дъ. Надъ двоегласнымъ ы она стоитъ вездѣ и непремѣнно. Гдѣ въ нашей рѣчи слышится ъ, тамъ постоянно въ книгѣ видится кавычка ˘ напр. и̇з̆бивше. Зак̆нымкомъ. М̆ѣритсе. о̇ нем̆же… полугласная ъ совсѣмъ неизвѣстна тексту. Вездѣ вмѣсто нея стоитъ ь. Единственный знакъ препинанія точка (.) внизу строки. Встрѣтились слова: маїѳарь, д҄сы (дуси нечисти), скорфию, добраꙗго, гл҄ати, тацю

(тещу) [1]). Въ одномъ мѣстѣ книги есть позднѣйшая историческая замѣтка. × *На* ѵ҃ и ҳ҃ и и҃ и ѕ҃ *лѣто* сир҃т (*?Смерть?*) *господина Крала Владислава Албертовика крала* ѹ*раршага мца Дек...* [2]). Такъ какъ тутъ говорится о нѣкоемъ кралѣ (конечно Сербскомъ), да еще и съ опредѣленнымъ лѣтосчисленіемъ, то стоило бы разобрать замѣтку со всѣмъ подобающимъ вниманіемъ, но въ дорогѣ этого сдѣлать нельзя. Краль *Владиславъ* точно стоитъ въ ряду Сербскихъ державцевъ подъ 1230 годомъ. Это былъ братъ и предмѣстникъ *Уроша I* или Великаго (!). Другой Владиславъ, племянникъ перваго, добивался въ свою очередь престола, и пожалуй могъ тоже назваться или быть названъ отъ приверженцовъ или льстецовъ, кралемъ, но оба они — сыновья кралей *Стефановъ* III и V-го, а никакъ не Альберта какого-то, совсѣмъ неизвѣстнаго въ сербской исторіи. Хронологія замѣтки могла бы повесть къ чему нибудь, но она отмѣчена такими знаками, которые не поддаются разрѣшенію. Времени написанія Евангелія я не берусь опредѣлить.

---

[1]) Вотъ образчики сплошнаго письма: 1) Оч҃е нашь иже еси на нб҃ехь. да ст҃ытсе име твое. да прийде цр҃твие твое. и да боудеть волѣ твоа. ꙗко на нбси и на ꙁемли. хлѣбь соущьствьни даждь намь на всѣкь дн҃ь. и ѡстави намь грѣхы наше. ꙗко и мы ѡставлѣемь всакомоу дльжникоу нашемоу. и не вьведи нась вь искоушение. нь иꙁбави нась ѿ неприꙗꙁни.—2) искони бѣ слово. и слово бѣ кь Бо҃у. и Бъ҃ бѣ слово. се бѣ искони кь Бо҃у. и всѣ тѣмь быше. и беꙁь него ничесоже не бысть. еже бысть.

[2]) При пособіи Дюканжа Ранча и другихъ, удалось отыскать *Владислава Албертовича.* Это былъ дѣйствительно краль, только не Сербскій, а Угорскій или Венгерскій. Въ L'art de vérifier les dates онъ названъ Ladislas V ou VI, dit le Posthuma, сынъ Альберта (+ 1439) и Елисаветы. Онъ родился уже по смерти отца. Въ 1453 г. вступилъ на отеческій престолъ, а 23 Ноября 1457 г. скончался скоропостижно въ Прагѣ. Видно такимъ образомъ что лѣтосчисленіе замѣтки слѣдуетъ эрѣ не отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. Декабрь мѣсяцъ очутился тутъ вѣроятно потому, что только въ этомъ мѣсяцѣ памятописецъ узналъ о семъ.

2. *Четверо Евангеліе.* На бомбицинѣ, въ 4°, въ одинъ столбецъ, крупнаго уставнаго письма. Весьма толстая книга, со множествомъ вырванныхъ или разорванныхъ листовъ. Имѣетъ также раздѣленіе на стихи и главы. Замѣтокъ никакихъ. Должна принадлежать XV вѣку.

3. *Апостолъ,* на бомбицинѣ, въ 4°, въ одинъ столбецъ. Въ началѣ книги есть мѣсяцесловъ, или такъ называемый *Канонарь* для руководства при отыскиваніи дневныхъ и праздничныхъ Апостольскихъ чтеній. Въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Замѣтокъ не встрѣтилось. Книга одного повидимому времени съ предыдущимъ номеромъ, и служитъ какъ бы продолженіемъ его.

4. *Апостолъ.* Бомб. 8°. 1 столбецъ. Въ началѣ недостаетъ листа. Въ концѣ есть приписка: х҃с *зачало и конецъ. Слова съвершителю Боу҃. аминь. Съписасе рꙋкою грешнаго попа Нꙑколꙋ.* Одного, по всѣмъ признакамъ, времени съ предыдущими номерами.

5. *Апостолъ.* Бум. въ листъ. 1 столбецъ. Есть приписка простовато-забавная, повидимому современная: „*лѣта* ѕ҃ц҃ѕі (1408), *Блоуди* (наблюдай) *блоуди* іноче *блоуди блоуди брате и паки рѣкꙋ блоуди что хощеть бити на нб҃си знаменик и на земли тоуга езыкомъ* сѣча к҃ръ *якоже нѣсть била никогда. Рж҃дтво вънедѣлю... Петръ въ пятокъ* (п҃е). *Блоуди луна* а҃, *слнцѣ* а҃" [1]).

6. *Псалтирь.* Бум. 8°. 1 столбецъ. Недостаетъ въ началѣ трехъ тетрадей. Не очень древняя и не представляетъ въ себѣ ничего, достойнаго замѣчанія.

---

[1]) Сѣча к҃ръ — вѣроятно: рѣзня и кровь. Поводомъ къ такой заботѣ о блюденіи послужило очевидно совпаденіе начала «круговъ» луннаго и солнечнаго. По теперешнему счету, обстоятельство такого рода имѣло мѣсто въ 1408—9 году. Указанія же замѣтки о праздникахъ Рождества Христова и Св. Ап. Петра и Павла относится къ 1408 году. Но такъ какъ въ то время годъ начинался Сентябремъ, то и Рождество Христово естественно отходило уже къ новому 1409 году и слѣд. должно было приходиться въ понедѣльникъ — по табличкѣ II. Чтоже касается Петрова дня, то указаніе его вѣрно.

7. *Служебникъ.* Бомб. 8°. 1 столбецъ. Хорошаго большаго письма. Послѣ трехъ литургій положены Апостоло-Евангелія на значительнѣйшіе дни года. Въ концѣ книги есть приписка: *Бъ да проститъ Іеромонаха Евфимію грѣшнаго еже и списавшихъ сію книжицу поп8 Дмитроу. И васъ Бъ да проститъ.* Бросилось въ глаза нѣсколько особенностей литургійныхъ. Такъ напр. на Проскомидіи вмѣсто такъ называемыхъ „девяти чиновъ" указано вынимать одну часть, и полагать на той же лѣвой сторонѣ, гдѣ и часть Богоматери. Просфоръ насчитывается пять. Странно, что и діакону указывается тоже вынимать частицы за живыхъ и усопшихъ. Въ самомъ послѣдованіи Литургіи стоитъ, какъ и теперь, *милость* (а не елей) *мира,* но за тѣмъ слѣдуютъ слова: *жертва пѣнія.* Молитва о призываніи Св. Духа не положена. Въ явленіи Св. Даровъ діакону указывается говорить только: *приступите,* а священникъ самъ прежде того скажетъ: *со страхомъ божіемъ и вѣрою.* Въ литургіи Св. Василія В. нѣтъ извѣстныхъ словъ: *преложивъ я Духомъ твоимъ Святымъ.* На Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ указывается священнику, при произношеніи словъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ,* смотрѣть къ востоку.

8. *Служебникъ.* Бум. 8°, 1 столбецъ. Гораздо новѣе предыдущаго номера. Помѣщены въ книги: *чинъ поставленія Подіакона и Діакона, и чинъ, бываемій на поставленіе Попа.* Вездѣ указывается говорить: *достоинъ,* а не *аксіосъ,* и притомъ, при рукоположеніи Діакона, одинъ только разъ, по наложеніи ораря, тоже и при священническомъ рукоположеніи, но не сказано, когда именно. Говорится только: *по аминь, архіерей прѣложитъ заднюю часть ораря его на прѣдъ. Потомъ облѣкутъ его въ фелонъ, и цѣловавъ его, повелитъ стати ем8 съ прочими попы.* Есть два листка изъ чина Архіерейскаго служенія; тамъ попалось въ глаза слѣдующіе: *Въ первіихъ помени Гй Архіепископа, протопа и Хартофѵлака и прочіи попіи. Епископа (?). Послѣди же діаконы въ*

олтари стое: Матоеа [1]), *прѣосвященнаго архіепка нашего первые Оустыніаны и всее Бльгаріе и всее поморские и западные земли*". Тутъ же, но другою рукою написано: Кирилла, *Епка нашего* [2]).

9. *Часословъ.* Бум. 8°. 1 столбецъ. Въ началѣ недостаетъ цѣлыхъ 17 тетрадей. Послѣдняя помѣчена цифрою лз (37). Въ концѣ есть приписка: „*Вѣдомо буды, яко скончаи синаксарь (?). Слава ти стаа Троице*". Какое отношеніе имѣетъ къ часослову синаксарь? И какой синаксарь? И что за нужда дѣлать вѣдомымъ кому-то о его скончаніи? Про все это вѣдаетъ одинъ писавшій замѣтку. Письмо книги XVI вѣка.

10. *Часословъ.* Бум. 16°. Безъ начала и конца. Совершенно разбитая книжка. Тогоже вѣка.

11. *Октоихъ.* Бум. 8°. 1 столбецъ. Книга содержитъ въ себѣ однѣ Воскресныя службы восьми гласовъ. Конецъ оторванъ. На дощечкѣ замѣчено скорописью: *Въ лето,* зр● *(1672) паде слана (?) мца априля* кѕ, *и поваріило* зіга *(?). И вьсе лето тоурцы повоевашъ на Московію, и бише гладъ крепко по местамь на вьсточнеи стране*". А еще ниже прибавлено: Тогда прѣповезахъ сию книгꙋ грѣшни попь Никола при господине влцѣ моего Θеофана. У. града Скопія. И простите ми отцы и братія моя"... Чѣмъ-то *Московійскимъ* вѣетъ отъ этой безграмотной замѣтки особенно — отъ частаго употребленія *е* вмѣсто *ѣ*. Обстоятельство, что книга когда-то находилась въ *Скопле,* бросаетъ нѣкую тѣнь на туземное происхожденіе монастырскихъ рукописей.

12. *Минея — Октябрь мѣсяцъ.* Бум. Листъ. Безъ начальнаго листа. О нашемъ праздникѣ Покрова нѣтъ помину. 14 числа положена служба Св. Параскевѣ. Указано совершать бдѣніе. Святая постоянно

---

[1]) Oriens Christianus, *Матоей* ставится между Архіепископами *Анеимомъ* XIV в. и *Маркомъ* XV в.

[2]) Кириллъ конечно епархіальный Епископъ мѣста, но едвали изъ митрополитовъ, подвѣдомыхъ Архіепископу 1-й Юстиніаны.

именуется петка, въ зват. над. петко. На литіи первая стихира начинается такъ: *Пришьствіемь сытхь мощеи твоихь* српска *земля обогатисе*". Канонъ 6-го гласа. Начало перваго тропаря: „Параскевія славная"... Акростиха не придерживался писатель. Книга должна принадлежать XVI в.

13. *Минея — Іюнь мпьсяць*. Бум. листъ, 2 столбца 1546 г. Въ концѣ есть приписка: „*Писасе сія кныга вь лпьто* ҂знд *егда досппьхь мою* (*sic*) *наста лпьто* ҂зне. *Чтите .. и мене помпните грпьшнаа и худа вь священноиноцпьхь іеромонаха Пахоміе писавшаго сіе гр҃бо*".

14. *Минея—Іюль мпьсяць*. Бум. Листъ, 1 столбецъ, 1549 г. Въ концѣ приписано: *Слава Б҃у вь троиціи давшемоу но началк и конць. Том҄ слава вь безконьчніе впькы. Аминь. Лпьта* ,҂зн҃з. *м҃ца геньара* кѕ" Къ книгѣ приплетена служба Св. Іоанну Предтечѣ (7 янв.). Въ концѣ ея опять замѣчено: *Честнпьиши и ст҃пьиши оц҃и любве ради х҃вь аще что ѡбрещете прочитающе погрпьшено исправляите и бл҃вите а не кльнете нь поминаите и нась грпьшныхь тр҄дившихсе вь стыихь ваших млт҃вахь. Понеже не писа д҃хь ст҃ы ни а҃гль нь р҄ка бреннаа и грпьшнаа и вась Б҃ да простить. Аминь. Монахь іерей*"... слѣдуетъ неразбираемая монограмма.

15. *Богородичникь*. Бум. листъ. Начинается Субботнимъ канономъ 1-го гласа и оканчивается канономъ въ Пятокъ вечера 8-го гласа, совершенно сходно съ положеннымъ въ нашемъ Октоихѣ навечерними Богородичными канонами. Къ нимъ приписаны еще каноны на 8 гласовъ, т. е. по одному на каждый изъ гласовъ, съ канонами „м҄ченикамь, ст҃ителемъ и преподобнымь и оусопшымь" также на 8 гласовъ. Въ концѣ книги замѣтка: „*Сіа книга г҃лемаа Мольбникь Б҃ци. Вь ѡбитель ст҃го Іоанна Предтеча*". XVII вѣка.

16. *Номоканонь*. Бум. 8°. Седмь тетрадей разбитыхъ. XVII вѣка.

17. *Синаксаріарій*. Бомб. 8°. 1 столбецъ. Не достаетъ въ началѣ цѣлаго Сентября мѣсяца и первыхъ 10 чиселъ Октября. Начинается

такъ: „*Вь тоиже д҃нь* (*Окт.*) *память седмаго збора. С҃тыи седмыи всеѧ вселенныѧ зборъ бысть вь Никеи*“... Книга стòила бы подробнаго обслѣдованія [1]). Можетъ относиться къ XIV вѣку.

18. *Златоустъ.* Бум. листъ, 1 столбецъ. Безъ первыхъ трехъ тетрадей. Начинается слѣдующими словами (вѣроятно изъ житія Святителя): „чищеніе навикноути. Ибо вь всемь ст҃ымь вьсѣмь бѣше подобень... видѣ же и *кельтскыи* народь аріанскою ересію везещь вь сѣти“... Въ концѣ книги есть приписка: „*И писасе сіа Б҃жтвенаа книга Златоѹсть вь лѣто ,ꙁн҃ѕ* (*1548*) *м҃ца Декабря л҃а. Съвершисе же вь монастырь продрѡма при ігумена Серафима ієромонаха: и потрѹдисе ѡ семь послѣдніи вь иноцѣхь и ѹбѡгіи вь ч҃лцѣхь, а богатіи вь грѣсѣхь Висаріѡнь ієромонахь* ѡ҃т *Дебра, вѣчна мѹ паметь*“.

19. *Св. Ефрема Сирина поученія.* Бум. листъ, 2 столбца. Безъ начала и конца; первый листъ — изъ 27 слова — начинается такъ: „г҃лющѹ поношеніа притчаа (?) дша моя“. Конецъ на словѣ 109-мъ „о покаяніи и ѡ любви, еже и о крьщеныхь и исповѣданіи и к҃ртоу похвала, ѡ бѹдѹщемь соудѣ: Ничтоже почтемь любимаа братіе паче нелицемѣрние любве“.

20. *Св. Іоанна Златоустаго* избранныя слова. Бомб. 8°, 1 столбецъ. Всего 10 словъ принадлежатъ Златоусту. Слѣдующее 11-е есть Св. Григорія Синайскаго о томъ, „чтó есть образь иночьскаго житія“, начинается словами: „постриженіе ѹбо власомь“... Затѣмъ слѣдуетъ жизнь Св. Василія новаго. Потомъ еще статья (безъ начала),

---

[1]) Подъ 9-мъ Ноября положена память Св. *Александра* и *Антонія* мучениковъ Солунскихъ, а подъ 6-мъ числомъ Св. Павла исповѣдника — тоже Солунца, пропущенныхъ мною въ спискѣ Святыхъ, принадлежащихъ Солуню. Изъ нихъ Св. Александръ стоитъ въ Греч. Минеѣ подъ 7, а не подъ 9-мъ Ноября. Антоній же дѣйствительно указывается подъ 9-мъ Ноября, но онъ по Минеѣ жилъ и пострадалъ въ Сиріи въ городѣ Апаміѣ. Въ томъ же Синаксаріаріѣ, сонменный мнѣ мученикъ названъ вопреки Греческимъ и Латинскимъ Святцамъ, андониномъ, а не Антоніемъ, хотя конечно ошибочно.

начинающаяся словами: „нь вь вѣроу правоу на дѣланіе заповѣдей"... XV вѣка.

21. *Св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго поꙋченіа и прѣніа кь жидовомь.* Бум. листъ 31 тетрадь. Начинается книга словами: ꙋже блаженства воля на віи ѡ просвѣщаніе". Въ концѣ 5-го тайноводственнаго поученія приписано: х͠с. з͠ча и к (*Христосъ зачало и конецъ*). *Вь лѣто ,зн͠е (1547) м͠ца авгоуста л͠а. писа сію бжтвноую книгу послѣдины и богати вь грѣсѣхь вь иноцѣхь іеромонахь Висаріѡнь".*

22. *Аввы Дороѳея — ученыа разлычна кь своимь кмоу оученикѡмь.* Бом. 8°, 35 тетрадей. Конецъ крѣпко попорченъ. Первое поученіе начинается: „Хвалю оусердик"... Второе: „О оц͠и Досиѳеи. Блажени поистинѣ Авва Дороѳеи". Есть статьи и другихъ подвижниковъ. Книга неранѣе XVI вѣка.

23. *Сборникъ* разныхъ статеекъ скорописныхъ не одного времени и не однѣхъ рукъ. Есть любопытныя мѣстныя замѣтки историческаго характера, указанія погоды, врачебныя наставленія и пр. [1]). Начала нѣтъ. Бум. 16°. 13 тетрадокъ.

24. Τετραευαγγέλιον. Бомб. 8°. 1 столбецъ. Толстая книга, въ началѣ своемъ крѣпко поврежденная; есть въ ней дѣленіе на главы (по старому порядку), безъ означенія стиховъ, принадлежитъ XV вѣку.

25. Ὀκτώηχος. Бум. 8°. 1 столбецъ, совсѣмъ разбитая книга XV—XVI вѣка.

26. Ὡρολόγιον. Пергаментъ, 16°. Безъ начала и конца. Всего 9 тетрадокъ. Листы крѣпко подмочены и покороблены. Письмо порыжѣло, и съ трудомъ читается. XIII—XIV вѣка.

27. Λόγοι τοῦ ἁγίου Ἰω. τοῦ Χρυσοστόμου. Пергаментъ, 4°. 2 столбца.

---

[1]) Книжку мы рѣшились выпросить у о. Игумена для выписки на досугѣ въ Битолѣ; оттого и не занялись ею на мѣстѣ. Пришлось пожалѣть о такомъ рѣшеніи, не провѣренномъ благовременно «заднимъ» умомъ русскимъ...

Книга состоитъ изъ 24-хъ тетрадей, обглоданныхъ кругомъ мышами. Нѣтъ ни начала ни конца. То, что сохранилось, есть 12—2 по числу бесѣда, оканчивающаяся словами: εἴσσεβε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ κυρίου σου· ἧς γένοιτο ἅπαντας... κ. τ. λ. оканчивается книга 38-ю бесѣдою на словахъ: ὄντως επεφάνη ἡμῖν... Судя по характеру письма, книга должна быть XI-го, если не ранѣе, вѣка. Несомнѣнно, что это самая большая древность въ обители, но кажется также несомнѣнно, что она занесена сюда отъ инуды.

Обзоръ, хотя и самый поверхностный, почти трехъ десятковъ старыхъ рукописей, большею частію очень поврежденныхъ, отнялъ у насъ вечеръ, и прихватилъ большую часть ночи. Послѣдствіемъ его было крѣпкое истомленіе и вниманія и зрѣнія. Все въ обители уже почивало глубокимъ сномъ, когда я, окончивъ свою работу, вышелъ на крыльцо дохнуть чистымъ воздухомъ, освѣженнымъ ктомуже еще дождемъ. Полная луна стояла высоко на небѣ. Вспомнилъ я наказъ давняго книгописца: блюди, блюди иноче! Блюди брате! Луна а, солнце а. И смѣшна и трогательна была забота „брата" по званію изъ XV вѣка, ожидавшаго отъ луны а и солнца тоже а, т. е. отъ перемѣны *Великаго Индиктіона* великихъ перемѣнъ, а отъ того и знаменій на небѣ и на землѣ. Не имѣемъ свидѣтельствъ, какъ встрѣчали иноки тотъ Индиктіонъ (собственно: кругъ или періодъ Индиктіоновъ), который провожалъ нашъ безыменный наблюдатель небесныхъ явленій. Но можно, не ошибаясь, думать что въ 877 году отъ формъ и предѣловъ земнаго лѣтосчисленія ставили въ прямую зависимость все, неширокое и не глубокое тогда еще, небо. А еще назадъ за одинъ великій Индиктіонъ, въ 345 или 346 г., не только вѣрилось всѣми въ тожество неба вѣры съ небомъ міозданія, но, по вѣрѣ ихъ, даже видѣлось множествомъ людей, какъ стоялъ и сіялъ паче солнца на небѣ, простиравшійся отъ Голгоѳы до Елеона, христіанскій крестъ!.. Такъ представлялось дѣло чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ проще! Что будутъ чувствовать,

говорить и писать иноки инокамъ къ началу будущаго великаго Индиктіона, въ 1941 году? Многимъ кажется, что иноковъ къ тому времени уже не будетъ. Это первая причина не говорить имъ тогда ничего ни о лунѣ, ни о солнцѣ. А во вторыхъ, едва ли что останется къ тому времени въ наукѣ отъ старыхъ понятій о небѣ, о кругахъ лунномъ и солнечномъ, о разныхъ знаменіяхъ небесныхъ и тому подобное. Отъ всего, упомянутаго въ отысканной нами замѣткѣ, доживетъ до того времени развѣ только одна „тоуга езыкомь“ обо всемъ старомъ, давноминувшемъ, безвозвратно исчезнувшемъ, — и о небѣ и объ Индиктіонѣ и объ инокахъ и объ ихъ замѣткахъ рукописныхъ и о самыхъ рукописяхъ.

Слѣпиите[1]**. 27 Мая. Четвертокъ.**

Занятіе рукописями преслѣдовало меня даже во снѣ. Оно же подняло меня на ноги съ разсвѣтомъ. Дребезжащій звукъ колокола приглашалъ насъ въ церковь на утреню, но я предпочелъ „зрѣніе дѣянію“, или, если угодно, на оборотъ „дѣянію зрѣніе“, выражаясь языкомъ подвижниковъ, т. е. вмѣсто молитвы присѣлъ къ работѣ. На которой сторонѣ болѣе *дѣянія* или *зрѣнія*, это могли бы рѣшить „грѣшный попь Никола“ или „богатіи вь грѣсѣхь Висаріωнь іеромонахъ“, писавшіе божественныя книги и отбывавшіе въ тоже время божественную службу. Поздно вечеромъ вчера еще отысканъ былъ по темнымъ угламъ обители цѣлый десятокъ старыхъ книгъ. Нужно было для полноты дѣла пересмотрѣть и ихъ. Это были: 2 Евангелія, 2 Апостола, 3 Псалтири и 2 Лѣствицы. Одно изъ Евангелій — бум. 8° 1 столбецъ — можно относить къ XVI вѣку. Другое — бум.

---

[1]) Собственно: *Слѣпище*. Но болгаре, какъ и мы по деревнямъ (щти, еще..), любятъ обращать *щ* въ *шт*.

листъ — не выходитъ изъ XVII вѣка; одного формата и какъ бы одного письма съ послѣднимъ есть и Апостолъ, въ которомъ не достаетъ первыхъ пяти тетрадей. Другой Апостолъ — бум. мал. 4° — полный, но совершенно разбитый или тогоже или XVIII вѣка. Изъ Псалтирей одна — бомб. мал. листъ — крупнаго уставнаго письма несомнѣнно XV вѣка. Другая — бум. 8° — весьма разбитая, XVI вѣка, отличается тѣмъ, что къ ней приплетена часть Синаксаріарія, писаннаго на кожѣ. Третія псалтирь — бум. мал. 4° — безъ начала и конца, принадлежитъ прошлому столѣтію. Изъ *Лѣствицъ* старѣйшая — бум. 8° — хорошаго письма съ красными и зелеными заглавіями, не имѣетъ ни начала ни конца, состоя только изъ 8 тетрадей. Принадлежитъ XVI вѣку. Второй экземпляръ ея, во всемъ (сколько можно было наскоро сличить) сходный съ первымъ, совершенно полный, имѣетъ впереди себя и изображеніе самой „лѣствицы божественнаго восхода". Долженъ принадлежать XVII вѣку. Осмотръ этихъ послѣдковъ былъ довольно бѣглый. Чувствовалось вообще утомленіе отъ занятія, хотя и нетруднаго и даже весьма пріятнаго, но довольно однообразнаго. Отдыхомъ и развлеченіемъ послужилъ самоваръ, составляющій, какъ замѣтилъ наблюдательный компаньонъ, предметъ спеціальнаго изученія со стороны братій честной обители, т. е. дѣда, отца и внука, особенно же — сего послѣдняго.

Пора было намъ познакомиться съ монастыремъ. Надобно же было досмотрѣться пресловутаго книжнаго подвала, о которомъ я первыя свѣдѣнія получилъ еще въ Царѣ-градѣ, или хотя увѣриться, что такого вовсе нѣтъ, или что онъ „былъ да сплылъ" по пословицѣ. Такъ какъ вчера, по возбужденному книжному вопросу, часто слышалось имя *третьей* какой-то комнаты, то прежде всего мы и постарались отыскать ее. Она-то, конечно, и славится подъ именемъ „подвала". Это родъ темной кладовой со всякимъ скарбомъ и хламомъ, негоднымъ, или по крайней мѣрѣ не пригоднымъ для употреб-

ленія, въ томъ числѣ, и старыми книгами. При одной изъ стѣнъ во всю длину ея тянется широкая полка. На ней и лежали тѣ рукописи, которыя намъ принесены были для просмотра. Заглянувъ на нее съ зажженнымъ огаркомъ свѣчки, я не нашелъ тамъ болѣе ни одной книги, а только въ разныхъ мѣстахъ валялись одиночные листы и можетъ быть цѣлыя тетради, запыленныя до того, что ихъ нелегко было отличить отъ самой полки. Очевидно, что это остатки тѣхъ же богослужебныхъ книгъ. Расчитывать болѣе, значитъ, было не на что. Какихъ нибудь хрисовуловъ, дарственныхъ записей, судебныхъ актовъ, описей, приходорасходныхъ книгъ и проч., оставшихся отъ временъ древнихъ, обитель теперь не имѣетъ. Находившись много лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи, она естественно не могла уберечь ничего, и диво еще, что хотя что нибудь уцѣлѣло въ ней. Какъ опять не похвалить фатальное равнодушіе турковъ къ церковному дѣлу райядовъ. Тогда какъ въ нѣсколькихъ часахъ отсюда къ западу, лѣтъ за 5 передъ этимъ, греки сожгли два воза древнихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ патріотическомъ остервенѣніи, турки оставляютъ неприкосновеннымъ цѣлый складъ органовъ и проводниковъ ненавистнаго имъ ученія, и при случаѣ даже свято охраняютъ ихъ!

Все же, посѣщеніе „третьей“ комнаты не осталось совершенно безплоднымъ. Тамъ же я досмотрѣлся приставленныхъ къ стѣнѣ, такъ называемыхъ „диптиховъ“ церковныхъ, т. е. большихъ деревянныхъ складней, хранимыхъ обыкновенно на жертвенникѣ и исписанныхъ именами, предназначенными для всегдашняго поминовенія при божественной службѣ. Большій и древнѣйшій изъ нихъ я осмотрѣлъ подробно [1]). Въ немъ помѣщены главнымъ образомъ имена братій мона-

[1]) Озаглавленъ: Памѧнникъ прес͠тѣишимъ архїеп̑кѡмъ. Но Архіепископъ внесенъ только одинъ *Прохоръ*. «Пресвятѣйшій» было ли оффиціальнымъ титуломъ Архіепископа, или придумано самимъ писцомъ? Оффиціально это есть преимущество одного Вселен-

стыря. Во главѣ стоитъ имя іеромонаха *Саввы*, конечно ктитора обители. За нимъ стоитъ имя архіерея *Макарія* (вѣроятно вышедшаго изъ братства, или — на оборотъ — оставившаго каѳедру и поступившаго въ братство). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и простыхъ монаховъ. Всѣхъ именъ 34. Въ другихъ побочныхъ столбцахъ изъ множества именъ выступаютъ *Діонисій* архіерей αχοα (1671) года и *Германъ* архіерей, — вѣроятно вкладчики монастыря. Замѣтивъ, что я интересуюсь разборомъ и списываніемъ именъ, мнѣ доставили цѣлую книгу ихъ. Это былъ монастырскій помянникъ, писанный или на бомбицинѣ или очень толстой бумагѣ, in 4°, принадлежащій началомъ своимъ XVI вѣку, весьма любопытный въ мѣстно-географическомъ отношеніи. Начинается онъ такъ. Помѣни Гн Архіепископа нашего първіе Іоустиніание Кир. *Прохора*. За тѣмъ слѣдуютъ имена Епископовъ: *Никифора, Герасима, Агапія* (вѣроятно епархіальныхъ), Всеосвященнаго Епископа Кир. *Григорія* (Авлонъ), *Сосипатра* (Кратово), *Паисія* (градъ Водѣнъ), *Герасима* (Воложъ) [1]), *Никодима, Герасима* (Велесъ). На другомъ листѣ читается: Памѣния Стѣйшимъ Митрополитомъ и боголюбивымъ Епископомъ. Всеосвященнаго Митрополита Кир. *Митрофана*. Епископовъ *Аѳанасія, Пахомія*. Новоначертаннаго (?) іеромонаха *Каллистрата*. Затѣмъ слѣдуютъ на 7 тетрадяхъ имена мірянъ, мужскія и женскія, какъ попало, съ обозначеніемъ ихъ мѣста жительства, — и славянскія и греческія. Видно, что помянникъ писанъ „такендіотами“ т. е. сборщиками, ходившими съ книжкою по окрестнымъ городамъ и селамъ. Въ концѣ помянника припи-

[illegible]

ского Патріарха, величаемаго πανάγιώτατος (да еще злоупотребительно Солунскаго Митрополита).

[1]) Собственное имя города мы читаемъ на угадъ. Написано: ꙁолоѕ.ъ. Такого мѣста не отыскивается на имѣющихся подъ рукою картахъ. Другихъ всѣхъ мѣстоположеніе извѣстно. Сомнительно, чтобъ Кратово былъ епископальный городъ. *Сосипатръ* можетъ быть только проживалъ тамъ временно или на покоѣ.

санъ *Параклисъ* (молебенъ) Св. Іоанну Предтечѣ, не имѣющій теперь конца. Конечно, таксидіотъ, по желанію христолюбивыхъ дателей, правилъ по нему въ домахъ молебенъ Св. Патрону обители.

Осмотрѣвъ монастырь внутри, мы пожелали обойти его и совнѣ. Грязь отъ вчерашнихъ дождей не послужила препятствіемъ къ тому. Объемъ монастыря оказался, конечно, незначительнымъ. Стѣны ни древни ни новы, ни высоки ни низки, болѣе невзрачны, чѣмъ величественны. Двое воротъ — восточныя и южныя — запираются надлежащимъ образомъ. Надъ первыми, остающимися главными, есть подъ аркою изображеніе Св. Іоанна Предтечи, а подъ нимъ сдѣлана и надпись, славянскими буквами, гласящая: *Изволеніемъ Отца и поспешениемъ Сина и свершениемъ Святаго Духа писасе сиа святои ѡбразъ ва лето ,зрмє* (1637). *И писахъ при ѡромонахъ игуменъ Сава.* И надъ другими воротами тоже есть изображеніе и при немъ надпись въ 4 строки, которой мы едва досмотрѣлись изъ подъ слоя пыли и грязи. Поднявшись къ ней по лѣстницѣ и вымывъ ее тряпкою, мы прочитали: — *Изволенiемъ Отца и поспешенiемъ Сина и Сфетаго Духа. И да се знае... Монахъ Киприанъ отъ село Скребля. Ва лето ,зрмѕ, месеца сентеврія.* Такъ какъ разница въ лѣтосчисленіи съ предыдущею надписью только на одинъ годъ, то и можно думать, что творецъ обѣихъ ихъ есть одинъ и тотъ же, т. е. монахъ *Кипріанъ* изъ *Скребли*. Но очевидно, что онъ не былъ ни строитель ни обновитель, а только росписчикъ, или — по любимому выраженію тѣхъ временъ — историкъ обители. Старая церковь внутри тоже была вся расписана иконами. И въ ней тоже были надписи и внутри и снаружи. Когда я выражалъ сожалѣніе, что онѣ пропали для насъ безслѣдно, Игуменъ утѣшилъ меня завѣреніемъ, что ихъ списалъ его „попъ таксидіотъ“, т. е. отправленный за сборомъ подаяній еще одинъ (вѣроятно самый главный или по крайней мѣрѣ самый существенный) дѣятель въ предпринятомъ возстановленіи обители. Игуменъ *Сава,* съ которымъ мы вотъ

уже двукратно встрѣтились, не былъ, какъ видно тоже, ктиторомъ монастыря, а только въ свое время обновилъ его. Теперешній возобновитель о. Николай тоже будетъ зваться ктиторомъ, и, если, замазавъ прежнія надписи надъ монастырскими воротами, напишетъ вмѣсто нихъ подобныя же съ своимъ именемъ, то будущимъ поколѣніямъ останется знать и вѣрить, что Слѣпченскій монастырь выстроилъ „боголюбивіи хтиторь попь Никола, ва лето 7373“, или другое сходное съ нимъ.

У монастыря есть и своего рода „пустынь“. Черезъ поле ближе къ горамъ, по направленію къ сѣверу, бѣлѣетъ середи зелени, хорошо различаемая, небольшая церковь. Въ надеждѣ хотя тамъ найти нѣчто подревнѣе 1637 года, я отправился и къ ней. Она выше положеніемъ монастыря, и оттого зовется „горною“. Прямое имя ея *Богословъ*, потому что посвящена имени Св. Іоанна Богослова. Надъ входомъ въ нее я съ удовольствіемъ уприметилъ тоже надпись, хотя начертаніе буквъ, одинаковое съ монастырскими надписями, и не обѣщало чего нибудь очень древняго. Было написано: *Помени Г҃и Иеромонаха Герасима. При Егумена Веніамина Иеромонаха, въ лето* ,зрке (1617). Пріобрѣли лишнихъ 20 лѣтъ древности противъ памятниковъ монастырскихъ. Внутри церковь оказалась маленькою, но зато расписанною снизу до верху по стереотипнымъ иконописнымъ образцамъ рукою натертою, но неискусною. На правой стѣнѣ есть и историческая замѣтка художника, содержащая слѣдующее: *Изволениемь о҃ца и поспешениемь Сина и съ ершениемь С҃тго Д҃уха писасе сей Б҃жественни храмь с҃тго Николае* (а не Богослова!). *И потрудь* матеа *ермонахъ при Игумен҃ꙋ* гакимъ. *Въ лѣто* ,зрле (1627) [1]. Нечего было болѣе разсматривать и списывать. Оставалось только полюбоваться мѣстомъ.

---

[1]) Отыскались такимъ образомъ имена четырехъ Игуменовъ монастыря: *Серафимъ*—1548 года. *Веніаминъ* — 1617 г. *Іоакимъ* — 1627 г. *Савва* — 1637 г.

Оно очень хорошо и отлично годилось бы для Скита. Уединеніе глубокое. Кругомъ богатая растительность. Видъ на окрестныя горы. Вода по близости. Чего нужно больше трудолюбцу, отверженному міромъ или отвергшему міръ, и взыскавшему Бога сообщника, сотрудника, собесѣдника себѣ? Но увы! Всеразрушающее время подточило старыя затверженныя понятія о мірѣ и не мірѣ, о жизни для Бога и о жизни (на языкѣ мірскомъ: о пробавленіи)... Богомъ. Не притягиваю я за волосы подобныя мысли. Онѣ сами собою лѣзли въ голову у *Агіазмы*, къ которой мы перешли отъ церкви. Что такое: Агіазма? Слово не славянское, цѣликомъ взятое у грековъ, и оставшееся у единоплеменниковъ нашихъ безъ перевода всего вѣроятнѣе потому, что не поддавалось простому практическому смыслу ихъ, не выражая собою ясного опредѣленнаго понятія. Ἁγίασμα — до слова то, что освящено, и прилагается преимущественно къ освященной или *святой* (по нашему) *водѣ*. А тутъ цѣлый родникъ воды, и вся она почитается святою уже не по освященію, а по природѣ. Такими „агіазмами" переполненъ Востокъ. Это совсѣмъ не то, что нашъ „водосвятный колодецъ", являющійся съ прямымъ и положительнымъ значеніемъ. На югѣ и у насъ въ Россіи можно встрѣтить впрочемъ „Святую Криницу" съ оттѣнкомъ греческаго смысла. Отчего она Святая? Помню спрашивалъ простовато — лукаво одинъ студентъ панъ отца Ѳеодора. — Да, оттого, что тутъ святимъ воду, отвѣчалъ тотъ коротко да ясно. — Но тутъ выстроена уже и каплица, уставленная иконами, въ родѣ какъ бы маленькой церкви? — Чтожъ? И прекрасно. Приди, покушай воды во здравіе, отдохни и кстати помолись! — Въ самомъ дѣлѣ, прекрасно. Только такъ же ли тотъ же батюшка объясняетъ значеніе *Святой Криницы* и Грыцьку и Оксанѣ и ихъ маленькой Гапкѣ или Марусѣ?.. На Востокѣ, напр. даже въ самомъ Константинополѣ, дѣло идетъ еще „прекраснѣе". Тамъ не остановятся на словѣ: помолись, а присовокупятъ еще: купи и поставь свѣчку

(отъ 1-го піастра до 1-го меджиде цѣною). Запиши кого хочешь на поминовеніе (отъ A до Z), выпей кофе (по таксѣ), а то и полакомься мастикой съ рахатъ-лукумомъ, погуляй, потанцуй, проведи цѣлый день... Цѣлая, такъ сказать, святая афера! Чтожъ? И прекрасно! Мнѣ utile, а тебѣ dulce. Расчитайся, и иди съ Богомъ! Но, да не подумаетъ читатель, что такая агіазма устрояется тамъ церковію въ видахъ церковныхъ. Ничего не бывало. Ее содержитъ такой же торгашъ, какъ и всѣ городскіе лавочники. Это своего рода бакалейный товаръ духовнаго требованія. Духовное лицо если и является тутъ иногда за чѣмъ нибудь, то развѣ только въ качествѣ „разсыльнаго" и рѣдко „компаньона". И никого на Востокѣ не блазнитъ такой порядокъ вещей въ текущемъ Великомъ Индиктіонѣ!.. Но на прощаніе съ Слѣпченской агіазмой скажу, что, въ виду нескрываемой интенціи современной жизни и науки omne naturale вовести въ sanctimoniale, я желаю не уменьшенія, а размноженія такого рода святыхъ криницъ малороссійскихъ, часовень великорусскихъ и агіазмъ греко-славянскихъ, съ ихъ иконами и евангельскими напоминаніями человѣку о Христѣ, о душѣ, о судѣ, обо всемъ, что старается вывѣять у него изъ головы духъ вѣка. Прикомпанивпійся святому дѣлу житейскій расчетъ легко отдѣлить и отдалить отъ него, а идея духовнаго чѣмъ глубже войдетъ въ него и укоренится въ немъ, тѣмъ лучше человѣку.

Прилѣпъ. 27 Мая. Вечеръ.

Когда мы возвратились въ монастырь, Търпко все уже приготовилъ къ отъѣзду. Тутъ мы узнали, что нашъ суруджи есть сынъ стараго проводника нашего. Ради сего мы наняли подъ него особаго магаре (осла), чтобы сберечь его ноги, которымъ еще много бѣготни предстоитъ въ жизни въ догонку за кускомъ хлѣба. О. Игуменъ не хотѣлъ отпустить насъ въ дорогу *тщи*, т. е. тощими, и пригласилъ

закусить. Передавая эту вѣсть компаньону съ достойнымъ ея благорасположеніемъ души, я неожиданно встрѣтилъ насупленное лицо и спросилъ заботливо, что съ нимъ, и здоровъ ли онъ? — **Оборвались!** отвѣчалъ онъ сквозь зубы, устремивши мрачно взоръ въ уголъ комнаты. Смыслъ этого пиеическаго изреченія мнѣ слишкомъ хорошо былъ понятенъ, и я едва удерживался, чтобы не разлиться хохотомъ. — Ну, такъ что жъ такое? Началъ я утѣшать преогорченнаго собрата. — Какъ, что? Стыдно! — Вотъ нашли время и мѣсто для стыда! Идемъ-те, покушаемъ. Все какъ рукой сниметъ... Когда мы сидѣли за столомъ, намъ еще принесли для просмотра отыскавшіяся гдѣ-то 5—6 рукописныхъ книгъ, въ числѣ ихъ два *служебника* и одинъ *требникъ* славянскаго письма, и двѣ греческія рукописи: *четвероевангеліе* на хлопчаткѣ, in 8°, вѣка XV, и *октоихъ* — бум. 8°, XVI вѣка. Пріятное зрѣлище этого старья было послѣднимъ впечатлѣніемъ нашимъ въ обители. Мы успѣли пересмотрѣть ея 40 рукописей. Довольно съ насъ. Я просилъ о. Николая ради памяти въ Бозѣ почившихъ трудолюбцевъ „попа Николы" „попа Дмитра", „грѣшнаго и худаго во священноиноцѣхъ Пахомія" и другихъ его предмѣстниковъ, беречь книги яко зѣницу ока, собрать и держать ихъ всѣ вмѣстѣ, устроивъ для нихъ особый шкафъ съ полочками подъ замкомъ, ибо это есть завѣтъ вѣковъ минувшихъ вѣкамъ грядущимъ, и проч. Особенно рекомендовалъ ему смотрѣть крѣпко за кожанымъ четвероевангеліемъ, объяснивъ ему разницу рукописнаго и печатнаго и относительную цѣнность бумажнаго, хлопчаточнаго и кожанаго. Старецъ обѣщалъ сдѣлать, что нужно, и просилъ помочь ему, насколько это въ нашей власти, возвратить монастырю его первоначальное значеніе. Богъ поможетъ, отвѣчали мы, и на этихъ словахъ разстались.

Весело спускаемся съ подгорья въ долину. Смотрите, не „оборвитесь", замѣчаю я спутнику на одномъ скользкомъ мѣстѣ. — Хорошо вамъ смѣяться, отвѣчаетъ онъ, а если бы вы сами. — Ну, а вообще-

то какъ? Прерываю я его. Все обстоитъ благополучно? — *Ничего!* отзывается онъ по прежнему сквозь зубы, но съ интонаціей голоса, знаменующей ясно, что его „ничего" далеко не есть тоже, что: ни что... Търпко былъ радъ, что юнакъ его тоже ѣдетъ, и въ благодарность старался болтать о чемъ-то. Погода стояла прекрасная, но видимо ненадежная. Зловѣщія облака темнаго цвѣта неслись съ запада безперерывною вереницей. Встрѣчается при дорогѣ небольшое селеніе, очевидно христіанское, т. е. болгарское, потому что въ числѣ живыхъ существъ, бродящихъ по позадворьямъ, мы видѣли и тѣхъ, которыхъ даже назвать по имени не согласится добрый магометанинъ. Собаки съ лаемъ кидаются на насъ, а полуголые мальчишки бѣгутъ съ дороги, куда попало, спасая животъ свой отъ вооруженнаго передоваго нашего. Опять поля мягкія, черноземныя и ярко зеленѣющія. Видъ разнообразится. Встрѣчаются перекрестные пути. На досугѣ перебрасываемся съ компаньономъ нѣсколькими замѣчаніями изъ области исторіи, филологіи и даже ботаники, коротая время или и просто упражняя даръ слова. Търпка повидимому нисколько не занимаетъ беседа наша. Самоувѣренный видъ его, съ которымъ отъ вчера ѣхалъ въ Слѣпче, сегодня какъ будто оставилъ его. По временамъ онъ безпокойно посматривалъ по сторонамъ. — Боишься Търпче? — Спрашиваемъ мы. — Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ протяжно, видимо не такъ, какъ отвѣтилъ бы палликаръ, заподозрѣнный въ трусости. Тайна вскорѣ объяснилась. У перваго встрѣчнаго онъ началъ отбирать показанія о „болѣе прямой дорогѣ на Прилѣпъ". Разумѣть же слѣдовало вообще дорогу туда. Не смотря на его утвержденія, что онъ знаетъ Македонію, какъ свою ладонь, едва ли не въ первый разъ онъ ѣхалъ путемъ этимъ. А впрочемъ и то можетъ быть, что отъ великаго половодья горныя долины эти дѣлаются въ иныхъ мѣстахъ не проѣздными, и что самому лучшему знатоку мѣстности необходимо наводить справки отъ туземцевъ. Къ полудню начало парить, что сочтено было нерадо-

стнымъ явленіемъ. Давно уже сзади насъ слышались глухіе раскаты грома. А тутъ вдругъ громъ раздался съ боку, да еще и съ удвоенною силою. Поднявъ голову, мы увидѣли, что и справа и слѣва надвигались на насъ грозныя тучи. Особенно пугала насъ южная, собиравшаяся очевидно все у той же зловѣщей „голубицы", нашей знакомки Битольской, обыкновенно вмѣсто вѣтки масличной приносящей краю проливной дождь. Еще село въ сторонѣ, въ такой прекрасной мѣстности, что спутнику пришли на память поля Елисейскія. — Уже не березы ли это бѣлоствольныя высятся тамъ около какой-то загороди? спросилъ я, указывая на лѣво къ отысканному у Ипербореевъ Елизію. Новой Колумбъ, въ отвѣтъ на это сказалъ, что онъ слышалъ въ Битолѣ отъ X, что на вершинѣ Перистери есть цѣлая роща березовая. Мнѣ показалось сомнительнымъ подобное обстоятельство. Наведши зрительную трубу на деревья, я не нашелъ стволы ихъ на столько бѣлыми и какъ бы пухлыми, каковымъ представляется наше, столько памятное, берёсто, да и цвѣтъ листьевъ и очертаніе ихъ не говорили прямо о любезной березкѣ. Особенно же „Іудинъ" трепетъ листьевъ выдавалъ въ нихъ скорѣе осину или малороссійскую осокорь, а не березу. А все таки „Русью запахло" отъ убогой деревушки. И долго еще я оборачивался съ лошади, чтобы полюбоваться на тѣхъ „воронъ" растительнаго міра, по классификаціи дѣтскаго мозга. Небогатая панорама роднаго села обиловала въ давнее оное время залишкомъ березами и осинами. Оживляло же ее зрѣлище, подъ стать ей убогое, сорокъ и воронъ. Почему то первыхъ фантазія пріурочивала къ березамъ, а вторыхъ къ осинамъ. Вѣроятно, степень бѣлизны перьевъ тѣхъ и другихъ давала поводъ къ тому. Разумѣется по этой „философіи безсознательнаго", березы и сороки занимали первое, а вороны и осины второе мѣсто въ спискѣ предметовъ, интересующихъ сердце. Не хороша, по крайней мѣрѣ не *такъ* хороша, была вторая категорія уже и тѣмъ, что кромѣ отталкивающаго преданія о христопродавцѣ,

осины не давали березовки и не годились на вѣники, а ворóны своимъ карканьемъ разрушали самыя завѣтныя мечты о „загородкѣ“ съ ея грибами и ягодами... Теперь оставалось выкинуть изъ памяти „давнопрошедшее время“ и затверживать одно „будущее“. Грамматика не менѣе скучная, чѣмъ и та 20-хъ годовъ, которая умѣла и самыя березки дѣлать страшилищемъ для дѣтскаго воображенія, напоминая ими пресловутую „березовую кашу“.

Поднимаемся на небольшую высоту, направляющуюся съ сѣвера на югъ и служившую доселѣ предѣломъ кругозора нашего къ востоку. Дорога повертываетъ къ югу. Съ одного пункта неожиданно открывается намъ зрѣлище, вполнѣ вознаградившее насъ за терпѣливое трехчасовое высматриваніе привычныхъ глазу горныхъ высотъ. Прямо на востокъ стояла передъ нами темно-фіолетовая масса скалъ самыхъ причудливыхъ очертаній. Первое впечатлѣніе рисовало ее гигантскимъ комкомъ подсыхающей грязи, вывороченнымъ прошедшею по мѣстамъ этимъ въ періодъ мірозданія колесницею Диміурга [1]. Торчали въ небо какія-то сосульки, пупышки, головки, не поддающіяся никакому описанію. Перевидалъ я множество горъ съ разновиднѣйшими вершинами, но такихъ вычурныхъ верхушекъ, которыя — можно сказать — дразнили теперь глаза, еще не случалось видѣть. — Вотъ это и есть *Прилѣпъ*, сказалъ намъ, обернувшись, Търпко; подъ этою горою стоитъ городъ. — Дождавшись такого развлекающаго зрѣлища, мы сдѣлали привалъ у первой воды, и расположились подъ деревомъ на густой травѣ. Нужно было попоить лошадей, да кстати съ ними и сѣдоковъ. Мы находились уже на великой равнинѣ Пелагонской, хотя кругозоръ нашъ все еще стѣснялся выступающими въ нее въ-

---

[1]) Да найдетъ себѣ извиненіе этотъ быстрый переходъ отъ «березовой каши» къ «Диміургу». Никогда воображеніе не стремилось съ такою страстію въ область поэзіи и миѳологіи, какъ въ счастливое, но вмѣстѣ и тяжелое, время березовой ферулы.

видѣ мысовъ, подгорьями западной рамы ея. Хотѣлъ я срисовать на память себѣ видъ Прилѣпской горы, но на бѣду никакъ не могъ отыскать карандаша. Уставши лежать и читать злой памяти „нѣмецкія книжки“, я пошелъ разбирать великій и стародавнѣйшій манускриптъ Божій, разстилавшійся впереди насъ цвѣтущій лугъ, гдѣ что ни травка, что ни цвѣтъ, то мысль зиждителя, что ни червь ни мотылекъ, то его дума живоначальная, переходящая въ слово, живое и дѣйственное, — въ человѣкѣ... Строгой логики не ищите въ гуляющей мысли. Довольно, что она въ каждой формѣ физической жизни ищетъ видѣть букву книги Божіей. Сбирая цвѣты, я довольно далеко ушелъ отъ мѣста отдыха, и, видя передъ собою ровную нескончаемую дорогу, пустился по ней впередъ. Сладость полнѣйшаго одиночества переполняла душу. Напрашивалась память несчетныхъ пѣшехожденій моихъ въ минувшемъ, тоже одинокихъ и тоже иногда довольно рискованныхъ, отъ самыхъ краткихъ въ нѣсколько десятковъ шаговъ до самыхъ длинныхъ въ 800 съ лишкомъ верстъ. Послѣднимъ я могъ бы, но къ сожалѣнію не заслужилъ права, похвалиться. Непрактичность такъ называемаго „зеленаго“ ума испортила эффектъ. Начитавшись разсказовъ о пѣшихъ странствованіяхъ нѣмецкихъ „гелертеровъ“ съ батожкомъ въ рукахъ и котомкой за плечами, я обратилъ это обстоятельство въ вопросъ чести для себя. Какъ? Нѣмецъ можетъ это дѣлать, а русскій — нѣтъ? Да не будетъ! Сказавъ это, я взвалилъ суму на плечи, и отправился изъ одного большаго города русскаго въ другой самый большій у насъ, — какъ говорится, одинъ-одинёхонекъ. Напѣвавшаяся безъ конца пѣсня о рыцарскомъ подвигѣ держала высоко мою голову до первой станціи. Но тутъ и ждало меня искушеніе. Проѣзжавшій куда-то изъ тогоже города на почтовыхъ, профессоръ Д*, поровнявшись со мною, спросилъ: а вы куда, юный старецъ? — Въ Х*. — Въ Х* — прямо? Далеконько же! — А вотъ нѣмецкіе гелертеры и дальше моего ходятъ... Садитесь-ка со мной, да разскажите,

какъ они ходятъ. Предложеніе это было сдѣлано такимъ тономъ, что отказаться значило обидѣть человѣка. Рѣшимость моя состязаться съ нѣмцами потерпѣла, какъ говорится, фіаско. Цѣлыя 53 версты пролетѣлъ я на почтовыхъ. Компаньонъ мой не переставалъ трепать меня по плечу и приговаривать: такъ, такъ! Отставать отъ *насъ?* Ни за что на свѣтѣ! И веселый смѣхъ оглашалъ окрестность до самаго пункта, гдѣ отличному человѣку (да будетъ память его съ похвалами!) дорога выпадала на лѣво, а мнѣ на право. На прощанье онъ еще осмотрѣлъ меня всего съ головы до ногъ, и весьма значительно остановилъ взоръ свой на послѣднихъ, но не сказалъ ни слова, зная, что самый лучшій профессоръ на свѣтѣ есть собственный каждаго опытъ. На другой день къ вечеру я былъ, что говорится, уже безъ ногъ. Казенные сапожки, годные для комнатъ и для класса, до того стерли мнѣ ноги, что я не только идти, но и пошевелить ими не могъ... Отодвинулась уже и эта „исторія" въ роковое прошедшее чуть не на ¼ столѣтія! Шелъ я, почти тоскуя по невозвратномъ минувшемъ, пока Търпко не нагналъ меня съ лошадью. — Ну, спроси же, думаю я себѣ, какъ спросилъ тотъ, а вы куда — старый юноша? — Ни онъ не спрашиваетъ, ни у меня бы уже не нашлось самодовольнаго отвѣта. Ѣдемъ далѣе. Равнина все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами. Показывается на далекомъ югѣ хребетъ *Сухой горы* или *Боры,* оканчивающійся на западѣ громадой Перестери, закутанной въ облака. Сталъ накрапывать дождь, но опасность промокнуть до костей уже миновала. Обѣ тучи, гнавшіяся, казалось, по пятамъ нашимъ, прошли на востокъ, не захвативши насъ. Равнина все ширится, почва становится мягче и сырѣе. Въ сторонѣ большое село: *Бѣла-църква,* не дающее примѣтить въ себѣ никакой церкви, по крайней мѣрѣ, такой, къ какой привыкъ глазъ въ Россіи. Бѣлыхъ же церквей и въ Константинополѣ не увидишь. Цвѣтъ этотъ сталъ преимуществомъ мечетей на равнѣ съ чалмами. Меня увѣряли въ Палестинѣ (1857 г.),

что если Христіанинъ пожелалъ бы повязать себѣ по фесу голову, то можетъ употребить для сего только чорную матерію. Въ противномъ случаѣ рискуетъ потерять и capitium и caput. Чѣмъ нибудь ярко-показнымъ, не въ мѣру желаннымъ и любимымъ, согрѣшили предки наши по вѣрѣ предъ Богомъ, что онъ наслалъ на нихъ голодранную орду, такъ грубо унижающую ихъ. Въ отвѣтъ на это недоумѣніе мое, откуда взялся, полилъ дождь, да такой частый и сильный, что не позволилъ мнѣ даже посмотрѣть, изъ какихъ хлябей небесныхъ онъ выходитъ. За минуту передъ тѣмъ видѣлась надъ головою одна радующая лазурь... *Высшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не истязуй!* Такъ видно, надобно. Великолѣпная радуга, ставшая впереди насъ надъ Прилѣпомъ, возвратила намъ вѣру въ добрую погоду. Дѣйствительно, дождь сейчасъ же пересталъ, и засіяло теплое вечернее солнце. Хватитъ его еще на столько, чтобы высушить наши зонтики. Наѣзжаемъ на какія-то страшныя черныя полосы по землѣ. Что-то противное и страшное врывается въ душу. Полосы кажутся живыми. Кишитъ и копошится на нихъ милліонами какое-то омерзительное населеніе. Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли простыя массы черной мелкой саранчи, усѣвшейся по сторонамъ дороги. — Пожретъ проклятая всѣ наши посѣвы! Проворчалъ озлобленно старикъ. Какой ее дьяволъ несетъ на насъ? — Нескоро придумаешь, чѣмъ отвѣтить на такой ропотъ. Что земля создана не для одного человѣка, это конечно правда. Но чтобы трудъ одного вида земнородныхъ обращался, ни зачто ни прочто, въ наслажденіе другаго вида, это неправедно. По философіи абсолютнаго права, это такъ. Но куда дѣвать этой философіи наши: медъ, свѣчи, сукно, шелкъ и всю животную пищу?.. — Търпко! Како мыслиши? Для кого курица несетъ свое яицо? Ужели для того, что бы ты взялъ да съѣлъ его? — Старикъ не скоро понялъ суть вопроса, но когда понялъ, сразу отвѣтилъ: а то что же? Сама что-ли будетъ ѣсть его? — Передъ такою непобѣдимою логикою конецъ всякому

прекословію. Подъѣзжаемъ къ рѣчкѣ, зовомой *Черною*. Широкій и высокій деревянный мостъ перекинутъ черезъ нее, но полотно его такъ ажурно, что мы не рѣшились переѣзжать его верхомъ, а перешли пѣшіе, ведя лошадей за поводъ. Странно узорчатая гора стояло уже передъ глазами, а все еще было далеко до нея. Должно быть она гораздо выше того, чѣмъ кажется. — Пора бы уже намъ увидать вашъ пре-лѣпый Прилѣпъ, говорю я Търпку. — А вы развѣ хотите въ Прилѣпъ? Неожиданно спросилъ онъ, и остановилъ лошадь. — А то куда же? Мы цѣлый день ѣдёмъ къ нему. — Если въ Прилѣпъ, то надобно было вотъ еще оттуда взять направо, и ѣхать туда, гдѣ деревья. — Но куда же мы ѣдемъ? — Въ Прилѣпскій монастырь, гдѣ всѣ путешественники останавливаются. Въ городѣ что́ вамъ дѣлать? Тамъ и ночевать вамъ негдѣ. Туда ѣздятъ только въ торжиште, но это не теперь, а въ другое время. — Ну, въ монастырь, такъ въ монастырь, только бы поскорѣе добраться до мѣста, отвѣчалъ я. Чувствовалось большое утомленіе. Монастырь не заставилъ долго ждать себя. Какъ гнѣздо птички бѣлѣлъ въ черныхъ скалахъ голой горы *Марковой*, какъ намъ ее назвали. Мы прямо направились къ нему, но, не доѣзжая горы, встрѣтили на пути большое село *Варошъ*, и узнали, что Прилѣпъ старыхъ временъ, о которомъ говорится въ старыхъ книгахъ, былъ именно на мѣстѣ этого селенія, въ которомъ еще и теперь можно видѣть „множество“ старыхъ запустѣлыхъ церквей. Отлично. Жатва, значитъ, многа. Дѣйствительно, еще издали, проѣзжая восточной окраиной села, я замѣтилъ большую и прекрасную церковь съ высокимъ куполомъ, напомнившую мнѣ „византійскіе“ храмы Константинополя и Аѳинъ. Круто поднимаемся на гранитную гору. По сторонамъ стези нашей торчатъ причудливой формы каменныя глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ обрублены отвѣсно, и по отвѣсу расписаны иконами, отчасти уцѣлѣвшими. При одномъ изъ такихъ изображеній была многострочная надпись, почти совсѣмъ уже изглаженная временемъ,

не историческаго, какъ видно, содержанія. Послѣ многихъ туда-сюдовъ (зигзаговъ) дорога насъ вывела прямо къ воротамъ монастыря, какъ бы вдѣланнаго въ скалу, напоминившаго мнѣ нѣсколько Пелопониссій *Мега-спилеонъ* своимъ тѣснымъ и укрѣпленнымъ входомъ. Икона Архангеловъ надъ воротами даетъ знать, что обитель посвящена ихъ имени. Не нужно было стучаться въ ворота, стоявшія на стежъ. Сейчасъ же видно стало, что и этотъ памятникъ былыхъ временъ ничего монастырскаго, кромѣ имени, не имѣетъ. Въ старыя, и даже очень старыя, времена тутъ несомнѣнно была иноческая обитель, укрывавшаяся подъ защитой крѣпкаго и неприступнаго замка еще древнѣйшихъ временъ. Можетъ быть начало ея даже предварило собою наплывъ въ эти мѣста славянской стихіи, если давать вѣру мнѣнію, что она существуетъ уже тысячу лѣтъ. Въ Сербскую эпоху конечно процвѣтала вмѣстѣ съ именитымъ городомъ, но потомъ вмѣстѣ же съ нимъ и запустѣла подъ давленіемъ ислама. Мы нашли въ монастырѣ населеніе, котораго даже послѣ Слѣпченскаго, не ожидали встрѣтить. Все вездѣ полно было пріѣзжаго народа съ цѣлою оравой дѣтей и всякаго рода и вида прислуги, съ кухней и даже съ музыкой. Дни были праздничные, заговѣльные и Христіане окрестныхъ мѣстъ по обычаю хотѣли почтить ихъ благочестивымъ странствованіемъ по св. мѣстамъ, и, какъ водится, всѣмъ домомъ. Да, какъ мнѣ показалось, тутъ были и не одни христіане. Доброе сосѣдство и обоюдная помощь въ нуждѣ все болѣе и болѣе становятся въ Турціи звеномъ, соединяющимъ раздѣленныя вѣрою семьи и цѣлыя общины. При отсутствіи чего нибудь большаго и лучшаго, можно съ радостію привѣтствовать и этотъ симптомъ перерожденія Востока.

Насъ принялъ священникъ среднихъ лѣтъ, игуменствующій въ монастырѣ, по примѣру Слѣпченскаго о. Николая. Немедленно для насъ очищена была комната съ хорошимъ видомъ изъ окна и болѣе ни чѣмъ, что бы строго подходило подъ понятіе хорошаго. Для

утружденныхъ костей нашихъ однакоже все намъ казалось не только хорошимъ, но даже отличнымъ. Если же что, по всей справедливости, слѣдовало назвать не хорошимъ, такъ это нескончаемые визиты гостей монастырскихъ, не дозволявшіе намъ расположиться на украшающей полъ рогожѣ, какъ бы того хотѣлось. Не замедлившій явиться въ „одаю" нашу походный самоваръ нашъ оказалъ неоцѣненную услугу, отогнавъ лишнихъ любопытныхъ. Укрѣпившись не замѣнимымъ суррогатомъ дорожной панацеи, и успѣвъ уже собрать кое-какія свѣдѣнія о томъ, что тутъ есть на мѣстѣ замѣчательнаго, мы, не теряя времени, подъ руководствомъ одного мѣстнаго провожатаго, предприняли восходъ на Маркову гору. — Дѣло по началу представлялось какъ бы прямо не возможнымъ. Громадная твердыня стояла какъ бы отвѣсно надъ монастыремъ, и голова кружилась при взглядѣ на выспреннюю крѣпость, гдѣ предстояло быть намъ. Насъ вывели въ верхнюю калитку за монастырь на сѣверный скатъ горы, до того крутой, что, оступившись разъ, можно было далеко неудержимо катиться кубаремъ къ низу, пока какой нибудь роковой ударъ о встрѣчный камень не положитъ предѣла и движенію и дыханію. Подъ такими страшливыми мыслями мы начали свой подъемъ. Сперва дорога, виляя туда сюда, давала намъ возможность выбирать, куда ступить по крѣпче и понадежнѣе. Монастырскіе батожки держали тѣла на равновѣсѣ. Приходилось шагать подъ угломъ 45° и больше сего. Потомъ дорожка разбѣжалась во всѣ стороны. Вмѣсто нея торчали однѣ каменныя глыбы. Приходилось карабкаться, хватаясь за скользкій гранитъ всѣмъ, чѣмъ попало. Батожокъ не помогалъ болѣе, и положительно мѣшалъ рукамъ. Черезъ каждыя 5 минутъ нужно было давать себѣ передышку, я старался не смотрѣть ни впередъ ни назадъ отъ страха, чтобъ не закружилась голова. Наконецъ мы уперлись въ стѣну, перегораживавшую дорогу, но развалившуюся на столько, что ни въ какихъ воротахъ не оказывалась нужда. Ихъ и слѣда, впрочемъ, не ви-

дно было съ этой стороны, такъ что могъ бы надосугѣ возникнуть вопросъ, откуда же люди входили въ крѣпость въ былыя времена, если вѣрить проводнику, что другаго доступа къ Маркову замку нѣтъ, какъ только отъ монастыря. Стѣна кладена изъ кирпича и природнаго камня, и идетъ въ нѣсколько рядовъ по косогору, представляя своеобразное, величественное и вмѣстѣ страшащее зрѣлище. Поднимаемся еще выше, и оканчиваемъ восходъ свой у одной башни съ узкими окошечками. Куда ни посмотришь, всюду видишь одно и тоже. Все растрескалось, пошатнулось, облупилось, исказилось. Намъ показываютъ разныя ямины въ стѣнахъ башни, въ коихъ часто находятъ цѣлыя горсти ячменя и другихъ хлѣбныхъ зеренъ. Это — остатки того корма, который приноситъ и даетъ каждую ночь своему любимому коню обитающій въ замкѣ Марко Кралевичъ. Въ тѣхъ дырахъ стѣнныхъ, которыя можно было ощупать рукой и осмотрѣть глазомъ, на тотъ разъ впрочемъ не оказалось ни одного зернышка. Не диво, что они и бываютъ иногда тутъ. Помимо Марка, ихъ могутъ заносить сюда и птички, у коихъ водятся конечно по угламъ башни и гнѣзда, свидѣтельствуемыя кучами помета. Что ни Марку ни коню его не страшно тутъ жить однимъ, это понятно. Но какъ бѣлорукій Кралевичъ выноситъ всю отвращающую непригладимость своихъ одичалыхъ палатъ, вотъ этого не смекнула неприхотливая славянская фантазія, создающая своихъ богатырей по образу своему и по подобію. Можно было еще выше карабкаться къ остаткамъ самой высиренной круглой башни. Но для этого слѣдовало бы не показывающемуся хозяину присылать намъ въ подмогу своего „Шарца". Все равно, стоитъ же такъ себѣ даромъ гдѣ-то тамъ, и ѣстъ краденный ячмень! Поговорилъ бы подольше о славномъ витязѣ древности на тезоименитомъ ему мѣстѣ, но другой крылатый конь, только не Шарцъ, а развѣ schwarz, т. е. мракъ ночи заставлялъ насъ спѣшить возвращеніемъ во свояси. Спускаться было хотя также опасно, какъ и подниматься, но за то ды-

прекословію. Подъѣзжаемъ къ рѣчкѣ, зовомой *Черною*. Широкій и высокій деревянный мостъ перекинутъ черезъ нее, но полотно его такъ ажурно, что мы не рѣшились переѣзжать его верхомъ, а перешли пѣшіе, ведя лошадей за поводъ. Странно узорчатая гора стояла уже передъ глазами, а все еще было далеко до нея. Должно быть она гораздо выше того, чѣмъ кажется. — Пора бы уже намъ увидать вашъ пре-лѣпый Прилѣпъ, говорю я Търцку. — А вы развѣ хотите въ Прилѣпъ? Неожиданно спросилъ онъ, и остановилъ лошадь. — А то куда же? Мы цѣлый день ѣдемъ къ нему. — Если въ Прилѣпъ, то надобно было вотъ еще оттуда взять направо, и ѣхать туда, гдѣ деревья. — Но куда же мы ѣдемъ? — Въ Прилѣпскій монастырь, гдѣ всѣ путешественники останавливаются. Въ городѣ что̀ вамъ дѣлать? Тамъ и ночевать вамъ негдѣ. Туда ѣздятъ только въ торжиште, но это не теперь, а въ другое время. — Ну, въ монастырь, такъ въ монастырь, только бы поскорѣе добраться до мѣста, отвѣчалъ я. Чувствовалось большое утомленіе. Монастырь не заставилъ долго ждать себя. Какъ гнѣздо птички бѣлѣлъ въ черныхъ скалахъ голой горы *Марковой*, какъ намъ ее назвали. Мы прямо направились къ нему, но, не доѣзжая горы, встрѣтили на пути большое село *Варошъ*, и узнали, что Прилѣпъ старыхъ временъ, о которомъ говорится въ старыхъ книгахъ, былъ именно на мѣстѣ этого селенія, въ которомъ еще и теперь можно видѣть „множество" старыхъ запустѣлыхъ церквей. Отлично. Жатва, значитъ, много. Дѣйствительно, еще издали, проѣзжая восточной окраиной села, я замѣтилъ большую и прекрасную церковь съ высокимъ куполомъ, напомнившую мнѣ „византійскіе" храмы Константинополя и Аѳинъ. Круто поднимаемся на гранитную гору. По сторонамъ стези нашей торчатъ причудливой формы каменныя глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ обрублены отвѣсно, и по отвѣсу росписаны иконами, отчасти уцѣлѣвшими. При одномъ изъ такихъ изображеній была многострочная надпись, почти совсѣмъ уже изглаженная временемъ,

не историческаго, какъ видно, содержанія. Послѣ многихъ туда-сюдовъ (зигзаговъ) дорога насъ вывела прямо къ воротамъ монастыря, какъ бы вдѣланнаго въ скалу, напоминавшаго мнѣ нѣсколько Пелопонесскій *Мега-спилеонъ* своимъ тѣснымъ и укрѣпленнымъ входомъ. Икона Архангеловъ надъ воротами даетъ знать, что обитель посвящена ихъ имени. Не нужно было стучаться въ ворота, стоявшія настежь. Сейчасъ же видно стало, что и этотъ памятникъ былыхъ временъ ничего монастырскаго, кромѣ имени, не имѣетъ. Въ старыя, и даже очень старыя, времена тутъ несомнѣнно была иноческая обитель, укрывавшаяся подъ защитой крѣпкаго и неприступнаго замка еще древнѣйшихъ временъ. Можетъ быть начало ея даже предварило собою наплывъ въ эти мѣста славянской стихіи, если давать вѣру преданію, что она существуетъ уже тысячу лѣтъ. Въ Сербскую эпоху конечно процвѣтала вмѣстѣ съ именитымъ городомъ, но потомъ вмѣстѣ же съ нимъ и запустѣла подъ давленіемъ ислама. Мы нашли въ монастырѣ населеніе, котораго даже послѣ Слѣпченскаго, не ожидали встрѣтить. Все вездѣ полно было пріѣзжаго народа съ цѣлою оравой дѣтей и всякаго рода и вида прислуги, съ кухней и даже съ музыкой. Дни были праздничные, заговѣльные и Христіане окрестныхъ мѣстъ по обычаю хотѣли почтить ихъ благочестивымъ странствованіемъ по св. мѣстамъ, и, какъ водится, всѣмъ домомъ. Да, какъ мнѣ показалось, тутъ были и не одни христіане. Доброе сосѣдство и обоюдная помощь въ нуждѣ все болѣе и болѣе становятся въ Турціи звеномъ, соединяющимъ раздѣленныя вѣрою семьи и цѣлыя общины. При отсутствіи чего нибудь большаго и лучшаго, можно съ радостію привѣтствовать и этотъ симптомъ перерожденія Востока.

Насъ принялъ священникъ среднихъ лѣтъ, игуменствующій въ монастырѣ, по примѣру Слѣпченскаго о. Николая. Немедленно для насъ очищена была комната съ хорошимъ видомъ изъ окна и болѣе ничѣмъ, что бы строго подходило подъ понятіе хорошаго. Для

40

утружденныхъ костей нашихъ однакоже все намъ казалось не только хорошимъ, но даже отличнымъ. Если же что, по всей справедливости, слѣдовало назвать не хорошимъ, такъ это нескончаемые визиты гостей монастырскихъ, не дозволявшіе намъ расположиться на укрaшающей полъ рогожѣ, какъ бы того хотѣлось. Не замедлившій явиться въ „одáю“ нашу походный самоваръ нашъ оказалъ неоцѣненную услугу, отогнавъ лишнихъ любопытныхъ. Укрѣпившись не замѣнимымъ суррогатомъ дорожной панацеи, и успѣвъ уже собрать кое-какія свѣдѣнія о томъ, что тутъ есть на мѣстѣ замѣчательнаго, мы, не теряя времени, подъ руководствомъ одного мѣстнаго провожатаго, предприняли восходъ на Маркову гору. — Дѣло по началу представлялось какъ бы прямо не возможнымъ. Громадная твердыня стояла какъ бы отвѣсно надъ монастыремъ, и голова кружилась при взглядѣ на выспреннюю крѣпость, гдѣ предстояло быть намъ. Насъ вывели въ верхнюю калитку за монастырь на сѣверный скатъ горы, до того крутой, что, оступившись разъ, можно было далеко неудержимо катиться кубаремъ къ низу, пока какой нибудь роковой ударъ о встрѣчный камень не положитъ предѣла и движенію и дыханію. Подъ такими страшливыми мыслями мы начали свой подъемъ. Сперва дорога, виляя туда сюда, давала намъ возможность выбирать, куда ступить по крѣпче и понадежнѣе. Монастырскіе батожки держали тѣла на равновѣсѣ. Приходилось шагать подъ угломъ 45° и больше сего. Потомъ дорожка разбѣжалась во всѣ стороны. Вмѣсто нея торчали однѣ каменныя глыбы. Приходилось карабкаться, хватаясь за скользкій гранитъ всѣмъ, чѣмъ попало. Батожокъ не помогалъ болѣе, и положительно мѣшалъ рукамъ. Черезъ каждыя 5 минутъ нужно было давать себѣ передышку, я старался не смотрѣть ни впередъ ни назадъ отъ страха, чтобъ не закружилась голова. Наконецъ мы уперлись въ стѣну, перегораживавшую дорогу, но развалившуюся на столько, что ни въ какихъ воротахъ не оказывалась нужда. Ихъ и слѣда, впрочемъ, не ви-

дно было съ этой стороны, такъ что могъ бы надосугѣ возникнуть вопросъ, откуда же люди входили въ крѣпость въ былыя времена, если вѣрить проводнику, что другаго доступа къ Маркову замку нѣтъ, какъ только отъ монастыря. Стѣна кладена изъ кирпича и природнаго камня, и идетъ въ нѣсколько рядовъ по косогору, представляя своеобразное, величественное и вмѣстѣ страшащее зрѣлище. Поднимаемся еще выше, и оканчиваемъ восходъ свой у одной башни съ узкими окошечками. Куда ни посмотришь, всюду видишь одно и тоже. Все растрескалось, пошатнулось, облупилось, исказилось. Намъ показываютъ разныя ямины въ стѣнахъ башни, въ коихъ часто находятъ цѣлыя горсти ячменя и другихъ хлѣбныхъ зеренъ. Это — остатки того корма, который приноситъ и даетъ каждую ночь своему любимому коню обитающій въ замкѣ Марко Кралевичъ. Въ тѣхъ дирахъ стѣнныхъ, которыя можно было ощупать рукой и осмотрѣть глазомъ, на тотъ разъ впрочемъ не оказалось ни одного зернышка. Не диво, что они и бываютъ иногда тутъ. Помимо Марка, ихъ могутъ заносить сюда и птички, у коихъ водятся конечно по угламъ башни и гнѣзда, свидѣтельствуемыя кучами помета. Что ни Марку ни коню его не страшно тутъ жить однимъ, это понятно. Но какъ бѣлорукій Кралевичъ выноситъ всю отвращающую непригладность своихъ одичалыхъ палатъ, вотъ этого не смекнула неприхотливая славянская фантазія, создающая своихъ богатырей по образу своему и по подобію. Можно было еще выше карабкаться къ остаткамъ самой высиренней круглой башни. Но для этого слѣдовало бы не показывающемуся хозяину прислать намъ въ подмогу своего „Шарца". Все равно, стоитъ же такъ себѣ даромъ гдѣ-то такъ, и ѣстъ краденный ячмень! Поговорилъ бы подольше о славномъ витязѣ древности на тезоименитомъ ему мѣстѣ, но другой крылатый конь, только не Шарцъ, а развѣ schwarz, т. е. мракъ ночи заставлялъ насъ спѣшить возвращеніемъ во свояси. Спускаться было хотя также опасно, какъ и подниматься, но за то ди-

шалось легко. Мы взяли другое направленіе къ „висячему камню", которому сказано было: *стой,* въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, летя сверху, готовъ былъ ринуться со стремнины и убить тамъ неосторожнаго пастуха, и онъ повисъ, и виситъ до сего дня! А пастухъ продолжаетъ внизу на полянѣ пасти свое стадо. Мы его видѣли, но конечно въ двадцатомъ или тридцатомъ уже поколѣніи. Что же касается самаго камня, то справедливо, что стоитъ только коснуться его рукою, онъ и полетитъ въ бездну, но руку-то нужно зиждительную. Часамъ къ 7-ми ночи мы уже опять покоились въ своей одаѣ, перебрасываясь замѣчаніями о совершенномъ нами подвигѣ.

Кто былъ *Марко* съ свѣтлымъ именемъ и темной исторіей? Когда, гдѣ и какъ онъ жилъ, и чѣмъ успѣлъ стяжать себѣ посмертную славу? Это былъ одинъ (старшій) изъ четырехъ сыновей узурпатора краля *Волкашина* или *Вукашина*, истребившаго послѣдній отпрыскъ владѣтельнаго дома *Неманей*. Самъ краль этотъ властвовалъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, не болѣе. Въ его державствованіе не было особеннаго случая прославиться его дѣтямъ, въ томъ числѣ и Марку. Послѣ его кончины съ 1371 до 1395 г. Марко былъ вассальнымъ владѣтелемъ *Касторіи*. Тамъ онъ прославился только своимъ семейнымъ скандаломъ. Жена его — гречанка — бросила его, и вышла за мужъ за другого богатыря *Балшу*, который отнялъ у него, кромѣ жены, и самую землю, вмѣстѣ и съ резиденціей. Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ не видно и тѣни геройства Марка. Въ обѣихъ *Коссовскихъ* битвахъ (1370 и 1389 г.) онъ могъ быть и просіять военною славою, но сіялъ однимъ отсутствіемъ. Исторія не знаетъ его во все правленіе князя *Лазаря* и сына его *Стефана* IX, а вдругъ, совсѣмъ неожиданно, застаетъ его убитымъ въ сраженіи Султана *Баязида* съ Валашскимъ Воеводой *Мирчей* (1395 г.), и притомъ въ станѣ мусульманскомъ, а не христіанскомъ! Это ли славный богатырь южно-славянскаго міра? Правда, что онъ, какъ говорятъ, искалъ смерти, сгарая отъ

стыда, что вынужденъ былъ воевать за чужихъ противъ своихъ, и тѣмъ какъ бы смылъ пятно съ своего имени, но это уже не герой пѣснопѣній народныхъ, не юнакъ, не *Кралевичъ*, а самъ пустоименный Краль Костурскій или иной какой, купившій достоинство свое цѣною униженія. Тѣло его привезено было съ поля битвы и погребено по близости города *Скопля* въ монастырѣ *Власинъ*, слѣдовательно опять таки не здѣсь, что бы чѣмъ нибудь можно было объяснить пріуроченіе имени его къ мѣстамъ этимъ. Впрочемъ, весьма могло быть, что и тотъ и этотъ монастырь выстроены были имъ, по общему обычаю временъ тѣхъ. Къ году кончины его, онъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ, вѣроятно давно порѣшившій съ удальствомъ молодости и ударившійся можетъ быть въ другую крайность. Самое мѣсто погребенія Маркова не напоминаетъ ли именемъ своимъ „власяницу" Маркову? Не довольно знакомые съ памятниками южнославянской поэзіи, воспѣвавшей съ такимъ сочувствіемъ *Марка Кралевича*, мы прекращаемъ свои разсужденія, боясь и такъ, что успѣли уже знатокамъ дѣла выказать себя если не смѣшными, то наивными [1]). Удовольствуемся тѣмъ, что вмѣстѣ съ другими признаемъ Прилѣпъ родиною Марка. Довольно и сего, чтобы объяснить, отчего Прилѣпъ старый съ его замкомъ на горѣ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Марковой Палатки*. Обо всемъ этомъ я думалъ и передумывалъ, и отдыхая съ книжкой въ своемъ углу, и сидя за вечерней трапезой, и ходя потомъ по длинной галлереѣ, освѣщенной полною луною. Наконецъ, какъ ни славенъ, ни дорогъ славянскому сердцу „Кралевичъ", онъ подчинился общему закону природы, — наскучилъ мысли. Не происходило ли еще чего нибудь, дѣйствительно славнаго, въ исто-

---

[1]) Любопытенъ отзывъ о Маркѣ Кралевичѣ историка *Раича*: «Аще ли за истину почтется, еже о немъ въ простыхъ пѣсняхъ поется, обрѣтаемъ его быти продерзливымъ насильникомъ и лютымъ піяницомъ, кромѣ прочихъ безстудій» (кн. VII. гл. 14. § 13).

рической мѣстности? Византійцы познакомились и другихъ познакомили съ нею, повидимому, первые. До нихъ конечно знали ее еще римляне и греки, и вѣроятно не разъ упомянули о ней въ исторіи, но подъ какимъ именемъ ее знали, остается неизвѣстнымъ. Ничего созвучнаго съ именемъ: *Прилѣпъ* не встрѣчается у древнихъ историковъ и географовъ. Былъ тутъ въ Пеоніи весьма именитый городъ *Стобы* — по гречески и Stobi — по латински. Но ученые древлесловы указываютъ ему другое мѣсто, — восточнѣе Прилѣпа — и стараго (Вароша) и новаго (Перлепе). По свидѣтельству *Тита Ливія* (книга XXXIX, глава 59) предпослѣдній царь Македоніи *Филиппъ V*, ведя войну на жизнь и смерть съ Римлянами, выстроилъ не подалеку отъ Стоби городъ, который назвалъ, по имени сына своего, *Персеидой*. Легко понять, чѣмъ могъ водиться онъ, строя новый городъ. Ему нужна была неприступная крѣпость. Что лучше для этого теперешней Марковой горы? Могло это происходить только до 178 (года его кончины) года до Р. Х... Послѣ роковой битвы подъ *Пидной*, положившей конецъ Карановой монархіи, погасло имя *Персея*, исчезло изъ исторіи и мертворожденное имя *Персеиды*. Постройка же должна была остаться, и, за негодностію для новыхъ хозяевъ страны, мало по малу запустѣть, оставаясь безыменною развалиною во весь римскій періодъ. Съ ослабленіемъ имперіи, пограничные Иллирійцы весьма естественно позарились на *прелѣпое* мѣсто, и втихомолку заняли его, пока не вытѣснены были оттуда законными преемниками побѣдителей при Пиднѣ — Византійцами. Послѣдніе, не терпя варварскаго *Прилѣпа*, переименовали мѣсто *Прилапомъ*, напоминающимъ любезнаго педантамъ *Пріапа* [1])... Все это, конечно, только могло быть. Настоящимъ

---

[1]) Видимо въ переиначеніи имени водились чисто капризомъ. Звукъ *е* или *ѣ* послѣ *л* долженъ былъ слышаться греческому уху какъ е, а вовсе не какъ α, чтобы изъ *прилѣпа* вышелъ *прилапъ*. Чтобы дѣло могло случиться на оборотъ, т. е. чтобы Славяне изъ древ-

образомъ познакомилась съ мѣстомъ Византійская хронографія уже по случаю многовѣковыхъ войнъ имперіи то съ Болгарами, то съ Сербами, изъ коихъ то тѣ, то другіе постоянно наровили отнять укрѣпленный пунктъ у грековъ. Положеніе его на рубежѣ славянства и эллинства, перваго — ширившагося во всѣхъ направленіяхъ, втораго — пятившагося къ своему исходному, но фальшивому, центру — Константинополю, дѣлало его яблокомъ раздора между двумя народностями. Къ сожалѣнію, нѣмые камни, очевидцы давноминувшаго, не въ состояніи передать, сколько разъ городъ переходилъ изъ греческихъ рукъ въ славянскія, и обратно. Намъ не откуда узнать, изъ чьихъ именно рукъ, когда и какъ перешолъ онъ наконецъ къ Туркамъ, чтобы положить конецъ единоборству единовѣрныхъ соперниковъ. Въ концѣ XIV вѣка мы находимъ его подъ славянскимъ владѣніемъ. Если давать вѣру темному извѣстію, что славной и несчастной памяти князь *Лазарь I Бранковичъ* былъ побочный сынъ царя *Стефана Душана*, то надобно будетъ согласиться, что Прилѣпъ вскормилъ и воспиталъ одного изъ державцевъ земли Сербской. Ибо, вслѣдствіе извѣстія, отецъ назначилъ ребенку, вмѣстѣ и съ матерью, мѣстомъ пребыванія Прилѣпъ, который по видимому только что взятъ былъ имъ отъ грековъ.

Въ 1328 г. (только за 5 лѣтъ до воцаренія Душана) городъ принадлежалъ Византійскимъ самодержцамъ, коихъ было тогда два-дѣдъ и внукъ, оба *Андроника* изъ дома *Палеологовъ*. Дѣду хотѣлось единодержавствовать, а внучку не даромъ украшаться титуломъ императора. Послѣдній сталъ забирать у перваго въ свои руки Ѳракію и Маке-

---

нѣйшаго греческаго πρίλαπον сдѣлали, по своему усмотрѣнію, прилѣпъ, это крайне невѣроятно. Ученый авторъ: Les Turques etc. недовольный ненаходчивостію Византійцевъ, придумалъ городу имя: *Периллапъ* (Περί-λλαπον), которому конечно рукоплещатъ Аѳины и Византія. Право, послѣ этого кажется уже Богъ проститъ отыскать въ имени и русскія *перила*, а еще удачнѣе считать его перифразомъ выраженія, столько подходящаго къ условіямъ времени и мѣста: *бери въ лапы!*

донію, слабый старикъ въ сотый разъ можетъ быть прибѣгъ къ пресловутой политикѣ Византійскаго двора — побѣждать своихъ чужими, и отправилъ воеводъ своихъ къ Кралю (отцу Стефана Душана) уговаривать его пойти войной на мятежнаго внука. Сербъ естественно отказался помочь усиленію враждебной ему имперіи. Въ отместку за это, можетъ быть, воеводы, возвращаясь отъ Краля (проживавшаго вѣроятно въ Скоплѣ), заняли Прилѣпъ именемъ императора — дѣда. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего царскій протовестіарій (тоже Палеологъ и тоже Андроникъ) умеръ. Чуть узнали объ этомъ Прилѣпцы, немедленно перешли вторично на сторону юнаго царя... Этотъ эпизодъ заставляетъ насъ спросить: кто были тогдашніе жители Прилѣпа? Если они были славяне, то не все ли равно для нихъ, который бы изъ Андрониковъ ни владѣлъ ими? Иноплеменникъ одинъ, иноплеменникъ и другой. Но старшій Андроникъ представлялъ собою принципъ законности, т. е. порабощенія всего инороднаго, а младшій, какъ самъ мятежникъ, естественно привлекалъ къ себѣ все мятущееся, да къ тому же вошелъ, секретно отъ дѣда, въ дружескія сношенія съ Кралемъ. Такъ можно объяснять прилипаніе нашихъ Прилѣпцевъ стараго времени то къ той то къ другой предержащей власти. Но нѣтъ, также, ничего невѣроятнаго, что жители мѣста могли быть если не всѣ, то въ большинствѣ, и греки. За 8 лѣтъ передъ случаемъ встрѣчается у историковъ (греческихъ, конечно) имя правителя Прилѣпскаго, чисто греческое: *Θедоръ Синадинóсъ,* тоже дальній родственникъ Палеологовъ, державшій сторону сперва дѣда, а потомъ со *всею,* управляемою имъ областію передавшійся внуку. Это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ того, что въ самое цвѣтущее время Сербской державы древняя Пеонія или Пелагонія, т. е. теперешняя Витольская равнина, считалась греческою, а не славянскою.

Ступимъ еще лѣтъ на 100 далѣе въ глубь исторіи. Мы станемъ лицомъ къ лицу еще съ третьимъ притязателемъ на межеумочный

край этотъ. Знакомый намъ по Солунскимъ дѣламъ, Деспотъ Эпирскій (*Михаилъ II*), задавшись мыслію, что съ паденіемъ Константинополя имперія принадлежитъ ему, все таки — какъ бы тамъ ни было — *Комнину*, а не Никейскому скиптродержцу, неизвѣстному *Ласкарю* или и совсѣмъ безвѣстному *Ватаци*, простеръ свои завоевательные замыслы прежде всего къ сѣверу отъ своей, вновь созданной, державы, на греческую Иллириду — старыхъ временъ, т. е. на эти самыя мѣста, и овладѣлъ Прилѣпомъ. Императоръ (Ватаци) вырвалъ крѣпость изъ рукъ Деспота, но не надолго. При Θеодорѣ II она опять отошла къ владѣніямъ Ангела Комнина неугомоннаго. Никейскій самодержецъ рѣшился положить конецъ неумѣстнымъ и совершенно безвременнымъ притязаніямъ на лохмотья разорванной имперіи одного изъ *своихъ*, когда столько было чужихъ претендентовъ! Θеодоръ II Ватаци Ласкарь отправилъ сюда значительное войско, разбитое на нѣсколько отрядовъ, ввѣренныхъ наилучшимъ полководцамъ, въ томъ числѣ и *Михаилу Палеологу* — будущему пресловутому императору и основателю династіи, верховное завѣдываніе дѣлами поручилъ канцлеру имперіи, своему бывшему учителю и историку, *Георгію Акрополиту*, который самъ обо всемъ и разсказываетъ въ своемъ „хронографѣ“ о своемъ посольствѣ въ эти мѣста. Чтобы лучше наблюдать за ходомъ всей компаніи, императорскій коммиссаръ избралъ мѣстомъ пребыванія своего Прилѣпъ, какъ пунктъ, пригодный между прочимъ и для наблюденія за сношеніями Деспота съ Кралемъ. Происходило это въ 1258 г. Любопытно и въ историческомъ и въ топографическомъ отношеніи описаніе этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и отличнаго писателя. Видно, что не только военные чины, но и разные мѣстные правители городовъ, на сколько могли, старались игнорировать, или и прямо не признавать приставленнаго къ нимъ начальника. Губернаторомъ Прилѣпа и вмѣстѣ военнымъ начальникомъ округа былъ тогда нѣкто *Скутерій Ксилей*. Ум-

ный писатель играетъ при этомъ словами. Первое изъ именъ происходитъ отъ σκοῦτον — щитъ, а второе отъ ξύλον — дерево, что и даетъ ему поводъ дѣлать аллюзію на: *деревянный щитъ*. Комендантъ во всемъ перечилъ дипломату, и при первомъ же случаѣ зло отомстилъ ему за его невинное верховенство (и за остроcловіе, конечно). Стало извѣстно, что, пользуясь движеніями Деспота, Краль (*Стефанъ IV Храпавый*, зовомый еще *Урошемъ I* и Великимъ) и самъ вторгся въ Пелагонію. Скутерій, при вѣсти объ этомъ, объявилъ солдатамъ, чтобы они или на Сербовъ, кто хочетъ. Тѣ не замедлили уйти, только не на Сербовъ, а кто куда хотѣлъ. Съ остаткомъ войска Скутерій и самъ двинулся на сѣвернаго врага, но былъ разбитъ имъ на голову, и едва спасся гдѣ-то въ неприступныхъ горахъ. Въ крѣпости Прилѣпской (Марковомъ замкѣ) остался только самъ Акрополитъ съ 40 человѣками гарнизона. Это командованіе ею онъ называетъ „заключеніемъ въ тюрьму". Тѣмъ временемъ на поляхъ Водены происходили сшибки императорскихъ войскъ съ Деспотскими. Палеологъ пожиналъ лавры, но желаннаго оборота дѣло не принимало. Повѣренный царскій послалъ приказъ воеводамъ явиться къ нему на совѣщаніе. Хотя-не-хотя, генералы съѣхались въ Прилѣпъ [1]), но, увидавъ, что дѣлать тутъ имъ нечего, поспѣшили убраться отъ ненужнаго главнокомандующаго. Акрополитъ опять остался одинъ съ своими 40 тѣлохранителями. Чуть Деспотъ узналъ, что воеводы отправились къ своимъ войскамъ, онъ, какъ тутъ и былъ, явился передъ Прилѣпомъ. Три раза храбрые защитники крѣпости отразили приступъ врага. Но жителямъ города (Вароша?) наскучила наконецъ осада. Они вошли въ тайныя сношенія съ осаждавшими, отворили имъ ворота, что *съ поля*, и впустили врага. Акрополитъ выговорилъ лично себѣ свободу. Но не изъ такихъ былъ Деспотъ, которые считаютъ нужнымъ держать данное

---

[1]) Πρίλαπον — по употребленію историка *Никифора Григора*.

слово. Онъ заковалъ въ желѣза императорскаго уполномоченнаго, и возилъ съ собою на показъ всюду, гдѣ ходилъ съ своимъ войскомъ, и наконецъ отослалъ въ свою столицу Арту.

Отбросимъ и еще лѣтъ 200 глубоко въ древность. О Сербахъ тогда еще не было слышно. Ни какой Деспотъ, кромѣ самаго самодержца (и пустоименныхъ властителей духовныхъ) не былъ извѣстенъ. Имперія казалась цѣльною и единичною, хотя уже и крѣпко ущербленною съ Востока. Но борьба славянства съ эллинствомъ тогда была еще сильнѣе, чѣмъ при краляхъ Трибалльскихъ. Это эпоха знаменитаго *Самуила* краля Болгарскаго, сколько царствовавшаго, столько воевавшаго съ императоромъ, то удачно то нѣтъ, то забиравшаго греческія земли, то съ позоромъ возвращавшаго ихъ законному державцу. Стыдъ пораженія сходилъ съ него какъ съ гуся вода, по пословицѣ. Его владѣнія простирались чуть не на весь Балканскій полуостровъ. Естественно потому, что онъ владѣлъ и Прилѣпомъ. Въ 1014 г. онъ еще разъ направился съ воинственными ордами своими по проторенной дорогѣ къ Царю-граду. Не менѣе его неутомимый, соперникъ его императоръ Василій II не замедлилъ выслать противъ него войско подъ командой *Никифора Ксифія*. Зловѣщее это имя „побѣдоноснаго мечника" было роковымъ для Самуила и его державы. Гдѣ-то на *Длинныхъ поляхъ* (Кимбалунга — campi longi) произошла (29 іюля) битва, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Болгаръ. Самуилъ бѣжалъ, спасая животъ свой, куда глаза глядятъ, и укрылся въ неприступномъ Прилѣпѣ. Побѣдитель не преслѣдовалъ его сюда, а только послалъ ему въ утѣшеніе 15,000 слѣпыхъ, въ коихъ тотъ узналъ своихъ несчастныхъ сподвижниковъ, попавшихся грекамъ въ плѣнъ. Гуманный [1]) императоръ оставилъ изъ нихъ по одному на сто съ однимъ

---

[1]) Мы не иронируемъ. По понятіямъ тѣхъ временъ, онъ имѣлъ право умертвить

глазомъ, чтобы было кому вести слѣпцовъ къ мѣсту ихъ назначенія [1]. Зрѣлище было до того разительно и плачевно, что даже такой безсердечный воитель, какъ Самуилъ, не вынесъ его, заболѣлъ и черезъ два дня померъ. Случилось это 15 Сентября 6523, т. е. 1015 года отъ Р. Х. Этимъ изъ фактовъ фактомъ мы и заключимъ свою Прилѣпіаду.

Перлепе. 28 Мая. Пятокъ.

Утомленіе, подобное вчерашнему, требовало глубокаго и продолжительнаго сна. Но, съ одной стороны веселая музыка гостей — боголюбцевъ, а съ другой — да проститъ мнѣ читатель — неистовая пляска тѣхъ хозяевъ гостелюбцевъ, которыхъ всего менѣе имѣемъ въ виду, и тѣ, которыхъ не избавлялись тутъ въ свое время ни Душанъ ни Самуилъ ни самъ Александръ Великій (воевавшій съ Трибаллами), не давали залежаться намъ. Въ дорогѣ, впрочемъ, чѣмъ меньше спится, тѣмъ лучше. Въ этомъ я убѣдился сегодня неоспоримымъ образомъ. Вставъ еще до солнышка, по крайней мѣрѣ когда оно еще не показывалось изъ за горы Марковой, я вышелъ къ церкви монастыря, желая отыскать въ ней или на ней какіе нибудь слѣды его разсказываемаго 1000 лѣтняго существованія. Церковь небольшая, византійскаго стиля, не представляетъ въ архитектурѣ своей ничего замѣчательнаго. Новая штукатурка извнутри и снаружи закрыла собою все, что могло уцѣлѣть отъ временъ древнихъ. Впереди ея есть открытый притворъ съ навѣсомъ, утверждающимся частію на стѣнахъ, частію на мраморныхъ колоннахъ, существованіе которыхъ одно уже говоритъ о значительной древности зданія. Въ глубинѣ сего притвора, на западной стѣнѣ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ входной двери сохранились

плѣнниковъ. Ослѣпленіе тогда считалось простымъ наказаніемъ или даже административною мѣрою.

[1] Передавая цифру 15 тысячъ, историкъ (Кедринъ) прибавляетъ: какъ говорятъ.

остатки фресковыхъ (не въ собственномъ смыслѣ) изображеній, пощаженныхъ штукатурщикомъ не вѣсь какими судьбами. Видятся во весь ростъ фигуры царственныхъ лицъ, полагать можно ктиторовъ или особенныхъ благодѣтелей обители. По правую (южную) сторону изображенъ мущина лѣтъ 30 съ красивымъ лицомъ, въ царскомъ — на византійскій образецъ — одѣяніи, въ коронѣ на подобіе архіерейской митры, и съ сіяніемъ въ кругъ головы, какъ у насъ принято писать Святыхъ. Въ правой рукѣ изображенный держитъ длинный крестъ съ двумя перекладинами. По обѣимъ сторонамъ головы видится трехстрочная, хорошо различаемая, надпись слѣва: *Въ Ха̄ (Христа) Бā (Бога) вѣрень крал Марко.* Справа къ сожалѣнію уцѣлѣлъ только слогъ: *ка.*. Во всемъ подобное изображеніе существуетъ и съ сѣверной стороны дверей, только тамъ видится фигура старика. Надпись при немъ совершенно стерлась. И такъ, вотъ онъ самъ превоспѣтый „кралевичъ" какъ бы привѣтствуетъ насъ, въ качествѣ хозяина мѣста, стоя въ царскомъ убранствѣ и въ апоѳеозѣ святости! Конечно, вѣрить изображенію нельзя, не зная какого оно времени, но все же взглядъ на посмертную славу Марка старыхъ Сербовъ замѣчателенъ. Не скупились тогда, конечно, на титулы и на ублаженія сильнымъ земли, и ореолъ святости усвоивался всѣмъ вѣнценосцамъ, такъ сказать, по праву, отчего онъ могъ достаться и Марку — „вѣрному во Христа Бога кралю". Но не осталось ли въ народѣ преданія о его богоугодной на послѣдокъ дней жизни, на что мы уже и сдѣлали намекъ выше? Больше нечего было осматривать. Еще вчера намъ было сказано, что ни старыхъ иконъ, ни старыхъ книгъ, ни какихъ бы то нибыло остатковъ глубокой древности, никто не знаетъ и не слыхивалъ въ монастырѣ. Оставалось потому довольствоваться тѣмъ, что видѣли. Проходя мимо колоннъ — числомъ трехъ — или точнѣе колоннокъ, такъ какъ онѣ весьма скромныхъ размѣровъ, я вспомнилъ свои археологическіе поиски на колоннахъ языческихъ храмовъ въ другомъ

мѣстѣ, увѣнчавшіеся самымъ желаннымъ успѣхомъ, и болѣе какъ бы для очистки совѣсти только, осмотрѣлъ поверхность ихъ снизу до верху. Какова-же была моя радость, когда на одной изъ нихъ замѣтилъ присутствіе строчекъ, и, поднявшись глазами на уровень ихъ, прочелъ слѣдующее: (въ) лѣто ,ѕфа αγιω (ατος) еппъ Андри Февр. ꙁ. Цифровыя буквы вырѣзаны такъ ясно и отчетливо [1]), что недаютъ повода ни къ малѣйшему сомнѣнію въ вѣрности ихъ чтенія. И такъ какой-то святѣйшій Епископъ Андрей былъ тутъ (молился, скончался..) 7 февраля 996 года. Какой епископъ? мѣстный епархіальный, или иной какой? Напрасно бы мы стали ломать надъ этимъ голову.

Ни въ Oriens Christianus, ни индѣ гдѣ, думаю, не найти сего имени. Умножая имъ число іерарховъ христіанскаго міра, мы еще не большую оказываемъ услугу наукѣ. Важнѣе сего то, что надпись выносить существованіе монастыря въ X вѣкъ. Самое же важное заключается въ томъ, что мы открываемъ славянское письмо 996 года. Съ выводомъ этимъ насъ заставляетъ неспѣшить одно только обстоятельство: современна ли замѣтка о епископѣ Андреѣ самому епископу? можно спрашивать. Ее могъ сдѣлать кто нибудь и сто и четыреста лѣтъ послѣ Андрея, особенно, если дѣло шло о *кончинѣ* какого нибудь замѣчательнаго для мѣста Епископа, не занесеннаго въ свое время въ мѣстныя лѣтописи. Возраженіе имѣетъ свою относительную силу, но 9/10 вѣроятностей на сторонѣ предположенія, что появленіе надписи принадлежитъ указанному въ ней году. Самое титулованіе епископа „святѣйшимъ" по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область освященныхъ и утвержденныхъ вѣрою именъ и терминовъ, чужеязычныхъ и неразумѣемыхъ, но отъ того именно и неприкосновенныхъ для вѣрующаго народа. Утвердивши же за надписью принадлежащую ей хро-

---

[1]) См. fac-simile по таблицѣ.

нологію, можно поздравить себя съ рѣдкою находкою и ублажить мыслію, что мы сегодня заслужили спасибо отъ ученаго міра за то, что встали до солнца. Aurora musis amica.. не даромъ мы когда-то „доказывали“ это въ своей ученической задачкѣ, усыпая „эррорами“ [1]) свою цицеронщину. Не знаешь бывало, за чѣмъ смотрѣть болѣе, мысли ли чтобъ были подходящія, латынь ли чтобъ была безъ ошибокъ, переписано ли чтобъ было аккуратно, тетрадка ли чтобъ была чистенькая, задачка подана въ свое время, и пр.; поневолѣ долженъ былъ дружиться съ музами, сочувствія къ которымъ ничто не вызывало въ тогдашней обстановкѣ жизни. Иное дѣло вотъ — ὁ φιλόμουσος (музолюбивый) владыка Венедиктъ Поповичъ *Византійскій*.. Обратившись къ востоку, чтобы молитвенно проститься съ церковію, я прочиталъ ускользнувшую прежде отъ взора (занятаго святыми кралями) замѣтку надъ входными дверями церкви, гласившую, что храмъ возобновленъ [2]) „во время дѣйствованія (?) Митрополита Венедикта Поповича Византійскаго, въ 1861 году“. Такъ и видно, что человѣкъ и вспоенъ и вскормленъ музами. Онѣ (никто другой) подсказали ему употребить и слово: *дѣйствованіе*, онѣ научили его коварно сочетать *Поповича* съ *Византійскимъ*.. Онѣ, онѣ — всѣ девять вмѣстѣ! Человѣкъ родился въ Византіи, а между тѣмъ — Поповичъ! Наруку кому угодно — и панславистамъ и панэллинистамъ, и нашимъ и вашимъ, а всего болѣе г. Димитраки и его милліонамъ.

Поднимаемся по галлереѣ въ свою *одаю*. Нѣсколько такихъ съ правой руки стоятъ запертыми. Занимающіе ихъ гости, послѣ все-

---

[1]) Error — погрѣшность, которую знаменовала наведенная учителемъ подъ мѣстомъ ошибки черточка. Сумма такихъ черточекъ выставлялись учителемъ въ концѣ задачи и опредѣляла собою «похвалу», а при переходѣ въ двѣ цыфры, нерѣдко и диверсію къ «порогу».

[2]) Монастырь стоялъ 40 лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи. Алтаря не существовало.

нощнаго „панаира“, предаются блаженному покою. Читаю поверхъ одной двери высѣченную на мраморной плитѣ, надпись: иже во монастырѣ стыхъ Архагглъ. Сія одаа соградися... и пр., 1862 г. Такая же плита утверждена надъ входомъ и въ нашу комнату. Читается на ней: сія одаа соградися иждивеніемъ православныхъ еснафъ кантардемрџіискихъ, именемъ Нікола Отоянов.... 1863 г. Писавшіе видимо не гонялись за Авророю, оттого и наполнили непростительными еррорами свое сочиненіе. Особенно хорошо эти: *иже* и *именемъ*. Похваляя патріотизмъ писавшихъ, какъ видно ревнующихъ о родномъ языкѣ, я не могу однакоже оправдать пристрастія ихъ къ чуженародному слову: *одáя*, т. е. комната. Греки туркомериты (изъ областей Турціи), да большею частію и Элладиты — по старой памяти — зовутъ вообще комнату словомъ ὀντᾶς (ондасъ), род.: ὀντάδος мн.: ὀντάδες.., конечно Турецкаго происхожденія. Познакомившись съ нимъ еще въ Греціи, я безъ труда понялъ смыслъ слова: *одая,* находя послѣднее даже удачнѣе переформированныхъ изъ турецкаго подлинника (видимаго въ сложныхъ словахъ: *одá* — баши, *ода* — лиска и пр.), потому что тутъ дѣло обходится безъ вспомогательнаго носоваго звука. Но Греки не затруднятся выгнать варварское слово. Въ свободной Греціи давно уже въ употребленіи свои родныя слова: κάμαρα, δωμάτιον [1]), водится уже въ Аѳинахъ и древнее θάλαμος. Мы славяне не скоро дойдемъ до убѣжденія, что слѣдуетъ и намъ выгнать чужеземщину, и что есть чѣмъ замѣнить ее намъ. Оставляя въ сторонѣ *одаю*, легко объясняемую и извиняемую, спросимъ себя, откуда мы взяли свою *комнату?* Тоже у добрыхъ сосѣдей (die Kemnate), какъ и Болгаре? - Да и одна ли у насъ слышится „комната?“ А *зала*, а *салонъ, флигель*, (по народному: флигирь), *сортиръ, корридоръ?*. И не замѣчательно ли? Раз-

---

[1]) Греки не уступаютъ этого слова Латинамъ, производя его отъ глагола: κάμπτω, тогда какъ Латины свое: camera не имѣютъ изъ чего вывести.

ныя части дома, каждую порознь, мы съумѣли назвать подходящими именами: *изба, клѣть, горница, чуланъ, заходъ, сѣни* и пр., но обобщить недѣлимыя понятія однимъ терминомъ изъ своего языка не нашлись! Зато предки наши, составители и образователи русской рѣчи — снабдили насъ до излишества краснобайными: теремами, хоромами покоями, свѣтлицами, божницами, опочивальнями и т. под., изъ коихъ только *покои* могли бы дѣйствительно замѣнить чужеродныя „комнаты", если бы не были слишкомъ метафоричны и какъ-то педантичны. Если бы я не зналъ, что толку воду, то предложилъ бы вмѣсто комнатъ и покоевъ дать ходъ слову: *хоромина* (по церковному: храмина), совсѣмъ готовому и пригодному къ дѣлу. Въ извѣстномъ заклинательномъ оборотѣ народной рѣчи: „не слушай хоромина", что другое выражается этимъ словомъ, какъ не общее понятіе отдѣльныхъ частей дома?

Осыпанные благословеніями, порученіями и просьбами, мы оставили гостепріимную обитель, возсіявшу солнцу. Положено было посѣтить другой сосѣдній монастырь *Трескавецъ,* стоящій далѣе къ сѣверу на продолженіи Марковой горы, съ которой мы вчера и наблюдали его въ трубу. Его намъ рекомендовали въ Битолѣ бывальцы, обѣщавшіе намъ въ немъ и древнія надписи и древнія рукописи и древнюю церковь, выстроенную на основаніяхъ языческаго храма. Значитъ, впереди была пожива. Оттого мы спускались по тропинкѣ отъ монастыря въ самомъ благомъ настроеніи духа. Конечно, я не могъ забыть притомъ своего „агіотата епископа Андрея", современника Самуилова, да и самаго Самуила, умершаго тутъ отъ печали. Вѣрно, тутъ же и погребенъ грозный воитель въ безвѣстности и всеобщемъ забвеніи. Темнаго рода человѣкъ, онъ темныхъ былъ и религіозныхъ убѣжденій, да не очень свѣтлыхъ и вообще нравственныхъ качествъ, все разрушалъ и ничего не создалъ, все воевалъ и ничего не пріобрѣлъ, всѣмъ грозилъ смертію и самъ бѣжалъ (но не избѣгъ) смерти. Впрочемъ, не

будучи историкомъ, нельзя произносить приговора надъ историческою личностію. Ѣдемъ между каменными глыбами, разбросанными по подошвѣ горы. Останавливаюсь передъ однимъ изъ упомянутыхъ вчера изображеній, украшающихъ гранитныя скрижали, стоящія подъ открытымъ небомъ и подверженныя всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ. Изображеніе сдѣлано по штукатуркѣ, видимо, очень давнее. Представленъ въ естественную величину всадникъ — воинъ на бѣломъ конѣ, со щитомъ въ одной и мечемъ въ другой рукѣ. Не похоже, чтобъ это были Св. Мученики Георгій или Димитрій, изображаемые обыкновенно съ копьями. Возлѣ головнаго сіянія сохранились двѣ буквы О А, означающія конечно: ὁ ἅγιος — святый, и больше ничего. Подъ изображеніемъ была большая надпись въ 7 строкъ, но она нещадно истреблена временемъ. Я съ трудомъ могъ разобрать только два слога КО и МА... Даже и того не могу опредѣлить, славянская ли она, или греческая была въ свое время. Болѣе похоже, что греческая.

Мы отдали поклонъ *старому Варошу*, сказавши: до свиданія, и поворотили по косогору прямо на востокъ, а потомъ и еще разъ перемѣнили направленіе, взявши къ сѣверу, въ объѣздъ горы Марковой. Крѣпость сіяла вверху, освѣщаемая въ упоръ солнцемъ. „Воротъ *съ поля*“ я немогъ усмотрѣть въ ней. Но ничто не препятствовало мнѣ видѣть государственнаго канцлера, привыкшаго къ перу и пергаменту, трикратно отбивающимъ приступъ осаждающихъ его войскъ, съ помощію 40 тѣлохранителей. Какъ онъ съумѣлъ это сдѣлать, онъ одинъ про то вѣдаетъ. Взбираемся на перемычку, соединяющую крѣпостую гору съ другою, еще высшею точкою дикообразной гранитной толщи, которую бывалые люди называютъ миніатюрнымъ Синаемъ. Солнце вскользь освѣщаетъ зеленѣющія поля Прилѣпскія. Картинно и весело и — сказалъ бы — даже славно! Что-то побѣдное напѣвается въ головѣ. Это вѣрно онъ, „въ Христа Бога вѣренъ краль“ незримо несется съ нами, и поднимаетъ наше вовсе невоинственное сердце.

Уже мы стали выше его горы, и, виляя туда сюда между камнями и деревьями, выбрались наконецъ къ загородкѣ, явно указывающей границу монастырскихъ владѣній. Она начинается у придорожной водочечи, устроенной въ 1802 году, какъ значится на украшающемъ ее мраморѣ. Еще мало, и мы выѣзжаемъ изъ чащи деревьевъ передъ монастырскія ворота.

Третья уже это, обозрѣваемая нами обитель Славянская. Имя ея, по народному зову, просто: *Богородица*, а прозваніе: *Трѣскавецъ*. Послѣднее это такъ хорошо выражаетъ характеръ мѣстности, что какъ будто нарочно придумано для нея. Тутъ все и повсюду видится трескучимъ и слышится трещащимъ отъ безсмѣнныхъ вѣтровъ, вѣющихъ пронзающимъ холодомъ даже въ такую лѣтнюю пору, какъ настоящая. Мы поспѣшили слѣзть съ коней и стать за вѣтромъ. Тырнко поднялъ такой стукъ въ ворота, что имъ, пожалуй, тоже предстояла опасность треснуть. Послышались сзади ихъ стуки и бряки. Отворили ихъ намъ дѣти, появленіе которыхъ хотя и не удивило насъ, но все же было неожиданностію. Оказалось, что это были школьники, обучающіеся въ монастырѣ чтенію и письму. Самое же братство монастырское состояло изъ двухъ человѣкъ. Одинъ былъ настоятель, какъ и въ Архангельскомъ монастырѣ — простой *попъ*, глубокій старецъ, вѣроятно сдавшій свой приходъ гдѣ нибудь по близости своему сыну или зятю, и доживающій дни свои въ мирной обители. Другой, такой же заштатный священникъ, и тоже старый, былъ при первомъ не то послушникомъ, не то помощникомъ его. Кромѣ этихъ „старцевъ", есть еще человѣкъ нѣсколько прислуги. Затѣмъ школяры съ ихъ учителемъ. Вотъ и все населеніе честной обители Трескавецкой, существующей по отзыву о. Игумена уже *четыредесять стотино* лѣтъ. Конечно, это — обмолвка, слѣдовало сказать: четыренадесять. И то — за глаза! Братій же бывало когда-то тутъ *три стотины*, такъ что по всей горѣ и даже на обнаженныхъ скалахъ, висящихъ надъ монастыремъ, жили

въ пещерахъ и разсѣлинахъ боголюбивые отшельники, питаемые монастыремъ.

Монастырь показался намъ очень тѣснымъ, недостаточно просторнымъ для житья и одной „стотины“ монаховъ. По своему положенію на обрывистомъ скатѣ горы, дворъ его представляетъ рядъ небольшихъ террасъ. На центральной изъ нихъ стоитъ углубившійся въ землю храмъ очень древней постройки съ широкимъ куполомъ посрединѣ. Два меньшихъ купола высятся надъ притворомъ съ передней (западной) стороны его по угламъ. Планъ церкви, впрочемъ, неправильный. Она низка и темна, внутри по стѣнамъ большею частью расписана иконами или новыми или подновленными, не богата никакимъ убранствомъ и хотя содержится въ порядкѣ, но такомъ, который диктуется привычкой, а не вкусомъ. Съ сѣверной стороны пристроенъ къ церкви узкій придѣлъ, по древнѣйшему обычаю достигающій только половины церковнаго длинника. Такой же ширины южный придѣлъ идетъ напротивъ во всю длину церкви, сообщаясь съ нею одною дверью. Этотъ главный корпусъ церкви обходитъ съ юга и запада низкая галлерея, тоже темная, какъ и все вообще зданіе. Не свѣта, конечно, боялись первые здатели храма, а отверстій для проникающаго и кружащагося горнаго вѣтра. Такъ мнѣ думается. Внѣшняя стѣна галлереи съ фасада церкви выстроена изъ прочныхъ, правильно обсѣченныхъ, камней, принадлежащихъ видимо до — христіанской эпохѣ. Когда мы осматривали алтарь, о. Игуменъ обратилъ наше вниманіе на престолъ и жертвенникъ. Оба они оказались цѣльными кусками камня, обдѣланнаго въ видѣ куба съ расширенными основаніемъ и карнизомъ по образцу древнихъ надгробныхъ или посвятительныхъ памятниковъ языческаго времени. И на томъ и на другомъ вполнѣ сохранились греческія надписи крупнаго и красиваго нарѣзнаго письма. На престольномъ камнѣ читается: *Года 260. Флавія Ника*

испускающаго пары и сѣдой головы, выглядывающей изъ нихъ, какъ изъ облака, нашего Търпка, объяснившаго юнымъ школярамъ тайны пресловутой русской машины. И давно пора была намъ согрѣться. Архондарикъ нашъ имѣлъ одно неоспоримое достоинство, — обширный видъ изъ малыхъ приземистыхъ окошекъ на широкую и цвѣтущую равнину Пелагонскую или Перлепскую, дѣйствительно прелѣпую, упирающуюся въ гранитный кряжъ этотъ своимъ сѣверовосточнымъ угломъ. Къ сожалѣнію, нельзя было наслаждаться этимъ благомъ. Окончинъ въ окнахъ не полагалось, по отеческимъ преданіямъ, и по комнатѣ, нѣтъ, лучше — по хороминѣ, гулялъ такой холодный и пронзительный вѣтеръ, что мы вынуждены были взять изъ подъ себя подушки и коврики, чтобы ими заткнуть зіяющія отверстія, такъ какъ ставни существовали только для порядка и отъ ветхости были совершенно ажурными. Что же бываетъ тутъ зимою? Вездѣ, куда ни взглянешь, печатлѣетъ себя убожество, недоглядъ, неумѣнье и, конечно, нехотѣнье что нибудь поправить, украсить или хотя прибрать.. Но заповѣдь не ходить въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшихъ нескончаемыхъ неокончательныхъ.

Подкрѣпившись питьемъ, столь пригоднымъ для мѣста въ три или три съ половиной тысячи футовъ абсолютной высоты, я оставилъ спутника вести со старцами бесѣду о прошедшемъ и будущемъ, и занялся, какъ умѣлъ, рисованіемъ вида церкви съ разныхъ сторонъ. При этомъ нашелъ и списалъ еще пятую надпись — уже на Славянскомъ языкѣ. Она высѣчена тоже на мраморной плитѣ, вставленной со внѣ церкви въ стѣну, по близости алтаря, и состоитъ изъ 8 строкъ, сохранившихся вполнѣ. Содержитъ слѣдующее: *Меца Генара оуспе рабь Беи Дабижив: енохиярь ц҃ра Оуроша вьсе Срьбскиѥ земле: грьчьскѥ и поморскѥ вь л҃ѣ ‚ѕ҃: ѿ: о: енѣкта*: еı:. Годъ выходитъ отъ Р. Х. 1362-й. Царь *Урошъ* — 5-й этого имени и послѣдній. Это

величаніе. Слѣдуетъ заключить изъ сего, что прозваніе это совершенно мѣстное. У древнихъ историковъ и географовъ однакоже не находится ни города, ни рѣки, ни горы съ этимъ, или хотя малосложимъ, именемъ, и мы незнаемъ, потому, что сказать о немъ болѣе. Что-то слышится въ словѣ Готеское [1]). Готы конечно бывали въ этихъ мѣстахъ; но, кажется, спустя нѣсколько столѣтій послѣ *Флавія Никандровой*, прозванной „побѣдой". Третью надпись гораздо позднѣйшаго времени намъ указали внутри церкви, высѣченную на одной изъ мраморныхъ плитъ помоста — въ 120 и 58 франц. метра величиною. Намъ объя-

1) Извѣстны готескія имена Theadis, Theudericus... Но, какимъ образомъ одно и тоже божество, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и повидимому въ одно и тоже время, зовется и *Отевданомъ* и *Етевданискомъ*? Ошибкой рѣзчика нельзя объяснить этого. Ужъ если гдѣ, то при имени божества, да еще мѣстно чтимаго, не могло быть недостатка во вниманіи у мастера. Считать одну форму имени оффиціальною, книжною, а другую—уменьшительною, едва ли тоже согласится осторожные критики. Правда, что греческое словообразованіе даетъ на то полное право (δρόμος — δρομίσκος, βασιλεύς — βασιλίσκος и пр.), но къ лицу Аполлона не приложимо такое удлинненіе имени и укороченіе чести, а особенно — отъ благоговѣйнаго читателя и молебника. Не много поможетъ дѣлу, если въ окончаніи: ανος, мало извѣстномъ грекамъ, мы будемъ видѣть латинское.... anus, передаваемое нашимъ окончаніемъ: скій. Но-чуть я произнесъ въ собственный слухъ это родное: *скій*, какъ все затрудненіе исчезло! Тевданискосъ вдругъ оказался точной, но несовсѣмъ удачной, передачей нашего славянскаго: Тевданскій, на греческое письмо. Свѣдѣ, конечно, признать существованія на этихъ мѣстахъ до Р. Х. славянской стихіи; но откуда нибудь взялись же мы въ Европѣ. Я не сомнѣваюсь, что почтенный кривисекъ мой, если бы видѣлъ, надъ чѣмъ я бьюсь, сразу порѣшилъ бы, что *Этевданискосъ* есть не что иное, какъ *Этевданушко*. Я не пойду такъ далеко, хотя передѣланный, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, историками изъ *Иванина Іоанникій*, развязываетъ намъ руки на все. Для Этевдана годятся, въ случаѣ, еще Сербское *данъ* (день), и общеславянское: *данъ* (данный). Начало необъяснимаго прозвища Аполлонова разногласитъ не менѣе, чѣмъ и конецъ его. Что вѣрнѣе: *отевъ* или *этевъ* данъ, кто можетъ рѣшить теперь? Не предположить ли наконецъ, что два чествованые суть Аполлона, одинъ — Отевданъ, а другой — Θтевданискъ? И то возможно. Что сказать, наконецъ, объ *Аполлодорѣ*, оказывающемся въ надписи совершенно лишнимъ? То, что онъ же самый и есть Т(итъ) Флавій, выпрошенный вѣроятно родителями у Аполлона, и нареченный въ благодарность за то, кромѣ отеческаго имени, еще *Аполлоновымъ даромъ*.

снили, что плита сперва была вдѣлана въ поперечную стѣну церкви и находилась въ стоячемъ положеніи. А потомъ, когда стѣна та для расширенія церкви была снята, плита угодила на полъ церковный. Неблагопріятное это обстоятельство было причиной, что большая часть надписи стерлась совершенно. Изъ 10 строкъ ея уцѣлѣли вполнѣ только первыя 4. Онѣ содержать въ переводѣ слѣдующее: *Почилъ рабъ Божій Николай Тосуй. Мѣсяца Августа 21 дня. Въ царствованіе Стефана... въ году...* (инд.) 7.[1]).. Такъ какъ титулъ *царя* присвоилъ себѣ первый изъ Сербскихъ Кралей (все почти Стефановъ) *Стефанъ VIII Сильный* или *Душанъ*, то надпись не можетъ быть древнѣе 1333 года, когда онъ вступилъ на престолъ. Замѣчательно, что она сдѣлана по гречески, а не по славянски. Фамилія *Тосуй* говоритъ ясно, что усопшій не былъ грекъ. Не съумѣю что сказать болѣе о немъ. Въ притворѣ церкви, по правую сторону входной западной двери было когда то, какъ и въ монастырѣ Архангеловъ, изображеніе во весь ростъ какого-то вѣнценосца — конечно, ктитора церкви, отъ котораго осталась теперь только верхушка короны, окруженной сіяніемъ, на которое, какъ видно, нескупились старые славяне, принимая ласкательное титулованіе Византійскихъ самодержцевъ „святыми" за чистыя деньги. Хорошо сохранилась за то прекрасная головка ангела съ боку царя, обращенная къ нему. Кромѣ ея, по другую сторону изображенія, отлично хорошо сохранилась греческая трехстрочная надпись, гласящая въ переводѣ слѣдующее: *Стефанъ во Христѣ Богѣ вѣрный Краль и Самодержецъ всея Сербіи и Поморія*[2]). Къ сожалѣнію, личность

[1]) Ἐκοιμήθη δοῦλος τοῦ θῦ Νικόλαος ὁ Τσσούρης μηνὶ Αὐγούστο (sic) ἡμέρα κα. ἐπὴ (sic) τῆς βασιλείας Στεφά.... ἐν ἔτη.. Сохранились, кромѣ того, оконечности трехъ последнихъ строкъ, состоящія изъ буквъ: καλ...ιλλῆαρη...ροτφνα, коимъ не возможно подыскать никакого смысла. Въ 6-й строкѣ какъ будто можно видѣть указаніе индиктіона.

[2]) Στέφανος ἐν χῷ τῷ θῷ πιστῶ(sic)ς κράλης καὶ αὐτοκράτωρ ἁπάσης Σερβίας καὶ παραθαλασίας. Буквы сединкратно имѣютъ слитное начертаніе. Ни удареній ни знаковъ препинанія нѣтъ.

Стефана не освѣщена хронологіей. Слово *самодержецъ* (Αὐτοκράτωρ), замѣняющее на дѣловомъ языкѣ Византіи латинское: imperator, могло бы давать намекъ на Душана. Но если бы рѣчь шла дѣйствительно о немъ, вѣрно бы вмѣсто κράλης было употреблено Βασιλεύς. Можно согласить краля съ самодержцемъ въ лицѣ Стефана развѣ предположивши, что надпись и изображеніе сдѣланы, когда Душанъ еще собирался возвесть себя въ цари, и пускалъ, какъ говорится, пробный шаръ къ тому титуломъ самодержца. Поискалъ я и по другую сторону дверей слѣдовъ подобнаго же изображенія, но не нашелъ ничего. Половинчатая дверь деревянная, темнаго отъ древности цвѣта, изукрашена, какъ и въ Слѣпченскомъ монастырѣ, обильною и хитрою рѣзьбою, изображающею Святыхъ, какого-то скрипача, драконовъ, грифовъ, оленей и пр. Замѣчательный образчикъ древняго славянскаго художества. Изъ притвора есть выходъ на право и на лѣво въ маленькіе притворы упомянутыхъ выше боковыхъ пристроекъ. Темны и они, не смотря на возвышающіеся надъ ними осмиоконные купола, темны и слѣдующіе за ними придѣлы, изъ коихъ лѣвый, обращенный въ церковь, расписанъ по стѣнамъ изображеніями — внизу преподобныхъ, а вверху мучениковъ. Какъ видно, придѣлъ этотъ служилъ когда-то Крестильней (или водосвятной, ибо кого крестить въ монастырѣ?). Въ немъ и доселѣ стоитъ древняя мраморная купѣль въ видѣ чаши, съ надписью по окраинѣ: *Во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи* на греческомъ языкѣ. На бокахъ ея начерчено въ одномъ мѣстѣ: Γερασίε, а въ другомъ: *іеромонахъ Герасимъ*. Стѣны внѣшней галлереи просто выштукатурены и ничѣмъ не украшены. Въ одномъ мѣстѣ вдѣланъ въ стѣну церкви камень съ рѣзнымъ изображеніемъ креста въ видѣ шестилучевой звѣзды, напоминающаго Константиновъ Лаваронъ.

О. Игуменъ повелъ насъ изъ церкви въ пріемную комнату въ западной стѣнѣ монастыря, возвышающейся на отвѣсной скалѣ. При входѣ въ нее намъ бросилось въ глаза пріятное зрѣлище самовара

испускающаго пары и сѣдой головы, выглядывающей изъ нихъ, какъ изъ облака, нашего Търпка, объяснившаго юнымъ школярамъ тайны пресловутой русской машины. И давно пора была намъ согрѣться. Архондарикъ нашъ имѣлъ одно неоспоримое достоинство, — обширный видъ изъ малыхъ приземистыхъ окошекъ на широкую и цвѣтущую равнину Пелагонскую или Перлепскую, дѣйствительно прелѣпую, упирающуюся въ гранитный кряжъ этотъ своимъ сѣверовосточнымъ угломъ. Къ сожалѣнію, нельзя было наслаждаться этимъ благомъ. Оконничинъ въ окнахъ не полагалось, по отеческимъ преданіямъ, и по комнатѣ, нѣтъ, лучше — по хороминѣ, гулялъ такой холодный и пронзительный вѣтеръ, что мы вынуждены были взять изъ подъ себя подушки и коврики, чтобы ими заткнуть зіяющія отверстія, такъ какъ ставни существовали только для порядка и отъ ветхости были совершенно ажурными. Что же бываетъ тутъ зимою? Вездѣ, куда ни взглянешь, печатлѣетъ себя убожество, недоглядъ, неумѣнье и, конечно, нехотѣнье что нибудь поправить, украсить или хотя прибрать.. Но заповѣдь не ходить въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшихъ нескончаемыхъ неокончательныхъ.

Подкрѣпившись питьемъ, столь пригоднымъ для мѣста въ три или три съ половиной тысячи футовъ абсолютной высоты, я оставилъ спутника вести со старцами бесѣду о прошедшемъ и будущемъ, и занялся, какъ умѣлъ, рисованіемъ вида церкви съ разныхъ сторонъ. При этомъ нашелъ и списалъ еще пятую надпись — уже на Славянскомъ языкѣ. Она высѣчена тоже на мраморной плитѣ, вставленной со внѣ церкви въ стѣну, по близости алтаря, и состоитъ изъ 8 строкъ, сохранившихся вполнѣ. Содержитъ слѣдующее: *Мсца Генара оуспе рабь Беи Дабиживь: енохиярь цра Оуроша вьсе Срьбскиѥ земле: грьчьскѥ и поморскѥ вь лѣ ,г: ѿ: о: енкта: еі:.* Годъ выходитъ отъ Р. Х. 1362-й. Царь *Урошъ* — 5-й этого имени и послѣдній. Это

былъ сынъ Стефана Сильнаго, отличный какъ человѣкъ, но слабый и неспособный правитель, измѣннически убитый преемникомъ его Вукашиномъ. Какую должность отправлялъ *Энохіяръ?* Слово, очевидно, греческое, и можетъ быть производимо двоякимъ образомъ. По гречески оно должно писаться или: οἰνοχυάρης — виночерпій, или ἡνιοχιάρης — конюшій. Первое словопроизводство правдоподобнѣе. *Дабиживъ* конечно собственное имя, а не фамильное, и составлено изъ: *да би живъ,* т. е. „дабы живъ (былъ)“, данное можетъ быть энохіярю, еще младенцу, боявшимися за его слабое сложеніе родителями. Если бы это было не собственное имя, а прозвище напр., то памятописецъ ужели бы не дополнилъ его настоящимъ именемъ, имѣя дѣло, какъ по всему видно, съ немаловажнымъ сановникомъ? А что Сербы способны были (и суть) на такое нецеремонное обращеніе съ крещальными именами, за доказательствомъ не нужно ходить далеко. Въ той же эпитафіи встрѣчается имя *Уроша* или *Уреша,* никакого отношенія не имѣющее къ христіанскимъ святцамъ. Кромѣ Уроша извѣстны еще крали *Драгутинъ* и *Милутинъ, Вукашинъ, Углѣша,* самъ *Неманя* наконецъ!

Когда я оканчивалъ свою работу, былъ позванъ смотрѣть хрисовулъ „Стефана Четвертаго Краля“, данный монастырю на владѣніе разными угодьями. Оказалось впрочемъ, что это не былъ подлинникъ, а только списокъ съ подлинной граматы, отосланной въ Бѣлградъ для ученыхъ изслѣдованій. Я списалъ нѣсколько строкъ документа на память [1]). Теперь хрисовулъ этотъ важенъ только развѣ въ исто-

[1]) Вотъ онѣ въ точной копіи... «Святому Пророку Божію Моисею: повелѣ ему «Господь Богъ сотворити скинію по образу видѣнному ему на горѣ. И въ ней службы «совершали Господу Богу. И тако Бога прославляли. Они ветхозавѣтніи іудее суще. Сего «ради и Кральство наше много подвигло есть на любовь церковь Господню.... Наипаче «же въ семъ Святѣмъ и Пречестнѣмъ храмѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и «Приснодѣвы Маріи. Больше возлюбихъ красоту и благолѣпіе сего Святаго храма Пресвя«тыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи образѣ чудотворномъ Тресвавцы·

рическомъ и филологическомъ отношеніи. Монастырю отъ него еще меньше пользы въ настоящее время, чѣмъ отъ языческихъ жертвенниковъ, угодившихъ въ христіанскій алтарь. Подписался подъ граматой: *Стефанъ во Христа Бога благовѣрный краль и самодержець Сърпскомь и Поморскомь и Болгарскомь земли.* Года нѣтъ въ хрисовулѣ. По крайней мѣрѣ мы не отыскали его въ копіи. Но если онъ слыветъ въ монастырскомъ преданіи (взятомъ вѣроятно изъ какой нибудь замѣтки на самомъ хрисовулѣ) за *четвертаго,* то это долженъ быть *Стефанъ Храпавый* или *Урошъ I* (1237—1270). Вѣроятно, онъ самый и былъ изображенъ при входѣ въ церковь на „ктиторскомъ мѣстѣ", хотя монастырь вѣритъ, что ктиторомъ его былъ знаменитѣйшій изъ монарховъ Сербскихъ, *Стефанъ* VII *Душанъ.*

За единственнымъ числомъ слѣдуетъ естественно множественное. Держа въ рукахъ рукописный листъ, мы обратились къ Игумену съ заявленіемъ, что въ бытность свою въ Битолѣ мы слышали о большомъ желѣзномъ сундукѣ, полномъ старыхъ рукописей, хранящемся въ какомъ-то заклепѣ обители. Игуменъ улыбнулся на этотъ сумбуръ важныхъ словъ. Знаю, сказалъ онъ, кто вамъ говорилъ объ этомъ. Но мы ему отдали послѣднее, что еще было въ сундукѣ-то не согнившаго совсѣмъ, — „едно големо Евангеліе". Теперь въ сундукѣ только куча разорванныхъ и сгнившихъ листовъ. — Однакоже, замѣтивъ, что намъ непремѣнно хочется добраться до завѣтнаго сундука, охотно повелъ насъ въ церковь. Мы остановились передъ одною, до нельзя

«И що се предале царіе и кралеве и кто либо, все утвердисмо нарекоемо Хрѵсовуль.
«Первы метохъ у Прилепѣ Св. Димитрія. И молю вы о Господѣ отцы и братія его же
«Богъ изволи по кралевии господствующаго Сербскою землею, ни сынъ кралевии ни инъ
«кто сродникъ кралевии симу записанному Хрѵсовулю мною Стефаномъ четвертымъ, Богомъ поставленному кралю...» и пр. Полагаемъ, что представленная намъ копія не вѣрна своему подлиннику. Въ противномъ случаѣ хрисовулъ представляется, судя по языку, весьма сомнительнымъ.

низкою и узкою дверцей, и пролѣзли въ темное и тѣсное подполье, гдѣ при свѣтѣ восковыхъ свѣчей сейчасъ усмотрѣли воображаемое сокровище. Сундукъ самъ могъ поспорить съ любою гнилью. Можно потому было гадать, въ какомъ состояніи находятся стерегомыя имъ рукописи. И точно, когда мы открыли его, взору нашему представился цѣлый ворохъ гнилой и затхлой бумаги въ изорванныхъ, измятыхъ и скомканныхъ листахъ, разбитыхъ тетрадяхъ и наконецъ нѣсколькихъ цѣльныхъ, но страшно растрепанныхъ, книгахъ въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Все что попадалось на глаза, относилось къ церковному обиходу, представляя собою остатки Миней, Тріодей, Псалтырей и тому подобное и почти все было бумажное. Листки хлопчатки составляли рѣдкость, а о пергаментѣ и думать было нечего [1]). Все, что можно еще назвать книгою, было бѣгло пересмотрѣно мною. Серьезныхъ плодовъ отъ такого занятія конечно и ожидать нельзя. Замѣчательнѣе другихъ показалась мнѣ рукопись:

1. Ѳлока стыхъ оцъ. На бумагѣ, въ листъ. Большая и крѣпко разбитая книга. Въ концѣ ея есть приписка: *Сице писавый послѣднїй въ иноцѣхъ* авплоѳ. *Молюже прочитающихъ преднастояща къ исправленїю сїа исправити, прочая спрѣзирати. Понеже не писа дхъ сты... писа же сїа книга въ лѣто* ,Зцѕ (1468) григорїе гръкꙋ ѿ костꙋра и снꙋ Маноилꙋ. Криптографическое имя Авплоѳ, по извѣстному способу чтенія, даетъ слово: *Ѳикола,* вмѣсто котораго несомнѣнно слѣдовало написать: *Никола,* т. е. Нвплоѳ; тутъ очевидна ошибка. Замѣчательно, что въ 1468 г. Касторійскій грекъ интересовался славянскимъ переводомъ Отеческихъ писаній. А въ 1865 г. какой нибудь Битольскій *Поповичъ* слышать не хочетъ въ своемъ городѣ славянскаго богослуженія!

---

[1]) Однакоже компаньонъ мой увѣрялъ меня потомъ, что онъ и видѣлъ, и въ рукахъ держалъ пергаментную тетрадку съ отличнымъ славянскимъ письмомъ. Въ подтвержденіе сего представлены были и *вещественныя* доказательства.

2. Другая рукопись: минеѧ мартїе, — тоже на бумагѣ, въ листъ, и тоже разбитая, имѣетъ въ концѣ, на послѣднемъ листѣ: въ лѣ ,зск (1712) *списа сии минеи азъ убогій и мнѣшій въ иноцѣхъ Захаріе іеромонахъ монастиру* Трѣскавцоу *храмъ чтное оуспеніе прчстыя Бцы.* Точно такая же приписка находится въ концѣ другихъ трехъ-четырехъ книгъ, писанныхъ очевидно тѣмъ же самымъ Захаріею.

Всѣхъ книгъ мы насчитали 15. Описывать ихъ не стоило труда, да и обстоятельства не позволяли. Сырость, духота, всякое неудобство, да къ томуже еще и темнота, едва разгоняемая свѣтомъ огарка, обливавшаго платье наше воскомъ, гнали насъ неумолимо на верхъ. Съ десятокъ листовъ отъ „голема“ (большаго) Евангелія, незахваченныхъ въ свое время вмѣстѣ съ книгою въ Битоль, мы, по порученію Игумена, взялись доставить, куда слѣдовало. Тщательно осмотрѣвши подвалъ и не нашедши въ немъ рѣшительно ничего болѣе, мы выбрались въ церковь, и не одну минуту упражнялись въ одномъ дыханіи сухимъ и чистымъ (относительно) воздухомъ. Еще разъ на прощаніе обошолъ я церковь внутри, съ бо̀льшимъ противъ прежняго вниманіемъ присматриваясь ко всему. Въ правомъ (длинномъ) придѣлѣ мнѣ удалось, при этомъ, прочитать на одной иконѣ Богоматери, писанной на деревѣ, слѣдующую подпись: *Сaписасие сьѧ Бжтвная икона въ лѣто ,зрз. Митрополѣтъ Прилѣпскои* Іосїфъ. *Игѹменъ Маѯимъ. Настоятель* (?) *Цветко. Хлѣбаръ Мутавцъ.* Такъ какъ вторую цифру лѣтосчисленія можно принимать и за р, и за о, то годъ написанія иконы и процвѣтанія *Цвѣтка* съ *Мутавцомъ* и другими долженъ колебаться между 1599 и 1569-мъ. Во всякомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ имя Прилѣпскаго архіерея *Іосифа,* неизвѣстное ученому Лекеню въ его: Oriens Christianus. Другая, весьма чтимая, икона Богоматери въ томъ же придѣлѣ написана въ нишѣ стѣны, отдѣляющей его отъ большой церкви, и повидимому служившей когда-то дверью. По окружности нишевой арки тоже тянется надпись, гласящая: *Изволеніемъ отца...* и пр... *сыц образъ*

въ лѣто єцлѳ҃. *Мѣсяца октоврія* ід҃. Такая хронологія поставила меня въ тупикъ. 5939-й годъ соотвѣтствуетъ 431-му отъ Р. Х.! Иконы такой отдаленной древности, да еще писанной на стѣнѣ, мнѣ еще не случалось не только видѣть, но даже слышать. Если икона относится къ V вѣку, то и церковь сама должна быть тогоже времени... Выводовъ не оберешься. Не довѣряя глазамъ своимъ, я сталъ освѣщать цифры съ разныхъ сторонъ, и убѣдился наконецъ, что числовая буква є подправлена. Очевидно, что первоначально на мѣстѣ ея стояло ѕ, и годъ выходилъ тогда 1431-й. Кому пришла охота играть людскимъ довѣріемъ? Мнѣ невольно припомнились при этомъ „четыредесять стотинъ".

Болѣе не за чѣмъ было оставаться въ горней Обители Трескавецкой. Не отъ кого было узнать, отчего она получила такое трескучее имя. Въ Стефановомъ хрисовулѣ какъ будто можно видѣть намекъ, что Богоматерняя чудотворная икона звалась этимъ именемъ, перешедшимъ потомъ и къ монастырю. Можетъ быть слышался по временамъ отъ образа *трескъ*. Выдаю догадку за то, что́ она есть, не зная даже, нѣтъ ли въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ другаго сло́ва, также близко подходящаго къ Трескавцу, но съ другимъ значеніемъ, нежели наше: трескъ. Мы поблагодарили хозяевъ за ихъ радушный пріемъ, сдѣлали маленькіе подарки школьникамъ, сказали слово благо ихъ учителю, и вышли за монастырскую ограду. Намъ указали мѣсто, откуда можно подняться на вершину горы. Признаюсь, при взглядѣ на голыя и страшно разсчепанныя скалы громаднаго конуса, именуемаго *златоверхомъ*, золотой верхушки котораго нельзя было и видѣть изблизи, у меня, такъ сказать, упало сердце, хотя для меня и далеко не первина — горные подъемы. Смѣлый спутникъ мой попытался было сдѣлать нѣсколько сальтоморталей съ утеса на утесъ, но, не замѣтивъ во мнѣ большаго сочувствія къ такому напрасному подвигу, спустился назадъ. Тутъ мы вторично откланялись Трескавецкимъ старцамъ, и по указанію ихъ стали пѣшіе спускаться съ горы бездорожицей по

западному ея склону, а Търпко съ лошадьми отправился въ обходъ по стежкѣ, носящей имя дороги. Пришлось все таки не мало попрыгать по усѣянному огромными глыбами гранита, крутояру. Долго стояли на верху на выдающемся утесѣ оба старика, видимо пригорюнившись и провожая насъ глазами. Уже мы махали имъ зонтиками на прощаніе, давая знать, что имъ пора идти на дѣло свое и на дѣланіе свое, а они все стоятъ! Видъ ихъ умилилъ меня. Жаль стало ихъ одиночества. Поставилъ я себя на мѣсто ихъ, и почувствовалъ такой приливъ тоски, что счелъ за лучшее не оборачиваться уже болѣе къ нимъ. Живите съ Богомъ, пришельцы міра, отшедшіе изъ міра! Вѣроятно вамъ и не на столько скучно тамъ подъ небомъ, на сколько сокрушается тутъ о васъ сердце, готовое горевать при всякомъ случаѣ. — Не тужи, родимый нашъ, говорилъ мнѣ, помню, одинъ такой же глубокій старецъ, на котораго я насматривался въ послѣдній разъ, мы-семейные-вѣдь привыкли къ разлукѣ. Вотъ по отъѣздѣ твоемъ, возьму внучка за руку, и пойдемъ въ полугоре, и уляжемся. — Божіе, конечно, и это устроеніе, что гдѣ старый, тамъ и малый. Другъ за друга держатся они на землѣ сей, и такъ, невѣдомо самимъ себѣ, рѣшаютъ глубокую загадку жизни. Вотъ и Търпко нагоняетъ насъ веселый и благодушный, какими въ его лѣта вѣрно не будутъ его спутники. Онъ, по слову Экклезіаста, видитъ и чувствуетъ себя *подъ солнцемъ съ юнымъ вторымъ, иже востанетъ вмѣсто него,* и радъ тому!

„Златоверхъ“ грозно высится темнофіолетовой массой. Чтобы нѣкоторое впечатлѣніе золота пало съ него на глазъ, нужно смотрѣть на него вечеромъ при захожденіи солнца. Теперь же, скорѣе бы кто назвалъ его свинцоверхомъ. Видъ его съ каждымъ шагомъ лошади все мѣняется, профилируясь и съуживаясь. За то впереди раскрывается иззубренный конусъ Марковой горы. Придорожныя высоты ея мало по малу задвигаютъ собою златоверхій Синай въ миніатюрѣ. Какъ не пожелать ему на прощанье дѣйствительно стать

Хоривомъ Славянства. Малая школа Трескавецкая пусть бы была питомникомъ какого нибудь новаго ревнителя Иліи. Мнѣ всегда казалось знакомъ упадка и извращенія идеи монашества наша послѣднихъ временъ тенденція обращать монастыри въ школы, фальшивымъ звукомъ въ общемъ строѣ нашей духовной жизни. Уступаю на этотъ разъ въ пользу Трескавца, зная, что тамошняя наука не выйдетъ изъ духа азбуки, и первымъ продуктомъ своимъ не будетъ имѣть ополченіе противъ монашества. Огибаемъ *Маркову* (да не лучше ли: Самуилову или Лазареву?) *Паланку* съ запада, и въѣзжаемъ прямо къ *Варошу*, или Старому Прилѣпу. Вонъ и монастырь Архангеловъ ослѣпительно бѣлѣетъ въ своей горной впадинѣ, и старая крѣпость уходитъ въ безоблачное лазуревое небо. Было часовъ 11. Отъ жара все въ селеніи попряталось въ дома, и на узкихъ, искривленныхъ улицахъ мѣстечка не было ни души. Невольно припомнились мнѣ пыльныя и опаленныя Помпеи, по которымъ я когда-то также бродилъ въ полдневный зной, не встрѣчая образа человѣческаго. И здѣсь на каждомъ шагу разрушеніе. Преданіе о 70 церквахъ, существовавшихъ тутъ въ стародавнее время, изъ коихъ тридцати можно еще указать мѣсто, побуждало насъ переходить отъ одного пустыря Вароша къ другому, въ надеждѣ отыскать что нибудь болѣе, чѣмъ три единственныя теперь (всѣ впрочемъ древнія) церкви мѣста. Пришлось довольствоваться этими одними. Большая изъ нихъ, какъ бы соборная, есть *Св. Димитрій*. Она стоитъ отдѣльно на площади, незначительныхъ, конечно, размѣровъ, но отличается красивымъ византійскимъ стилемъ, съ высокимъ куполомъ, пробитымъ множествомъ узкихъ оконъ. Судя по тремъ абсидамъ (алтарнымъ выступамъ) на восточной сторонѣ, надобно думать, что храмъ трехпрестольный. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть его внутренность. Не могли отыскать человѣка, владѣющаго ключами отъ него. Обошедъ назадъ кругомъ его, и напрасно поискавъ какой нибудь надписи, преднамѣренной или случайной, на

стѣнахъ его, я сдѣлалъ для себя карандашемъ набросокъ его съ юго-восточной стороны, и предоставилъ преемнику и продолжателю своихъ странствованій по Румеліи удовольствіе разглядѣть и сообщить къ свѣдѣнію всѣхъ, что онъ найдетъ тамъ достойнаго пера новаго Павсанія. Другая, тоже очень красивая церковь *Св. Петки* (Параскевы) осмотрѣна была нами и снаружи и извнутри. Изящно ея наружное убранство изъ правильной перемѣси краснаго кирпича и желтаго камня, съ разными игривыми узорами, не худо и внутреннее расписаніе стѣнъ иконами, конечно уже много попорченными отъ времени[1]). Планъ церкви есть параллелограмъ, раздѣляемый четырьмя колоннами, поддерживающими куполъ и всю систему арокъ и сводовъ, на три продольника, по простѣйшему и самому общему чертежу византійскихъ храмовъ; хорошо все и стройно, но уже черезъ чуръ малообразно (миніатюрно). Достаточно сказать, что вся длина церкви 7 метровъ съ половиной, а ширина только $5^1/_2$. Третія церковь *Св. Николая* по плану еще проще. Вся она состоитъ изъ продолговатой комнаты съ выступомъ на восточной сторонѣ для алтаря. Почти тѣхъ же (29×12 футовъ) размѣровъ пристроенъ къ церкви спереди притворъ низкій, темный, нечистый, пригодный болѣе для конюшни, чѣмъ для мѣста общественной молитвы. Его требовала конечно крайность, условливаемая тѣснотою самаго храма. Странно, что ктитору сего послѣдняго не пришла въ свое время въ голову мысль о тѣснотѣ. Богомольцы того времени предпочитали множество величію. Не будемъ осуждать ихъ за то, но желали бы узнать отъ нихъ, гдѣ они доставали средства содержать столько церквей съ богослуженіемъ въ каждой изъ нихъ, и слѣд. съ столькими священнослужителями? Внутренность церкви (безъ притвора) расписана иконами старой кисти, и стоила бы по-

[1]) Всѣ подписи иконъ греческія. Замѣтки о времени расписанія церкви и пр. я нигдѣ не могъ досмотрѣться.

дробнаго осмотра. А внѣшняя отдѣлка стѣнъ такъ изящна, что весь храмъ кажется дорогою игрушкою, на которую слѣдуетъ поставить футляръ, чтобы защитить отъ непогоды. Осматривая внутри притворъ, мы увидѣли въ стѣнѣ церковной, возлѣ самой двери, ведущей изъ него въ церковь, большой камень съ древнею греческою надписью въ 7 строкъ (сохранившихся), заключающую въ себѣ слѣдующее: *Величайшаго и божественнѣйшаго императора Кесаря Луція Септимія Севера. Ульпія, Исидора—она же—Сараміада—и Аврелій Антигонъ*...[1]) (почтили чѣмъ нибудь). Другой такой же камень съ греческою же надписью, находится у входа въ притворъ, половина котораго закрыта раздѣляющей притворъ отъ церкви стѣною. Оттого сохраняющаяся часть надписи не даетъ опредѣленнаго смысла. Мы передаемъ ее въ точной копіи[2]). Вторично осматривая внутренность церкви, мы усмотрѣли надъ окномъ правой стѣны трудно различаемую отъ идущаго изъ подъ нея луча солнечнаго ктиторскую замѣтку, начинающуюся словами: *съ основанія воздвигнутъ*.. и пр. 6807 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ[3]). Годъ этотъ соотвѣтствуетъ 1299-му отъ Р. Х. Освѣщается такимъ образомъ эпоха построенія Прилѣпскихъ церквей, видимо принадлежащихъ одному и тому же времени. Кралевствовалъ тогда Стефанъ VI Милутинъ, а царствовалъ (въ Константинополѣ) Андроникъ Старшій, тесть Милутина, въ этомъ именно году выдавшій за него осмилѣтнюю дочь свою Симониду, о чемъ мы уже упоминали, бывши въ Солунѣ. Который изъ двухъ монарховъ владѣлъ тогда Прилѣпомъ? Вѣрится, что греческій, а не славянскій самодержецъ. Ибо вотъ, со-

---

[1]) Τὸν μέγιστον καὶ θειότατον αὐτοκράτορα Καίσαρα Λούκιον Σεπτίμιον Σεουῆρον. Οὔλπια, Εἰσιδώρα πι (?) καὶ Σαραπιὰς καὶ Αὐρήλιος Ἀντιγονο.... εμων... Конца надписи нѣтъ. Время опредѣляется императоромъ,

[2]) εικο τύχη.... δ'ἄγαλμα.... κκηι ἀνορ.... ευξε παρᾶ ε... πιγονητε... ομου ευνο... μαι μαιμος...

[3]) ἐκ βάθρου ἀνεγέρθη.... ςω͞ζ. Νοεμβρίου...

временное имъ обоимъ, расписаніе церкви иконами, представляетъ сплошь однѣ греческія надписи, увѣнчанныя, такъ сказать, ктиторскою замѣткою, писанною тоже по гречески. Наконецъ, отыскались двѣ строчки и славянскаго письма въ притворѣ. По лѣвую сторону дверей, вводящихъ изъ него въ самый храмъ есть замѣтка на стѣнѣ: *Помени моле... раба своего Димитра.* Въ темномъ углу той-же паперти мы досмотрѣлись шкафа. Онъ оказался безъ замка. На полочкахъ его валялся всякій хламъ церковный, негодный, или на время ненужный для употребленія. На ряду со всѣмъ прочимъ валялось и около десятка старыхъ и погнившихъ рукописныхъ книгъ богослужебнаго содержанія XVII—XVIII вѣка, безжалостно брошенныхъ на конечное истребленіе гордою эпохою скоропечатнаго слова, какъ колющій глаза анахронизмъ. Не сомнѣваюсь, что ими наполненъ былъ когда-то весь шкафъ, но лучшія изъ нихъ, конечно, попали въ карманы и сакъ-вояжи сострадательныхъ туристовъ. Хоть бы уже то, что еще осталось, священники забрали и спрятали въ Архангельскомъ монастырѣ, во свидѣтельство того, что Прилѣпъ когда-то жилъ широкою славянскою жизнію, не смотря на свою греческую иконопись. Я просилъ вратарника церкви передать мое сердечное желаніе Архангельскому игумену.

Пожелавъ безнадежно старому Варошу обновиться, мы сѣли на лошадей, и отъѣхавъ саженей сто, еще разъ полюбовались его прекрасными церквами, и затѣмъ понеслись безъ оглядки по ровному полю къ новому Прилѣпу или по турецки *Перлепе,* манившему къ себѣ издали зеленью садовъ и бѣлизною минаретовъ. Легкія и красивыя эти зданія исламофильной фантазіи иного европейца-туриста могутъ казаться восковыми свѣчками, ставимыми новыми иконоборцами Византіи передъ нерукотвореннымъ иконостасомъ храма вселенныя. На взглядъ же иного византійца, смотрящаго денноночно изъ высокаго окна Московсерая на цѣлый лѣсъ минаретовъ, высящихся на *томъ*

берегу, они представляются скорѣе отточенными стрѣлами, пускаемыми въ живое и населенное христіанское небо дикимъ и степнымъ магометанствомъ. Есть такимъ образомъ способъ заставить себя въ дѣйствительно изящномъ видѣть нѣчто непріятное и отвращающее. Съ другой стороны, и магометанинъ не можетъ слышать равнодушно христіанскаго колокола, этого *всеслични*аго органа музыкальнаго, такъ мудро и вмѣстѣ такъ просто придуманнаго духомъ человѣческимъ, тоскующимъ о небѣ. Уже болѣе 1000 лѣтъ уживаются кое-какъ на Востокѣ коранъ съ Евангеліемъ, отрицая постоянно другъ друга. Чѣмъ объяснить это? Всего проще—общностію понятій ихъ о Богѣ—Отцѣ Небесномъ. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что дервишъ-изувѣръ и христіанскій богословъ протянутъ другъ другу руку, чтобы вмѣстѣ оттолкнуть отъ себя ученаго астронома, „не отыскавшаго въ небѣ ни какаго слѣда Бога". Меньше, чѣмъ черезъ полчаса мы были уже въ городѣ, показавшемся, судя по улицамъ, черезъ которыя мы проѣхали, весьма не взрачнымъ, въ родѣ Водены и Енидже и отдаленныхъ кварталовъ Битоля. Мы остановились въ одномъ изъ многочисленныхъ хановъ торговаго города, просторномъ, но крайне непригляднымъ. Пока Търпко кормилъ лошадей и производилъ на базарѣ какія-то необходимыя закупки, намъ представлялся случай осмотрѣть довольно громкую въ Македоніи мѣстность и въ частности мѣсто пресловутой въ краѣ ярмарки, на которой, благодаря дѣятельному и предпріимчивому духу родолюбца А. Н., открыта продажа и русскихъ Богослужебныхъ книгъ, особенно—Кіевской печати. Такъ какъ мнѣ нужно было привести въ порядокъ свою записную книжку, то я не отказалъ себѣ въ подобномъ удовольствіи, но предложилъ воспользоваться имъ спутнику, улегшемуся въ тѣни на рогожкѣ. Въ отвѣтъ получилъ замѣчаніе, что населеніе города албанское, фанатичное, и что нашъ костюмъ, да еще и русскій, можетъ непріятно броситься въ глаза... и пр. Я перемѣнилъ, какъ говорится, тему,

и сказалъ, что хотя до церкви, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ пройтись, чтобы имѣть понятіе о христіанствѣ города... Но и на это послѣдовало совершенно основательное замѣчаніе, что теперь въ полдень всѣ церкви заперты, и что не найдется совсѣмъ охотника сидѣть тамъ и ждать насъ съ ключемъ... Такъ, припоминаю, и у Саломона нѣкто, *посылаемый на путь, глаголетъ: левъ на стезяхъ! На стогнахъ же разбойницы!*.. Ничего не подѣлаешь! Правда, впрочемъ, требуетъ сказать, что если не „левъ", то палящій жаръ дѣйствительно свирѣпствовалъ на стезяхъ и стогнахъ городскихъ. Продолжая аллюзію, я могъ бы отыскать и грознаго „разбойника", только уже не въ городѣ, а тутъ возлѣ насъ, въ корзинѣ. Его грозящему положенію обязаны своимъ бытіемъ и всѣ вышеписанныя 10—15 строкъ, какъ легко угадаетъ читатель... Подкрѣпившись пищей и короткимъ сномъ, мы нашли, что у стараго вожатаго уже все готово, и что онъ только въ ожиданіи нашего пробужденія открылъ, коротая время, „кувенду" съ почтеннымъ ханджи. Отъ послѣдняго мы узнали, что въ новомъ Прилѣпѣ, какъ и въ Битолѣ, одна только всего на все церковь, что при ней числится 13 священниковъ, завѣдывающихъ 8-ю приходами, неравными по числу населенія въ каждомъ, но вообще не менѣе 100 и не болѣе 300 семействъ. Одинъ изъ священниковъ титулуется Протопопомъ, но существеннаго преимущества надъ другими не имѣетъ. Каждый изъ попповъ ежегодно взноситъ владыкѣ эпитрахильной подати одинъ австрійскій дукатъ (3 р. звонкою монетой). Изъ этихъ немногихъ свѣдѣній видно, что городъ болѣе, чѣмъ на половину христіанскій, ибо имѣетъ въ себѣ не болѣе 6—7 тысячъ жителей. И, несмотря на это, физіогномія его, какъ говорится, турецкая. Ибо доколѣ существуетъ въ краѣ предательски—боязливая система „Византійскихъ Ппоповичей", напрасно ожидать возвышающихся надъ массою домовъ куполовъ и колоколенъ. При мысли же о сіяющемъ издали надъ городомъ золотомъ крестѣ, почтенная система пришла бы въ вѣрноподданнической

данническій ужасъ. Оттого-то у ней и умножаются ежегодно десятками тысячъ золотые флурья, кремицы, маджары, дукаты [1])... А за тѣмъ у нея на головѣ хотя колъ теши, по пословицѣ!

Сейчасъ же за городомъ начинается тучная луговая земля, вся зеленѣющая въ настоящую пору года отъ избытка воды. Не достаетъ только лѣса, чтобы опять стала носиться передъ глазами родная земля. Дорога широкая и *колесная*, что въ Турціи не малая рѣдкость. На встрѣчу попадаются телѣги, запряженныя и лошадьми и волами. И часъ и два пути, — все тѣже впечатлѣнія. Начинаетъ уже и прискучивать гладкая и ровная земля славянская... Нѣтъ! Довольно уже аллюзій. Перестану тревожить ни въ чемъ неповинное славянство. А то, того и гляди, покажутся гдѣ нибудь на дорогѣ 15,000 слѣпыхъ воителей славянъ, гонимыхъ гуртомъ, по направленію къ Прилѣпскому замку, на показъ зрячему воеводѣ. Славяне виноваты въ такомъ обстоятельствѣ, не слыханномъ, думаю, отъ вѣка и въ исторіи гуртовыхъ животныхъ? Нѣтъ. Виноваты люди! Влѣво встрѣчная телѣга, полная сѣдоковъ. Одинъ изъ нихъ попъ Никола, знакомый незнаю кому изъ насъ, изъявляетъ и языкомъ и глазами и руками свое глубокое сожалѣніе о томъ, что не былъ у себя дома въ Перлепе, и потерялъ случай принять такихъ рѣдкихъ гостей. Спасибо за нежданную ласку. Видно, что изъ зрячихъ „гуртовыхъ". Поднимаемся на одну возвышенность, съ которой открывается вся широкая Битольская равнина, и на ней самая столица Пелагоніи, исчезавшая въ вечерней тѣни, набрасываемой на нее птичьимъ силуетомъ громадной Перистери. Быстрѣе поѣхали мы на этотъ радующій и какъ бы помававшій намъ образъ. Дорожникъ *Вуе* насчитываетъ съ десятокъ селеній

---

[1]) Все это разныя наименованія одной и той-же монеты — венеціанскаго, а потомъ австрійскаго, *червонца*, болѣе всѣхъ другихъ распространеннаго по обѣимъ сторонамъ Балкановъ.

между Прилѣпомъ и Битолемъ, но мнѣ не удалось видѣть ни одного изъ нихъ. Вѣрно, половодья ради, мы избрали другой путь. Вмѣсто людей, встрѣтили въ одномъ мѣстѣ большой табунъ лошадей, стоившій намъ не малыхъ усилій удержать въ порядкѣ своихъ коней. Наилучшимъ средствомъ къ тому оказалось пронестись въ махъ мимо соблазнительнаго для нихъ зрѣлища. Въ награду за такой непосильный подвигъ мы встрѣтили цѣлый обозъ мирныхъ поселянъ, двигавшихся съ стоическимъ терпѣніемъ на волахъ отъ Битоля къ Прилѣпу съ музыкой и всякимъ степнымъ весельемъ. Стало темнѣть, а Битоль все мало подвигался къ намъ. Наконецъ все кругомъ насъ слилось въ одинъ непроглядный мракъ. Усталыя лошади чуть передвигали ноги, а мы чуть держались на нихъ. Кажется все сплошь болѣло и просилось на покой. Лай собакъ привѣтствованъ былъ нами, какъ свѣтъ маяка мореходами. Затемнѣли очертанія деревьевъ, за которыми естественно ожидались и неясныя фигуры домовъ. А между тѣмъ дорога уперлась въ какія-то, даже Търпку — самоземцу мѣстъ этихъ невѣдомыя, собранія водъ. Это были лужи, образовавшіяся вчера и третьяго дня отъ проливныхъ дождей. Наконецъ задвигались по нимъ и огоньки, отражавшіеся несомнѣнно изъ оконъ городскихъ домовъ. Въ тоже время сзади вдругъ разостлалось какое-то бѣлесоватое полотно кругомъ насъ. Показалась запоздавшая немного (славянская?) луна. Вотъ загудѣла и мостовая подъ копытами лошадей нашихъ на разные тоны, бросились съ лаемъ собаки, захлопали оконныя створки, заржала гдѣ-то лошадь, привѣтствующая нашихъ четыреногихъ товарищей. Мы были, значитъ, дома... Отъ всѣхъ впечатлѣній дальнѣйшаго времяпровожденія вечерняго осталось въ памяти одно, — поминутное сомнѣніе въ томъ, что сидишь на диванѣ, а не на конѣ, и держишь въ рукахъ стаканъ съ чаемъ, а не поводъ узды. Припоминается еще смутно, вмѣстѣ съ пѣніемъ самовара, и чье-то напѣванье на тему, что, по обязательному уставу азбуки, за *покоемъ* слѣдуетъ:

рицы, но что ни одно *слово твердо* не исходило изъ онѣмѣвшихъ устъ. Даже и острословный намекъ на *Прилѣпъ* не могъ расшевелить языка, дѣйствительно прильпнувшаго къ гортани.

Пелагонія. 29 Мая 1865 г. Суббота.

Цѣлая недѣля уже прошла со дня водворенія нашего здѣсь. Приходитъ помыслъ въ голову, усталую или лѣнивую или боязливую — чего болѣе? Недоберешься — не достаточно ли на первый разъ? Вѣдь, собственно говоря, мы только провожаемъ своего добраго знакомаго до мѣста его назначенія. Цѣль наша была проѣхать Македонію, высмотрѣть своихъ предковъ по исторіи — южныхъ славянъ — на мѣстѣ ихъ жительства, повѣрить своимъ ухомъ и глазомъ то, что расказываютъ одни о другихъ, съ одной стороны „патріоты" съ ихъ великою идеею, а съ другой — „родолюбцы" съ ихъ малыми затѣями, и — наконецъ — просто прогуляться. Все это мы сдѣлали, по милости Божіей, удачно, вполнѣ по желанію сердца своего. Чего же еще болѣе? Остается помолиться Богу и возвратиться черезъ Веррію и Олимпъ опять въ Солунь, а оттуда на свой несравненный Воспоръ-Ѳракійскій. И куда ѣхать еще изъ Битоля? Прямо на западъ къ Албанцамъ? — На югъ къ Грекамъ? — На сѣверъ къ Сербамъ? Сербы — тѣже славяне, жизнь ихъ я уже нѣсколько видѣлъ, и — понимаю. Албанской не хочу, да пожалуй и боюсь видѣть. Греческую — и такъ знаю... Такъ я разсуждалъ утромъ сегодня, находясь еще подъ вліяніемъ вчерашней непомѣрной усталости. Но вотъ явился на столъ „славянскій" самоваръ. Къ нему присосѣдился Kiepert, хотя и нѣмецъ, но посвященный во всѣ таинства славянства. По Киперту ходитъ палецъ, измѣряющій разстояніе отъ Битоля до Охриды. — Вѣдь только *одинъ* день! Утромъ отсюда, а вечеромъ тамъ! Вотъ помѣряйте. Что въ Трескавецъ, то и въ Охриду. — Все это напѣвалъ мнѣ любезный това-

рищъ мой. Для него конечно она — *Охрида,* центральный пунктъ старой Болгаріи, въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ уже прославившій себя національными стремленіями. А для меня она къ тому же еще и пресловутая *Первая Юстиніана,* столько шума надѣлавшая въ исторіи церкви. Какъ же пропустить случай видѣть ее? — Ну, а изъ Охриды куда? — спросилъ я, притворяясь упорствующимъ и настаивающимъ на своемъ вчерашнемъ, отчаянно изреченномъ: nec plus ultra! — Изъ Охриды? А тамъ — куда хотите. На море, и — домой!.. Это: „домой" такъ свѣтло и радостно просіяло мнѣ изъ за синяго моря, что я чуть не сказалъ: „такъ чтоже? Садимся и ѣдемъ. „Но ѣхать-то все таки пришлось обождать. Мы связаны были условіемъ съ тѣмъ, о комъ освѣдомлялись изъ Солуня по телеграфу, а его не было на лицо. Онъ поѣхалъ провожать провожавшихъ насъ сюда. Пришлось посвятить покою день субботный. Да и очень кстати было это. Накопилось много „записнаго" дѣла. Ктомуже попалось въ руки славянское пергаментное Евангеліе, принадлежащее г. Секретарю мѣстнаго консульства, завзятому славянофилу, поднесенное ему благодарными родолюбцами. По обычаю, книгѣ недостаетъ конца, и нѣтъ потому возможности съ точностію опредѣлить вѣкъ ея, такъ какъ книготворцы стараго времени, списывавшіе „священныя делты", боялись осквернить ихъ какими нибудь сторонними замѣтками среди текста, и приберегали для этого послѣднюю страницу, на которую, къ сожалѣнію, больше всего нападаетъ время. Можетъ быть и Евангеліе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло свою хронологію, расчитывавшую на вниманіе и память отдаленныхъ поколѣній, но не смекнувшую, что до тѣхъ поколѣній она можетъ дойти въ видѣ письма безъ адреса. По всей видимости, книга должна принадлежать XII вѣку. Говорилъ ли кто нибудь въ то время ея языкомъ? И откуда взялся этотъ таинственный *Славянскій* языкъ? Несмотря на сотни, и можетъ быть тысячи изслѣдованій о немъ, мнѣ кажется, это все еще остается вопросомъ „открытымъ".

Конечно, прежде всего за освѣдомленіями о немъ надобно обратиться къ *Словинамъ* и *Склавунамъ*, какъ естественнымъ наслѣдникамъ и носителямъ великаго имени. Но разъ, знакомый мнѣ и очень книжный Славунъ Аѳинскій завѣрялъ меня, что и для него Евангеліе на столько же и свое вмѣстѣ и чужое, на сколько и для всякаго русскаго; я ссылаюсь на этотъ примѣръ потому, что считаю себя совершенно неподготовленнымъ къ дѣлу. Наиболѣе знакомыя мнѣ изслѣдованія въ этомъ родѣ *Шафарика* и *Майкова* оставляютъ многаго желать въ ясности и опредѣленности, а главное — въ систематичности изложенія. Первое слово Библіи: *искони*, говорятъ, уже есть наше русское, а не склавунское или иное какое южно-славянское. Мы и теперь въ живой рѣчи своей употребляемъ выраженіе: *по конь* вѣку. Въ раннемъ дѣтствѣ, играя въ бабки, бывало говоришь и слышишь съ утра до вечера слова: въ *конъ*, за *конъ*, изъ-*кону*... вовсе не думая о томъ, что выражаешься по славянски. Отчего бы нашимъ славянистамъ не передать къ общему свѣдѣнію самымъ наглядным и впечатлительнымъ образомъ всѣ оттѣнки широкой, многочастной и многообразной славянской рѣчи, передавъ напр. одинъ и тотъ же литературный образчикъ какой нибудь (всего бы лучше разговоръ) на всѣхъ существующихъ нарѣчіяхъ, мóвахъ и говóряхъ великаго племени нашего. Всему свѣту извѣстные (изъ Kladderadatsch) Шульцъ и Миллеръ одѣлали всему свѣту извѣстнымъ плоско-нѣмецкій (Plattdeutsch) говоръ Германскаго племени. А наши несчетные писатели, вышедшіе изъ народа, никакъ не додумаются до мысли ознакомить хотя свой собственный людъ со всѣмъ разнообразіемъ его областной говори въ настоящихъ, живыхъ и вѣрныхъ образцахъ, на которые такъ мало похожи встрѣчаемыя иногда въ изданіяхъ „для народа", смѣшныя и жалкія попытки поддѣлаться подъ его могучую, замысловатую, и полную своероднаго юмора, рѣчь. Послѣ нашихъ подобныхъ образчиковъ всенародной мови въ 10–ти и болѣе видахъ,

ли это болгаринъ? Оказалось, что это — Влахъ, но не изъ Великой Дунайской Влахіи или по теперешнему Романіи, а изъ Эпиро-Өессалійскихъ Куцо-Влаховъ или горныхъ пастуховъ, знакомыхъ мнѣ еще по Греціи. Это бродячее безземельное племя, подобно цыганамъ, не имѣетъ причины ни любить кого нибудь по идеѣ, ни ненавидѣть, и готово служить первой силѣ и первой подачкѣ. Таковъ именно характеръ и нуженъ былъ Пелагонійскому Святителю, задавшемуся мыслію обратить *Буковскій* монастырь въ Греческій [1]). Но увы! Торговый духъ греческій не находитъ пригоднаго себѣ поприща въ стѣнахъ обители, и все населеніе ея, какъ мы видѣли, состоитъ доселѣ изъ одного Игумена, который — надобно отдать ему справедливость — дѣйствуетъ въ видахъ эллинизма почище настоящаго грека. Не странно ли? Въ Молдаво-Влахіи существуетъ поголовное ополченіе противъ всего греческаго, а тутъ волохъ распинается за грековъ! Явленіе поучительное. Мнѣ припоминается теперь, какъ лѣтъ за 12 передъ этимъ одинъ архимандритъ греческій (и кавалеръ Св. Анны), долго жившій въ Валахіи, прибывъ съ „золотыми" конечно воспоминаніями о мѣстѣ своихъ подвиговъ — въ прекрасную, но нищую, землю отцовъ своихъ, говорилъ мнѣ, жалуясь: „Братъ ты мой любезный! Ненавидятъ насъ тамъ наши братья по вѣрѣ (и соперники по карману!), и неодныхъ насъ, а и васъ, да еще — какъ"! Тогда мнѣ казалось, что преогорченный фанаріотъ хочетъ только утѣшить себя, примѣшавъ ὑμᾶς къ ἡμᾶς. Но за тѣмъ уже не разъ я имѣлъ случай убѣдиться, что насъ пожалуй тоже не долюбливаютъ новые *Римляне*. Отчего бы это было? Не отъ того ли, что столько вѣковъ уже славяне упорно навязываютъ имъ свое письмо, а подъ часъ и еще кое-что? Не вслѣдствіе

---

[1]) Ультрамонтанъ B. Nicolaidy, согласно сему предположенному огреченію, въ своей книгѣ уже называетъ монастырь: Boucovon. Удивляюсь, какъ не назвалъ его еще патріотичнѣе: Βουχολέων.

еще и заговѣльный, а послѣ завтра въ Понедѣльникъ и отправиться въ *Старую Болгарію*.

Толи-Манастиръ. 30 Мая. Воскресеніе.

Тó ли монастирь, чтó носитъ теперь на себѣ, повидимому безъ всякаго права, монастырское имя, или въ самомъ дѣлѣ былъ тутъ гдѣ-то, когда-то знаменитый какой нибудь, безъ вѣсти пропавшій, монастырь, съумѣвшій закрѣпить свое имя за всею окрестностью? Надобно отыскать что нибудь похоже на *монастырь*. Не даромъ же имя такое пристало городу. При первыхъ поискахъ открывается преданіе о существовавшихъ тутъ (гдѣ: *тутъ*?) 70 монастыряхъ. Припомнимъ разсказъ о 70 церквахъ Прилѣпскихъ... Слѣдуетъ заключить, что цифра 70 играетъ тутъ роль только круглаго числа или множества, въ родѣ французскаго: infinité. Но что нибудь осталось же отъ столькихъ обителей, кромѣ неуловимаго преданія? Церкви, кельи, стѣны, заросшіе холмы, урочища, земли, наконецъ — за недостаткомъ всего этого — древнія имена, истребить которыя часто не могутъ ни люди, ни вѣка, ни всѣ силы природы?.. Когда на то пошло, объявились близъ самаго города, на подошвѣ Перистери, вдругъ два монастыря: *Буковскій* и *Христофоровъ*. Рѣшено было видѣть ихъ. Около полудня мы-трое всадниковъ — отправились въ путь, направляясь прямо къ югу. Погода отлично благопріятствовала поѣздкѣ. За городомъ пестрѣли по зеленому полю группы гуляющихъ. Подъ большимъ деревомъ цѣлая ватага греческаго юношества, распѣвающая патріотическія пѣсни, коихъ не должно было слышать магометанское ухо. — Вонъ и нашъ артистъ тамъ же, замѣчаетъ компаньонъ. Но артиста тутъ уже не было. Тутъ былъ патріотъ. Онъ не обратилъ на насъ ни какаго вниманія, хотя мы проѣхали весьма близко къ partie de plaisir юныхъ Ираклидовъ Пелагонскихъ. Все таже, роковая для потомства отставнаго полубога, колонизаціонная система продолжаетъ заявлять

себя повсюду и теперь у племени, которое все учится, и все не научится самой простой и старой истинѣ, что сила народа заключается въ совокупности, а не въ разрозненности отдѣльныхъ личностей, и что всякое выселеніе съ роднаго мѣста равносильно народному самоуничтоженію. Но... фатума ни обойдешь ни перейдешь! Весь теперешній жгучій вопросъ Ѳрако-Македонскій есть прямое послѣдствіе подобныхъ parties de plaisir людей, живущихъ ultra-практическимъ, и на извѣстный моментъ весьма пригоднымъ правиломъ: Ubi bene, ibi patria, но въ политическихъ комбинаціяхъ совершенно не приложимымъ къ дѣлу. Простирая собственный взядъ за предѣлы угла своего, поселенецъ привыкаетъ думать, что и все прочее есть тоже его собственность въ какомъ нибудь смыслѣ, хотя напр. въ смыслѣ *его* отечества, но никакъ не додумается до вопроса: онъ-то самъ *чья* собственность? А когда вопросъ этотъ, послѣ множества родовъ и поколѣній, приметъ характеръ „вопроса жизни“, ему не останется ничего болѣе дѣлать, какъ выбрать одно изъ двухъ: или согласиться на нерадостную правду, что онъ пришлецъ и живетъ въ чужомъ мѣстѣ, или отдѣлываться отъ нея софизмами, паралогизмами, жалобами, бранью, всѣмъ, что можно натянуть и, такъ сказать, притянуть за волосы, въ подтвержденіе своихъ отрицаемыхъ *народныхъ* правъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, по притязанію другихъ мѣстъ, гдѣ онъ никогда не жилъ, но гдѣ живутъ такіе же проходимцы, или хотя переходимцы, успѣвшіе образовать изъ себя нѣчто сильное и цѣлокупное... Но — опять мы толчемъ воду. Вотъ на подгорьи стоитъ невзрачная кучка зданій, обнесенная кое-какъ стѣнкой. Это и есть монастырь Вуковскій, получившій свое имя отъ сосѣдней деревни *Вукова*. Было время послѣобѣденнаго отдыха, и потому не скоро мы были приняты о. Игуменомъ. Пріемъ былъ, конечно, по всѣмъ правиламъ мѣстнаго этикета, но какой-то тяжелый, какъ бы сонный. Почтенный хозяинъ — человѣкъ лѣтъ за 40 съ темной и сухой физіогноміей — отдѣлывался самыми

краткими отвѣтами на вопросы наши и даже на привѣтствія наши. Равнодушно показалъ намъ свою, ничѣмъ незамѣчательную, церковь (Преображенія Господня), выстроенную заново при Митрополитѣ Пелагонійскомъ Герасимѣ въ 1836 г., и также равнодушно объявилъ, что въ монастырѣ нѣтъ вообще ничего ни древняго ни рѣдкаго, стоющаго вниманія нашего. Послѣ чего намъ стоило только поблагодарить его за „ласковый“ пріемъ, и отправиться, откуда прибыли. Такъ мы было и сдѣлали. Но на бѣду нашу на небо набѣжала туча, и мы напросились опять къ Игумену невольными гостями, пережидая воздушную невзгоду. Оглушающій громъ мѣшалъ бесѣдѣ нашей. Водарилось молчаніе. Гости мялись, хозяинъ жался. Вдругъ, за блескомъ молніи, раздался... запросъ Игумену о „пресловутомъ“ Буковскомъ Евангеліи, которое видѣлъ такой-то, изслѣдовалъ извѣстный знатокъ, описалъ неизвѣстный имярекъ и т. д., однимъ словомъ, громовый запросъ послѣдовалъ въ такой формѣ, что досточтимый начальникъ эко-славянской обители, извѣстный своимъ нерасположеніемъ ко всему не — эллинскому, не могъ, если бы и хотѣлъ, увернуться отъ насъ. Онъ долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно есть „тамъ на полкѣ“ три-четыре *Бугарски стари книги* (сказано по болгарски. Вся же бесѣда наша шла по гречески), въ томъ числѣ можетъ быть и Евангеліе, но что ихъ отъ гнили страшно въ руки взять. Однакоже мы настояли на желаніи своемъ видѣть погнившее старье, въ чаяніи отыскать въ немъ хоть что нибудь говорящее о прошедшемъ обители и самаго Витоля. Самъ Игуменъ, по своей новости въ монастырѣ и въ краѣ, ничего не могъ сообщить намъ въ этомъ родѣ. По приказу Настоятеля, послушникъ (составляющій повидимому все братство монастыря) принесъ и положилъ передъ насъ 5 старыхъ рукописей. Видя, что мы имѣемъ предметъ, занимающій насъ, Игуменъ поспѣшилъ оставить насъ. Книги оказались слѣдующія:

1. Четверо-Евангеліе, на пергаментѣ. 4°, 26 × 18 фр. метра. 1

столбецъ. 20 тетрадей, изъ коихъ многія пополнены бумажными листами. Таково и начало книги. Первый кожаный листъ начинается словами... де пристоупиша къ нiамоу оученици єго и отвраза оуста своꙗ оучаше... конецъ книги полный. Послѣ всего текста замѣчено: слава бо̃у ѡ всемъ. Затѣмъ слѣдовали еще 4 строчки, но кѣмъ-то выскребены въ давнее время. Въ Евангеліи отъ Матѳея 355 зачалъ или главицъ. Марково Евангеліе оканчивается на 166-мъ. Текстъ Лукина обрывается на 340-мъ зачалѣ. Въ Евангеліи отъ Іоанна всѣхъ зачалъ 225. Особенности, сколько я могъ замѣтить, — общія всѣмъ такъ названнымъ Сербскаго извода Евангеліямъ. Встрѣтились: нинꙗ вмѣсто нынѣ, кто̃ра вмѣсто: нѣкій, понитъскомоу вмѣсто: Понтійскому.

2. Прологъ. Мѣсяцы: Сентябрь, Ноябрь, Декабрь. Бум. въ листъ. 2 столбца. Начала нѣтъ. Сохранившееся начинается житіемъ Св. Апостола Іоанна Богослова. Оканчивается житіемъ Св. Мученицы Анисіи Солунской. Подъ 24-мъ Ноября положено житіе Св. Григорія Акрагантійскаго, а подъ 25-мъ Св. Мученицы и Философы Екатерины. Октября 1-го положено житіе Св. Преподобномученика Михаила отъ монастыря Зовы.

3. Минея. Мѣсяцъ Мартъ, бумага, въ листъ, 1. столбецъ. Безъ начала и конца. XVI—XVII вѣка.

4. Минея. Мѣсяцъ Ноябрь [1]). Тоже. На первой страницѣ замѣчено: *Въ имя о̃ца и с̃на и с̃таго Дх̃а. Азъ кир.* (!) *Аѳанасіе проигоумень с̃ти о̃ци прилагамь сію книгꙋ с̃томꙋ о̃цꙋ ѡакимꙋ. Да кто щетъ отнести отъ ц̃ркве ими... да е проклять отъ о̃ца и с̃на и с̃то Дх̃а и ѿ с̃тео ѡ̃ць въ сии вѣкь и въ бꙋдꙋщіи.* Другою рукою пониже приписано: *Малахіе повеза сію книгꙋ ѿ Кратова.* Ясно, что книга принадлежала прежде Кратовскому монастырю *Св. Отцевъ.* Удалившись

[1]) Память и служба Св. Муч. *Екатерины* положены 24 числа, а 25 Свв. *Климента* и *Петра.*

оттуда на жительство въ монастырь Св. Іоакима, бывшій Игуменъ тамошній взялъ съ собой и принадлежавшія ему книги, которыя и пожертвовалъ въ свою новую обитель, въ которой, какъ видно, удерживалъ за собой титулъ игуменскій, отчего и зоветъ себя проигуменомъ. Но величать себя вмѣстѣ съ тѣмъ и Киромъ, т. е. *господиномъ* внушить могло ему одно только его славянство, которое не затрудняется иногда титуловать само себя и Великимъ Государемъ и Милостивымъ и Отцомъ, назвать себя по отчеству (на визитной карточкѣ), подписаться „кавалеромъ", и пр.

5. Октоихъ, оказавшійся не рукописнымъ, а печатаннымъ въ Градчаницкой Митрополіи въ 7047 (1539) году.

Ученая пожива наша въ Буковѣ, какъ видитъ читатель, была не велика. Но повторимъ заключительныя слова переписчика вышепомянутагб Евангелія: *Слава Богу о всемъ!* Всеже кое-что пріобрѣтено. Отыскался новый монастырь *Святаго Отца Іоакима.* Не дочетъ до 70 монастырей, засвидѣтельствованныхъ преданіемъ, убавился на единицу. Гдѣ былъ Іоакимовскій монастырь, остается конечно неизвѣстнымъ. Не диво, если когда нибудь докопаются, что онъ здѣсь именно и былъ. *Буковскій* и *Іоакимовскій* — одно другому не противорѣчитъ. Можетъ быть вопросомъ еще имя *Іоакима.* Въ Святцахъ нашихъ одинъ извѣстенъ, такъ называемый „Богоотецъ" Іоакимъ, но онъ никогда и не пишется и не празднуется одинъ, а постоянно съ праведною Анною. Можетъ быть „Святый Отецъ", давшій свое имя здѣшнему монастырю, былъ мѣстный преподобный Іоакимъ, неизвѣстный за предѣлами этой области. Туча прошла, не задѣвши насъ, и мы вслѣдъ за нею поѣхали отъ одной обители къ другой — по предначертанному плану. О. Игумена мы не нашли, чтобы поблагодарить за обязательное позволеніе видѣть „Блъгарско Евангеліе". Его сухость и холодность не шла согласно съ извѣстною мнѣ греческою привѣтливостію. Смотря на него, я все задавалъ себѣ вопросъ, не огреченный

ли это болгаринъ? Оказалось, что это — Влахъ, но не изъ Великой Дунайской Влахіи или по теперешнему Романіи, а изъ Эпиро-Өессалійскихъ Куцо-Влаховъ или горныхъ пастуховъ, знакомыхъ мнѣ еще по Греціи. Это бродячее безземельное племя, подобно цыганамъ, не имѣетъ причины ни любить кого нибудь по идеѣ, ни ненавидѣть, и готово служить первой силѣ и первой подачкѣ. Таковъ именно характеръ и нуженъ былъ Пелагонійскому Святителю, задавшемуся мыслію обратить *Буковскій* монастырь въ Греческій [1]). Но увы! Торговый духъ греческій не находитъ пригоднаго себѣ поприща въ стѣнахъ обители, и все населеніе ея, какъ мы видѣли, состоитъ доселѣ изъ одного Игумена, который — надобно отдать ему справедливость — дѣйствуетъ въ видахъ эллинизма почище настоящаго грека. Не странно ли? Въ Молдаво-Влахіи существуетъ поголовное ополченіе противъ всего греческаго, а тутъ волохъ распинается за грековъ! Явленіе поучительное. Мнѣ припоминается теперь, какъ лѣтъ за 12 передъ этимъ одинъ архимандритъ греческій (и кавалеръ Св. Анны), долго жившій въ Валахіи, прибывъ съ „золотыми" конечно воспоминаніями о мѣстѣ своихъ подвиговъ — въ прекрасную, но нищую, землю отцовъ своихъ, говорилъ мнѣ, жалуясь: „Братъ ты мой любезный! Ненавидятъ насъ тамъ наши братья по вѣрѣ (и соперники по карману!), и неоднихъ насъ, а и васъ, да еще — какъ"! Тогда мнѣ казалось, что преогорченный фанаріотъ хочетъ только утѣшить себя, примѣшавъ ὑμᾶς къ ἡμᾶς. Но за тѣмъ уже не разъ я имѣлъ случай убѣдиться, что насъ пожалуй тоже не долюбливаютъ новые *Римляне*. Отчего бы это было? Не отъ того ли, что столько вѣковъ уже славяне упорно навязываютъ имъ свое письмо, а подъ часъ и еще кое-что? Не вслѣдствіе

---

[1]) Ультрамонтанъ B. Nicolaidy, согласно сему предположенному огреченію, въ своей книгѣ уже называетъ монастырь: Boucovon. Удивляюсь, какъ не назвалъ его еще патріотичнѣе: Βουχολέων.

ли столько извѣстнаго положенія: „изъ огня да въ пламя“, вотъ они и оказываются на сторонѣ грековъ? А то, нѣтъ ли еще какой нибудь болѣе важной, просмотрѣнной исторіей, причины, какихъ нибудь старыхъ неконченныхъ счетовъ изъ темнаго періода Печенеговъ, Аваровъ, Комановъ, способствовавшихъ размолвкѣ „братьевъ“? Смѣшно признаться. При видѣ сухой, черствой, черномазой фигуры игумена, во мнѣ какъ бы воскресало представленіе *Печенега,* составленное еще на ученической скамейкѣ, какъ чего-то перепечённаго, потрескавшагося и пригорѣлаго. Наша послѣднихъ временъ беллетристика помѣшалась на словѣ (безъ понятія): *мягкій.* Вотъ этого-то „мягкаго“ и не достаетъ о. Игумену, какъ несомнѣнно недоставало и *Пацинакамъ* Византійскихъ историковъ, такъ черство отнесшимся напр. хоть къ нашему Сфендосѳлаву.

Нечѣмъ было занять души посерьезнѣе, оттого мысль и носилась отъ предмета къ предмету. За Святославомъ стоялъ уже Цимисхій и весь печальный дворъ Византійскій, а за нимъ da capo Римляне и т. д. Однообразная дорога благопріятствовала круженію представленій. Чуть мы спустились и поднялись, повернули и обогнули пересѣкавшій дорогу холмъ, какъ впереди уже показался и другой монастырь, зовомый Христофоровымъ. Близость обѣихъ обителей какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, не дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе о существованіи тутъ когда-то множества обителей, передавшихъ свое имя городу. Если *Битоль, Бетолья, Толи...* еще могутъ подавать поводъ къ сомнѣнію въ томъ, то турецкое имя *Монастиръ* закрѣпляетъ вѣру въ него. Откуда туркамъ взять это слово, какъ не отъ монастыря? Христофоровская обитель оказалась еще менѣе и невзрачнѣе Буковской. Церковь выстроена тоже лѣтъ за 30 передъ этимъ. Видно, что одна и таже добрая и властная воля дѣйствовала и тамъ и здѣсь. Начальства монастырскаго мы не застали, и сами себя руководили по монастырю. Сверхъ всякаго чаянія напали на одну замѣчательную древность — цѣлокаменный саркофагъ языческаго времени въ 2 метра длины, 0,72 ширины

и 0,62 высоты. Его нашли на сосѣдней нивѣ и поставили въ притворѣ церкви. Крышка же его угодила на украшеніе водотечи на дворѣ монастырскомъ. Ни надписи, ни рельефныхъ украшеній онъ на себѣ не имѣетъ. Видно такимъ образомъ, что поблизости монастыря, а можетъ быть и на самомъ мѣстѣ его, была въ древности селитва человѣческая, и притомъ не изъ дюжинныхъ. Мало того. Видно, что селитва эта продолжала быть значительною и въ христіанскія времена. Въ сѣверномъ окнѣ церкви, раздѣленномъ столбикомъ на византійскій образецъ, мы увидѣли вставленную мраморную плиту съ древнею христіанскою надписью, къ сожалѣнію разбитую въ длину на три части или и болѣе, изъ коихъ сохраняются только двѣ. Надпись надгробнаго значенія и состояла изъ 9 строкъ. Въ теперешнемъ обрубленномъ и искалеченномъ ея состояніи, только съ помощію догадокъ можно дать ей нѣкоторый смыслъ [1]). Видно что дѣло идетъ о *кончинѣ, случившейся въ Ноябрѣ мѣсяцѣ въ пятницу, нѣкоего Марка, по* поводу чего и призываются *Святые Апостолы и ученики принести молитву владыкѣ Спасу Христу о* (упокоеніи) *души его.* Года нѣтъ, но характеръ буквъ вообще и въ частности буквъ: A, Ω и широкаго O выносятъ надпись въ глубокую христіанскую древность, одной эпохи съ Воденскими эпитафіями. Когда и гдѣ отыскана плита, некому было объяснить намъ. Мнѣ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что мы находимся по близости древней *Иракліи Линковой.* О давности монастыря и о его прошедшемъ, а равно и о происхожденіи его имени, мы ничего не могли дознаться. Но что онъ, наравнѣ съ Буковскимъ, былъ славянскою обителью, это свидѣтельствуетъ его единственная

---

[1]) (Μηνὶ Ν) οεμβρ(ίῳ, ἡμέρᾳ π) αρασκευ (ῇ. Ἀνεπα)ύσατο ὁ(δοῦλος τοῦ Θῦ) κάρκως... εναμψ... πσ... ον (δ)εξάμε(νοι οἱ) ἅγιοι Ἀπ(όστο)λοι καὶ μα(θηταὶ) σπρο(φῆ)ται τῷ δ(εσ)πότῃ (καὶ) Σωτῆρι Χριστῷ πρ(εσυ)εύοντε(ς... αῆναι τ(ὴν ψ)υχὴ(ν)αὐτοῦ. **Въ собственномъ имени хотя ясно видится начальная буква К, но конечно вмѣсто нея должно стоять М.**

старая рукописная книга: *Сборникъ похвальныхъ словъ* или *Метафрастъ*, безъ начала и конца, XVII вѣка, хорошаго славянскаго письма, незамѣчательная впрочемъ ничѣмъ, кромѣ своей единственности.

Солнце уже склонялось къ западу. Пріѣхавшіе вѣроятно еще съ утра въ горнюю обитель подышать чистымъ воздухомъ горожане собирались обратно въ свой дымный и сырой городъ. Мы, такъ сказать, показали имъ дорогу, пожелавши на прощаніе обители... обитателей. Возвращаясь прямою дорогою во свояси, мы проѣхали мимо заведенія кислыхъ водъ, гдѣ встрѣтили большую публику и не мало солдатъ. Оба паши были тамъ на прохладѣ. Нашъ колонновожатый привѣтствовалъ сановниковъ, какъ знакомый. Этикетъ требовалъ, чтобы и мы сошли съ своихъ лошадей. Съ напускнымъ вниманіемъ разсматривали и испытывали мы цѣлительныя воды, ставши въ свою очередь предметомъ дѣйствительнаго вниманія и наблюденія со стороны всѣхъ гулявшихъ. Въ городѣ уже ходили слухи, что новый Москоф-Консулъ привезъ съ собою цѣлый штабъ сестеръ милосердія... Отсюда до самаго города дорога идетъ ровная экипажная. Лошади, настроившись въ духъ арабскихъ бѣгуновъ, принадлежащихъ посламъ и ихъ свитѣ, и едва сдерживаемыхъ сенсами (конюхами), не удержимо понесли насъ во весь махъ. Оставалось молить Бога, чтобы остаться въ живыхъ. Получасовое разстояніе мы пролетѣли въ 5 минутъ. Удержала наше отчаянное стремленіе только городская мостовая. — За то, показали *имъ* себя! съ торжествомъ произнесъ мой горячій патріотъ. Для меня же осталось подъ сомнѣніемъ, точно ли мы въ этомъ геройствѣ показали себя, или только лошадиныя ноги.

Но было и настоящее: „за то“. Посмотрѣвъ на часы, мы нашли, что у насъ еще осталось довольно времени, чтобы посѣтить жилище митрополита или собственно прилегающій къ его дому садъ, въ которомъ, какъ говорили, не мало собрано камней съ древними надписями, доставляемыхъ изъ разныхъ мѣстъ владыкѣ, извѣстному

своею любовію (?) къ древностямъ. Сказано — сдѣлано. Визита нашего тамъ давно уже ждали, и приглашали „на верхъ" пожаловать, чуть только мы появились. Но мы, сославшись на низкое солнышко, просили позволенія остаться въ саду. Не мало, дѣйствительно, видѣлось кусковъ бѣлаго мрамора, разставленныхъ то тамъ, то сямъ на садовыхъ дорожкахъ. Три изъ нихъ имѣютъ надписи, всѣ греческія; на одномъ обрубкѣ колонны вышиною въ аршинъ и около двухъ четвертей въ діаметрѣ, читается (въ переводѣ): *Ав(релій) Юліанъ Ав(релію) Аміанту сожительницу, равную Артемидѣ. Воздвигъ по повелѣнію богини* [1]). Собственное имя *Аміанты* (непорочной) въ связи съ намекомъ на равенство *Артемидѣ* (Діанѣ), говоритъ какъ будто о дѣвствѣ сожительницы, явленіе, конечно, рѣдкое въ языческомъ мірѣ. „Богиня" очевидно разумѣется сама Артемида. Жаль, что достохвальный сожитель не объяснилъ, какимъ способомъ ему открыта была воля богини, видимо не равнодушной къ своей подражательницѣ. Могъ бы кто нибудь отъ такого ревниваго божества ожидать скорѣе казни новой Ніобѣ, дерзнувшей сравняться съ нимъ, чѣмъ ласки и почести. Развѣ предположить, что къ вѣку Авреліевъ и Аврелій и самыя божества колоніальной Греціи присмирѣли и сдѣлались человѣчнѣй подъ римскою ферулой. Другая надпись, начертанная на капители бывшей колонны большихъ размѣровъ, странная и необычная уже по сему одному обстоятельству, представляется смѣсью строкъ и разнохарактерныхъ буквъ, то совершенно отчетливыхъ, то почти сглаженныхъ, изъ коей нельзя вывести никакаго заключенія о ея значеніи и назначеніи. Мы довольствуемся передачей ея въ возможно вѣрной копіи для любителей древности. Капитель Іоническая.

---

[1]) Αὐ(ρήλιος) Ἰουλιανὸς Αὐ(ρηλίαν) Ἀμιάντην τὴν σύμβιον. Ἀνέθηκον κατὰ κέλευσιν τῆς Θεοῦ. Надпись принадлежитъ конечно II вѣку по Р. Х., когда сдѣлалось извѣстнымъ императорское имя *Аврелія*.

Буквы надобно представлять, потому, идущими частію по цилиндрической поверхности ствола капители, частію по завиткамъ, улиткообразно выходящимъ въ двѣ противоположныя стороны. Обѣ эти надписи доставлены на мѣсто изъ селенія *Вашарейцы,* по турецки: *Аккечели,* не отыскиваемаго на картахъ. Третія, самая любопытная, надпись состоитъ изъ 13 длинныхъ строкъ. Содержаніе ея слѣдующее: нѣкто *Филонъ Кононовъ* на совѣтѣ, собранномъ Политархами (градоначальниками)... Филиппова въ *Дерріопѣ,* держалъ рѣчь о своемъ дядѣ *Веттіѣ Филоновѣ,* и объявилъ, что тотъ, высоко почитая свою родину, оставилъ ей по завѣщанію 534 (монетъ?) для полученія по нимъ ежегодныхъ процентовъ. Составленъ же актъ этотъ передъ выборными предсѣдателями: *Филиппомъ Посидипповымъ*, *Орестомъ Орестовымъ* и *Тралломъ Макновымъ,* въ мѣсяцѣ *Дэсіѣ,* 243 (70 до Р. Х.) [1]). Изъ дарственной записи этой видно, что и подъ Римскимъ владычествомъ Македонскіе города пользовались полнымъ самоуправленіемъ, имѣя свою палату и своихъ градоначальниковъ или точнѣе граждано-на-

---

[1]) Παρὰ Φιλίππου τοῦ Ποσιδίππου, Ὀρέστου τοῦ Ὀρέστου, Τραλλόου τοῦ Μάκνου,— τῶν ἀποκληρωθέντων προέδρων δόγματος ἀναγραφή. Τῇ ζ́ τοῦ Δαισίου μηνὸς τοῦ ΓΜΣ ἔτους. Τῶν περὶ βα. αρον Φιλίππου ἐν Δερριοπῷ πολιταρχῶν, συναγαγόντων τὸ βουλευτήριον, κ(αὶ) Φίλωνος τοῦ Κόνωνος ποιησαμένου λόγους περὶ Ἰουεττίου Φίλωνος τοῦ θείου, κ(αὶ) προσαγγείλλαντος, ὅτι κ. γερῶν τὴν ἑαυτοῦ πατρ(ί)δα ἐτείμησε μεγάλως, κ(αὶ) τελευτῶν οὐδὲ τῆς κατὰ τὴν βουλὴν τειμῆς ἠμέλησεν, ἀλλ' ἄφιεν αὐτῇ κατὰ διαθήκην ΔΛΦ. εφωεκτων κατ' ἐνιαυτὼν γεινομένων τόκων. Чтеніе затрудняется на словахъ: 1) Τράλλοου внутри буквы ο видится легкое υ, что вмѣстѣ составило бы: ου — окончаніе род. падежа. Но въ такомъ совсѣмъ лишнее, состоящее за ο еще вторичное ου, да еще и въ небольшой формѣ ȣ, свойственной позднѣйшему времени. 2) Μάκνου стоитъ вѣроятно вмѣсто Μάγνου. 3) Περιβα.αρον одно ли это слово, или надобно читать раздѣльно: περὶ и βα.αρον. Послѣднее вѣроятнѣе, но чтеніе его трудно установить. Третья буква сглажена, вторая похожа и на α и на λ. 4) θείου—имѣетъ значеніе и «дяди» и «покойника». 5) κ. γερων—писано вязью нерѣшимою. Предположительно стоитъ вмѣсто: γεραίρων. 6) Εφωεκτων одно ли это слово, означающее наше: 6%, или состоитъ изъ ἐφ' ᾧ ἐκ τῶν, или по опискѣ поставлено вмѣсто: ἐφικτῶν, или еще иначе какъ, рѣшить не можемъ.

чальниковъ. Къ сожалѣнію, имя роднаго города жертвователя написано весьма нечетко. Можно бы гадать, что дѣло происходило въ упомянутой нами *Персеидѣ Филипповой*, но темное и сбивчивое слово требуетъ непремѣнно имени, оканчивающагося на... αρος или αρον [1]). Но былъ ли тутъ какой нибудь городъ съ такимъ окончаніемъ въ древнія времена, неизвѣстно. Въ моихъ справочныхъ книгахъ такаго не оказывается. Камень найденъ въ селеніи: *Чепигово,* тоже не означенномъ на картѣ. Тамъ, значитъ, и нужно искать остатковъ Филиппова имя рекъ города.

Идучи домой, мы завернули въ квартиру Англійскаго Консула г. Кальверта, большаго любителя древностей, скупившаго также, въ числѣ прочихъ вещей, и нѣсколько камней съ древними надписями. Мы ихъ могли только осмотрѣть сегодня. Сумерки мѣшали заняться списываніемъ. На случай, мы выпросили позволеніе, завтра, чуть свѣтъ, не тревожа никого, придти прямо въ садъ, гдѣ разставлены вѣщіе антики, и заняться списываніемъ ихъ. Насъ предварили впрочемъ, что ихъ уже многіе европейцы приходили и списывали, и что вѣрно они извѣстны уже всему свѣту. Чтожъ? тѣмъ больше причинъ списать ихъ, значитъ, стóятъ того. Впрочемъ ихъ всего на все — 4. Дома я продолжалъ приводить въ порядокъ свои замѣтки, а компаньону выпалъ жребій собираться въ путь — дорогу. Когда я за вечернимъ чаемъ

---

[1]) А что, если это просто: Βαάρος т. е. *Варошъ?* Въ Греческомъ лексиконѣ приводится слово: Βάρις — дворецъ, зàмокъ, крѣпость. Слово, очевидно не греческое. Но на столько же оно и славянское, чтобы, не разъ встрѣчаясь на теперешнихъ картахъ Балканскаго полуострова въ областяхъ чисто славянскихъ, дать этимъ самымъ поводъ считать себя результатомъ славянской рѣчи и жизни. Смутно припоминается это же, или весьма близкое къ нему, имя фигурирующимъ при взятіи Іерусалима Титомъ, и тоже въ значеніи укрѣпленія или зàмка. Латинскому языку оно также не принадлежитъ. Турковъ оно конечно предварило собою здѣсь. Что же? Остается назвать его древне-Македонскимъ, Пеонійскимъ, Дерріопскимъ.

хвалился археологическими успѣхами дня, дорогой хозяинъ сказалъ, что и онъ тоже въ теченіе какой нибудь одной недѣли успѣлъ уже открыть древность, современную самому Гомеру. — Да вотъ она тутъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я ищу глазами чего нибудь не бывалаго. Антикъ заключался въ стоявшей передъ нами бутылкѣ, полной вина, называемаго по гречески: ἡλιασμένον, что можно бы перевести: *просолнеченное*. Оно есть хотя мѣстное произведеніе и весьма недавней даты, но извѣстно было еще Гомеру, какъ увѣрялъ амфитріона одинъ бывшій съ визитомъ, мѣстный ученый. Не справляясь ни съ Иліадой ни съ Одиссеей, мы попробовали антикварнаго вина, нашли его отличнымъ по вкусу и лѣкарственнымъ по свойству, т. е. говоря прямѣе, — усыпительнымъ до того, что порекомендовали его какому-то отсутствующему лѣкарю давать своимъ паціентамъ вмѣсто морфина. Въ самомъ дѣлѣ, его ли дѣйствіе или утомленіе дневное, навели тутъ же за самоваромъ такую неодолимую дремоту, что весь обстоятельный разсказъ о способѣ приготовленія его не оставилъ по себѣ въ памяти никакаго слѣда. Помню только одно заключеніе разсказа: „взять его съ собою“!

Еще *Румелія*. 31 Мая. Понедѣльникъ.

Итакъ... finis Rumeliae! Съ этими словами я и проснулся. Они были финаломъ соннаго разговора моего съ кѣмъ-то по латыни, какъ будто опять съ Мальтійскимъ сенаторомъ, съ которымъ мы вмѣстѣ плыли въ 1852 г. на пароходѣ и усердно бранили протестантское правительство острова, подкапывающееся подъ католическую церковь островитянъ. Причина же ночнаго латинства моего заключалась конечно въ видѣнной мною вчера у Англійскаго Консула Латинской надписи языческаго времени, съ датою: anno mundi... Невозможная вещь! Оттого, конечно, она и засѣла въ память глубже всего прочаго. Но finis-то оказался на сей день неоправдавшимся. Вышло, что сего —

дня понедѣльникъ, тяжелый день, въ который „даже и медвѣдь не выходитъ изъ своей берлоги, а только поворачивается съ боку на бокъ“. Ктомуже совпали и послѣднее число мѣсяца и первый день поста, — столько причинъ, внушавшихъ пребываніе in statu quo... у меня же кстати оставалась еще на совѣсти не конченная работа археологическая. За ночь ее даже прибыло. Когда я наводилъ вчера вечеромъ свои карандашныя копіи черниломъ, мнѣ сказали, что онѣ списаны мною не всѣ, что въ томъ же саду владычнемъ есть еще одна большая надпись греческая съ славянскимъ именемъ *Пуда*. Такой я дѣйствительно не видѣлъ. Слѣдовало всячески отправиться и списать ее. Я началъ именно съ нея, оставивши Кальвертовы камни съ неудобоваримымъ: anno mundi, какъ говорится, на закуску. Извинился передъ хозяевами владычнаго сада въ частомъ безпокойствѣ, и безъ труда отыскалъ камень, во всемъ подобный видѣнному вчера и составляющій какъ бы дополненіе къ нему, второй томъ парламентскаго акта Дерріоповъ. Надпись состоитъ изъ 15 строкъ такого же точно письма и видимо одного съ предыдущею времени. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее: *День, въ который правится праздникъ Уэттія Волана, бываетъ за 14 ноябрскихъ календъ... Угодно было Совѣту принять честность и намѣреніе мужа по статьямъ, прописаннымъ въ его завѣщаніи, получить серебро, и править ежегодно праздникъ Уэттія Волана на проценты, и ничего изъ преждеписаннаго капитала совершенно не издерживать на другія потребности, ни изъ самыхъ процентовъ съ него, но (поступать), какъ хотѣлъ давшій Филонъ. Серебро сосчиталъ и принялъ Денежный Старатель Совѣта, Луцій Лукрецій Пудъ* [1]).

---

[1]) Ἡμέρα ἡ ἄγουσα Οὐεττίου Βωλάνου ἑορτάσιμον (ἡμέραν, πρᾶξιν, τελετὴν) εὐωχῆται τῇ πρὸ δεκατεσσάρων καλανδῶν Νοεμβρίων. ἔδοξεν τῇ Βουλῇ τὴν τοῦ ἀνδρὸς σεμνότητα κ(αὶ) βούλησιν ἀποδέξασθαι ἐπί τε ταῖς ὑπ' αὐτοῦ κατὰ τὴν διαθήκην γεγραμμέναις αἱρέσεσιν, τὸ τ' ἀργύριον λαβεῖν κ(αὶ) κατ' ἐνιαυτὸν ἄγειν τὴν τοῦ Οὐεττίου Βωλάνου

Надежда моя объяснить этою надписью темныя мѣста вчерашней не оправдалась. Имя мѣста, гдѣ свершенъ актъ правительственный, не повторилось болѣе. Ни названіе единицъ пожертвованной суммы, ни количество процентовъ съ нея не означены въ другой разъ. Остается потому довольствоваться высказанными вчера соображеніями. Что дѣло здѣсь идетъ о томъ же самомъ *Уэттіѣ*, это очевидно, но отчего же въ той надписи онъ не названъ *Воланомъ*, а на противъ, какъ будто именно въ замѣну этого прибавочнаго названія (или прозванія), онъ поименованъ тамъ *Филономъ*. Грамматическая послѣдовательность двухъ сряду собственныхъ именъ въ родительномъ падежѣ Οὐεττίου и Φίλωνος даетъ возможность переводить послѣднее и: *Филона* и: *Филонова* (сына). Для выраженія послѣдней флексіи требовался бы, впрочемъ, опредѣленный членъ τοῦ передъ именемъ: Φίλωνος, такъ какъ этому правилу слѣдуетъ надпись въ 4-хъ другихъ случаяхъ. Не менѣе Уэттія обращаетъ на себя вниманіе и Казначей Совѣта *Луцій Лукрецій Пудисъ*. Два первыя имени очевидно Латинскія. А въ послѣднемъ, какъ не рискнуть, въ самомъ дѣлѣ, не усмотрѣть славянщины? Изъ святцевъ нашихъ мы уже знакомы съ именемъ Апостола (изъ 70) *Пуда* (См. 4-го Января и 4-е Апрѣля). Къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно о его родѣ и мѣ-

---

ἑορτάσιμον ἐκ τῶν τόκων ἡμέραν, καὶ μήτε τοῦ προγεγραμμένου κεφαλαίου ἅπαν ἀλίσκειν τι εἰς ἑτέραν, μήτε τοῦ κατ' ἐνιαυτὸν γινομένου τόκου, ἀλλ' ὡς ὁ δοὺς Φίλων ἠθέλησεν. Τό τ' ἀργύριον ἠριθμήσατο καὶ παρέλαβεν ὁ ἐπιμελητὴς τῶν τῆς Βουλῆς δηναρίων, Λούκιος Λουκρήτιος Πούδης. Εὐωχῆται — до слова *пирується*, т. е. проводится въ пиршествахъ. Νοεμβρίων. Замѣчательно это римское названіе мѣсяца, тогда какъ въ предшествовавшемъ актѣ употребляется Македонское названіе мѣсяцевъ. Σεμνότητα въ точности не переводимое на нашъ языкъ слово. Имъ обозначается и честность, и степенность, и скромность, и почтительность, и благочестіе. Οὐεττίου Βωλάνου. Vettia gens — одна изъ извѣстныхъ римскихъ до-императорскихъ фамилій, пользовавшихся отъ республики правомъ бить свою монету. Встрѣчаются монеты прямо съ именемъ Vettii Bolani, бывшаго проконсула Смирны. Оказывается, такимъ образомъ, что родиной этого сановника была нынѣшняя деревня *Чепигово*.

сторожденіи. Возможно, что и онъ, со многими другими, былъ родомъ изъ Македоніи, но далѣе этого предположенія некуда пойти. Конечно, въ греческомъ языкѣ не отыщется подходящаго корня для имени Πούδης, только есть ли такой и въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ? Мало ли чего можно найти въ русскомъ языкѣ, о чемъ и неслыхали никогда ни Болгаре ни Сербы ни другіе заграничные единоплеменники наши. По крайней мѣрѣ здѣсь въ Битолѣ и понятія не имѣютъ о нашемъ *пудѣ*. А помню, одинъ грекъ, хорошо знавшій по русски, въ укоръ нашей подражательности, увѣрялъ меня, что мы свой пудъ цѣликомъ взяли у французовъ, вмѣстѣ съ манерами, сортами, модами и пр. Предоставляю судить знатокамъ дѣла [1]).

Съ нетерпѣніемъ спѣшилъ я изъ одного разсадника древностей въ другой. Annus mundi не давалъ мнѣ покоя. По сдѣланному вчера соглашенію, я прямо изъ воротъ квартиры г. Кальверта направился въ садикъ къ римскому камню. Это — надгробная стоячая плита бѣлаго мрамора въ 0,67 фр. метра ширины и въ 1,55 вышины, изъ коихъ — идя снизу — 85 заняты 9-ти строчною надписью, 50 рельефнымъ изображеніемъ двухъ фигуръ: отходящей изъ міра и прощающейся съ нею, и остальныя 20 входятъ въ родъ фронтона, вѣнчающаго памятникъ. Надпись по римскому обычаю сдѣлана съ частыми усѣченіями словъ, и особенно собственныхъ именъ, и кое-гдѣ потерта. Оттого отчетливое списываніе ея потребовало не мало соображенія и времени. На сколько я могъ понять, въ ней содержится слѣдующее: *Кай Юлій Вассъ, Кайевъ сынъ*, Мецівевой трибы, *Пелагонецъ изъ отпускныхъ ветера-*

---

[1]) Всѣ эти разсужденія о *Пудѣ* греческомъ и славянскомъ ни къ чему не ведутъ. Ихъ разбиваетъ въ прахъ латинскій текстъ 2-го посланія Апостола Павла къ Тимоѳею, гдѣ (гл. IV, ст. 21) Апостолъ Пудъ поименованъ Pudens. Переформированіе этого имени въ греческое Πούδης слѣдуетъ совершенно тому же лексическому закону, какъ и Clemens передѣланное въ Κλήμης, Valens — въ Οὐάλης и т. д. Намъ, чтобъ быть послѣдовательными, слѣдуетъ потому переписать своего *Пуда* въ *Пудента*.

новъ, изъ VIII легіона Августова. Служилъ 25 лѣтъ. Жилъ 75 лѣтъ. Наслѣдники (?): Кай Юлій Цэніалъ, и Кай Юлій Олимпъ, и Кай Юлій Экспедитъ, и Кай Юлій Феликсъ. Поставилъ А. М. за 60 динаріевъ [1]). Никакаго лѣтосчисленія въ надписи нѣтъ и признаковъ. Соблазнившія вчера меня А. М., если не суть начальныя буквы имени и прозванія рѣзчика, то весьма могутъ означать: Ad mercedem. Четыре Кайя Юлія очевидно суть дѣти Кайя Юлія Басса. Жилъ покойникъ несомнѣнно во время первыхъ императоровъ римскихъ Августа — Калигулы. Изъ греческихъ надписей первая начертана на обломкѣ колонны въ 0,85 фр. метра вышины и въ 0,28 въ діаметрѣ, состоитъ изъ 9 строкъ и содержитъ слѣдующее: *Года 267. Фронтонъ Діонисіевъ Стиверреецъ, начальствующій вмѣсто Діонисія, Агораномова сына, столбы (эти) сдѣлалъ* [2]). Сотенная цифра года можетъ подлежать сомнѣнію. Въ томъ видѣ, какъ теперь она представляется глазамъ, она не похожа ни накакую изъ буквъ алфавита. Городъ *Стиверра* извѣстенъ древнимъ историкамъ. Онъ находился въ Дерріопіи, и значитъ тутъ недалеко отъ насъ. Жаль, что не у кого было освѣдомиться, гдѣ найденъ камень съ надписью. Вѣроятно, археологи ad hoc уже отыскали мѣстность Стиверры. Жесткіе и дерущіе звуки этого имени, какъ бы сами просятся на знакомый намъ Трескавецъ, гдѣ былъ же вста-

[1]) C(aius) Iulius Bassus, C(ai) f(ilius), Ma(ecia tribu), Pelago, mis(sus) Vete(ranus) ex leg(ione) VIII Aug(usta) mil(itavit) ann(os) XXV, vixit ann(os) LXXV. H. r. d. f. (Haeredes... filii? fuerunt? fecerunt?) C. Iulius Cae (f? r? p?) nialis et C. Iulius Olympus et C. Iulius Expeditus et C. Iulius Felix. Paxit. A. M. denariis LX.

[2]) Ἔτους ΖΞ? Φροντῶν Διονυσίου Στυβερραῖος ὁ ἀντάρχων Διονυσίου τοῦ ὑοῦ τοῦ ἀγορανόμου τοὺς κίονες ἐποίη(σεν). Конецъ послѣдняго слова сглаженъ. Στυβερραῖος... По Стравону въ странѣ Девріоповъ были три города: Βρυάνιον, Ἀλαλκομέναι и Στύμβαρα. Поливій пишетъ послѣдній: Στύβερρα, согласно съ нашею надписью. У Тита Ливія онъ зовется: Stubera. Ἀντάρχων въ греческихъ лексиконахъ не встрѣчается. По аналогіи съ столькими другими, подобнаго склада словами, надобно заключить, что здѣсь частица: ἀντί означаетъ: *вмѣсто* (лат. Vice), а не *противъ*. ὑοῦ — ошибочно вмѣсто υἱοῦ.

рину какой-то безъименный городъ. Впрочемъ, не надобно терять изъ виду, что еслибъ и было извѣстно мѣсто, откуда доставленъ Фронтоновъ камень, еще не слѣдуетъ заключать, что тамъ и находился городъ Стиверра. Фронтонъ могъ быть Стиверрейцемъ, а жить и чертить надписи совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь нѣсколько словъ о самой надписи. Что она такое? Не эпитафія, не судебный актъ, не похвальный листъ, не „возложеніе", ничего въ подобномъ родѣ. Широколобый Стиверрянинъ кажется хотѣлъ только заявить вѣкамъ грядущимъ, что онъ исправлялъ должность начальника въ своемъ мѣстѣ, а начальникъ этотъ (если только не отецъ его) былъ не кто нибудь изъ простыхъ людей, а сынъ Агоранома, т. е. базарнаго смотрителя!.. Такого рода обстоятельство, по Стиверрійскимъ понятіямъ, слѣдовало увѣковѣчить памятникомъ. Шути надъ нимъ сколько хочешь, а онъ достигъ своей цѣли. Вторая греческая надпись надгробнаго значенія начертана на могильномъ памятникѣ, во всемъ подобномъ Бассовому, вышиною въ 1,39 фр. метра и шириною въ 0,57. Также въ верхней половинѣ своей имѣетъ изваянныя фигуры, а въ нижней 5-ти строчную надпись гласящую такъ: *Юлія Александра Г(аію?) Юлію Александру* (*своему*) *сыну... Александръ Ант*(*оній*) *Юліевъ — Юліи Александрѣ матери. Изъ своихъ* (денегъ) *поставили* (надгробный сей памятникъ) [1]). Соорудителей памятника было такимъ образомъ двое: мать и сынъ. Встрѣчается однакоже неразрѣшимое затрудненіе, усугубляемое поврежденіемъ слова, существенно важнаго для опредѣленія смысла. Вторая Юлія Александра была мать или дочь Александрова? Отъ слова, опредѣляющаго это, осталось только окончаніе... τρὶ, общее и μητρὶ — матери и θυγατρὶ — дочери. Но какое бы ни принять чтеніе, все ос-

---

[1]) (Ἰο)υλία Ἀλεξάνδρα Γ. Ἰου(λίῳ) Ἀλεξάνδρῳ τῷ υἱῷ. Ἀλέξανδρος Ἀντ. (Ἰου)λίου Ἰουλίᾳ Ἀλεξάνδρᾳ τῇ (μη)τρὶ ἐκ τῶν ἰδίων ἔστησαν. Начало всѣхъ пяти строкъ сглажено временемъ.

тается не рѣшимымъ, какъ могъ умершій сынъ ставить кому бы то ни было памятникъ. Развѣ сынъ и мать хотѣли поспорить въ великодушіи и заказали общій другъ другу памятникъ, для обоюднаго прославленія въ потомствѣ? Повидимому — такъ. И чтобы окончательно убѣдить въ томъ всѣхъ и каждаго, люди позаботились прибавить замѣтку, что сдѣлали это на *свои* деньги. Если и этотъ памятникъ стóилъ 60 динаріевъ, то выйдетъ, что сынъ для матери и мать для сына издержали по семи рублей съ полтиной — на наши деньги... Потомство можетъ воспользоваться такимъ урокомъ. Послѣдняя надпись принадлежитъ христіанскому времени, и тоже имѣетъ значеніе надгробія. И въ началѣ и въ концѣ ея стоитъ изображеніе креста. Она говоритъ слѣдующее: *Здѣсь покоится Спуркіонъ воинъ, хорошо прошедшій годы привременной жизни, благочестно же преставившійся отъ здѣшняго житія индиктіона 13, мѣсяца іюля, въ четвертокъ, котораго принявши упокой Христе молитвами Святыхъ* [1]). Надпись замѣчательна характеромъ письма, какого мнѣ еще не удалось встрѣтить между тысячами видѣнныхъ мною греческихъ рукописныхъ памятниковъ изъ всѣхъ эпохъ эллинской письменности. Жаль, что нѣтъ возможности опредѣлить ея время. Ея три даты: индикта, числа мѣсяца и недѣльнаго дня даютъ слишкомъ широкую рамку для того, чтобы покуситься отыскать въ ней мѣсто для надписи. Двѣ числовыя (если только числовыя) буквы, видимыя въ концѣ ея, какую должны составить цифру, нелегко рѣшить. Вторая изъ нихъ несомнѣнно 9. Первая же, совершенно необычная въ греческой графикѣ, похожая на наше 4, если должна замѣнять собою скорописное

---

[1]) ✝ Ἐνθάδε κῖτε (κεῖται) Σπουρκίων στρατιώ(της), καλῶς πορευθὶ(εὶ)ς τῆς ζωῆς προσκέ(αι)ρου χρόνον, σεμνῶς δὲ μεταστὰς τοῦ ἐντεῦθεν βίον(βίου). ἰνδ. ΓΙ. Μην. Ἰουλίου ΚΕ. ἡμ. Ε ὃν προσδεξάμενος Χε ἀνάπαυσον εὐχ(αι)ς τῶν Ἁγίων. Ϛ4ΘϚ ✝ Начертано на толстой мраморной плитѣ почти квадратной (41×35) съ фронтончикомъ наверху въ 0,15 фр. м. вышиною. Надпись находится въ совершенной сохранности.

4 или 9, то даетъ цифру 90. Но христіанское счисленіе на Востокѣ, ни Селевкидское ни міробытное, съ 99-мъ годомъ, возможно только по „эрѣ Мучениковъ" или Діоклитіановой, начинающейся 285 годомъ по Р. Х. Прибавивъ къ этому числу 99, получимъ 383-й годъ христіанскій. И по составу своему и по характеру письма и по множеству орѳографическихъ ошибокъ наша надпись пожалуй и подошла бы къ этому времени [1]), такъ мало оставившему по себѣ письменныхъ памятниковъ, но употреблялась ли эта, весьма мало распространенная эра (особенно безъ прямаго указанія на лице Діоклитіана) въ Македоніи? Весьма сомнительно. Можно бы думать, что ставившій числовой знакъ 4, имѣлъ въ виду столько обычное ϛ, т. е. значокъ (или сложныя буквы στ) 5, соотвѣтствующій цифрѣ 6. Тогда сумма цифръ выражала бы число 6009, т. е. 501-й годъ по Р. Х. Къ сожалѣнію, и такъ не выходитъ. Этому году соотвѣтствовалъ 9-й, а не 13-й индиктіонъ. Для охотниковъ хронологическихъ вычисленій мы передаемъ въ точномъ fac-simile всю надпись [2]). Странно слышать христіанское имя (очевидно Латинскаго происхожденія), имѣющее такой не хорошій смыслъ. Spurcus значитъ: нечистый, мерзкій... Если и предположить, что носившій его, жившій и вѣроятно воспитавшійся на греческомъ

---

[1]) Затрудненіе въ индиктіонѣ. 383-му году соотвѣтствовалъ 11-й, а не 13-й индиктіонъ.

[2]) На досугѣ мы сосчитали всѣ годы, которымъ соотвѣтствовалъ 13-й индиктіонъ, за цѣлый періодъ отъ 310 г. по Р. Х., т. е. года прекращенія гоненій до 900 года—крайняго предѣла для надписей съ подобнымъ графическимъ характеромъ—и нашли ихъ числомъ 40. Изъ нихъ только на четыре приходилось 25-е Іюля въ Четвертокъ, а именно 580, 625, 670 и 715-й, всего на періодъ изъ 135 годовъ. По мнѣнію нашему, только къ этому именно періоду и можетъ относиться наша надпись. Съ VIII вѣка письмо унціальное греческое получило уже особенности, такъ сказать, типическія (съ которыми и къ намъ перешло), совершенно отличныя отъ Спуркіоноваго надгробія. Никакая впрочемъ комбинація изъ предполагаемыхъ числовыхъ знаковъ надписи не приводитъ къ этимъ годамъ.

востокѣ, не разумѣлъ смысла, заключающагося въ его имени, то дававшій оное ему долженъ былъ знать о томъ, ибо выбиралъ конечно таковое изъ множества другихъ. Можетъ быть, по христіанскому смиренію и самоукоренію назвалъ такъ себя человѣкъ въ послѣдствіи? Имѣемъ же мы примѣръ Св. *Копрія*... Имя, прямо бьющее въ греческій слухъ. Спуркіонъ, какъ видно, былъ не изъ великихъ міра, — простой солдатъ, и *не долженъ* былъ обижаться своимъ нехорошимъ именемъ. Но, сдѣланное ему, такое сердечное и полное уваженія надгробіе показываетъ, что не по низкой долѣ, а скорѣе по высокой доброй волѣ своей онъ носилъ и любилъ свое мерзостное имя. Вѣчная ему память!

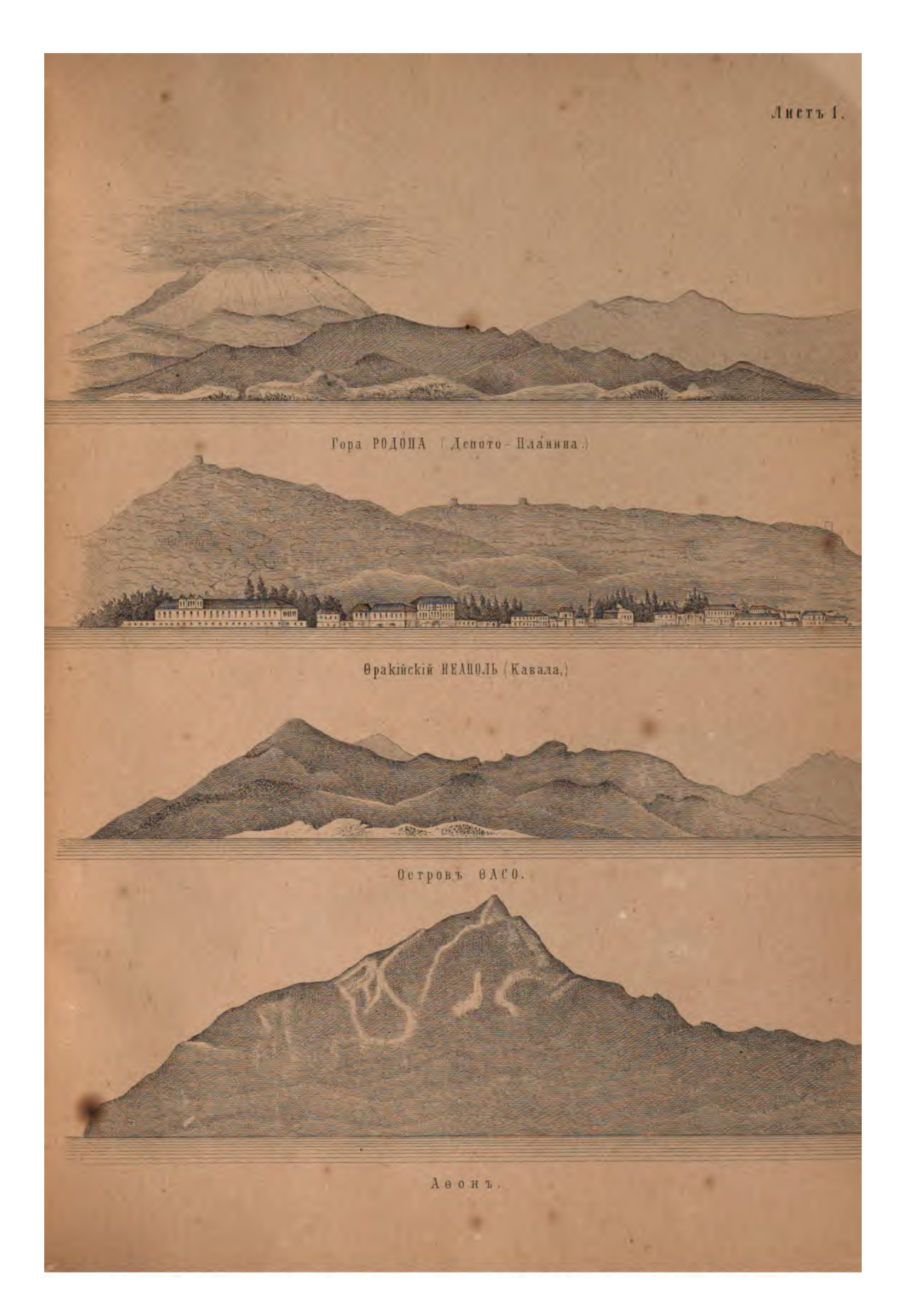
Возвратившись изъ послѣдняго своего археологическаго похода въ Румеліи, мы употребили остатокъ дня на приготовленіе къ дорогѣ. Завтра неотложно ѣдемъ въ *старую Болгарію,* а по древнему *Иллириду*, а тамъ за нею... что Богъ дастъ. Послѣдній вечеръ подъ гостепріимнымъ кровомъ близкаго намъ человѣка, не мало лѣтъ дѣлившаго съ нами свое доброе сердце, имѣлъ оттѣнокъ грусти. — И останусь завтра одинъ... съ канарейками, проговорилъ онъ прощаясь и желая намъ доброй ночи. Хотѣлъ по обычаю подшутить надъ собою, но тонъ шутки былъ фальшивый. Въ немъ слышались, какъ говорится въ музыкѣ, „три бемоля", вовсе нерасполагающіе къ веселью, — одиночества, немощи и старости. Порывистый вѣтеръ и зловѣщій дождь долго смущали сердце страхомъ, пока на мѣстѣ ихъ не появилась великолѣпная ясная погода съ тепломъ и прохладой, съ цвѣтами, птичками, мотыльками... Она принадлежала уже сновидѣнію.

ОПЕЧАТКИ.

						Напечатано.	Должно читать.
Стран.	3	Строка	25	сверху		почетному	понятному
»	8	»	21	»		кабаса	каваса
»	13	»	3	»		т. е. то	т. е. не то
»	16	»	3	»		васетъ	несетъ
»	30	»	3	»		походило	походило бы
»	39	»	18	»		патрея	πατρις.
»	42	»	6	»		*Николашь*	*Николаисъ*
»	42	»	15	»		крестьянинъ	Критяни нъ
»	47	»	3	снизу		επὶ	τῆς
»	50	»	2	»		задавнимъ	гадаемымъ
»	53	»	5	сверху		уважали	уважили
»	53	»	11	»		мѣстамъ	мѣстомъ
»	63	»	5	»		*Кобанцы*	*Кабанцы*
»	65	»	7	снизу		*Виликійская*	*Великская*
»	66	»	22	сверху		*Готхъ*	*Готъ*
»	66	»	30	»		Διάγκος	Ἰάγκος
»	68	»	6	»		нуженъ	нужусь
»	68	»	6	снизу		послѣдовательно	посмѣвательно
»	75	»	19	сверху		подлежащее	надлежащее
»	76	»	7	»		одного	одною
»	79	»	4	снизу		Ξίθως	Σίθως
»	80	»	12	сверху		Касеандрія	Кассандрія
»	85	»	18	»		*Поланская*	*Полянская*
»	91	»	13	»		небесное	особенно
»	91	»	20	»		*Джулія*	*Джума*
»	93	»	1	»		можемъ	можешь
»	99	»	18	»		мирѣ	мурѣ
»	109	»	11	»		зимній мѣсяцъ	епископъ
»	111	»	1	»		года	годъ
»	112	»	6	»		и болгаробойца	II болгаробоецъ
»	117	»	12	»		...женіе описываетъ	...женіе открывается
»	117	»	26	»		на	въ
»	120	»	1	снизу		Ρωμαιοφυονος	Ρωμαιοφόνος

				Напечатано.	Должно читать.
Стран.	125	Строка	3 снизу	*Голанда*	*Голанда*
»	148	»	4 сверху	называемъ	называемыхъ
»	156	»	9 »	на какихъ	никакихъ
»	157	»	8 »	сказалось	оказалось
»	159	»	1 »	Тарбутъ	Тарбушъ
»	160	»	5 »	...никiйскiй домъ	...никiйцамъ
»	163	»	7 снизу	души	душа
»	170	»	5 »	ея	ее
»	174	»	14 сверху	что	чего
»	175	»	8 »	натужнаго	недужнаго
»	175	»	1 снизу	ψευδομάτις	ψευδομάντις
»	178	»	16 сверху	всего	всего болѣе
»	184	»	10 »	Propino	Gropino
»	185	»	1 »	затѣмъ	зачѣмъ
»	187	»	13 »	различаютъ	различаются
»	193	»	2 »	Карловой	Карановой
»	193	»	3 снизу	ниже-при	ни же, — при
»	201	»	1 »	школы	иконы
»	202	»	2 сверху	*Ахрадскаго*	*Ахридскаго*
»	205	»	8 снизу	переписи	перемѣсь
»	207	»	5 сверху	а	и
»	224	»	8 »	Атл.	Англ.
»	224	»	1 снизу	не то	не до
»	235	»	9 »	странники	стратегики
»	241	»	17 сверху	потомившись	помаялись
»	242	»	2 »	лучшаго	луннаго
»	245	»	21 »	указали	указалъ
»	248	»	11 »	Штинъ	Штипъ
»	249	»	7 снизу	*христiанъ*	*крестьянъ*
»	250	»	18 сверху	почистились	поочистились
»	250	»	5 снизу	со стороны	съ той стороны
»	264	»	12 сверху	предоставиться	представиться
»	267	»	4 снизу	послѣдовательно	посмѣвательно
»	271	»	2 »	повѣшенъ	отрѣшонъ
»	276	»	6 »	имя	има
»	279	»	4 »	что	чего
»	281	»	2 сверху	Дн̄ъ	,зи̃з
»	281	»	17 »	*та*	*тха*
»	282	»	12 »	900	300
»	282	»	2 снизу	не метною	не лестною
»	289	»	2 сверху	ѕ̄	з̄
»	291	»	2 снизу	*протопа*	протопопа
»	292	»	6 сверху	скончаи	скончасе
»	296	»	2 »	12—2	12-я
»	297	»	15 »	зрѣнiе дѣянiю	зрѣнiю дѣянiе
»	300	»	16 »	*Патiя*	*Паисiя*

					Напечатано.	*Должно читать.*
Стран.	306	Строка	8	сверху	отъ	онъ
»	307	»	18	»	уже	ужъ
»	311	»	15	»	страшныя	странныя
»	324	»	4	»	глубоко	глубже
»	324	»	11	»	и тѣ	отъ
»	332	»	21	»	прочныхъ	огромныхъ
»	333	»	2	»	слово	словъ:
»	333	»	9	»	тѣхъ	этихъ
»	335	»	19	»	за	на
»	339	»	12	»	VII	VIII
»	343	»	16	»	полугоре и уляжется	поле, горе и уляжется
»	344	»	15	»	Помпеи	улицы Помпеи
»	344	»	2	снизу	назадъ	не разъ

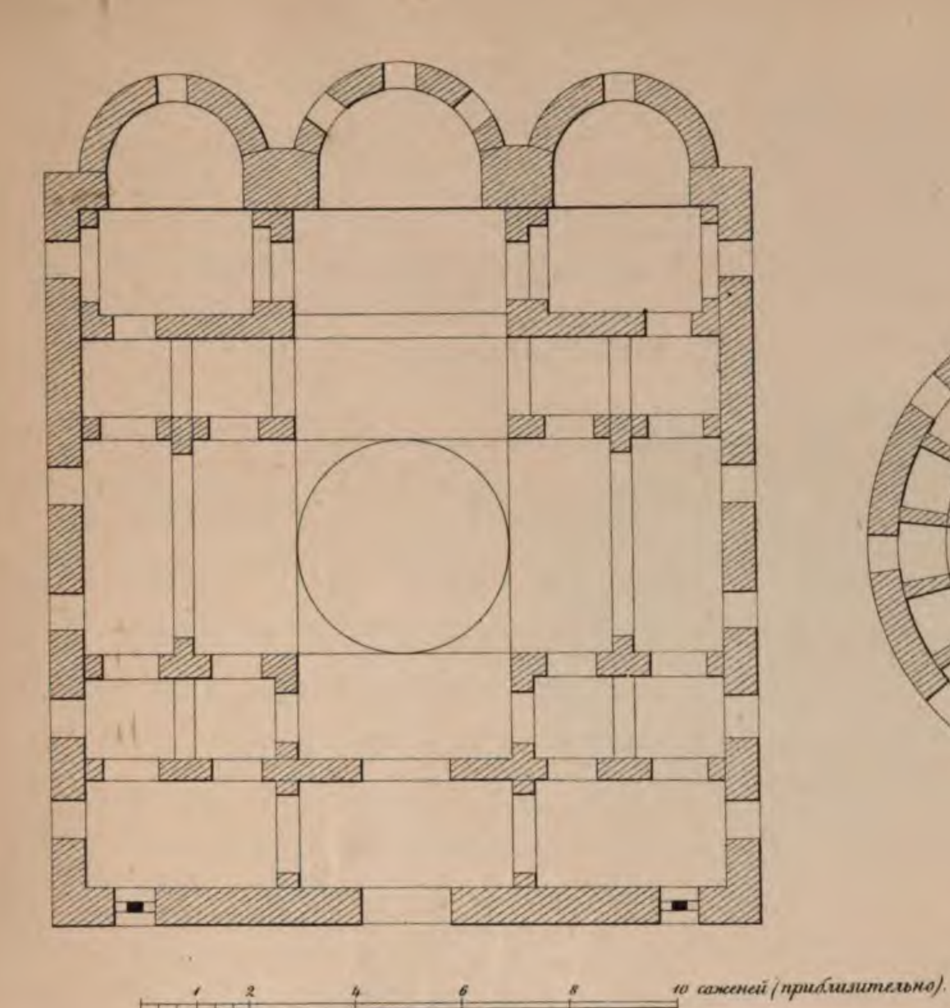

Гора РОДОПА (Деспото-Планина.)

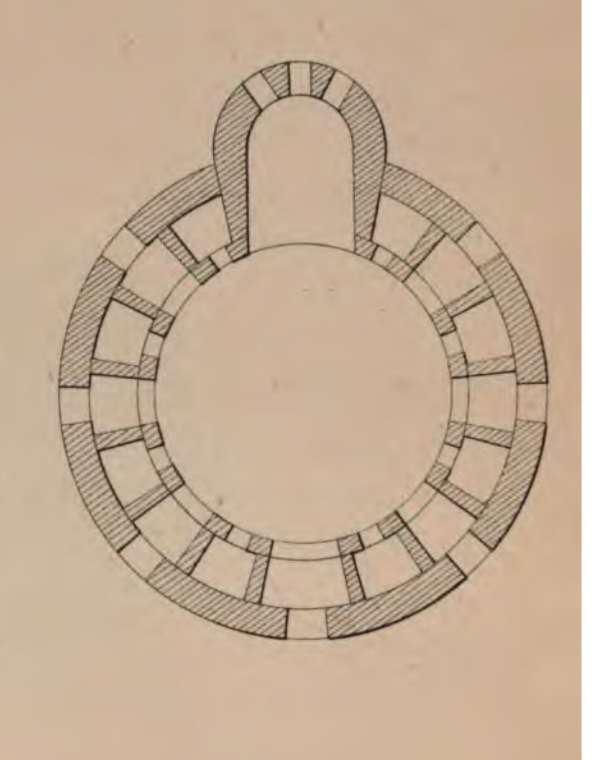
Ѳракійскій НЕАПОЛЬ (Кавала,)

Островъ ѲАСО.

Аѳонъ.

Планъ Церкви Св. Софiи въ Солунѣ.

Планъ Ротонды-тамъ же.

ΠΑΤΡΙΑΡΧΗϹ ΚΑΙΚΤΗΤΩΡ

ΙΟΥ ΣΕΚΟΥΝΔΟΣ ΚΑΙ ΚΑΣΣΑΝΔΡΑ ΟΙ ΙΟΥ
ΣΕΚΟΥΝΔΟΥ ΤΟΥ ΛΕΥΚΙΟΥ ΕΑΥΤΟΙΣ ΚΑΙ ΙΟΥ
ΣΕΚΟΥΝΔΩ ΤΩ ΛΕΥΚΙΟΥ ΚΑΘΩΣ ΔΙΕΘΕΣΕΝ

Μ ΑΙΛΙΟΣ ΠΑΡΑΜΟΝΟΣ
ΑΙΛΙΑ ΦΑΥΣΤΑ ΓΥΝΑΙΚΙ
ΚΑΙ ΕΑΥΤΩ ΖΩΝ
ΕΤΟΥΣ ΔΙΤ

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧΗΙ
ΕΤΟΥΣ·ΗΚ·Τ ΑΠΟΓΡΑΦΗ
ΕΦΗΒΩΝ ΤΩΝ ΕΦΗΒΕΥϹΑΝ
ΤΩΝ ΥΠΟ ΛΥϹΙΜΑΧΟΝ ϹΑΒΙ
ΔΙΑΝΟΥ ΤΟΝ ΕΦΗΒΑΡΧΟΝ
ΚΑΤΑ ΤΟ ΔΟΓΜΑ ΤΗϹ ΒΟΥΛΗϹ
ΚΛΑΥΔΙΟϹ ϹΕΡΗΝΟϹ·ΔΟ·ΚΟΥ· ΚΟΙΝΤΟϹ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟϹ ΚΑΙ ΕΙΟΥΛΙΟϹ ΙΜΑΡΚΙΑϹ
ΟΥΛΠΙΟϹ ΔΟΜΙΤΙΟϹ ΕΛΠΙΔΗΦΟΡΟϹ
ΕΥΤΥΧΙΩΝ ΜΑΚΕΔΟΝΙ ΧΟΥΑΝΙΚΗΤΟϹ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟϹ ΠΑΠΑ...ΔΡΩΒΥΟϹ
ΖΩΠΥΡΟϹ ΟΥΑΛΕΡΙΟΥ ΕϹΠΕΡΟΝ ϹΕΜΕΛΗϹ
ϹΟΥΔΙϹΚΑ...ΛΛΙϹΤΗϹΚΑ·ΦΙΛΟΜΕΝΟϹ
ϹΑΤΟΡΝΙΛΟϹ ΗΔΕΑϹ ΦΙΛΗΤΟϹ ΦΑΡΙΩΝΟϹ
ΦΗΛΙΞ ΝΙΚΟΜΗΔΟΥ
ΠΑΡΑΜΟΝΟϹ ΚΑΙ ΙΟΥΛΙϹ ΚΑΙ ΑΚΥΛΑϹ ΟΙ ΙΟΥΛΙΟΥ
ΓΑΙΟϹ ΚΑΙ ΠΑΡΑΜΟΝΟϹ ΟΙ ΓΑΙΟΥ
ΙΟΛΙΑΝΟϹ ΑϹΚΛΗΠΑ

Λ·ΙΟΥΛΙΟϹ ΕΠΑΦΡΟΔΕΙ
ΤΟϹ ΙΟΥΛΙ ΝΕΙΚΗΦΟ
Ρ ΚΑΙ ΙΟΥΛΙΑ ΡΩ ΜΗ
ΤΟΙϹ ΑΠΕΛΕΥΘΕΡΟΙϹ
ΜΝΗΜΗϹ ΧΑΡΙΝ
ΕΤΟΥϹ·ϹΙΤ

ΞΤΟΥΞ ΣΟΞ
ΞΤΩΝ ΚΒ
Ξ·ΠΞΔΙΞ
ΛΥΚΟΝΤΟΝ
ΑΔΞΛΦΙΔΙΗΡΟΞΞ
ΝΩΞΤΟΝ ΥΟΝ
ΜΝΗΜΗΞ ΧΑΡΙΝ

ΜΕΝΑΝΔΡΟΣ ΠΑΡΜΕΝΩΝΟΣ
ΑΝΝΙΒΑΙ ΜΕΘΩΝΑΔΟΥ
ΜΕΘΩΝΑΔΗΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ
Η Ρ Ω Σ Ι

D M
EPICTETO
NVTRICIO
MVLVIA·C·F·PIA
CIDA·PATRONA
TADI·NEPOTIS·LEG
PRO·PR·PRO·VINC
MACEDONIAE

LDLL
ΛΙϹ

Γ ΠΕΔΟΥΚΑΙΟϹ ΤΡΙΑΚΑΔΙΩΝ ΚΑΙ
ΤΕΙΑ ΠΑΡΑΜΟΝΑ ΚΑΙ ϹΑΒΕΙΝΑ ΤΩ
ΤΕΚΝΩ ΖΩΝΤΕϹ ΕΑΥΤΟΙϹ Ε
ΠΟΙΗϹΑΝ

ΚΛΑΥΔΙΑΝΟϹ
ΠΑΡΑΜΟΝΟϹ
ΚΟΥΡΙΑΤΙΩ
ΤΡΟΦΙΜΩ ΤΩ
ΦΙΛΩ

ΒΟΥΛΗ ΚΑΙ ΔΤ
ΝΕΝ ΔΕ ΠΛΕΙΤΑΙ ΕΜ
ΕΠΙ ΝΓΑΡΤΟΙ ΑΥΤΑ

ΠΛΟΥϹΙΟΥ ΕΤΟΥϹ ΑΝ
Η

ΡΟΤΙΝ
ΜΕΡΟΥΤΩΝ ΚΑΘΟϹΙΩ
ΜΕΝΩΝ ϹΕΚΟΥΝΔΑΝΩϹ

ΜΑΡΤΥΡΙΟΥ ΠΡ
ΕϹΒϚ ΚΑΙ ΔΗΜ
ΗΤΡΙω ΑΝΑΓΝ
ωϚ 1.

ΝΟΥ
ΟΙΚΟΝϚ
ΠΡΕϹΒϚ 2.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
ΔΡΟϹΕΡΙΑϹ ΖΩ
ϹΙΜΙΑΝϹΙΟΑΝΑϹ 3.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΔΙΟΓΕΝΟΥϹ
ΚΑΙ ΤΗϹ ΤΟΥ
ΤΟΥ ΑΔΕΛΦΗϹ
ΠΡΟΚΟΠΙΑϹ 4.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΔΡΟϹΕΡΙΑϹ
Κ ΕΥΔΟΞΙΑϹ: Κ ΑΝΘΕ
ΜΙΟΥ ΙΑΤΡΟΥ: Κ ΤΗϹ ϹΥΜ
ΒΙΟΥ ΑΥΤΟΥ ϹΟΦΙΑϹ † 5.

ΜΗΜΟΡΙ
ΟΝ ΤΩΝ
ΑΓΙΩΝ
ΠΕΤΡΟΥ
ΚΑΙ ΠΑΥ
ΛΟΥ 9.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΙΟΡ
ΔΑΝΟΥ ΙΠΠΟ ΙΑΤΡΟΥ
ΚΑΙ ΤΗϹ ϹΥΜΒΙΟΥ ΑΥ
ΤΟΥ ΔΗΜΙΤΡΙΑϹ 14.

ΔΟΥΛΟ
ΠΡΟΚΟΠΗ 18.

ΙΧ ΘΥϹ Χ ΜΓ
† Α † Ω †
ΜΗΜΟΡΙΑ ΔΥΟ
ΕΝΑ ΔΟΥΛΚΙΤΙΟΥ
ΨΑΛΤΟΥ ΚΑΙ ΤΟ
ΕΝΑ ΜΑΥΡΟΥ
ΟΙΚΟΔΟΜΟΥ ΚΑΙ
ΤΗϹ ϹΥΜΒΙΟΥ
ΑΥΤΟΥ ΔΟΜΝΙ
ΝΑϹ † 6.
ΕΜΜΑΝΟΥΗΛ
ΕΛΕΗϹΟΝ
ΗΜΑϹ

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΑΙ
ϹΥΔΟΞΙΟΥ ΠΡΕϹΒΥ
ΚΑΙ ΤΟΥ ΑΜΑΡΤΟΥΛΟ
ΙΩΑΝΝΟΥ ΔΙΑΚΟΝΟ 10.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΓΛΑΥΚΟΥ
ΠΑΡΑΜΟΝΙΟΥ ΝΟϹ
ΜΒΙΟΥ 15.

ΚΕ ΒΟΗΘ
Ι ΤΟΥ ΔΟ
ΥΛΟΥ ϹΟΥ
Β ϹΟΡΓΗ
ΑΜΗΝ 18.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ϹΩΦΙΑϹ ΚΑΙ ΚΑΛΛΙ
ΚΡΑΤΟΥ ϹΤΡΑΤΙΟΥΤΟΥ 11.

ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΔΗ
ΑΦΕΡΟΝΤΑ ΙΩ
ΑΝΝΟΥ ΘΩΝΙΑ
ΚΟΥ ΚΑΙ ΤΗϹ ϹΥΜ
ΒΙΟΥ ΑΥΤΟΥ ΔΑ
ΜΗ 16.

ΚΕ ΒΟΗΘ
ΤΟΥ ΔΟΛΟΥ ϹΟ
ΠΑΠΑ ΙΟΑΝ
ΟΥ ΑΜΗΝ 18.

† ΒΟΗ
ΘΗ ΤΟΥ
ΔΟΥΛΟΥ ϹΟΥ ΑΝΤΩΝ...

ΟΜΗΝΟϹ ΚΕ ΤΟΥ
ΟΥΝΔΟΥ ΒΕΡΝ...
ΟΥΔΓΟΥ ΘΕ...
ΔΟΡΟΥ

† ΜΗΜΟ
ΚΑΙ ΤΗϹ
ΑΝΑΤΙ
ΤΗΝ ΤΟΥ
12.
ϹΙΝ ΑϹ

† ΜΗΜΟΡΙΟΝ
ΘΕΟΔΟϹΙΑϹ
ΚΑϹΠΙΛΙΑϹ
ΠΑΡΘΕΝΩΝ 17.

7.
ΜΗΜΟΡΙΟΝ ΘΕΟ
ΔΟΓΙΑ Γ ΔΙΑΚΟΝΟΥ
ΚΑΙ ΑΓ ΠΗΛΙΑϹ
ΚΑΙ ΑΓΑΘΟΚΛΗ
Α ϹΠΑΡΘΕΝΟΝ

ΙΟΝ †
ΓΙΟΥΓΟΥ
ΑΙ ΤΗϹ Ϲ
ΤΟΥ Κ
ΗϹ † 13

ΜΗ ΜΟΡΙΟΝ
ΑΓΑΘΩΚΛΙ
ΑϹ ΠΑΡΘΕΝ
ΝΟΥ
ΚΑΙ ΔΙΑΚΩΝΟΥ 8.

ОДИНЪ ИЗЪ МОГИЛЬНЫХЪ СКЛЕПОВЪ.

MEMORIA
MARCILLI
NE
19

ХС
НК ✳ Н
ЗА

† Сіа чтнс ткрьсть ѿ сті ѿ слчи остав льно ѿ Руфаилъ наичко дар то ін чѿ к р

† ИЗВОЛЕНИЕМ ОЧА ...
НА И СФЕТАГО ДХА И ААСЕЗНАЕ
МОНАХЬ КЫ ПРИАНЬ ѿ СЕЛО · СКРЕБЛА
ВАЛЕТО ЗРМS МЕСЕЧА СЕПТЕВРІА В.

ВЬХ А4 КА
ВЕРЕНЬ КРА
МАРКО

ЛѢТО ЗФД
СПѠ АНИ ЕПП
ФЕД

ΕΤΟΣ ...
ΦΛΑΟΥΙΑ
ΝΕΙΚΗ ΝΕΙΚΑΝ
ΔΡΟΥΑΠΟΛ
ΛΩΝΙΕΤΕΥΔ
ΑΝΙΣΚΩΕΥΧΗΝ

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟ
ΤΕΥΔΑΝΩ
ΤΦΛΑΟΥΙΟΣ
ΑΝΤΙΓΟΝΟΥΥ
ΙΟΣ ΑΠΟΛΛΟ
ΔΩΡΟΣΕΥΞΑ
ΜΕΝΟΣ

ΕΚΟΙΜΗΘΗ ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΥ
ΝΙΚΟΛΑΟΣ Ο ΤΟΣΟΥΝΣΗΝΙ
ΑΥΓΟΥΣΤΟ ΗΜΕΡ'Κ Α ΕΠΗ
ΤΗΣ ΒΑΣΗΛΕΙΑΣ Σ ΤΕΦΑ
.... ΕΝΕΤΗ
.... ΥΣ
....
.... ΚΟΛ
.... ΙΛΛΗΑΡΗ
.... ΡΣΦΝ

† ...
РАБЬ БЕИ ДА БИЖ
ВЬ : ЕНОХНГАРЬ
ОУРОША ВЬСЕ СРЬ
СКНЕ ЗЕМЛЕ : ГР
СКИЕ И ПОМОРС
ВЬ ЛѢ , З : Ѡ :
СНКТА : ЕІ :

S ЕФ НОСЕНХ ѠѠ ѠѠ ПІ S ѠСКРАЛНСКА'АВѠ
КРА ѠАПАСНС'РВІАСК ПАРАѲАЛАСІАС.

ΤΟΝ ΜΕΓΙΣΤΟΝ ΚΑΙ Θ
ΕΙΟΤΑΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ
ΚΑΙΣΑΡΑ ΛΟΥΚΙΟΝ ΣΕΠ
ΤΙΜΙΟΝ ΣΕΟΥΗΡΟΝ ΟΥΛΠΙ
ΑΕΙΣΙΔΩΡΑ Η ΚΑΙ ΣΑΡΑΠΙ
ΑΣ ΚΑΙ ΑΥΡΗΛΙΟΣ ΑΝΤΙ
ΓΟΝΟΣ Ο ΕΜ Ν

..... ΕΙΚΟΤΥΧΗ
ΔΑΓΑΛΜΑ
ΚΚΗΙΑΝΟΣ
ΕΥΞΕΠΑΡΑΒ
ΠΙΓΟΝΗΤΕ
ΟΜΟΥΕΥΝΟ
ΜΑΙΜΑΙΜΟΣ

...ΟΕΜΒΡ ..... ΑΡΑΣΚΕΥ
...ΥΣΑΤΟΣ ..... ΚΑΡΚΩ
...ΞΝΑΜΥ ..... ΗΣ ΟΝ
...ΕΞΑΜΕ ..... ΑΓΙΟΙΑΠ
...ΝΟΙΚΜΑ ..... ΑΙΣ ΠΡΟ
...ΤΑΙΤΟΛ ..... ΠΟΤΗ
...ΣΡΙΧΟΛΠΡ ... ΕΥΟΝΤΕ
...ΑΗΝΑΙΤ ... ΥΧΗ ...
ΑΥΤΟΥ

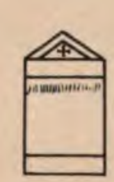
ΑΥ. ΙΟΥΛΙΑΝΟΣ
ΑΥ. ΑΜΙΑΝΤΗΝ
ΣΥΜΒΙΟΝ
ΙΣΑΡΤΕΜΙΝ
ΑΝΕΘΗΚΟΝ
ΚΑΤΑΚΕΛΕΥΣΙΝ
ΤΗΣ ΘΕΟΥ

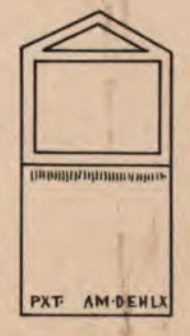
ΙΔΙΟΝΟΗΟΣ ΑΟΝΟΜΑΤΙ ΣΥΡΙΝ
ΩΗΛΝΕΤΝΙ ΧΑΗ ΣΙΣΜΗΤΟΝ ΖΩ
ΟΙ ΥΝΕΟΝ ΟΝΜΕ ΣΑΤΗ ΚΕΔΕΣ
ΙΣ ΝΙΝΤ ΤΗ ΘΕΟΥ ΣΩΟΛΗ
ΕΡΟΣ ΑΝΣΙ
ΔΗΣΙ
ΣΕ

ΕΤΟΥΣ ...
ΦΡΟΝΤΩΝ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ
ΣΤΥΒΕΡΡΑΙΟΣ
Ο ΑΝΤΑΡΧΩΝ
ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΤΟΥ ΥΟΥ
ΤΟΥ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥ
ΤΟΥΣ ΚΕΙΟΝΕΣ
ΕΠΟΙΗ

...ΥΛΙΑ ΑΛΕΞΑΝΔΡΑ ΓΙΟ
... ΑΛΕΞΑΝΔΡΩ ΤΩ ΥΙ
... ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ ΑΝΤ
...ΙΟΥΙΟΥΛΙΑ ΑΛΕΞΑΝΔΡΑΤ
...ΤΡΙΣΚ ΤΩΝ ΙΔΙΩΝ ΕΣΤΗ

ΕΝΘΑΔΕ ΚΙ ΕΣ ΠΟΥΡΚΙ
ΩΝ ΣΤΡΑΤΙΩ ΚΑΛΩΣ ΠΡΕΥ
ΘΙΣ ΤΩΝ ΤΗΣ ΖΩΗΣ ΠΡΟΣ ΚΕΡΟΥ
ΧΡΟΝΩΝ ΣΕΜΝΩΣ ΔΕ ΜΕΤΑΣΤΑΣ ΤΟΥ
ΕΝ ΕΥΣΕΒΙ ΩΝ ΙΝΔ Π Μ ΙΟΥΛΙΟΥ
ΚΕ Η Ε ΩΝ ΠΡΟΣΔΕΞΑΜΕΝΟΣ
ΧΕΑΝ ΑΝΑΠΑΥΣΩΝ ΕΥΧΕΣΤΩ
ΑΓΙΩΝ ΘΣ †

C.IVLIVS BASSVS C.F. MA
PELAGO·MIS·VETE·EXL
VIII AVG·MIL·ANN·X
VIXIT ANN LXXV·H·R·D
C.IVLIVS CAFNIALIS·E
C.IVLIVS OLVMPVS·E
C.IVLIVS EXPEDITVS E
C.IVLIVS FELIX

PXT AM·DEN

ΠΑΡΑΦΙΛΙΠΠΟΥΤΟΥΠΟΣΙΔΙΠΠΟΥ›ΟΡΕΣΤΟΥ
ΤΟΥΟΡΕΣΤΟΥΤΡΑΛΛΘΟΥΓΟΥΜΑΚΝΟΥΤΩΝΑΠΟΚΛΗ
ΡΩΘΕΝΤΩΝΠΡΟΕΔΡΩΝΔΟΓΜΑΤΟΣΑΜΓΡΑΦΗΤΗΣ
ΤΟΥΔΑΙΣΙΟΥΜΗΝΟΣΤΟΥΓΜΣΕΤΟΥΣΤΩΝ
ΠΕΡΙΒΑ·ΑΡΟΙΙΦΙΛΙΠΠΙΟΥΕΝΔΕΡΡΙΟΠΩΠΟΛΙ
ΤΑΡΧΩΝΣΥΝΑΓΑΓΟΝΤΩΝΤΟΒΟΥΛΕΥΤΗΡΙΟΝ
ΚΦΙΛΩΝΟΣΤΟΥΚΟΝΩΝΟΣΠΟΗΣΑΜΕΝΟΥΛΟ
ΓΟΥΣΠΕΡΙΙΟΥΕΤΤΙΟΥΦΙΛΩΝΟΣΤΟΥΘΕΙΟΥ
ΚΠΡΟΣΑΝΓΕΙΛΛΑΝΤΟΣΟΤΙΚΤΡΩΝΤΗΣΑΥΤΟΥΠΑ'
ΡΔΑΕΤΕΙΜΗΣΕΜΕΓΑΛΩΣΚΤΕΛΕΥΤΩΝΟΥΔΕΤΗΣ
ΚΑΤΑΤΗΝΒΟΥΛΗΝΕΜΗΣΗΜΕΛΗΣΕΝΑΛΛΑΦΗΚΕΝ
ΑΥΤΗΚΑΤΑΔΙΑΘΗΚΗΝΔ'ΛΦ›ΕΦΩΕΚΤΩΝΚΑΤΕ
ΝΙΑΥΤΟΝΕΞΑΥΤΩΝΓΕΙΝΟΜΕΝΩΝΤΟΚΩΝ

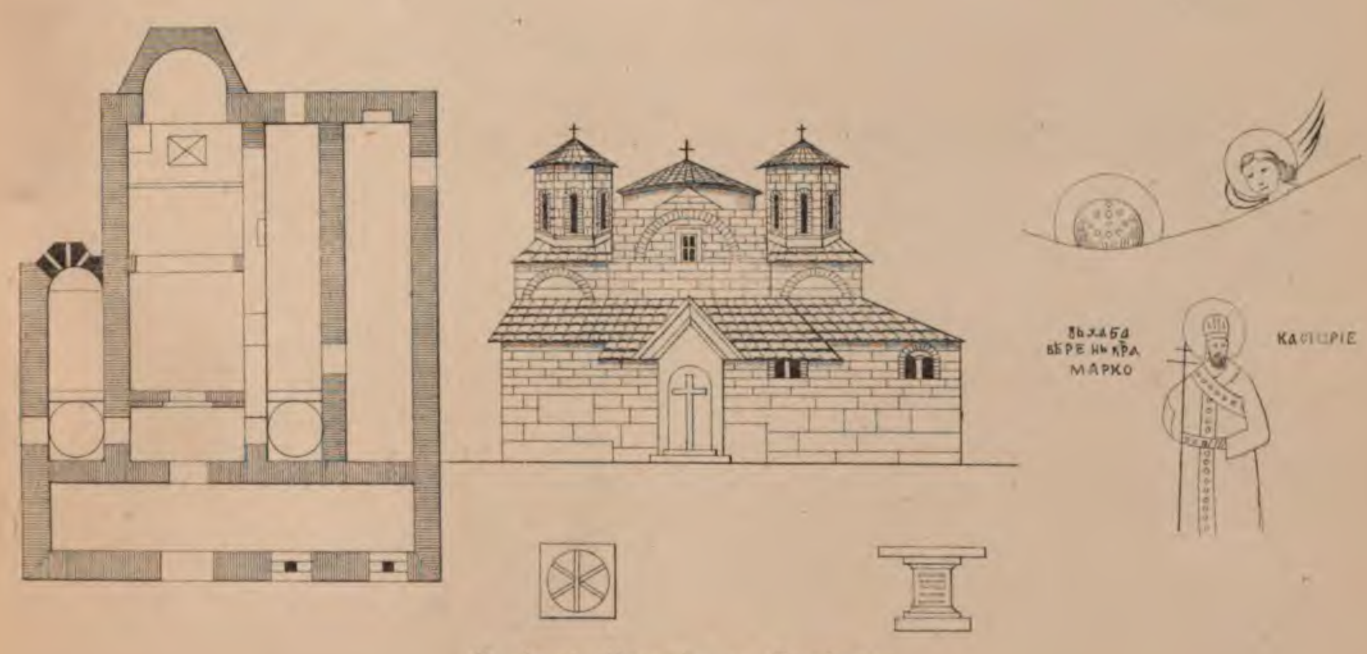
ΗΜΕΡΑΗΑΓΟΥΣΑΟΥΕΤΤΙΟΥΒΩΛΑΝΟΥΕΟΡΤΑ
ΣΙΜΟΝΕΥΩΧΗΤΑΙΤΗΠΡΟΔΕΚΑΤΕΣΣΑΡΩΝ
ΚΑΛΑΝΔΩΝΝΟΕΜΒΡΙΩΝΕΔΟΞΕΝΤΗΒΟΥΛΗ
ΤΗΝΤΟΥΑΝΔΡΟΣΣΕΜΝΟΤΗΤΑΚΒΟΥΛΗΣΙΝ
ΑΠΟΔΕΞΑΣΘΑΙΕΠΙΤΕΤΑΙΣΥΠΑΥΤΟΥΚΑΤΑ
ΤΗΝΔΙΑΘΗΚΗΝΓΕΓΡΑΜΜΕΝΑΙΣΑΙΡΕΣΙΝ
ΤΟΤ'ΑΡΓΥΡΙΟΝΛΑΒΕΙΝΚΚΑΤΕΝΙΑΥΤΟΝΑΓΕΙΗ
ΤΗΝΤΟΥΟΥΕΤΤΙΟΥΒΩΛΑΝΟΥΕΟΡΤΑΣΙΜΟΝΕΚ
ΤΩΝΤΟΚΩΝΗΜΕΡΑΝΚΑΙΜΗΤΕΤΟΥΠΡΟΓΕΓΡΑΜΜΕ
ΝΟΥΚΕΦΑΛΑΙΟΥΑΠΑΝΑΛΙΣΚΕΙΝΤΙΕΙΣΕΤΕΡΑΝ
ΧΡΕΙΑΝΜΗΤΕΤΟΥΚΑΤΕΝΙΑΥΤΟΝΓΙΝΟΜΕΝΟΥΤΟ
ΚΟΥΑΛΛΩΣΟΔΟΥΣΦΙΛΩΝΗΘΕΛΗΣΕΝΤΟΤ'ΑΡ
ΓΥΡΙΟΝΗΡΙΘΜΗΣΑΤΟΚΑΙΠΑΡΕΛΑΒΕΝΟΕΠΙΜΕΛΗ
ΤΗΣΤΩΝΤΗΣΒΟΛΗΣΔΗΝΑΡΙΩΝΛΟΥΚΙΟΣ
ΛΟΥΚΡΗΤΙΟΣΠΟΥΔΗΣ

Хребетъ: СУ́ХА-ГО́РА, предположительно древняя БОРА (откуда: ИПЕРБОРЕИ)
Видъ отъ Вошпоранъ.)

Гора, Перистери (надъ, Битолемъ.)

Церковъ Успенія въ Трескавцѣ.

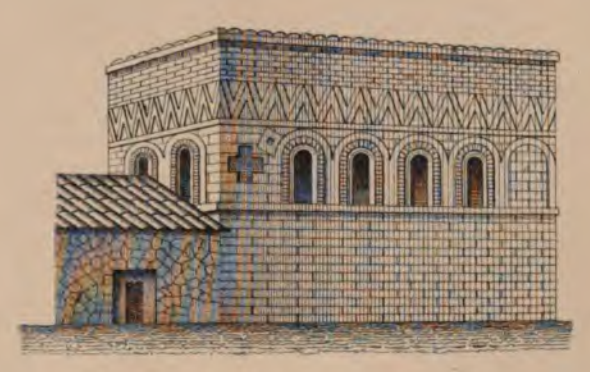
Видъ Успенской Церкви съ Востока.

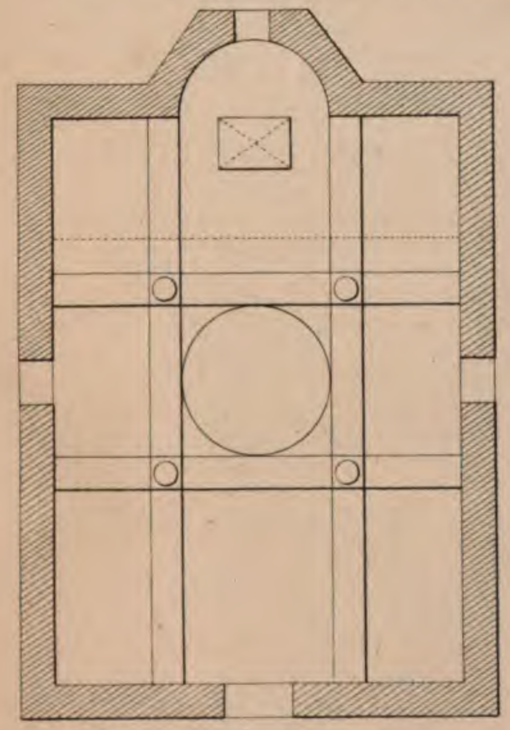
Видъ Успенской Церкви съ Сѣвера.

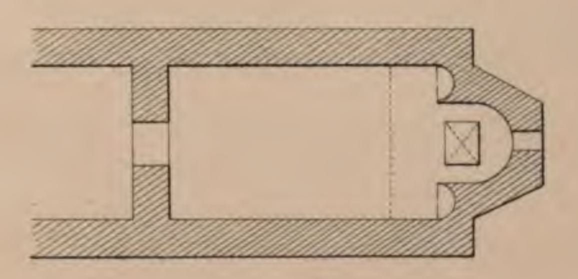
Церковь Св. Дмитрія въ Варошѣ.

Церковь Св. Николая въ Варошѣ.

Планъ Церкви Св. Петки (Параскевы) въ Варошѣ.

Планъ Церкви Св. Николая.

1 2 3 4 5 6 *фр метровъ.*

